К·Н·БАТЮШКОВ
II

К·Н·БАТЮШКОВ
сочинения

К·Н·БАТЮШКОВ

сочинения
в двух томах

К·Н·БАТЮШКОВ

сочинения в двух томах

Москва

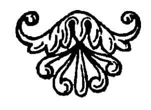
·художественная литература·
1989

К·Н·БАТЮШКОВ

сочинения·том второй

Из записных книжек

Письма



Москва

·художественная литература·
1989

ББК 84Р1
Б28

Составление, подготовка текста,
комментарии
А. Л. Зорина

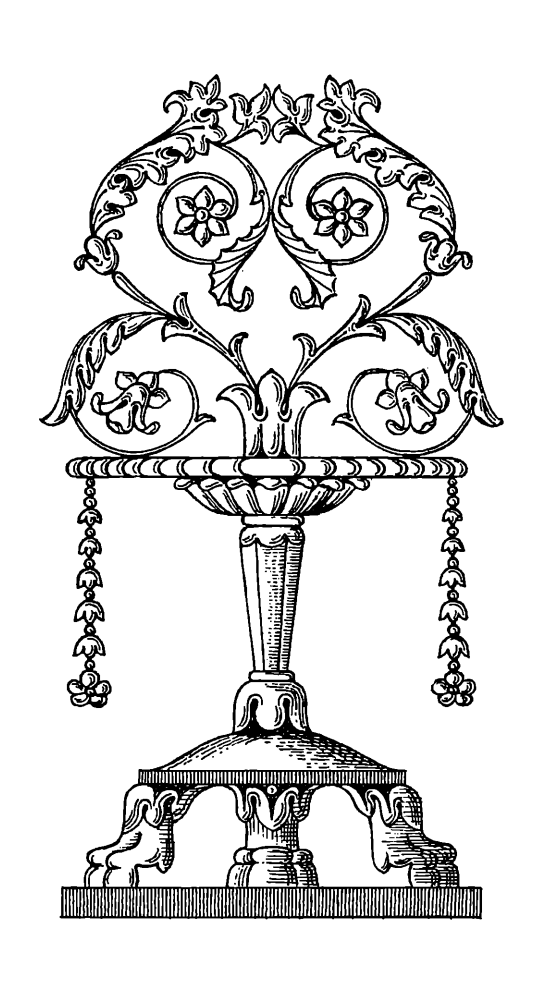
Разделы <Листы из записной тетради 1809—1810 гг.>
и <Наброски и планы незавершенных произведений>
подготовлены
В. А. Кошелевым

Оформление художника
Г. Котляровой

Б $\frac{4702010106\text{-}180}{028(01)\text{-}89}$ 2-89

ISBN 5-280-00492-8 (Т. 2)
ISBN 5-280-00490-1

Из записных книжек



Листы из записной тетради 1809—1810 гг.

ИЗ «АМИНТЫ» ТАССОВОЙ

Под тенью прекрасного вяза Сильвия и Филлида сидели со мной, как вдруг пчелки, собирающие мед с цветущей долины, прилетели на ланиты Филлиды, на ланиты румяные, как розы, и укусили их с жадностью: обманутые, может быть, сходством их с розою. Филлида жаловалась и плакала от нестерпимой боли, и Сильвия, тронутая ее горестью, сказала: «Молчи, молчи, не плачь, Филлида, я умягчу боль волшебными словами; тайну сию мне поведала мудрая Артезия и в награду получила костяной рог, украшенный золотом». Сказав сие, она приближила прекрасные, сладостные уста свои к укушенной ланите и нежным голосом своим шептала не знаю какие-то стихи.

Чудное действие! — боль исчезла от волшебных слов или, может быть, от милых уст, которые имеют силу излечить все, чего касаются. Я до сих пор желал только видеть Сильвины глаза, наслаждаться, слушая сладостной ее голос, который сладостнее журчания тихого ручья, текущего меж утлых пней, и дыха<ния> Зефира, веющего меж ветвей древесных; но в сию минуту пожелал я коснуться губ ее.

Я сделался смел, откуда взялась хитрость? — любовь всему научит! — и я решился на обман, чрез который получил желаемое. Притворясь, будто бы пчела меня укусила, я плакал и кричал. Язык не смел просить помочи Сильвиной, но лице мое оную требовало. И невинная пастушка, сожалея о моем горе, пришла мне на помощь. Увы, она растравила рану истинную, коснувшись устами своими моих уст. Никогда пчелы не собирают с цветов столь сладких соков, как в то время я вкусил со свежих роз ее. Смелость и стыд обуздали желание умножить

пламенные поцелуи. Но между тем, как сладость сия, смешанная с ядом, лилась пламенною рекою в душу, я все жаловался на боль, и Сильвия повторила волшебство.

Латона убегала мщения Юноны. Проходя Ликию, она остановилась у озера, обремененная драгоценною ношею, детьми своими, и томимая жаждою.— Тогда был полдень, солнце палило зноем весь пустынный край. Латона приближается к озеру и просит пахарей, режущих камыш, позволения почерпнуть в озере.— Они оттолкнули несчастную! — «И в воде отказывают, в воде, которая принадлежит всякому!» — «Но я вас молю не о себе, о детях, прошу одной капли, и жизнь моя, и жизнь детей моих спасены!» — Мальчики протягивали руки... а варвары изверги руками, ногами и самим камышом возмущали воду, чтоб богиня не могла утолить в ней жажды своей. Гнев блистает в глазах ее. «Несчастные,— говорит она,— живите вечно в этой воде!» И человеческий образ жестоких пахарей изменяется, они принимают вид лягушек, которые населяют наши болота.

Какая прекрасная басня! — а таковых в мифологии, в неисчерпаемом кладезе красот, бездна!

Молодой Алкивиад говорит в первый раз перед афинским народом. Посреди речи своей он выпустил из рук титру... и народ бросился толпою ловить ее.— К этому можно заметить: первое, что Алкивиад знает народ, был не только остроумен, но и глубокомыслен; второе, что народ всегда увлечен более видимыми предметами, нежели рассудком.

Семья Пизистратова требовала Лициния за причиненную обиду молодым человеком его дочери. Он ответил: «За то, что только обнял ее? — Если мы будем ненавидеть или наказывать тех, кто нас любит, что ж учиним с теми, которые ненавидят?»

Богач хвалил честного человека таким образом: «Он пример, образец людей; я его знаю уже более двадцати лет; он беден, но никогда у меня гроша не просил».

Un des plus magnifiques morceaux, et peut être, le plus beaux qui ait écrit Thômas, c'est celui qui termine son admirable éloge de Marc Aurile: «Mais toi qui vas succéder à ce grand homme, ô fils de Marc Aurile (Commode), songe au fordeau que t'ont imposé les Dieux; songe aux devoirs de celui qui commande, aux droit de ceux qui obéissent. Destiné à régner, il faut que tu Soi, ou le plus juste, ou le plus coupable des hommes. On te dira bientôt que tu es tout puissant: on te trompera. Les bornes de ton autorité sont dans les lois. On te dira encore que tu est grand, que tu es adoré de tes peuples. Ecoute: guand Neron eut empoisonné son frère on lui dit qu'il avait sauvé Rome, quand il eut fait égorger sa femme, on loua devant lui sa justice: quand il eut assassiné sa mère, on baisa sa main parricide, et l'on courrit aux temples remercier les Dieux. Ne te laisse pas non plus éblouir par les respects. Si tu n'as de vertu on te rendra des hommages, et l'on te haîra. Crois-moi, on n'abuse point les peuples, la justice outragée veille dans tous les coeurs. Maître du monde tu peux m'ordonner mourir mais non de t'estimer».

Mirabeau ajuote: «Dieu, que le mouvement est beau. Ecoute, quand Neron eut empoisonné son frère... Mas où sont les Rois qui lisent?» [1]

Погребение у древних было род таинства. Оно проходило следующим образом, по словам Виргилия.— Сооружали костер из разных деревьев, который украшали кипарисами, надгробными светильниками, и если усопший был воин, то обвешивали оной оружиями, мечом, щитом

---

[1] Один из блистательных фрагментов и, быть может, самое прекрасное из того, что написал Тома, завершает его восхитительную похвалу Марку Аврелию: «Но ты, который будешь наследовать этому великому человеку, о сын Марка Аврелия (Коммод), думай о грузе, который возложили на тебя боги. Думай о долге того, кто повелевает, и о правах тех, кто подчиняется. Предназначенный судьбой управлять, ты будешь или самым справедливым, или самым преступным. Скоро люди тебе скажут, что ты всемогущ. Они обманут тебя. Пределы твоей власти установлены законом. Тебе еще скажут, что ты велик, что подданные тебя обожают. Слушай: когда Нерон отравил своего брата, ему сказали, что он спас Рим; когда он перерезал горло своей жене, перед ним выхваляли его справедливость; когда он убил мать, ему целовали его преступную руку и бежали во храмы благодарить богов. Не дай себя обольстить знаками уважения: если ты не будешь добродетелен, люди будут воздавать тебе почести — и ненавидеть тебя. Поверь мне, люди не заблуждаются, оскорбленное правосудие бодрствует во всех сердцах. Владыка мира, ты можешь заставить меня умереть, но не заставишь уважать тебя».

Мирабо добавляет: «Боже, как прекрасно это движение. Слушай, когда Нерон отравил своего брата... Но где они, читающие короли?» *(фр.)*

и пр. К костру поэта обыкновенно прилагали сверх него лиру. В медных сосудах кипела вода с разными благовониями, в сей воде умывали тело усопшего. Костер устлан был багряницей, усеян цветами и травами! Родные, по древнему обыкновению, как говорит Виргилий, приносили тело на костер, который был зажжен священником. Прах был омочен излияниями вина в честь мертвого; его сбирали в урну, плача и рыдая (известно, что римляне нанимали плакуш). Предстоящие трижды бывали окроплены священной водой (actio in distans [1]) — для окропления обыкновенно употреблялись лавровые ветви.

Эней приказал вырезать на гробнице Мизена лиру, оружие и весло. Он был товарищ Гектора и Энея. Сидя на берегу морском, в Италии, он вызвал морских богов состязаться на лире, и Тритон раздавил его о берег — конечно, из зависти! Смотри «Энеиду», книгу IV.

Троя во времена Александровы была уже деревнею, а ныне и следов города нет. Однако же путешественники утверждают, что все описания земли, окружав<шей> прежде бывшую Троаду, справедливы, что и доказывает, что Гомер писал на полях Троянских свою «Илиаду».

Юнону некогда изображали древние с месяцем на голове. Она часто принимала имя *мены*, т<о> е<сть> изливающею власть свою на женский пол ежемесячно.

Тибур ныне называют Тиволи. Все в истории переменилось, кроме климата.

Египтяне во время летнего равноденствия имели обыкновение красить дома свои красною краской в память падения Фаетонта.

Кумы, город, лежит три мили от Неаполя. Здесь был вход в Цивиллину пещеру. Город сей славился красотой сосудов. Плиний описывает материю, из которой они приготовлялись, описание сие сходствует с нашим фарфором (древние не знали сего изобретения). Сосуды сии были драгоценностию, украшением дворцов и храмов.

[1] действие на расстоянии *(лат.)*.

Нерон, говорит Плиний, не стыдился собирать черепки разбитых сосудов и изрывать им могилу, как будто праху Александрову.

Сидон есть город финикийский, соседственный Тиру. Он и ныне существует под именем Занда или Сенда.

Надежду древние представляли в виде женщины, увенчанной цветами и класами, держащей в руках мак и отпрыски. Одна рука ее опиралась на стол; перед ней улей.

Календы были по хронологии римлян первые дни месяцев. Они были посвящены Юноне. Месяцы римлян сохранили и у нас свои имена. Генварь назван от Януса, бога времени. Месяц февраль от празднества очищения всего народа, называемого *февруаль*. Март от бога войны, сей месяц был ему посвящен. Апрель от слова aperire, раскрывать, ибо в сей месяц земля раскрывает свое лоно. Май от Маии, матери Меркурия. Июнь от Юноны. Июль дан во имя Юлия Кесаря, так как и месяц август назван во имя императора Августа. Другие месяцы названы по числу своему, начиная счет с марта, ибо с него начинался год.

Дни наши как воды Пенея: один за другим следуют и теснятся в вечности; юность протекает, смерть приближается быстрыми шагами — но мы наслаждаемся. Исчерпаем же наслаждения, дабы смерть нас застала преисполненными радостью и жизней, и мы оставим свет, как гость оставляет шумный пир.— Лантье.

Или:

На крыльях улетают годы:
Дни наши, как Пенея воды,
Теснятся в глубине морской;
Смерть идет быстрыми стопами,
И хладными уже перстами
Снег сыплет над моей главой.
Как цвет весенний, вянет радость...
Итак, пускай среди друзей
Меня застанет хладна старость
В объятьях Делии моей.

Как гость, весельем пресыщенный,
Роскошный оставляет пир,
Так я, любовью упоенный,
Усну... при шуме сладком лир.

О Дельфийском храме повествуют, что козы случайно забрели к земному отверстию на Парнасе, извергающему мефитические испарения; напитавшись оными, остались некоторое время с сильными судорогами. Проникшие туда Пастух и Жители вдыхают вредные испарения и в отсутствие разума произносят несвязные изречения. Слова сии были приняты за пророческие предсказания, а испарение отверстия — божественным дуновением, вдыхающим силу пророческих слов. Суеверия вообще имеют одинаковые, простые начала!

Фиады, или Вакханки — все едино. Они соединялись в Дельфах и вместе отправлялись шумной толпой на высоты Парнаса, там в тишине и безмолвии праздновать Вакховы победы. Их исступление было ужасно и, кажется, от одной вдохновенной приставало к другой и так далее. Невероятное неистовство сих женщин не покажется столь удивительным, когда мы вспомним, что гречанки были чувствительны, имели пылкое воображение, способны принимать сильные впечатления. Часто толпы их, как потоки, разливались по стогнам, по городам, по целым землям, неся повсюду опустошение и разврат. Нагие, с растрепанны<ми> власами, с тирсами в руках, они испускали ужасные вопли. Я читал, помнится, что женщины, подверженные истерическим припадкам, сообщают их своим подругам, так что в обществах нередко одна, после одной другая теряет чувства. Замечено, что в общественных несчастиях, как, напр<имер>, во время Французской революции, женщины бывают чаще подвержены сим слабостям. Итак, мудрено ли, что одна из Фиад, нарочно произносящая ужасный вопль с кривлянием, с судорогами, сообщала другим, невольно сим заражающимся?

Сын Клиниев Алкивиад имел прекрасную собаку, заплаченную 70 миноф (около 1500 р.).— Афиняне, народ праздной, бегали, занимались ею — но долго ли? — Прелесть новости исчезает скоро в глазах женщин и народа. Алкивиад велел отрубить хвост собаке своей,

и народ снова начал заниматься, говорить, бегать за нею. Алкивиад это хотел,— пусть они утешаются этой игрушкой и на время забудут меня.— Ибо он предпринял тогда порабощение республики присвоением себе верховной власти.

Свет исчез — ты испугалась,
Свет блеснул и вмиг погас.
Ты к груди моей прижалась —
Радостны<й> и страшн<ый> час.
Сердца каждое биенье
Я услышал под рукой.
Есть невольное решенье
. . . .

Приближьтесь, музы, и цветами
Почтите хладный прах его,
Принижьтесь, други, и слезами
Почтите друга своего.

Приближься, плачуща вдовица:
Сия безмолвная гробница —
Могила радостей твоих.
Сия заботница цевница
Навек молч<ащих> струн твоих.

С лучами розовой денницы
Приближьтесь, музы и кошницы,
Исполнены млечных лилей,
В символ души Его небесной,
Рыдают вкруг... Но дне<сь> прелест<ной>
Рыдает с нами Гименей.

Утешься, плачуща вдовица:
Сия безвременна гробница —
Могила радости твоей.
Сии вокруг ее березы,
Сии в руках поблекши розы,
Надгробн<ый> лик и прах друзей,—
Суть неизбежна дань Сатурну,
Но вери, наклонясь на урну;
Тебе вещает глас небес:
Ничтожна жизнь и скоротечна,
Награда праведника вечна.
Супруг твой чрез тебя воскрес.

Сионски жители в невежестве глубоком
И ослепленные Медины лжепророком.
Исполнены злодейств священные места,—
Слабейшие из них поборники Христа.
Но в тягостны<х> цепях изнемога<ют> рабства.
Коварный Аладин во всех пределах Царства
Ярмом повинностей народ отяготил.

. . . .

Варвар, летами усыпленный,
Опасности грозой, как громом, пробужденный,
Пороком <и> грехом грядет под сенью вновь.
Рекою потекла гражда<н> невин<ных> кровь.
Так змий, окованный во логовище хладом,
С весною восстает и дышит снова Адом,
Так раздраженный лев, забыв смире<нья> власть,
По рамам бьет своим и кажет алчну пасть.

. . . .

— Я вижу,— царь вещал

. . . .

На граде нет Христов<ых> олтарей,
Жрецов прольется кровь под лезве<ем> мечей.

. . . .

Вовек не быть сему: предупрежду, развею
Враждебнос<ть> замысла я властию моею.
Солим<овы> плащи их кровь<ю> упою,
На персях матерей младен<цев> побию.

. . . .

Я вижу,— он вещал,— их явное коварст<во>:
Рабы ничтожные! — когда Солима царство
Колеблется в бедах, вы щастли<вы>? Но нет:
Нам гибель новая — вам гибель понесет.
Я замысла проник сокрытую причину:
Вы меч остріте свой на гибель Аладину,
Вы брань призвали вражь на Иудей места,
Чтоб вам очистить путь в Сионс<кие> врата.

. . . .

Друг Эраты и любимец,
Сидя с трубкой у огня,
Ты ошибся, мой ленивец:
Музы — девы для меня.

Я игривую Эрату
В роще Фе<бовой> поймал
И напрасно ей в заплату
Стихотворства показал.

. . . .

— Слабы струны вмиг порвутся,—
Молвила — и ну бежать!
В этот вечер у Крылова
Талию в разгуле (?) петь —
Дай замолви<ть> ей два слова,
Приступить и покраснеть.
Нет пути — она завы<ла>
Драмой выспрен<ной> самой,
Ротик алой искривила
И расплак<алась> со мной.

На котурнах Мельпомена,
Черным крепом осенен<на>,
На исходе лет<них> дней,
И важна, и techновита,
Кипарисами увита,
Мне попалась... Ну, скорей!
Этот был расчет не понят,
И сия почтенна до́нна,
На меня потупя глаз,
Рассмеялась в перв<ый> раз.

Вот как в дщерях Мнемозины
Я нашел чистейших дев,
И, питая в сердце гнев,
Геликон скорей оставил,
И к Цитере путь направил,
Где... крилами лебедей,
Средь лазорев<ых> полей,
Тихим в воздухе полетом,
Под пурпуровым наметом,
И на ложе меж ветвей,
Сотканном руками фей,—
Мне явилась колесница.
В ней — мой бог, Млада Царица,
Афродита в ней сидит.
Тихо лебеди крилами

Ниспустилися на дол,
И Хариты лепестками,
Соружа для ней престол
. . . .

И на Парнасе есть война междуусобна,
<Вершина Пиндова ристалищу подобна,
Где вы, невольни<ки> страстей?>
Где рыцарь Стихотвор из Лавров<ых> венк<ов>,
Влачащий несть числа озлоблен<ных> враг<ов>?
<Хвали соперника, довольствуйся обидой>.

Бог Парнасских песнопений
Мне суров был от пелен,
Но за то я богом лени
Искони усыновлен.

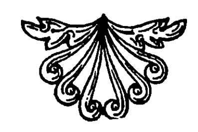
Этот бог во сновиденьи
Дар пророческ<ий> дает,
Этот бог меня забвенья,
Как любимца, бережет.

Этот бог родня Морфея,
Дар имеет чародея
Усыплять сердца людей
В трепета<ньи> жизни сей.

Он дарит им сновиденья,
Дар пророчить и гадать,
Или в вихре упоенья
Прозу риф<мами> шепт<ать>.

Там, Оленин, берег Леты,
<Где задорн<ого> Поэта>
Я в мечтаньи посетил
. . . .

Сердце человеческое имеет нужду сообщать свои чувства.
Элегия принадлежит к глубокой древности.
Есть сочувствие в Эпист<оле>.



Разные замечания

Вот описание роскоши римской, достойное кисти Ювеналово<й> и ужасного века, в котором жил стихотворец, века варварства, роскоши, развращения нравов, бесстыдства, пороков, когда они не имеют даже нужды покрываться покровом добродетели.

Гораций был всегда болен глазами, а Виргилий имел слабую грудь и прерывистое дыхание. Вот отчего Август говаривал, когда находился в обществе сих поэтов: «Я нахожусь между вздохов и слез».

Гораций всегда был осторожен. Глубокое познание людей и света заставили его написать следующие строки, ибо, верно, Меценат с ним был откровенен, когда не Менандр, а поэт его называет просто своим другом. «Меценат,— говорит наш счастливец,— Меценат, когда я с ним бываю в колеснице, спрашивает меня, который час? — Думаешь ли ты, что Галлина, Фракийский единоборец, устоит против единоборца Сирийского? Холод утренний становится чувствителен тем, которые не предохраняют себя и пр».

Сатира VI — Г<ораций>

<...> Если б я управлял Государством, то Г<линке> дал бы пенсию. Его журнал можно назвать политическим. Он же сам похож на проповедника крестового похода: тот же девиз и у него, что у Пустынника Петра: бог, вера, отечество.

Вкус можно назвать самым тонким рассудком.

Шиш<ков> богат рассудком, то, что называют французы gros bon sens [1]; он видит, чувствует довольно верно. Но все ли он видит, все ли чувствует?

Уродливая поэма к<нязя> Ш<ихматова> есть мозаика славенских слов, говорил М<ерзляков>.

<...> Какой великий писатель Тацит! Какой философ! Какой живописец! Он вовсе не похож на обыкновенных историков. Он рисует фигуры, дает им приличное положение, окружает их природою.— Например, Агриппина, супруга Германика, на острове Корсике (Корфу) представлена летописцем с урною в руках, окруженная детьми, царедворцами, бесчисленным народом, который вместе с вдовицею оплакивает и ее, и собственную трату.— Или Тиверий, бледный, растерзанный совестию, входит в Сенат. Консулы, желая изъявить печаль свою о смерти Друзия (сына Тивериева), встречают его на нижних ступенях, сенаторы плачут — и тиран посреди стона и рыданий начинает речь свою.— Но выпишем лучше два месяца, которые меня поразили.— Первое, смерть Тиверия; другое: Агриппины, матери Нерона.

<...> Нет, я не поверю, чтоб Шолио, Шапель и все эти эпикурейцы были так счастливы, как они об этом пишут. Но они были счастливее иногда Паскаля, Ларошефуко, Мольера и проч. А это уже много! Лафонтен их был всех счастливее, оттого что он был совершенный дурак, выключая своего великого таланта.

«Trop de vers emporte trop d'ennui» [2],— сказал любезный Грессет. Это правда. Стихи и хорошее вино все то же. Пей, а не упивайся. Херасков, говорил мне Капнист, имел привычку или правило всякий день писать положенное число стихов. Вот почему его читать трудно. Горе тому, кто пишет от скуки! — Счастлив тот, кто пишет потому, что чувствует.

Прекрасная женщина всегда божество, особливо если мила и умна, если хочет нравиться. Но где она привлека-

---

[1] здравый смысл *(фр.)*.

[2] Излишество в стихах приводит к излишеству скуки *(фр.)*.

тельнее? — За арфой, за книгою, за пяльцами, за молитвою или в кадрили? — Нет совсем! — а за столом, когда она делает салад.

Терпеть не могу людей, которые все бранят, затем чтоб прослыть глубокомысленными умниками. Правление дурно, войска дерутся дурно, погода дурна, прежде лучше варили пиво, и так далее. Но отчего они сами дурны в своем семействе? отчего домашние их ненавидят?

Мадам Жанлис мерзавка такая подлая, что я ее ненавижу. Можно написать «Les deux réputations» [1] и еще женщине! Можно ли бранить La Harpe, который ее всегда превозносил до небес, был в нее влюблен и поправлял, а может быть, и сочинял ее *сочинения*? Можно ли ей бранить Мармонтеля за незнание света, который описал его в сказках мастерским пером? Можно ли этой бабе поносить Вольтера и критиковать как мальчишку? Можно ли, наконец, написать сказку, исполненную соблазнительных сцен, исполненную ужаснейших картин, извлеченных не из света, а из собственного сердца этой целомудренной госпожи, и все это посвятить aux jeunes personnes qui ont déja leurs seize ans? [2] — ???

Некоторые слова должно употреблять с благоговением. Кажется, Франклин снимал шляпу, произнося имя бога. А у нас бог, вера, отечество, русские, русское — все это, везде, кстати и некстати, в важном и безделицах, пишут, поют, напевают и, так сказать, по словам Ивана Афанасьевича Дмитревского, без всякого стыда!

Кто-то сказал, и сказал правду: «Этот человек умен, да только по-французски» (говоря о N), — т<о> е<сть> нам кажется, что он умен!

Нет ничего скучнее, как жить с человеком, который ничего не любит: ни собак, ни людей, ни лошадей, ни книг.

[1] «Две репутации» (*фр.*).
[2] молодым особам, которым уже исполнилось шестнадцать лет (*фр.*).

Что в офицере без честолюбия? Ты не любишь крестов? — Иди в отставку! а не смейся над теми, которые их покупают кровью. Ты не имеешь охоты к ружью? — Но зачем же мешать N ходить на охоту? — Ты не играешь на скрипке? — Пусть же играет сосед твой!.. Но отчего есть такие люди на свете? — от самолюбия. Поверьте мне, что эта страсть есть ключ всех страстей.

Женщины меня бесят. Они имеют дар ослеплять и ослепляться.— Они упрямы, оттого что слабы. Недоверчивы, оттого что слабы. Они злопамятны, оттого что слабы. У них нет Mezzo termine [1]. Любить или ненавидеть! — им надобна беспрестанная пища для чувств, они не видят пороков в своих идолах, потому что их обожают; а оттого-то они не способны к дружбе, ибо дружба едва ли ослепляется! Но можно ли бранить женщин? Можно: браните смело. У них столько же добродетелей, сколько пороков.

Писать и поправлять одно другого труднее. Гораций говорит, чтоб стихотворец хранил девять лет свои сочинения. Но я думаю, что девять лет поправлять невозможно. Минута, в которую мы писали, так будет далека от нас!.. а эта минута есть творческая. В эту минуту мы гораздо умнее, дальновиднее, проницательнее, нежели после. Поправим выражение, слово, безделку, а испортим мысль, перервем связь, нарушим целое, ослабим краски. Вдали предметы слишком тусклы, вблизи ослепляют нас. Итак, должно поправлять через неделю или две, когда еще мы можем отдавать себе отчет в наших чувствованиях, мыслях, соображении при сочинении стихов или прозы. Как бы кто ни писал, как бы ни грешил против правил и языка, но дарование, если он его имеет, будет всегда видно. Но дарования одного, без искусства, мало.

Кто пишет стихи, тому не советую читать без разбору все, что ни попадется под руку. Чтение хороших стихов заранивает *искру*, которая воспламенит тебя. Чтение дурных, особливо же гладких, но вялых стихов охлаждает

[1] Золотой середины (*ит.*).

дарование. Читай Державина, перечитывай Ломоносова, тверди наизусть Богдановича, заглядывай в Крылова, но храни тебя бог от Академии, а еще более от Шаликова.

Нам надобны мысли,— говорят одни,— а я говорю: мне надобны звуки. Что мне в мыслях? Что мне <...>

Сочинения в прозе

«Финляндия» 1
«Похвальное слово сну» 2
«Предслава и Добрыня», повесть 3
«Корчма в Молдавии» ibid 4
«Венера» 5
«Стихотворец судья» 6

<По каким законам> будет он судить стихотворца? — По законам вкуса! — Но вкус не есть закон, ибо он не имеет никакого основания, ибо основан на чувстве изящного, на сердце, уме, познаниях, опытности и пр. Но во вкусе ошибались целые Академии, начиная от нашей и до Парижской. Цензор может сказать: книга ваша не будет напечатана, потому что вы пишете против обрядов, против религии, против системы политики — а я должен повиноваться, ибо это есть закон, ибо цензор в таком случае опирается на закон, ибо всякий человек, который еще в полном разуме, должен необходимо повиноваться законам или ехать к ирокойцам. Но если этот же самый цензор скажет мне: не печатайте ваши книги, 1-е потому, что у вас не богаты рифмы, 2-е потому, что вы написали «горизонт», а не «обзор» и пр.,— что ему отвечать? — Нет!.. Если б воскрес и сам Ломоносов, то я не выбрал бы его в цензоры, ибо и он мог бы ошибиться; может быть, грубее Ваксина. Теперь спросим мы, какое зло приносят книги, писанные дурным слогом? Кто перенимает у Шаликова? Кто перенимает у Захарова? И кто читает их? — Невежды или те, которые не читали ничего лучшего, или те, которые не в состоянии читать лучшего. Я думаю, что свободы Книгопечатания ограничивать никак не должно, особливо в наше время. Мы запрещаем переводы французских книг, а эти же самые книги продаются во всех иностранных лавках, начиная от похабного Аретина до безбожного Гольбака, начиная от «Орлеанской девки» и до «Метафизики» Д'Аламберта.

Конечно, не должно позволять печатание безбожных

книг, не должно позволять переводов декламаций против веры; должно запретить, и весьма строго, все, что может привести в соблазн молодежь; но должно ли положить меру продаже иностранных сочинений? Вот в каком случае цензура должна употребить возможную строгость. Но и это почти невозможно. К чему послужило б запрещение вывоза? У нас, везде, во всяком доме, найдут сотни этих же самых книг. Французы сделали великое зло изобретением стереотипов, ибо Дидот без зазрения совести перепечатал «La pucelle»[1] и пр., ибо эти книги продаются за безделку везде, во всех лавках. В Риме, в Мадрите и в Вене цензура славилась своею строгостью: какая же польза? В Риме столько же безбожия и суеверия, сколько и при Боржиях, в Вене распутство превосходит или, по крайней мере, не уступает английскому и парижскому, и даже сия излишняя строгость принесла вред, ибо обратила на себя взоры Германии, и ученые немцы запутали Берлин, Лейпциг, Лейден и проч., обрадовавшись случаю показать свой тяжелый аттицизм, и закидали Венское правительство грубыми, но справедливыми насмешками. Мадрит один устоял, почти невредим; он сохранил нравы. Но и тут какая польза для народа? Так-то трудно удержать Государство от разврата, когда соседние народы оным заражены!..

Теперь можно спросить у политиков: что нужно народу для блага общественного? Просвещение или невежество? Изберите то, либо другое и ведите народ ваш к избранной цели, не уклоняясь ни вправо, ни влево. У вас два примера. Англия и Испания.

ЗАМЕЧАНИЯ

Валькирии были у скандинавов и всех северных народов богини вестницы смерти, послушные *Одену*. Они во время битвы носились невидимо над войском, вооруженные мечом, на белом коне воздушного Естества, и избирали жертвы. Храбрых провождали в *Валкаллу*, чертоги Оденовы, где уготован им был пир и красавицы. Скальды воспевали воинам прежнюю их славу. Вот рай совершенно военный!

---

[1] <Орлеанская> девственница (*фр.*).

Готическое предание повествует, что есть такое земное отверстие, ведущее к аду, или *Нифлеймру*. Многие воины туда спускались.

В книге «Эдда» (или гот<ическое> баснословие) говорят о каком-то адском псе *Монагармаре*, который питается последними вздохами умирающих.

Норниры (или Парки): *Урда*, *Верданда*, *Скульда* — имена их значат: прошедшее, настоящее, будущее.

Гела — богиня смерти.

Лукк — злое начало, отец Гелы, пребывает в оковах до появления новых богов. Когда он расторгнет узы свои, то люди, земля, солнце, звезды, весь мир исчезнет — земля поглотится водою, небо сгорит от огня небесного. Сам Оден погибнет с божествами своего семейства.

Это баснословие, кроме пиитической стороны, представляет воображению и уму сторону совершенно новую. Оден есть верховное существо, бог страшный и мстительный, в руках его награда храбрости, единственная добродетель, которую почитали сии варвары: но и он, и сие страшное божество, предмет почитания смертных, и его Валкалла, исполинские чертоги, должны некогда пасть перед роком! Следственно, Оден есть первый бог, которому народы не даровали вечности!

Британцы вовсе не признавали богов и поклонялись теням предков своих, которые жили в воздухе, в облаках и являлись с месячным восходом. Сколько красот Оссиян умел извлечь из этих басен! Однако народы сии, кажется, признавали какое-то верховное существо.

Конечно, независимость есть благо, по крайней мере для меня. Есть люди, которым ничего не стоит торговать своей свободою: эти люди созданы для света. А я во сто раз счастливее как бываю один, нежели в многолюдном обществе, особливо, когда я не в духе; тогда и самая малейшая обязанность для меня тягостна. Человек в пустыне свободен, человек в обществе раб, бедный еще более раб, нежели богатый. Но иногда богатство — тягостно; покойный Ш-в тому пример. Кстати, я вспомнил теперь о каком-то чудаке из «Жилблаза», который хотел быть независим и всегда весел. Он спрятал свое сокровище в стену и из нее ежедневно брал по червонцу, высчитав вперед, сколько ему осталось времени жить.

Я бы желал иметь кошелек и в этом кошельке один рубль, не более. Но чтобы этот рубль всегда *возрождался* для *истинных* нужд.

<...> Я всегда плачу, читая «Аталу» и «Paul et Virginie». «Атала» более стихотворна, нежели роман Ст. Пьера. Смерть Аталы прекрасна. Пустыня, безмолвие ночи, священник, читающий молитвы отходные, любовник, наконец, умирающая прелестная дева <...>

<...> Иные удивляются тому, что ученые люди (под этим названием я разумею не тех, которые навьючили память свою словами) бывают рассеянны в обществе: а я удивляюсь тому, как иные из них могут быть примечательны и всегда осторожны в обществе. Человек, который занимается словесностью, имеет во сто раз более мыслей и воспоминаний, нежели политик, например, генерал.

Я прочитал Монтаня недавно. Вот книга, которую буду перечитывать во всю мою жизнь!

Путешественник, проходя по долине, орошенной ручьями, часто говорит: откуда эта вода? откуда столько ключей? — Идет далее и находится озеро; тогда его удивление исчезает. Это озеро, говорит он, есть источник маленьких речек, ручьев и протоков.

Этот путешественник — я, эти ключи — авторы, которых я читал в молодости, это озеро — Монтань. Все писатели, все моралисты, все стихотворцы почерпали в Монтане мысли, обороты или выражения. Из всякой его страницы делали том. Его книгу можно назвать весьма ученой, весьма забавной, весьма глубокомысленной, никогда не утомительной, всегда новой; одним словом, историей и романом человеческого сердца.

Монтаня можно сравнить с Гомером.

Боже мой, как скучен Д'Аламберт с академической диалектикой! — Я насилу мог прочитать его философию. Все из головы! — ни одной мысли из сердца! А видно, что честный человек, что желает добра людям и любит их, вопреки матерьализму. Жаль, что он заморозил и высушил себя математикой! — Он писал об музыке, затем что

хотел прослыть светским человеком. Лучшее его сочинение есть «Предисловие к Энциклопедии». Я уверен, что если б он жил в средних веках, то был бы схоластиком и ничего более, а Дидерот был бы Кальвином, или Лютером, или папистом, то есть ему надобно б было наделать шуму, жечь других или быть повешену.

Обстоятельства образуют великих людей, а потому великие люди образуют обстоятельства. Это старое!

Отчего Кантемира читаешь с удовольствием? — Оттого, что он пишет о себе. Отчего Шаликова читаешь с досадою? — Оттого, что он пишет о себе.

Я говорил с одним офицером про М.: «Он пишет хорошо стихи».— «И! быть не может!» — отвечал офицер. «Почему же быть не может?» — «Потому что я с ним служил в одном полку!» — Каков ответ?

Поверьте мне, что дарование редко, что его надобно уважать, даже баловать. Что б был Вольтер без Нинонны? Марот без François I?

Как легко, как трудно написать книгу! — Напр<имер>, как легко написать грамматику (я не говорю философическую, я не говорю о изобретении или открытии новых истин). Как трудно написать сказку, такую, как, напр<имер>, «Alcibiade» [1]. Как легко написать трактат: о союзах, о упадке государств, о ископаемом царстве, о летучих рыбах, о бобрах, о бумажной фабрике. Как трудно написать песню, такую, как пишет Сегюр. «Быть не может!» — А вот почему. Чтоб написать толстую ученую книгу, вам надобно иметь бумагу, перо и книги. Выбирай и пиши. Чтоб написать умную песню, надобно иметь сердце и ум. Однако ж иные не любят ни певца, ни дарования, а очень любят толстые книги. Я видел людей, которые стояли на коленях перед профессором, сочинителем «Лексикона» (!!!), и те же люди разговаривали с Крыловым как с простяком.

[1] Алкивиад (*фр.*).

<...> О ГОРАЦИИ

Гораций родился в самых счастливейших обстоятельствах для словесности. Латинский язык, образованный великими писател<ям>и, получил твердое основание. Высокий Лукреций, сладостный Катулл прославили Италию. Саллустий уже обнародовал до сего времени маленькую книгу, которая его поставила наряду с Титом Ливием. Кесарь, удививший сограждан воинскими дарованиями, очаровал их чистотою слога своего. Одним словом Цицерон, вознесший римское красноречие на самую высшую степень, украсил прозу возможною ей гармониею. Гораций, образовавший свой вкус в отечестве, на двадцатилетнем возрасте учился философии и словесности в Афинах. На двадцать шестом году он был представлен Меценату Виргилием и Варием, а вскоре и Августу самим Меценатом. Император дважды его обогащал, но не мог заставить его принять должность секретаря — ибо он дорожил своей свободою. Дарования и людкость (urbanité), отличающие сего поэта, не могли бы всегда удержать его на гряде любимца, когда б он не был исполнен *благоразумия.* Он жил в таком веке, в котором осторожность была единою позволительною добродетелью. Он не был защитником ни одной особенной секты, а пользовался учением и опытностью всех мудрецов.— Тонкий философ, тонкий придворный, Гораций доказал, что человек не может быть совершенно счастлив, что сердце наше есть источник вечных желаний, и всегда новых. Посреди шумного двора Августова, посреди театра славы своей он, мечтая о уединении, восклицал: «О милый мой деревен<ски>й домик, убежище мое, когда увижу тебя!» — Он же написал сие глубокое рассуждение, исполненное чувства: «Счастие не принадлежит богатым исключительно, и тот, кто от дня своего рождения до последнего часу жизни своей укрывался от взора человеческого,— и тот не менее достоин сожаления!»

Он был одержим неизлечимою болезнь<ю> тех людей, которых фортуна рано осыпает дарами: пресыщением. Послушаем, что он пишет к Селоту, другу своему: «Вопреки моим предприятиям, я не могу сделаться ни лучше, ни счастливее; ибо я гораздо здоровее телом, нежели умом. Я не хочу ни слушать, ниже́ читать то, что меня могло бы успокоить. Сержусь на верных лекарей, которые хотят меня вылечить, сержусь и на друзей моих, желающих извлечь меня из сего пагубного состояния.

Одним словом, я все делаю противное моему благосостоянию и противное собственному рассудку. Когда я в Тиволи, мне хочется быть в Риме, когда я в Риме, мне хочется быть в Тиволи».— Вот что писал счастливейший из всех стихотворцев, человек, которого всегда фортуна лелеяла как любимца своего! Не должно ли жалеть об умных людях, о тех, которые своими дарованиями услаждают досуг наш, когда последний поденщик, дровосек, в поте и пыли снискивающий хлеб свой, их стократ счастливее. Если науки услаждают несколько часов в жизни, то не оставляют ли они в душе какую-то пустоту, которая отвлекает нас от всех предметов, которая разочаровывает их, которая делает нас недовольными приближающимися друзьями и пр.?

И. М. М<уравьев-Апостол> — любезнейший из людей, человек, который имеет блестящий ум и сердце, способное чувствовать все изящное,— сказывал мне, что он не выпускает Горация из рук, что учение сего стихотворца может заменить целый век опытности, что он всякий день более и более открывает в нем не только поэтических красот, но истин, глубоких и утешительных.

Гораций был льстец Августов. Об этом написаны были целые книги. Одни говорили, что льстить Октавию, рушителю вольности, рушителю всяких прав, трусу на войне, коварному изменнику отечества и друзей, есть пятно неизгладимое. Другие, не столь строгие, утверждали, что он должен был быть благодарен императору, который усмирил междоусобную войну, водворил порядок, науки и законы, что Горациева признательность к благодетелю не есть порок и проч. Всякий может оставаться при своем мнении. Мне же кажется, что стихотворец сей, как и все люди, платил дань порокам и слабости, что трудно, очень трудно не ослепиться ласками Владельца, что Владелец, человек с увенчанной главою, есть, по словам Вольтера, *Волшебник*, что самые строгие писатели, что пылкий Ювенал не устоял бы против ласк Августовых; одним словом, что трудно, весьма трудно судить поведение человека умного, которого слава перешла в потомство почти без пятен. Расин, честный, набожный Расин, умер от того, что Лудвиг взглянул на него косо. Но Гораций никогда не хотел продать свою

вольность за золото. Он отказался от почестей, страшился забот, любил уединение. Не доказывает ли это, что он имел прекрасную душу, исполненную благородства?

В какой-то книге, которая говорит о материях отвлеченных, метафизических, была приложена картина, весьма остроумная, следующего содержания: Представлен был ребенок, перед ним зеркало. Ребенок, видя в нем свой образ, хочет его обнять. Философ, стоящий вдали, смеется над его ошибкою, а внизу картины надпись, относящаяся к мудрецу: Quid rides? Fabula de te narratur [1].

Расписание моим сочинениям

	Иерусалима, песнь первая	1
	ibid — из десятой	2
	Послание к Тассу	3
	Мечта	4
	Воспоминания	5
	Видение на берегах Леты	6
	Тибуллова элегия XI (из I книги)	7
	ibid — III из III книги	8
	Послание к Гнедичу	9
	К Петину	10
Анакреон:	Веселый час	11
	Ложный страх	12
	Приведение	13
	Источник	14
	Челнок	15
	Счастливец	16
	Элизий	17
	Ответ Г<недичу>	18
	К Хлое из деревни	19
	К Ч<оглоково>й	20
	Желания	21
	Из Метастазия	22
	Семеновой	23
	Семь грехов	24
	Ода Лебрюна на старость	25
Басни:	Сон Могольца	26
	Блестящий червяк	27
	Книги и журналист	28
	Орел и уж	29
Из Петрарки:	Вечер	30
	На смерть Лауры	31
Смесь:	Эпиграммы	32
	На смерть Пнина	33
	В день рождения	34
	На смерть Хераскова	35

[1] Кто смеется? Сказание говорит о тебе (*лат.*).

Я знаю одного человека, который ежедневно влюбляется, потому что он празден. Другой же никогда влюблен не был, потому что ему недосуг. Одного почитают степенным, а другого — помешанным. Но поставьте первого на место последнего... Любовь может быть в голове, в сердце и в крови. Головная всех опаснее и всех холоднее. Это любовь мечтателей, стихотворцев и сумасшедших. Любовь сердечная реже других. Любовь в крови весьма обыкновенна: это любовь бюффона. Но истинная любовь должна быть и в голове, и в сердце, и в крови... Вот блаженство! — Вот ад!

<...> Cosner, известный схоластик, говаривал о своих творениях, что они ему не стоили ни малейших усилий. Другие играли в кости, бросая их по столу; он бросал чернила на бумагу — это была его игра. Сколько у нас стихотворцев Cosner-ов.

<...> ЭЛЕГИЯ

Я заметил, что тот, кто пишет хорошо, рассуждает всегда справедливо о своем искусстве. Если вы хотите научиться, то говорите с часовым мастером о часах, с офицером о солдатах, с крестьянином о землепашестве. Если хотите научиться писать, то читайте правила тех, которые подали примеры в их искусстве. Теперь дело идет не о метафизике, о поэзии, которая есть искусство самое легкое и самое *трудное*, которое требует прилежания и труда гораздо более, нежели как об этом думают светские люди,

<...> Рыдайте, Амуры и нежные грации,
У нимфы моей на личике нежном
Розы поблекли и вянут все прелести.
Венера Всемощная! Дочерь Юпитера!
Услышь моления и жертвы усердные:
Не погуби на тебя столь похожую!

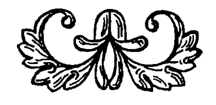
<...> Я уверен в том, что Тасс нередко подражал Петрарку. Вот тому доказательство: Эрминия, начертывая на вазах имя Танкредово, погружается в сладкую задумчивость... все вокруг ее безмолвствует, природа разделяет с ней печаль ее, полуденный зной опаляет долину, козы покоятся под тению широких ветвей...

Эта картина прелестна...

Мая 1811. Я недавно нашел в Донском монастыре между прочими надписями одну, которая меня тронула до слез; вот она:

НЕ УМРЕ, СПИТ ДЕВИЦА

Эти слова взяты, конечно, из Евангелия и весьма кстати приложены к девице, которая завяла на утре жизни своей, et rose elle a vecu ce que vivent les roses l'espace d'un matin...[1]



[1] роза, она прожила столько, сколько предназначено утренним розам... (*фр.*).

Чужое: мое сокровище!
1817

Деревня — летом

ЧТО ПИСАТЬ В ПРОЗЕ

«Опыт об открытии Исландии» Буле. Поэма «Скандинавы» Монброна. Писарев. Маллет.

О сочинении Радищева.

Что-нибудь об искусствах. Например, опыт о русском ландшафте. Смотри Геснера о ландшафте Гиршфельда и проч. О баталиях. О рисунке карандашем и проч.

О войне и баталиях относительно к живописи и поэзии.

Что-нибудь о немецкой литературе. По крайней мере, отдать себе отчет в том, что я прочитал.

Июля 20 1817.

Сию минуту узнаю о смерти графа Павла Александровича Строгонова. Я с ним провел 10 месяцев в снегах Финляндских. Потом он не переставал меня любить: никогда не забуду его снисхождений. Покойся с миром, человек тихий и кроткий!

Надобно, чтобы в душе моей никогда не погасала прекрасная страсть к *прекрасному*, которое столь привлекательно в искусствах и в словесности; но не должно пресытиться им. Всему есть мера. Творения Расина, Тасса, Вергилия, Ариоста вечно пленительны для новой души — счастлив, кто умеет плакать, кто может проливать слезы удивления за тридцать лет. Гораций просил, чтобы Зевес прекратил его жизнь, когда он учинится бесчувствен ко звукам лир. Я очень его понимаю молитву.

Я нашел в «Россияде» место, которое мне очень понравилось; не помню, было ли оно замечено Мерзляковым. Иоанн (песнь VIII) на походе, утомленный

зноем и зрелищем гибнущих воинов, засыпает. Правда, стихи иные вялы, все растянуто; но в этих *растянутых членах* узнаешь поэта:

И нощь кругом его простерла черны тени;
На перси томную склоняет царь главу
И зрит во смутном сне, как будто наяву:
Мечтается ему, что мрак густой редеет,
Что облак огненный, сходя на землю, рдеет,
Сокрылись звезды вдруг, затмилася луна,
И всюду страшная разлилась тишина.
Багрово облако к герою приближалось;
Упало перед ним и вскоре разбежалось...
Виденье чудное исходит из него:
Серпом луна видна среди чела его,
В деснице острый меч, простертый к обороне;
Он видится седящ на пламенном драконе;
Великий свиток он в другой руке держал...

Засим несколько стихов столь вялых, столь плоских, что я не имею духу переписать. Наконец заговорил Магомет или видение. Речь его вообще достойна эпопеи и напоминает замашку самого Тасса:

О царь! . . . .
Печали вкруг тебя сливаются, как море,
И ты в чужой земле погибнешь с войском вскоре
Погаснет счастие и слава здесь твоя.
Тебя забыл твой бог, могу избавить я!
Могу, когда свой мрак от сердца ты отгонишь,
Забыв отечество, ко мне главу преклонишь.
Таким ли Иоанн владеньем дорожит,
Где мрак шесть месяцев и снег в полях лежит,
Где солнце косвенно лучами землю греет,
Где сладких нег плодов и терн единый зреет,
Где царствует во всей свирепости Борей!
Страна твоя — не трон, темница для царей.
От снежных вод и гор, от сей всегдашней ночи
На полдень обрати, к заре вечерней, очи,
К востоку устреми внимание и взор:
Там первый встретится твоим очам Босфор,
Там гордые стоят моих любимцев троны,
Дающих греческим невольникам законы;
Тобою чтимые угасли алтари:
Познай и мощь мою, и власть, и силу зри!
С священным трепетом тобой гробница чтима,
Под стражею моей лежит в стенах Салима;
И Газа древняя, Азор, и Аскалон,
Гефана, Вифлеем, Йордан и Ахарон
Перед лицем моим колена преклонили.
Мои рабы твой крест, Давидов град пленили;
Не страхом волю их, я волей победил:
Их мысли, их сердца, их чувства усладил.
Я отдал веси им, исполнены прохлады,
Где вкусные плоды, где сладки винограды,

Где воздух и земля рождают фимиам.
Вода родит жемчуг, пески златые там;
Там чистое сребро, там бисеры бесценны;
Поля стадами там и жатвой покровенны.
Полсвета я моим любимцам отделил:
Богатый отдал Орм, и многоводный Нил,
И поднебесную вершину Арбарима,
Отколе Ханаан и Палестина зрима,
Божественный Сион, израильтянский град,
И млекоточный Тигр, и сладостный Ефрат:
Те воды, что Эдем цветущий напояли,
Где солнечны лучи впервые воссияли.
В вечерней жители и в западной стране
Меня пророком чтут, приносят жертвы мне!
Склонись и ты, склонись! Я жизнь твою прославлю,
Печали отжену и мир с тобой поставлю;
Я ветры тихие на полнощь обращу,
Стихии на тебя возставши укрощу,
Украшу твой венец, вручу тебе державы...
. . . .
Последуй, царь, за мной, дай руку мне твою...

Царь поднял меч, и видение исчезло... Херасков прибавляет: «Безбожие то было!» и потом:

«Целена ввергнула в подобный страх Енея!» Вот как он сам все, что ни создаст в счастливую минуту, разрушит! Но речь Магометова поистине прекрасна, красноречива! Власть, которую он предлагает несчастному царю, имена южных городов и областей, это все достойно эпопеи. Впрочем — замечу про себя — я не знаю скучнее и холоднее поэмы. Она вяла, утомительна, в слоге виден и недостаток мыслей, чувств, и везде какая-то *дрожь*. А план... стыдно и говорить о нем!

А я скажу решительно, что (кроме нравов) сражения новейшие живописнее древних и потому более способны к поэзии. У нас же есть казаки, которые могут играть великую ролю: у них сабля и пика. У нас Башкиры, Черкесы, Татары; у нас Поляки, Немцы. У нас... у нас... у нас...

ДОБРАЯ ЛИСИЦА КРЫЛОВА

Стрелок весной малиновку убил <... и далее>

Без сомнения, эта одна из лучших басен Крылова. Изобретение, рассказ, слог, здесь все прелестно. Красноречие лисы убедительно, и последняя черта — chef-d'oeuvre: [1] «И поученья не допела!»

---

[1] шедевр (*фр.*).

<...> МОЕ

Я заметил, что посреди великих чувств дружбы и любви имеются какие-то искры эгоизма, которые рано или поздно разгораются и дружбу и любовь пожирают. Одна добродетель, но твердая, и постоянная, и деятельная, может погасить их.

Сенека, разъезжая в дурной повозке в окрестностях пышного Рима, краснел, когда встречал богатых людей: «Кто краснеет от худой повозки,— воскликнул он,— будет гордиться богатою колесницею!» Avis au lecteur, a celui plutôt qui vient de transcrire la passage de Sénéque [1].

У Сенеки было несчетное множество костяных столов: посудите о его богатстве; верить ли похвале его бедности? Лагарп на него жестоко нападает, а из комментаторов Юст-Липсий. Справлюсь с ними. Но Лагарпу нельзя во всем верить. Он человек пристрастный. Дидерот пожаловал Сенеку в Сократы,— то как не бранить его Лагарпу?

Чем более читаю Сенеку, тем более нахожу, что он похож на Шатобриана. Шатобриан — Сенека в христианстве по слогу, по душе, не смею сказать по поведению.

Петербурга жизнь

Квартира	500
Дрова, освещение, чай	500
Трое людей	500
Кушанье	1000
Платье	1000
Экипаж в разные времена	1000
Издержки непредви<денные>	1000
	5500

Если устрою дела мои, как желается, то могу иметь до семи тысяч: о милая независимость! Но когда? как? Все силы употреблю. Будь мне благоприятно, провидение!

---

[1] К сведению читателя, а скорее — того, кто только что переписал эпизод из Сенеки (*фр.*).

Мая 3-го 1817.

Болезнь моя не миновала, а немного затихла. Кругом мрачное молчание. Дом пуст. Дождик накрапывает. В саду слякоть. Что делать? Все прочитал, что было,— даже «Вестник Европы». Давай вспоминать старину. Давай писать набело impromptu [1], без самолюбия, и посмотрим, что выльется. Писать так скоро, как говоришь, без претензий; как мало авторов пишут, ибо самолюбие всегда за полу дергает и на место первого слова заставляет ставить другое. Но Монтань писал, как на ум приходило ему: верю. Но Монтань — человек истинно необыкновенный. Я сравниваю его ум с запруженным источником: поднимите шлюзу, и вода хлынет и течет беспрестанно, пенясь, кипя, течет всегда чистая, всегда здоровая — отчего? Оттого, что резервуар был обилен. С маленьким умом, с вялым и небыстрым, какой мой, писать прямо набело очень трудно, но сегодня я в духе и хочу сделать tour de force [2]. Перо немного рассеет тоску мою. Итак... Но вот уж я и в тупик стал. С чего начать? о чем писать? Отдавать себе отчет в протекшем, описывать настоящее и планы будущего. Но это, признаться, очень скучно. Говорить о протекшем хорошо на старости, и то великим людям или богатым перед наследниками, которые из снисхождения слушают:

On en vaut mieux quand on est écoute [3].

Что говорить о настоящем. Оно едва ли существует. Будущее... о, будущее для меня очень тягостно с некоторого времени! Итак, пиши о чем-нибудь. Рассуждай! Рассуждать несколько раз пробовал, но мне что-то все не удается: для меня, говорят добрые люди, рассуждать, все равно что иному умничать. Это больно. Отчего я не могу рассуждать?

Первый резон, мал ростом.
2 — не довольно дороден.
3 — рассеян.
4 — слишком снисходителен.

---

[1] экспромтом *(фр.)*.
[2] усилие *(фр.)*.
[3] Когда вас слушают, вы значите больше *(фр.)*.

5 — Ничего не знаю с корня, а одни вершки, даже и в поэзии, хотя целый век бледнею над рифмами.
6 — Не чиновен, не знатен, не богат.
7 — Не женат.
8 — Не умею играть в бостон и в вист.
9 — Ни в шах и мат.
10 —
11 — После придумаю остальные резоны, по которым рассудок заставляет меня смиряться. Но писать надобно. Мне очень скучно без пера. Пробовал рисовать — не рисуется, писать вензеля — теперь ни в кого не влюблен; что же делать! Научите, добрые люди, а говорить не с кем. Не знаю, как помочь горю. Давай — подумаю. Кстати, вспоминаю чужие слова — Вольтера, помнится — Et voilá comme on écrit l'histoire! [1]

Я вспоминал их машинально, почему, не знаю. А эти слова заставляют меня вспомнить о том, чему я бывал свидетелем в жизни моей и что видел после в описании. Какая разница — боже мой, какая!

Et voilá comme on écrit l'histoire.

Простой ратник, я видел падение Москвы, видел войну 1812, 13 и 14, видел и читал газеты и современные истории. СКОЛЬКО ЛЖИ! И вот тому пример в «Северной почте».

Мы были в Эльзасе. Раевский командовал тогда гренадерами. Призывает меня вечером кой о чем поболтать у камина. Войско было тогда в совершенном бездействии, и время, как свинец, лежало у генерала на сердце. Он курил, очень много по обыкновению, читал журналы, гладил свою американскую собачку — животное самое гнусное, не тем бы вспомянуть его! — и которое мы, адъютанты, исподтишка били и ласкали в присутствии генерала: что очень не похвально, скажете вы,— но что же делать? Пример подавали свыше, другие генералы, находившиеся под начальством Раев<ского>.

Мало-помалу все разошлись, и я остался один. «Садись!» Сел. «Хочешь курить?» — «Очень благодарен». Я — из гордости — не позволял себе никакой вольности при его Высокопревос<ходительстве>. «Ну так давай говорить!» — «Извольте». Слово за слово — разговор

---

[1] И вот как пишут историю! *(фр.)*

сделался любопытен. Раев<ский> очень умен и удивительно искренен, даже до ребячества, при всей хитрости своей. Он же меня любил (в это время), и слова лились рекою. Всем доставалось. Silis a cela de bon, c'est que quand il frappe, il assomme [1]. Он вовсе не учен, но что знает, то знает. Ум его ленив, но в минуты деятельности ясен, остер. Он засыпает и просыпается. Но дело теперь о том, что он мне говорил. Кампания 1812 года была предметом нашего болтанья.

«Из меня сделали римлянина, милый Бат<юшков>,— сказал он мне.— Из Мил<орадовича> великого человека, из Вит<генштейна> — спасителя отечества, из Кутузова — Фабия. Я не римлянин — но зато и эти господа — не великие птицы. Обстоятельства ими управляли, теперь всем движет Государь. Провидение спасало отечество. Европу спасает Государь или провидение его внушает. Приехал царь: все великие люди исчезли. Он был в Петербурге, и карлы выросли. Сколько небылиц напечатали эти карлы! Про меня сказали, что я под Дашковкой принес на жертву детей моих».— «Помню,— отвечал я,— в Петербурге вас до небес превозносили».— «За то, чего я не сделал, а за истинные мои заслуги хвалили Милорадови<ча> и Остермана. Вот слава! вот плоды трудов!» — «Но помилуйте, ваше высокопр<евосходительство>! Не вы ли, взяв за руку детей ваших и знамя, пошли на мост, повторяя: «Вперед, ребята. Я и дети мои откроем вам путь ко славе — или что-то тому подобное». Раев<ский> засмеялся. «Я так никогда не говорю витиевато, ты сам знаешь. Правда, я был впереди. Солдаты пятились. Я ободрял их. Со мною были адъютанты, ординарцы. По левую сторону всех перебило и переранило. На мне остановилась картечь. Но детей моих не было в эту минуту. Младший сын сбирал в лесу ягоды (он был тогда сущий ребенок), и пуля ему прострелила панталоны: Вот и все тут. Весь анекдот сочинен в Петербурге. Твой приятель (Жуковс<кий>) воспел в стихах. Граверы, журналисты, нувеллисты воспользовались удобным случаем, и я — пожалован Римлянином. Et voilá comme on écrit l'histoire!»

Вот что мне говорил Раев<ский>.

Но охотникам до анекдотов я могу рассказать другой,

---

[1] Силис хорош тем, что когда он бьет, то наповал *(фр.)*.

не менее любопытный, и который доказывает его присутствие ума и обнажает его душу; он мне не сделал никакого добра, но хвалить его мне приятно,— хвалить как истинного героя,. и я с удовольствием теперь в тишине сельского кабинета вспоминаю старину. Под Лейпцигом мы бились (4-го ч<исла>) у красного дома. Направо, налево все было опрокинуто. Одни гренадеры стояли грудью. Раевский стоял в цепи, мрачен, безмолвен. Дело шло не весьма хорошо. Я видел неудовольствие на лице его, беспокойства ни малого. В опасности он истинный герой, он прелестен. Глаза его разгорятся, как угли, и благородная осанка его поистине сделается величественною. Писарев летал, как вихорь, на коне по грудам тел — точно по грудам — и Рае<вский> мне говорил: «Он молодец».

Французы усиливались. Мы слабели: но ни шагу вперед, ни шагу назад. Минута ужасная. Я заметил изменение в лице генерала и подумал: «Видно, дело идет дурно». Он, оборотясь ко мне, сказал очень тихо, так, что я едва услышал: «Б<атюшков>! посмотри, что у меня». Взял меня за руку (мы были верхами), и руку мою положил себе под плащ, потом под мундир. Второпях я не мог догадаться, чего он хочет. Наконец, и свою руку освободя от поводов, положил за пазуху, вынял ее и очень хладнокровно поглядел на капли крови. Я ахнул, побледнел. Он сказал мне довольно сухо: «Молчи!» Еще минута — еще другая — пули летели беспрестанно,— наконец Р<аевский>, наклонясь ко мне, прошептал: «Отъедем несколько шагов: я ранен жестоко!» Отъехали. «Скачи за лекарем!» Поскакал. Нашли двоих. Один решился ехать под пули, другой воротился. Но я не нашел генерала там, где его оставил. Казак указал мне на деревню пикою, проговоря: «Он там ожидает вас». Мы прилетели. Р<аевский> сходил с лошади, окруженный двумя или тремя офицерами. Помнится, Давыдовым и Медемом, храбрейшими и лучшими из товарищей. На лице его видна бледность и страдание, но беспокойство не о себе, о гренадерах. Он все поглядывал за вороты на огни неприятельские и наши. Мы раздели его. Сняли плащ, мундир, фуфайку, рубашку — пуля раздробила кость грудную, но выпала сама собою. Мы суетились, как обыкновенно водится при таких случаях. Кровь меня пугала, ибо место было весьма важно: я сказал это на ухо хирургу. «Ничего, ничего»,— отвечал Р<аевский> (который, несмотря на свою глухоту, вслу-

шался в разговор наш) и потом, оборотясь ко мне: «Чего бояться, г<осподин> Поэт (он так называл меня в шутку, когда был весел):

> Je n'ai plus rien du sang qui m'a donné la vie.
> Ce sang c'est epuisé versé pour la patrie [1].

И это он сказал с необыкновенною живостью. Издранная его рубашка, ручьи крови, лекарь, перевязывающий рану, офицеры, которые суетились вокруг тяжко раненного генерала — лучшего, может быть, из всей армии,— беспрестанная пальба и дым орудий,— важность минуты! одним словом, все обстоятельства придавали интерес этим стихам. Вот анекдот. Он стоит тяжелой прозы «Северной почты»: «Ребята, вперед» и проч. За истину его я ручаюсь. Я был свидетелем, Давыдов, Медем и лекарь Витгенштейновой главной квартиры.

Он тем более важен, сей анекдот, что про Раевск<ого> набрать не много. Он молчалив, скромен отчасти. Скрыт. Недоверчив: знает людей; не уважаем ими. Он, одним словом, во всем контраст Милорадовичу, и, кажется, находит удовольствие не походить на него ни в чем. У него есть большие слабости и великие военные качества. С лишком одиннадцать месяцев я был при нем неотлучен. Спал и ел при нем: я его знаю совершенно, более нежели он меня. И здесь, про себя, с удовольствием отдаю ему справедливость, не угождением, не признательностию исторгнутую. Раевский славный воин и иногда хороший человек — иногда очень странный.

Вот что я намарал не херя. Слава богу! Часок пролетел так, что я его и не приметил. Я могу писать скоро, без поправок, и буду писать все, что придет на ум, пока лень не выдернет пера из руки.

8 мая.

Я предполагал — случилось иначе,— что нынешнею весною могу предпринять путешествие для моего здоровья по России. В половине апреля быть в Москве. Закупить все нужное, книги, вещи, экипаж. Провести три недели посреди шума городского. Посоветоваться с лекарями, и в первых числах мая отправиться на

---

[1] У меня нет больше крови, которая дала мне жизнь.
Она иссякла, пролитая за родину (*фр.*).

Кавказ. Пробыть там два курса, а на осень в Тавриду. Конец сентября, октябрь и ноябрь весь пробыть на берегах Черного моря, в счастливейшей стране, и потом через Киев, к Новому году воротиться в Москву.— Но ветры унесли мои желания!

В молодости мы полагаем, что люди или добры, или злы: они белы и черны. Вступая в средние лета, открываем людей ни совершенно черных, ни совершенно белых; Монтань бы сказал: серых. Но зато истинная опытность должна научить снисхождению, без которого нет ни одной общественной добродетели: надобно жить с серыми или жить в Диогеновой бочке.

Для того чтобы писать хорошо в стихах — в каком бы то ни было роде,— писать разнообразно, слогом сильным и приятным, с мыслями незаемными, с чувствами, надобно много писать прозою, но не для публики, а записывать просто для себя. Я часто испытывал на себе, что этот способ мне удавался: рано или поздно писанное в прозе пригодится.— «Она питательница стиха»,— сказал Альфьери, если память мне не изменила. Кстати, о памяти, моя так упряма, своенравна, что я прихожу часто в отчаяние. Учу стихи наизусть и ничего затвердить не мог: одни италианские врезываются в моей памяти. Отчего? Не оттого ли, что они угождают слуху более других.

Я прежде мало писал от лени, теперь от болезни, и мир ушам!

Сен-Ламбер советует экзаменовать себя по истечении некоторого времени: прекрасный способ. Лучшее средство уничтожить некоторую часть своего самолюбия. Самый ученейший человек без книг, без пособий знает мало и не твердо. Знание профессоров науки есть знание или искусство пользоваться чужими сведениями.

В прекрасных садах Швенцина и потом, в трактире местном, я видел в первый раз Ланского и Ушакова. Генералы оба, и оба убиты в 1814, под Лаоном, если

не ошибаюсь. Блюхера видел в первый раз во Франкфурте-на-Майне, потом в сражении под Бриенном. Клейста в Богемии и под Лейпцигом часто. Цитена в Ноллендорфе часто. Шварценберга — везде. Славного Воронцова я видел в окрестностях Парижа.

«Быть весьма умным, весьма сведущим — не в нашей состоит воле; быть же героем в деле зависит от каждого: кто же не захочет быть героем?» — Так говорит Воронцов приказ 12-й дивизии 1815. Но я здесь в тишине думаю, и, конечно, не ошибаюсь, что эти слова можно приложить и к дарованию; вот как: не в нашей воле иметь дарования, часто не в нашей воле развить и те, которые нам дала природа, но быть честным в нашей воле: ergo! [1] Но быть добрым в нашей воле, ergo! Но быть снисходительным, великодушным, постоянным в нашей воле. Ergo!

Карамзин мне говорил однажды: «Человек создан трудиться, работать и наслаждаться. Он всех тварей живущее, он все перенести может. Для него нет совершенного лишения, совершенного бедствия — я, по крайней мере, не знаю — кроме бесславия»,— прибавил он, подумав немного.

Может быть, лучший признак мудрости есть кротость, *тихий нрав в крови*, как говорит Державин.

Слава богу, еще можно жить и наслаждаться жизнию: прогулка в поле не скучна — это я сегодня с радостию испытал.

С какой стороны ни рассматривай человека и себя в обществе, найдешь, что снисхождение должно быть первою добродетелию. Снисхождение в речах, в поступках, в мыслях: оно-то дает эту прелесть доброты, которая едва ли не любезнее всего на свете. Наморщить лоб и взять Ювеналову дубину не так-то трудно. Но шутить с жизнию, как Гораций,— вот истинный камень философии. Снисхождение должно иметь границы. Брань по-

---

[1] следовательно (*лат.*).

року, прощение слабости! Рассудок отличит порок от слабости. Надобно быть снисходительну и к себе: сделал дурно сегодня — не унывай: теперь упал — завтре встанешь. Не валяйся только в грязи. Мемнон хотел быть совершенно добродетельным и очутился без глаза. Александр убил Клита и загладил преступление свое великими делами. Несчастия, болезни часто лишают нас снисхождения или благоволения, но должно стараться вырвать из их рук несчастия и вечно таить в сердце.

<...> В 1814, в бытность мою в Париже, я жил у Д<амаса> и сделался болен. Послал в ближнюю биб<лиотеку> за книгами. Приносят «Paul et Virginie» [1], которую я читал уже несколько раз: читал и заливался слезами, и какие слезы! Самые приятнейшие, чистейшие! После шума военного, после ядер и грома, после страшного зрелища разрушения и, наконец, после всей роскоши и прелести нового Вавилона, которые я успел уже вкусить до пресыщения, чтение этой книги облегчило мое сердце и примирило с миром. Автор оной, Bernardin de St-Pierre, умер незадолго перед нами. Он много странствовал, служил в России офицером и, видно, был несчастлив. Мечтатель, подобный Руссо. Его философия — бред, в котором сияет воображение и всегда видно доброе и чувствительное сердце.

Выслушайте меня, бога ради. Я намекну вам только, каким образом можно составить книгу приятную и полезную. Удивляюсь, что ни один из наших литераторов не принялся за подобный труд. Вот план en grand [2].

Говорить об одной русской словесности, не начиная с Лединых яиц, не излагая новых теорий: но говорить просто, как можно приятнее и яснее для людей светских; и предполагая, что читатели имеют обширные сведения в иностранной литерат<уре>, но своей собственной не знают, показать им ее рождение, ход, сходство и разницу ее от других литератур, все эпохи ее и, наконец, довести до времен наших.

[1] «Поля и Виргинию» *(фр.)*.
[2] в целом *(фр.)*.

Дайте форму, какую вздумаете. Но вот изложение материй.

1. О славенском языке. Опять не начинать от Сима, Хама и Афета! А с Библии, которую мы, по привычке, зовем славенскою. О русском языке.

2. О языке во времена некоторых князей и царей. Влияние (пагубное) татар.

3. О языке во времена Петра I. Проповедники. Переводы иностранных книг по именному указу.

4. Тредьяковский и его товарищи. Путешественники и ученые.

5 и 6. Кантемир. Статья интересная. Академия наук. Ученые иностранцы. Борьба старых нравов с новыми, старого языка с новым. Влияние искусств, наук, роскоши, двора и женщин на язык и литерат<уру>.

7. *Ломоносов* <рисунок солнца>.

8. Сумароков.

9. Современные им писатели.

10. *Фонвизин*. Образование прозы.

11. Болтин, Елагин, историки. Переводчики.

12. Обозрение журналов. Влияние их. Участие Екатерины в издании «Собеседника». Придворный театр. Господствование французской словесности и вольтерианизм. Желание имп<ератрицы> воскресить старинный язык русский. Несообразности.

13. Петров, Майков.

14. *Державин*: «Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный».

15. Подражатели его. Взгляд на словесность вообще. Успехи. Недостатки.

16. *Богданович*. Влияние его.

17. *Херасков*. Проза его и стихи.

18. *Карамзин*. Ход его. Влияние на язык вообще.

19. *Дмитриев*. Характер его дарования, красивость и точность. Он то же делает у нас, что Буало или Попе у себя.

20. Подражатели их.

21. Княжнин. Взгляд на театр вообще. Княжнина комедия и трагедия. Может быть, климат и конституция не позволяют нам иметь своего, национального театра.

22. *Озеров*.

23. Хемницер. Крылов. Жуковский.

24. *Муравьев*. Книги его изданы недавно. Он первый говорил о морали. Он выше своего времени и духом и сведениями.

25. Бобров. Мерзляков. Востоков. Воейков. Переводы Кострова и Гнедича. Пушкин. Вяземский. Сумароков Панкратий. Нелединский. Взгляд на издание Жуковского и потом Кавелина. Замечание на письма И. М. <Муравьева-Апостола> из Нижнего.

26. *Шишков*. Его мнения. Он прав, он виноват. Его противники: Макаров, Дашков, Никольский.

27. Обозрение словесности с тех пор, как Карамзин оставил «Вестник». Труды Каченовского.

28. Статьи интересные о некоторых писателях, как то: Радищев, Пнин, Беницки⟨й⟩, Колычев.

Словесность надлежит разделить на эпохи:

I. Ломоносова.
II. Фонвизина.
III. Державина.
IV. Карамзина.
V. До времен наших.

Сии эпохи должны быть ясными точками. Потом: не должно из виду упускать действие иностранных языков на наш язык. Переводы ученых с греческого и латинского. Что заняли мы у французов, и какое действие имели переводы романов Вольтера и проч.

Новикова труды. Влияние новорожденной немецкой словесности и отчасти английской. В чем мы успели? Почему лирический род процветал и должен погаснуть. Что всего свойственнее русским? Богатство и бедность языка. Может ли процветать язык без философии и почему может, но не долго. Влияние церковного языка на гражданский и гражданского на духовное красноречие. Все сии вопросы требуют ясного разрешения и должны быть размещены по приличным местам.

Должно представить картину нравов при Петре, Елисавете и Екатерине: до Ломоносова, при нем, при Державине, при Карамзине. Пустословить на кафедре по следам Батте и Бутеверка легко; но какая польза? Здесь надобно говорить дело: просто, свободно, приятно.

МЫСЛИ О ЛИТЕРАТУРЕ

«Tout vouloir est d'un fou» [1],— сказал Воль<тер>, который сам погрешил, желая успеть во всех родах словесности: границы есть уму, и даже величайшему. Мо-

---

[1] Всего желать свойственно безумцу *(фр.)*.

жет ли один человек написать басни Лафонтеновы, Шакспирова «Отелло», Мольерова «Мизантропа» и Д'Аламбертово «Предисловие к Энциклопедии»? Нет, конечно. Зачем же Вольтер... но бог с ним!

Не надобно любителю изящного отставать от словесности. Те, которые не читали Виланда, Гете, Шиллера, Миллера и даже Канта, похожи на деревенских старух, которые не знают, что мы взяли Париж и что Москва сожжена, до сих пор сомневаются. Но не надобно вдаваться в другую крайность. Не надобно беспрестанно слоняться из одной литерат<уры> в другую или заниматься одною древностию. И те и другие *шалеют*, как говорит мой чистосердечный Кантемир о скупом и моте. Есть середина.

Какая пучина! Англичане, немцы, итальянцы, португальцы, гишпанцы, французы, восточные полуденные народы и вечные древние! Кто обнимет все творение ума человеческого! и зачем? Крылов ничего не читает, кроме «Всемирного путешественника», расходной книги и календаря, а его будут читать и внуки наши. Талант нелюбопытен: ум жаден к новости; но что в уме без таланта, скажите, бога ради! И талант есть ум: правда! Но ум сосредоточенный.

Каждый язык имеет свое словотечение, свою гармонию. И странно бы было русскому, или италиянцу, или англичанину писать для французского уха и наоборот. Гармония, мужественная гармония, не всегда прибегает к плавности. Я не знаю плавнее этих стихов:

На светло-голубом эфире
Златая плавала луна и пр.

И оды «Соловей» Державина. Но какая гармония в «Водопаде» и в «Оде на смерть Мещерского»! «Глагол времен, металла звон!»

Данте — великий поэт: он говорит памяти, уху, глазам, рассудку, воображению, сердцу.

Есть писатели, у которых слог темен: у иных мутен. Мутен, когда слова не на месте, темен, когда слова не выражают мысли или мысли не ясны от недостатка точности и натуральной логики. Можно быть глубоко-

мысленным и не темным, и должно быть ясным, всегда ясным для людей образованных и для великих душ.

Ученость сушит ум, рассеяние — сердце.

Театральные издержки в Греции были столь высоки, что представление одной трагедии Софокла и Эврипида стоило государству более, нежели война с персами, говорит Плутарх. Мы платим актерам по двести, по триста рублей: лучшему тысячи две в год. Наши декорации не стоят ничего. Зато... у нас и трагики, и комики, и зрители!

ЛОМОНОСОВ

Вот прекрасное место из Слова его о Химии. Он говорит, что «математики по некоторым известным количествам неизвестных дознаются» и проч. Подобно и химики, по некоторым признакам угадывают другие и проч. «Когда от любви безпокоящийся жених желает познать прямо склонность своей к себе невесты, тогда, разговаривая с нею, примечает в лице перемены цвету, очей обращение и речей порядок. Наблюдает ея *дружества*, обходительства и увеселения; выспрашивает рабынь, которыя ей при возбуждении, при нарядах, при выездах и при домашних упражнениях служат; и так по всему тому точно уверяется о подлинном сердца ея состоянии.— Равным образом прекрасные натуры рачительный любитель, желая испытать толь глубоко сокровенное состояние первоначальных частиц, тела составляющих, должен высматривать все оных свойства и перемены, а особливо те, которые показывает ближайшая ее служительница и наперсница и в самые внутренние чертоги вход имеющая — Химия: и когда она разделенныя и разсеянныя частицы из растворов в твердыя части соединяет и показывает разныя в них фигуры, выспрашивает у осторожной и догадливой Геометрии; когда твердыя тела на жидкия, жидкия на твердыя переменяет и разных родов материи разделяет и соединяет; советовать с точною и замысловатою Механикою: и когда чрез слитие жидких материй разные цветы производит, выведывать чрез проницательную Оптику».

Здесь удивляюсь, первое, красоте и точности срав-

нения, второе — порядку всех мыслей и потому всех членов периода, третие — точности и приличию эпитетов: все показывает, что Ломон<осов> писал от избытка познаний. В самом изобилии слов он сохраняет какую-то особенную строгую точность, в языке совершенно новом. Каждый эпитет есть плод размышлений или отголосок мыслей: догадливая Геометрия, точная и замысловатая Механика, проницательая Оптика. Но вот другое место: здесь надобно удивляться изобилию языка. Какая река обширная красноречия!

«Исследованию первоначальных частиц, тела составляющих, следует изыскание причин взаимнаго союза, которым оне в составлении тел сопрягаются и от которого вся разность твердости и жидкости, жестокости и мягкости, гибкости и ломкости происходит. Все сие чрез что способнее испытать можно, как чрез Химию? Она только едина, то в огне их умягчает и паки скрепляет; то, разделив, на воздух поднимает и обратно из него собирает; то водою разводит и, в ней же сгустив, крепко соединяет; то, в едких водках растворяя, твердую материю в жидкую, жидкую в пыль и пыль в каменную твердость обращает».

Подражатели Ломоносова полагают, что его красноречие заключается в долготе периодов, в изобилии слов и в знании языка славенскаго. Нет, оно проистекает из души, напитанной чтением древних, безпрестанным размышлением о науках и созерцанием чудес природы, его первой наставницы. Да здравствует наш Михайло, рыбак холмогорский! Es lebe hoch! [1]

«Слово о Химии», по моему мнению, есть лучшее его произведение во всех отношениях. Он кончил его прекрасно, живым, ораторским движением обращаясь к Петру:

«Блаженны те очи, которыя божественнаго сего мужа на земли видели! Блаженны и треблаженны те, которые пот и кровь свою с ним, за него и за отечество проливали и которых он за верную службу в главу и в очи целовал помазанными своими устами!»

Описание землетрясений удивительно в Слове о рождении металлов:

«Страшное и насильственное оное в натуре явление показывается четырью образы. Первое, когда дрожит земля частыми и мелкими ударами и трещат стены

---

[1] Да здравствует! *(нем.)*

зданий, но без великой опасности. Второе, когда надувшись встает кверху и обратно перпендикулярным движением опускается. Здания для одинакаго положения нарочито безопасны. Третье, поверхности земной наподобие волн колебание бывает весьма бедственно; ибо отворенныя хляби на зыблющияся здания и на *бледнеющих людей* зияют и часто пожирают. Наконец, четвертое, когда по горизонтальной плоскости вся трясения сила устремляется; тогда земля из подстроений якобы *похищается*, и оныя, подобно как на *воздухе висящия*, оставляет, и, разрушив союз оплотов, *опровергает*. Разныя сии земли трясения не всегда по одному раздельно бывают; но дрожание с сильными стреляниями часто соединяется. Между тем предваряют и в то же время бывают подземныя стенания, урчания, иногда человеческому крику и оружному треску подобныя звучания. Протекают из недра земли источники, и новыя воды реками подобныя; дым, пепел, пламень, совокупно следуя, умножают ужас смертных».

Оратор заключает Слово похвалою России и Елисаветы: здесь истощает всю сладость языка и может поистине назваться льстецом слуха. Он нарочно собирает все приятные образы и звуки: «И по славных над сопостатами твоими победах,— разливший по земной поверхности воды и теми ужасный внутрь ея огонь обуздавший строитель мира укротить пламень войны дождем благодати и *мир* свой *умирит* твоим *мироискательным* воинствам».

Он с намерением, описав бури природы, кончил речь свою тихо, плавно и торжественно, как искусный музыкант великолепную сонату.

RENÉ

«Je recherchai surtout dans mes voyages les artistes et ces hommes divins qui chantent les dieux sur la lyre et la félicité des peuples, qui honorent les lois, la religion et les tombeaux... Leur vie est à la fois naive et sublime: ils célèbrent les dieux avec une bouche d'or, et sont les plus simples des hommes; ils causent comme des immortels ou comme de petits enfants; ils expliquent les lois de l'univers et ne peuvent comprendre les affaires les plus innocentes de la vie; ils ont des idées merveilleuses de la mort,

et meurent sans s'en apercevoir, comme des nouveau-nés»[1].

Это все можно приложить к Державину, к сему великому гению, все от слова до слова.

<...> N.N.N.

?

Недавно я имел случай познакомиться с странным человеком; каких много! Вот некоторые черты его характера и жизни.

Ему около тридцати лет. Он то здоров, очень здоров; то болен, при смерти болен. Сегодня беспечен, ветрен, как дитя; посмотришь завтра — ударился в мысли, в религию и стал мрачнее инока. Лицо у него точно доброе, как сердце, но столь же непостоянно. Он тонок, сух, бледен, как полотно. Он перенес три войны и на биваках был здоров, в покое — умирал. В походе он никогда не унывал и всегда готов был жертвовать жизнию с чудесною беспечностию, которой сам удивлялся; в мире для него все тягостно, и малейшая обязанность, какого бы рода ни было, есть свинцовое бремя. Когда долг призывает к чему-нибудь, он исполняет великодушно, точно так, как в болезни принимает ревень, не поморщившись. Но что в этом хорошего? К чему служит это? Он мало вещей или обязанностей считает за долг, ибо его маленькая голова любит философствовать, но так криво, так косо, что это вредит ему беспрестанно. Он служил в военной службе и в гражданской: в первой очень усердно и очень неудачно; во второй — удачно и очень не усердно. Обе службы ему надоели, ибо поистине он не охотник до чинов и крестов. А плакал, когда его обошли чином и не дали креста! Как растолкуют это? Он вспыльчив, как собака, и кроток, как овечка.

В нем два человека. Один добр, прост, весел, услужлив, богобоязлив, откровенен до излишества, щедр,

---

[1] Рене. Я всегда искал в своих странствиях, прежде всего, художников и вдохновенных богом людей, которые поют на лире богов, счастье народов, которые воспевают закон, религию и могилы. Жизнь их в одно время наивна и величественна. Они прославляют богов золотыми устами, а сами проще всех людей. Беседа их подобна разговору бессмертных или детей, они объясняют законы мироздания и не могут понять самые несложные житейские дела, они наделены глубочайшими идеями о смерти и умирают, не заметив того, как новорожденные (*фр.*).

трезв, мил. Другой человек — не думайте, чтобы я увеличивал его дурные качества, право, нет: и вы увидите сами, почему,— другой человек — злой, коварный, завистливый, жадный, иногда корыстолюбивый, но редко; мрачный, угрюмый, прихотливый, недовольный, мстительный, лукавый, сластолюбивый до излишества, непостоянный в любви и честолюбивый во всех родах честолюбия. Этот человек, то есть черный — прямой урод. Оба человека живут в одном теле. Как это? Не знаю; знаю только, что у нашего чудака профиль дурного человека, а посмотришь в глаза, так найдешь доброго! надобно только смотреть пристально и долго. За это единственно я люблю его! Горе, кто знает его с профили! Послушайте далее: он имеет некоторые таланты и не имеет никакого. Ни в чем не успел, а пишет очень часто. Ум его очень длинен и очень узок. Терпение его, от болезни ли или от другой причины, очень слабо; внимание рассеянно, память вялая и притуплена чтением: посудите сами, как успеть ему в чем-нибудь?

В обществе он иногда очень мил, иногда очень нравился каким-то особенным манером, тогда как приносил в него доброту сердечную, беспечность и снисходительность к людям. Но как стал приносить самолюбие, уважение к себе, упрямство и душу усталую, то все увидели в нем человека моего *с профили*. Он иногда удивительно красноречив: умеет войти, сказать — иногда туп, косноязычен, застенчив. Он жил в аде — он был на Олимпе. Это приметно в нем. Он благословен, он проклят каким-то Гением. Три дни думает о добре, желает делать доброе дело — вдруг недостанет терпения — на четвертый он сделается зол, неблагодарен; тогда не смотрите на профиль его! Он умеет говорить очень колко; пишет иногда очень остро насчет ближнего. Но тот человек, т<о> е<сть> добрый, любит людей и горестно плачет над эпиграммами черного человека. Белый человек спасает черного слезами перед Творцом, слезами живого раскаяния и добрыми поступками перед людьми. Дурной человек все портит и всему мешает: он надменнее сатаны, а белый не уступает в доброте ангелу-хранителю. Каким странным образом здесь два составляют одно? Зло так тесно связано с добрым и отличено столь резкими чертами? Откуда этот человек, или эти человеки, белый и черный, составляющие нашего знакомца? Но продолжим его изображение.

Он — который из них, белый или черный? — он или

они оба любят славу. Черный все любит, даже готов стать на колени и Христа ради просить, чтобы его похвалили, так он суетен — другой, напротив того, любит славу, как любил ее Ломоносов, и удивляется черному нахалу. У белого совесть чувствитель<на>, у другого медный лоб. Белый обожает друзей и готов для них в огонь — черный не даст и ногтей обстричь для дружества, так он любит себя пламенно. Но в дружестве, когда дело идет о дружестве, черному нет места: белый на страже! В любви... но не кончим изображения, оно и гнусно, и прелестно! Все, что ни скажешь хорошего на счет белого, черный припишет себе. Заключим: эти два человека, или сей один человек, живет теперь в деревне и пишет свой портрет пером по бумаге. Пожелаем ему доброго аппетита, он идет обедать.

Это Я! Догадались ли теперь?

⟨...⟩ Сен-Ламбер (или Ларошефуко) решительно сказал, что мы вылечиваемся от всех недостатков, если имеем на то добрую волю; но слабость характера — неизлечима. Полно, верить ли этому? *Внимание* есть удивительный рычаг в морали. Оно делает чудеса. Внимание может даровать некоторое последование, некоторый порядок в поступках наших, некоторое равновесие мыслям и делам; и мы уже вылечены от половины слабости. Часто лучшие свойства сердца называются слабостию людьми непрозорливыми. С первого взгляду Сократ казался слабым человеком. Его Ксантиппа делала из него что хотела и проливала на его священную голову помои из окна своего. «*После бури бывает дождь*»,— повторял мудрец, отряхая с себя воду. Но какую надобно иметь твердость души, чтобы сказать сии слова без гнева, с кротостию и с этою ирониею, исполненною человеколюбия, с этою усмешкою, которой Сократ дал имя свое! От слабого человека требуется вдвое добродетели. Ибо, как говорит седой Державин: «Как бедный часовой тот жалок, который вечно на часах!» Слабому человеку необходимо надобно держать в узде не только порочные страсти, но даже самые благороднейшие. Один поступок твердости дает силу учинить другой подобный. Ничто не дает такой силы уму, сердцу, душе,— как беспрестанная честность. Честность есть прямая линия: она ближе к истине, нежели кривые. Как легко развратиться в обществе, но зато какая честь

выдержать все его отравы и прелести, не покидая копья! Великая душа находит, отверзает себе повсюду славное и в безвестности поприще: нет такого места, где бы не можно было воевать с собою и одерживать победы над самим собою. Повинуемся судьбе не слепой, а зрячей, ибо она есть не что иное, как воля Творца нашего. Он простит слабость нашу: в нем сила наша, а не в самом человеке, как говорят стоики.

⟨...⟩ В армии встречаешь много карикатур, но подобной Кроссару, не всякому удастся встретить.

Мы дрались под Гайерсбергом, в горах у Теплица. Раевский стоял в дефилее: пули свистали. Является к нам офицер в свитском мундире, весь в крестах, и в петлице Мария-Терезия. Конь его в поту, у него самого пена у рта, и пот с него градом сыплется, глаза горят, как угли, и толстая нагайка гуляет беспрестанно с правого плеча на левое. «Bonjour, mon géneral!» — «Ah, bonjour Crossard!» [1] И слово за слово, вижу мой Кроссар вынимает толстую тетрадь: отгадайте, что? План, будущей кампании, проект, бред, одним словом. Он хочет читать ее, толковать — где? Под пулями, в горячем деле. Раевс⟨кий⟩ оттолкнул его и отворотился. Но Кроссар любил Раевского, как любовницу. Где генерал дерется, там и Кроссар с нагайкой и советами. Под Лейпцигом он нас не покидал. Дело было ужасное, и Кроссар утопал в удовольствии. Он вертелся, как белка на колесе, около генерала. Лошадь его упрямилась. Подъезжает ко мне: «Camarade, rendez-moi un service éclatant» [2].— «Что вам угодно?» — «Rossez mon cheval, je vous prie. La! Bon. Encore un coup, mais frappez fort!» [3] Я и товарищи секли его лошадь без жалости под пулями и картечью; всадник на ней прыгал беспрестанно, в пыли, в поту, в треугольной шляпе оборванной, и красный, как рак. Он, австриец, в 1812 году перебежал к нам. Он бросил перчатку Наполеону. Он дышит только в войне, любовник пламенный пуль и выстрелов.

---

[1] «Здравствуйте, мой генерал!» — «А, привет, Кроссар!» *(фр.)*
[2] «Товарищ, окажите мне важную услугу» *(фр.)*.
[3] «Ударьте мою лошадь, прошу вас. Так! Хорошо! Еще разок, и посильней!» *(фр.)*

<...> МОИ

Читаю Сенеку. Он очень остроумно называет Эпикура, проповедующего науку сладострастия, мужчиною в женском платье. Не можно ли сказать то же о Сенеке, угоднике Нерона, но наоборот? Впрочем, читая его письма, можно с ним примириться; можно решительно сказать, что он имел великую, прекрасную душу и ум необыкновенно проницательный. Он обнимал все сведения современников, и книга его, как история ума человеческого во времена Нерона, весьма интересна. Он удивительный мастер завострить мысль самую обыкновенную и в этом похож более на новейшего писателя, нежели на древнего. Я и в переводах вижу, что Цицерон никогда не прибегал к сим побочным средствам: как же разница меж ним и Сенекою должна быть чувствительна для тех, которые имеют счастие читать в подлиннике обоих авторов!

<...> У Гнедича есть прекрасное и самое редкое качество: он с ребяческим простодушием любит искать красоты в том, что читает; это самый лучший способ с пользою читать, обогащать себя, наслаждаться. Он мало читает, но хорошо. И горе тому, кто раскрывает книгу с тем, чтобы хватать погрешности, прятать их и при случае закричать: «Поймал! Смотрите! Какова глупость?» Простодушие и снисхождение есть признак головы, образованной для искусств. И впрямь мало таких произведений пера, живописи, искусств вообще, в которых бы ничего занять было невозможно: иногда погрешности самые наставительны. С одной стороны, и ученик опрокинет одним махом руки все здания Шекспира и Державина; с другой стороны, основания их вечны. Станем наслаждаться прекрасным, более хвалить и менее осуждать. Слова спасителя о нищих духом, наследующих Царством небесным, можно применить и к области словесности.

Вспоминаю: Дмитриев рассказывал мне следующий анекдот о Державине, который очень любопытен для наблюдателя. Когда вышел «Анахарсис» Бартелеми, то Державин просил неотступно Дмитриева и Петрова (Агатон Карамзина) достать ему эту книгу. Промыслили

немецкий перевод. Державин продержал день, два, три, неделю и более. «Прочитали ли вы?» — «Нет еще». Приходят через месяц, требуют книгу. «Возьмите, вот она!» И впрямь, она лежала на столе, но вся в пыли, в пудре. «Как понравился вам «Анахарсис»? Я чаю, вы в восхищении»,— спрашивали Дмитриев и Петров. «Я, виноват, не прочитал ее. Начал и не мог кончить... от скуки». У друзей опустились руки. Они поглядывали друг на друга и не знали, верить ли ушам своим. Но вот что всего удивительнее. Державина зовут на обед — не едет; на ужин, на бал — не поспел и отговорился болезнию. Дмитриев, приглашенный в те же самые дома, узнает о болезни Г<аврилы> Р<омановича> и спешит навестить его, и застает растрепанного, в шлафроке, с книгою в руках. «Вы не здоровы?» — «Нет,— отвечал стихотворец, рассмеявшись; я заленился, и эта книжка меня удержала дома; не мог расстаться с нею!» Отгадайте, какая это была книга? Ну, Пиндар! Анакреон! или проповедь Платонова, или что-нибудь новое о политике? Совсем не то. Сокольничий устав, при царе Алексее Михайловиче изданный.

После этого позволено сказать: что может быть страннее и упрямее головы великого человека! Этот анекдот меня поразил и пленил, рассказанный Дмитриевым, который говорит, как пишет, и пишет так же сладостно, остро и красноречиво, как говорит.

В мире надобно стряхнуть с себя прах воинский у алтаря муз и пожертвовать Грациям.

Все почти без исключения, все гишпанские стихотворцы были воины, и что всего удивительнее, посреди варварской войны Карла V, посреди опустошений, пожаров Европы и костров инквизиции они воспевали ... эклоги. Нежные мысли, страстные мечтания и любовь как-то сливаются очень натурально с шумною, мятежною, деятельною жизнию воина. Гораций бросил щит свой при Филиппах. Тибулл был воин. Парни служил адъютантом.

Сервантес потерял руку при Лепанте.

Перевод Мартынова, который вообще ясен, чист, точен и довольно красив. Он обогатил им нашу словесность, столь бедную переводами классиков! Я благодарен ему:

он доставил мне несколько приятных минут в единообразной скуке деревенской.

<...> Еще одна странность Державина. Когда появились его оды, то появились и критики. Чем более хвалителей, тем более и врагов; это дело обыкновенное! Между прочим г. Неп<люев> отзывался о Державине с презрением, не только отрицал ему в таланте, но утверждал решительно, что Державин (которого он лично не знал) должен быть величайший невежда, человек тупой и тому подобное. Пересказывают Державину, он вспыхнул. На другой день поэт отправляется к г. Неп<люеву>. «Не удивляйтесь, что меня видите. Вы меня бранили как поэта; прошу вас, познакомьтесь со мною, может быть, найдете во мне хорошую сторону, найдете, что я не так глуп, не такой невежда, как полагаете; может быть, смею ласкать себя надеждою, и полюбите меня».— Представьте себе удивление хозяина! Он и жена приглашают Гавр<илу> Ром<ановича> обедать, потчивают, угощают, не знают, что сказать ему, где посадить его. Державин продолжает ездить в дом и остается навсегда знакомым, даже приятелем.

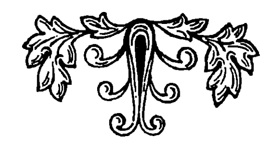
Я принят в общ<ество> любител<ей> словесно<сти> *Московское*, 1817 — весною.

Того же года — в *Казанское*.

В «Арзамас» — 1816, под именем Ахилла, сына Пелеева.

В трех ящиках книг: в 1-м — 170
2 — 61
3 — 60
291.

Три года «Вестник»
Полгода «Сына отеч<ества>»



Наброски и планы незавершенных произведений

<ПЛАН СЕВЕРНОЙ ПОЭМЫ-СКАЗКИ>

Я хочу написать поэму в 4-х песнях; сюжет: *Синеус*, брат Рурика, или другой Герой, но принадлежащий, по крайней мере по воспоминаниям, России. Театром выбираю берега Варяжского моря, провинцию Скифию; этот выбор, кажется, довольно удачен, ибо местные положения выгодны для поэзии: горы, леса, зима, снега и непроходимые степи, вид мрачной природы в противуположность весне, которая в этом климате имеет особенную прелесть; одним словом, места, которые я видел в Финляндии,— все это можно описать и оживить. Я буду подражать в подробностях, а не в плане, *Парни*, после его «Isnel et Aslega», ибо у него краски живы и верны. У славян, варяг, особенно у скандинавов, были волхвы. У них женщины имели дар пророчества. Не можно ли представить северную *Армиду*? дать ей особенный наряд, воздушных слуг и пр.? Нельзя ли ей построить палаты на льдах биармских, посреди вихря и непогод? Нельзя ли льды превратить в розы и сады — посредством волшебного жезла или, лучше, поэзии? Надобно избегать подражания — это главное; не надобно стесняться изобретать (что немного трудно). Что же касается до Неба, то его смело населить можно скандинавскими богами: Оден, Валкирии, Гела и пр. Это все ново, особливо же у нас. Если я и не успею, то мечты сии принесут мне удовольствие; а этого и довольно.

Эпизод. Варяги у меня будут ахейцы Омировы, скандинавы, трояне.

Не представить ли царя их мстительным, мрачным соперником моего Героя, соперником в любви. У скандинавца сестра-волшебница — Армида. Он ее заклинает очаровать врага своего, и волшебница завлекает его в чертоги.

Сколько этот сюжет обилен, я не совладаю с ним!

Герой мой может идти на охоту, встречает оленя, олень сей завлекает его в лес непроходимый и, наконец, в чертоги Волшебницы.— Здесь можно подражать Ариостовой Альцине.

Оден, который покровительствует Герою, посылает вестницу, розу из рамен девы, и она разрушает очарование. Герой переносится в стан обратно.

РУСАЛКА

Песнь первая

Добрыня и сын его, юный Озар, обреченный дочери Оскольдовой, сопутники Оскольда, спешат настигнуть воинство его, идущее по Днепру в окрестностях Киева, воевать Царьград. Радость молодого Озара, в первый раз препоясанного мечом. Задумчивость Добрыни. Они сбиваются с пути. Буря. Находят пристанище у старца, древнего волхва. Он предсказывает Добрыне славное потомство, если спасет сына своего от очарований Лады, днепровской русалки. Нетерпение Озара. Они настигают воинство, расположенное на берегах Днепра, при шумных порогах. Пиршество воинское. Песни. Озар, утомленный трудами, засыпает: ему является во сне Лада во всей красоте; встревоженный, просыпается, призывает на помощь имя невесты своей, но образ Лады глубоко запечатлевается в его сердце.

Песнь вторая

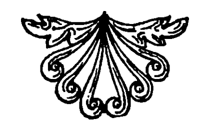
Задумчивый Озар последует войску. Добрыня расстается с сыном и идет по велению Оскольда отражать племена булгаров. Советы его сыну. Юноша клянется повиноваться ему. Между тем Лада, неприятельница волхва, желает заманить в свои сети его правнука. Является в виде лани перед войском юноши; товарищи Оскольда покидают ладьи, садятся на коней и скачут за ланью. Их опережает Озар. Он забывает совет волхва не переступать за цветочные цепи в лесу. Скачет за ланью. Преследует ее напрасно до самых берегов Днепра. Усталый, засыпает. Русалки опутывают его цепями.

Песнь третья

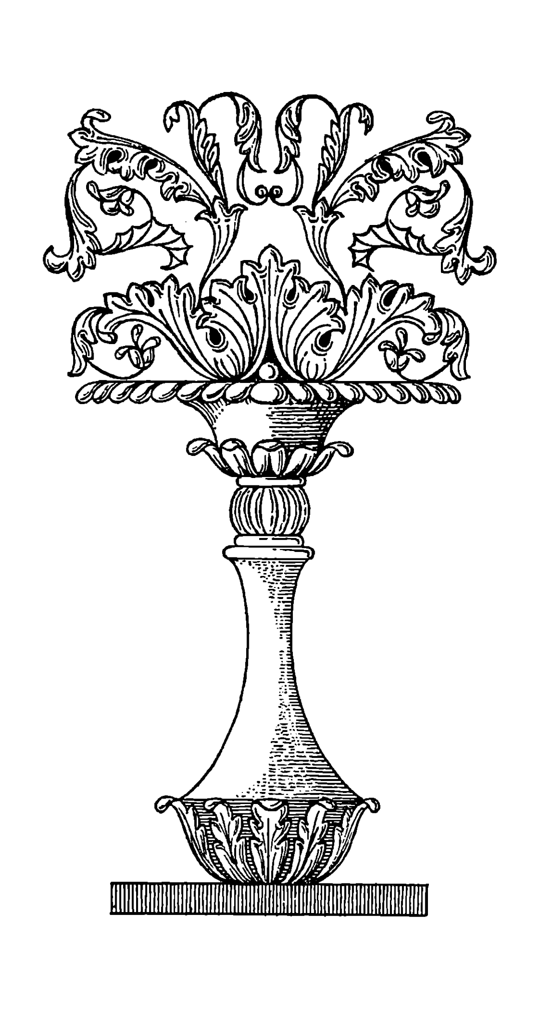
Он просыпается в царстве Лады. Кристальные чертоги ее. Описание жизни русалок. Веселость. Их ночные празднества и жертвы Лады. Любовь Лады. Озар счастлив.

Песнь четвертая

Но войско возвращается с победы. Озар слышит голоса товарищей, видит их сквозь тонкую влагу. Его отчаяние. Между тем Добрыня прибегает к волхву. Его чародейство. Они шествуют по Днепру ночью. Лунное сияние. Озар скрывается из рук Лады. Ее отчаяние.



Письма



1. Е. Н. И В. Н. БАТЮШКОВЫМ

6 июля 1797. <*Петербург*>

Любезные сестрицы! Вы не можете себе представить, сколь я сожалею, что так долгое время не имел удовольствия получать от вас известия с новостями о вашем здоровьи. Вчерашний день препроводил я очень весело у сестриц моих, которые в присутствии моем писали к вам письма с не весьма великим выговором, который подносят они вам за то, что вы к ним не пишете; может быть, что сей выговор возымеет свое действие и произведет у вас желание повеселить нас вашим уведомлением. Извещая вас о сем, с почтением остаюсь ваш брат *Константин Б.*

2. Н. Л. БАТЮШКОВУ

1 февраля 1800. <*Петербург*>

Любезный папинька! С сей оказией я не преминул вам сказать, что я, слава Богу, здоров. Я езжу к г. Щлатеру по вашему позволению. Лизавета Петровна вас велела попросить, ежели вы пришлите масло, холстину и мед, то она себе хочет взять все сие распродать, ибо ее многие просили о оных.

При сем я вам посылаю рисунок моей работы да надеюсь к вашему приезду другой большой кончить, кой я теперь начал.— Покорно вас благодарю за 5 <рублей>, кои вы мне прислали. Извините, что я так мало писал: право, мы теперь в классах.— Завтра я вам большее напишу. Ваш покорный сын *К. Батюшков.*

P. S. Когда вы пришлите сюда людей, то сделайте милость, доставьте мне белых платков, ибо у меня мало,

а все уже стали стары.— Здесь ныне очень холодно, но так было тепло, что камни на улицах показывались. Способу нет ездить.

3. Н. Л. БАТЮШКОВУ

11 ноября <1801. Петербург>

Любезный папинька! Письмо ваше меня совсем успокоило, ибо глазная боль Ваша, слава Богу, миновалась. Что остается мне желать теперя? — Ваш скорый приезд. Вы не замедлите оный, и я совершенно буду счастлив.

В свободное время переводил я речь Платона, говоренную на случай коронации; а как она понравилась Платону Аполлоновичу, то он и хочет ее отдать напечатать. К оной присоединил я посвятительное письмо Платону Аполлоновичу, которое, как и речь, были поправлены Иваном Антоновичем. Лишь только оная выдет из печати, то я пришлю Вам ее и оригинал. Я продолжаю французский и итальянский языки, прохожу италиянскую грамматику и учу в оной глаголы; уже я знаю наизусть довольно слов. В географии Иван Антонович, истолковав нужную материю, велит оную самим без его помощи описать; чрез то мы даже упражняемся в штиле.

Я продолжаю, любезный папинька, учиться немецкому языку и перевожу с французского на оный. Прежний учитель, не имея времени ходить к нам, отказался; а его место заступил один ученый пастор, который немецкий язык в совершенстве знает. В математике прохожу я вторую часть арифметики, а на будущей неделе начну геометрию. Первые правила Российской риторики уже прошел и теперь занимаюсь переводами. Рисую я большую картину карандашом, Диану и Ендимиона, которую Анна Николаевна мне прислала, но еще и половины не кончил, потому что сия работа ужасно медленна, начатую же картину без Вас кончил, и пришлю с Васильем. На гитаре играю сонаты.

Пожелав вам от всего моего сердца счастия и здравия, остаюсь навсегда вашим послушным и покорным Константином.

P. S. Я получил деньги, вами присланные, и очень вас благодарю. Никто не плотит мне ни копейки, и так вот еще во второй раз буду Вас беспокоить. Вы

не поверите, что стоит прачка, почта, содержание Федора и себя и множество малых расходов.

Сделайте милость, пришлите Геллерта, у меня и одной немецкой книги нет, также и лексиконы, сочинения Ломоносова и Сумарокова, «Кандида», соч. Мерсье, «Путешествие в Сирию», и попросите у Анны Николаевны каких-нибудь французских книг и оные все с Шипиловым или с Василием пришлите. И еще 15 р. на другие нужные книги.

Поцелуйте сестрицу за меня и сделайте милость, скажите ей, что мне нет времени, а то я бы ей не преминул писать. Дай боже, чтоб Лизавете лучше было!

Вы, любезный папинька, обещали мне подарить ваш телескоп; его можно продать и купить книги.— Они, по крайней мере, без употребления не останутся.

4. Н. Л. БАТЮШКОВУ

<Нач. 1800-х гг. Петербург>

Любезный папинька.

Ваше молчание причиняет мне много печали. Ни одной строки с тех пор, как мы с вами расстались, не получал я от Вас, из этого что могу я заключить о вашем здравии, которое мне столь драгоценно. Ежеминутно ожидаю тех людей, которых вы хотели послать после Володимира, но их неприбытие умножает мою печаль. Сделайте милость, любезный папинька, пишите ко мне чаще и утешьте тем огорченного

Константина.

Извините меня, что более к вам не пишу, право мне не теперь нет времени (sic.— *ред.*). Поцелуйте от меня сестер.

5. Е. Н. ШИПИЛОВОЙ

<Не позднее 1806.>

Non, pourquoi rappeler que je ne vous eu pas ecrit depuis tant de siecles, pourquoi vous en souvenir, vous sans cela trop fachée contre moi. Je ne vouz dirai ma chère que je vous félicite de tout mon coeur, vous savez fort bien avec

quoi; et donc vous n'etez sans doutes pas fachée. Que vous dirai-je ma chere, que je vous aime de tout mon coeur.

Ma pauvre Barbe a la <fievre?> je la vois souvent. Elle vous fait les compliments. Je vous envoye des gants et un etui pour mettre les aiguilles, encore du rouge je sais que vous en aurez besoin, je vous prie, mandez moi des nouvelles de ma soeur Anne, comment se porte-t-elle.

Adieu pour toujours *Constantin le grand* [1].

---

[1] Нет, зачем напоминать, что я не писал вам столь долго, зачем помнить об этом, когда ты и без того сердишься на меня. Не стану говорить тебе, моя дорогая, что я тебя поздравляю от всего сердца, ты сама хорошо знаешь с чем и, следовательно, не сердишься. Что сказать тебе, моя дорогая, что я люблю тебя от всего сердца.

Моя бедная Варенька <больна?> я ее часто вижу. Она шлет тебе привет. Посылаю тебе перчатки, игольник и еще румян. Я знаю, что они тебе будут нужны. Сообщи мне, как поживает моя сестра Анна, как ее дела. Прощай навсегда.

Константин Великий (фр.).

6. СЕСТРАМ

<Не позднее 1806.>

Любезные мои сестры,

Je m'étonne, je n'y comprends rien, comment mes chères soeurs je vous écris sans avoir de vous une seule réponse? — cela est bien drôle, moi, oui, qui place dans toutes mes lettres tant de sentiments, tant des choses, moi qui vous écris tout ce que mon coeur sent, moi..., enfin je ne recois point de lettres. D'ailleurs vos reproches me percent le coeur. Je vous aime et je vous estime trop, pour avoir des reproches, et si vous croyez que je les mérite, pardonnez à votre Constantin quelques étourderie, pardonnez les et il serait heureux. Ah, si vous m'aimez, ecrivez — moi une on deux lignes, ecrivez que vous m'aimez encore, et que vous ne m'avez pas oublié, avec quoi vous obligerez votre frère qui vous aime plus que sa propre vie. Adieu, je baise 1 000 000 000 vos mains et si vous etiez ici je les aurai baigné de mes larmes. Adieu.

Au plaisir de vous revoir.

Constantin Nicolaev [1]

---

[1] Удивляюсь, не понимаю, дорогие сестры, пишу вам, не получая ничего в ответ? — это весьма странно, я, вкладывающий в каждое письмо столько чувств, столько всего, я, пишущий вам обо всем, что

чувствует мое сердце, я... И вот, я не получаю писем. К тому же ваши упреки пронзают мне сердце. Я вас люблю и ценю и не заслуживаю упреков, а если вы думаете, что я заслуживаю порицания, простите вашему Константину некоторую ветреность, простите ее, и он будет счастлив. Ах, если вы меня любите, напишите мне две-три строчки, напишите, что вы меня еще любите и не забыли, чем вы весьма обяжете вашего брата, который любит вас больше жизни. Прощайте, целую 1 000 000 000 раз ваши руки, а если бы вы были здесь, я бы облил их слезами. Прощайте. До радостного свидания.

Константин Николаев<ич> (фр.).

7. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<Декабрь не позднее 1806. Петербург>

Et moi aussi, ma chère Alexandrine, profitant de cette occasion, je vous repéteria que je vous aime toujours et vous souhaite tous les plaisirs possibles, présents et à venir. Je vous félicite avec la nouvelle année.

Je crois, ma chère, vous voir chez nous: que je le sonhaite! — car que faire dans ces maudites provinces.— Toujours la même chose, voir tous les jours des gens avec qui on ne sauroit dire le mot. J'enragerois, moi, si j'étais à votre place, et rien n'est plus insupportable que des campagnards méchants. Venez chez nous, je vous en conjure, venez partager nos plaisirs et nos peines, nous gouterons les premiers avec plus de délices et nous pourrons rire des dernières. La bonne chose que la gaieté! Je crois que vous n'avez ri de toute une année. Venez, encore je vous le répéte, votre frère est impatient de vous voir.

Constantin.

Je vous envoie une tabatiere, j'espére que vous m'apporterez quelque chose de la campagne[1].

---

[1] И я, моя дорогая Александрин, пользуюсь случаем повторить, что я люблю тебя и желаю тебе всех возможных радостей в настоящем и будущем. Поздравляю тебя с новым годом.

Надеюсь, моя дорогая, увидеть тебя у нас, как бы я этого хотел — ибо что делать в этой проклятой провинции, где все одно и то же и каждый день видишь людей, с которыми невозможно сказать слова? Я вышел бы из себя, будь я на твоем месте, ибо не может быть ничего более непереносимого, чем злобная деревенщина. Приезжай к нам, молю тебя, приезжай разделить наши радости и горести. Мы

станем вкушать первые совместно и сможем смеяться над вторыми. Сколь прекрасно веселье! Думаю, что ты не смеялась целый год. Приезжай, еще раз повторяю, твой брат соскучился по тебе.

Константин.

Посылаю тебе табакерку, надеюсь, что ты привезешь мне что-нибудь из деревни (*фр.*).

8. Н. Л. БАТЮШКОВУ

17 февраля 1807. <Петербург>

Любезный папинька! Я получил последнее письмо ваше, которым вы уведомляете меня, что нездоровы. Ах, сколь сия весть для меня ужасна, тем более, что я должен буду теперь вас еще огорчить. Падаю к ногам твоим, дражайший родитель, и прошу прощения за то, что учинил дело честное без твоего позволения и благословения, которое теперь от меня требует и Небо, и земля.

Но что томить вас! Лучше объявить все, и всевышний длань свою прострет на вас.

Я должен оставить Петербург, не сказавшись вам, и отправиться со стрелками, чтоб их проводить до армии. Надеюсь, что ваше снисхождение столь велико, любовь ваша столь горяча, что не найдете вы ничего предосудительного в сем предприятии. Я сам на сие вызвался и надеюсь, что Государь вознаградит (если того сделаюсь достоин) печаль и горесть вашу излиянием на вас щедрот своих. Еще падаю к ногам вашим, еще умоляю вас не сокрушаться. Боже, ужели я могу заслужить гнев моего Ангела-хранителя, ибо иначе вас называть не умею! Надеюсь, что и без меня Михайло Никитич сделает все возможное, чтоб возвратить вам спокойствие и утешить последние дни жизни вашей. Он и сам черезвычайно болен к моему большому огорчению. Я могу сказать без лжи, что он меня любит, как сына, и что я мало заслуживаю его милости. Теперь буду вас покорнейше просить высылать деньги и письма ваши на имя Александры: она мне будет их чрез вернейший способ доставлять, а теперь к выезду моему мне оные черезвычайно нужны.

Еще повергаю себя в ваши объятия и прошу благословения на дальний путь, который предприемлю; оно мне нужнее и денег, и воздуха даже, которым дышать буду. Я скоро возвращусь и надеюсь, что, увидя вас,

исцелю все раны моими слезами радости, все раны, нанесенные вам рукою жестокой судьбы. Ах, и в сей час я плачу, родитель мой, и в сей час даже образ твой есть для меня залогом любви твоей и твоих милостей.

Сим кончу я письмо мое; поездку мою кратковременную отменить уже не можно: имя мое конфирмовано Государем. Итак, прошу вас именем сына вашего, утешьтесь и не огорчайтесь краткой поездкой в Польшу.

Бога ради, прошу вас подать мне теперь к отъезду некоторые способы. Пишите ко мне, родитель мой, и дайте мне свое благословение, без коего я жить не могу; я же с своей стороны пред Всевышним пролию реки слез и испрошу вам здравия, спокойствия душевного и всех благ земных. Послушный сын ваш *Константин Батюшков.*

9. Н. И. ГНЕДИЧУ

2 марта 1807. Нарва

Портфель моя уехала, и я принужден писать на этой бумаге из Нарвы; устал, как собака, но все пишу, сколько могу. Не забывай, брат, меня; хоть строку напиши в Ригу. Я здоров, как корова. Я чай, твой Ахиллес пьяный столько вина и водки не пивал, как я походом. Пиши ко мне хоть в стихах — музы меня совсем оставили за Красным Кабаком. Дай хоть в Риге услышать отголосок твоего песнопения.

Ужели слышать всё докучный барабан?
Пусть дружество еще, проникнув тихим гласом,
Хотя на час один соединит с Парнасом
Того, кто невзначай Ареев вздел кафтан
И с клячей величавой
Пустился кое-как за славой.

Вот тебе impromptu [1]. Лучше не умею и не хочу.

Пиши, мой друг, ко мне; я тебя, право, люблю душевно, да как и не любить того, *с кем мог отводить душу с душой*. Хозяин мой — немец, не поколотить ли его? А как не даст кофею? — Ну, бог с ним! Пусть и собаки в покое будут.

Я тебе прилагаю записку к сестре, возьми у нее 25 р. и выкупи одни часы, а выкупив, отдай их ей, другие же пересрочь. Кланяйся всем знакомым в ноги. Я всех люблю. Ей-богу. Лаптевича попроси, чтобы приписнул. Какова его горячка? Поход научит всему. Я как каторж-

ный: люди спят, а я из одного места в другое. Покоя ни на час.— Дай кофею напиться.

Что у вас в Питере? — на Парнасе и в департаменте? Напиши мне десть кругом. Пусть все пишут, я читать стану. Чем глупее, тем лучше. Прощай.

Можешь письмо сие показать сестре Александре. Сходи к ней.

---

[1] экспромт (*фр.*).

10. Н. И. ГНЕДИЧУ

19 марта 1807. Рига

Я получил, любезный Николай, твое письмо и порадовался душевно о том, что ты меня не позабыл и любишь, как прежде. Ты знаешь, что я чудак и не люблю в глаза льстить, но теперь разлука дает мне право сказать тебе, что один у меня друг, и истина сия запечатлена в моем сердце навеки. Доказательство тому, что я тебя люблю, как брата, есть то, что к тебе пишу, одолев и самую лень, и болезнь. Я в Риге остался за болезнию на несколько дней, хотя уже полк и очень впереди. Но теперь легче, и поеду завтре на курьерских догонять дружину. Пиши ко мне, а письма отсылай к сестре Александре чрез купца Ивана Алексеева. Одно утешение говорить с тобою, хотя на бумаге. Да пиши не на листке, а на трех, не в один присест, а во многие. Всякое слово для меня дорого в разлуке. Вы, петербургские баловни, и не чувствуете цены писем. Закоснели в грязи. Я теперь в Риге, царстве табака и чудаков — немцев иначе называть и не можно. Если меня любишь, то выполни мою просьбу: принеси на жертву какую-нибудь трагедию Шиллеру. Я немцев более еще возненавидел: ни души, ни ума у этих тварей нет. Но бог с ними! Поговорим лучше о другом. Мне очень нравится военное ремесло. Что будет вперед, Бог весть. Брани меня, а я штатскую службу ненавижу, чернила надоели; а стихи все люблю, хотя они меня не любят, и вопреки тебе буду у тебя просить стихов.

Поклонись Меценату-Капнисту. Да скажи ему, что я не только Тасса с собою не взял, но даже нет ни одного полустишия. А сражение опишу, верно, мерою отца-Тредьяковского и прямо буду бессмертен.

Вообрази себе меня едущего на рыжаке по чистым полям, и я счастливее всех королей, ибо дорогой читаю Тасса или что подобное. Случалось, что раскричишься и с словом:

О доблесть дивная, о подвиги геройски!

прямо набок и с лошади долой. Но это не беда, лучше упасть с Буцефала, нежели падать, подобно Боброву — с Пегаса.

Вот тебе стихи...

По чести мудрено в санях или верхом,
Когда кричит: «марш, марш, слуша́й!» весь гом,
    Писать к тебе, мой друг, посланья...
Нет! Музы, убоясь со мной свиданья,
Честненько в Петербург иль Бог знает куда
    Изволили сокрыться.
    А мне без них беда!
Кто волком выть привык, тому не разучиться
По-волчьи и ходить и лаять завсегда.
Частенько, погрузясь в священну думу,
    Не слыша барабанов шуму
И крику резкого осанистых стрелков,
Я крылья придаю моей ужасной кляче
И прямо на Парнас! — или иначе,
    Не говоря красивых слов,
Очутится пред мной печальная корчма:
Где ветр от всех сторон в разбиты окны дует
И где любовницу, нахмурясь, кот целует,
    Там финна бедного сума
    С усталых плеч валится;
    Несчастный к уголку садится
И, слезы утерев раздранным рукавом,
Догладывает хлеб мякинной и голодной...
    Несчастный сын страны холодной!
    Он с голодом, войной и русскими знаком!

Вот тебе стихи!

Государь только откушал в Риге и поехал далее. Здешняя уморительная немецкая гвардия встречала его верхом. Я этого не видал, но видел сих героев. Они занимают гаубтвахты по всему городу. Карикатуры, каких и Брейткопф сам нарисовать не может! Я, увидя их, чуть не умер со смеху. Одеты очень богато и важничают, уроды!

Поклонись от меня Караулову и попроси, чтоб писал. Лаптевич, если не умер от недуго́в, то, верно, также что-нибудь намарает. Скажи этим скотам, что я их люблю, хотя они ни мужеского члена не стоят оба.

Что ты делаешь на Исаакиевской площади? Да мир ниспустится на твою сень! Да с миром пребудут твои лары и пенаты, и все домашние боги, и вся утварь, от Гомера до урыльника, да томная твоя Мальвина, подобно облаку утреннему, ежечасно кропит помост храма твоего чистейшею росою (т. е. сцыт), и да ты сам, бард имянитый, пиеши чай спокойно с твоею подругою и обо мне, страннике, мыслию в часы вечерней священной Меланхолии *печально* веселитеся и проч.!

Постарайся сам увидеть сестриц и попросить, чтоб чаще ко мне писали. Да и ты меня не забывай. Что твой Гомер? — Что Костров? — Что греческий язык? — Напиши мне об этом.

Также играют ли «Донского»? Что противная партия? Что Озеров? Что Капнист? Это знать очень интересно.

Мы идем, так говорят, прямо в лоб на французов. Дай бог поскорее. Хоть поход и весел, но тяжел, особливо в моей должности. Как собака, на все стороны рвусь.

Пожалуйста, не забывай меня и люби, как друга. Ни время, ни расстояние, ни разлука не загладят в душе моей чувства дружбы, которое буду к тебе питать. Может быть, нашел или найдешь людей, которые будут краснее говорить, но, верно, не найдешь никого, кто бы так любил тебя, как я. Прощай.

Кланяйся своей подруге и всем знакомым. Теперь спать хочется. Ужинал мало: 10 яиц да курицу скушать изволил.

Константин Батюшков

11. Н. И. ГНЕДИЧУ

Июнь 1807. Рига

Любезный друг! Я жив. Каким образом,— Богу известно. Ранен тяжело в ногу навылет пулею в верхнюю часть ляжки и в зад. Рана глубиною в 2 четверти, но не опасна, ибо кость, как говорят, не тронута, а как? — опять не знаю. Я в Риге. Что мог вытерпеть дорогою, лежа на телеге, того и понять не могу. Наш баталион сильно потерпел. Все офицеры ранены, один убит. Стрелки были удивительно храбры, даже до остервенения. Кто бы мог это думать? Но Бог с ними и с войной! Что ты ко мне не пишешь? Забыл, брат, меня совсем, а я тебя всегда

любил; ни время, ни труды, ни биваки тебя не изгладили из моей памяти. Пиши, Николай, только не огорчай меня дурными известиями. У меня, как у молодой дамы, нервы стали раздражительны. Крови как из быка вышло. После трудов, голоду, ужасной боли (и притом ни гроша денег) приезжаю я в Ригу, и что ж? Меня принимают в прекрасных покоях, кормят, поят из прекрасных рук: я на розах! Благодарность не велит писать. Довольно, я счастлив и не желаю Питера. Говорят мои эскулапы, что целый год буду хромать. Признаюсь, что на костылях я крайне забавен. Хрущов поехал домой; он легко задет. Ах, Николай, война дает цену вещам! Сколько раз, измоченный дождем, голодный, на сырой земле, я завидовал хорошей постели, а теперь — не сытому хвалить обед! Я пью из чаши радостей и наслаждаюсь. Пришли, брат, своих стихов ради своей дружбы; надеюсь, что не откажешь; я оживу. Да если можно какую-нибудь русскую новую книгу в стихах, да Капниста. На коленях прошу тебя, ты безделицу за это заплатишь.

Адресуй прямо в Ригу. Приезжай ко мне, Николай, на три дня, и мы бы вместе в Питер, когда мое здоровье позволит. Я бы тебе мог прислать и денег на дорогу. Город прекрасный. И мы бы с тобою обнялись. А? Подумай, да сделай! Устал марать. Прощай, ожидаю ответа на целой дести.

Вместо имени:

12. СЕСТРАМ

Июня 17-го 1807. <Рига>

Mes chères soeurs, grâces à Dieu je me porte assez bien, quoique blessé à la jambe avec une balle, qui m'a traversé les chairs sans entamer l'os. J'ai beaucoup souffert dans mon voyage par la Prusse, mais à présent, grâce au Tout-Puissant, qui a daigné me sauver ou garder la vie, je suis dans une maison la plus hospitalière qui puisse jamais exister. Je respire à la fin. Le médecin est excellent. On m'entoure de fleurs, on me berce comme un enfant. Ah, mes amies, ce que j'ai souffert dans une voie un peu précipitée de Heilsberg, où j'ai été blessé jusqu'à Riga! couché dans une misérable charrette — mais tout a fini, et je loue l'Eternel de m'avoir conservé la vie pour vous, mes seules et douces amies. Depuis la lettre que Richter m'a remise je n'ai point eu de nouvelles de vous. Écrivez moi

à Riga, je compte rester ici deux semaines, et puis venir chez vous, ayant déjà obtenu la permission d'aller à Pétersbourg [1]. От папеньки я не имел ни одного письма. Каков он? Здоров ли? Писать ли мне к нему об ране? Постарайтесь, мои други, послать мне денег. Кроме тех, что Alexandrine мне прислала, я от вас не получал и нуждаюсь очень, особливо теперь. Любите меня. Поцелуйте Вариньку. Александра, не огорчайся, что я ранен: легко я бы мог быть и убитым; благодари и за то бога. Ne m'écrivez rien de ce que puisse me chagriner! Mes nerfs sont devenus faibles, je m'irrite à chaque instant. Ne vous alarmez sur ma position présente. Le maitre de la maison m-r Müguel est le plus riche négociant de Riga. Sa fille est charmante, la mère bonne comme un ange, tout cela m'entoure, l'on me fait de la musique [2]. Абраму Ильичу мое почтение; поцелуй за меня его; я, право, устал писать, да и не велят, а мне есть многое о чем его просить. Пишите в Ригу. Прощайте. Не забудьте моей просьбы.

Константин.

---

[1] Мои дорогие сестры, слава Богу, я чувствую себя хорошо, хотя и ранен в ногу пулей, которая прошла навылет, не задев кость. Я много настрадался в поездке через Пруссию, но сейчас, благодаря Всемогущему, который соблаговолил спасти меня, или сохранить мне жизнь, нахожусь в самом гостеприимном доме, который только может существовать. Я наконец вздохнул. Доктор превосходен. Меня окружают цветами, меня балуют, как ребенка. Ах, друзья мои, что я перенес, лежа в убогой повозке, на спешном пути из Гейльсберга, где меня ранило, до Риги.— Но все это позади, и я благодарю Господа, сохранившего мне жизнь для Вас, мои дорогие и единственные друзья. После письма, доставленного мне Рихтером, я не имел от вас никаких известий. Пишите мне в Ригу, я думаю остаться здесь на две недели, а затем вернуться к вам, поскольку получил уже разрешение отправиться в Петербург *(фр.)*.

[2] Не пишите ничего, что могло бы меня огорчить. Мои нервы расстроены, я раздражаюсь по каждому поводу. Не беспокойтесь о моем нынешнем положении. Хозяин дома, господин Мюгель, самый богатый купец в Риге. Его дочка прелестна, мать добра, как ангел, они развлекают меня и музицируют для меня *(фр.)*.

13. Н. И. ГНЕДИЧУ

12 июля 1807. Рига

Любезный друг Николай Иванович! Я удивляюсь, что от тебя не получил до сих пор ответа на мое письмо. Ожидаю по крайней мере столько длинного и широкого

ответа, каково добавление: «Энциклопедии». Мне гораздо легче, хотя одна рана и не закрыта: могу кой-как ходить. Но полно все об себе. Поговорим и о тебе. Каково ты поживаешь, где и как? Что делаешь? Пиши ко мне, мой друг, более как можно; меня всё занимает, а ты — более, нежели что другое. Признаюсь, что ты меня мало любишь или ленив. В твоих письмах мало чистосердечия, да и так коротки! Пиши ко мне поболее обо всем, о Капнисте, о Караулове и пр. Что твой Омир? Неужели ты его бросил? Это стыдно. Пришли мне хоть одну рифму из твоего перевода. Утешь меня, пришли Капнистовы сочинения или что-нибудь новое: меня, как ребенка, утешишь. Я по возвращении моем стану тебе рассказывать мои похождения, как Одиссей. Закурим трубки, да ну лепетать тихонько у огня. Дела протекших лет, воскресните в моей памяти! И сладостные речи потекут из уст моих — не правда ли, послушай, мой друг, мечтать всякому позволено. Поедем ко мне в деревню и заживем там. Если Бог исполнит живейшее желание моего сердца, то я с тобою проведу несколько месяцев в гостеприимной тени отеческого крова. Если же и нет, то будь его святая воля. Помнишь ли того, между прочим, гвардейского офицера, которого мы видели в ресторации,— молодца? Он убит. Вот участь наша. Мы также потеряли в нашем батальоне двух самых лучших офицеров. Ничто так не заставляет размышлять, как частые посещения Госпожи Смерти. Ваши братья стихотворцы пусть венчают ее розами, право, она для тех, которые переживают, не забавна. Напиши мне кстати, говоря о смерти, что делается на бульварах, в саду и проч. Я получил от Катерины Федоровны письмо. Дядюшка очень, видно, был болен, желает меня видеть. Дай Бог, чтоб был жив. Редкий человек! Ты не знаешь ему цены. Напиши мне, каков он?

Что у вас происходит в департаменте, в лицеях, в театре? Я чай, перемена! Что чинит *Высокое*? O grammaire, abîme immense, tu nous laisses sans clarté [1]. Я в отечестве курительного табаку, бутер-броду, кислого молока, газет, лакированных ботфорт и жеманных немок живу весело и мирно; меня любят. Хозяйка хороша, а дочь ее прекрасна: плачут, что со мной должно расставаться.

Довольно к тебе написал; боюсь тебя избаловать. Прощай. Целую тебя заочно. Vivat! [2] *К. Батюшков.*

---

[1] О грамматика, глубокая пучина, ты лишаешь нас ясности *(фр.)*.
[2] Да здравствует! *(лат.)*

14. Н. И. ГНЕДИЧУ

1 июня 1808 <Хантоново>

Прерву теперь молчанья узы
Для друга сердца моего.
Давно ты от ленивой Музы
Давно ты от ленивой Музы,
И можно ль петь моей цевнице
В пустыне дикой и пустой,
Куда никак нельзя царице
Поэзии придти младой!
И мне ли петь под гнетом рока,
Когда меня судьба жестока
Лишила друга и родни?..

Пусть хладные сердца одни
Средь моря бедствий засыпают
И взор спокойно обращают
На гробы ближних и друзей,
На смерть, на клевету жестоку,
Ползущу низкою змией,
Чтоб рану нанести жестоку
И непорочности самой.
Но мне ль с чувствительной душой
Быть в мире зол спокойной жертвой
И клеветы, и разных бед?..
Увы, я знаю, что сей свет
Могилой создан нам отверстой,
Куда падет, сражен косой,
И царь с венчанною главой,
И пастырь, и монах, и воин!
Ужели я один достоин
И вечно жить, и быть блажен?
Увы! здесь всяк отягощен
Ярмом печалей и цепями,
Которых нам по смерть руками
Столь слабыми нельзя сложить!
Но можно ль их, мой друг, влачить
Без слез, не сокрушась душевно?
Скорее морем льзя безбедно
На валкой ладие проплыть,
Когда Борей расширит крила,
Без ветрил, снастей и кормила
И к небу взор не обратить...

* * *

Я плачу, друг мой, здесь с тобою,
А время молнией летит.
Уж светлый месяц надо мною
Спокойно в озеро глядит;
Всё спит под кровом майской нощи,
Едва ли водопад шумит,
Безмолвен дол, вздремали рощи,
В которых луч луны скользит

Сквозь ветки, на землю склоненны.
И я, Морфеем удрученный,
Прерву цевницы скорбный глас;
И, может, в полуночный час
Тебя в мечте, мой друг, познаю
И раз еще облобызаю...

Вот тебе и стихи. Ожидаю хоть словца от твоей Музы; стыдно бы ей было не отвечать, рифмы нам ничего не стоят. Прости, мой друг, пиши мне поболее. Поклонись Дмитриевым; я к ним писать буду, но теперь, право, не в силах. *Конст. Б.*

15. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Начало июня 1808 г. Хантоново>

Любезный друг мой Николай Иванович. Я от тебя не получаю писем, но вижу, что ты здоров и берешь участие обо мне, взяв перо за Абр⟨ама⟩ Иль⟨ича⟩. Письмо сие меня истинно утешило. Прочитай другое, которое я у сего прилагаю, и ты можешь явно увидеть разницу чувствований и мыслей, которые должны были во мне произойти при чтении как одного, так и другого. Я Абр⟨ама⟩ Иль⟨ича⟩ не виню, ему и времени не было думать. Но виню русского Фрелона, который и при извещении о смерти сестры и друга моего осмелился излить яд не только на меня, но и на сестер моих. Посуди сам, приятно ли это? Скажу еще тебе, что я столько испытал новых горестей и к толиким приготовлен, что и жизнь мне в тягость. Но оставим это и поговорим о петербургских делах.

Будут ли сестрицы? Видишься ли с ними? И что они делают? Напиши мне, любезный друг, и не огорчай меня более упреками. Я еду в Вологду заложить 280 душ. Ныне же расплачусь с долгами, зиму проживу здесь в берлоге один, в сентябре подав просьбу в отставку, а весной бог знает — может быть, меня и долго не увидишь. Я очень скучен; время у меня на плечах, как свинцовое бремя. И что делать! Мне кажется, что и музы-утешительницы оставили; книга из рук падает; вот мое положение. Итак, если бы из сострадания ты укротил перо свое и не делал совсем ненужных упреков! Чтобы судить вещь, а паче человека, должно его видеть со всех сторон, знать все обстоятельно, и тогда только, подумавши, решиться.

Но и тогда я бы боялся суд положить. Один Тот, который выше нас, нас и рассудит.

Я очень беспокоюсь, не получая известий об Оленине. Постарайся, чтобы выслали медаль. Пришли «Вестник Драматич⟨еский⟩» и книг, что обещал, на сто рублей. Это и тебе бы было полезно, ибо я тебе могу деньги скоро выслать.

Прощай.

Константин Б.

Если тебе нужны деньги, то́ прими пособие от друга: у меня будут лишние. Поверь мне, отказ унизит тебя.

Я послал тебе 20. Купи медаль в пряжке. Не худо бы было и с аннинским крестиком.

16. П. А. ШИПИЛОВУ

<Начало июня 1808. Хантоново>

Я вчера, любезный брат, отправил тебе письмо батюшки, но сам писать был не в силах. Теперь ты ясно видишь, что тебе откладывать поездку в Устюжну невозможно. Все может легко случиться! — Если я не могу быть полезен батюшке столько, сколько желаю, то по крайней мере долг велит мне делить его горести. Чувства мои, конечно, тебе известны. Я презираю честь и славу людскую, но с совестию бороться невозможно. Так как мне надобно будет сделать что-нибудь решительное, а это дело столько же касается до меня, сколько и до всех сестер моих, то я и прошу Лизавету или еще лучше тебя приехать не замедля сюда, для того чтоб вместе посоветоваться.— Я пишу, а вот еще письмо с почты! — Оно тебе докажет, что медлить не надобно.

Весь твой *Константин.*

<Приписка А. Н. Батюшковой.> Приезжай, любезный Павел Алексеевич, я знаю, что ты не откажешь в нашей просьбе. Целую Вас всех, моих друзей. Более писать не могу.

Пришли, пожалуйста, или привези мне склянку хороших Гофмановых капель, двойных et je vous prie de me preter votre pelisse, la vielle! [1]

---

[1] и прошу тебя одолжить мне твою старую шубу! *(фр.)*

17. П. А. ШИПИЛОВУ

12 июня <1808 г.> Вологда.

Я к тебе пишу из Вологды, любезный брат Павел Алексеевич. Сколько я тебе благодарен за твою дружбу, которую испытываю не словами, а твоими благородными поступками. Горестно было снести смерть сестры. Лизавета, слава богу, здорова и покойна. Я вышлю 500 рубл⟨ей⟩ на будущей почте. Приезжайте, бога ради. В Питере, я вижу, и с тобой прокатят, а обо мне уж и говорить нечего. Будь осторожнее, удивимся письмам, что я получаю. Посоветуй, что делать, и спроси у Александры, я из сил выбился. Ложь и клевета со всех сторон, болтают, как собаки. Мы много одолжены Аркад<ием> Аполлоновичем, благодари его. Попроси Алекс<андру>, чтоб меня уведомила, я ее люблю душевно; скажи ей, и более беспокоюсь, нежели она думает, для истинных польз ее. В том свидетель была и Лизавета. Мне так надоели сплетни и пиявицы, что боже от них сохрани.

Пиши ко мне, любезн<ый> друг. Не вверяйся всем. Прощай, обнимаю тебя заочно.

Констант<ин> Батюшков.

Волков дал еще денег.

Просись в удельную экспедицию в Вологду. Оленин, может быть, тебе услужит <...> твой того желает.

18. Н. И. ГНЕДИЧУ

24 июня 1808 г. <Хантоново.>

Любезный Николай Иванович. Я получил только теперь письмо твое и удовольствием почитаю тотчас тебе на оное отвечать. Надеюсь, что сестрицы ускорят приездом своим в наши хижины. Вот удары неба, и после того назови меня счастливцем и баловнем фортуны — если хочешь.

Поговорим немного о Тассе. Мне о нем и болтать приятно. Я потерял 1-й том и для того прошу тебя сделать дружбу, купить мне простую эдицию Иерусалима с италианским текстом и прислать не замедля. Я хочу в

нем только упражняться.— Мерзляков не перевел ли уже без меня? И не лучше ли моего. Это меня мучит. Пришли посвящение мое Олен<ину> с поправками твоими, это докажет, что ты и в отсутствии меня не забываешь. Пришли, бога ради, своего Гомера, хоть начерно; я здесь сам перепишу. Это будет истинное одолжение. Надеюсь, что ты не отговоришься жертвовать музой своей дружбе. Да еще «Поликсену», если можешь, и «Трумфа».— Праздник будет для меня получение сего.

Что Оленин и медаль моя? мне больно обидно, что и этого получить не могу, того, что истинно кровью, трудами заслужил, между тем как и здесь все украшены, только бог весть за что. Постарайся, мой друг, об ней. Le monde est vieux, dit-on: cependant il faut l'amuser comme un enfant [1]. Хоть бы это меня рассеяло. Да попроси от него хоть строчки. Он, видно, скуп стал на выполнение обещаний.— O, folla umana mente [2] и пр.! «Вестника Драматического» ожидаю. Дай известие о Капнисте. Я его разлюбить не могу — и все помню жучка в эпанечках.

Может быть, мы с тобой и век не увидимся... Пиши, бога ради, не на лоскутках и измарай хоть десть, я все читать стану с жадностию. Между тем скажем о стихах твоих, которые я Соколову расхвалил,— а он не глуп и чувствовать может,— скажем:

Nous chantons quelquefois et tes vers et les miens,
De ton aimable esprit nous célébrons les charmes,
Ton nom se mêle encore á tous nos entretiens.
Nous lisons tes écrits, nous les baignons de larmes [3].

Ожидаю от тебя хоть словца о нашем полку. Что мне делать? Я болен и не служивый. Оставить имею службу. Прощай.

К. Б.

---

[1] Говорят, мир стар, однако его надо забавлять как ребенка *(фр.)*.
[2] О лживая человеческая толпа *(ит.)*.
[3] Мы декламируем порой твои и мои стихи,
Мы радуемся очарованию твоего приятного ума,
Твое имя все еще соединяется со всеми нашими удовольствиями,
Мы читаем твои творения, мы омываем их слезами *(фр.)*.

19. Н. И. ГНЕДИЧУ

7 августа <1808>. Из Финляндского похода

Я к тебе писать не буду. Ты сам ленив. Напечатай эти стихи в «Драм<атическом> вестнике», чтобы доказать, что я *жив* и волею божиею еще не *помре* с печали. Я выбрал нарочно трудные места для переводчика. Послание к Тассу тебе понравится. Марай дурное, воля твоя, но пожалей немного сие новорожденное детище. Прости до первой почты.

К. Б.

20. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Сентябрь — октябрь 1808. Хантоново>

Я к тебе не пишу, потому что ты не пишешь ко мне. Отошли сие письмо к сестрицам. Если есть письма от них, то — его Высокородию Петру Егоровичу Свечину, на Мойке, близ Красного моста, то есть вашей канцелярии, отдать; он, Свечин, перешлет, верно, ко мне. Потрудись, друг мой, сам отдай ему в руки. Пришли мне табаку курительного, янтарный чубук и несколько книг русских стихов да балладу Жуковского, чем меня много обяжешь. Я тебя более люблю, нежели ты меня; если бы ты был в походе, то я бы более, нежели ты для меня, сделал. Но бог с тобой! Кому талант, кому два: людей и всегда в несчастии собственными боками узнаешь. Прощай и будь здоров. *Батюшков.*

Темпляк пришли, теплых перчаток пару и сукна темно-зеленого на шаровары не тонкого, но темпляк нужен.

21. Н. И. ГНЕДИЧУ

1 ноября <1808>. Indosalmi

Я приехал благополучно, но по приезде сделался болен и 7 дней лежал в лихорадке; чудом вылечен. Тревога, а у меня шпанская мушка на шее; срываю и бегу. Мы имели две большие сшибки, в первой много потеряли,

и князь Долгорукой, к сожалению солдат, убит; вторая была ночью 30-го октября, то есть третьего дни. Шведы в прах разбиты; они забрались даже в наш лагерь, но прогнаны с великим уроном. Я, к несчастию, оставался в резерве. Петин ранен; сходи к нему, когда услышишь о его приезде в Питер; также и Делагард ранен; впрочем, егери мало потеряли, а дрались хорошо; вот все наши новости. Здесь все найти можно; пришли с этим курьером табаку турецкого, чулок теплых, перчатки теплые и кенги. Да еще закажи хорошему портному гусарский жилет темно-зеленый, это меня ужасно обрадует. Полковник меня без души любит, ходит за мною, как за сыном. Что делают мои сестрицы? Пиши, мой друг,— они меня беспокоят. Получил ли Абрам Ильич деньги? Кланяйся ему и поцелуй его деточек. Я не пишу, потому что расстроен после сражения. Надеюсь совершенно на отставку. Полковник обещает ее выхлопотать, но теперь могу <ли>, не быв ни в одном деле, приступить к сему?

Мне не нужно говорить тебе, друг мой, что я тебя люблю. Дай бог, чтоб ты не переменился. Пиши ко мне с этим курьером; исполни мои комиссии, особливо жилет, да и обувь нужна.

Здесь безделица веселит, и цену узнаешь вещам, когда их нет. Скажи Оленину, что я его люблю и почитаю. Так убит духом, что лучше кончить, пока перо само не выпало из рук.

Конст. Батюшков

Напиши мне, где находится Катерина Федоровна. Если стихи мои напечатаны, то пришли. Ужели будешь коротко писать? Брось эту привычку, мой друг. Пришли леденцу с имбирем, поболее, грудь болит.

Напиши кой-что из этого письма сестрам, я не успел их о всем уведомить.

22. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

1 ноября 1808. <Индосальми>

Je me porte bien, mes chers, mes bons amis. Quelle étrange destinée, mais c'est le bon Dieu qui veut... [1] Приезжаю в баталион, лихорадка мучит 7 дней. Прикладываю

мушку к затылку; кричат: «тревога!» Срываю, бегу в дело — и подивитесь, друзья мои, теперь здоров. Мы в Indosalmi (это — кирка), идем вперед. Молите бога, он милосерд. Полковник любит меня более всех, Александра его знает: это Турчанинов, честный, добрый человек. Я оставался с своей ротой в резерве, он был близ неприятеля. Что бог вперед даст, не знаю. Не вините меня. Я не виноват, что не с вами, друзья мои. Полковник обещает сам просить о моей отставке, и я надеюсь к новому году вас обнять. Этим только и дышу. Здоровье мое так слабо, особливо грудь, что я испугался прежней болезни. Павла Алексеевича, которого дружбу никогда не забуду, прошу вас не оставлять; он один — и это говорю точно, по истинному убеждению — заслуживает нашей доверенности. А в Петербурге... у меня голова пошла кругом. Не сердитесь, что я говорю о себе, а *не о делах* своих, и сегодня ночью была в лагере тревога... Поклонитесь тетушкам, я их все споминаю платками. Арк<адию> Апол<лоновичу> мое почитание; я со слезами помню еще его провожание из Меников. Бога ради, любите меня. Вареньку поручаю Александре, а Александру Всевышнему. Кроме Его некому — есть люди, которым и сего сделать не можно. Кат<ерина> Фед<оровна> меня любит. Где вы, друзья мои? — Что с вами делается? — У меня сердце кровью обливается, как подумаю о вашей участи. Здесь пули, да и только, а у вас хуже пуль. Если можно вам, то пришлите рублей триста. Впрочем, вам деньги нужнее моего. Не знаю, что с закладом? Когда будет конец? — Пишите ко мне более и пространнее, листах на трех. Я пишу мало и несвязно. Да и не мудрено. Не думайте, чтоб я вас пустой надеждою моего возврата ласкал — нет, он верен, друзья мои. Жалею, что в деле не успел быть. Турчанинов не пустил с другой ротой. У нас 2 офицера ранены тяжело.

Поручаю вас богу. Целую вас, Лизавету Николаевну и маленького Алешу; Алексею Никитичу мое почтение. Простите, пишите ко мне и любите меня, как я Вас.

Константин Батюшков.

---

[1] Я чувствую себя хорошо, мои дорогие, мои добрые друзья. Какая странная судьба, но того хочет благой Господь... *(фр.)*.

23. Н. И. ГНЕДИЧУ

На марше <8> Декабря <1808>.
Город Гаменикарлеби

Я получил письмо твое. Курьер едет сию минуту. Если есть у тебя письма, то отдай ему. Когда сестры пришлют деньги или письма, то отнеси их в дом гофмаршала Ланского его сыну, камер-юнкеру, и адресуй на имя полковника Андрея Петровича Турчанинова. Пришли с этим курьером кнастеру. Прощай; перешли перчатки сестрам и письмо также. Может, скоро увидимся, пиши пространнее.

К. Б.

24. СЕСТРАМ

8 декабря 1808. <Гаменикарлеби>

Dans quelles inquiétudes mortelles je suis, mes chères amies, point de nouvelles de vous, le temps s'écoule avec rapidité dans ce pays infernal. Et les chagrins viennent à tire d'aile. Voyagez un peu sur la carte et vous verrez que votre pauvre frère a fait près de trois milles verstes. J'ai été à Ouleaborg et de là nous allons à Vasa. Vous savez aussi bien, que moi, que l'armistice dure. J'espère, mes amies, vous revoir dans deux mois pour ne vous quitter plus [1]. Поручаю богу вас, друзья мои, и надеюсь, что он не оставит вас и бедную Вариньку. Нет дня, чтоб я вас не вспоминал. Об одном прошу Вас, не думайте — вопреки усердным истолкователям,— что не от меня зависело быть не с Вами. Деньги мне не очень нужны, но если можете, то пришлите 400 р. к Гнедичу, а он постарается мне переслать чрез гофмаршала Ланского. Я ничего не знаю о делах моих, сердце заливается кровью, когда об них думаю, и прошу Павла Алексеевича уведомить меня обстоятельно; ему поручаю Вас, а на прочих, право, надеяться нечего в Петерб<урге>. Я еще откушал от прежних горестей и огорчений; не знаю, как достает на все терпения, а особливо на глупости других. Целую вас всех сто раз; писать более не могу и нечего. Лизанькиных детей целую обоих. Город Гаменикарлеби на марше к Вазе.

Бога ради, Александра Николаевна, не оставь Филиппа. Посылаю вам пару швед<ских> перчаток, купленных сто верст от Торнео, в Улеаборге.

Если вы забыли географию, то скажу вам, что здесь ртуть термометра замерзает — я насилу дышу.

Поручаю вас богу — Он одна наша надежда.

Константин.

---

[1] В какое смертельное беспокойство, мои дорогие, повергает меня отсутствие писем от вас. В этой адской стране время летит, и горести прибывают во всю прыть. Пропутешествуйте по карте, и вы увидите, что ваш друг прошел более трех тысяч верст. Мы были в Улеаборге, а оттуда идем на Вазу. Вы знаете, как и я, что перемирие продолжается. Надеюсь, мои дорогие, увидеть вас вновь через два месяца, чтобы больше не покидать никогда *(фр.)*.

25. Н. И. ГНЕДИЧУ

23 декабря <1808>. Ваза

Я к тебе пишу три слова. Курьер едет, а о его отправлении сию минуту узнал. Пиши ко мне, мой друг, о сестрицах; я ни одной строки не имею. Здоровы ли они? Право, сердце кровью заливается от скуки. Мы живем в 13 верстах от города Вазы, а Ваза есть город, вымазанный красной краской... и более ничего. Пришли, мой друг, табаку не замедля, поболее, и мой чубук янтарный, да другой купи хороший. Пришли книг, бога ради, каких-нибудь русских стихов. Купи еще мне чаю фунта два и книгу: «Ossian tradotto dell'abate Cesarotti» [1]. Я об ней ночь и день думаю. К тебе с сим курьером обстоятельного ничего писать не могу, ибо принужден писать на лоскутке. Пиши подлиннее, подлиннее. Ездишь ли ты к Оленину?

Пару перчаток теплых не забудь.

Прощай, мой друг, свидание наше будет За синим океаном Вдали, в мерцании багряном.

Конст. Бат.

Посылки отдай в доме Ланского, гофмаршала, на имя Турчанинова или лучше в дом графини Строгановой. «В бригаде графа Строганова. В Вазу». Графиня с удовольствием берет на себя пересылать письма офицерам. Здорово ли у вас? Как ты поживаешь?

---

[1] «Оссиан в переводе аббата Чезаротти».

26. А. Н. ОЛЕНИНУ

24 марта 1809. Надендаль

Милостивый государь Алексей Николаевич! Votre cher et féal [1] Батюшков насилу сыскал случай отвечать à son suzerain seigneur [2] с курьером, который летит из крепких снегов Або в тающие снега Ингерманландии,— ибо у нас зима, а у вас давно не ездят на санях. Как бы то ни было, спешу сказать вашему превосходительству, что получил письмо ваше, которому, как ребенок, обрадовался. Оно пришло в то время, когда нам был сказан поход на Аландский архипелаг. Я плакал с радости, видя из письма вашего, сколько вы мною интересоваться изволите. Теперь есть случай излить в обильных словах мою благодарность, но я об этом ни слова. Довольно напомнить вашему превосходительству о том, что вы для меня, собственно, сделали, а мне помнить осталось, что вы просиживали у меня, умирающего, целые вечера, искали случая предупреждать мои желания, когда оные могли клониться к моему благу, и в то время, когда я был оставлен всеми, приняли me peregrino errante [3] под свою защиту... и все из одной любви к человечеству. Простите мне сие напоминовение: оно из сердца вырвалось.

Теперь скажу вам о себе, что я обитаю славный град Надендаль, принадлежавший доселе тре-коронному гербу скандинавскому. Иначе сказать, мы живем в местечке, в 13 верстах от Або. О Петербурге мы забыли и думать. Здесь так холодно, что у времени крылья примерзли. Ужасное единообразие. Скука стелется по снегам, а без затей сказать, так грустно в сей дикой, бесплодной пустыне без книг, без общества и часто без вина, что мы середы с воскресеньем различать не умеем. И для того прошу вас покорнейше приказать купить мне Тасса (которого я имел несчастие потерять) и Петрарка, чем меня чувствительнейше одолжить изволите.

Я видел на островах И. А. Вельяминова, которого болезнь очень переменила. Он мне обрадовался, как египтянин Озириду. По словам его, квартировать будет в маленьком городке Кристине, от Або в 300 верстах.

Вы мне пишете о m-lle George. Зачем прельщать и мучить нас? Однако мы так привыкли к здешнему краю, что я на святой намерен идти в Абовский театр. Вообразите себе сарай à jour [4], актеров таковых точно, как Лесаж описывает, обмакивающих по утрам на место зав-

трака крошки хлеба в колодец, и в сем-то палладиуме играли благородную драму... Довольно вам сказать, что героиня оной есть девка на содержании. И теперь прошу Вас прельщать нас Питером!

Вручителю письма сего поручено привезти и ответ, если вы меня оным удостоите. Засим, поручая вас великому Гению времен, касаясь праху ног ваших, имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга *Константин Батюшков.*

Целую сто раз ручки милостивой государыни Елизаветы Марковны и прошу ее не забывать чухонца, который ее никогда почитать и любить не перестанет.

---

[1] Ваш дорогой и преданный *(фр.).*
[2] Господину своему, сюзерену *(фр.).*
[3] блуждающего странника *(ит.).*
[4] дырявый *(фр.).*

27. СЕСТРАМ

<28 марта 1809. Надендаль>

Ce mercredi de la semaine Sainte.

Mes bonnes, mes chères amies!

J'ai reçu vos lettres toutes à la fois, avec l'argent que vous m'avez envoyé. C'était vraiment un jour de joie pour moi. Je suis plus tranquille que je ne le fus un mois avant. Il est vrai aussi, que depuis notre séparation je n'ai reçu aucune nouvelle de vous. Ah, mes chères amies, quand vous reverrai-je. Le temps s'écoule comme un torrent, et nous n'avançons pas plus pour ça. J'espère cependant que le mois de mai nous nous réunirons tous sous notre toit hospitalier pour ne nous plus séparer. Comment se porte Lisabeth et Paul, écrivez moi, je vous prie, en détail. Tout m'intéresse ici, et tout ce qui vient de vous, mes chères soeurs, m'intèresse doublement. Je n'ose parler de nos affaires, je n'en sais rien. Mon père m'a écrit plusieurs lettres. Je prie mon frère Paul de lui faire parvenir la mienne. Tâchez, mes amies, de vous tranquilliser sur mon sort. Je bois ici à longs traits l'ennui avec l'ésperance toujours douce et trompeuse d'un avenir plus agréable. Nous revenons d'une expédition assez périlleuse, c'est-à-dire des îles d'Aland. Réprésentez vous une armée de 20 mille hommes

sur la glace et en bivouaque. Mais tout passe et les périls passés ne sont bons qu' à être oubliés. Le printemps s'approche. Plantez vos choux, ma chère Alexandrine, mais n'allez pas labourer mon parterre. J'embrasse cent fois notre chère Babette — je la recommande au Tout-Puissant, notre seul et unique Protecteur. Soyez unies, mes chères amies, aimons nous jusqu'au tombeau et que le voeu de la meilleure des mères soit accompli!

Je remercie, mes bonnes amies, pour l'argent que vous m'avez envoyé. Je vous prie de me faire venir pour le mois de mai 500 dont j'aurai bien besoin pour mon retour. La vie est bien dure et chère ici, le cheval m'a couté quelque fois 5 r. par jour. Jugez du reste.

Ecrivez moi, je vous prie. Mes compliments à mes Tantes et à Arcadi Apolonovitch. Si je retourne pour le moi de mai, il se pourroit que le projet de mon voyage se réalise. En attendant je voyage joliment, nous avons été à 60 verstes de Stokholm, sur le golfe Bothnique.

Je vous embrasse tendrement toutes, n'abandonnez pas Philippe. Constantin Batuc<hkof> [1].

---

[1] Среда святой недели. Мои дорогие, мои добрые друзья. Я получил ваши письма все сразу вместе с деньгами, которые вы мне послали. Для меня воистину это был радостный день, и я спокойней, чем был целый месяц до того. Действительно, со времени нашей разлуки я не получал от вас никаких вестей. Ах, мои дорогие друзья, когда я вас вновь увижу. Время несется, как поток, и не приближает нас к этому. Тем не менее я надеюсь, что в мае мы все объединимся под нашей гостеприимной крышей, чтобы никогда более не разлучаться. Как чувствуют себя Лизавета и Павел, напишите мне, прошу вас, поподробней. Меня здесь интересует все, а то, что касается вас, мои дорогие сестры, интересует вдвойне. Не рискую говорить о наших делах, я ничего о них не знаю. Отец написал мне много писем, я прошу брата Павла доставить ему мое. Постарайтесь, мои друзья, не беспокоиться о моей судьбе. Я пью здесь большими глотками скуку пополам со сладкой и обманчивой надеждой на лучшее будущее. Мы вернулись из опасной экспедиции на Аландские острова. Вообразите себе армию из 20 000 человек на льду и на бивуаках. Но все прошло, и прошедшие опасности годны только на то, чтоб о них забыть. Весна приближается. Сажай свою капусту, моя Александрин, но не вскапывай мою цветочную клумбу. Я целую сто раз нашу дорогую Вареньку и прошу за нее Всемогущего, нашего единственного защитника. Будьте вместе, мои дорогие друзья, станем любить друг друга до могилы, чтобы сбылось желание лучшей из матерей.

Благодарю, мои добрые друзья, за деньги, которые вы мне прислали. Прошу вас доставить мне к маю 500, необходимых мне для возвращения. Жизнь здесь трудна и дорога. Лошадь иной раз обходится в 5 р. в день. Судите об остальном. Пишите мне, прошу вас. Мои пожелания тетушкам и Аркадию Аполлоновичу. Если я вернусь в мае, возможно, осуществится план моего путешествия. Ожидая этого, я

изрядно путешествую: мы были в 60 верстах от Стокгольма на Ботническом заливе. Нежно обнимаю вас всех. Не покиньте Филиппа. *Константин Батюшков (фр.).*

28. Н. И. ГНЕДИЧУ

1 апреля 1809. Надендаль

Любезный друг Николай Иванович!

Я писал к тебе назад тому дни четыре и надеюсь, что ты получил письмо мое. В каком ужасном положении пишу к тебе письмо сие! Скучен, печален, уединен. И кому поверю горести раздранного сердца? Тебе, мой друг, ибо все, что меня окружает, столь же холодно, как и самая финская зима, столь же глухо, как камни. Ты спросишь меня: откуда взялась желчь твоя? — Право, не знаю; не знаю даже, зачем я пишу, но по сему можешь ты судить о беспорядке мыслей моих. Но писать тебе есть нужда сердца, которому скучно быть одному, оно хочет излиться... Зачем нет тебя, друг мой! — Ах! — если б в жизни я не жил бы других минут, как те, в которые пишу к тебе, то, право, давно перестал бы веществовать.

Пиши ко мне чаще, прошу тебя. Почта, говорят, установлена, и мы можем теперь поверять друг другу чувства сердец наших. Пиши хоть о пустяках, и это меня рассеет. Выполни по прежнему письму моему и пришли в точности все, о чем тебя просил. Уведомь меня о сестрицах; давно уже от них не имею известий. Где они и что делают? Мне так грустно, так я собой недоволен и окружающими меня, что не знаю, куда деваться. Поверишь ли? Дни так единообразны, так длинны, что самая вечность едва ли скучнее. А вы, баловни, жалуетесь на свое состояние!

Этим кончаю письмо. Ты скажешь: стоило ли труда писать? Да, стоило, ибо мне легче. Прощай, будь счастливее. *Конст. Батюшков.*

Перешли сие письмо к Павлу Алексеевичу.

29. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

12 апреля 1809. Местечко Надендаль

J'ai reçu votre lettre du 12 février, ma chère Alexandrine, et m'empresse de vous faire réponse. Je crois que cette épître ne vous trouvra plus à Vologda, vous devez être à la

campagne. Profitez du beau temps, il n'y a que le printems qui donne la santé. J'ai été ravi d'apprendre que vous vous êtes amusée l'hiver passé et que Barbe a beaucoup dansé. Priez-la, ma bonne amie, qu'elle s'occuppe de choses sérieuses, qu'elle lise, écrive, etc. Je n'ai pas besoin de vous donner ce conseil, je sais que vous l'aimez comme vos yeux, mais vous serez toujours charmée de savoir mon avis, tant qu'il s'agit d'une soeur que le Ciel nous a confiée.

Je me remets à vous sur mes affaires. Vous savez bien qu'absent, je ne puis rien faire; écrivez-moi en détail, je vous prie; vos lettres sont trop courtes. Je ne regrette pas André. Je saurai récompenser Basile, dites lui, <qu'il> vous serve bien, et il ne sera pas⟨oubl⟩ié de moi. J'ai un grand désagrément, ma chère amie. Mon Jacob est malade et sa maladie est chronique. Je suis mal servi, mes effets se perdent à chaque moment, mon linge est abîmé. Ecrivez à Platon, quîl habille le petit qui est chez lui, je l'enverrai chercher d'ici, par des courriers qui vont à Pétersb<ourg>, mais ne manquez pas de le prévenir le plus tôt possible. Et payez lui le reste de ce que je lui dois. Ce petit me servira beaucoup mieux. Je ne veux pas de nos grands domestiques. Un soldat soigne mes chevaux. Et ce qui vaut mieux encore, priez Gneditch, qu'il garde chez lui ce garçon jusqu'à ce que je l'envoye chercher. Au nom de Dieu faites cela, je suis le martyr de gens qui m'environnent.

Nous avons souvent des bals à Abo. Mad<am>e Cheglocof est ici, je vais la voir de temps en temps, elle est bien aimable.

Mais je m'ennuye à la mort et sans le punche restaurant je serais fou il y a longtems [1].

Мне совестно у тебя просить денег, зная, что и ты нуждаешься. Нимало не мотая, я всякий день проживаю около 10 р. Представь себе, дешево ли здесь жить. Я задолжал П⟨олковнику⟩ Турчанинову с 400 р. Пришли мне, если можешь, 700 р., чем меня очень обяжешь; с 300, что я получил, это составит 1000. Адресуй это Гнедичу, а он имеет случай переслать. Сделай мне тулуп, хорошей материи и вместе с 2 простынями и 2 наволочками перешли к Гнедичу. Более белья не нужно. Пришли полштуки полотна.

Будучи за 2000 верст, я не могу давать советов, но если бы вы построили дом в Хантонове, это бы не помешало; стройте для себя, какой вы заблагорассудите. Но деньги небольшие на это нужны. Лучше рано, нежели поздно, иметь верный приют. Напиши мне об этом. Да

не забудь присмотреть за садом и моими собаками. С каким удовольствием я бы возвратился под тень домашних богов! — Если бы ты знала, сестрица, как я тебя люблю, и если бы ты знала, как мне все наскучило...

Поцелуй Лизавету и Павла Алексеевича; я к нему недавно писал.

Que fait ma tante à Moscou? — Elle m'a écrit. Lui écrivez-vous? — Écrivez-moi, je vous prie, qui va vous voir, avec qui êtes-vous liée, et comment se portent mes tantes. Priez que Lise ne vous abandonne pas, en été surtout, tant que vous serez seules.

Je vous embrasse, mes bonnes amies, adieu. Que le bon Dieu vous garde sous sa Divine main [2].

---

[1] Я получил твое письмо от 12 февраля, дорогая Александрин, и спешу отвечать тебе. Думаю, что это письмо не найдет уже тебя в Вологде и что ты, должно быть, в деревне. Пользуйся хорошей погодой, только весна дает здоровье. Я с восторгом узнал, что вы веселились зимой и что Варенька много танцевала. Проси ее, дорогой друг, чтобы она занималась серьезными предметами: читала, писала и т. д. У меня нет необходимости давать тебе советы, я знаю, что ты бережешь Вареньку как зеницу ока, но тебе будет всегда приятно узнать мое мнение, когда речь идет о сестре, которую доверило нам небо.

Я полагаюсь на тебя в том, что касается моих дел. Ты хорошо знаешь, что, отсутствуя, я не могу ничего сделать, пиши мне подробней, прошу тебя, твои письма слишком коротки. Я не жалею об Андрее. Василия я вознагражу, скажи ему, чтобы он хорошо тебе служил, и я его не забуду. У меня большая неприятность, моя дорогая. Мой Яков болен хронической болезнью, и мне служат очень плохо, мои вещи каждую минуту пропадают, мое белье пришло в негодность. Напиши Платону, чтобы он снабдил одеждой мальчика, который живет у него, я пошлю за ним курьеров, направляющихся в Петербург, но поторопись предупредить его. И заплати ему все, что я остался ему должным. Этот мальчик будет мне служить гораздо лучше. Мне не нужна наша взрослая прислуга. Один из солдат заботится о моих лошадях. Еще бы лучше, если бы ты попросил Гнедича взять мальчика к себе, пока я за ним не пришлю. Ради бога, сделай это, я измучен людьми, которые меня окружают.

У нас в Або часто бывают балы. Госпожа Чоглокова здесь, я хожу к ней время от времени, она очень любезна. Но я смертельно скучаю и без восстанавливающего пунша давно бы сошел с ума.

[2] Что делает моя тетушка в Москве? Она написала мне. Пишешь ли ты ей? Пиши мне, кто навещает вас, с кем вы проводите время и как себя чувствуют мои тетушки. Попроси Лизу, чтобы она не оставляла тебя, особенно летом, когда ты будешь одна. Целую тебя, дорогой друг, прощай. Да хранит тебя благой Господь *(фр.)*.

30. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Начало мая 1809. Або>

Я получил письмо твое три дни тому назад и ужаснулся, его читая. Ты дурачишься, принимая на сердце людские глупости. Стоит ли это? Вспомни псалом: «Не надейтеся на сыны человеческия». Веришь ли, что я это предвидел? Утешься, мой друг, ради бога: все пройдет. Я более твоего терпел удары. Они были язвительнее из рук, навеки драгоценных, но время усыпило горести. Если цветы не родятся у ног моих, то нет и терний. Тебе ли, друг мой, говорить, что жизнь скучает. Будь свыше золотых болванов и знай, что

> La plainte est pour le fat, le bruit est pour le sot.
> L'honnête homme trompé s'éloigne et ne dit mot [1].

Я знаю, что тебя ласкали, кадили, как Вольтеру у Фридриха, выжали сок и бросили корку; знаю, что во всех откровениях primo mihi [2] более, нежели дружба действовала, и всякий соблюдал личную пользу. Это участь дарования. Трутни пожирают мед у пчел, но пчелы не бросают трудов своих; я видел в свете

> Des protégés si bas, des protecteurs si bêtes [3],—

говорит Грессет, и эти протеже нужны для таковых покровителей. Но тебе ли говорить против себя? Не жалуйся на фортуну. Неужели ты себя не довольно почитаешь, чтоб со мной не разделять посредственность, кусок хлеба, неужели думаешь, что я говорю тебе сие в поэтическом восторге? Нет, любезный Николай, я тебя люблю и любить буду.

Я подал просьбу в отставку. Здоровье мое на нитке. Надеюсь, что ты, осведомившись об ней у министра, отложишь путь в Малороссию и повременишь до меня, если на просьбу последует решение. Это и для тебя, и для меня нужно. От сестриц писем не имею, а почему — не знаю. Поклонись им от меня и проси, чтоб писали. Их молчание сокрушает меня совершенно. От А. Н. Оленина получил письмо. Он, кажется, тебя любит. Придержись к нему, мой друг; не думай, чтоб совет давал по предубеждению благодарности, отринув кото-

рую и в глазах твоих я был бы изверг; но он просвещеннее и лучше и добрее всех князей. Впрочем, я тебя знаю: здравый рассудок и все тут, лучше советов, которые или бесплодны, или от самолюбия вырваться могут.

Если б я говорил с цеховым поэтом, то сказал бы в утешение, что несчастие и неудовольствие есть плод дарования и успехов. Расин после «Британика» был освистан, Вольтер — после «Альзиры».

«Леар» твой всем понравился, ибо посредственность не убивает сердца зависти, но «Танкред» должен был быть для нее пятном. Зачем искать дальнего примера. Посмотри на Озерова. Ты скажешь, что это не утешно; но я тебе скажу, что так быть должно. Ищи утешения в себе, молись и надейся на Бога; я испытал, что он поднимает слабого.

Перешли и бумаги и стихи мои к сестрам по почте. Запечатай и проси, чтобы до меня не трогали. Это — все мое богатство, с которым беден, как Ир.

Я иногда так скучаю, что места от грусти сыскать не могу; иногда отдает, и время все лечит. Пиши ко мне; письмо можешь отдать Радищеву, он перешлет. Прощай, дай Бог тебя видеть.

Конст. Бат.

Я получил письмо твое с Фон-Визиным и деньги. Следственно, к ним пишу сам. Постарайся через Полозова, которого дружба, верно, не охладилась и от которого услуга мне втрое приятнее, осведомиться о моей просьбе и через почту уведомь. Поблагодари его за все обо мне старания; пожми у него руку за меня. Если моя отставка выйдет, то подожди меня. Я здесь ни дня не останусь даром.

Напиши об этом сестрицам. Это нужно. Vale! [4]

Не забудь сестрицам отослать стихи и проч.

---

[1] Сетования — для фата, шум — для дурака, честный человек, будучи обманут, удаляется и не говорит ни слова *(фр.)*.

[2] сначала мне (*лат.*).

[3] Покровительствуемые столь низки, покровители столь глупы *(фр.)*.

[4] Будь здоров! *(лат.)*

31. Н. И. ГНЕДИЧУ

Начато 3 мая <1809. Або>

Qu'un ami véritable est une douce chose![1] —

скажем с Лафонтеном, да прибавим еще с Дмитриевым:

Чувствительна душа и вчуже веселится.

Я был вне себя от радости, как получил письмо твое, любезный Николай. Я знал, я предчувствовал, что «Танкред» будет хорошо принят, но меня еще более радует, отгадай что? Твоя радость. По крайней мере, ты несколько минут был в восхищении; я это вижу по твоему письму. Пиши мне пространнее обо всем: как играли, что говорят седые цензоры и весь Ареопаг, и вся сволочь, и шмели, и трутни, и змеи, и гарпии, и все, что говорит и судит своим и чужим умом... и все, как говорит Мольер,

Figures de savants sur les bancs de théâtre[2].

Смешные судьи! Скажи еще, не видал ли, не заметил ли там, в тени, где нет ни луча солнечного, ни даже восковой плошки, несчастных освистанных авторов, которые с скрежетом тебе прошептали: божественно! Не видал ли адских богинь, которые живут не в водах Флегетона, но в театральном коридоре, вопреки Вольтеру и его Генриаде:

Là gît la sombre Envie à l'oeil timide et louche,
Versant sur des lauriers les poisons de sa bouche:
Le jour blesse ses yeux, dans l'ombre étincelant...
Auprès d'elle est l'Orguiel, qui se plaît et s'admire;
La Faiblesse au teint pâle, aux regards abattus...
La Tendre Hypocrisie, aux yeux pleins de douceur,
Le ciel est dans ses yeux, l'enfer dans son coeur[3].

Видел, видел, видел! Я рад, что хорошо сыграна, и думаю, что ты не даром потерял свое время. Уведомь меня, что ты за нее получишь. Я надеюсь, что фортуна не отворотит от тебя своего лица, вылитого из золота, и не покажет тебе своей чугунной задницы. Я желаю тебе все, что дружба пожелать может.

Мундиры получил, а книг нет. Дело не в том. Я подал просьбу в отставку (уведомь об этом сестер, не замедля) за ранами чрез князя Багратиона и надеюсь, что скоро

выйдет решение. Так нездоров, что к службе вовсе не гожусь, хотя и желал бы продолжать. От А<брама> И<льича> писем не имею; поговори ему, чтоб он хоть строкой уведомил. Я к нему раза три писал.— Скажи А. Н. Оленину, что я просился в отставку: это нужно. Я сам его уведомлю, а о прочем и говорить нечего.

Et je serois fâché d'être sage à leurs yeux... [4]

Видишь ли, какая память и как я ее украшаю в Финляндии! Если б ты знал, как грустно! Дай всю силу этому слову, и верно, обо мне пожалеешь.

Пожми руку у Радищева; у него сердце на ладони; я и его не переставал любить.

Люди мне так надоели, и все так наскучило, а сердце так пусто, надежды так мало, что я желал бы уничтожиться, уменьшиться, сделаться атомом; ты меня, верно, понимаешь:

Кто сильно чувствует, тот сильно выражает.

Долго ли мне ссылаться на других? Мартынов написал бы здесь, в скобках, эстетическим пером своим: citer à propos et mal à propos [5]. Выщипли перья у любви, которая состарелась, не вылетая из твоего сердца; ей крылья не нужны. А<нна> Ф<едоровна> право хороша, и давай ей кадить! — Этим ничего не возьмешь. Не летай вокруг свечки, обожжешься, а впрочем, как хочешь,— и это имеет свою приятность, не правда ли? Я так этак думаю на холостом ложе, перебирая старую быль в голове своей: лучше как-нибудь вкушать блаженство, нежели никак, а здесь в кого влюбишься? Разве в Анну, Кайсу, Бриту, которые бы годились в прислужницы греческим паркам. Преузорочные чухонки!

А когда я любил, увенчанный ландышами, в розовой тюнике, с посохом, перевязанным зелеными лентами, цветом надежды, с невинностью в сердце, с добродушием в пламенных очах, припевая: «кто мог любить так страстно», или: «я неволен, но доволен», или: «нигде места не найду»,— ты смеялся, злодей! Теперь я запою: «я плакал, ты смеялся» и проч.

Le sage est ménager du temps et des paroles! [6]

А я с тобою так разболтался. Пришли книг и Капниста по почте, можешь и писать: она регулярно ходит. Прошу тебя, уведомь обо всем сестер, не замедля.

Я не смею и говорить тебе, что люблю еще, как дурак, и кого? Ты сам знаешь, и знаешь также, о чем хочу про-

сить. Женимся, мой друг, и скажем вместе: Святая невинность, чистая непорочность и тихое сердечное удовольствие, живите вместе в бедном доме, где нет ни бронзы, ни драгоценных сосудов, где скатерть постлана гостеприимством, где сердце на языке, где фортуны не чествуют в почетном углу, но где мирный пенат улыбается друзьям и супругам... мы вас издали приветствуем! Не правда ли? А пока пойдем с рублем к Каменному мосту и потом направо.

Я вдруг получил известие, что гр. Строганов едет, и спешу кончить письмо. Пришли книги.

Конст. Батюшк.

Осведомляйся у Спиридова, адъютанта Строганова, какое течение примет моя просьба, и уведомляй меня немедленно. Это все можно чрез Полозова.

---

[1] Сколь сладостно иметь истинного друга *(фр.)*.

[2] Фигуры ученых педантов на театральных скамьях *(фр.)*.

[3] Там живет мрачная Зависть с неуверенным и подозрительным взором, извергающая изо рта яд на увенчанных лавром. Свет дня, сверкая во тьме, ранит ее глаза. Рядом с ней Гордость, которая нравится себе и восхищается собой, бледная Слабость с потупленным взором, нежное Лицемерие со сладким взором (у него небо в глазах и ад в сердце) *(фр.)*.

[4] Я был бы рассержен, если бы казался им мудрым *(фр.)*.

[5] Цитировать кстати и некстати *(фр.)*.

[6] Мудрец бережет время и слово *(фр.)*.

32. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

Або. 23 мая 1809

Je viens de recevoir Vos deux lettres à la fois et les 400 r. Vous vous portez bien, j'en suis charmé. J'ai donné une supplique, et je crois avoir mon congé; cela étant, nous nous reverrons bientôt. Vos lettres sont si courtes, que cela me donne un chagrin, je ne sais á quoi attribuer cela. Paul ne m'a pas répondu aux trois lettres que je lui ai écrites. Vous savez comment les bagatelles m'affligent, et cela n'en est pas une. Lise ne me donne point de ses nouvelles. Je viens d'apprendre par une lettre de mon beau frère, qu'il a reçu l'argent des campagnes; cela m'a fait du plaisir. M-r Olenin m'écrit souvent et plus souvent que vous, il m'aime beaucoup. Ne vous affligez pas, ma bonne amie, de nos affaires, le bon Dieu vous sauvera. Sa divine main est sur nous. Je vous écris peu, car je suis pas sûr du courrier. Barbe a

tort de ne me point écrire. Je vous embrasse, faites des voeu pour mon congé, adieu. *Constant. Batuchkof.*

Je m'ennuie joliment, je suis triste et rêveur. Et comment pourrait être autrement? — Conservez votre santé, elle est précieuse. Celui qui nourrit les faibles oiseau, laissera-t-il sans protection les enfants de notre soeur, l'exemple des vertus domestiques, exemple rare! — Tâchons, mon amie, de leur faire tout ce qu'elle a fait pour nous. C'est dans ma maladie qu'elle a deployé son caractère. Je serais un ingrat si j'oubliais son amitié tendre et courageuse [1].

Присмотри за садом, приготовь для меня гостеприимный угол. Я не праздновал моих именин 21-го мая. Это число для меня несчастливо.

M-me Choglocof que je vois souvent a manqué de me tourner la tête, mais cela a passé et n'a rien de funeste [2].

---

[1] Я только что получил ваши два письма. Я в восторге от того, что вы хорошо себя чувствуете. Я подал прошение и рассчитываю получить свой отпуск, в этом случае мы увидимся скоро. Ваши письма столь коротки, что это меня огорчает, и я не знаю, чему это приписать. Павел не ответил на три письма, которые я ему написал. Вы знаете, как расстраивают меня и пустяки, а это не пустяк. Лиза не сообщает мне новостей о себе. Из письма своего зятя я только что узнал, что он получил деньги с деревень, это мне приятно. Г-н Оленин пишет мне часто и чаще вас, он меня весьма любит. Не расстраивайся, мой дорогой друг, из-за наших дел. Благой Господь спасет тебя. Рука Его над нами. Я мало пишу тебе, потому что не уверен в курьере. Варенька напрасно мне не пишет. Пожелайте мне получить мой отпуск. *Конст. Батюшков.*

Я изрядно скучаю, грустен и мечтателен, да и как могло бы быть иначе? Побереги свое здоровье, оно драгоценно. Тот, кто кормит и слабых птиц, оставит ли он без защиты детей нашей сестры, которая была образцом домашних добродетелей, редким образцом! Постараемся, дорогие друзья, сделать для них то, что она сделала для нас. Она проявила свой характер во время моей болезни. Я был бы неблагодарным, если бы забыл ее нежную и мужественную дружбу (*фр.*).

[2] Мадам Чоглокова, которую я часто вижу, чуть было не вскружила мне голову, но все это миновало и не имеет в себе ничего опасного (*фр.*).

33. СЕСТРАМ

1 июля <1809> Петербург

Mes chères soeurs. Enfin je suis à vous. J'ai mon congé et je vole dans vos bras. N'allez pas à Rostoff, attendez-moi, nous irons ensemble [1]. Я хочу выехать во вторник, теперь меня ничто не останавливает. Все получил, и абшид из Военной коллегии. Надеюсь, что вы покойнее, нежели когда вас оставил. Здесь и по делам нашим худого или, лучше сказать, худшего ничего не слышал. Итак, друзья

мои, ожидайте меня у волн Шексны. Надеюсь, что брат Павел Алек<сеевич> встретит. Если бы я его менее любил, то, верно бы, рассердился. Как, ни строки во все время!

Абрам Ильич здоров и хочет писать со мной. Дети его стали прекрасны и очень выросли. Что сказать мне о Питере? Так скучно, что придется умереть,— да и мудрено ли?

Tous ceux qui m'étoient chers ont passé le Cocyte [2].

Дом А<брама> И<льича> осиротел; покойного М<ихаила> Н<икитича> и тени не осталось; Ниловых, где время летело так быстро и весело, продан. Оленины на даче — все переменилось; одна Самарина осталась, как колонна между развалинами. Я у ней и у Оленина бываю каждый день. Благодарю тебя, сестрица, за деньги; они мне очень принадобились. Итак, ожидайте меня к воскресенью. Целую вас, друзья мои, приготовьте комнату, а я накупил книг.

Конст. Бат.

<Приписка Н. И. Гнедича>:

Милостивая государыня Александра Николаевна! Малороссия от меня далеко; вы ближе, но и тут пали камни, которых ни перескочить, ни перелезть не в силах. Остаюсь на целое лето глотать пыль петербургскую. Но судьбы неисповедимы! Философия высокая, но нимало не утешительная, а еще более, когда и Константин скоро едет, несмотря на то что в Петербурге нашем, право, для него весело — можно гулять и в Летнем саду! Желаю вам здоровья. Варвару Николаевну поздравляю с одною моською и с двумя птичками. Остаюсь с почтением вашим покорнейшим слугою *Н. Гнедич.*

---

[1] Мои дорогие сестры. Наконец я принадлежу вам. Я получил отпуск и лечу в ваши объятья. Не уезжайте в Ростов. Дождитесь меня. Мы поедем вместе *(фр.)*.

[2] Все, кто был мне дорог, перешли Коцит (*фр.*).

34. Н. И. ГНЕДИЧУ

4 августа 1809. <Хантоново>

Я не писал к тебе, друг мой, и мог ли писать? Сделался так болен, что хоть брось. Здесь все благополучно. Где ты поживаешь, друг мой? Радищев пишет, что на дачу переезжаешь. Приезжай лучше сюда; решись, и дело в шляпе.

Тебя и нимфы ждут, объятья простирая,
И фавны дикие, кроталами играя.
Придешь, и все к тебе навстречу прибегут
Из древ гамадриады,
Из рек обмытые наяды,
И даже сельский поп, сатир и пьяный плут.

А если не будешь, то все переменит вид, все заплачет, зарыдает:

Цветы завянут все, завоют рощи дики,
Слезами потекут кристальны ручейки,
И, резки испустив в болоте ближнем крики,
Прочь крылья навострят носасты кулики,
Печальны чибисы, умильны перепелки.
Не станут пастухи играть в свои свирелки,
Любовь и дружество, погибнет все с тоски!

Вот тебе два мадригала, а приедешь — и целая Поэма. Скажи Анне Петровне, что я ехал по следам Бороздина. Его где принимали за шпиона, где за чудака (он часто ночью гулял), а где и за статского советника. Попроси А<лексея> Н<иколаевича>, чтоб он не сердился на меня за то, что я с ним не простился. Вот пятьдесят рублей в уплату крестов; я чаю, ты получил от фон-Менгдена или Протасьева деньги. Перешли и сии письма к Макарову через Радищева. Если заплатил деньги за кресты, то оставь сии деньги у себя кой для каких покупок, да пришли мне с первой почтой плетеный чубук для фарфоровой трубки, купи у Голландца, также вакштафу два фунта: у меня нет ни крохи. Пожалуйста, уведомь поскорее, где ты и что намерен делать. Vale e me ama [1]. Я к Радищеву буду писать, если он здесь в Питере. Попроси Алек<сандра> Петр<овича>, чтоб он уведомил меня строчкой и прислал бы книгу, что у него есть, о псовой охоте.

Конст. Бат.

Я без табаку пропал.

---

[1] будь здоров и люби меня (*лат./ит.*).

35. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Август 1809 г. Хантоново>

У вас, я слышал, много нового — и чудеса. Отпиши мне об этом; да жалея о друге, который принужден жить в уединенном уединении, пиши, любезный Николай, почаще. Это не трудно, если захочешь.

Еще до тебя просьба: вообрази себе меня, стоящего пред камином, в котором погасли дрова, в черном суконном колпаке, в шлафоре атласном и с босыми ногами; вообрази, что я подхожу к тебе, едва, едва прикасаясь полу концом пальцев... Одна рука делает убедительнейший жест, другая — держит пустую трубку, в которой более месяцу не бывало турецкого табаку. *А у тебя его много.*

Пришли по почте, возлюбленный, желанный, хоть на одну трубку.

К. Б.

36. Н. И. ГНЕДИЧУ

19 августа <1809. Хантоново>

Я к тебе пишу мало, потому что болен и скучен, но с первой почтой буду писать пространнее. Уведомляй меня почаще; здесь в пустыне и ковчег Ноев — новость, а у вас там ничему не удивляются. Из твоего письма вижу, что обитаешь на даче в жилище Сирен. Мужайся, *Улисс*! Здесь же ни одной Сирены, а спутников Итакского мужа, который десять лет плыл из Малой Азии на каменный и бедный остров,— очень много. Как минута может переменить предметы! Я отворил окно и вижу: нимфа Ио ходит, голубушка, и мычит бог весть о чем; две Леды кричат немилосердно. Да, посмотри... там в тени — право, стыдно!..— бараны, может быть, из стада царя Адмета...

Накинем занавес целомудрия на сии сладостные сцены, как говорит Николай Михайлович Карамзин в «Наталье». Пожалуйста, пришли мне стихов из Петербурга, а я тебе пришлю перчаток замшевых хоть дюжину.

Ты, может быть, забыл, что мне нужно рассеяние, и для того я все говорю о деле — (дамский силлогизм). Вот тебе несколько эпиграмм; напечатай в «Цветнике»,

если он не завял совершенно. А они не дурны. На будущей почте я пришлю тебе несколько похвальных слов, а именно вот каких: поэт Сидор, что написал Потоп, а рыбы на кустах, ну, уж гений! — А Кузьма, что сидит в креслах на Васильевском острову возли биржи, мастер писать... хоть с виду не хитер, а ума палата! Я уверен, что эпиграммы по тебе, а особливо на женщин, Виргилиев перевод и журналиста.

Где Радищев? Он, верно, в Москве. Дай его адрес.

Капниста адрес мне нужен необходимо.

Пришли мне дамский сувенир, на манер моей книжки, что купил я в магазине в 10 или 15 руб. «Др<аматический> вестник» II-й части с 144 листа недостает; пришли мне его неотменно, также Державина, если есть кредит; а я тебе деньги вышлю с первой почтой. Надеюсь, что кресты отправлены; а табаку ожидаю, как цветок — росы. Если можешь прислать турецкого хорошего, лучшего; такого, что не стыдно курить в Магометовом раю, на лоне гурий, с аравийскими ароматами, с алоем, шафраном, с анемонами, с ананасовым соком... Ты понимаешь! Весь твой *Конст. Батюшк.*

Ты получил пенсион!

Сердце у меня выскочить хотело от радости. Ты знаешь, что я вполовину чувствовать не умею. Письмо сие было запечатано, отослано, но опоздало на почту. Приносят письмо от Радищева, и я читаю, что ты получил пенсион! Да здравствует князь Гагарин! Я бы желал его знать покороче: он стоит того. Вытолкни его из круга нынешних господчиков: он, право, феномен!

Ну, славу богу, ты имеешь кусок верного хлеба; великое дело! Жаль, что меня с тобою нет: я бы по-своему праздновал это *мое* благополучие. Я любил всегда Гомера, а теперь обожаю: он, кроме удовольствия неизъяснимого, делает добро человечеству. Да тень его потрясется на Олимпе от радости!

Играйте, о, невские музы,
Играйте во свирели, флейдузы!

скажу с Тредьяковским и обниму тебя от всего сердца, души и помышления.

37. Н. И. ГНЕДИЧУ

Окончено сентября 6, 1809 г. <Хантоново>

Я получил письмо твое от 23-го и радуюсь твоей радости, печалюсь твоей печали. Ты нажил завистников? Но должен ли я повторить прежние слова? — «Коррадо» их не родит, а переводы «Илиады» и «Танкреда» имеют сильные требования на зависть и злобу. А пенсион? Брось печаль свою... Я желал бы, чтоб мне завидовали, к несчастию, есть люди, которые только жалеют об моих шалостях... может быть, из зависти. Я сам умею плечами пожимать и более кстати, нежели они. А язык мой? — если начну разглагольствовать в жару страсти, вспомни, остер или нет? — Но оставь гарпий... Пойдем к грациям, к Семеновой. Вот ей стихи. Если она скромна, как Кореджиева дева, то и тут не отказалась бы от этой похвалы.— Все, что ты ни напишешь на этот случай, будет слишком обыкновенно... Я взял перо с удовольствием и в первый раз, может быть, с пользой и кстати... то есть для дружества. Можешь это напечатать, но где? — Беницкого — которого в тайне музы и три, четыре человека много жалеть будут — я думаю, не стало. Без него и «Цветник» так завял, как у меня в саду после осенних дождей китайский мак. Надеюсь, что Семенова поблагодарит хоть словом своей руки; я тем более на это имею права, что с ней незнаком. Ты теперь совершенно хочешь погрузиться в «Илиаду», как Ахиллес в реку забвения. И должен! Этого слова ни мой, ни твой желудок не варит. Однако ж, что тебя будет оживлять, окрылять поэтический дух, отгадай? — Зависть, точно она! Лучший способ ей мстить — молчать и делать.

Что творит Анна Петр<овна> на даче? Спроси ее, где Ниловы: я к ним хочу писать послание. Где Капнист? — Как к нему писать? Про Хераскова трагедию ты говоришь, что академия ее венчала. Она делает свое дело, то есть,

Triste amante des morts, elle hait lés vivants [1].

Какой ты чудак! — Ни слова будто не мог сказать Измайлову, либо сам сходить к Лесновскому за журналом? Не стыдно ли? Если б знал, что здесь время за вещь? что крылья его свинцовые? что убить нечем? Уж я принужден читать пряники Долгорукова, за неимением лучшего. Пришли «Драматический вестник», но в

полноте. Нет ли чего нового? Я весь италиянец, т<о> е<сть> перевожу Тасса в прозу. Хочу учиться и делаю исполинские успехи. Стихи свои переправил так, что самому любо. Право, лучший судья, после двух или трех лет, сам сочинитель, если он не заражен величайшим пороком и величайшею добродетелью — самолюбием. Не издает ли кто ныне журналов? Что нового? Не похудел ли друг Радищев? Каково Яковлев играет? Какова погода? Продают ли вареную кислоту с померанцевыми отрубями, осыпанную лавровым листом? Жив ли твой аппетит? Долго ли Март<ынов> исповедует и что спрашивает на духу? Какое обширное поле для эпиграмм! Не худо бы тебе прислать мне турецкого табаку: порадуй же меня и душу мою! Маленький Катенин что делает, он с большим дарованием; где он? Франковы пилюли продаются в аптеках, в главных, для тех, у кого есть язык. Пришли их, пожалуйста, да ваксы банку для сапог.

Я завожу переписку с Ч<оглоко>вой: это преутешная и презабавная реляция подвигов...

Не влюблен ли ты? Когда так, то положи палец в рот (мизинец), зажми левую ноздрю, вытяни шею, плюнь — и все тут. Что значит ex fulgore?[2] — Больно жаль Беницкого! — Жильберт в нем воскрес и умер. Большие дарования, редкий, светлый ум, жаль, что залилось желчью; а его болезнь, я думаю, превратилась в нервическую; я на себе испытал это ужасное положение: чувствовать все гораздо сильнее, но с меньшими телесными силами! Поневоле призадумаешься и скажешь: что человек? За что один страдает, другой... Но всем участь одна, все, как царь и раб, умираем и живем несчастливы. Но баста, слишком умно заговорил некстати! Пришли табаку турецкого. Помнишь ли, что Брут говорил в Сенате, на улице, дома, в храмах, на площади, на судне? — Он говорил: *«Гибель Карфагене!»* Я не Брут, так говорить стану: дай табаку. Я читал все это время Княжнина сочинения. Сколько хорошего! Сколько ума и соли! — И какое холодное, мерзлое дарование! — У меня есть сосед, который пишет, читает церковную под титлами и гражданскую печать,— не примут ли его в академию? — Знаешь ли, какие этим членам надобны кресла? Стульчаки. О варвары, о Крашенинниковы, о Тредьяковские... Эта академия не всегда была запакощена, в ней были, сияли люди истинно с дарованиями. Mais sans un Mécenas à quoi sert un Auguste?[3] Где Крылов? Что делает Шаховской и Жихарев? — Полозов

ко мне не пишет. Сочини из этого письма экстракт да пришли его мне полюбоваться. Ни начала, ни конца! Жаль, не губи эпиграмм моих в «Цветнике»: они, право, не так дурны. Да пришли мне «Цветник», ради бога. Что значит ex fulgore? — Продолжение впредь... Посмотрю, у меня камин погас, а на дворе стужа.

Италиянский эпиграф очень приличен к Семеновой; это один из лучших стихов Тассовых (скажу мимоходом, что «Иерусалим» — сокровище: чем более читаешь, тем более новых красот, которые исчезают во всех переводах); он значит: в прекрасном теле прекраснейшая душа. Этот стих взят из «Энеиды», вот латинский:

Gratior et pulchro veniens in corpore virtus [4].

Смиряйся пред моею ученостью!

Право, мои стихи не дурны. Как понравятся, не знаю?

Растиньяковы кресты отправь с Семеном. 50 р. с теми, что я послал, и с этими, у сего приложенными, составят 150 р. Кресты и письма отнеси Делагарду сам; он очень любезный малый, друг Растиньяков, живет в капитуле Мальтийском, на дворе, или отошли, но самому лучше.

Купи на остальные Державина сочинения, Монтаня непременно и табаку турецкого. Как бы сладостно выкурил трубочку!

Если получишь от Протасьева, то купи что-нибудь, рублей в 75, на шею для Вареньки, по крайней мере приторгуй; не знаю, что носят. Мне хочется помоднее.

Что значит ex fulgore?

Бога ради, кресты отправь, извинись пред Делагардом, что я тебе не сказал, по ветрености, адреса его.

---

[1] Грустная возлюбленная мертвых, она ненавидит живых (*фр.*).
[2] из пламени (*лат.*).
[3] Но без Мецената для чего нужен Август? (*фр.*)
[4] В красивом теле благородней и доблесть (*лат.*).

38. Н. И. ГНЕДИЧУ

19 сентября 1809. <Хантоново>

Я радуюсь, что письмо мое тебя утешило. Могло ли произвесть иное действие на сердце, способное разделять в полноте чувство дружества? Мог ли б я тебя

любить, если б душа твоя не отзывалась согласно на голос моей дружбы? — Чем более живу, тем более люблю тебя; все, даже маловажные происшествия связывают теснее союз дружества. Оно растет с годами, ибо мы гораздо более привязаны друг другу теперь, нежели назад тому год и более. Любовь совсем не так: эта горячка любви, эти восторги, упояющие душу, исчезают — где истинная любовь? — нет ее! Я верю одной вздыхательной, петраркизму, т<о> е<сть> живущей в душе поэтов, и более никакой. В дружбе мой девиз: истина и снисхождение. Истину должно говорить другу, но столь же осторожно, как и самолюбивой женщине; снисходительну должно быть всегда. Ради сего последнего пункта и в силу этого условия, я могу болтать до устали,— не правда ли?

Я твоей загадки не понимаю, да и не силюсь понять. Ты хочешь заняться Гомером. И советую. Расстанься, удались от писателей. Поверь мне, это нужно. Я знаю этих людей, они вблизи гораздо более завидуют. Хорошо с ними водиться тому, кто ищет одной известности, а не славы. Ты в первой не имеешь нужды, а последнюю ничем приобресть нельзя, как трудами. Позволишь ли дать совет? — Перечитывая твой перевод, я более и более убеждаюсь в том, что излишний славянизм не нужен, а тебе будет и пагубен. Стихи твои, и это забывать тебе никогда не должно, будут читать женщины, а с ними худо говорить непонятным языком. Притом, кажется, что славянские слова и обороты вовсе не нужны в иных местах; ты сам это чувствовал. Но и здесь соблюди середину; подвиг воистину трудный!

Кто хочет писать, чтоб быть читанным, тот пиши внятно, как Капнист, вернейший образец в слоге, я не говорю — переводчику «Илиады». Поверь мне, что если бы Костров жил в свете, то не осмелился бы написать «сице» для «колесницы», а свет или еще значительнее слово — urbanité [1] — не последняя для тебя выгода; и я думаю, что вечер, проведенный у Самариной или с умными людьми, наставит более в искусстве писать, нежели чтение наших варваров. Я слог их сравниваю с рекой, в которую нельзя погрузиться, не омочив себя. Мне кажется, что гораздо полезнее чтение Библии, нежели всех наших академических сочинений, ибо в первой есть поэзия, а Кондильяк сказал: «On peut raisonner sans s'éclairer, mais on ne peut pas remuer mon âme d'une manière nouvelle ou agréable, qu'aussitôt je ne sente le beau» [2]. Вот преимущество стихотворного языка. Я не знаю, поймешь ли ме-

ня, но мне кажется, что лучше прочесть страницу стихотворной прозы из Марфы Посадницы, нежели Шишкова холодные творения.

Подумай,— может быть, я сказал правду. Как мне Беницкого жаль! Я читал ныне «Умного и дурака» в «Талии». Он как предвидел конец свой. Все, что ни написано, сильно, даже ужасно, слишком сильно, напитано желчью. Жив ли то он?

Уведомь меня, как Семенова приняла речь мою за Архия? Я теперь перевожу от скуки Тибулла в стихи, Тасса в прозу и перемарываю старые грехи. Много прибавил, и что важнее — все переписал. Я бы послал тебе что-нибудь, но берегу до случая, когда могу всё отправить вместе; хочу велеть переписать копии три. Если время будет, то пришлю и с этим письмом. В «Цветнике» и губить нечего.

Отправь кресты, бога ради, отправь... Я, может быть, поеду вскоре в Москву. Хорошо бы и тебе туда заглянуть, а? Какая Аглая у Самариной? Не Шаликова ли журнала обчесавшаяся муза? Англичанка не сделала ли развязку романа немного поспешно? Жаль, что я не успел для нее застрелиться *холостым* выстрелом. Напрасно говоришь, что я пишу на какого-то издателя Лук<ницко>го. Я этих ослов плетьми сечь не хочу. Пришли книги, об которых писал прежде, да пиши поболее об дурачествах. Если б ты знал, как мне скучно! Я теперь-то чувствую, что дарованию нужно побуждение и ободрение; беда, если самолюбие заснет, а у меня вздремало. Я становлюсь в тягость себе и ни к чему не способен. Не знаю, впрок ли то ранние несчастия и опытность. Беда, когда рассудку не прибавят, а сердце высушат. Я пил горести, пью и буду пить. Сегодня читал я, что бог сотворил человека, и размыслил, *смот. Моисеевы книги в начале.* И впрямь, где счастие? Я его иногда нахожу в кратких напряжениях души и тела, ибо тело от души разлучать не должно, но тем более от напряжения органы изнемогают, и горесть тут как тут.

Книги, бога ради, пришли. «Цветник», Державина и «Драматический вестник».

---

[1] Общежительность *(фр.)*.

[2] Можно рассуждать не просвещаясь, но нельзя взволновать мою душу новым или приятным способом, так чтобы я не почувствовал прекрасного *(фр.)*.

39. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Сентябрь — октябрь 1809. Хантоново>

Послушай, мой друг, что я хочу тебе сказать: не что иное, как предположение, но если ничего никогда не предположишь, то и не выполнишь. Притом же слова мои пусти на воду, если не годятся. Именно: ты знаешь, что мне 22 от роду; кончить век свой в моем чине стыдно и глупо; ты знаешь еще, что никогда я ни у кого ничего не просил, но тебе открыться можно. Если б я чувствовал, что ни к чему не способен, то, верно, ни слова не вымолвил. Ты скажешь: зачем я переменил службу? Но нет, ты этого не скажешь: ты знаешь мои обстоятельства. Служить мне надобно, но где и как? Вот в чем дело. Не можешь ли мне посоветовать и прочистить дорогу чрез кого-нибудь в иностранную коллегию (по дипломатике, как говорит Крылов); и я что-нибудь да стою, т<о> е<сть> могу быть полезен, ибо знаю языки. Но это не хитрость. Гнить не могу и не хочу нигде. А желаю, если возможно, быть послан в миссию; поговори об этом с людьми умными: нет ли способа? Я знаю на опыте, что иногда слово кстати от неважного человека значительнее, нежели сильная протекция. Знаю, что ежели кто умеет немного ценить дарования, тот более склонит слух к просьбе твоей, нежели какого-нибудь генерала. Посоветуйся с Анной Петровной. На этот случай женщины всегда лучше нас, ибо видят то, что мы не видим, ибо если захотят что, то сделают. Но я желал бы нечто *верное*, ясное, а не надежду, ибо ее гораздо более в моих пиитических мечтах, нежели в слове *завтра*. Вот в чем моя просьба состоит. Уважить или нет — от тебя зависит. Я бы согласился и без жалования в Италию, а это важное условие. Не правда ли? Старайся, если можно. Оленина и просить не хочу, ибо я ему многим, очень многим одолжен. Есть, правда, средство, через Баранова, и сильное, но ты знаешь, чего мне стоит просить за себя!.. Где Михайло Никитич!..

Кстати, скажу тебе, что через месяц еду в Москву. Катерина Федоровна сильно приглашает во всяком письме, да и мне ее увидеть хочется.

Не можно ли поговорить с Гагариным об этом деле? Вся сила состоит в том: frappez juste, mais frappez fort [1], т<о> е<сть> ...Да я слишком заболтался!.. Итак, чтоб ты не назвал мечтой мои желания. Но если, мой

друг, ты войдешь в мое состояние, то верно, верно пожалеешь. С моею *деятельностью* и *ленью* я буду совершенно несчастлив в деревне и в Москве, и везде. Служил всегда честно: это засвидетельствует тебе совесть моя. Служил несчастливо: ты сам знаешь; служил из Креста и того не получил, а упустил все, даже время, невозвратное время! — Теперь, с совершенной пустотой душевной, с пагубной для меня. Я решился: если не пойду служить по этой части, то поеду путешествовать, хотя бы это стоило десяти тысяч, что меня разорит совершенно; но гнить в ничтожестве не могу. И впрямь, когда мы посмотрим на баловней фортуны... Правда, я им не завидую.

Рифма на *пря, моря* есть: *не укоря*. Да рифмы искать, не читав стихов, все то же, что лечить заочно, не видав больного. Не правда ли, что рифмы — занятие преполезное? Как ты думаешь? Но рифмы, скажу без смеху, чем новее, тем лучше, тем разительнее, например, у меня:

Се третий шествует Алкастий горд и страшен,
Как древле Капаний у твердых фивских башен.

Этого письма, надеюсь, не будешь читать Самариной.

---

[1] Бейте по справедливости, но бейте сильно (*фр.*).

40. Н. И. ГНЕДИЧУ

1 ноября кончено и послано. 1809. Хантоново

Г-жа Севинье, любезная, прекрасная Севинье, говорит, что если б она прожила только двести лет, не более, то сделалась бы совершенною женщиною. Если я проживу еще десять лет, то сойду с ума. Право, жить скучно; ничто не утешает. Время летит то скоро, то тихо; зла более, нежели добра; глупости более, нежели ума; да что и в уме... В доме у меня так тихо, собака дремлет у ног моих, глядя на огонь в печке; сестра в других комнатах перечитывает, думаю, старые письма... Я сто раз брал книгу, и книга падала из рук. Мне не грустно,

не скучно, а чувствую что-то необыкновенное, какую-то душевную пустоту... Что делать? Разве поговорить с тобою?

Я подумал о том, что писал к тебе в последнем письме, и невольно засмеялся. Как иногда человек бывает глуп!

1-ое дурачество: я сравнял себя с Дмит<риевым>, назначил себе место ступенью ниже его!.. Бога ради, не напечатай этого! Да и не читай никому!.. 2-ое дурачество: говорил тебе о какой-то миссии... Не во сне ли я... Надеюсь, что ты это все прочитаешь хладнокровно, пожмешь плечами, положишь в ящик, замкнешь и делу квит. Но кто, мой друг, всегда бывал в полном разуме? — И что это разум? Что он такое? Не сын ли, не брат ли, лучше сказать, тела нашего? Право, что плели метафизики, похоже на паутину, где мы, бедные мухи, увязаем то ногой, то крылом, тогда как можем благополучно и мимо, то есть и не рассуждать об этом. Послушай Власьевны в «Сбитеньщике»:

Фадей. Власьевна, отчего, коли спишь, хотя глаза и зажмурены, а видишь?

Власьевна. Это не видишь, а думаешь.

Фадей. А что такое думать?

Власьевна. Я и сама не знаю.

Я и сам не знаю — бесподобное слово! И впрямь, что мы знаем? — Ничего. Вот как мысли мои улетают одна от другой. Говорил об одном, окончил другим. Немудрено, мой друг... В этой безмолвной тишине голова — не голова. Однакож обстоятельства не позволяют выехать. Я бы мог, правда, ехать, напр<имер>, в Вологду, но что там делать? Здесь я, по крайней мере, наедине с сестрой Алек<сандрой> (Варенька гостит у сестры), по крайней мере, с книгами, в чистой приятной горнице — и я иногда весел, весел, как царь. Недавно читал Державина: «Описание Потемкинского праздника». Тишина, безмолвие ночи, сильное устремление мыслей, пораженное воображение,— все это произвело чудесное действие. Я вдруг увидел перед собою людей, толпу людей, свечки, апельсины, брильянты... царицу... Потемкина, рыб и бог знает чего не увидел, так был поражен мною прочитанным. Вне себя побежал к сестре... «Что с тобой?»... Оно! они! «Перекрестись, голубчик!» Тут-то я насилу опомнился. Но это описание сильно врезалось в мою память. Какие стихи! — прочитай, прочитай, бога ради, со вниманием: ничем никогда я так поражен не был!

Я надеюсь, что ты умен и не прочитал моего последнего письма Анне Петр<овне>. Но если ты совершенно, по симпатии со мной, потерял рассудок? Хорошо, что ей, а не другому, ибо

Molti cosigli delle donne sono
Meglio improvviso che a pensarvi usciti;
Chè questo è speciale, e proprio dono
Fra tanti, e tanti lor dal ciel largiti.

Ariosto [1].

Если не поймешь, хотя не трудно понять твоей высокопарной латыни, то беды нет. Я писал к Капнисту — нет ответа; писал к Алексею Николаевичу — нет ответа; ныне писал к Ниловым — сердце говорит, будет ответ. Крылов родился чудаком. Но этот человек — загадка, и великая!.. Играть и не проигрываться. Скупость уметь соединять с дарованиями, и редкими, ибо если б он более трудился, более занимался... Но я боюсь рассуждать, чтоб опять не завраться.— Гоняются ли за тобой утренние шмели? Мне пришла чудная мысль. Если б, когда я у тебя жил, поутру пришел юноша к *Милому Гению*, и тебя бы не было на ту пору дома, то я так бы отбрил голубчика... «Не вы ли тот великий дух, который сочинил эпитафию на смерть статского советника?» Я отвечаю: «*Я*»...— «Позвольте мне, пораженному явными чертами Гения, простираться, если возможно, до вашей Занимательности»... Я отвечаю все за тебя, как Скотинин на перекличке: «*Я*» — «Вот, м<илостивый> г<осударь>, моя трагедия... Кто более вашего, кто справедливее вас оценит слабый, мерцающий луч неопытного Гения?..» — «*Я!*»... Тут он мне начинает читать; читает, а я зеваю. Наконец,— есть всему конец, и трагедиям также,— ты входишь... и я указываю на переводчика Гомера и «Танкреда».

Вот канва, по которой вышить можно, что хочешь. Я не знаю, как у тебя достает терпения слушать этот весь вздор? Но не слушать, наживешь врагов таких, которые тебя свечой станут жечь... Кстати, спрошу тебя: что Шаховской написал хорошего? Вот еще чудак не из последних. Как он меня выхвалял в глаза! Так что стыдно было за него. Как он меня, я чай, бранит за глаза! Так что стыдно за него. Честь Кодру-Жихареву. Не стыдно делаться Панаром-Водевильщиком? В его лета, дворянину, с состоянием? Он точно с дарованиями: это меня бесит. Измайлов плетет, а не пишет. Без смака вовсе.

Однакож его проза вообще хороша и чиста. Что Беницкий? Продлите ему, боги, веку! Но он уже успел написать много хорошего...

Пусть мигом догорит
Его блестящая лампада;
В последний час его бессмертье озарит:
Бессмертье — пылких душ надежда и награда!

Я еще могу писать стихи! — пишу кое-как. Но к чести своей могу сказать, что пишу не иначе, как когда яд пса метромании подействует, а не во всякое время. Я болен этой болезнию, как Филоктет раною, т<о> е<сть> временем. Что у вас нового в Питере? Что делает Полозов? Он не пишет ни слова. Что Катенин нанизывает на конец строк? Я в его лета низал не рифмы, а что-то покрасивее, а ныне... пятьдесят мне било... а ныне... а ныне...

А ныне мне Эрот сказал:
«Бедняга, много ты писал
Без устали пером гусиным.
Смотри, завяло как оно!
Недолго притупить одно!
Вот нá, пиши теперь *куриным*».

Пишу, да не пишет, а все гнется.

Красавиц я певал довольно
И так, и сяк, на всякий лад,
Да ныне что-то невпопад.
Хочу запеть — ан, петь уж больно.
«Что ты, голубчик, так охрип?»
К гортани мой язык прилип.

Вот мой ответ. Можно ли так состареться в 22 года! Непозволительно!

Как тебе понравилось «Видение»? Можешь сжечь, если не годится. Этакие стихи слишком легко писать и чести большой не приносят. Иным больно досталось. Бобров, верно, тебя рассмешит. Он тут у места. Славенофила вычеркни, да и все, как говорю, можешь предать огню и мечу.

К кому здесь прибегнуть Музе? Я с тех пор, как с тобой расстался, никому даже и полустишия, не только своего, но и чужого не прочитал. С какими людьми живу?..

Deux nobles campagnards, grands lecteurs de romans,
Qui m'ont dit tout Cyrus dans leurs longs compliments...[2]

Вот мои соседи... прошу веселиться!

Нет, невозможно читать русской истории хладнокров-

но, то есть с рассужденкем. Я сто раз принимался: все напрасно. Она делается интересною только со времен Петра Великсго. Подивись, подивимся мелким людям, которые роются в этой пыли. Читай Римскую, читай Греческую историю,— и сердце чувствует, и разум находит пищу. Читай историю средних веков, читай басни, ложь, невежество наших праотцов, читай набеги половцев, татар, литвы и пр., и если книга не выпадет из рук твоих, то я скажу: или ты великий, или мелкий человек. Нет середины. *Великий*, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу; *мелкий*, ибо занимаешься пустяками. Жан-Жак говорит: ...«Car vous ne laissez pas éblouir par ceux qui disent que l'histoire la plus intéressante pour chacun est celle ce son pays. Cela n'est pas vrai. Il y a des pays dont l'histoire ne peut pas même être lue, à moins qu'on ne soit imbécile ou négociateur» [3]. Какая истина! Да Писареву до этого дела нет. Он пишет себе, что такой-то царь, такой-то князь играл на *скомонех*, был лицом бел, сек рынду батогами и пр.! Есть ли тут малейшее дарование?.. Не труд ли это, достойный Тредьяковского... и академии наградою!.. Притом от одного слова *русское*, некстати употребленного, у меня сердце не на месте... Скажу тебе еще, что я читал от великого досуга и метафизику. Многое не понял, а что понял, тем недоволен. Например, сочинитель «Системы природы» похож на живописца, который все краски смешал в одно и после, кажется, говорит: «Отличи, коль можешь, белое от черного, красное от синего?» Наука тщетная и пустая! Это Дедалов лабиринт, в котором быть надобно, но не иначе, как с нитью, то есть с рассудком. Жаль, что эта нить тонка и гнила. Сей же самый сочинитель в конце книги, разрушив все, смешав все, призывает природу и делает ее всему началом. Итак, любезный друг, невозможно никому отвергнуть и не познать какое-либо начало; назови его как хочешь, все одно; но оно существует. То есть существует бог. А от сего все заключить можно. Я знаю твои мысли; ты знаешь мои и потому мимоходом это тебе сказал.

Не знаю, читаешь ли ты «Анахарсиса»? Божественная книга. Не выпускай ее из рук, ибо она не только быть может путеводителем к храму древности или изящного, но исполнена здравой философии...

У меня мало книг, потому-то я одну и ту же перечитываю много раз, потому-то, как скупой или любовник, говорю об них с удовольствием, зная, что тебе этим наскучить не можно.

Писарев еще написал что-то. Именно: «Правила для актеров». Я из рецензии вижу, что это вздор, даже в эпиграфе ошибка против языка, непростительная члену Академии. Меня убивает самолюбие этих людей. Если б они хотя языком занимались, если б хотя умели ценить дарования чужие... Но что я говорю? На это надобен ум, а у них этого-то и недостает.

Еще два слова: любить отечество должно. Кто не любит его, тот изверг. Но можно ли любить невежество? Можно ли любить нравы, обычаи, от которых мы отдалены веками и, что еще более, целым веком просвещения? Зачем же эти усердные маратели выхваляют все старое? Я умею разрешить эту задачу, знаю, что и ты умеешь — итак, ни слова. Но поверь мне, что эти патриоты, жаркие декламаторы, не любят или не умеют любить Русской земли. Имею право сказать это, и всякий пусть скажет, кто добровольно хотел принести жизнь на жертву отечеству... Да дело не о том: Глинка называет «Вестник» свой русским, как будто пишет в Китае для миссионеров или пекинского архимандрита. Другие, а их тысячи, жужжат, нашептывают: русское, русское, русское... а я потерял вовсе терпение!

Я посмеялся твоему толкованию любви. Боюсь, чтоб ты не учредил *суд любви*, который существовал в Провансе в конце одиннадцатого столетия. Там эти полезные задачи разрешали всячески, и всё по латыни. Красавицы слушали с удовольствием ученых трубадуров, которые так хитро умели угадывать тайные сгибы их сердец. Но нас никто слушать не будет, так останемся всякий в своем расколе. Притом же всякий любит, как умеет, ибо страсть любви есть Протей. Она принимает разные виды, соображаясь с сердцем любовника. Любовь есть... но

Je me sauve à la nage, et j'aborde où je puis [4].

Прощай, до свидания. *Конст. Бат.*

---

[1] Многие советы женщин лучше, если они даны внезапно, чем после раздумья. Это совсем особый дар среди столь многих и многих, завещанных им небесами. Ариосто *(ит.)*.

[2] Два помещика, великих охотника до чтения романов, которые пересказали мне всего «Кира» в своих пространных приветствиях *(фр.)*.

[3] Не давайте обмануть себя тем, кто утверждает, что историей наиболее интересной для каждого является история его страны. Это неверно. Есть страны, историю которых немыслимо даже читать, не будучи дураком либо дельцом *(фр.)*.

[4] Я спасаюсь вплавь и пристаю к берегу, где могу *(фр.)*.

41. Н. И. ГНЕДИЧУ

23 ноября 1809. <Хантоново>

Ох ты, голова моя ипохондрихиухихическая, не писала бы ты лучше писем в своих припадках. Мне и без них тошно: пощади меня.

Голова ты, голова! Сказать Оленину, что я сочинил «Видение». Какие имел ты на это права? Ниже отцу родному не долженствовало об этом говорить. Он же извинителен, ибо не знал и впрямь, хочу ли я быть неизвестен. Но ты, но ты? Стыдно, очень стыдно. Поделом тебя совесть мучит. Я ветрен, но этого никак бы не сказал никому.

Но я тебе прощаю от души; прости и мне некие глупости — вперед или назад.

Прилагаю у сего оконченное «Видение». Произведение довольно оригинальное, ибо ни на что не похоже. Теперь, ибо имя мое известно, хоть в печать отдавай. Я прибавил: 1-е, из Москвы — шаликовщину, 2-е, русских повивальных Саф, которые пути не знают к морю. В каком расположении духа ни будь, а их падение тебя насмешит. Ода Лебренова хороша. Прочитай ее снова вопреки твоей голове, которая никуда не годится, ниже в испаганскую башню, составленную из козьих голов. Смотри «Всемирный путешественник».

Карамзина топить не смею, ибо его почитаю. Впрочем, я бы мог написать все гораздо *злее*, в роде Шаховского. Но убоялся, ибо тогда не было бы смешно. Кажется, все исправил. Тройные же рифмы нужны. Французы пишут все четырехстопные стихи такими рифмами, rimes redoublées [1].

Я не хотел путешествовать в мечтах, но хотел быть при миссии на месте. Хотел... лучше сказать, врать. Я знаю, что ты ничем этому пособить не можешь, да и очень трудно. Следственно, про одни дрожди не говорят трожды.

Пришли тотчас «Видение», да за мои полные письма пришли хотя одно нетощее в Вологду: я туда еду. Не стыдно ли тебе не прислать «Цветника» за труды мои, за стихи Семеновой? Пришли его... Каков Глинка? Каков Крылов? Это живые портреты, по крайней мере, мне так кажется... Егоров ходит с усами... Как вы, друзья, уестествили Заиру?.. Висковатого за виски... Каков бы был Штаневич в «Видении»? Гадок, не правда ли?

Захарова... да не обидь всех... Шаховского, голубчика, с причетом, с адъютантами, янычарами, с сералью и с эвнухами... да боюсь его, правду тебе сказать... Скажи мне, не читал ли Шишков, сидящий в дедовском возке... Что бранят меня... Кто и как, отпиши чистосердечно. Заметь, кто всех глупее, тот более и прогневается. К Оленину я послал экземпляр. Поцелуй ручку у Анны Петровны. Я ее люблю и почитаю, и если б не лень, давно бы прислал стихи мои... Как ее дела?..

Перестанут ли школьники топить Гермогена?.. Перестанет ли Писарев играть на скомонех? Ты мне твердишь о Тассе или Тазе, как будто я сотворен по образу и подобию божьему затем, чтоб переводить Тасса. Какая слава, какая польза от этого? Никакой. Только время потерянное, золотое время для сна и лени. Впрочем, первая песнь готова. Рифм я не знаю на *моря* и скоро, подобно Боброву, стану писать белыми стихами, умру, и стихи со мной.

Не нужны надписи для камня моего,
Скажите просто здесь: он был и нет его!

Вот моя эпитафия.

---

[1] Двойные (повторенные) рифмы *(фр.)*.

42. А. Н. ОЛЕНИНУ

23 ноября 1809. <Хантоново>

Милостивый государь Алексей Николаевич! Гнедич уведомляет меня, что он прочитал вам мое «Видение», что оно вам понравилось, что вы изволили с него взять копию, но в нем столько описок, столько стихов неоконченных, даже без рифм, что я решился, исправя все, послать новый список Вашему превосходительству, где вы изволите найти трех Саф и проч. Мне перед Вами оправдываться не нужно; вы знаете совершенно, что позволено шутить не над честью, но над глупостью писателей: Гораций, Ювенал, Боало, Попе, Сумароков, все и все именовали Котенов своего века. Умный человек осмеянный прощает. Дурак сердится. Вольтер сказал в известном стихе:

Qui pardonne a raison et la colère a tort [1].

Но много ли умных? Поверьте, ваше превосходительство, что все рассердятся, «И я у всех стал виноват»,— как говорит наш Пиндар Державин. Впрочем, бог с ними:

Les sots sont ici-bas pour nos menus plaisirs [2].

Желаю знать, что более понравится вашему превосходительству.

Глинка, например, списан с натуры. Падение в реку сочинительницы «Густава», и г-жи Буниной, и еще какой-то Извековой меня самого до слез насмешили. Желал бы очень напечатать в лицах это все маранье: для рисовщика карикатур пространное поле.

Я давно не получал известия от вас, милостивый государь. Это меня беспокоило. Но и вас пустыми письмами беспокоить не хотел, зная, сколько время вам драгоценно. Прошу вас по крайней мере поцеловать за меня ручку у милостивой государыни Елисаветы Марковны и шепнуть ей под час, что за здоровье ее молит бога вашего превосходительства покорнейший слуга *Константин Батюшков.*

Я скоро еду в Москву. Катерина Федоровна пишет, что я негодяй, что избалуюсь в деревне; но поеду через Вологду, где письмо вашего превосходительства, если удостоите ответа сновидца Иосифа, верно, застанет. Боюсь, чтоб дамы на меня не прогневались, и как написал Марин:

Бранит меня и дочь, и мать полунагая

за потопление певицы «Густава». Будьте моим щитом, ваше превосходительство, против северных *Фиад* и Фреронов.

---

[1] Тот, кто прощает, прав, а кто гневается — не прав *(фр.)*.
[2] Глупцы существуют, чтобы доставлять нам удовольствие *(фр.)*.

43. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Декабрь 1809. Вологда>

Я пишу тебе из Вологды, откуда, если судьбы непреклоненные, неумолимые препятствовать будут, долго не выеду. Если же напротив... то адресуй письма свои в Москву. Ты едешь в Москву, ибо едешь в Малороссию, но ты едешь в Малороссию так, как едешь в Москву,

т<о> е<сть> никогда, да и что там делать тебе, нелюдимому? Меня же Катерина Федоровна зовет к себе столь убедительно... (Не знаю, мой друг, любит ли кто меня, как она? Может быть, в привязанности других кроется интерес, но в ее дружестве — ничего, кроме той привязанности, каковую мы чувствуем к человеку, нами обязанному.) Будь это сказано мимоходом. Итак, если в течение двух недель не получишь писем от меня, то адресуй в Москву на имя К. Ф. Муравьевой, *Батюшкову, в Арбатской части, на Никитинской улице, в приходе Георгия на Всполье, № 237.*

Спасибо за «Видение»; я душевно рад, что оно тебе понравилось. Пришли его назад, ибо по чести у меня начерно ниже строчки нет. Я сжег нарочно, чтоб после почитать на свежий ум и переправить. Пришли не замедля. Не стыдно ли, что «Илиады» экземпляр не прислал мне. Твое же послание недостойно тебя; посылаю его тебе с замечаниями. Растянуто и дурно написано. Меньше славянизма и плавнее, ибо это сочинение, а не перевод. Мысль же, что Екатерина смотрит на внуку, бесподобна и может быть прекрасно выражена. Это ново и благородно.— Ты хочешь, чтоб я бранил Шаховского? — Не много ли это? — Или ты хочешь иметь другом Фрерона или Палиссота? Впрочем, я буду писать Дунциаду, где всех помещу на месте... Мир праху твоему, Беницкий! Мы с ним увидимся в царстве неизвестности, где ни дурных стихотворцев, ни дураков, ни злодеев... Ниловы! Они в Питере! А я писал к ним в Тамбов! Ниловы, Ниловы! Нилова, которая... которую... Ее опасно видеть!

Не накидывай на себя дурь, мой друг, не говори, что люди с ума сошли. Ты не Жан-Жак, ты не потребуешь себе велегласно статуи, нет! Но анекдоты тобою так описаны, что можно их назвать образцом огорченного стиля. Я и сержусь и смеюсь; ты же...

Это письмо начато давно, все дни проводил в хлопотах, и в таких, от коих ум у меня на... <письмо обрывается.— *Ред.*>.

44. Н. И. ГНЕДИЧУ

3 января 1810 г. <Москва>

Видение пророка Ирмозиасооа.
И я зрел град.
И зрел людие и скоты, и скоты и людие.

И шесть скотов великих везли скота единого.
И зрел храмы и на храмах деревия.
И зрел лицы южных стран и северных... И зрел...
Да что ты зрел?

Москву, ибо оттуда пишу, восторжен, удивлен, всем и всяческая. Глазам своим не верил, видя, что одного человека тянут шесть лошадей, и в санях!

Видел, видел, видел у Глинки весь Парнас, весь сумасшедших дом: Мерз<лякова>, Жук<овского>, Иван<ова>, всех... и признаюсь тебе, что много видел. Однако ж сказать ли тебе правду? Именно: мне стыдно перед Глинкой, который обласкал меня, как брата, как родного, а я... Боже мой, если б он знал... Но, к счастью, он ничего не знает.

Пришли мне «Видение» скорее.— Кар<амзин> был в Твери. Здесь его встретили с кадильницами.

Твое письмо меня так рассмешило! — Твоя Элегия, и эдак исковеркана! — Но не удивляйся: ты знаешь Малиневича; он мне сказывал, что Межаков перевел Заиру, которую ты и Полозов будто выучили наизусть и за свою выдали.— Что Межаков задумывает? Жениться, на Львовой! Правда ли это? А между тем поет Державина.— Я получил от Canus [1]— Капниста письмо, и предлинное, где он говорит и повторяет одну фразу: «Я к вам писал и не имел удовольствия получить ответа. Ваш Тасс бесподобен. Я к вам писал... Ваш Тасс...» и проч. Забавно!

Пришли «Видение» и прочитай его Баранову, ибо ему оно известно, но прочитай сам. Впрочем, читай и распусти, если оно и впрямь хорошо. Я не боюсь тебя об этом просить, ибо оно тебе нравится.

Прости мне, что пишу мало. На той почте обо всем уведомлю.

Константин.

«Цветника» нет как нет. Изм<айлов> свинтус и неучтивец.

Вот мои замечания на приписание твое.

Поздравляю с Новым годом.

---

[1] Собаки (*лат.*).

45. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<Январь 1810. Москва>

Любезный друг, поздравляю тебя с новым годом, желаю счастия, здоровья и всех благ, которых мы уже давно не имеем. Я приехал сюда в рождество и живу у Кат<ерины> Фед<оровны>, которая не хочет, чтоб я жил один. Поэтому можешь рассудить, любезная сестрица, любит ли она меня; поэтому можешь рассудить, люблю ли я ее, я, который растворяю настежь обе двери сердца моего, когда дело идет до... любви, например. Здесь Анна Семеновна, приехавшая из Малороссии с одной из своих дочерей, которая была здесь отчаянно больна.

Ты спросишь меня: весело ли мне? — Нет, уверяю тебя. В собрании я был раз, раз у Ижорина, у Полторацкого, да еще у каких-то Москвитян, которых и имени едва упомнить могу. Следственно, мне в Москве не очень весело. Да и где весело быть может?

Я познакомился здесь со всем Парнасом, кроме Карамзина, который болен отчаянно. Эдаких рож и не видывал. Кстати скажу тебе, что я очень обласкан Ижориным и сестрой его.

Отпиши мне обо всем обстоятельнее, я не премину писать с первою почтою к тебе и к Аркадию Аполлоновичу. Павла Алексеевича, Вареньку и Лизавету поцелуй за меня. *Константин Бат.*

46. Н. И. ГНЕДИЧУ

16 января <1810. Москва>

Любезный Николай, я начинал сто раз ответ на твои письма, и ни слова написать не сумел. Что тому причина? Обстоятельства. Ты засмеешься; но это правда...

Получишь длинное описание о Москве, о ее жителях-поэтах, о Парнасе и пр., но теперь выслушай.

Я тебе писал о иностранной коллегии и теперь писать стану с тою только разницею, что... 1) я обдумал мною написанное, 2) что на опыте узнал, сколько мне вредна недеятельность духа, на которую здесь, в Москве, имею более причин жаловаться, нежели и в самой деревне.

Приступим.

(Я предполагаю.) Тверь от меня близко, то есть 150 верст. Если б я съездил туда с 1-й песнею Тасса? Если б вел. княг. приняла ее милостиво? Если б она дала мне письмо к министру иностранных дел с тем, чтоб меня поместили на первое открывшееся место в иностранной коллегии?.. Как думаешь?.. Или хочешь, чтоб я весь заржавел в ничтожности, или — что еще хуже того — женился в мои лета и исчез для мира, для людей... за вафлями, за котлетами и за сахарной водой, которую женатые пьют от икоты после обеда.

Если ты, если Сем<енова>, тобою настроенная, отпишут князю Гаг<арину>, если он это возьмет на сердце, то я думаю, что тут ничего мудреного нет, тем более что он Радищеву предлагал в Твери прекрасное место, от которого наш приятель имел глупость отказаться. Если так, то, отписав вместе с Семеновой Гагарину, напиши мне, и я сам съезжу в Тверь. Проси его; пусть *она* с жаром растрогает его самолюбие, и ни слова о моем проекте, а скажи, что я хочу поднесть только стихи и проч.

Я знаю, что,

Que la fortune nous vend ce qu'on croit qu'elle donne [1].

Но поверь мне, что я весь не свой. Россия так надоела, домашние обстоятельства столь докучны — не говорю об интересе, ибо теперь, слава Богу, эта статья исправилась,— что я не могу остаться ни минуты спокойным.

Тебе быть одолженным моим счастьем, тебе, Николаю, которого я, не знаю почему, как и когда, люблю, как брата, тебе, мой друг, мне приятно, весело и благородно. Но никому другому. Подумай об этом.

Впрочем, я уверен, что ты безрассудным не сочтешь желания ограниченного, нисколько не романического. Если когда не толкнуться у дверей фортуны, то... ты сам это испытал. Уведомь меня немедленно о том, что предпримешь по этому делу. Скажу тебе, что я отдал Жуковскому твое послание ко мне с моим ответом, кой-где оба поправив. Он тебя любит... ибо он один с толком. Весь твой *Константин Б.*

Ты увидишь у Оленина И. М. Муравьева дочь. Какова?.. а?.. а?.. а??

---

[1] Фортуна продает нам то, что считается подаренным ею *(фр.)*.

47. А. Е. ИЗМАЙЛОВУ

<Январь 1810. Москва>

НА ПЕРЕВОД «ГЕНРИАДЫ», ИЛИ ПРЕВРАЩЕНИЕ ВОЛЬТЕРА

«Что это!» — говорил Плутон... <*и далее.— Ред.*>.

Сделайте одолжение, напечатайте в одном из нумеров вашего журнала эту эпиграмму. Я желал бы служить вам чем-нибудь лучшим, да не имею; чем богат, тем и рад. Покорный слуга *Константин Батюшков.*

48. Н. И. ГНЕДИЧУ

1 февраля <1810. Москва>

Я написал к тебе с Анной Семеновной Муравьевой; если ты не получил этого письма, то пошли за ним немедленно к Пушкиной, на Владимирскую улицу, ибо в оном много вещей нужных.

Теперь прибавлю следующее. Если ты напишешь мне, что можно привести в действо мой план, то я немедленно поеду в Тверь и адресуюсь к к<нязю> Гагарину. У меня еще будет письмо от одной особы, которую ее величество отличает истинным уважением, прямо к великой княгине. Поелику требование мое вовсе не важно, не затейливо и просто, то я думаю, мой друг, что будет и успех. Как бы то ни было, но я в первый, да и в последний <раз.— *Ред.*>, толкнусь у дверей фортуны, ибо ты знаешь с Лафонтеном:

Que la fortune nous vend ce qu'on croit qu'elle nous donne [1].

Здесь Львов, который тебя очень любит, а это и мне мило. Петин читал твое письмо и помирал со смеху. Жихарев (ибо это он тебе говорил) врет; Петин смеялся не над стихами, а над предметом их, который (между нами сказано будь) весь в веснушках.

Ни слова о Москве; я тебе готовлю описание на дести. Карамзин обо мне с похвалой относится, как слышу от многих. Это дает повод на его знакомство: только что ему легче, и я у него.

Батисту пришлю.

Скажи Ниловым, что они не знают в свете жить: я к ним писал, а они ни слова. Я болен, простужен, с головной болью: вот причина, по которой не пишу более. Прощай.

---

[1] Что фортуна продает нам то, что считается нам подаренным ею *(фр.)*.

49. Н. И. ГНЕДИЧУ

9 февраля 1810. Москва

Я от тебя не получал давно писем, ни от тебя, ни от Полозова. Последний даже не отвечал на несколько писаний; это ему стыдно. Я нетерпеливо ожидаю ответа на последние. Как думаешь? — Неужели ты не склонишься на мои требования? Неужели мы не сойдемся мнениями? Неужели ты не войдешь в мое положение, которое, по чести, незабавно. Незабавно! Ах, если б ты мог прочитать в моем сердце! Так я и в Москве едва ли более рассеян, чем в деревне. В Москве? Куда загляну? в большой свет? в свет *кинкетов?* Он так холоден и ничтожен, так скучен и глуп, так для меня, словом, противен, что я решился никуда ни на шаг! И если б не дружба истинно снисходительная Катерины Федоровны, которой я день ото дня более обязан всем, всем на свете, то я давно бы уехал... в леса Пошехонские опять жить с волками и с китайскими тенями воображения довольно мрачного,— с китайскими тенями, которые, верно, забавнее и самых лучших московских маскерадов.

Но что будет со мною вперед, если твое снисходительное, чувствительное дружество не протянет мне руки, чтобы вывести из этих потемок? Но вот еще опасность (ты, верно, улыбнешься, и смейся, если хочешь): ну, если я влюблюсь от нечего делать?.. Отвечай скорее. Да какова парижская красавица? У меня так голова вертится.

Ба! Да, я видел Бороздина, был у него, отвел душу. Он так мил, что ужасть. Львов тебя любит и хвалит, как солнце: это мне мило. В «Вестнике» я напечатал твое и мое послание. С Жуковским я на хорошей ноге, он меня любит и стоит того, чтоб я его любил, а прочие, а маленькая тень? Нет, они меня хотят съесть. О головы! О ослы! О невежды! Кроме Каченовского, разумеется,

который их умом всех обобрал, да и свой на *время* спрятал в карман. Дмитриев и Карамзин обо мне хорошо отзываются. Последний был болен: вот почему я у него не был. Впрочем, скажу тебе, что Москва жалка: ни вкуса, ни ума, ниже совести! Пишут да печатают.

Скажи Нилову, что он не знает жить в свете, не отвечает на письма, что я vos ego... [1]. Но скажи ему это.

Какову мысль мне подал Жуковский! Именно — писать поэму: «Распрю нового языка со старым», на образец «Лютрена» Буало, но четырехстопными стихами. Как думаешь? В силах ли я сладить с таким богатым сюжетом? Напиши свое мнение.

Батиста не покупай, ибо верно пришлю. А ты мне пришли с Ермолаевым пару сапог; закажи их немцу, да пощеголеватее. Целую тебя от всего сердца. *Константин Батюшков.*

Как находишь мою печать?

Жуковский говорил об твоем «Леаре» в журнале.

Какова парижская красота?

---

[1] я вас (*лат.*).

50. В. А. ЖУКОВСКОМУ

<Начало 1810 г. Москва>

Поэт и судия! — а что еще лучше, любезнейший друг Василий Андреевич! — я опять начну докучать. Поправлен ли мой таз медяный? Если нет, то это письмо напомнит вам, что мой милый критик обещал заглянуть в книгу, ему вверенную. Заглянуть. Этого мало: заглянуть и поправить. Ваш труд не будет потерян, поверьте; 1-е: потому, что вы сделаете доброе дело; 2-е: ваше внимание к моим мараньям поощрит меня к продолжению перевода. Вы знаете на опыте, что поэтов поощрять должно, особенно ленивых. А где же они не ленивы? Я говорю о тех, которые с дарованием, даже и себя не исключая. Итак, назначьте день свидания у меня, ибо я желал бы, чтобы Пенаты мои увидели любезного Василия Андреевича. Я же имею кое-что прочитать, чего вывозить нельзя, ибо сани мои тесны.

51. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Середина февраля 1810. Москва>

Я пишу тебе, любезный друг, в скучном расположении. С тех пор, как я в Москве, не был еще ни на одном бале. Сегодня ужасный маскерад у г. Грибоедова, вся Москва будет, а у меня билет покойно пролежит на столике, ибо я не поеду... Ты на Мур<авьева> вооружаешься. Загляни еще в его оду и увидишь там прекрасные стихи, напр<имер>: «Солонка дедовска одна». Впрочем, если уступаю оду, то не уступлю дочери. Она... поверишь ли, голова у меня не на месте. Я не влюблен, а если б еще... Ну, да полно! Знаешь ты, я из семьи Скотининых: что в голову залезет, так тут и сидит. Радищев пишет к тебе. Он мил, как ангел. Посылаю тебе, мой друг, маленькую пьеску, которую взял у Парни, т<о> е<сть> завоевал. Идея оригинальная. Кажется, переводом не испортил, впрочем, ты судья! В ней какое-то особливое *нечто* меланхолическое, что мне нравится, что-то мистическое a proposito [1]. Я гулял по бульвару и вижу карету; в карете барыня и барин; на барыне салоп, на барине шуба и на место галстуха желтая шаль. «Стой!» И карета стой. Лезет из колымаги барин. Заметь, я был с маленьким Муравьевым. Кто же лезет? *Карамзин!* Тут я был ясно убежден, что он не пастушок, а взрослый малый, худой, бледный, как тень. Он меня очень зовет к себе; я буду еще на этой неделе и опишу тебе все, что увижу и услышу.

Благодарю тебя за обещание — писать к Гагарину. Бог поможет, а пока я горе мыкаю. Право, жаловаться боюсь, а умираю то от новых едких огорчений, то от какого-то бездействия душевного, от какой-то ни к чему непривязанности. Я здесь очень уединен. В карты вовсе не играю. Вижу стены да людей. Москва есть море для меня; ни одного дома, кроме своего, ни одного угла, где бы я мог отвести душу душой. Петин один меня утешает; истинно добрый малый. Я с ним болтаю, сидя у камина, и все время кое-как утекает. Нет, я вовсе не для света сотворен премудрым Дием! Эти условия, проклятые приличности, эта суетность, этот холод и к дарованию, и к уму, это *уравнение* сына Фебова с сыном откупщика или выблядком счастия, это меня бесит! Поверишь ли? Я вовсе стал не тот, что был назад три года. «Не столько я благополучен» и не столько злополучен. Годы унесли счастие, этот минутный восторг, эту молнию; унесли,

правда; но они же унесли и безрассудие, но они научили людям давать цену истинную. Поцелуй Семенову за меня, как Иксион сквозь облако Юнону. И то хорошо! Лучше бесплодной мечты. Пиши скорее. Я на первой неделе поста хочу ехать в Тверь. Но сперва отпиши, как взяться за Гагарина, как и что делать? *К. Б.*

Прочитай Парни Самариной. Это в ее роде: любовь мистико-платоническая.

---

[1] кстати (*ит.*).

52. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

19 февраля <1810>. Москва

По отправлении письма моего, любезный друг, я узнал, что перевод имения из приказа в опекунский совет прямо истинно невозможен, ибо одно присутственное место с другим никаких сношений иметь не может. Поэтому-то и надобно заложить снова таковое же количество душ здесь или в Петербурге и внести сумму сию в приказ. Поговори с братом Павлом Алексеевичем, посоветуйся с ним и пришли мне нужные бумаги и свидетельство для заклада деревень суммою хоть на 10000 р. по здешним ценам, и я, если хочешь, заложу здесь. От Абрама Ильича я никаких известий не имею, он мне с тех пор, как расстался со мною, не пишет и не отвечает на письма. Ты знаешь, мой друг, что дела у нас запутаны, так что ничего сам делать не могу, а другим за меня делать более и не можно, первое, потому что мне 23 года, а второе, потому что и наскучило. Посоветуйся, отпиши мне, чем окончить должен это все, пока я собственных мер не принял.

Скажи Павлу Алексеевичу, чтоб он осведомился, подал ли Станиславский прошение в отставку или нет.— Если уже подал, то вот минута единственная, в которую его место достать можно. Если Арк<адий> Апол<лонович> не хочет оного, то для брата П<авла> Алек<сеевича> не лишнее бы было. Ты сама, мой друг, знаешь, что время ничем не возвратить. Если это место упустить, то где же возьмешь другое. Я за получение оного ручаюсь, если только не случится, чего бог упаси, пословицы: куда ни кинь, так клин.

Целую вас всех и тебя, моя любезная Александрина, от всей души и сердца моего.

Я на первой неделе отправляюсь в Тверь. Итак, спешите мне дать ответ. Может быть, если попутный ветер станет дуть, то я в Петербург проеду; как бы то ни было, но я решился с помощью божиею переменить вовсе род жизни и удалиться сколько могу от мест, где всякого рода неудовольствия ходят за мной по пятам. *Конст. Бат.*

53. Н. И. ГНЕДИЧУ

17 марта <1810. Москва>

Любезный мой Николай! Виноват перед тобою не я, а болезнь моя, которая мешала мне к тебе писать, милый друг мой. Я не шутя был очень болен нервическим припадком в голове. Странная болезнь! Лекаря называют ее: le tic douloureux [1] или болезненное биение в висках, упаси Бог от этого мученья. Упаси Бог! Вот почему я не был и в Твери, даже и вовсе отдумал. Что-то все не клеится. Однако же благодарю истинно твоей деятельной дружбе — или лучше ни слова, положи руку на сердце, вот лучшая награда, когда служишь другу.

Итак, я и в Тверь не поехал! Что делать! Знать, таковы судьбы! Однако же Тасса моего хочу послать туда прямо к Гагарину. Что будет, того не миновать. Знаю, что самому бы лучше, да нельзя. Впрочем, я такой веры, что счастие впору и невзначай приходит и что все расчеты бывают иногда ничтожны.

Спасибо за «Илиаду». Я ее читал Жуковск<ому>, который предпочитает перевод твой Кострову. И я сам его же мнения. Некоторые замечания, сделанные мною, сообщу на первой почте.

Поверь мне, мой друг, что Жуковский истинно с дарованием, мил, и любезен, и добр. У него сердце на ладони. Ты говоришь об уме? И это есть, поверь мне. Я с ним вижусь часто и всегда с новым удовольствием.

Кстати, скажу тебе, что я бываю у Карамзина и принят у него, кажется, на хорошей ноге; всех замечаний, сделанных мною, не сообщу, а скажу тебе, что я видел автора «Марфы» упоенного, избалованного беспрестанным курением, и более ни слова.

Я кончу письмо, почта едет. Прощай.

Чудно, что Ермолаева нет до сих пор. *К. Б.*

---

[1] болезненный тик (*фр.*).

54. Н. И. ГНЕДИЧУ

23 марта 1810. Москва

Любезный Николай! Я вчера видел Ермолаева, и с ним письма ко мне нет! Это меня беспокоит. Он мне сказывал, что у вас на меня гроза. Этого мало: винит меня. Ты знаешь, хотел ли я разглашать шутку, написанную истинно для круга друзей. Впрочем, чем более будут бранить, тем более она их будет колоть, и это верный знак, вопреки судьям, что она даже хорошо написана. Для меня слабое утешение. Представь себе, мой друг, что это даже останавливает отчасти мою поездку в Тверь, что это меня надолго, очень надолго сгонит с Парнаса, где я вижу только ослов. Говорят, что певец Фелицы и Василия Темного более еще вооружится! Люди! — Я, любезный Николай, решился оставить все: дотяну век в безвестности и, убитый духом и обстоятельствами, со слезами на глазах, которые никто, кроме тебя, чувствовать не может,— скроюсь, если можно, навеки от этих всех вздоров. Заложу часть имения и поеду в чужие краи. Не думай, чтоб это были пустые слова. Бога ради, напиши мне все обстоятельно. Из рук дружбы и неприятные известия сносить легче. Прощай.

Я тебе пришлю все мои сочинения, которые собрал и переписал для напечатания. Но теперь это, может быть, и навек оставлено.

Я знаю и твои горести или неудовольствия с Яковлевым. Вот участь наша! И пусть еще говорят, что у нас словесность в цветущем положении. Бомарше сказал: «Sans la liberté de blâmer il n'est point d'éloge» [1]. Слова, которых истина разительна.

Я часто себя поставляю на месте людей, переплывших через Лету. Рассердился ли бы я? Нет, право, нет и нет!.. Меня вот что утешает: буря утихнет, и тогда почувствуют истину моих слов. Сон мой, верно, всплывет, а им

Le ridicule leur reste, et c'est qu'il me faut [2].

Жуковский просит меня, чтоб я тебе отписал, не хочешь ли ты напечатать в Вестнике несколько из Илиады 8-й песни? Это он сочтет истинным одолжением. Как думаешь? Я тебе пришлю замечания.

---

[1] Без свободы бранить нет похвалы (*фр.*).

[2] Они останутся смешными, а мне того и надо (*фр.*).

55. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

23 <марта 1810. Москва>

Я сию минуту узнал, любезная Александра, что ты в Хантоново, и не могу понять, мой милый друг, причины, которая тебя понудила так рано зарыться в снегах. Ты ко мне пишешь так редко и так коротко, что из твоих слов я ничего не могу угадать об вашем положении. Я знаю, что ты сокрушаешься, мой друг. Что ж делать! — Одну укоризну могу тебе сделать ту, чтоб ты менее слушалась своего сердца и более рассудка, да еще чтоб менее огорчалась. Если б, мой друг, я мог что-нибудь сделать для Вас, то первый бы рад был всем пожертвовать. Я чувствую цену твоей дружбы, дай бог смерть застала нас с такими чувствами. Видно, небо к нам непреклонно, а надежды мои на будущее столь слабы, что я и сам, мой друг, не лучше твоего.— Да оставим это, авось все переменится!

Павел Алексеевич здесь. Место, по всему видно, что получит наверное.— Дай бог, по крайней мере, и я не даром съездил сюда.

Я крайне, мой друг, нуждаюсь в деньгах, мне в Петербург, как тебе и самой известно, послать надобно 500, да и здесь нужно — особенно в Петерб. Возьми оброку 1000, если можно вперед, и пришли, бога ради, к святой. Это мне самому больно, да делать нечего.— Но к сему приступи не иначе, как узнав, не расстроим ли бедных крестьян? — Занять — да это трудно.

Вели, бога ради, старосте глуповскому дать старую, но способную женщину Филипповой жене для прислуги. Он мне хорошо служит.

Кофею не покупай для себя, я тебе посылаю полпуда.

Прощай, целую тебя и Вареньку. С тобой ли она?

Да будет Бог вам защитник

Конст. Бат.

56. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Конец марта 1810. Москва>

Льстец моей ленивой музы!
Ах, какие снова узы
На меня ты наложил?
Ты мою сонливу «Лету»

В Иордан преобратил
И, смеяся, мне, поэту,
Так кадилом накадил,
Что я в сладком упоеньи,
Позабыв стихотвореньи,
Задремал и видел сон:
Будто светлый Аполлон
И меня, шалун мой милый,
На берег реки унылой
Со стихами потащил
И в *забвенье* потопил!

Я не имел времени даже отвечать вам, любезный князь, будучи оторван приезжим. Вот почему лишен удовольствия вас видеть и слышать, истинного удовольствия, ибо я вас начинаю любить как брата. Завтре об эту пору постараюсь к вам быть непременно. Стихи мои еще не переписаны, вот почему я избавляю вас от сладкого усыпления, которого вам завтра никак не миновать.

Пришлите мне «Людмилу».

57. Е. Н. ШИПИЛОВОЙ

26 марта 1810. Москва

Павел Алексеевич здесь, но он скоро едет и скажет Вам изустно, что дело его идет своим порядком, что г<осподин> Дружинин обещал директорское место ему, что графу Разумовскому об этом было докладывано, что граф на это согласен и прч. За это все, любезный друг, мы одолжены будем тетушке, которой угодно было просить ректора Университета и г. Дружинина; без нее ничего бы не было, итак, благодарите ее. Место сие Павел Алексеевич получит, наверно, тотчас по отставке г. Станиславского, который, кажется, не замедлит оставить должность, в которой он не нужен.

Целую тебя и любезных твоих детей сто раз, желаю вам счастия, здравия и всех благ земных и небесных. Я знаю, что Сашинька больна и огорчается. Это она дурно делает... попроси ее, чтоб она выполнила мои прошения, особенно же прислала деньги.

Преданный навсегда ваш брат *Константин*.

<Приписка Е. Ф. Муравьевой.> Я надеюсь, моя милая Елизавета Николаевна, что желание ваше в рассуждении места Павла Алексеевича выполнитца, но на-

добно еще несколько подождать, а я от всей души желаю быть вам полезной. Александре Николаевне и Вариньке усердно кланяюсь и пребуду вам искренне любящая

Катерина Муравьева.

58. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Конец марта 1810. Москва>

Я посылаю вам, любезный князь, прибавление к моей «Мечте» после стиха:

И эхо по холмам песнь звучну повторяет.

Описание, взятое из баснословия скандинавов. Заметьте то, что не хорошо, что не понравится. Надеюсь, что моя доверенность подаст вам повод и мне прислать что-нибудь свое.

Я очень виноват перед вами и сегодня быть не могу, право, потому что провожаю отъезжающего родственника. Итак, до завтраго.

59. Н. И. ГНЕДИЧУ

1 апреля <1810. Москва>

Любезный Николай! Я получил от тебя два письма почти вдруг и посылку с ними. Они застали меня в ужасном положении. Я был свидетелем смерти Анны Семеновны, которая приехала сюда в середу 24-го, а умерла 29-го марта; сегодня, 1-го апреля, ее схоронили. Столь неожиданная кончина женщины, которой едва было сорок лет, матери, у которой семеро детей, меня истинно поразила. Представь себе положение дочери, положение Катерины Федоровны, которая, кроме горестей, ничего не знает. Дом ее есть вечная обитель плача, гостиница смерти... Нет, я не в силах изобразить тебе минуту страха, надежды и отчаяния, минуту смерти Анны Семеновны! Но представь себе и лекарей, которые для мертвой прописывают лекарства (так смерть ее была неожиданна), и отчаяние дочери, и беспокойство Катерины Федо-

ровны, и состояние всего дома, который на всякую минуту ожидал Ивана Матвеевича!

Словом, я эти дни страдал как несчастный... Что жизнь наша? Что наши планы? Что наши желания и надежды? Суета, друг мой! У нас на дворе есть маленький флигель, где Анна Семеновна располагалась прожить всю зиму с семейством своим. Раз пригласила меня туда. Она хотела осмотреть комнаты, и в одной из них, наклонясь на стол, в самом веселом расположении духа говорила: «Здесь-то я буду счастлива в кругу своего семейства, когда устрою дела мои, когда отдохну от забот», и впрямь! Я ее вчера видел в этой комнате, на этом самом столе.

Где стол был яств, там гроб стоит!
Надгробные там воют клики!
И бледна смерть на всех глядит!

В церкви, где стоял гроб, я прочитал следующую надпись: «Приидите ко мне и аз успокою вы»... И впрямь, это одно пристанище, где в пору и не в пору, рано и поздно, мы положим station странический посох свой и бросим якорь навеки!

De mortuis aut nihil, aut bene [1]. Итак, замечания твои, хотя довольно справедливые, теперь и не нужны. Что же касается (до твоих страхов, мой друг, в рассуждении меня) до глаз и сердца, то скажу тебе откровенно, что я далек от любви к 15-тилетней девушке, которая меня не знает, которую я не знаю, которой ни модное воспитание (хотя истинно *скромное*), ни характер, ни положение мне не соответствует. Притом, чтоб я влюбился, надобны две вещи — или *очарование кокетки*, или *нечто божественное* — понимай, если умеешь. Впрочем, я себя считаю достойным руки не только девушки в 16 лет, но даже наследной принцессы всего Марокского царства.

Я Нилову всегда почитал, как редкую женщину: итак, твоя похвала меня не удивила. О куплете подумаю; теперь не время до

J'aimai Thémire,
Comme on respire
Pour éxister [2].

Не время до любовной метафизики. Молви Нилову, что ему стыдно не отвечать на мои письма, да опиши мне подробно гнев хилых наездников славенского Пегаса.

Кстати скажу тебе, что Ермолаев приехал сюда в отчаянии, в гневе, в сожалении, обуреваемый страстьми, как лицо Николевской трагедии; приехал и прорек мне невзгоду вашего Пинда, Парнаса и Геликона. Насказал три короба зла, и я, и я — ну верить, ну огорчаться, и даже до того дошло, что несколько ночей не спал, размышляя, что-де я наделал. Словом, ты меня знаешь: вообрази же мое положение. Теперь вижу, что поговорили, да и забыли, а отмстили тем, что напечатали у Шнора «Петриаду», родную сестру Сладковского, лирическую поэму (!!!) в 300 листов, лирическую поэму, о которой никто еще с сотворения мира понятия не имел, нижé Гораций, который был невежда, нижé Боало, который был пьяница, нижé сам Гомер, который врал шестистопными стихами от искреннего сердца, как простяк. Нет, эта лирика меня бесит! И эти-то люди так чувствительны... Что же касается до твоего суждения о «Лете», о которой ты относился с восхищением несколько раз, а теперь называешь только приятным вздором, то я скажу тебе мое мнение: она останется; переживет «Петриаду» Сладковского и *лирики* Шихматова, не так, как какая-нибудь вещь совершенная, но как творение оригинальное и забавное, как творение, в котором человек, несмотря ни на какие личности, отдал справедливость таланту и вздору. Здесь оно из рук в руки ходит, а все из Питера, ибо я никому не дал. Мерзляков — и это тебя приведет в удивление — обошелся как человек истинно с дарованием, который имеет довольно благородного самонадеяния, чтобы забыть личность в человеке. Я с ним имею тесные связи по разным домам и по собранию любителей словесности, составленному из нескольких человек, где мы время проводим весело, с пользою, и с чашею в руках. Он меня видит — и ни слова, видит — и приглашает к себе на обед. Тон его нимало не переменился (заметь это), я молчал... молчал и молчу до сих пор, но если прийдет случай, сам ему откроюсь в моей вине. Поверь мне, что ни один Варяго-Росс этого не сделает.

У вас в Питере Каченовский — бритва парнасская, родной брат Фрерона, но нравственности прекрасной, человек истинно добрый; по крайней мере, так говорят его приятели. Познакомься с ним. Жуковского я более и более любить начинаю.

Бороздина видел и вижу часто. Истории его не знаю; он читал что-то, но вскользь. Впрочем, твое письмо, к нему писанное, доказывает, что ты его опытами не очень

доволен. Правду тебе сказать, я за все русские древности не дам ни гроша. То ли дело Греция? То ли дело Италия?

Кстати: задержан будучи истинно обстоятельствами, истинно не позволяющими отлучиться от Москвы, я о Твери не забыл. Переписываю Тасса и его пошлю к Гагарину. Что будет, не минует. А сам не еду. Если счастье захочет, то и само придет, вопреки покойному Беницкому, которого память мне более и более дорога.

Ты увидишь в «Вестнике» описание Финляндии и «Элегию»; желаю, чтоб оные тебе понравились. Замечания тебе пришлю на «Илиаду». Теперь, право, не время.

Ты едешь в Малороссию? Полно, правда ли? И зачем? Смотри, брат, не раскайся. Поверь мне и своим опытам, что в Питере есть люди, *есть у них сердце, есть ум*, а это не безделица. Ты разорвешь или охладишь связи. Что выиграешь? Где найдешь людей, которые бы тобою интересовались, которые бы тебя любили, ласкали, давали тебе цену, как не те, с которыми ты живешь.

Для нас все хорошо вдали,
Вблизи — все скучно и постыло!

Вот два стиха, которые я написал в молодости, то есть в 15 лет, и теперь на опытах вижу то, что муза моя, еще девственница, угадала. Эта поездка тебя и в финансах расстроит, а тебе, брат, об этом пора думать. Не все жить Лафонтеном. Ничто не убьет так скоро твоего таланта, как эта поездка. С кем ты в Полтаве будешь говорить о пряжках Патрокловой брони или о воловой коже, в которую одевался Аякс — стена Греции? С кем отведешь душу?

Попроси Ниловых, чтобы они хоть строчку написали, а я ее в Лету. Капнисту до сих пор я ни слова не отвечал и надеюсь, что он меня ест зубами.

Посылаю тебе замечания. Скажи, чем будешь доволен и чем нет. Пришли, пожалуйста, отрывок из Мильтона о слепоте, я его отдам напечатать Жуковскому: и его, и меня этим одолжишь. *К. Б.*

Батист пришлю скоро. Я вчера ужинал и провел наиприятный вечер у Карамзина. Жена его пригласила меня на месяц к себе на дачу — и я надеюсь воспользоваться. Недавно у него хвалили твоего «Танкреда», и тебя он хвалил, а я, сидя в углу, с досады плакал.

Не можешь ли ты прислать «Танкреда» Апраксину?

Он очень об этом просил. Его хотят играть на благородном театре. Актеров лучше этих я отроду не видывал.

Вот письмо к Измайлову, *выставь имя* и отдай ему.

---

[1] О мертвых хорошо или ничего (*лат.*).
[2] Я любил Темиру, как дышат, чтобы жить (*фр.*).

60. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Апрель — май 1810.>

Я вижу тень Боброва!
Она передо мной,
Нагая, без покрова,
С заразой и с чумой!
Сугубым вздором дышит
И на скрижалях пишет
Бессмертные стихи...
Которые в мехи
Бог ветров собирает
И в воздух выпускает
На гибель для певцов...
Им дышит граф Хвостов,
Шихматов оным дышит,
И друг твой, если пишет
Без мыслей кучу слов...—

т. е. я теперь, сидя с сильной головной болью, от которой ниже сном, ниже перечитыванием Шихматова не избавлюсь.— К Измайлову будет послано, mi recomando alla memoria Sua calendisimo Signor Principe [1].

О боже, ты, мешок вылей?!

---

[1] Вверяю себя вашей памяти, горячейший господин князь (*ит.*).

61. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

18 апреля <1810.>. Москва

Любезный друг мой Александра Николаевна, поздравляю тебя с наступившим праздником, желаю от всей души моей, чтобы ты была спокойнее, здоровее, веселее, а поэтому и счастливее прежнего. Сегодни воскресенье, 1-й день праздника, я так устал, мой друг, что насилу пишу, устал оттого, что принужден был не оставлять ни на минуту тетушку, которая говела. Как ты поживаешь в деревне, верно — пополам с горем! — Но слава богу, теперь весна на дворе, и вам, верно, будет повеселее. Мне

бы стыдно было перед вами жаловаться на свою участь, вы во сто раз меня несчастливее, но и я, поверь мне, любезная сестрица, иногда, а почти и всегда так, без пути скучаю... Причина тому ясная. Я живу довольно беспокойно, в доме у нас горе за горем, я чай, ты знаешь уже о смерти Анны Семеновны. Представь себе мое положение посреди этой суматохи!.. И бедная Катерина Федоровна!.. Не знаю от чего, но мое положение становится несносным. Мой характер, составленный, так сказать, из лени и деятельности, ни той ни другой удовлетворять не может. Делать ничего не могу: пустота в голове, в сердце, вдобавок и в кармане. Поверишь ли, мой друг,— ты уже смеешься, я вижу это — поверишь ли, что я в Хантонове один с тобою был гораздо счастливее, особливо когда не имел неудовольствий.

Итак, я решился возвратиться к древним пенатам, где я останусь до октября. Что делать — живи, как бог велит! — Я получил от Оленина письмо, которое у сего прилагаю. Его упреки, вызов, я могу на них надеяться вернее, нежели на князя Гагарина, хотя место и не так будет блистательно. Но, любезный друг, должен ли я решиться ехать в Питер с 500 р., которые ты мне пришлешь? Что я сделаю по этой дороговизне? — Дорога будет стоить в половину этих денег. А Петербург это бездна, которая поглощает все... Притом же, если меня не поместят скоро? Если место будет не выгодно? — Если поместят, но не в Петербурге, и я буду принужден ехать тотчас, напр<имер>, в чужие краи? — Где тогда возьму потребные деньги? — Признаюсь, мой друг, что до сих пор (а мне уже 23 года) жить без цели, нуждаться во всем, имея, благодаря матушке, кусок хлеба и независимое состояние, так скучно и прискорбно!.. Вот что меня останавливает. Впрочем, обещания и упреки Алексея Николаевича чистосердечны и надежны, я у него ни об чем не просил. Еще скажу тебе, что на вещи не должно смотреть глазами *привычки*, т<о> е<сть> воображать себе, что все обстоятельства те же. Нет, ныне все переменилось, начиная с дороговизны, и ты, мой друг, боюсь, чтоб не забыла и то, что я теперь места искать не должен, как мальчик 17 лет. Отпиши мне *скорее* и *обстоятельнее*, что делать? — Я на этих неделях хочу ехать к Карамзину на дачу или в деревню на месяц или недели на 3. Если что-нибудь предпринимать намерюсь, а если не так, то в начале мая к вам в Хантоново, а мне здесь скучно, так скучно, как и не бывало. Дружинин уверяет,

что в конце этого месяца или в начале будущего брат Павел Алексеевич получит место, и кажется, это верно. Дай боже! — Я с моей стороны не упущу попросить кого надлежит.

Я знаю совершенно обстоятельства ваши: они неприятны, что ж делать! Бог, может быть, поможет. Я говорил Павлу Алексеевичу, что если бы невеста (а в Москве их тьма) с тремя тысячами душ, прекрасная собой, умная, добрая, словом, ангел, согласилась за меня выйти замуж, то я, верно, бы не упустил... да где ее возьмешь? Тогда бы и ваше состояние поправилось, а пока, мой друг, не упуская времени, строй флигель, ибо о доме и думать нельзя, хоть комнат в 6 или 4. Старый дом можно починить и жить в нем по летам, а на осень мы станем праздновать во флигеле. Начни это делать. Ты сама знаешь, что и мне места нет. Я за всю задержку возьмусь. Он вчерне не более 200 р. стоить будет. Исполни, мой друг, мою просьбу.

Бога ради деньги — вышли не замедля, я боюсь и повторять тебе, боюсь и за тебя, и за себя. О закладывании имения уведомь меня поскорее. Поцелуй Вариньку, и бог с Вами.

Бурку продай. Если будут деньги, то я куплю бричку. Береги книги, я еще с собой привезу. Бога ради, береги их! — Да и собак не забудь. Николаю Ивановичу отпишу об твоем деле. *Конст. Бат.*

Семена пришлю. А письмо Оленина мне возврати с первою почтою.

62. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

13 мая 1810. <Москва>

Я удивляюсь, каким образом вы не получили моего письма, в котором извещал я вас и Павла Алексеевича о том, что не могу прислать верющего письма — и теперь это повторю,— потому что он не прислал мне копии, а здесь, за небытностию поверенного К<атерины> Ф<едоровны>, я ничего сделать не мог; притом же и он не может написать его обстоятельно. Итак, любезный друг, попроси еще раз об этом Павла Алексеевича, попроси его, чтоб он велел в Вологде написать форму, по которой я и пришлю верющее письмо.

Божусь тебе, что с тех пор, как мне посланы деньги, я не имел от вас ни строки; доказательство тому то, что

К. Ф. получила письмо, я получил от Вариньки мешок, за который ее благодарю, а писем нет как нет. Да и мое, видно, потерялось, в котором я писал к тебе об Оленине, приглашающем меня в службу.

Здесь я все болен и болен ужасной нервической болезнью в голове, точно так, как покойная сестрица, вообрази же себе мое положение!

Павлу Алек<сеевичу> скажи, что Станиславскому велено подать просьбу в отставку, что Дружинин очень старается, что я просил князя В<яземского> написать к г<рафу> Разумовскому об нем письмо, словом, что я наверное полагаю, что место сие будет его. Я бы уехал давно к вам в деревню, если бы это не останавливало, ибо у меня здесь ото всего голова идет кругом. Все у нас больны. Бедная Катерина Федоровна! Никотинька очень нездоров. *Констант.*

Дай знать немедленно обо всем Павлу Алексеевичу; приготовь мне где жить уголок. Будь здорова, любезный друг мой. Я забыл, что сегодня суббота; итак, письмо посылаю в Вологду.

63. Н. И. ГНЕДИЧУ

Май <1810. Москва>
Мая, а которого не знаю.

Я живу в Москве, живу... нет, дышу, дышу... нет, веществую, т<о> е<сть> ни то ни се. Умираю от скуки. Занимайся!.. Легко сказать!.. Дело делай!.. Да какое?.. И книга из рук выпадает... притом же болен, чуть дышу. Словом, если это состояние продолжится, то я сойду с ума.

Оленин пишет ко мне и бранит меня, что я ничего не делаю — он совершенно прав. Однако ж — пусть судьба повелевает,— а я решился и завтра отправлю к Гагарину Тасса. Бога ради, любезный Николай, пиши к нему еще раз с 1-й почтой. Я к нему писал и довольно искренно просил, о чем тебе известно, т<о> е<сть> о чужих краях. Бог поможет!.. Не правда ли? Попроси от меня Семенову: она, кажется, не откажется помочь своей лилейной рукой, у которой пальчики оттенены розами, черкнуть слова три... Жуковский благодарит тебя за стихи. И впрямь «На смерть Даниловой» прекрасны, они будут напечатаны в 1-м №. Я кой-какие безделки осмелился

переменить, но самые безделки. Прочитал ли ты мою «Элегию»? понравилась ли она тебе? Обращение к Пенатам кажется хорошо... Знай, однако же, что я три месяца ничего не пишу. Что же делаю? В карты играешь? С тех пор, как в Москве, их в руки не брал! По балам разъезжаешь? Даже в собрании не бываю! Влюбился, что ли? Дай бог быть влюбленным. Я не живу, а дышу, *веществую* — ужаснейшее положение для человека в 23 года, у которого есть рассудок и сердце!..

Я раз только был в театре и тут повстречался с Жихаревым, который насказал мне тысячу комплиментов *вслух*, а я ему в ответ Дмитриева стихом:

Вы сами рифмы плесть умеете прекрасно.

Здесь ничего нового нет. Глинка со всеми поссорился. Мерзляков читал 4-ю песнь Тасса, в которой истинно есть прекрасные стихи. Жуковский — сын лени, милый, любезный малый. Радищев стихи перекладывает в прозу. Карамзина я люблю и бываю ежедневно; он очень умен.— Письма твои меня утешают; я чувствую, что тебя люблю и без твоего бы дружества пропал. *К. Б.*

Бороздин и Ермолаев — Последний — скажи Алексею Ник<олаевичу> — на место узорок, что на древних кружках, рисует купидонов: добрый знак! Первый зачитался, запылился и показывал мне книгу в сажень, готовую принять описание их путешествий, которое кончится — я предвижу это — тем, что и тот и другой, а может быть, и все, влюбятся, женятся, выведут на свет деток; дети их вырастут, женятся, выведут еще поколение,— и от поколения до поколения, идя от чистого источника, произведется столь чудное действие, что, созерцая в дальновидности относительно праха Ивана Васильевича Полоцкого и того самого, который, как известно тебе по гадательной истории...

Продолжение впредь.

64. Н. И. ГНЕДИЧУ

23 мая <1810>. Москва

Жестокий друг! Вот уже прошло шесть недель, как я от тебя не получаю ни одной строки. Чему припишу я твое молчание? — болезни. Но не мог ли бы ты за-

ставить кого-нибудь уведомить меня о состоянии твоем? Бога ради, отпиши,— отдай мне жизнь. Твое молчание виной тому, что я к князю Гагарину не послал моего Тасса, хотя было и решился это сделать.

Я хочу просить тебя об одном деле, от исполнения которого будет зависеть счастие сестры моей. Ты, верно, согласишься выполнить мою просьбу. Павел Алексеевич, зять мой, хочет взять место директора в Вологодской гимназии, которое скоро будет вакантно или уже и есть таково. Он подал прошение, которое поступит и к министру. Я предварил письмом Мартынова. Теперь Кутузов — куратор. Как к нему адресоваться? Попроси г<рафа> Хвостова, чтоб он попросил его за Павла Алексеевича письмом, как за человека ему известного, и честного, и способного. Хвостов, верно, не откажет тебе, а ты мне сделаешь более нежели услугу, ибо сотворишь благодеяние сестре моей. Бога ради, только не упускай времени. *К.*

65. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

7 июня. Полночь <1810 г. Москва>

Я совершенно собрался ехать в деревню, но прежде отъезда хотел проститься с тобой, любезный князь, с Кат<ериной> Андр<еевной> и Ник<олаем> Мих<айловичем>, так, верно, бы не уехал. Я буду к вам в понедельник или во вторник и притащу девицу Жуковскую, которую я видел сегодни. Здесь нового ничего нет, я же просидел так долго в комнате au cause de mon tic douloureux ou malheureux [1] и ничего не знаю. Кстати, В. Л. Пушкин прислал послание к Жук<овскому>, которое, как и все его стихи, гладко и хорошо написано — а в мыслях, показалось мне, связи нет никакой — это его обыкновенный манер, да вот что необыкновенно: он тут так бреет Шишкова — без пощады! много забавных стихов.

Чем тебя подарить на отъезд? В бумагах покойного М. Н. Муравьева я отыскал эту рукопись, которую у сего препровождаю — ни слова в ее пользу.

Графиня Панина сказывала Кат<ерине> Федор<овне>, что Катерина Андреевна бралась где-то достать ослицу для молодого Муравьева, который имеет нужду в ослином молоке по предписанию лекарей. Возьми на себя труд, любезный князь, спроси у Катерины

Андреевны, где этот целебный зверь — доставлением его она чувствительно обяжет Кат<ерину> Фед<оровну> Муравьеву.

A propos. Joukovsky a été bien malade. Un mal affreux s'est emparé de son derrière — c'est bien sérieux, ce que je vous dis là. Le médecin l'a menacé d'un coup d'apoplexie et lui a fait donne force lavements, et le voilà de nouveau rendu aux muses et à ses amis. Je l'ai trouvé ce matin fêtant le plat de légumes et un gros morceaux de viande rôti, capable de nourir une dizaine du matelots anglais affaimés. Il est toujours le même, c'est-a-dire, aussi chaste et plus chaste encore qu'avant sa maladie.

Je vous embrasse, mon cher homme de champs, et vous souhaite de tout mon coeur beau temps et bon appetit, deux belles choses, dont nous sommes privés à Moscou.

Joukovsky a fait imprimé un long Kyrielle sur la mort de Bobroff, cela cadre à merveille avec votre épigramme qui sera tout à côte [2].

---

[1] из-за моего болезненного или несчастного тика *(фр.)*.

[2] Кстати, Жуковский был сильно болен. Болезнь подошла к нему сзади. Я говорю это совершенно серьезно. Врач пугал его апоплексическим ударом и, прописав сильный клистир, вернул его музам и друзьям. Сегодня утром я застал его угощающимся тарелкой овощей и огромным куском жареного мяса, достаточным, чтобы накормить десяток голодных английских матросов. Он не изменился, то есть остался столь же целомудренным или стал еще более целомудренным, чем до болезни.

Целую тебя, мой дорогой сельский житель, и от всего сердца желаю тебе приятного времени и хорошего аппетита — двух прекрасных вещей, которых мы лишены в Москве.

Жуковский печатает длинную литанию на смерть Боброва, она прекрасно дополняет твою эпиграмму, которая будет напечатана рядом *(фр.)*.

66. В. А. ЖУКОВСКОМУ

26 июля 1810. <Хантоново>

Насилу, любезный друг, собрался я с силами, насилу могу писать к тебе. Я и теперь так болен, так слаб, что ни мыслить, ни писать не могу. Однако же дай собраться с силами!.. Я вас оставил, en impromptu [1], уехал, как Эней, как Тезей, как Улисс от блядок (потому что присутствие мое нужно было необходимо в деревне, потому что мне стало грустно, очень грустно в Москве, потому что я бо-

ялся заслушаться вас, чудаки мои). По прибытии моем сюда болезнь моя, tic douloureux [2], так усилилась, что я 9-й день лежу в постеле. Боль, кажется, уменьшилась, и я очень бы был неблагодарен тебе, любезный Василий Андреевич, если бы не написал несколько слов; дружество твое мне будет всегда драгоценно, и я могу смело надеяться, что ты, великий чудак, мог заметить в короткое время мою к тебе привязанность. Дай руку! и более ни слова!

Музы, музочки не отстают и от больного. Нет, эти блядки не боятся и самой разительской болезни. Посылаю тебе «Опыт в прозе», который, если хочешь, напечатай, но экземпляр мой непременно возврати назад, ибо у меня все тут: и черное и белое. Поправь, что найдешь поправить. Посылаю «Мечту» для «Собрания». Да еще voilà des petits vers [3], то есть «Подражание» (Вяземский улыбается), подражание Парни «Le torrent» [4], которое, если тебе очень понравится, то возьми в «Собрание» или сожги на огне. В нем надобно кой-что поправить. Исправь, любезный мой Аристарх! А это выражение: «Я к тебе прикасался»,— оставь. Оно взято из Тибулла, и, кажется, удачно.

О прозе не говори Каченовск<ому>, что я ее сочинитель, ибо я этого не хочу, ибо я марал это от чистой души, ибо я не желаю, чтобы знали посторонние моих *мыслей* и *ересей*.

Я живу очень скучно, любезный товарищ, и часто думаю о тебе. Болезнь меня убивает, к этому же имею горести; и то и другое меня очень расстроивает. Шолио мог писать прекрасные стихи, воспевать Лизу и мечтать под каштановыми деревьями Фонтенейского сада: он жил в счастливое время. Подагра у него была в ногах, а не в голове; а у меня в голове сильный ревматизм, который *набрасывает тень* на все предметы. Пожалей обо мне! И не знаю, когда будет конец моим мученьям? Теперь я в те короткие минуты, в которые г<оспо>жа болезнь уходит из мозгу, читаю Монтаня и услаждаюсь! — Я что-нибудь из него тебе пришлю. О стихах и думать нельзя с моею болезнью.

Тебе, здоровый счастливец с запорами! тебе можно преселяться в страну поэзии, которая создана *Счастливым Началом* для услаждения наших горестей: ты здоров как бык и счастлив как свинья. Пиши своего «Володимира» и пришли кое-что сюда. Я долго здесь пробуду, стряхни лень для дружбы. Письма твои мне будут уте-

шением в этой безмолвной, дикой пустыне, в жилище волков и попов. Поручаю тебя Фебу и клистирной трубке.

Константин Батюшков.

Адрес мой: в Череповец, Новгородской губернии.

Я к «Мечте» прибавил Горация; кажется, он у места, et il fera bon contraste avec le scalde [5]; я более ее трогать не намерен. Если что найдешь, поправь сам. Прощай еще раз. Если я буду здоровее, то напишу поумнее.

---

[1] экспромтом (*фр.*).
[2] болезненный тик (*фр.*).
[3] маленькие стишки (*фр.*).
[4] Источник (*фр.*).
[5] он будет хорошо контрастировать со скальдом (*фр.*).

67. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

29 июля 1810 г. <Хантоново>

Как волка ни корми, а он все в лес глядит!

Виноват перед тобой, любезный мой князь, уехал от тебя, как набожный Эней от Элизы, скрылся, как красное солнце за тучами, и зато перед тобой в начале этого письма становлюсь на колени. Il a ri, il est desarmé [1] (смотр. «Метроманию» Пирона), и у тебя гнев потух. Я приехал кое-как до жилища моего больной,— нет, мертвый! насилу теперь отдохнул и, облокотясь на старинный стол, который одержим морскою болезнию, ибо весь расшатался, пишу к тебе, любезный князь, эти несвязные строки. M. le tic douloureux со мной везде, ни на минуту не изволит отставать. Но я ныне постоянно лечусь, пью, упиваюсь декохтом, сижу в ванне, настоянной серой. Эта ванна есть образчик тех вод, в которых мы будем купаться после смерти, она воняет хуже Стикса, хуже Боброва стихов,— но приносит пользу.

Уведомь меня, как течет время в вашем Астафьеве, что делает деятельный Жуковский, стало ли у тебя чернил и бумаги на этого трудолюбивого жука? Я к нему писал, адресуя письмо в *Типографию*. Если это не эпи-

грамма, то, видно, мне по смерть не писать! Еще прошу тебя, уведомь меня о себе. Кажется, не нужно повторять мне, что знакомство наше, хоть и короткое, основано на взаимной дружбе, которой я никогда не изменю. Je ne sais, si je vous conviens, mais vous me convenez fort [2]. Отпиши мне, любезный князь, что делается на московском Парнасе и на бульваре, что ты делаешь и что пишешь, а я...

А я из скупости, чернил моих в замену
На привязи углем исписываю стену.

Мараю да мараю, а что выйдет, бог знает. Еще недавно на фабрику «Вестника Эвропы» отправил несколько тряпиц, превращенных в бумагу, которые я прикосновением волшебного пера моего превратил опять в тряпицы.

Но шутки в сторону, я ныне занят. Отгадай чем? Перекладываю «Песни песней» в стихи. Когда кончу, то пришлю тебе, моему Аристарху, на растление мою Деву. Не забыл ли ты, князь, обещания переводить французских авторов? Если нет, то отпиши мне, начал ли, и я стану этим же заниматься. Со временем работа сия может нам обратиться в пользу. Я бы перевел несколько отрывков из Шатобриана и Ариоста, которого еще нет вовсе на русском, ибо перевод, который сделан с французского, так похож на оригинал, как Батонди на честного человека. Уведомь меня, но пока жар не простыл, давай писать.

Отпиши, отпиши мне, как поживаешь, молодой Seigneur Suserain? [3] Не говоришь ли подчас: «Ah'que je m'ennuye!»? [4] И сообщи мне свои тайные мысли о Жуковском, который, между нами сказано будь, великий чудак. Где он, в Белеве или у вас? Не влюблен ли, а я — или муза моя изволит теперь странствовать по высотам Сиона, по брегам Иордана, на прохладных холмах Энгадда, то есть, как сказал тебе, я так занят моей «Песней песней», что во сне и наяву вижу жидов и вчера еще в мыслях уестествил Иудейскую Деву. Мечтаю, мечтаю, и время тихонько катится!

Недавно перечитал я прошедший год «Вестника» и нашел там две пиесы, которые мне очень понравились: Волкова басня «Малиновка», кажется, в 22 № и твоя пьеса «Лаура», она прекрасна, но я советовал бы начать со второго куплета.

Пришли мне, любезный князь, если что есть новое,

а я тебе, с моей стороны, как к повивальной бабке, верно и в срок буду ставить моих выкидышей. Поручая себя славному твоему дружеству, остаюсь навсегда преданный

Конст. Батюшков.

---

[1] Он рассмеялся, он обезоружен (*фр.*).
[2] Не знаю, подхожу ли я тебе, но ты мне весьма подходишь (*фр.*).
[3] сеньор Сюзерен (*фр.*).
[4] «Ах, как мне скучно!» (*фр.*)

68. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Сентябрь — октябрь 1810. Хантоново>

Ты бранишь Библию, Morton, и зачем? Неужели ты меня хочешь привести в свою веру: я не Жук<овский> и не люблю спорить, а ты похож на этих шалунов, которые

A faux titre insolents et sans fruit hasardeux
Pissent au bénêtier, afin qu'on parle d'eux.

(Regnier) [1]

Что же касается до Карикатуры, то она бесподобна. У меня до тебя есть просьба, именно: мне нужна необходимо книга, достань ее и пришли мне; она хоть и ничего не значит как поэма, но значит много как компиляция; а я ныне хочу писать что-нибудь о скандинавах и без нее как без рук. Имя ее «Les Scandinaves», par Montbront, или Monbront, и даже продается у Gautier; я ее там видел. Бога ради, пришли поскорее, а еще скорее пиши, или я с ума сойду от скуки, а Батюшков без ума будет дурак, хуже дурака, потому что у него нет ни гроша денег. Mais bagatelle que tout celà! Vive l'amour et le bon vin! Voila mon refrain! Adieux, je vous aime comme mes yeux [2].

Батюшков.

Ты забавен. Как мне писать к тебе письма? Я буду писать: в жительстве, вперед буду писать: в Виталище, пока ты мне не пришлешь своего адреса, или тебя все почталионы знают?

Еще просьба, и важнее: опроси у своего книгопро-

давца русского, нет ли чего-нибудь о Молдавии, хоть старого, где описаны б были нравы. Бога ради, пришли мне: я за то тебе напишу оду.

[1] Безосновательно наглые и бесплодно дерзкие, они мочатся в купель, чтобы о них заговорили. *Ренье (фр.).*
[2] Но все это безделка! Да здравствует любовь и хорошее вино! Вот мой припев! До свидания, я люблю тебя, как свои глаза *(фр.).*

69. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Сентябрь> 1810. Хантоново

Приложенное у сего письмо отошли или отдай при свидании Львову. Письма к<нязя> Вяземского никому не показывай. Кстати: ты мне советуешь переводить Теокритову эклогу. Или не знаешь, что Кошанский ее перевел с оригинала, а не с Дидотова бедного перевода, и скоро печатает. Ох вы, мои тайные советники! Поверь мне, легче Неву поворотить в Л<адо>жское озеро, нежели дать один полезный совет. Ты сам это знаешь, голова, исполненная мудрости и поэзии старца, рожденного на острове Хие. Нет ли лучше у тебя перевода из «Филоктета»? Я бы стал его переводить от скуки, потому что он мне очень по сердцу, но переводить отрывками, а на все и целой моей жизни недостанет. Пришли бумаги, или я буду писать на сахарной. Какова Чоглокова? (Это между нами.) Она ко мне пишет — вот что меня иногда развеселяет. Почем ныне аршин сукна? Да спроси у сапожника, много ли я ему должен.

70. Н. И. ГНЕДИЧУ

30 сентября 1810. <Хантоново>

В Череповец адресуй.

Chi va lontan da la sua patria, vede
Cose da quel che glà credea lontane;
Chè narrandole poi, non se gli crede;
E stimato bugiardo ne rimane [1].

То есть: ты лжешь, как француз, путешествующий по России. Как! По тебе проехала коляска, и ты жив (???), у тебя вырезали чемодан и оставили тебе половину (???), ты летел в Днепр вверх ногами и, вопреки силе

тяготения, не разломал себе черепа (который, заметить надобно, преисполнен мозга) (???). Если это не чудеса, то я более чудес не знаю. 1-му не верю, 2-е несбыточно и, вероятно, только в одном случае *; 3-е выходит из порядка естественных вещей, а я ныне читаю Д'Аламберта, который говорит именно, что чудеса делать трудно, бесполезно и вредно.

Как бы то ни было, ты жив и здоров: вот чего мне было надобно, ибо в течение твоего 3-х месячного молчания я сокрушался, не имея от тебя ни строки, что тебе, конечно, приносит великую честь, ибо забывать друга есть дарование в тебе новое и полезное для общежития, то есть urbanitas [2]. Ты был у Капниста? Видел все его семейство и от него в восхищении? Признаюсь, этаких чудаков мало, и твое описание меня очень веселило. Не видал ли ты у Капниста-стихотворца одну девушку, по имени девицу Бравко? Каковы у нее глаза? Не правда ли, что она похожа на нимфу, на младшую грацию. «Да ты почему это знаешь?» Я во сне ее видел, то есть и я чудеса умею делать.

Твое сверхъестественное свидание с Бороздиным, конечно, было приятно. Но что он там делает? Чудесник, право чудесник, и чудесник беспримерный. Не влюбился ли он в какую-нибудь новую Эгерию, Галатею или Миликтрису?

«Праздность и бездействие есть мать всего, и между тем и прочих болезней». Вот что ты мне пишешь, трудолюбивая пчела! Но здесь тьма ошибок против грамматики. Надобно было сказать: праздность и бездействие суть и *проч.* Ошибка вторая: бездействие — рода среднего, а род средний, по правилам всех возможных грамматик, ближе к мужскому, нежели к женскому, то и надобно было написать: бездействие есть отец и проч., но как тут предыдущее слово *праздность*, второе — *бездействие*, то я и не знаю, каким образом согласовать *отца* и *мать* вместе (праздность — мать, бездействие — отец): надобно всю фразу переделать. А поелику я докажу ниже, что и самый

---

* То есть, если вор читал Дидеротово предисловие к драмам, в котором сей великий мудрец говорит поминутно, обращаясь к сочинителям: D'honnête, mon ami, de l'honnête! <Честность, мой друг, честность! *(фр.)* — *Ред.*> По всем моим выкладкам и вычислениям ты лжешь, или этот вор должен быть не Шиллеров разбойник, а сочинитель коцебятины, то есть практический драматургист.

К. Б.

смысл грешит против истины, то и не нахожу за нужное приступить к сей *операции*. Смысл грешит против истины, первое — потому, что я пребываю не празден.

В сутках двадцать четыре часа.

Из оных 10 или 12 пребываю в постеле и занят сном и снами.

Ibid...[3] 1 час курю табак.

1 — одеваюсь.

3 часа упражняюсь в искусстве убивать время, называемом il dolce far niente[4].

1 — обедаю

1 — варит желудок.

1/4 часа смотрю на закат солнечный. Это время, скажешь ты, потерянное.— Неправда. Озеров всегда провожал солнце за горизонт, а он лучше моего пишет стихи, а он деятельнее и меня, и тебя.

3/4 часа в сутках должно вычесть на некоторые естественные нужды, которые г-жа природа, как будто в наказание за излишнюю деятельность героям, врагам человечества, бездельникам, судьям и дурным писателям, для блага человечества присудила провождать в прогулке взад и назад по лестнице, в гардеробе и проч., и проч., и проч. O, humanité![5]

1 час употребляю на воспоминание друзей, из которого 1/2 помышляю об тебе.

1 час занимаюсь собаками, а они суть живая практическая дружба, а их у меня, по милости небес, три: две белых, одна черная. P. S. У одной болят уши, и очень бедняжка трясет головой.

1/2 часа читаю Тасса.

1/2 — раскаиваюсь, что его переводил.

3 часа зеваю в ожидании ночи.

Заметь, о мой друг, что все люди ожидают ночи, как блага, все вообще, а я — человек!

Итого 24 часа.

Из этого следует, что я не празден; что ты рассеянность почитаешь деятельностию, ибо ты во граде святого Петра не имеешь времени помыслить о том, что ты ежедневно делаешь; что для меня, и для тебя, и для всех равно приходит время:

Eheu fugaces, Postume, Postume...[6]

что болезни мои не от лени, нет, а лень от болезней, ибо ревматизм лишает силы не только размышлять, но даже и мыслить и проч.

Замечание. Лас Казас, друг человечества, наделал много глупостей и зла, потому что он был слишком деятелен. Смотри Робертсонову историю. (*К. Б.*)

Ergo: ты написал *вздор*!

Шутки в сторону, ты прав, любезный друг: мне надобно ехать в Петербург, но обстоятельства вовсе препятствуют. Ты сам знаешь, легко ли ехать с малыми деньгами; что значит по нынешней дороговизне и тысяча и две рублей, особливо мне, намереваясь прожить долго? А если ехать так, для удовольствия, на короткое время, то не лучше ли в Москву, где, благодаря Кат<ерине> Фед<оровне>, я имею все, даже экипаж. Впрочем, скажу тебе откровенно, что мне здесь очень скучно, что я желаю вступить в службу, что мне нужно переменить образ жизни, и что же? Я, подобно одному восточному мудрецу, ожидаю какой-то богини, от какой-то звезды — богини, летающей на розовом листке, т<о> е<сть> в ожидании будущих благ я вижу сны. Если я буду в Питере, то могу ли остановиться у тебя надолго, не причиня чрез то тебе расстройки? Отпиши мне откровенно, потому что дружество не любит чинов, и лучше вперед сказать, нежели впоследствии иметь неудовольствие молчать. Ты меня спрашиваешь: что я делаю, и, между прочим, боишься, чтобы я не написал Гиневры,— ложный страх! Я почти ничего не пишу, а если и пишу, то безделки, кроме «Песни песней», которую кончил и тебе предлагаю. Я рад, что ты теперь на месте, что я могу наконец с тобой советоваться, особливо в тех пиесах, которые я почитаю поважнее. Я избрал для «Песни песней» драматическую форму; прав или нет — не знаю, рассуди сам. Одним словом, я сделал эклогу, затем что мог совладать с этим словом, затем что слог лирический мне неприличен, затем что я прочитал (вчера во сне) Пифагорову надпись на храме: «Познай себя» — и применил ее к способности писать стихи.

Вот вступление... ⟨продолжение утрачено.— *Ред.*⟩

---

[1] Тот, кто удаляется от своей родины, видит то, что мнилось ему издалека, но во что он потом, рассказывая, и сам не верит и почитается лжецом (*ит.*).

[2] Людкость, светскость, общежительность (*лат.*).

[3] Там же (*лат.*).

[4] приятное ничегонеделание (*лат.*).

[5] о человечество (*фр.*).

[6] Увы, как быстротечны, о, Постум, Постум... (*лат.*).

71. Н. М. ГНЕДИЧУ

<Осень 1810. Хантоново>

Сегодня хочу тебя удивить, а в доказательство тому посылаю «Мечту», которую ты отдашь, если захочешь, А<нне> П<етровне> с тем только, чтоб она ее никому не показывала, ибо я не хочу прослыть метроманом. Храни меня Бог от этого! Отдай и скажи ей, что это стоило мне великого усилия, что если б я ее не почитал от всего моего сердца, то никогда бы этого не сделал; скажи наконец, что если стихи дурны, то это вина богов, которые мне не дали большого дарования; что усердие мое, *пишучи или писав* их (как лучше?), достойно не только похвал, но и подражания. Я в награду за мое прилежание желаю одного только: первое — чтоб она знала, что есть человек, который поставляет себе за счастие удостоиться ее внимания, а второе — фунт турецкого табаку, ибо ты мне *нижé* пишешь, *нижé* посылаешь табак.

Я писал к Оленину, но что писал, и сам не понимаю. Я просил его сказать мне, можно ли надеяться быть помещену при миссии. Без всяких дальних предлогов, ты чувствуешь, мой друг, что тут нет нимало здравого рассудка. Что будет он отвечать? Приезжай в Петербург! или: Ты бредишь!.. и то и другое справедливо, но я ничего не сделаю: в Петербург на ветер или на обещания не поеду. Итак, опять останусь сиднем. Надолго ли?

Я ни слова тебе о моих горестях. Поверь мне, у меня сердце не на месте. Ах, жизнь, жизнь! Но я не стану тебя огорчать без пользы... Конечно, и я это знаю на опыте, что все горести проходят, что время все лечит. Верю, мой друг, а пока все страдаю!

Редко, очень редко могу писать. Но вчерашний день я был довольно счастлив: вчера я мог, я имел дух побеседовать с музами, и поверишь ли, я имел два, три часа счастливейшие в моей жизни. Я перевел из Парни один большой отрывок,— он тебе понравится; но сегодня я его не посылаю: не все вдруг; притом же

mediocribus esse poetis
Non homines, non di, non concessere columnae [1],—

сказал Гораций *Флаккович*, а я не хочу быть похожим на его карикатуру. Кстати о стихах, а особливо о моих: пришли мне «Одиссею» и Плутарха, если у тебя есть деньги,

а если нет, то отпиши мне, что они стоят. Мне их неотменно прочитать нужно. Не забудь моей просьбы.

Ты так пишешь лаконически о петербургских новостях касательно литературы, которою, как тебе известно, я имею честь заниматься с довольным успехом и пользою для потомства,— для потомства, которое, конечно, поставит мне монумент наряду с деятельными гениями, что... (как выпутаться из этого периода?), наконец, что я ничего не знаю. Отпиши пространнее обо всем, и что ты сам делаешь?

Я давно не имею писем из Москвы, а потому не знаю, где Иван М<атвеевич> М<уравьев> и как идут его дела. Отпиши и об этом.

В прошедшем письме я наврал много дичи Львову и теперь раскаиваюсь. Попроси его, чтоб он не показывал и не сделал того, что с прежним письмом, всему есть мера. Уведомь меня, понравится ли тебе «Мечта». Она вовсе переделана: в ней Гораций, кажется, не дурен. Да что я тебя спрашиваю? Ты мне ни слова не сказал о «Песни песней». Злодей, с кем мне здесь советоваться, или с моим Фиделем, который сегодня меня с ума свел, потому что бегает без отдыха за сукою?

Я думаю, что буду опять в Москве, если это будет угодно Провидению, и там останусь надолго. Сперва проживу деньги, а там возьму на откуп типографию.

Примечаешь ли, что я пишу сегодня без мыслей? Так вяло, так холодно... Перо падает из рук, глаза смыкаются, я зеваю от скуки и теперь же лягу в постелю, до 12 часов утра пролежу, проваляюсь... и тебе желаю того же... Прощай. *К. Б.*

Я сдержал слово и проснулся довольно поздно. Не лучше ли будет напечатать эту безделку где-нибудь в глухой типографии, и напечатать не более десяти экземпляров. Один — А<нне> П<етровне>, два — тебе и семь остальные — мне. Это, кажется, прочнее, нежели рукопись, а стоить будет безделку. Я думаю: не более 25 р. Если так, то начни печатать, я вышлю тебе деньги; и экземпляр Анны Петровны вели переплесть в сафьян. Пожалуйста, сделай это. Поди, приблизься, еще поближе, ну, так! Хорошо! Теперь обними меня... и прощай!

---

[1] Посредственный поэт невыносим для богов, людей и зданий (*лат.*).

72. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Декабрь 1810. Хантоново>

Я вижу, любезный друг, что с тобою нужна логика и диалектика самая тонкая, и для того боюсь, чтоб ты не прицепился снова к моим словам. Ты мне упрекаешь леностью! Ты, который лежишь от утра до ночи или делаешь одно только, что тебе приятно, ты, которому желудок дороже и самой славы, ты, который пишешь к другу своему одни ответы лаконические на длинные его письма, одним словом, ты... Гнедич,— между тем как я, несчастный (ни слова не хочу прибавить), между тем как я сижу один в четырех стенах, в самом скучном уединении, в такой тишине, что каждое биение маятника карманных часов повторяется ясно и звучно в моем *услышании*, между тем как и надежды не имею отсюда выехать! Нет, лучше пожелай мне той твердости духа, которой я часто не имею, будучи (вина богов!) чувствителен к огорчениям, а радостей, клянусь тебе небом, давно не знаю. Вот мое положение. Я люблю тебя, а кого люблю, того не огорчаю больным и бесплодным рассказом, да и к чему тебе плакать? У тебя и без того болят глаза, и на мои длинные ресницы часто, очень часто навертываются слезы, которые никто, кроме бога, не видит.

Что мне делать? Что начать? Я хочу отписать снова к Оленину; он мне пусть откажет; его отказ легче снести, нежели другого, оттого что я его люблю, оттого, что ему многим, очень многим одолжен! — И еще раз, и в последний, буду проситься в чужие края. На это у меня сто причин, а у вас в Питере служить не намерен.— И на это мильон причин сильных, важных.

Поверишь ли? Я здесь живу 4 месяца, и в эти четыре месяца почти никуда не выезжал. Отчего? Я вздумал, что мне надобно писать в прозе, если я хочу быть полезен по службе, и давай писать — и написал груды, и еще бы писал... несчастный! И я мог думать, что у нас дарование без интриг, без ползанья, без какой-то расчетливости может быть полезно! И я мог еще делать на воздухе замки и ловить дым! Ныне, бросив все, я читаю Монтаня, который иных учил жить, а других ждать смерти. А ты мне советуешь переводить Тасса — в этом состоянии? Я не знаю, но и этот Тасс меня огорчает. Послушаем Лагарпа, в похвальном его слове Колардо: «Son âme (l'âme de Colardeau) semblait se ranimer un moment pour la gloire et la reconnaissance, mais ce dernier rayon allait bientôt s'éteindre

dans la tombe. Il avait traduit quelques chants du Tasse. Y avait-il une fatalité attachée à ce nom?»[1] Я знаю цену твоим похвалам и знаю то, что дружба не может тебя ослепить до того, чтоб хвалить дурное. Но знаю и то, что мой Таз, или Тасс, не так хорош, как думаешь. Но если он и хорош, то какая мне от него польза? Лучше ли пойдут мои дела (о которых мне не только говорить, но и слышать гадко), более или менее я буду счастлив? Или мы живем в веке Лудовика, в котором для славы можно было претерпеть несчастие, можно было страдать и забывать свое страдание? К несчастию, *я не враль и не Гений* и для того прошу тебя оставить моего Тасса в покое, которого я, верно, бы сжег, если б знал, что у меня одного он находится. Впрочем, я рад, что тебе понравились мои стихи в «Вестнике». Они давно были написаны: это очень видно.

Сказать ли тебе анекдот? Ник. Наз. Мурав<ьев>, человек очень честный, и про которого я, верно, не скажу ничего худого, ибо он этого не стоит, наконец, Н<иколай> Наз<арьевич>, негодуя на меня за то, что я не хотел ничего писать в канцелярии (мне было 17 лет), сказал это покойному М<ихаилу> Ник<итичу>, а чтоб подтвердить на деле слова свои и доказать, что я *ленивец*, принес ему мое послание к тебе, у которого были в заглавии стихи из Парни, всем известные:

Le ciel, qui voulait mon bonheur,
Avait mis au fond de mon coeur
La paresse et l'insouciance — и прч.[2].

Что сделал М<ихаил> Н<икитич>? Засмеялся и оставил стихи у себя. Quid rides? Fabula de te narratur![3] Вот и твоя история. И впрямь, что значит моя лень? Лень человека, который целые ночи просиживает за книгами, пишет, читает или рассуждает! Нет, говорил Мирабо, а Мирабо знал, что говорил,— если б я строил мельницы, пивоварни, продавал, обманывал и исповедовал, то, верно б, прослыл честным и притом деятельным человеком. Не думай, чтоб я Мирабо слова взял за правило: я его читал назад тому года два и *привожу* из памяти. Впрочем, у меня покои довольно теплы, для общества есть три собаки, аппетит изрядный и наместо *термометра* серебряный рубль, который остался от шведского похода: с этим не умрешь с голоду, а если сойдешь с ума, то это безделка! Ах обстоятельства, обстоятельства, вы делаете великих людей!.. Но я не хочу походить на старую даму, а ты не

доктор, следственно, и полно говорить о себе. Львова вышла замуж за Львова. Я этого все не понимаю! Леонид ко мне пишет очень забавно, а об этом ни слова. Да помилуй, у Ф⟨едора⟩ П⟨етровича⟩ 10 человек детей! — Чудеса! — Мое письмо очень скучно, затем-то я прилагаю у сего письмо князя Вяземского, которое тебя, верно, насмешит. Но пришли его обратно, ибо оно мне нужно. О Жуковском ничего не знаю. Я с ним жил три недели у Карамзина и на другой или третий день уехал в деревню. Он в Белеве, верно, болен или пишет. Пришли что-нибудь в «Вестник», а к нему писать буду. Да еще тебе упрек. Мир праху Беницкого! Был умен, да умер. А тебе не стыдно ли не написать ни строчки в его похвалу, не стихами, а прозою? Зачем не известить людей, что жил некто Беницкий и написал «На другой день»? Зачем не поместить это биографическое известие не в журнале фабриканта Измайлова, а в «Вестнике». Пробудись, Брут! — Что такое намарал еще Шихматов? Я читал Качен<овского> рецензию в журнале, а его поэмы не видал, да и видеть не хочу. Попроси Измайлова, чтоб он мне прислал «Цветник»: я его не получал с апреля или мая, а он хорош для деревни. Пришли, сжалься, каких-нибудь книг и еще бумаги почтовой, руб<лей> на пять: писать не на чем. Прощай.

Что я за писатель писем! И что мне писать к Баранову, и какая тут политика? Ох вы, люди! Или у меня ни ума, ни рассудка нет, а вы перемудрили, ученые!

Чем ты занят? Переводишь ли Гомера? А я его ныне перечитываю и завидую тебе, завидую тому, что у тебя есть вечная пища!

Бога ради, пиши поболее об Иване Мат<веевиче>, что он делает и как? Я этого человека люблю, потому что он, кажется, меня любит. Вяземского письмо очень забавно. Не правда ли? Поклонись Полозову и скажи ему от меня: бог с вами! Поклонись Самариной: я душой светлею, когда ее вспоминаю. А Ниловы неблагодарные. Не видишь ли Петина? Вот добрый друг!

---

[1] Его душа (душа Колардо), казалось, зажглась на мгновение для славы и признания, но сей последний луч скоро угас в могиле. Он перевел несколько песен Тасса. Не рок ли связан с этим именем? (*фр.*)

[2] Небо, желающее мне счастья, вложило мне в сердце лень и беззаботность (*фр.*).

[3] Чему смеешься? Сказание говорит о тебе! (*лат.*)

73. Н. И. ГНЕДИЧУ

<25 декабря 1810. Хантоново>
Рожество.

Я получил твою хартию, речь, писанную стилусом на Египетском папирусе,— получил, прочитал и... и сперва пожал плечами, а потом сказал: простительно ему обманываться, он меня любит и желает добра!

Я был очень болен лихорадкою, самою злою, да и теперь весьма слаб и пишу насилу.

Что отвечать мне на твои приглашения. Ах, любезный друг! Я писал к Оленину — нет ответа. Зачем же я поеду в Петербург, и на кого могу надеяться, и кого буду просить! Я? — Просить!!! — И какое мне дадут место, для меня способное, после того, которое я, баловень, занимал у незабвенного для меня Михаила Никитича? Все твои надежды меня радовали, знаешь ли почему? Потому что они мне доказывали твою дружбу, которая меня единственно утешает. Дай руку, любезный друг, дай руку, я прижму ее посильнее, и ты, может быть, почувствуешь всю мою благодарность, и ты, может быть, скажешь или сердце твое скажет: он стоит меня!

Ты мне пишешь о том, о другом и третьем, но я в этом случае опытнее тебя; я знаю людей, знаю, что они не всегда готовы на услугу; этого мало: я не могу просить всякого без разбора, первое — потому что не всех уважаю, а второе — потому что ленив духом.

Одним словом, я бросил намерение ехать на службу, надолго ли, не знаю. Но теперь довольно покоен, ибо не желаю ничего с большим аппетитом. Еду в Вологду на неделю, стану принимать хину, и если вылечусь, то отправлюсь в Москву, а по весне на кавказские воды, *ибо путешествие сделалось потребностию души моей.*

Ты мне забавен с твоими предрассудками! И напрасно сердишься на к<нязя> Вяз<емского>, который меня истинно любит, а много ли таких людей! Кроме его ума (а он очень умен), он весьма добрый малый. Не знаю, как узнал, что я не еду, потому что ожидаю оброку с деревень, и что же? Предложил свой кошелек, но с таким добродушием, что письмо его меня тронуло. Деньги его мне не надобны: я отказал их, но я ему не менее за то обязан. Это не безделка, такой поступок! Согласись сам! Ибо ты довольно знаешь свет и жителей земноводного шара!

Признаюсь, что я пожал плечами, прочитав твое при-

глашение и причины, на которые ты опираешься: что в Москве я буду писать хуже. Я гривны не дам за то, чтоб быть славным писателем, ниже Расином, я хочу быть счастлив. Это желание внушила мне природа в пеленах. Притом же, *мирты тень и льдины* написаны мною на Петергофской дороге, назад тому лет семь. Я знаю, что это дурно, это то, что италианцы называют freddura [1]. Кстати, пришли мне замечания на «Мечту», хоть на лоскутке, иначе я на тебя буду сердит!

Я смеялся увещаниям не читать Мирабо, Д'Аламберта и Дидерота. Это и впрямь от Гнедича забавно! — Давно ли ты стал капуцином? Гомер, конечно, Гомер, но его читать нельзя без скуки во всю свою жизнь, ибо поэзия не есть ремесло. Притом же

Le véritable ésprit sait se plier à tout,
On ne vit qu'à demi quand on n'a qu'un seul goût [2].

У тебя ум велик, а рассудок мал. Мне переводить Расина! Положим и так. Но переводить «Эсфирь» дело вовсе невозможное, первое — потому что ее никогда не представляют; второе — потому что она на сцене должна быть холодна как лед, и есть дело совершенно бесплодное; третие — потому что, принявшись за нее, я буду должен целый год заниматься одним делом, ибо я с малолетства воспитан в *страхе Расина*. У меня есть славная эдиция «Эсфири» с замечаниями Boisgermain, но обстоятельствами, болезнию и, наконец, всем и всеми я так обескуражен, что за это дело никак не примусь.

Я надеюсь, что ты сделаешься членом *ликея*, это тебе очень не трудно, а потомство скажет: был некий и были некии! О, это весьма утешно! Но так как ни одна дама не поедет слушать Захарова, Писарева, Шихматова и с компанией, то я советую, затем чтоб не уронить своей славы обществу, некоторым членам переодеваться в женские платья, напр<имер>: Крылов — в виде Сафы, Карабанов — под покрывалом Коринны, Хвостов — в виде Аспазии, Шаховской в виде Венеры Анадиомены или Филопиги, весь нагой, на ученых скамьях могли б произвести большой эффект, и я скажу: вот Греция!

---

[1] холод (*ит.*).
[2] Подлинный ум умеет приспособиться ко всему, тот, у кого вкус лишь к чему-то одному, видит только половину (*фр.*).

74. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Январь 1811. Вологда>

Я не удивляюсь И. М. М<уравье>ву: он совершенный Алкивиад и готов в Афинах, в Спарте и у Даков жить весело; но не могу надивиться другим!

Я насилу пишу тебе: лихорадка меня замучила. Кстати, я советовался здесь с искусным лекарем, который недавно приехал из Германии, с человеком весьма неглупым. Он пощупал пульс, расспросил о болезни и посмотрел мне в глаза: «Вы, конечно, огорчаетесь много; я вам советую жить весело — это лучшее лекарство». Я ему засмеялся в глаза! Это лекарство, конечно, не выписывается из аптеки, а если оное есть в Петербурге, то пришли мне его на рубль.

Не забудь адресовать в Вологду и пиши, мой друг. Твои письма целебнее хины. Vale [1]. *Конст. Б.*

Поздравляю тебя с новым годом и желаю тебе того, чего себе не желаю, то есть здравого рассудка, которым я преисполнен от ног до головы и которого у тебя нет ни крошки. Гельвеций сказал, что разум или, лучше сказать, ум начинается там, где кончится здравый рассудок; а у тебя промежуток: здравого рассудка нет, на место его *запустение* и *позвиздание*. Жаль, очень жаль, а пособить нечем. Это болезнь неизлечимая, de mauvaise nature [2], как говорят медики, одним словом, болезнь! Понимаешь?

Я писал тебе о Плутархе и «Одиссее», но вперед писать не буду. Прощай!

---

[1] Будь здоров *(лат.)*.
[2] скверная *(фр.)*.

75. Н. И. ГНЕДИЧУ

26 января 1811. <Вологда>

Насилу воскресаю! Я был очень болен горячкою, или лихорадкою, или бог знает чем, да и теперь еще не совсем выздоровел. На руках у меня фонтанели, вещь самая мучительная: одним словом, я весь не свой. Молчание мое теперь не загадка! Недели три назад тому я писал к тебе, но ты, конечно, не получил моего письма. Я еду в Москву на сих днях, а теперь в Вологде, в совершенной скуке и бездействии, с пустой головою и почти с пустым карманом. Я писал к Алек<сею> Ник<олаевичу> об ино-

странной коллегии, но не получил ответа; само собой разумеется, что просить с этих пор никого и ни о чем не буду. Твои восклицания и вопросительные знаки вовсе не у места. По крайней мере в Москве я найду людей, меня любящих,— что найду в Петербурге, кроме тебя? Поверь мне, любезный Николай, что я знаю цену твоей дружбе, которая есть и будет единственным утешением в жизни, исполненной горести. Я вовсе переродился, и ты на меня бы взглянул с сожалением: вот следствие чувствительности, которая, может быть, обещает мне конец, подобный Беницкому. Но на что огорчать тебя? Надежда меня не оставила: может быть, я выздоровею и все переменится. Молчание Анны Петр<овны> не столько обидно моему самолюбию, как собственному сердцу, ибо я ее истинно почитаю. Ты увидишь Филиппа в Петербурге, не оставь его. Если не получишь от меня известий в течение трех недель, то пиши в Москву. Пришли 9-ю песнь: я давно, очень давно не читал твоих стихов. Целую тебя и прощай. *К. Б.*

Хочешь ли новостей? Межаков женится на племяннице Брянчанинова! Я видел твою Софью, толстую Софью!!! или ты, или она зело переменилась. Впрочем, здесь нет людей, и я умираю от скуки и говорю тихонько сам себе: не приведи Бог честному человеку жить в провинции; да еще говорю гораздо тише: не приведи Бог честному человеку воображать, что женщины богини. Пиши почаще и поклонись Львову: он, право, добрый малый.

76. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Февраль — март 1811. Москва>

Что, взяли? Я пишу к вам из Москвы! — ??? <> — а + в — с = d + x = xxx.

Можешь удивляться, пожимать плечами, а я буду всегда тебя любить, потому что ты, каналья, для меня милее всей Москвы и с золотыми маковками, потому что ты никогда столь ясно и живо мне своей дружбы не доказывал, потому что ты — Гнедич, а я — Константин. Понимай, мотай на ус, Хохол! Я получил от Оленина письмо весьма дружественное, а отвечать на него буду через два или три месяца, затем *чтоб не уронить мне своего достоинства*, а его не избаловать. Кстати, скажи Самариной, что я никогда, и никому, и ничего, и ни для чего посвящать

не буду. Чтоб она утешилась: мое посвящение было *первое* и — *последнее*.

Поговорим о деле. Я еду в Петербург и к праздникам у вас, наверное. Авось! — Но если и в этот приезд будет неудача, то клянусь Стиксом и чернилами, что тебя слушать не буду, да и ты, я думаю, перестанешь умничать.

Пришли 9-ю песнь; я ее прочитаю и сделаю мои замечания, если хочешь с Жуковским, который тебя любит и почитает, а между тем и бранит за то, что ты ему не высылаешь «Перуанца» с поправками.

Пришли этого дикаря.

Каченовский ныне ударился в славянщину: — не любит галломанов и меня считает за Галла (???!!!!!!), меня!

Здесь Баранов; я о тебе у него спрашивал. В. Л. Пушкин забавляет нас еженедельно. Жуковский написал балладу, в которой стихи прекрасны, а сюжет взят на Спасском мосту. Правда ли, что Гаг<арин> женится на Мур<авьевой>??? К. Х. (я не могу назвать ее без содрогания) вышла замуж!!! ты молчал!!! Дай тебя за это поцеловать. Шишков написал, говорят, «Разговор». Петин очень болен. Если это правда, то, не будучи с ним знаком, бога ради, съезди к нему и скажи: каков он? Это я назову истинным одолжением. Поклонись Львову, которого я люблю. Прощай. *Константин Батюшков* на Никитской.

Числа не знаю.

Я работаю сердцем, то есть стараюсь влюбляться. В кого? Еще и сам не знаю. А твоя Софья... ж...! — Прощай!

77. Н. И. ГНЕДИЧУ

13 марта <1811>. Москва

Вчера получил я *медленное* письмо твое. Ниловы были здесь и, как приятные призраки... исчезли. Самарину я провожал до заставы: она вчера ночью уехала в Орел. Конечно, любезные люди, особливо Самарина,— она же тебя любит и почитает; впрочем, и она со мной согласна в том, что ты слишком ославянился; если мне нужен Петербург, то тебе, друг мой, нужна Москва.

Голицына я не видал, может быть, и не увижу. Судить о тебе заочно не смею, но, по-видимому, кажется, что ты виноват. Чем? — Тем, что выписался: тебе сделали честь.— Как честь? — А вот как: в ликее есть Штаневич, но есть и Шишков, есть Шихматов, но есть и Державин,

есть Хвостов, но и Дмитриев там же! Чего же более? — Нет! — Я не хочу быть на одной доске с таким-то вралем! — Тем более, что я буду трудиться по предписанию устава! Прекрасный ответ! Но разве нельзя ничего не делать и быть членом всех академий? Что же касается до поступка нашего Лирика, то я его считаю за пифийское исступление; ему все простительно, затем что он написал «Ирода» и «Фелицу» (две пиесы, которые дают право дурачиться), затем что ему 60 лет, затем что он истинный гений и... не смею сказать — враль!

Ты меня спрашиваешь: *что тебе делать*? Право, не знаю и боюсь советовать, затем чтоб не дать дурного. Лучше молчать! Тебя назвали *гордецом*, но не бездельником. Кажется, обида не великая! И вся эта обида падает не на тебя, нижé на хозяина, а на самого *Творца*. Оставь эти глупости, мой друг, истинное следствие обхождения с людьми, которое и таланту и собственно тебе бывает пагубно. Я тебе говорю от сердца: чувствую сам, что частые выезды и рассеяние было и есть нож для поэта. Отпиши мне, чем это кончится. Я об тебе не жалею: у тебя есть Гомер, но меня кто утешит?

Я отдал «Перувианца» Жуковскому, который тебя истинно любит. Добрый, любезный и притом редкого ума человек! он хотел тебе прислать поправки. Мне же начало показалось растянуто, нечисто и сухо, но последние 30 стихов докажут всякому, что ты мог бы написать трагедию. Вот мое суждение.

Я вчера обедал у Нелединского (истинный Анакреон, самый острый и умный человек, добродушный в разговорах и любезный в своем быту, вопреки и звезде и сенаторскому званию, которое он заставляет забывать) и там слышал, что у вас в Питере написана новая сатира, весьма колкая, на Карамзина, Пушкина и — твоего друга, то есть меня.

Пушкин горит от нетерпения ее слушать и нас вчера очень, очень смешил своим добродушием. Пришли мне ее непременно: я хочу над собой сделать моральный опыт, то есть увериться, могу ли я быть хладнокровен к насмешке. Называют двух авторов: Горчакова и Шаховского. Ожидаю ее нетерпеливо.

Теперь приступаю к твоей критике. На моей стороне Самарина. Защищайся!

Парни признан лучшим писателем в роде *легком* (этот род сочинений весьма труден). Его поэма «Les Scandinaves» прекрасна; стихи, мною переведенные, были внесены

профессором Ноэлем, членом Парижского института, в примеры *прекрасной и живописной поэзии.* Теперь. Мой перевод дурен? Подлинник хорош? Так ли?

Посмотрим, чем он дурен.

Les feux mourants décroissent et pâlissent
Et de la nuit les voiles s'epaississent...
Viens, doux sammeil, descende sur les héros.
Des songes vains agitent leur repos [1].

Но вскоре пламень потухает,
И гаснет пепел черных пней,
И томный сон отягощает
Лежащих воев средь полей.

Кажется, перевод мой не хуже подлинника. «Гаснет пепел черных пней» — взято с натуры, живописно и очень нравится Жуковскому и всем, у кого есть вкус.

L'autre des mers affronte le courant
Et son esquif est brisé par l'orage [2].

Иной на лодке утлой реет
Среди кипящих в море волн.

Перевод близкий, выражение *реет* у места, и я не виноват, что г. Бобров употреблял его. Но меня сравнивать с Бобровым, est d'un ton de persiflage [3].— Гнедич,— Гнедич! — O Coridon, Coridon!.. ты с ума сошел!

Иный места узрел знакомы,
Места отчизны, милый край,
Уж слышит псов домашних лай,
Уж зрит отцов поля и домы...

Этого нет в оригинале, но напоминает о Виргилиевом dulcis patria [4]. Далее: выражения

Махнул мечом — его рука,
Поднята вверх, *окостенела,*
Бежать хотел — его нога
Дрожит, недвижима, замлела —

истинно выражают мысль стихотворца.

Но ветр шумит и в роще свищет,
И волны мутного ручья
Подошвы скал угрюмых роют,
Клубятся, пенятся и воют
Средь дебрей снежных и холмов...

Это все в тоне северной поэзии, которую, конечно, отличать должно от греческой; это все у места, и кажется, нет ничего надутого, ложного; притом же и язык чист и благороден.

Le sombre Eric murmure avec dépit
Ce chant sinistre, et l'écho le prolonge:
Je suis assis sur le bord du torrent.
Autour de moi tout dort, et seul je veille;
Je veille, en proie au soupçon dévorant;
Les vents du nord sifflent à mon oreille,
Et mon épée effleure le torrent...[5]

Мой меч скользит по влаге вод!

Вот мое оправдание. Что же касается до твоих насмешек, то они забавны: этак можно и «Перуанца» выворотить наизнанку. Изможданя, тигры, варвары, пей кровь, грызи зубами и прочее, конечно, очень смешно.— Признайся (я в том уверен), что ты был увлечен суждением какого-нибудь пристрастного человека или невежды — и Бог с тобой! Я бранил «Перуанца» и теперь каюсь.

Я в Петербурге, конечно, буду. Если ты видишь Алексея Николаевича, то скажи ему, что я его боюсь беспокоить моими письмами, что Баранов сказывал мне, сколько он меня любит, и что пока у меня будет память и сердце, то я его буду почитать, любить и даже бояться, потому что я горжусь его ко мне благорасположением и боюсь сделаться недостойным оного. Скажи ему — только кстати,— что буду его просить о месте, и отпиши мне, думает ли что-нибудь для меня сделать. Я бы попросился в библиотеку, но боюсь вот чего: там должно работать, а я... Sainte paresse, ne m'abandonnez pas![6]

Жуковского издание продается, я думаю, в Петербурге и стоит 15. Муравьева сочинения доказывают, что он был великого ума, редких познаний и самой лучшей души человек. Их нельзя читать без удовольствия. Они заставляют размышлять. Я их тебе достану, у меня теперь только один экземпляр и тот подарен Катер<иной> Федор<овной>.

Хочешь ли новостей? Карамзин опять в Твери, говорят, по приказанию государя. Я недавно слышал чтение его истории и уверяю тебя, что такой чистой, плавной, сильной прозы никогда и нигде не слыхал. Он не годится в ликей!

---

[1] Умирающие огни убывают и бледнеют, и сгущаются завесы тьмы. Приди, сладкий сон, спустись на героев, суетные сны нарушают их покой *(фр.)*.

[2] Иной дерзает бросить вызов морским потокам, и буря сокрушает его челнок *(фр.)*.

[3] Это издевательство (*фр.*).
[4] отечества сладок... (*лат.*).
[5] Мрачный Эрик с досадой рокочет свою зловещую песнь, продолжаемую эхом. Я сижу на берегу потока. Вкруг меня все спит, лишь я бодрствую, бодрствую — добыча пожирающего меня подозрения. Северные ветры свищут мне в уши, и мой меч скользит по потоку (*фр.*).
[6] Святая лень, не покидай меня (*фр.*).

78. Е. Н. и П. А. ШИПИЛОВЫМ

17 марта <1811. Москва>

Благодарю тебя, милый друг Лизавета, за твое письмо, которое я получил назад тому неделю. Серьги твои отдал я Кат<ерине> Фед<оровне>. Она заказала оправить их весьма искусному мастеру, и я их пришлю тебе к святой. Они будут очень невелики, но фасон, кажется мне, довольно красив, якорь и цепь так, как теперь носят.

Д. О. Баранов женится на княжне Несвицкой, il ne faut pas ébruiter cela [1]. Невеста недурна собой. Я с ней у него обедал в день его рождения. Это и для меня сюрприз, что же для вас??? Приехать, увидеться и жениться! Не верю теперь ни чувствительности, ни высоким чувствам... или свет и счастие очень переменяют людей.

Будь счастлив, мой друг, и спокойна, сноси огорчения как можно равнодушнее, люби и не забывай меня, и вот желание и совет преданного тебе по гроб

Константина.

Здоров ли ты, любезный брат Павел Алексеевич? — что ты поделываешь? — а я тебе купил кнастеру самого лучшего и теперь ищу оказии отослать его. Не радуйся! — это один только картуз, затем что денег на покупку немного. Кстати об деньгах, не можешь ли ты мне сделать одолжение продать Ваньку? — Это б очень было хорошо для меня. Мне теперь надобно иметь тысячи две, затем что я намереваюсь в Петербург. Помоги мне, любезный друг, в этом случае, ты сам знаешь мои обстоятельства. Оленин говорил Баранову, что есть для меня место очень выгодное, что я могу ездить на лето в отпуск, одним словом, что я сам буду виноват, если упущу случай поправить дела мои. Но без денег как пуститься? — По крайней мере уведомь меня, есть ли надежда это устроить. Мне не к

кому, кроме тебя, прибегнуть, да если бы и был кто, то я бы просил все-таки тебя, затем что тебя люблю от всего сердца.

Здесь говорят, что сахар и сукно дешевеют, вот и все новости. Государь в Твери. Москва все так, как была. Я недавно говорил и затем не скажу тебе, чтоб не солгать, разумеется,— что здесь скучно. Пиши ко мне.

Весь твой Конст<антин>.

Вариньку, ленивую девочку, целую самым ленивым манером.

Волоцкой был у меня. Он служит у Кутузова и очень жалеет о Вологде. Я к нему заеду на днях.

---

[1] не нужно это предавать огласке (*фр.*).

79. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Первая половина апреля 1811. Москва>

Боже мой, что за письмо! Ни конца, ни начала, а о середине не скажу ни слова! Что делать! Пожмем плечами и станем отвечать... Самарина уехала и, говорят, не на радости будет домой: у ней скончалась мать. Это и меня за нее огорчает. Признаюсь тебе, любезный друг, люблю ее всей душой. Нилова вполовину не столь любезна; она, кажется мне, немного не в своей тарелке. Анна Петровна везде и всегда спокойна и одинакова. Но они уехали! жаль! очень жаль! Слух о смерти матери Анны Петровны оказался неоснователен.

Как отвечать тебе на твою диссертацию? Молчанием? Ах, нет! — учеными фразами — и того не надо. Ситуациями из древних и новейших? — Храни нас бог! Чем же, злодей? А вот чем: пожать у тебя руку, ибо я вижу, что дружба заставляет тебя *бредить*. Одиножды положив на суде, что я родился для отличных дел, для стихотворений эпических, важных, для исправления государственных должностей, для бессмертия, наконец, ты, любезный друг, решил и подписал, что я враль, ибо перевожу Парни.

Конечно, *влага вод* — глупость, но по этому ты заключаешь, что и вся пиеса — вранье. Этот суд тебе делает великую честь! Теперь заметь другое, третье, четвертое, наконец, десятое фальшивое, темное, глупое, надутое вы-

ражение и будешь прав; но нет! Ты будешь виноват, потому что их не найдешь, потому что эти стихи написаны очень хорошо, сильно, наконец, потому, что *они меня достойны*.

Пора кончить, любезный Николай, этот словесный спор, который ни тебя, ни меня не убедил. Поговорим лучше о певце Фелицы: ты с ним поступил весьма благоразумно. Я, будучи на твоем месте, сделал конечно бы то же.

Прости мне, если я тебя судил сначала слишком строго. Но и теперь я думаю, что ты напрасно выписался, а не *ускользнул*. Последнее было бы еще лучше и первого. Но это дело меня беспокоило. Слава Богу, что ты его кончил. Сегодня вбегает ко мне Иванов, которого ты, конечно, помнишь, вбегает и кричит: «Виват, Гнедич!» Я удивился, спрашиваю его о причине восклицания, и он мне рассказывает твою историю с Державиным. Он в восхищении от твоего поступка, говорит, что ты достоин олтарей и проч.; но я не Иванов и думаю иначе, ибо я люблю более твой собственный интерес, нежели ты сам,— в иных случаях, разумеется. Я читал объявление о Беседе в газетах, читал ее регламент и теперь еще болен от этого чтения. Боже, что за люди! Какое время! О Велхи! О варяги-Славяне! О скоты! — Ни писать, ни мыслить не умеют!!! А ты еще хвалишься петербургским рвением к словесности!!! Мода, любезный друг, минутный вкус. И тем хуже, что принимаются так горячо. Тем скорее исчезнет жар, поверь мне: мы еще все такие невежды, такие варвары!!! Я вот чего страшусь: женщины, у которых вкус нежнее и вернее, соскучатся прежде, а после них тотчас и мужчины. Тогда это ремесло будет смешно, предосудительно.

В. Л. Пушкин сочинил сатиру, сюжет весьма благороден: бордель; но стихи истинно прекрасны, много силы, живости, выражения. Впрочем, и у нас добра мало. Все тот же вкус, та же привязанность к Галлам, та же самая охота к увеселениям публичным и везде та же скука.

Пушкин в своей сатире удивительно смешно отделал Шихматова, Шаховского и Шишкова. Ты удивишься, мой друг, каким образом эти целомудренные герои нашли место в подобном доме. Но вот каким образом: Пушкин, описывая лихих коней, вопрошает или взывает к Шихматову и просит позволения назвать пару *двоицею*, а певец «Петриады» отвечает:

Но к черту ум и вкус! Пишите! в добрый час!

80. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Конец апреля 1811. Москва>

Виноват перед тобой, милый мой Николай, что замедлил ответом, но этому была законная причина. Мне хотелось послать тебе сочинения Михаила Никитича, и этого не могу до сих пор сделать, потому что университет, *спеша потихоньку*, задерживает экземпляры. Ты можешь быть уверен, что я тотчас по получении книг оные тебе вышлю. Но «Собрание стихотворений» Жуковского ты можешь купить в Питере: у меня теперь нет лишних денег, вот почему тебе и не посылаю; в следующих томах, которых уже я видел корректуру, помещен «Перуанец», твое послание ко мне и перевод из «Потерянного рая» точно в таком виде, как были напечатаны и прежде.

Ты удивляешься, что Жуков<ский>, будучи со мной знаком, ничего моего не поместил. Я его люблю, как и прежде, потому что он имеет большие дарования, ум и самую добрую, благородную душу. В первом томе помещена одна песня к Мальвине, некогда напечатанная в «Лицее» у Мартынова и которую я вовсе забыл. Во втором и третьем томе нет ничего, да и быть не может, потому что я ни басен, ни сказок, ни од никогда не писывал. В четвертом будет моя элегия из Тибулла, а в пятом «Мечта» (которую я снова всю переделал и мирты послал к черту), «Воспоминания», «Счастливец» и другие безделки.

Но что могу сказать тебе о моем приезде в Питер? Когда увижусь с тобой? Когда возобновлю прежние споры? Когда, сидя за трубкою у чайного столика, станем мы питать воображение мечтами, а краснокую твою Мальвину крошками сухарей? Когда пожму твою руку и скажу: друг мой, десять лет, как тебя знаю, в эти десять лет много воды уплыло, многое переменилось, мы не столь счастливы, как были, ибо потеряли и свежесть чувств, и сердца наши, способные к любви, ретивые сердца наши до дыр истаскали; но в эти десять лет мы узнали на опыте, что дружба может существовать в этом земноводном, подлунном мире, в котором много зла и мало добра; мы узнали, что счастие неразлучно с благородным сердцем, с доброю совестью, с просвещенным умом, узнали, и... и... и... слава богу!

Державин написал письмо к Тургеневу, в котором он разбранил Жуковского и осрамил себя. Он сердится за то, что его сочинения перепечатывают, и, между прочим, говорит, что Жуковский его ограбил, ибо его книги не расхо-

дятся, а Жуковский насчет денег такая же живая прореха, как ты и как я. Вот люди! Поди, узнай их! А как станут говорить о благородстве, о чувствах, о любви к ближнему, так хоть бы кому!

Кстати об издании Жуковского. Скажу тебе, что его здесь бранят без милосердия. Но согласись со мною: если выбирать истинно хорошее, то нельзя собрать и одного тома. Если хотеть дать понятие о состоянии нашей словесности, то как делать иначе? Печатать и Шаликова, и Долгорукова, и других. Впрочем, эти книги суть истинный подарок любителям светским и нам — писателям, как для справок, так и для чтения. Лучшая сатира на Шишкова, какую кто-либо мог сделать, находится в этом собрании, то есть его стихи, его собственные стихи, которые ниже всего посредственного.

Посылаю тебе стихи князя Вяземского на Шаликова, который хотел ехать в Париж. Они очень остры и забавны. В этом роде у нас ничего нет смешнее *.

Пиши ко мне почаще и не забывай, что я тебя люблю и в прозе, и в стихах. *Бат.*

Отпиши мне заседание Лицея. Говорят, у вас чудеса за чудесами. Голицын написал книгу о русской словесности и разбранил Карамзина и Шишкова. Вот истинный бес и никого, видно, не боится. Другой Голицын сочинил русскую книгу для постников.

P. S. Не удивляйся тому, что на той странице комплимент мне написан не моей рукой. Это писал князь Вяземский, который пришел, выхватил у меня письмо и намарал то, что видишь.

М<ихаила> Н<икитича> сочинения я тебе посылаю: они готовы, и с портретом.

81. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

24 апреля <1811>. Москва

На прошедшей почте я послал тебе семена, но за доброту их не могу ручаться. От тебя нет известий, любезный друг, и это меня беспокоит. За неимением новостей о себе, скажу тебе добрую весть о Гнедиче: его пожаловали в асессоры за стихи. Этого мало: Оленин его определил в

* <Приписка П. А. Вяземского>: Кроме однакож «Леты» вашей, милостивый государь Константин Николаевич!

библиотеку и дал 1000 р. жалованья, с квартирой и *проч.*, что ему с прежним жалованьем и с пенсионом составляет около четырех тысяч. Напиши к нему и поздравь с царскою милостию. Я же здесь ожидаю денег, чтоб ехать или в деревню к Вам, или к Самариной, которая меня очень упрашивает. Пришли, если можно, поскорее, ибо я очень нуждаюсь и недавно опять был болен. О Петербурге и думать не можно. Прощай, поцелуй Вариньку и не забудь о флигеле, о моем маленьком убежище. Будьте здоровы, друзья мои, и любите меня столько, сколько вас любит *Константин.*

82. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Апрель — май 1811. Москва

Условимся, любезный князь, ехать вместе к Барановым, они меня велели звать и через Баранова. Это путешествие будет от тебя зависеть. О тебе говорят, что ты умен. Не слыхал ли что-нибудь хорошего о Жуковском, я ему бы это сегодня отвез.

Константин Б.

Я радуюсь твоей радости! — а обедать не буду! — Увижусь с тобой в концерте.

83. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<1 мая 1810. Москва>

Я получил последнее письмо твое и спешу теперь отвечать на оное, хотя сегодня день праздничный, то есть 1-е Мая, целый город в движении, все спешат на гулянье, кроме меня и погоды, которая вовсе не *разгуливается.* Дождь и град проливной! — Я жалею о том, что ты теперь одна в Хантонове, жалею и нет! — ибо в Вологде еще скучнее. Но прежде я должен тебе сказать, что ты, мой друг, напрасно мучишь себя письмами батюшки. Что делать? — Его несчастия на деле и в воображении, которое его беспрестанно мучит. Скажи, чем ему помочь? — Есть ли средства? Что в наших руках? — Чем мы виноваты? Какая надежда? — Можно ли согласовать его благополучие с благополучием нашим и его жены? — О! — конечно нет! — Итак, если какое особенное чудо не

принесет мир и счастья в семейство наше, если божия рука не исцелит ран, вовсе неизлечимых, то мы до тех пор останемся в прежнем положении. Я знаю, что батюшка на меня сердится: зачем я к нему не пишу каждую почту? Зачем я не просил Дмит<рия> Осип<овича> о его деле? — Но что буду ему писать? Я просил Баранова, и что же мне он отвечал? — то, что стыдно повторять? — Одним словом, ты должна быть покойнее et prendre le temps comme il vient. Ce conseil seroit étrange dans la bouche de tout autre que moi, qui partage vos chagrins et vos peines, qui souffre depuis dix anneés dans le silence. Vous êtes sûre de mon coeur, vous êtes la seule personne qui me connaîsse parfaitement: dites donc ai-je mérité mes chagrins, mes malheurs? O, certes, non! — Voilá votre histoire à vous, vous êtes dans le même cas? — Que faire? — Souffrir et se taire. Mais soufrir avec courage les malheurs réels et non pas nous créer des chimériques; vivre dans le présent tant que l'on peut [1]... Кстати: я получил 1000 р., которые мне послал брат Павел Алексеевич, и половину издержал на заплату долгов! Надобно бы мне было ехать в Петербург. Вся участь не только моя, но и ваша будет зависеть от этого путешествия, итак, любезный друг, постарайся продать Ваньку, и с женою, хотя за 1000. Он мне вовсе не нужен, а в столь необыкновенном случае... <письмо обрывается.—*Ред.*>

---

[1] Принимать все, как есть. Этот совет был бы странен в других устах, но он исходит от меня, который разделяет все горести и боли, который страдает десять лет молча. Ты уверена в моем сердце, ты единственная, кто знает меня совершенно, скажи же: заслужил ли я свои мучения, свои несчастия? Конечно, нет. Вот тебе твоя история, ибо ты в том же положении. Что делать? Страдать и молчать! Но переносить мужественно подлинные несчастия, а не придумывать химерические, жить настоящим, насколько это возможно (*фр.*).

84. Н. И. ГНЕДИЧУ

6 мая <1811>. Москва

Давно уже от тебя нет известий! Здоров ли ты? Я пишу сегодня нарочно с отъезжающим отсюда Владимиром Сергеевичем Филимоновым, которого прошу полюбить как доброго моего приятеля. У него мало знакомых в Петербурге; если можешь быть в чем-нибудь ему полезным, то будь! Одним словом, оправдай *высокое* и *доброе* мнение, которое об тебе имеют люди звания нашего.

Я на тебя начинаю сердиться. Ты заставил писать ко

мне Полозова, а сам ни строчки о своей радости. На что это похоже? Я же был вне себя, узнав, что ты получил еще место: это лучше асессорства, ты сам знаешь почему. Получил ли мои книги?

У вас еще было заседание в Беседе? Бога ради, отпиши мне об этом. Правда ли, что Хвостов написал и проговорил: «С богами говорить не должно бестолково». А с людьми как? — Муравьев-Апостол читал «Жизнь Горация»? — Я бьюсь об заклад, что это было хорошо. Державин... но об этом ни слова!

Браво, Шихматов, молодец! Я читал в «Цветнике» рецензию (которая истинно смешна, особливо конец, где выписан план, ход и слог поэмы *Петра* в нескольких строках) и с *вожделением* прочитал игривые стихи его сиятельства к своему братцу, стихи, которые, конечно, затмят славу безбожника Вольтера в этом роде, стихи, в которых «роскошество, чудовище престранно, На яствах возлежит, питаяся пространно».

Бесподобно! Роскошь, лежащая на пастетах, котлетах и подовых пирогах: мысль жирная, оригинальная и — *так сказать* — немного смелая! Кто писал рецензию на Шишкова? А она истинно хороша! Признайся, любезный Николай, вздохнув от глубины сердца твоего, что Шишков ни по-французски, ни (увы!) по-русски не знает. Виват, умные головы!

У нас карусель, и всякий день кому нос на сторону, кому зуб вон!

Самарина ко мне писала. И я уведомил ее о твоем асессорстве.

Я скоро еду... куда? — и сам не знаю. Но ты, мой друг, по обычаю древних, поклонись усердно своему пенату, вылей перед ним капли три помоев чайных, либо кофейных, увенчай его, за недостатком дубовых листьев, листами Анастасевичева журнала — и может быть, я явлюсь к тебе, нежданный гость:

Tunc veniam subito, ne quisquam nuntiet ante,
Sed videar coelo missus adesse tibi... [1] —

как я приехал некогда из Финляндии. И ты мне обрадуешься, и ты прослезишься, и я тебя обойму так крепко, так крепко к сердцу, что сия минута будет блаженнейшая в моей жизни. А пока я очень скучен, друг мой! Ах, если б ты мог читать в моем сердце! Но лучше читай Шихматова послание к братцу!

Дай себя поцеловать и прости.

<Приписка В. А. Жуковского>: Жуковский сердечно обнимает любезного Николая Ивановича и желает ему здоровья, удовольствий и более досуга, чтобы почаще быть наедине с Гомеровым гением.

---

[1] Я являюсь к тебе внезапно, прежде чем кто-то предупредит тебя. Но я являюсь к тебе посланцем неба (*лат.*).

85. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

11 мая <1810>. Москва

Я пишу к тебе мало, потому что мне не время. Вчера я получил твое письмо, которое меня немного огорчило, потому что ты, любезный друг, думаешь, что я остаюсь по доброй воле в Москве и убиваю мое время. Но посуди сама: что мне делать? — Я уже сказал однажды и не отступлю от своего слова, что не поеду до тех пор, пока не буду иметь до трех тысяч в кармане. Здесь мне занять невозможно. Катерина Федоровна и сама теперь нуждается в деньгах. Я же имел глупость прожить много в прошедший месяц (в чем теперь и раскаиваюсь). Если ты мне соберешь оброку на 1000, если найдешь продать какой-нибудь клочок земли и человека (в котором я никакой нужды не имею), то я поеду наверное. А до тех пор и думать не можно. Ты себе вообразить не можешь, сколько денег я здесь издерживаю, куда? Бог знает! А все без пользы, без удовольствия. Иван Семенович приглашал меня на Кавказ, но я не согласился ради того, что Петербург могу упустить.

Напрасно ты огорчаешься, любезный друг, и думаешь, что грусть твоя справедлива. Я знаю на опыте, что наши обстоятельства неприятны, но от нас зависит сделать их лучшими, то есть быть равнодушнее к некоторым огорчениям, имеющим один и тот же источник. Я жалею о том, что ты одна в деревне. Съезди за сестрами в Вологду; прошу тебя, не будь одна.

Постарайся, милый друг, уведомить меня, ни мало не замедля, могу ехать прямо в Петербург отсюда (мне бы хотелось для некоторой нужды заехать в Тверь), или я должен за деньгами сам приехать в деревню? Посоветуйся с Павлом Алексеевичем и придумай-ка к лучшему. Как бы то ни было, сделай этому конец, затем что я здесь про-

живаю много денег, что у меня истинно лежит на совести. Поручая тебя Провидению и твоему собственному рассудку, остаюсь преданный твой *Константин Б.*

Посылаю тебе верющее письмо, которое отдай Павлу Алексеевичу для принятия табаку; если есть с ним письмо, то перешли мне его немедленно.

86. Н. И. ГНЕДИЧУ

Мая 11-го <1811>. Вознесенье. Москва

Я получил письмо твое вчера и сегодня на него отвечаю. Гимн Орфеинов читал: это для меня не новость, и у нас эдаких штук много. Между прочим — но это еще тайна — в университете заводится род лицея: увидим, что-то будет; конечно, не лучше вашего! Я писал к тебе с Филимоновым, получил ли ты мое письмо? Что сказать тебе о переводчике Расина (который, конечно, Лобанов)? Есть прекрасные стихи, но... не все. По крайней мере, не все совершенно то, что ты мне выписал. Например: «Пергам зрел зарево» — не гладко. *Зрел* — короткий спондей; это замечание ничтожное, согласен, но не менее того истина. «Мне ль бесполезною земли быв тяготой». Согласись, что *быв* делает оборот не поэтическим, вольным, и это большая ошибка (в Расине!!!), что *быв* противно слуху. Теперь два раза зри:

Приама *зри* у ног,
Тобой спасенныя Елены *зри* восторг,—

а потом: «*узри* свои суда». Это ошибка, ибо изменение времени не у места. Вот что я заметил. Будем же справедливы:

Но все в глубоком сне: и ветр, и стон, и волны...
...и весла бесполезны
Напрасно пенили недвижны моря бездны...
И трупы ветрами несомы средь валов...
Представь весь Геллеспонт, под веслами кипящий, и проч.—

прекрасно и делает большую честь переводчику. Теперь я бы ему шепнул на ухо: не верьте похвалам или не доверяйте; завистников забудьте, пишите с Богом! Но с Расином шутить нельзя: вот главные условия переводчика

Расина: *ясность, плавность, точность, поэзия* и... и... и... как можно менее словенских слов. Для первого начала это, конечно, хорошо, но ради бога, не захвалите до *смерти!*

Благодарю тебя за рецензию Хвостова. Вот молодец! Единственный в своем роде! Неподражаемый, не соблазняющийся, выспренный, единоцентренный, парящий, звездящий, назидающий, упоевающий, дмящийся, реющий, гербующий, истый сочинитель, генералиссимус парнасский, вепрь геликонский, крин Пиеррид, благовонная чаша, исполненная сословов и рифм, фиал, точащий согласие, и наконец, фиалка скромная, таящаяся во злаке, но не менее того благоухающая, назидающая, пленяющая, весьма усыпляющая и отревающая истинный рассудок в пользу читателей!

Читал ли ты в «Вестнике» рецензию Жуковского под именем Воейкова на Грузинцова? Она тебе верно понравится.

У нас мало новостей. Радищев исчезает. Бороздин тебе кланяется; он у меня частенько бывает. Сестра к тебе писала об одном бедном семействе; постарайся, мой друг, помочь; сделай что можешь, что будешь в силах сделать: это люди бедные и в самом жалком положении. Напиши сестре, что мне надобно отправиться в Петербург для моей пользы. Я истинно все сбираюсь и не могу собраться. Москва, рассеянность, здешний род жизни, эти праздные люди вовсе меня испортили. Я потерял последнее дарование, становлюсь глуп, и вот уже более 4-х месяцев, как не только писать, но даже и читать не могу. Одним словом, я стал ленив, не так, как Шолио ленился некогда в счастливом Фонтене, но так, как кучер Сенька ленится на сене, заголя вверх рубашку. Я сделался великим скотом, любезный мой друг, но что б то ни было, даже и в образе осла, даже и в образе Хвостова буду тебя любить до тех пор, пока язык не прильпнет к гортани. Addio, ben mio! [1] *Констант. Бат.*

Я к Самариной недавно писал, но не получил еще ответа. Уведомь меня об Оленине, не сердится ли он на меня? Да пиши, братец, почаще и пришли мне «Илиаду». Право, не лишнее, если я ее прочитаю.

---

[1] Прощай, дорогой мой! (*ит.*)

87. В. А. ЖУКОВСКОМУ

<Вторая половина мая 1811. Москва>

Ты едешь, и я по милости к<нязя> Вяз<емского> с тобой не увижусь. Скажи мне, куда прислать тебе твои стихи, которые я, верно, на сих днях получу от Самариной? Что ты будешь делать с сочинениями М<ихаила> Н<икитича>? Будешь ли их печатать? — Я должен об этом известить Катерину Федоровну; я удивляюсь, как ты (впрочем, человек весьма рассудительный) уезжаешь, не повидавшись с нею!!! Дай мне по крайней мере ответ. И бог с тобой! — уезжай и будь счастлив, я этого желаю от всей души, потому что люблю тебя, несмотря на твои чудеса.

К. Б.

88. Е. Г. ПУШКИНОЙ

<Весна 1811. Москва>

Благодарю и кашель, и насморк, и лихорадку, которые доставили мне вашу записку, исполненную филантропии. В другой раз я притворюсь умирающим, чтоб более возбудить в душе вашей жалость. На первый раз довольно: я ночь спал как мертвый, а вчера был в лихорадке, которую прервал чаем и ромом. Завтра я буду совсем здоров и буду иметь счастие вас видеть и сказать вам, что я проклинал лихорадку, которая меня лишила концерта. Все от него без ума. Я буду здоров из любопытства.

Сию минуту кончу Itinéraire[1] и буду просить вас 3-й том.

---

[1] Путевой дневник (*фр.*).

89. Е. Г. ПУШКИНОЙ

<Весна 1811. Москва>

Я в отчаянии, что не могу вас видеть и вручить вам Шатобриана лично, а причиною тому горячки, которые, как говорят, поселились в вашем доме. Я не боюсь вовсе

горячки, и вы, конечно, этому легко поверите, но боюсь испугать Муравьевых, особливо Катерину Федоровну, которая очень мнительна за своих детей. Вы не поверите, как это меня сердит, но свидетель тому Бог! Вот записка Василия Львовича, которую он мне просил вам доставить, боясь заразиться вами: ему — слава небесам! — легче, а доказательство тому стихи, которые он не устает писать и читать.

Скажите двум или трем болтуньям, что у вас люди выздоровели, и мы к вам приедем, по крайней мере, я: по чести, умираю от скуки. Пришлите еще том этого сумасшедшего Шатобриана; я его очень люблю, а особливо по ночам, тогда, когда можно дать волю воображению... Но я не дам воли воображению и кончу мое маранье, пожелав вам от всей души счастия. *Батюшк.*

90. Е. Г. ПУШКИНОЙ

Май 1811. Москва

Il serait dangereux pour le petit chien de le séparer de sa chère mère et le plus tard sera le mieux pour lui, car il est très jeune. Vous l'aurez le jour de votre départ. Croyant que vous le refuserez, je l'avais déjà proposé à deux ou trois personnes, et je suis charmé de lui faire faux bond. J'ai passé une bien triste soirée au bruit des vers de votre cher cousin; j'espère que celle d'aujourd'hui sera plus gaie. Je vous verrai au concert. N'est ce pas, madame?[1]

[1] Щенку будет опасно разлучиться с его дорогой матерью, и для него было бы лучше сделать это как можно позднее, так как он еще очень мал. Вы получите его в день Вашего отъезда. Убежденный в том, что вы откажетесь от щенка, я уже предлагал его двум или трем людям, и буду счастлив их подвести. Я уже провел весьма грустный вечер под шум стихов вашего дорогого кузена. Надеюсь, что сегодняшний будет веселее. Я вас увижу на концерте. Не так ли, сударыня? *(фр.)*

91. Е. Г. ПУШКИНОЙ

Май 1811. Москва

Et vous avez pu croire que j'emporterai vos livres! Les voilà, madame, et l'Arioste avec. M-r de Mouravief a gardé le premier volume. Mille et mille remerciements

pour «Corinne» et pour le joli cadeau que j'aimerais d'avantage s'il ne venait pas toit droit de la boutique. Je pars ce soir, mais si j'ai un moment de temps cet après-dinée, j'en profiterai pour venir vous présenter mes hommages [1].

---

[1] И вы могли поверить, что я увезу ваши книги. Вот они, сударыня, и Ариост с ними. Г. Муравьев задержал первый том. Тысячи и тысячи благодарностей за «Коринну» и за прекрасный подарок, который бы я полюбил еще более, если бы он не прибыл прямо из лавки. Я уезжаю сегодня вечером, но, если у меня найдется время после полудня, я им воспользуюсь, чтобы зайти и засвидетельствовать вам свое почтение.

92. Н. И. ГНЕДИЧУ

29-го мая <1811>. Фили, на Москве-реке, от городу в 4-х верстах. Дача у Катерины Федоровны.

Я пишу к тебе из подмосковной, куда переехали наши, и где я останусь, конечно, не долго. В Петербург буду и нет. Буду, если получу деньги, в противном случае к себе в деревню. Крайне жалею, любезный Николай, что Полозов набредил, а я поступил истинно осторожно, не писав об этом ни слова к Алексею Николаевичу. Но растолкуй мне: отчего это не случилось? что помешало? и потеряна ли вовсе надежда? Я на тебя сердит: пишешь о том о сем, а о себе ни слова, а ты не знаешь, что... что... я тебя люблю. Не согласен в рассуждении Шишкова. Ты говоришь, что он умен. Бог с ним. Иные смеялись, читая его слово, говоренное в Беседе, а я плакал. Вот образец нашего жалкого просвещения! Ни мыслей, ни ума, ни соли, ни языка, ни гармонии в периодах: une stérile abondance de mots [1], и все тут, а о ходе и плане не скажу ни слова. Это академическая речь? Где мы?.. Далее: человеку, желающему преподавать с ученою важностию законы вкуса, этому человеку переводить с италиянского «Крепость», сочинение какого-нибудь макаронщика, сочинение, достойное «Острова Любви», и наконец, подписать свое имя!.. Нет, это нимало не смешно, а жалко. После этого твой умница напечатал с великими похвалами Станевича казанью, в которой нет ни смысла, ниже́ языка... И этот человек,

и эти людие бранят Карамзина за мелкие ошибки и строки, написанные в его молодости, но в которых дышит дарование! И эти люди хотят сделать революцию в словесности не образцовыми произведениями, нет, а системою новою, глупою! И я чтоб их хвалил!.. Но подожди; и у нас будет беседа: Кутузов, Мерзляков, Каченовский, Антонский со всем причетом московских профессоров, которые, как известно, по скромности

(Il est facile, il est beau pourtant
D'être modeste lorsque l'on est grand) [2] —

скрывают имена свои от прозорливой публики, ничего не пишут и писать не в состоянии, но все бранят и, не имея понятия о истории Карамзина, бранят ее без пощады. Ложные пророки! Все эти господа составят общество à l'instar [3] петербургского. План уже готов. Ты говоришь, что в Москве нет людей! А Карамзин, а Нелединский?.. У последнего я недавно обедал и просидел до 9 часов вечера. Он читал свои стихи — время летело! Счастливый Шолио и Анакреон нашего времени, Нелединский ленив не потому, что лень стихотворна, а потому, что леность — его душа. Нега древних, эта милая небрежность, *дышит** в его стихах. Он много перевел из Пирона, но как перевел! Превзошел его! Что нужды до рода, я удивляюсь дарованию.

Теперь посылаю тебе Пушкина сатиру, которую прочитай Алексею Николаевичу. Об этом меня просил Пушкин. Стихи прекрасны. Вообще ход пиесы и характеры выдержаны от начала до конца.

Панкратьевна, садись! — Целуй меня, Варюшка!
Дай пуншу! — Пей, дьячок! — и началась пирушка!

Вот стихи! Какая быстрота! Какое движение! И это написала вялая муза В<асилия> Л<ьвовича>! Здесь остряки говорят, что он исполнен своего предмета, il est plein de son sujet [4], т<о> е<сть>... Как бы то ни было, в этой сатире много поэзии. Хочешь ли того, что Мармонтель называет в своей поэтике délicatesse [5].

Свет в черепке погас, и близок был сундук...

Это прелестно; но это все не понравится гг. беседчикам, которые говорят:

---

* Галлицизм, не показывай Шишкову!

Но к черту ум и вкус! Пишите в добрый час!

Прощай, мой друг! Надолго ли — не знаю. Прощай! Я тебя люблю. Еще раз прощай! *Конст. Б.*

Иван Матвеевич Муравьев просит у меня стихов для прочтения в Беседе. Напиши мне наотрез, посылать или нет. А?

---

[1] бесплодное изобилие слов *(фр.)*.
[2] Легко и все же прекрасно быть скромным, когда ты велик *(фр.)*.
[3] по образцу *(фр.)*.
[4] полон своим сюжетом *(фр.)*.
[5] тонкость *(фр.)*.

93. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Июль 1811. Хантоново>

Любезный Николай, я пишу к тебе из моей деревни, куда приехал третьего дни. Надолго ли — не знаю. Но теперь решительно сказать могу, что отсюда я более не поеду в Москву, которая мне очень наскучила. В последнее время я пустился в большой свет: видел все, что есть лучшего, избранного, блестящего; видел и ничего не увидел, ибо вертелся от утра до ночи, искал чего-то и ничего не находил. Любезный друг, не суди меня слишком строго: не всякий волен делать то, что хочет. Я бы давно был в Питере, если б на то была возможность — теперь же, учредив некоторые дела, непременно вырвусь из объятий скучной лени и праздности, душевной и телесной, и явлюсь к тебе когда-нибудь в виде старинного друга, прижму тебя так сильно, что ты меня узнаешь по этому порыву. Одним словом, я решился ехать в Питер на службу царскую. Теперь вопрос: буду ли счастлив? Получу ли место? Кто мне будет покровительствовать? Признаюсь тебе, я желал бы иметь место при библиотеке, но не имею никакого права на оное. Я приеду, мой любезный Николай, приеду, и дай Бог, чтоб ты не раскаялся о том, что меня вызвал из Москвы. Ты говоришь, что люди, все без исключения, не могут назваться нижé добрыми, нижé умными. О! я это давно знаю на опыте! Но что из этого следует? Что люди на нас похожи; итак, Бог с ними! Но люди — люди! И я на веку моем был обманут, но и пользовался благотворением одних,

дружбою, одним словом, всеми чувствами сердечной привязанности, которые заставляют дорожить жизнию.

Ты прав: сатира Пушкина есть произведение изящное, оригинальное, а он сам еще оригинальнее своей сатиры. Вяземский, общий наш приятель, говорит про него, что он так глуп, что собственных своих стихов не понимает. Он глуп и остер, зол и добродушен, весел и тяжел, одним словом: Пушкин есть живая антитеза. Скажи мне, как примут его стихи Ликеане? Что мне сказать о московском Пантеоне? У нас с тобою одна участь, мой милый друг: меня предлагали в члены — и некии мужи отказали. Признаюсь тебе, я желал бы быть членом какого-нибудь общества, затем что это пробудило бы мою леность, ужасную леность, которою я и сам начинаю гнушаться. Но ни московские, ни питерские собратия не могут иметь сильного влияния на мой дух: и те и другие вялы, и те и другие *слепотствуют во мгле.*

Я рад тому, что ты бываешь у Строганова. Впрочем, cela ne mène à rien [1] такого человека, каков ты и я. Les gens riches sont des gueux à qui l'on fait l'aumône [2] — не тем, так другим образом, не деньгами, так умом, любезностью, веселостию; наконец, они скупы на все. Филимонов — точно добрый малый. Что он зажился в столице? У него жена милая женщина и ожидает его с нетерпением. Пушкин едет в Петербург; возобнови с ним знакомство: он тебя любит. Я постараюсь быть и сам в скором времени. Я тебе ничего не писал о гимне Венере. Твои стихи мне понравились, они имеют сладость, которая прилична Венере Филопиге; но мера мне не нравится. Это перебитый шестистопный стих. Гекзаметр, каким писал Мерзляков, Тредьяковский в «Тилемахиде» имеет более сладости и правильности. *Зефиры тиховейны* — прекрасно.

Что ты делаешь с своим Гомером? Пришли мне что-нибудь. Я здесь на досуге и рад буду читать и перечитывать. Я ничего не дам в лицей. Бог с ним! Кажется мне, я сделаю осторожно, ибо меня у вас в Питере не любят. В Москве был Марин, стихотворец-офицер, который читал нам: 1-е) сатиру, 2-е) сатиру, 3-е) «Меропу», 4-е) послания. Я с ним ужинал часто у Вяземского. Он не пьет шампанского, а пишет стихи. Радищев все толстеет. Карусель был очень богат и довольно неинтересен.

Еще раз: пришли мне своего Гомера, а я привезу его с собою. С будущей почтой напишу тебе письмо подлиннее и пришлю мою «Элегию» из Тибулла. Ты мне ска-

жешь свое мнение. Что делает Филипп? Я ему пришлю непременно что-нибудь — скажи ему, а теперь истинно ему помочь не в состоянии. Напрасно он меня не послушал и не приехал в Москву. Прощай, любезный друг, пришли мне каких-нибудь книг или новостей. Пришли вторую часть Беседы, чем меня много одолжишь. Vale et potemus! [3] *К. Б.*

---

[1] Это ни к чему не ведет *(фр.)*.
[2] Богатые люди — это оборванцы, которым делают подачки *(фр.)*.
[3] Будь здоров и выпьем! *(лат.)*

94. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Август 1811. Хантоново>

Более двух месяцев, любезный друг, как не получаю от тебя ни строки. Что значит твое молчание? Ты болен? Но Полозов не дремлет: он иногда за тебя пишет. Что с тобою сделалось? Я бы должен начать с упреков, но их в сторону. Конечно, забыть друга своего в деревне, не писать к нему ни строчки, тогда как он более всего имеет нужды в письмах,— что я говорю? в одной строчке от своего Гомера,— есть дело бессовестное. Но еще раз, бог с тобою!

Я теперь сижу один в моем домике, скучен и грустен, и буду сидеть до осени, может быть, до зимы, т<о> е<сть> пока не соберу тысячи четыре денег, pour faire tête à la fortune [1], и тогда полечу к тебе на крыльях надежды, которые теперь немного полиняли.

Что ни говори, любезный друг, а я имею маленькую философию, маленькую опытность, маленький ум, маленькое сердчишко и весьма маленький кошелек. Я покоряюсь обстоятельствам, плыву против воды, но до сих пор, с помощию моего доброго Гения, ни весла, ни руля не покинул. Я часто унываю духом, но не совсем, а это оправдывает мое маленькое... mon infiniment petit [2] (вспомни Декарта), которое стоит уважения честных людей. Я заврался, но ты меня понимаешь, что тебе делает большую честь. Я заврался, но знаешь ли отчего? Оттого, что пустился в философию. Это со мной обыкновенно бывает по осени.

Я читаю теперь С<ен>-Ламберта и бываю доволен, как ребенок. С.-Ламберт добрый человек, с ним весело беседовать, по крайней мере лучше, нежели с Шатобриа-

ном, который, признаюсь тебе, прошлого года зачернил мне воображение духами, Мильтоновыми бесами, адом и бог знает чем. Он к моей лихорадке прибавил своей ипохондрии и, может быть, испортил и голову и слог мой: я уже готов был писать поэму в прозе, трагедию в прозе, мадригалы в прозе, эпиграммы в прозе, в прозе поэтической. Не читай Шатобриана!

Но что делают ваши Славяне? Бываешь ли ты во пиру во Беседе? Ныне осень на дворе, и пчелы сбираются в улей, и в вашем улье дым коромыслом. Один читает; другой говорит: изрядно; третий хвастает, четвертый хвалит себя и Шишкова, ибо Шишков воплотился. Что делает Орфей Орфеич? Что делает Шаховской? Что делают все, и в этом числе Бунина, с которой я помирился? Она написала «О счастии». Предмет обильный и важный, слишком важный для дамы. В ее поэме нет философии (а предмет философический), нет связи в плане, много чего нет, но зато есть прекрасные стихи. Прочитай конец третьей песни, описание сельского жителя. Это все прелестно. Стихи текут сами собою, картина в целом выдержана, и краски живы и нежны. Позвольте мне, милостивая государыня, иметь счастье поцеловать вашу ручку!

Клянусь Фебом и Шишковым, что вы имеете дарование.

Я ничего не пишу, все бросил. Стихи к черту! Это не беда; но вот что беда, мой друг: вместе с способностью писать я потерял способность наслаждаться, становлюсь скучен и ленив, даже немного мизантроп. Часто, сложа руки, гляжу перед собою и не вижу ничего, а смотрю,— а на что смотрю? На муху, которая летает туда и сюда. Я мечтатель? О! совсем нет! Я скучаю и, подобно тебе, часто, очень часто говорю: люди все большие скоты и аз есмь человек... окончи сам фразу. Где счастие? Где наслаждение? Где покой? Где чистое сердечное сладострастие, в которое сердце мое любило погружаться? Все, все улетело, исчезло... вместе с песнями Шолио, с сладостными мечтаниями Тибулла и милого Грессета, с воздушными гуриями Анакреона. Все исчезло! И вот передо мной лежит на столе третий том «Esprit de l'histoire» par Ferrand [3], который доказывает, что люди режут друг друга затем, чтоб основывать государства, а государства сами собою разрушаются от времени, и люди опять должны себя резать и будут резать, и из народного правления всегда родится монархическое,

и монархий нет вечных, и республики несчастнее монархий, и везде зло, а наука политики есть наука утешительная, поучительная, назидательная, и истории должно учиться размышлять... и еще бог знает что такое! Я закрываю книгу. Пусть читают сии кровавые экстракты те, у которых нет ни сердца, ни души.

Теперь берусь за Локка. Он говорит мне: для счастия своего ищи, ищи истины. Но где она? Был ли он сам меня счастливее? Гоббес боялся чертей, а сам писал против бестелесных тварей. Так, мой Николай, науки не могут питать сердце. Они развлекают его на время, как игрушки голодных детей, а сердце все просит любви: она — его пища, его блаженство; и мое блаженство — ты знаешь это — улетело на крыльях мечты. Есть ли у меня желания? Есть ли надежда? Я часто себя спрашиваю, и отвечаю: нет!

Вот длинная казанья. Но о чем говорить? Здесь новостей нет и не бывало. Новости у вас; итак, пришли мне их поболее, но самых приятных, самых веселых: иначе я тебе расшевелю всю мою ипохондрию. Прочитай мое письмо за чаем, прочитай наедине, вздохни, улыбнись и скажи: я люблю его по-прежнему. Прости, мой любезный Николай, пиши почаще и пришли мне чего-нибудь почитать. Нет ли Крылова? Я и безделке буду рад, а за Крылова скажу спасибо. *Константин Батюшков.* В Череповец.

---

[1] чтобы противостоять судьбе *(фр.)*.
[2] мое бесконечно малое *(фр.)*.
[3] «Дух истории» Феррана *(фр.)*.

95. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

26 августа 1811. <Хантоново>

Ваше сиятельство милостивый государь князь Петр Андреевич! Я имел счастие получить письмо ваше, которое весьма обрадовало *мое бесконечно малое*. Вы, Милостивый государь, мудрец в семнадцать лет, открыли много истин для блага человечества, имели дух пройти чрез все поприще познаний человеческих и сделали по части философии несравненно более завоеваний, нежели Александр, родившийся в Пеллѐ; этого мало: вы украсили чело ваше миртами божественных муз и граций,

а «Вестник Европы» эпиграммами; вы имеете много вкуса, серую четверню и собрание новейших водевилей. Вы, князь, отрасль тех сладостных князей, которые дали свое имя Вязьме, славному городу, и пряникам, которые его сиятельство к<нязь> И. М. Долгорукий воспел вместе с Глафирою и с прочими *Гостями его сердца*, вы, князь, стихотворец, титулярный советник, материалист, друг великих людей, враг предрассудков, одним словом — наш Панар, Гамильтон, Пирон и все, что вам угодно, изволили ошибиться насчет моей души, называя ее шаликовскою. Войдите в себя, ваше сиятельство! Спросите себя хладнокровно, может ли *такой-то* иметь душу редактора «Аглаи», творца свободных чувствований, в которых ничего свободного, ниже вольного, не бывало, и потом сделайте ваше заключение; я уверен, оно будет в мою пользу, и я скажу, вздохнув: и великие души ошибаются!

Честь имею быть с чувством глубочайшего почитания к дарованиям, особливо же к душе вашей, которая велика, пространна, гибка, тверда, упруга и имеет все качества того, что Вас делает князем, а не княгинею. Преданный вам *Константин Батюшков.*

96. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Август — сентябрь 1811. Хантоново>

Я получил твою хартию лета 1811 г. от Р. Х. в месяце аугустие, в начале жатвы, то есть в конце лета, исправно в моей келье, где молюсь о братие, утопающей в мирской суете, и о тебе, сыне Адамле.

Получил — и засмеялся. Куда девалось твое хладнокровие, твоя рассудительность, доблесть ума и сердца? Куда сокрылась твоя философия, опытная и отвлеченная, твоя наука наслаждаться, быть счастливым, покойным, довольным, посреди разврата, недостатка, пресыщения, посреди треволнения страстей человеческих? Все сие исчезло, яко дым от лица земли, и ты, мой философ, сделался вялее женщины, угрюмее женевца Руссо и безрассуднее и той и другого. Ты сердишься на людей? Они тебя обманули? — Чудак! — Ты в них обманулся! Чего ожидал от них? — услуг, дружбы, благоволения за то, что пишешь хорошие стихи!!! Ошибся, и после того вздумал поносить человечество. Дарование есть упрек,

укоризна; оно — враг тончайшей из страстей, самолюбию. Люди его ласкают сначала (ибо оно нам доставляет минутное удовольствие), но вскоре опомнятся и рано или поздно отмстят. Вот твоя участь! Но из этого я не заключаю, чтоб все были подлецы или дураки, и смело исключаю тех, которые нам желали когда-нибудь добра. Прибавь к тому, что поэзия, сие вдохновение, сие нечто *изнимающее* душу из ее обыкновенного состояния, делает любимцев своих несчастными счастливцами. И ты часто наслаждаешься, потому что ты пишешь, и ты смотришь на мир с отвращением, потому что ты пишешь.

Я получил твою 9-ю песнь. Мое суждение пришлю. Теперь скажу тебе, что я нашел в ней много ошибок против языка, против ударения слов: ошибки важные, которые ты должен исправить. Я нашел еще много славенских слов, которые вовсе не у места. Они хороши в описательной поэзии, когда говорит поэт, но в устах героев никуда не годятся: они охлаждают рассказ и делают диким то, что должно быть ясно. Я нашел много излишней простоты; стихи твои слишком мало украшены, слишком похожи на перевод, на прозу: это ошибка важная. В стихах твоих много мягкости, гармонии, но иные грубы, и есть стечение слов и звуков вовсе неприятных. Исправь это или, лучше сказать, дай времени исправить ошибки сии, которые принадлежат к слогу, без которого нет прочной славы. Я жалею, что не могу с тобою поговорить обо всем этом лично! Я, может быть, принес бы тебе пользу. Но Кострова не страшись. Я его не читал в «Вестнике», да и читать не хочу после твоего перевода. Он писал, покойник, хорошо, но он, вопреки своей славе, состарелся. Бог знает, что тому виною! Не славенский ли язык и его *сице* и сели в *колеснице*? Он имел дарование, но я уверен, что ты гораздо более вникнул в дух Гомера, одним словом, что у тебя более сего чувства изящного, которое должно иметь, переводя божественного слепца. Берегись одного: *славенского языка.*

Каченовский меня не удивляет. Мерзляков любит хвалить себя, себя и еще себя. Эти люди Карамзина не ставят ни в грош. Для них ничто цены не имеет и иметь не может. И что значит их похвала? Я знаю, что тебя ценить умеют люди с сердцем и с истинным дарованием: я это слышал, и с меня довольно. Я рад, что ты переменил свое мнение о Славенофиле. Что он написал хорошего? Хотя бы одну страницу! — Кого он хвалил? Кем восхищается? Мертвыми, потому что они умерли, да живыми-мертвы-

ми! Нет, мой друг, тот, кто восхищается Шихматовым, Суворовым-профессором, Захаровым и прочими, не имеет, да иметь не может дарования.

Что с тобою сделал Катенин? Это меня беспокоит. Я от него ожидал ума.

Я непременно напишу мои замечания и привезу их с собою. Здесь впечатления будут совершенно чисты: я буду говорить то, что я чувствую, и суждение других никакого влияния на мое суждение иметь не будет. После я бы желал считаться с тобою. Я уверен, что некоторые замечания будут справедливы. Зима нас соединит. Могу ли пристать у тебя недели на три, на месяц, пока моя судьба решится? Дай мне знать, и еще раз уведомь меня, что буду я принужден делать для получения места, как и к кому адресоваться, одним словом — что ты придумаешь лучшего. Ты видишь там вблизи и людей, и вещи, и совет твой мне будет полезен.

Посылаю тебе десять рублей в этом письме на всякий страх. Купи табаку турецкого лучшего и пришли по первой почте. Живи, будь умен и люби меня, как друга, как человека, который имеет душу для того, чтоб любить тебя. *Конст. Б.*

Пришли каких-нибудь книг, поклонись Измайлову и попроси его переслать мне «Цветник» — остальные нумера. Они очень интересны. Если он еще издает журнал, то я ему кое-что пришлю. Выпроси его «Сказки», мне охота здесь их прочитать наедине.

97. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

9 сентября 1811. <Хантоново>

Ты женишься? Я этому верю и крепко не верю. Но так как в нашем мире ничего чудесного нет и не бывало, и то, что нам кажется странным, даже необыкновенным, через год — что я говорю? — через месяц покажется простым, даже необходимым, то я и заключаю, что ты, мой чудак, можешь жениться, народить детей и с ними в хорошую погоду прогуливаться по булевару... Впрочем, если б ты женился, даже вздумал сделаться монахом или издателем «Русского вестника», и тогда б я тебя не перестал любить, ибо мне любить тебя столько ж легко, сколько тебе удивлять род человеческий, живущий в белокаменной Москве, в которой я постараюсь быть,

если позволят обстоятельства, за тем единственно, чтоб тебя обнять женатого или неженатого. Дай мне ответ, я его ожидаю. Прощай и будь счастлив. *Константин Батюшков.*

12 сент<ября>

Я перечитал твое письмо и теперь более верю слогу, нежели словам: ты женишься! Дай себя обнять, любезный друг, и пожелать тебе от чистого сердца счастия и вечного счастия, которое у тебя в руках и даже, может быть, в голове. Не знаю, увижусь ли с тобой нынешним годом; кажется мне, что нет, но я бы охотно отдал госпоже судьбе половину моих надежд, половину сна и все мои рифмы — вот все, что имею наличного,— чтоб тебя, мой друг, обнять, тебя, супруга и отца семейства!

98. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Октябрь 1811. Хантоново>

Ты все выжидаешь времени ко мне писать, и это время приходит и уходит, и ты ко мне не пишешь или пишешь, но редко, очень редко, любезный мой лентяй! Строганов умер! — Мир праху его! — Был добрый человек, был русский герцог Рокелор, остряк, чудак, но это все приправлено было редкой вещию — добрым сердцем; и я об нем жалею, и жалею о тебе, ибо ты в нем много потерял. Что делать? утешиться как можно, жить и валить пень через колоду!

Когда же парки тощи
Нить жизни допрядут,
И нас в обитель нощи
Ко прадедам снесут,—

тогда всему конец. А пока у меня хлопот выше ворот. Каких? — Ни слова! ибо тебя не хочу с ума сводить глупостями, а так как приятно с другом разделить и горесть, то скажу тебе, что мне никогда так скучно не бывало. Я все еще в деревне и не наверное буду в Питере: все зависит от судьбы, с которой я борюсь, как атлет, храбро, пока станет сил. Беда со всех сторон, а отрады ни от кого. Хотя б в Беседе писали поумнее, хотя б для

моего спокойствия Каченовский врал менее, Хвостов — забавнее, и Шишков более стихами на образец «Крепости» или того примера, который *цитирует* Державин: «Купаться, купаться теперь нам пора». Вот чего я требую от судьбы, кажется, немного!

Моли Бога, чтоб я приехал в Питер. Ведь я тебя давно не видал! Что с тобою делается? Как ты ведешь себя? Чем промышляешь? Любишь ли меня? Здорова ли Мальвина? Не знаю, как тебе, а мне ты очень нужен, ибо я начинаю сходить с ума от скуки и от бедности в живых ощущениях. С кем здесь говорить, кто поймет меня! Одним словом, меня и люди и обстоятельства застудили. Я становлюсь тверд, яко *Крепость* Шишкова, отца Шишкова (я ему прилагаю слово *Отец*, точно так, как Виргилий Энею: pater Aeneas [1]); я становлюсь глуп и туп, яко Шихматов; я становлюсь дерзок, яко Каченовский, остер и легок, как Карабанов, миловиден, яко мученик Штаневич, распятый Каченовским. Я становлюсь не тем, что был, но гораздо хуже, вялее, рухлее, нежели Саула Песнопение.

Кстати об Сауле, читал ли ты сию кантату? Как Саул засыпает! О, это бесподобно! — Вот карикатура! — Да и как не заснуть от этой меры:

Колебав, приподняв...
вот хаос!.. Бездна... Глубоко!
Высоко!.. Лира!

Пришли мне табаку, или я на тебя очень рассержусь и выпишу из списка честных комиссионеров, хороших стихотворцев и услужливых друзей! Дурак! Можно ли мне жить без табаку в этом *безмолвном уединении*!

Я рад, что мои замечания понравились. Буду еще присылать и замечу гораздо исправнее, нежели наши астрономы комету. Хороши *ученые* Цыфиркины!!! Они скоро и солнца на небе не приметят! Чем эти люди напиваются! — Ром и вино так дороги! Пиши ко мне чаще. Не видал ли ты Пушкина? *К. Бат.*

---

[1] отец Эней *(лат.)*.

99. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

17 октября 1811. <Хантоново>

Верю, мой милый друг, верю, что ты вступаешь в храм Гименея; верю твоему счастию и проклинаю судьбу, которая меня лишает удовольствия пропеть эпиталаму, обнять тебя и выпить за здравие кубок фалернского, в который я готов погрузить все мои печали и горести, протекшие и будущие, все заботы, все дурные стихи, одним словом,— все, кроме чувств дружества, ибо все суета сует, мой милый друг... Но, увы! Я поневоле должен читать моего Горация и питаться надеждою, ибо настоящее и скучно и глупо. Я живу в лесах, засыпан снегом, окружен попами и раскольниками, завален делами и, вздыхая от глубины сердца, говорю, как Лафонтенова перепелка:

S'il dependoit de moi, je passerois ma vie
En plus honnête compagnie [1].

Потом я должен ехать в Питер: должен, ибо клянусь тебе моим здравым рассудком, что я бы предпочел всему Москву, в которой живет Вяземский, которого я люблю и который, может быть, меня посылает к черту. Сколько *которых*! извини! я разучился писать.

Ты был болен! Конечно, от желудка, береги себя и кушай меньше: умереть от обжорства — смерть, конечно, и славная и завидная, но не в твои лета, притом же и не теперь, когда могут плакать прелестные глаза об тебе, мой баловень! Болезнь твоя прошла; ты женат. Я часто мысленно переношусь в Москву, ищу тебя глазами, нахожу и в радости взываю: Се ты! се ты! — супруг, семьянин, в шлафроке и в колпаке, поутру за чайным столиком, ввечеру за бостоном! Quantum mutatus ab illo! [2] Я начинаю верить влиянию кометы, и ты тому причиною. Все к лучшему, дай руку! Будь счастлив и прости! *К. Б.*

Если ты женат, мой любезный друг, то *повергни* к ногам княгини мое поздравление и целый короб желаний о счастии, желаний самых усерднейших, за которые ты можешь ручаться головою; скажи ей — и ты не солжешь,— что этот чудак ни к чему не годен, но он более смешон, нежели глуп, более добр, нежели глуп; что этот чудак тебя любит, как брата; что ты его любишь, как сам себя: vous pourrez en rabattre quelque chose [3], и потому-то

он может вопреки своим странностям казаться вам весьма любезным Вот что ты скажешь княгине, но гораздо красноречивее, острее, одним словом — так, как говорит Василий Львович, когда не заикается и не плюет.

---

[1] Если б это зависело от меня, я бы провел свою жизнь в более порядочном обществе (*фр.*).
[2] Насколько переменился он (*лат.*).
[3] ты можешь кое-что убавить (*фр.*).

100. Н. И. ГНЕДИЧУ

7 ноября <1811. Хантоново>

Я получил, любезный Николай, твое меланхолическое письмо, твои меланхолические стихи и твой турецкий табак и всеми тремя весьма доволен. Так, любезный мой друг, я живу в деревне, и в какой деревне! Где ни души христианской нет.— Но зачем живешь ты в деревне? Ты влюблен? В кого, смею вас спросить? В скуку? Должен ли я клясться и Стиксом и всеми божествами, что я здесь живу поневоле. Да, поневоле! Я имею обязанности, имею сестер; к тому же столько хлопот домашних, столько неудовольствия, что, вопреки здравому рассудку, вопреки себе и людям, должен *особиться*, как говорит сиятельный моряк и пиита Шихматов. Если же позволят обстоятельства, то буду в Питер, буду с тобою и буду счастлив, хотя и ненадолго. Вся моя надежда на Оленина; я знаю его на опыте, знаю, что он готов служить всякому, а меня он, кажется, и любит; но что он для меня в силах сделать? Дать мне место. Какое? Нет, я не так дешево продам свободу, милую свободу, которая составляет все мое богатство. Тысяча рублей жалованья для меня не важны: я и без хлопот могу достать более, трудясь около крестьян или около книжных лавок. Называй меня чем хочешь, мечтателем, сумасшедшим и хуже еще, а я все буду напевать свое: *дипломатика*! Я готов ехать в Америку, в Стокгольм, в Испанию, куда хочешь, только туда, где могу быть полезен, а служить у министров или в канцеляриях, между челядью, ханжей и подьячих, не буду; нет, твой друг не сотворен

Расставщиком кавык и строчных препинаний.

Он был некогда солдатом, хотя и весьма миролюбивым; он нюхал порох, хотя и не геройским носом; но как бы то ни было, он везде и всегда помнил своего Го-

рация и независимость предпочтет всему, кроме благодарности, кроме ее святых обязанностей, ибо он не может откупиться от нее красноречием, как этот чудак, который родился в Женеве и умер в Ерменонвиле, как Жан-Жак! Что же касается до любви, то она улетела, изменница, и никогда не заглянет к человеку, который начал рассуждать и мыслить, который разочарован и людьми и несчастиями, который на женщин смотрит, как на кукол, одаренных языком и еще язычком,— и более ничем. Я их узнал, мой друг: у них в сердце лед, а в головах дым. Мало, хотя и есть такие, мало путных.

Я тибуллю, это правда, но так, по воспоминаниям, не иначе. Вот и вся моя исповедь. Я не влюблен.

Я клялся боле не любить
И клятвы, верно, не нарушу:
Велишь мне правду говорить?
И я уже немного трушу!..

Я влюблен сам в себя. Я сделался или хочу сделаться совершенным *Янькою*, т<о> е<сть> эгоистом. Пожелай мне счастливого успеха. Спасибо за описание моих успехов. К ним нельзя быть нечувствительным; они — суть мечта,— но всегда приятная для сердца. Называй славу, как хочешь, а слава есть волшебница весьма волшебная.

«Мечта» понравилась, но, конечно, не всем. Этот род стихов не можно назвать общим. Притом же в ней много ошибок, а плану вовсе нет. Жуковский ее называет арлекином, весьма милым: я с ним согласен. Она напечатана с поправками, но я ее и еще раз переправил. Увидишь сам, каково.

Посылаю и тебе твои стихи. Я заметил кое-что и намекнул поправки. Есть прекрасные места. Конец очень хорош, и вся пиеса хороша, только должно почистить.

Это *почистить* напоминает мне анекдот, который я слышал от Карамзина. Покойник Херасков, сей водяной Гомер, любил давать советы молодым стихотворцам и, прощаясь с ними, всегда говорил, приподняв колпак: «Чистите, ради Бога, чистите, чистите! В этом вся и сила. Чистите! О! чистите, как можно более чистите, сударь! Чистите, чистите, чистите!»... Начало поправь:

Ты будешь чело мое мрачить бременя.

Бременя — мне не нравится; и этот стих холоден, ибо дело не о челе, а о сердце, о душе, о сердечных чувствах.

Есть ошибки против меры, оттого что ты короткие слова ставишь вместе с долгими: от этого родится негладкость. Исправь и это. И ради бога, пришли мне эту пиесу. Она мне по сердцу и очень хорошо написана. Прибавь еще la mélancolie de Laharpe [1], вот она и будет кстати в описании сладостной мечты. Подражай смело. Здесь она personnifiée [2]. Все стихи прекрасны и достойны перевода. Боже мой, чем Капнист занимается? Добро бы свое выдумывал? А то старые бредни выпускает на свет, бредни дураков шведов, упсальских профессоров, бредни Бальи-астронома, бредни этимологистов, которым насмеялся Вольтер досыта, бредни людей сумасшедших, бредни бесполезные, которые не питают ни ума, ни сердца, бредни головы аж гуде! Не лучше ли было заниматься критикой русской истории или словесности, изобличением Шишкова, начертанием жизни Ломоносова, жизни, которую можно написать столь хорошо перу красноречивому? О, жалкий ум человеческий! Прости!

Вылечи обструкции водой и моционом.

---

[1] меланхолию Лагарпа *(фр.)*.
[2] олицетворена *(фр.)*.

101. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Конец ноября 1811. Хантоново>
Числа не знаю.

Я имел нужду в твоем письме, любезный мой друг. Будучи болен и в совершенном одиночестве, я наслаждаюсь одними воспоминаниями, а твое письмо привело мне на память и тебя, и Жуковского, и наши вечера, и наши споры, и наши ужины, и все, что нас веселило, занимало, смешило, начиная от Шишкова до слуги *Пушкина*, того Пушкина, который теперь, с кудрявой головой, в английском фрачке, с парой мадригалов в штанах и с большим Экспромтом, заготовленным накануне за завтраком, экспромтом, выписанным из какого-нибудь Almanach des Muses, является в обществе часу около девятого, пьет чай, картавит по-французски, бранит славенофилов, хвалит Лагарпов Псалтырь и свою бледную красавицу и, наконец, когда ночь спустится на петропольские башни и ударит полночь, наш Пушкин,— который никогда не ужинает — pian pianino [1] возвращается домой в объятия

своей Пенелопы-Малиновки и... и... с помощью муз и Феба он делает то, что делал девять месяцев перед тем днем или ночью, в который он назвал себя в первый раз отцом своего исчадия и, подобно Гектору, прижал к груди своей нового Астианакса. Вот тебе гадательная история о Пушкине, а моя еще глупее. Так, любезный мой шалун, не увижу тебя в халате, нет, судьбы иначе гласят: будь болен, сиди сиднем, а что еще хуже, поезжай в Питер, гляди на Славян и Варягов, на Беседу, на Академию и черт знает на что! Поверь мне, что если б можно было, то я бы летел в Москву, летел бы в Сурат, чтобы с тобой увидеться и насладиться твоим ЛИЦЕЗРЕНИЕМ и пожать твою руку и сказать тебе... все, что придет на сердце. Но ты сам сказал весьма благоразумно: «Перст судьбы куролесит»... а человек молчит! Dixit [2].

А прибавлю следующее:

Вяземский за неимением времени рассуждать сделался энтузиастом, хвалит и восхищается и, будучи на розах (благодаря Бога), все находит прелестным, бесподобным или меня морочит. Милонов у него сделался Державиным за то, что перевел Горациеву оду! Шутки в сторону, перевод хорош, но есть и слабости. Милонов с большим дарованием, но никогда того не напишет, что написал наш Орфеич, сей божественный стихотворец и чудесный враль. Милонова перевод у меня перед глазами, но мне надобно быть поснисходительнее, потому что — позвольте высморкаться и прокашляться! — я и сам написал кое-что... что прошу прочитать и сказать ваше суждение без всякого пристрастия.

(Это конец послания к Пенатам. Поэт, то есть я, адресуется к Вяз<емскому> и Жук<овскому>; но этого не показывай никому, потому что еще не переправлено; переписать все лень и лень необоримая. Конец живее начала. А?)

Впрочем, любезный друг, я начинаю сердиться на стихи, особливо на тех людей, которые жизнь свою проводят над какими-то игрушками, и все это для потомства! Самый В. Пушкин, Пушкин, который усовершенствовал себя под шестьдесят лет, этот Пушкин удивительно смешон, и я готов сказать ему, слушая его послание: Что это доказывает?.. Конечно, стихи дело прелестное, но они похожи на вино, и от них можно опьянеть. Трудно найти середину: от Нелединского до Хвостова один шаг. Я читал Иванова стихи и в них много хорошего.

очень счастливо. Но этот стих совершенно купеческий:

Ты без белил бела, ты без румян румяна.

Вот два стиха, которые вовсе друг на друга не похожи.

Что с Жуковским сделалось? Он вовсе перерождается. Теперь надобно ему подраться с кем-нибудь на пистолетах, увезти чью-нибудь жену, перевести Пиронову оду к Приапу, заболеть приапизмом и наконец застрелиться: последнее он может отсрочить до тех пор, пока я и ты не отправимся за Стикс, ибо что нам делать без него, а он, злодей, и без нас живет припеваючи.

Так как без некоего усилия ума я не могу ясно вообразить себе, что ты женат и живешь в приходе Иоанна Милостивого под одной кровлею, рука в руку, с прелестнейшей из женщин, счастливейшим мужем, пламенным любовником, домовитым хозяином и степенным гражданином Москвы, то я, любезный мой друг, по-старому буду тебя просить писать ко мне почаще, точно так, как будто у тебя по-старому много праздного времени, много шалостей в голове и в сердце — место для дружества, не занятое чем-нибудь и лучшим и прелестнейшим: любовью!

Пиши ко мне. За делами и за лихорадкой я еще останусь недели три здесь, и письмо твое застанет твоего Батюшкова.

В каком состоянии Москва? Что делается у вас? Курится ли фимиам на алтаре добродетели («Остров Борнгольм»)? Что делают Пушкины, Давыдов и все, что я знаю? Нет ли анекдотов для *назидания* ума и сердца? Как ты проводишь время свое? Где Батонди? Куда девался Велеурский? Скоро ли будет к вам Жуковский? Вот вопросы — дай хоть один ответ.

Сделай одолжение, любезный князь, пришли мне музыку на мой романс; ты меня очень одолжишь: я ее велю сыграть моему музыканту на фаготе. Если Велеурский уехал, то попроси его, чтоб он тебе прислал эту штуку.

---

[1] потихоньку *(ит.)*.
[2] Он сказал *(лат.)*.

102. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

27 ноября 1811. <Хантоново>

Милостивая государыня тетушка Катерина Федоровна. Имею честь поздравить Вас с протекшим днем Вашего Ангела, которому я молился от всей души, чтоб он вас наградил здравием, спокойствием и, если возможно, благополучием, которого Вы, любезная тетушка, столько достойны. Я от Вас ни строки не имею; писал с сестрицей, но и она, и вы меня забыли: ответа нет как нет! О господине Петра я и говорить не хочу: но не болен ли он? А братец Никита? Знайте же, любезная тетушка, что я на всех начинаю посерживаться, выключая Вас, и то потому только, что этого мне невозможно. Меня задерживали хлопоты и дела в деревне; по окончании их я отправляюсь в Питер; но где б ни находился, везде буду вас любить и почитать, как моего Ангела-хранителя, которому себя поручает *Константин Батюшков.*

103. Н. И. ГНЕДИЧУ

<27 ноября — 5 декабря 1811. Хантоново>

Сию минуту получил я твое письмо и сию минуту отвечаю, пока сердце мое не заснуло, пока я могу еще на тебя сердиться. Выслушай и отвечай!

Если я говорил, что независимость, свобода и все, что тебе угодно, подобное свободе и независимости, суть блага, суть добро, то из этого не следует выводить, что Батюшков сходит с ума и читает своего Горация, Балдуса, Скривериуса и Матаназия с Метафрастиком, печатного или рукописного в Lipsia или в Лейдене, или где тебе угодно. А из этого следует именно то, что Батюшков, живучи один в скучной деревне, где, благодаря судьбе, он, кроме своего Якова да пары кобелей, никого не видит, не слышит и не увидит, и не услышит; Батюшков не хочет и не должен, зная себя столько, сколько человек себя может знать, не должен, говорю я, променять своего места на место канцлера, архиерея или камергера; ибо теперь Батюшков, так как ты его видишь, скучает и имеет право скучать, ибо в 25 лет погребать себя никому не приятно. Но тогда, переменя свое место на другое, несвойственное, неприличное, господин Батюшков был бы вдвое несчастнее и, что всего хуже,

вдвое глупее, несноснее для себя, для других и для самого Гнедича. Еще раз, и да будет это в последний, разуверь себя на мой счет и не делай заключений, вредных дружбе, оскорбительных моему сердцу, ибо я всегда думал и думаю, что мечтатели, если и могут иметь пламенную голову, сильное воображение, ум, все, что тебе угодно; зато не имеют души, и в сердце их холодно, как теперь на дворе; а я чувствую, мой друг, что у меня есть сердце всякий раз, когда помышляю о тебе и о людях, мне любезных. Еще раз повтори себе, что Батюшков приехал бы в Петербург, если б его дела не задерживали в деревне, если б имел в кармане более денег, нежели имеет, если б знал, что получит место и выгодное и спокойное — да, спокойное, где бы он мог ничего не делать и не кланяться подьячим, людям ничтожным,— он бы приехал; а если не едет, то это значит то, что судьба не позволяет... и проч.— Но нет, ты свое бредишь и всегда, что хуже всего, не своей головой, ибо у тебя ум велик или мал, но благодаря Бога, здоров, а бывает болен тогда только, когда страсть или другие умы, умищи и умишки сведут с истинного пути. Их суждением я не дорожу, их советов не хочу, их сожаления не требую, ибо они для меня... только что забавны; но тебе, мой друг, тебе стыдно меня обижать заключениями странными и оскорбительными. Если я тебе не открывал моих чудесных обстоятельств, то это именно потому, что ты мне пособить не можешь; в слезах твоих я нужды не имею... но в утешении имею нужду. Мы други, и я смею тебя назвать так, мы други не с тем, чтоб плакать вместе, когда один за тысячу мириаметров от другого, не с тем, чтоб писать обоюдно плачевные элегии или обыкновенщину, но с тем — и это ты на опыте доказываешь, когда не заразишься посторонним чадом, с тем, говорю я, чтоб меняться чувствами, умами, душами, чтоб проходить вместе чрез бездны жизни, ведомые славою и опираясь на якорь надежды. При имени славы ты, верно, не засмеешься; а если засмеешься... то загляни в свое собственное сердце. Я писал о независимости в стихах; о свободе в стихах; на судьбу мою никому, кроме тебя, не жаловался, и то в прозе; а служить из тысячи рублей жалованья титулярным советником, служить и готовиться к экзамену, подобно Митрофану, твердя «Аз есмь червь, а не человек, поношение роду человеческому», повторять зады и набивать себе голову римским кодексом, поэтическими подробностями из Зябловского, аксиомами

из Эвклида, служить писцом, скрибом в столице, где можно пить, где я пил из чаши наслаждений и горестей радость и печаль, но всегда оставался на моем месте,— нет, нет, это все свыше меня! и свыше тебя!

Что ты делал в жизни своей? Кому ты продал свою свободу? Никому. И я это докажу тебе в двух словах. В департаменте ты мог получить более, нежели получаешь ныне. Служа в пыли и прахе, переписывая, выписывая, исписывая кругом целые дести, кланяясь налево, а потом направо, ходя ужом и жабой, ты был бы теперь человек, но ты не хотел потерять *свободы* и предпочел деньгам нищету и Гомера. В департаменте ты бы мог быть коллежским советником, получить крест, пенсион, все, что угодно, потому что у тебя есть ум и способности, но ты не хотел потерять *независимости* и остался бы титулярным советником до скончания века, если б не рука благодетельного Гения, не рука Великой княгини дала тебе чин и пенсион, звание честного человека и кусок насущного хлеба. Чем же ты хвастаешь передо мною? Какой-то опытностию! Гнедич! Гнедич! эту опытность — к несчастию моему — и я приобрел, эту опытность — и скучную, и едва ли не пустую. Я привык смотреть на людей и на вещи с надлежащей точки: меня тому научили и годы, и люди, и несчастия. Les malheurs m'ont mis au rang des sages [1], говорит мудрец. Я не философ, но по крайней мере имею драхму рассудка, а я враль в твоих глазах, потому что мелю вздор на рифмах, враль, потому что говорю то, что мыслю, враль, потому что тебя в том уверили умные люди, которые мастера давать советы, когда их не просят, мастера сожалеть и злословить. Приятель наш Беницкий, который имел ум и сердце, сказал: «Везде встречаются быки И поученья».

Ты помнишь эту басню? — и он сказал правду! Но дело не о том: мне обидно, любезный друг, не столько душе моей, ибо она всегда согласна с твоею, сколько моему самолюбию; обидно то, что ты разговариваешь со мною точно так, как с ребенком или постником, который от изможления плоти видит духов, des anges violets [2], слышит, подобно Пифагору, пение и гармонические гласы планет небесных, а не видит, не слышит того, что его окружает. Брось, кинь навсегда эту привычку! Друг твой не сумасшедший, не мечтатель, но чудак (la faute en est aux dieux qui m'ont fait si drôle) [3],— но чудак с рассудком. Я говорю о путешествии: ты пожимаешь плечами. Но я тебя в свою очередь спрошу: Батюшков был

в Пруссии, потом в Швеции; он был там сам, по своей охоте, тогда как все ему препятствовало; почему ж Батюшкову не быть в Италии? «*Это смешно*», говорил мне Баранов в бытность мою в Москве.— Смешно? — а я докажу, что нет! Если фортуну можно умилостивить, если в сильном желании тлеется искра исполнения, если я буду здоров и жив, то я могу быть при миссии, где могу быть полезен. И еще скажу тебе, что когда бы обстоятельства позволяли и курс денежный унизился, то Батюшков был бы на свои деньги в чужих краях, куда он хочет ехать за тем, чтоб наслаждаться жизнию, учиться, зевать; но это все одни *если* — и то правда — но *если* сбыточные. А если небо упадет, говорит пословица, то перепелок передавит... если... если...

Но ты сбираешься в Москву? Зачем? Подумай хорошенько... А для меня не оставайся в Питере, хоть твой отъезд и будет мне неприятен и весьма неприятен. Сию минуту принесли мне денег. Если еще столько, да еще столько, то я поеду в Питер; прибавь к тому еще одно если... Что же до Москвы касается, то я ее люблю, как душу; но там — вот тебе и мой совет — он похож на совет того гасконца, который говорил архитекторам парижским: «Cadedis, messieurs [4], если вы будете строить мост (le Pont-Neuf) [5] вдоль реки, то никогда не успеете, а я вам советую строить поперек»,— мой совет иметь больше денег; в Москве все дорого; нужна, необходима карета четверней и проч., тогда будешь человек! а без того не езди, мой друг; дождись меня, дождись моих замечаний на Гомера и на твою бедную голову; дождись моих мараний и Ариоста, который теперь почивает весьма спокойно. Но нет, поезжай в Москву, если требует долг и твоя польза, то ради Бога не связывайся с вралями: они мне надоели пуще всего.

Еще одно замечание на твое письмо: «Я имею неотъемлемую свободу судить, что мне прилично и не прилично, и действовать таким образом».

Эту фразу подари Каченовскому: он тебя поблагодарит. Он, имея не-отъ-ем-ле-му-ю свободу судить, изволит забавляться насчет Мольера, Вольтера и всех умных французов весьма забавным и глупым образом. Там, где он не умничает,— он сносен; там, где он начинает умничать,— он делается педантом, совершенною фитою. Но дело не о том: по силе неотъемлемой свободы мыслить, и замечать, и действовать, пиши ко мне почаще, не отговариваясь ни ленью, ни делами, ни болезнию.

Твоих писем я дожидаюсь с нетерпением: это единственное средство с тобою говорить, и было бы слишком бесчеловечно лишать меня твоей беседы за ленью, за делами и за болезнию.

Не видал ли ты Пушкина! Он написал послание к Дашкову, Измайлов — басни, сказки, видения и проч., а ты мне этого не присылаешь. Еще повторю тебе: пиши поболее, пиши о себе, о других; но мне не надобно истин, какова эта: «Я живу в Петербурге, ты живешь в деревне по свободным обязанностям». Что я живу в деревне, это я знаю; что ты живешь в Петербурге, и это я чувствую; но что значат свободные обязанности? «О логика, несть без тебя спасения!» — говорит Синекдохос. Заметь, что ты это сказал весьма серьезно.

Открылась ли Беседа? Что делают ваши петухи? Зачем хочешь печатать в Беседе? По крайней мере, я не советую: надобно иметь характер и золота в навоз не бросать, истинно в навоз, ибо, кроме Горация Мур⟨авьева⟩ и Крылова басен, там ничего путного я не видел. Львова стихи похожи на Шаликова и напоминают мне «Le ruisseau amant de la prairie» [6], сонет Фонтенелев, над которым со смеху надседался Вольтер. Ни слогу, ни мыслей, ни стихов! Все площадное! вялое! У Шишкова мысли жидкие, а слог черствый. А Штаневич? Бездна премудрости — совершенный Шатобриан, но без ума, без воображения! — Нет! Я им слуга покорный! — «Вестник Европы» худ или хорош, а все лучше их мараний. Не печатай в Беседе, не стыди себя! Бога ради, поправь стихи в «Унынии» по моим замечаниям, и все будет прелестно.

Ни утро веселостью (ни день красотами
Не радуют чувство его): он умер душой и проч.

Прекрасно! заметь, что после цезуры в этом размере стихов надобно, чтоб ударения были весьма верны — без того все будет дурно.

Но очи отверстые *зрят одр* токмо холодный...
Как с бледных ланит его *слез токи* струясь...
Равно удаляющась * в *тень дебрей* безмолвных...

Здесь ударения глухи, и потому стихи неплавны, скачут, неприятны. После цезуры должно ставить длинные слова, и стихи будут плавнее, например:

---

* Я не люблю этих глухих усекновений. Если бы удаляясь... то было бы лучше... Вот безделки,— но важные для уха.

При девах ласкающих, в беседе с друзьями,

или по крайней мере, чтоб слоги были плавны и один другого не съедали, и потому стих, выше писанный:

Как с бледных ланит его слез токи струясь —

не так худ, хотя слова и короткие после цезуры, а все лучше поставить одно длинное.

Впрочем, все хорошо. И стихи из Лагарпа прекрасны. Еще раз переправь, не поленись, а мои замечания справедливы.

Пришли мне замечания на «Мечту»: я ожидаю их с нетерпением, ибо имею в них нужду.

Ноября 27-го дня 1811.

Все писатели, начиная от Аристотеля до Каченовского, беспрестанно твердили: Наблюдайте точность в словах, точность, точность, точность! Не пишите на место *дом* — *гром,* на место *печь* — *меч* и так далее. А ты, любезный Николай, пишешь не краснея, что мне скоро тридцать лет. Ошибся, ошибся, ошибся шестью годами, ибо 24 ни на каком языке не составляют 30. Где же точность? Я с моей стороны не упущу из рук эти шесть лет и, подобно Александру Македонскому, наделаю много чудес в обширном поле... нашей словесности. Я в течение этих шести лет прочитаю всего Ариоста, переведу из него несколько страниц и, в заключение, ровно в тридцать лет, скажу вместе с моим поэтом:

Se a perder s'ha la libertà, non stimo
Il piu ricco capel, ch'in Roma sia [7],—

ибо и в тридцать лет я буду тот же, что теперь, то есть лентяй, шалун, чудак, беспечный баловень, маратель стихов, но не читатель их; буду тот же Батюшков, который любит друзей своих, влюбляется от скуки, играет в карты от нечего делать, дурачится как повеса, задумывается как датский щенок, спорит со всяким, но ни с кем не дерется, ненавидит Славян и мученика Жофруа, тибуллит на досуге и учится древней географии, затем чтоб не позабыть, что Рим на Тевере, который течет от севера к югу; и в тридцать лет он будет все тот же, с тою только разницею, что он называет тебя другом десять лет,

а тогда к этим десяти прибавить еще пять,— но больше любить тебя, больше чувствовать к тебе и дружества и привязанности... кажется... дело несбыточное. Прощай!

(5-го декабря 1811 г.)

Вот длинное письмо, скажешь ты! Не удивляйся! Завтра ты именинник, и надобно тебя поздравить: вот зачем я еще должен прибавить целый лист. Итак, поздравляю тебя, мой милый друг, будь счастлив, весел, умен, люби меня, стихи и вино, вино — отраду нашу, по словам твоего предшественника Кострова. Но что ты всегда будешь любить стихи, вино и меня, твоего друга...

Сей старец, что всегда летает,
Всегда приходит, отъезжает,
Везде живет — и здесь, и там,
С собою водит дни и веки,
Съедает горы, сушит реки
И нову жизнь дает мирам,
Сей старец, смертных злое бремя,
Желанный всеми, страшный всем,
Крылатый, легкий, словом — *время*,
Да будет в дружестве твоем
Всегда порукой неизменной
И, пробегая глупый свет,
На дружбы жертвенник священный
Любовь и счастье занесет!

Вот мое желание, оно одинаково и в прозе и в стихах. Я тебе позволяю в мои именины написать ко мне столько же стихов и выпить за мое здоровье бутылку... воды, так как я это торжественно сделаю завтра при двух благородных свидетелях, при двух друзьях моих, при двух... курчавых собаках.

Я вчера получил собрание стихов Жуковского. Как мои стихи — «Воспоминание» — исковеркано! — иные стихи пропущены, и рифмы торчат одни! Впрочем, я этим изданием доволен, доволен твоим «Перувианцом», доволен Воейковым: «Послание о благородстве», доволен Пушкиным, доволен Кантемиром и Петровым,— а дряни все-таки целое море! Отгадайте, на что я начинаю сердиться? На что? На русский язык и на наших писателей, которые с ним немилосердно поступают. И язык-то по себе плоховат, грубенек, пахнет тарабарщиной. Что за Ы? Что за Щ? Что за Ш, *ший, щий, при, тры*? — О варвары! — А писатели? — Но бог с ними! Извини, что я сержусь на русский народ и на его наречие. Я сию минуту

читал Ариоста, дышал чистым воздухом Флоренции, наслаждался музыкальными звуками авзонийского языка и говорил с тенями Данта, Тасса и сладостного Петрарка, из уст которого что слово — то блаженство. Прощай!

Альцеста и Поликсена Мерзлякова прекрасны. Это ему делает честь. Есть места прелестные и невольно исторгают слезы.

Накануне твоих именин.

---

[1] Несчастия ввели меня в круг мудрых (*фр.*).
[2] фиолетовых ангелов (*фр.*).
[3] виноваты боги, сделавшие меня столь странным (*фр.*).
[4] Черт подери, господа (*фр.*).
[5] Понт-Неф (*фр.*) — мост в Париже.
[6] Ручеек, влюбленный в лужайку (*фр.*).
[7] Если я должен потерять свободу, то меня не утешит и богатейшая корона, которая есть в Риме (*ит.*).

104. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

19 декабря <1811. Хантоново>

Маленький Овидий, живущий в маленьких Томах, имел счастие получить твою большую хартию. Чудеса, любезный друг! чудеса! Я со смеху помирал, читая описание стычки журналистов. И Шаликов, который, оправляя розу, говорит: «Вы злой!» И Каченов<ский>, который, оправляя зонтик, отвечает: «Вы дурак!» Все это забавно — прекрасно! Что же касается до меня, любезный Москвич, то я с моей стороны принимаю спасительные меры и, боясь поражения нечаянного, хочу нарядиться в женское платье или сшить себе броню, изваять шлем, щит и прочее из Шаликова «Аглаи» или по крайней мере подбить мой старый мундир лоскутками этой ветошницы, затем что, мой милый друг, этот Грузинец опасен — cet autre Alexandre, cet autre Achille![1] Он, чего доброго... но шутки в сторону, он страшный скотина, и прошу тебя именем дружбы не писать на него эпиграмм. Если б он был человек, а не Шаликов, то стоил бы того, чтоб ему я, или ты, или кто случится, проколол ему желудок, обрубил его уши и съел живого зубами... но он Шаликов! Ради бога, не отвечай ему! Пусть Каченовский с ним воюет явно на Парнасе и под рукой в полиции, mais nous autres

N'allons pas imiter les pédants de Molière![2]

Но какой же этот Шаликов? Что это значит? Родяся мопсом, захотел в Мидасы, и Мидас прогремел кошельком и где же — на рынке! Ah, toujours de l'esprit, toujours de l'espit, monsieur Trissotin, monsieur de Trissotin![3] Но этот Триссотин — человек преопасный: я это знал давно. Он готов на тебя жаловаться митрополиту, готов прокричать уши всем встречным и поперечным, что его преследуют, что его бранят, а потому бранят и бога, что он стихотворец, князь и чурлы-мурлы, т<о> е<сть> Грузинец: ergo[4], всех надобно жечь и резать, кто осмелится бранить, поносить, бесчестить его стихотворное сиятельство. Одним словом, мой милый друг, наше дело сделано: nous avons les rieurs pour nous[5]; пусть его лягается, как Сивый Осел, мы будем молчать.

Я заметил, что истинное дарование всегда терпеливее, ибо имеет в себе истинную надеянность: Мерзляков меня любить не может, но я его всегда назову честным человеком; он был обижен мною и молчал. А эти шальные Шаликовы хуже шмелей! И посмотри, чем разродится его «Аглая». Гром и молнию бросит он на нас... гром и молнию!.. Теперь ему помогает мыслить и Бланк неистощимый, и остроумный Макаров, и все за Преснею живущие поэты, кроме Воейкова, разумеется. Теперь он чинит свои перья и понюхивает табак... Теперь он ставит себе промывательные в задницу, чтобы par ricochette[6] очистить свой засоренный мозг. Теперь он не пьет, не ест, бедняжка, и подобно пифии, которая пред прорицанием жевала лавровые листья, он жует Фреронов журнал и по капле пьет чернила, разведенные слезами Авроры. Вот что он делает! и пусть делает, что ему угодно. А все-таки в Москву не буду и поручаю тебе велеть выколотить пыльную спину нашего врага... розами! Не буду, мой милый друг, и быть не могу. Клянусь тебе всем, чем тебе угодно, что этого мне сделать невозможно: обстоятельства меня совершенно связывают. У меня хлопот выше ворот! Не мудрено, что я пишу глупые стихи; право, голова кружится. Даю себе слово не писать ничего до тех пор, пока и люди и фортуна будут ко мне благосклоннее. Впрочем, ты напрасно на меня нападаешь за басню: «Сиротка Филомела» из Лафонтена, и я нисколько не метил на себя: я еще не Шаликов. Эти обе басни написаны хорошо; я их перечитал и не вижу ничего смешного.

Одна
Со сна
Вполглаза взглянет,
Зевнет, еще зевнет, потянется и встанет.

Это изрядно, мой Аристарх! — и я сошлюсь в том на Жуковского. Впрочем, если хочешь, я никогда писать басен не стану, чтоб не быть твоею баснею. Послание переписать лень. Твои замечания справедливы. Но почему не назвать тебя внуком Аристиппа, внуком Анакреона или черта, если хочешь? Это, то есть, не значит, что ты внук, то есть взаправду, и что твой батюшка назывался Аристиппычем или Анакреонтычем, но это значит то, что ты, то есть, имеешь качества, как будто нечто свойственное, то есть любезность, охоту напиться не вовремя и пр., пр., пр. Ну понял ли, понял ли, Анакреонович?

Когда будет в вашей стороне Жуковский *добрый мой*, то скажи ему, что я его люблю, как душу.

Поклонись Давыдову и скажи ему от меня, что я всякий день глупею; это его утешит, потому что он раз из зависти говорил мне: «Батюшков! ты еще не совсем глуп!»

Поутру в 11 часов.

Я просыпаюсь сию минуту, перечитываю твое письмо, твои пачканные стихи, писанные in naturalibus [7], и узнаю тебя, мерзавца, в каждой строке, в каждом слове. Когда возьмешься ты за ум? Когда будешь скромен... как я, например. Когда... никогда! никогда! никогда! и это меня приводит в отчаянье.

Пиши ко мне почаще. Если мне будет можно, то я отправлюсь в Питер, где увижу Беседу, Пушкина, Давыдова-Анакреона и несколько людей, которых я люблю, старых приятелей, всегда мне милых, но к несчастию, ни одного Вяземского, ни одного шалуна, подобного тебе и в шалостях, и в душонке, и в умишке. Я буду о тебе сожалеть и в деревне и в столице,

Je vous regretterais à la table des dieux [8].

Прости и помни, что Батюшков тебя любит, прости и будь счастлив, здоров, весел... как В. Пушкин, когда он напишет хороший стих, а это с ним случается почти завсегда. Еще желаю:

Чтобы любовь и Гименей
Вам дали целый рой детей
Прелестных, резвых и пригожих,
Во всем на мать свою похожих
И на отца — чуть-чуть умом,
А с рожи? — бог избавь!.. Ты сам согласен в том!

---

[1] Это второй Александр, это второй Ахилл! *(фр.)*
[2] Но мы не станем подражать педантам Мольера! *(фр.)*
[3] Ах, вы всегда остроумны, всегда остроумны, господин Триссотин, господин Триссотин! *(фр.)*
[4] следовательно *(лат.)*.
[5] шутники на нашей стороне *(фр.)*.
[6] рикошетом *(фр.)*.
[7] в первобытной наготе *(лат.)*.
[8] Я буду сожалеть о вашем отсутствии и за трапезой богов *(фр.)*.

105. Н. И. ГНЕДИЧУ

29 <декабря 1811. Хантоново>

Eheu, fugaces[1] время, мой милый Николай, а твой Овидий все еще в своих Томах, завален книгами и снегом! Когда же он будет в Питер? — и того не знает, а знает то, что ты его забыл и не пишешь к нему ни строки, ленишься, бездействуешь! (браво, брависсимо, Батюшков! И ты выдумал слово: бездействуешь! Без-дей-ству-ешь... каково? т<о> е<есть> действуешь без, т<о> е<сть> как будто не действуешь. Понимаете ли? — лишен действия, ослаблен, изнеможен, оленивен, чужд забот, находится в инерции, недвижим ниже́ головою, ниже́ перстами и потому бездействен, не пишет к своему другу и спит). Теперь вы понимаете, что не писать ко мне, или писать редко, есть то же... что бездействовать. Я, напротив того, перевел вчерась листа три из Ариоста, *посягнул* на него в первый раз в моей жизни и — признаюсь тебе — с вожделеннейшими чувствами ...... его музу (какова Акадия???). Шутки в сторону: я теперь в луне с моим поэтом, в луне и пишу прекрасные стихи. Прочитай 34-ю песнь Орланда и меня там увидишь. Если лень и бездействие (здесь они олицетворены) не вырвут пера из рук моих, если я буду в бодром и веселом духе, если ... то ты увидишь целую песнь из Ариоста, которого еще никто не переводил стихами, который умеет соединять эпический тон с шутливым, забавное с важным, легкое с глубокомысленным, тени с светом, который умеет вас растрогать

даже до слез, сам с вами плачет и сетует и в одну минуту над вами и над собою смеется. Возьмите душу Виргилия, воображение Тасса, ум Гомера, остроумие Вольтера, добродушие Лафонтена, гибкость Овидия: вот Ариост! И Батюшков, сидя в своем углу, с головной болью, с красными от чтения глазами, с длинной трубкой, Батюшков, окруженный скучными предметами, не имеющий ничего на свете, кроме твоей дружбы, Батюшков вздумал переводить Ариоста!

Увы, мы носим все дурачества оковы,
И все терять готовы
Рассудок, бренный дар Небесного Отца!
Тот губит ум в любви, средь неги и забавы,
Тот рыская в полях за дымом ратной славы,
Тот ползая в пыли пред сильным богачом,
Тот по морю летя за тирским багрецом,
Тот золота искав в алхимии чудесной,
Тот плавая умом по области небесной,
Тот с кистию в руках, тот с млатом иль с резцом.
Астрономы в звездах, софисты за словами,
А жалкие певцы за жалкими стихами:
Дурачься смертных род, в луне рассудок твой!

(Ариост, песнь XXXIV.)

Вот тебе образчик и моего дурачества: стихи из Ариоста. Впрочем, засмейся в глаза тому, кто скажет тебе, что в моем переводе далеко отступлено от подлинника. Ариоста один только Шишков в состоянии переводить слово в слово, строка в строку, око за око, зуб за зуб, как говорит Евангелие. Я пропускал инде целыми октавами и мои резоны шепну тебе на ухо, когда увижусь с тобою. А теперь скажу мимоходом, что у нашего Ариоста С. Иоанн приводит Астольфа к патриархам, которые обедают с ним райскими плодами!!! кормят лошадь рыцаря овсом!!! Астольф с апостолом садится в колесницу, в ту самую, которая была послана за пророком Ильей!!! С. Иоанн апостол говорит Астольфу, что он любит писателей, потому что и сам был того же ремесла!!! Это все мило и весьма забавно у стихотворца, потому что он об этом говорит не тем тоном, каким говаривал Вольтер в своей «Девке», но с удивительным, одним словом — с Лафонтеновым добродушием, весьма серьезно, иногда с жаром, иногда улыбаясь одним глазом; но у нас это вовсе не годится, а если мне не веришь, то загляни в цензурный комитет.

Переводить ли?

Я читал много прекрасного в «Вестнике». Милонова стихи из Томсона и перевод Горация Beatus ille [2] делают ему много чести. В нем будет путь; он рачит о слоге, выбирает слова, не гоняется за славенизмами и, как видно, боится читателя: добрый знак! Рассуждение Каченовского о проповедниках написано холодно, но рачительно, слогом чистым, с критическим умом, и есть одна из его Capo d'opera [3]. Рассматривание Шлецера и Глинки, в котором сей последний выведен на чистую воду, можно прочитать с удовольствием.

Знай, ленивец, что если б я не имел нужды с тобой поговорить об Ариосте, то ты не получил бы от меня ниже́ полсловечка. Прости! *К. Б.*

Достань себе Ариоста, и прочитай Астольфово путешествие в луну, и скажи мне свои мысли.

Вяземский зовет меня в Москву вот каким образом:

Шихматов пишет непонятно
И рылом возмутил Неву,
Хвостов — писака неопрятной.
Все так! а приезжай в Москву!

Шишков в рассудок, в муз бодает
И, в королевича Бову
Влюбясь, Вольтера проклинает.
Все так! а приезжай в Москву!

Барашек по полю рассея,
Ест с ними Шаликов траву;
Невзоров толст, в навозе прея.
Все так! а приезжай в Москву!

Это забавно!

Прислать ли еще замечаний на Гомера?

---

[1] Увы, проходят (*лат.*).
[2] Счастлив тот (*лат.*).
[3] шедевр (*ит.*).

106. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

16 февраля 1812. <Петербург>

Я получил от тебя два письма вдруг, на которые спешу отвечать. Болезнь твоя, любезный друг, меня очень беспокоит. Слава богу, что ты в Вологде, где есть и помощь и лекарь. Утешать тебя я, право, не в силах, но и самым огорчениям должна быть мера; здесь же видна непреложная воля Создателя: смерть не есть несчастие, мой милый

друг; участь детей сестры Анны Николаевны едва ли не завиднее нашей; итак, еще раз прошу тебя, не огорчайся столько и подумай об себе.

Я не получил денег от Абрама Ильича за Платона: это я предвидел. Признаюсь тебе, что его странная привычка удерживать деньги и меня выводит из терпения. Напиши мне письмо о твоих пяти тысячах такое, чтоб я ему мог показать и упираться на оное; в противном случае он мне может сказать: не твое дело! Признаюсь тебе, что я от всей души желал бы видеть это смешное и досадное дело приведенным к концу, если есть на то возможность. Он меня просил отписать к тебе, не нужны ли Вам его мебели красного дерева, о которых я реестр к тебе прислать хотел. Возьми их, любезный друг, первое — потому что они годятся для дому, а второе — потому что они некогда принадлежали сестре и нам ее напоминать будут. Горестное и приятное воспоминание! Что вы делаете в Вологде и не отправитесь ли в Москву? Я писать буду к Катерине Федоровне и о твоей болезни уведомлю.

Теперь поговорю и о себе. Я часто выезжаю, пока здоров, а больной сижу дома.

Что же касается до места, то и до сих пор ничего не знаю. В Библиотеке все заняты — (помнишь ли деревенские басни и мои слова?), а надежда вся на Алексея Николаевича, который ко мне весьма ласков. Я и с Дмитрием Осиповичем довольно хорошо лажу. У Ивана Ивановича Дмитриева бываю часто: он весьма приветлив и учтив; кроме того, езжу к Павлу Львовичу, к Луниным, ко Львову, да и все тут. Если я получу место, то проживу здесь до лета; и без места то же сделаю — деньги у меня как вода льются: болезнь стоила мне дорого. Что делать!.. От батюшки получаю все одинаковые письма: он сердится на меня, что я не отвечаю, но что и отвечать!

Еще раз, побереги себя, любезный друг! К чему наша чувствительность, жалкая, пагубная! К чему она служит! Обстоятельства наши не столь дурны; мы еще не стары, следственно, надежды и терять не должны. Станем надеяться на Бога, которому все возможно.

Я получил от старосты 150 р.

Пиши ко мне почаще, а теперь не замедли уведомить о своем здоровьи; если же, чего Бог избавь, сама не в силах, то поручи это Вариньке. Бога ради, пишите почаще! Лизавету целую от всего сердца. Прошу Павла Алексеевича не забывать своего брата. *Констант. Бат.*

Если что-нибудь надобно, отпиши, я пришлю тебе.

107. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

27 февраля 1812. <Петербург>

Виноват, мой милый князь, перед тобою! Пропустил удобный случай писать с Пушкиным, который отправился отсюда в роковой день, накануне чтения Шаховского «Расхищенных Шуб»; я не мог даже и видеться с добрым нашим Пушкиным, не мог с ним проститься, плакать с ним (а он, говорят, заливался слезами, прощаясь с Севериным, Дашковым и Блудовым), не мог, потому что болезнь меня замучила. И теперь пишу тебе насилу.

Пушкин у вас! — Прими его на руки; он здесь замучен подагрой и Славенами; утешь его; скажи ему, что Шаховской читал сам свои «Шубы» (а он читает как дьячок), что его «Шубы» очень холодны; что в его «Шубах» не одному Пушкину досталось, но всем честным людям: Карамзину, Блудову.

Признаюсь тебе, любезный друг, что наши питерские чудаки едва ли не смешнее московских. Ты себе вообразить не можешь того, что делается в Беседе! Какое невежество! Какое бесстыдство! Всякое лицеприятие в сторону.— Как? Коверкать, пародировать стихи Карамзина, единственного писателя, которым может похвалиться и гордиться наше отечество, читать эти глупые насмешки в полном собрании людей почтенных, архиереев, дам и нагло читать самому... о! это верх бесстыдства! Я не думаю, чтоб кто-нибудь захотел это извинять. Я же с моей стороны не прощу и при первом удобном случае выведу на живую воду Славян, которые бредят, Славян, которые из зависти к дарованию позволяют себе все, Славян, которые, оградясь щитом любви к отечеству — за которое я на деле всегда был готов пролить кровь свою, а они чернила,— оградясь невежеством, бесстыдством, упрямством, гонят Озерова, Карамзина, гонят здравый смысл и — что всего непростительнее — заставляют нас зевать в своей Беседе от 8 до 11 часов вечера.

Признаюсь тебе, мой любезный князь Петр, что я здесь провожу время довольно скучно и всякий день вспоминаю о Москве; зачем я здесь? — и сам не знаю. Ищу друга по сердцу и не нахожу: тот занят должностью, тот рассеян, тот холоден и все не то, что мне надобно. По счастию, я живу у Гнедича. По счастию, Блудов меня полюбил и просиживает у меня целые дни; без того я пропал бы от скуки: выезжать не могу, лихорадка мучит... и Пушкина уже нет!!!

Я повстречался здесь у Ивана Ивановича Дмит<риева> с Севериным и с Дашковым; последний умен и имеет большие сведения; он молод и много обещает. Северин очень рассеян. Кстати, Галиф Галифович тебе кланяется. Он тебя очень любит, и я об тебе с ним целые часы говорю без умолку. Этот чудак мне по руке. Я его с первого разу полюбил и намерен воспользоваться его... охотою прогуливаться по булевару. Что делает у вас Тургенев? Поклонись Алексею Мих<айловичу> Пушкину и его супруге.— Правда ли, что Давыдов женится? не посоветовавшись со мною? это непростительно.

Милонов у меня был сию минуту и написал к тебе послание. Я ему прочитал твое письмо: это ему вскружило голову!!!

Пиши ко мне почаще и не забудь сказать Жуковскому, что его Батюшков очень любит. Он, я думаю, в Москве.

Вот сию минуту приехал ко мне Блудов, про которого Шаховской написал в своих «Шубах», что он ничего, кроме Mercure de France, не читает. Д<митрий> Н<иколаевич> так ему отвечал:

Парнасский Славянин! отцовский цензор строгой,
Напрасно твой Гашпар за леность мне пенял:
  Я, правда, мало сочинял,
Но ах! к несчастию, читал я слишком много:
  Я... и твои стихи читал!

Вот тебе наши новости. Пиши ко мне почаще, мой милый и добрый друг, и будь счастлив со всеми тебе любезными людьми. *Константин Батюшков.*

Я чуть не забыл Милоновых стихов.

Адресуй письмо: в доме Федорова, в Садовой улице, в жительстве его высокоблагородия Н. И. Гнедича. Я на время у него остановился.

108. Д. Н. БЛУДОВУ

<Весна 1812 г. Петербург>

Нет ли у вас «Mélomanie» [1], особенно напечатанной, или по крайней мере в «Письмах» Лагарпа? Пришлите мне ее на несколько дней. Мне сегодня получше, но я начинаю чувствовать другую болезнь, стократ опаснее горячки — пиитическую желчь от славянских бредней.

К. Б.

---

[1] «Меломания» *(фр.)*.

109. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

Начало апреля 1812. <Петербург>

Любезный друг Александра Николаевна, давно уже я не имею от вас писем. Здоровы ли, мои милые? Павел Алексеевич позабыл вовсе обо мне. Я просил его об объявлении моих походов по суду так, как это ныне положено, и не получил от него ответа. Теперь прошу тебя, любезный друг, переслать сию записку в Глуповское к старосте, чтоб он напомнил о предъявлении брату Павлу Алексеевичу или сам предъявил; терять времени не должно, у нас май на дворе. Потому и прошу тебя, мой друг, отписать решительно о деньгах к Абраму Ильичу. Заплотит ли он проценты или нет? Это должно знать положительно тебе. Я, право, с ним по этим делам и входить не хочу, он начинает на меня негодовать. И тебе бы я, мой друг, не напомнил, если б май не был на дворе. Ты знаешь, что опоздать взносом процентов весьма неприятно. Как бы то ни было, пришли в мае месяце тысячу рублей; мне деньги будут очень нужны; я определяюсь теперь к месту, переехал на квартиру и должен всем заводиться снова.

Скажу тебе мимоходом, что я хочу возобновить знакомство с Рихтерами, которые меня велели пригласить к себе. Они, кажется, добрые и любезные люди.

Еще новость: Остолопов здесь; он может быть (если верить его собственным словам) оставит место прокурора; хорошо б было постараться для Павла Алексеевича; я готов попросить сам Ивана Ивановича Дмитриева, если только правда, что Остолопов покидает место. Как бы то ни было, я уведомлю вас об этом, и что должно делать в таком случае. Письмо это адресую в Вологду в полной надежде, что ты, мой милый друг, разговляться будешь с сестрами, которых я целую от всей души; надеюсь, что они меня не забыли и по-старому любят. *Конст.*

Я тебе пришлю дрожки по лету. Они куплены и теперь совершенно исправлены. Стоят у Павла Львовича в конюшне. Сестрам посылаю по поясу модному. Детей всех целую. Гриша им кланяется.

110. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

12 апреля <1812. Петербург>

Поздравляю тебя с праздником! Милый друг, я получил сегодня твое письмо и сию же минуту спешу отвечать на оное коротко, затем что почта отходит. Я жалею крайне о том, что ты осталась в деревне: тебе очень будет скучно. По крайней мере на время съезди в Вологду. Письма твоего я еще не отдавал А⟨браму⟩ И⟨льичу⟩, затем что не имел времени сегодня к нему съездить сам. За этим, не дожидаясь ответа, отпиши еще раз, mais d'une manière ferme et décidée, que vous avez besoin de votre argent [1]. Здесь красноречие не у места.

Теперь я поговорю о деле интересном. Узнав наверное, что Остолопов отрешен от места, я, не говоря ни слова, поехал к Д. О. Баранову и просил его о сем месте для Павла Алексеевича. Он обещал поговорить с министром, и я ожидаю ответа. Если ответ будет благосклонен, то я и сам поеду к Ивану Ивановичу и буду ему напоминать; он ко мне очень хорошо расположен. Если же это не удастся, то что за беда! Мы привыкли к неудовольствиям. По крайней мере, я с своей стороны сделал, что долг велел. Напиши к Павлу Алексеевичу об этом — он, верно, за это на меня не рассердится, хотя я и не спросясь за него просил. Это место ему прилично. Да скажи ему, чтоб он ничего теперь к Д<митрию> О<сиповичу> не писал, пока я его не уведомлю. Прости, будь здорова и молись богу, который нас никогда не покидает, пока мы будем любить друг друга, как я вас, мои милые, люблю или любить желаю. *К. Бат.*

Я живу на Конюшенной улице, в доме Шведской церкви.

---

[1] Твердым и решительным образом, что тебе нужны твои деньги (*фр.*).

111. В. А. ЖУКОВСКОМУ

12 апреля 1812. <Петербург>

Любезный и милый друг Василий Андреевич! Тому уже более года, как я расстался с тобою, а от тебя ни строчки не имею и, верно, не мог бы знать, жив ли ты

или умер, если б Тургенев и Вяземский меня не уверили, что ты и жив, и здоров, и потихонечку поживаешь в своем Белеве, как мышь, удалившаяся от света. Но где бы ты ни был, любезный друг, Батюшков тебя везде найдет, ибо он тебя любит и почитает. Сколько происшествий со времени твоего печального отъезда из Москвы! Вяземский женился, как путный человек, но я не был свидетелем его чудесной женитьбы: я уже был в деревне и долго не мог поверить сему последнему диву. Прожив в совершенном уединении шесть месяцев, я приехал в Петербург, бог знает зачем, и вот теперь здесь помаленьку поживаю в приятной надежде с тобой увидеться на берегах Невы, которые — признаться тебе — во сто раз скучнее наших московских. И я умер бы от скуки, если б не нашел здесь Блудова, Тургенева и Дашкова. С первым я познакомился очень коротко,— и не мудрено: он тебя любит, как брата, как любовницу, а ты, мой любезный чудак, наговорил много доброго обо мне, и Дмитрий Николаевич уж готов был меня полюбить. С ним очень весело. Он умен, как ты, но не столько мил, признаться тебе: милее тебя нет ни одного смертного. Тургенев тебя ожидает нетерпеливо и в ожидании твоего приезда завтракает преисправно. Этого человека я давно знаю и люблю, ибо он очень любезен, и умен, и весел, но все-таки не Жуковский. Дашков имеет большие сведения, и притом ленив, как и наш брат, за что ему спасибо, но и он все-таки не Жуковский. Тебя мне надобно! Приезжай сюда, мой милый друг! Мы тебя угостим и бифстексом, и Беседой, которая ни в чем не уступит Московской богадельне стихотворцев, учрежденной во славу бога Морфея и богини Галиматьи, которым наши любезные товарищи приносят богатые и обильные жертвы. Я радуюсь их успехам без всякой зависти, в полной надежде, что они вылечат мою бессонницу, которой я подвержен с тех пор, как начал писать стихи без твоего присмотра. Вот тебе образчик: послание к Пенатам, которое подвергаю твоей строгой критике. Прочти его и переправь то, что заметишь; если и вся пиеса не годится,— скажи. Я ее сожгу без всякого замедления; а если понравится,— похвали: я имею нужду в твоей похвале, ибо ее ценить умею. Не поленись, мой милый друг, пересмотреть и переправить ошибки и свои замечания пришли поскорее: я хочу ее печатать. Прости, будь здоров, счастлив и счастливее прошлогоднего. Не забывай меня, не забывай Батюшкова, который умеет дорожить твоей дружбой.

P. S. И. И. Дмитриев часто о тебе вспоминает. Кстати: что ты делаешь с сочинениями Михаила Никитича? Не стыдно ли так долго держать и ничего не сделать?!!!

Адресуй письмо к Блудову, если мне отвечать будешь, в чем я не сомневаюсь.

112. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

1 мая 1812. <Петербург>

Поздравляю тебя, мой милый друг, с прошедшими твоими именинами. Ты их, конечно, провела невесело. Я получил последнее письмо твое и удивляюсь, мой друг, что ты мне попрекаешь в молчании. Я к тебе пишу довольно часто, и видно, некоторые из моих писем потерялись. Например, я писал тебе назад тому месяц, чтоб ты собрала 1000 оброку в счет 2000 р., которые я получаю в сентябре, и ты мне на это ничего не отвечала. Сии деньги необходимо нужны для внесения в ломбард, где никакой отсрочки не терпят. А на А<брама> И<льича> я и не надеюсь, да и вперед ни за какую переписку не берусь. Насилу, и то не сполна, он заплатил Платону. Я ему говорил о твоих деньгах более одного разу и ничего удовлетворительного не получил. А видя тебя и Вариньку без дому, без денег и с долгами, видя вас одиноких без защиты и в совершенном отдалении, именно потому, что А. И. не хочет заплатить денег, я теряю вовсе к нему и к себе самому уважение. Он мне часто говорит о своих издержках. Какое мне дело до них! У нас, право, не менее. Притом же воспитание Гриши не может его разорить. А главное возражение: Какое право имеет он на деньги, которые ему не принадлежат? — Отпиши ему еще раз. Этого мало. Заставь Вариньку отписать и требовать своей части. Она полное имеет право, и на это отвечать нечего. И то, мой милый друг, за удачу не ручаюсь. Сумма теперь довольно велика... и бог знает, как и когда ты ее получишь. Предвидя заранее все сии неудачи, я и писал тебе о сборе денег с мужиков за сентябрьскую половину. Пришли их не замедля. Крайне сожалею, что мужиков должен я тревожить в такое трудное время. Весной и в рекрутство! Напиши им приказ поласковее. А деньги адресуй мне в Конюшенную улицу, в доме Шведской церкви, *К. Н. Б.* Вот и весь мой адрес.

Теперь скажу о себе, что я не очень весел, мой милый

и любезный друг! На судьбу не имею больших причин жаловаться. Я определен в библиотеку по милости Алексея Николаевича, который ко мне расположен, как истинно добрый человек. Дай бог ему счастия! Мне еще предлагали к этому другое место у к<нязя> Гагарина, место очень выгодное, но я отказался и очень умно сделал по некоторым причинам, о которых я нахожу за излишнее тебе упоминать. Теперь я буду здесь поживать помаленьку в ожидании лучшего. Должность моя очень незатруднительна.

Ты, может быть, опечалишься, прочитав наши новые новости. Я недавно похоронил Полозова: он умер скоропостижно на руках бедной и неутешной матери. На той же неделе получил известие истинно для меня ужасное: Петра́, этот добрый и честный человек, заболел нервической горячкой и в 9-й день умер. Какой удар для К<атерины> Ф<едоровны> и для Никиты! Они будут неутешны... И впрямь, кто заменит Петра́? Эта новость меня поразила... К этому же и другие огорчения, во сто раз маловажнее первых, сделали меня мрачным и задумчивым; я эти дни как не свой.

Часто думаю о тебе, мой милый друг, и заливаюсь слезами. Побереги себя для меня, для сестер. Перенеси свои огорчения, забудь о свете, который не стоит того, чтоб о нем думали, и верь, что всякое состояние имеет свои огорчения, свои невыгоды. По крайней мере, будь спокойна на мой счет. Может быть, со временем я буду счастливее, нежели теперь, и могу быть вам полезен. Я бы все на свете отдал, чтоб устроить Вареньку и облегчить судьбу Лизаветы — ее положение истинно достойно сожаления. Я все сделал, что от меня зависело, для доставления прокурорского места брату П<авлу> А<лексеевичу> и, верно б, успел в моем намерении, если б богу угодно было... по крайней мере это хороший урок: никогда и ни о чем не просить Д<митрия> О<сиповича>. Если он и возьмется за что, так не успеет, со всей его доброй волей...

Я на сих днях сделал глупую издержку — ты никогда не угадаешь, на что я бросил сто рублей? — на мой портрет, нарисованный карандашом одним из лучших здешних художников. Я тебе оный пришлю с первой удобной оказией. Он очень похож и очень хорошо нарисован. Это первая глупая издержка с тех пор, как я здесь, и совесть мне ее прощает, затем что она для тебя сделана.

Как бы то ни было, мой милый друг, весною легче

жить в деревне. Пригласи сестер. Что они делают в болоте? Занимайся садом и своими курицами. Я, право, иногда вам завидую и желаю быть хоть на день в деревне... правда, на день, не более. Бога ради, не отвлекайте меня из Петербурга, это может быть вредно моим предприятиям касательно службы и кармана. Дайте мне хоть год пожить на одном месте. Прощай, мой милый друг и сестра! Будь здорова, люби меня и не забывай. *Конст. Б.*

113. Н. М. МУРАВЬЕВУ

1 мая 1812 г. Петербург

Мой милый и любезный друг и брат, вчерашний день поутру я получил известие о кончине твоего доброго друга. Эта весть меня поразила. Я воображаю себе твою горесть и печаль Катерины Федоровны! Признаюсь, мой милый друг, что я долго не мог верить сему несчастию. Наконец, вспомнив, что г. Галиф равное мне принимает участие в нашем добром и незабвенном друге, я побежал к нему и мы вместе поплакали. Я не стану утешать тебя, мой верный, добрый и чувствительный брат и друг, все, что я ни скажу, будет бесполезно, прошу, однако ж, тебя вспомнить, что есть люди на свете, которые тебя любят от всего сердца. Эта мысль всегда утешительна. Я дорого бы дал, чтоб поплакать с тобою. Но я в службе и отлучиться не могу. Отпиши ко мне, здоров ли ты? и братцы? и весь дом ваш! Поцелуй ручку у маменьки и попроси ее, чтоб она меня не забывала. Стыдно тебе будет, если ты поленишься уведомить меня об своем здоровье. Г. Галиф тебе кланяется, он очень печален. Прости, еще раз прости, будь счастлив и сноси великодушно горести, которые посылает небо. Сто раз целую тебя, мой любезный брат. Твой верный

Константин.

Скажи маменьке, что Л. М. Оленина в субботу едет в Москву, эта весть ей приятна будет. Поклон всем домашним и Петру Михайловичу, который вас, верно, в горях не покидает.

Адресуй письмо ко мне: в Конюшенной улице на Шведском подворье.

114. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<5 мая 1812. Петербург>

Прости мне, мой милый друг, лень и придурь. Я хотел писать к тебе с Филимоновым и с Н. Тургеневым и ни с одним не успел.

Хвор все, насилу дышу,
Изнурен и бледен,
Виршей уже не пишу:
Мыслями я беден.
Насилу написал четыре стишка
Против ударений своего языка.

Точно я был болен — лихорадкой, разумеется. Да и можно ли быть здоровым? Вчера читал московскую Беседу и вчера был в питерской. Мы выслушали сгоряча: первое — рассуждение о Феофане Прокоповиче Шишкова, который нашего проповедника превозносил выше Цицерона: Croyez cela et buvez de l'eau [1]. Потом он же читал выписку из поэмы Шихматова «Песни на гробах». Ты себе представить не можешь, что за стихи! Все набор рифм и слов. Черствое подражание Йонгу, которому бы по совести и подражать не должно. Заседание кончилось Комплиментом князю Шихматову, и все зело восхищались. И у вас не лучше! Что пишут ваши Москвичи? Есть ли у них здравый рассудок? Как! Ни одной путной пиесы в целой книжище!!!

Есть надежда, мой друг, что мы перещеголяем и древних и новейших, есть надежда! Упрямство и невежество наших писателей, леность и невежество нашей публики подают надежду, которая нам, конечно, не изменит.

Поклонись от меня Пушкину: я ему буду отвечать на той почте и писать к тебе гораздо более. Будь здоров, мой милый и добрый князь! Северин тебя целует. Будь здоров, и бог с тобой! *Батюшков.*

---

[1] Поверьте этому, и выпейте воды (*фр.*).

115. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

10 мая <1812. Петербург>

Я получил твое письмо, мой милый князь, и прочитал его Блудову, который на ту пору случился у меня. Блудов женился, и Ржевский, твой московский знакомец, успел

уже написать и напечатать стихи, которые я у сего прилагаю с комментарием Блудова, который весьма недоволен своим Катуллом.

Между тем скажу тебе, что твои замечания на *Пенатов* не совсем справедливы. Мнемозина была матерью муз, но и музы назывались Мнемозинами (чего, может быть, Макаров не знает, потому что он вовсе не знаком с Мнемозинами, или Мнемозинидами, а живучи на содержании Грузинской весталки Аглаи, знаком только с глупостью, весьма знатною госпожою, и с невежеством, родным братцем Аглаи)... Но дело не о том! Я назвал послание свое посланием «К Пенатам», потому что их призывая вначале, под их покровительством зову к себе в гости и друзей, и девок, и нищих и, наконец, умирая, желаю, чтоб они лежали на моей гробнице. Я назвал сие послание «К Пенатам» так точно, как Грессет свое назвал «Chartreuse» [1]. Вот одно сходство, которое я могу иметь с Грессетом, и к несчастию одно! Впрочем, замечания твои справедливы, и за них спасибо! Радуюсь от всей души о том, что тебе понравилось мое маранье. Нелединскому экземпляр доставлю. Такой же я послал к Жуковскому и с нетерпением, смешанным с страхом, ожидаю его ответа. Придумай еще сам кое-что поправить, если только это стоит того. Я к тебе доставлю экземпляр моих стихов, которые велел переписать все целиком; они, может быть, никогда напечатаны не будут, но этот список будет тебе напоминать человека, который тебя любил и которого ты, конечно, любишь. Обстоятельства не позволяют мне ехать в Москву. Скажи Самариной, если с ней увидишься, чтоб она меня не приглашала к себе, что я вовсе переменился, поглупел, и так поглупел, что не сберусь с умом отвечать на ее письмо. Велеурский тебе кланяется; я ему завидую: он скоро будет в Москве. Здесь ничего нового нет, кроме «Весны» графа Хвостова, весны, достойной нашего неба. Под именем Крылова вышли стихи к Шишкову; Крылов от них отрекается. Шаховской написал водевиль, Шихматов — поэму о гробах, и знатоки до сих пор не знают, где смеяться и где плакать: на гробах или за водевилем. Попроси Пушкина, чтоб он решил эту задачу. Что сделалось с другим Пушкиным? Откуда в нем родились христианские мысли и стихи? Не молитвами ли Елены Григорьевны, которая скоро будет делать чудеса? Поклонись ей от меня. Съезди к молодому Муравьеву и поцелуй его за меня. Он, говорят, нездоров. Не откажись сделать это для меня. Когда увидишь Северина, то поблагодари его

за приглашение и со всею возможною осторожностию, внушенною дружеством, скажи ему — полно, говорить ли? — скажи ему, что он... выключен из нашего общества: прибавь в утешение, что Блудов и аз грешный подали просьбы в отставку. Общество едва ли не разрушится. Так все преходит, все исчезает! На развалинах словесности останется один столп — Хвостов, а Измайлов из утробы своей родит новых словесников, которые снова будут писать и печатать. Это мне напоминает о системе разрушения и возобновления природы. Мысли печальные и утешительные! Теперь я буду просить Северина и Вяземского, чтоб они уведомили милого Василья Львовича о новой сатире Милонова, сатире едкой и, к несчастию, весьма остроумной и по содержанию и по стихам. Предмет оной — Пушкин один, а эпиграф:

Soyez plutòt maçon, si c'est votre métier [2].

Во всех случаях масон как масон и масон как каменщик — очень зло и едко! Что делать с молодежью? с этими пылкими, необразованными умами? Отвечать — худо, а молчать, право, еще хуже!

Кстати о сатирах и глупости: скажи мне, пожалуй, на кого метил Шаликов в своем новом послании? Иные говорят, что на меня и на тебя. Правда ли это — про меня, что я лишен чувствительности, что в моих сатирах не видно доброй души, а про тебя — что твои нравом весьма не чисты, и наконец, что мы друг на друга похожи. Но Пушкин выхвален до небес. Дай нам ключ от этих загадок. Галиф кланяется милому и любезному Северину, которому пора бы воротиться и в Питер, где у него есть друзья, которые *в сложности* могут заменить Вяземского. Здесь его ждут печальные красавицы, о которых мне часто говорит Трубецкой.

Трубецкой (замечание для Северина) влюблен, как кошка, и начал лгать, как календарь, как Жихарев, одним словом —

Amour, amour, quand tu nous tiens... [3]

Этим заключу мое послание. Приближьтесь, друзья мои, дайте мне вас обнять и простите!

---

[1] «Обитель» *(фр.)*.
[2] Лучше уж будьте каменщиком, если таково Ваше ремесло *(фр.)*.
[3] Любовь, любовь, когда мы в твоей власти *(фр.)*.

116. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

17 мая 1812. <Петербург>

Я получил твое письмо, мой милый друг,— теперь пишу мало — нет времени.

Дрожки пришлю, они стоят у Павла Львовича, но я их пришлю, если сам не буду иметь нужды купить лошадь, которая мне почти необходима, если я возьму и другое место у к<нязя> Гагарина.

Благодарю тебя за поздравление. Я начинаю вступать в должность.

Слух носится, что Катерина Федоровна будет сюда. Я получил от Никитиньки вчера письмо. Как он плачет о бедном Петрà! — Это письмо делает честь его доброй, ангельской душе, совершенно похожей на отцовскую.— Не забудь выслать деньги, хотя к половине или концу июня. А<брама> И<льича> я давно не видал, он у меня не был. Будь здорова. Прости.

И я советую дом сломать, а еще выстроить маленький флигель для людей, в котором пока можно будет жить. Не покидай цветов; я рад, что ты ходишь много,— но не слишком ходи, это вредно. Живи как можно регулярнее — вот лучший способ быть бодрым, а нам в наших горестях необходимо.

Бедный Полозов, наш приятель, умер.

Я пошлю это письмо к брату Павлу Алексеевичу.

117. Н. М. МУРАВЬЕВУ

30 мая 1812 г. Петербург

Милый и любезный брат и друг. Я получил твое письмо, которое меня истинно опечалило, и замедлил отвечать, потому что все это время был очень болен. Я чувствую всю цену человека, тобою утраченного, и разделяю от всей души твою горесть. Время, конечно, облегчит ее, но изгладить не должно, ты опытом узнаешь, милый друг, что слезы для нас, бедных странников, имеют свою сладость. Утешай маменьку и сам будешь утешен. Она истинно должна радоваться, и я это смело говорю тебе в глаза, она должна радоваться, видя твои успехи в науках и, что всего лучше, видя твое доброе сердце, которое и мне напоминает лучшего из людей: твоего отца. Письмо твое,

кроме малых погрешностей против языка, очень хорошо написано: поверишь ли, любезный брат? я этому радовался, как ребенок. Пиши ко мне почаще, пиши обо всем, что ты делаешь, чем занимаешься и как проводишь свое время. Поцелуй ручку у маменьки и скажи ей, что если ей угодно, чтоб я приехал в Москву хотя на месяц, то она попросила бы об этом Лизавету Марковну, которая поговорит Алексею Николаевичу о моем отпуске. Я прилечу на крыльях. Сережа Муравьев тебе кланяется, он у меня часто бывает и в болезни меня не покидал. Поцелуй брата Сашку и мученика лихорадки Ипполита, попроси их, чтобы они меня не забывали. Был ли у тебя Вяземский? я просил князя, чтобы он навестил тебя и отписал мне о твоем здоровье, которое для меня драгоценно, мой милый и любезный друг! Береги себя, ходи более пешком, особливо по утрам. Если можно, и на охоту или, по крайней мере, почаще езди верхом. Книги книгами, а прогулка прогулкою. Пиши более по-русски и читай Нестора и летописи, ты любишь историю. Г. Галифа я давно уж не видал. Поклонись от меня Петру Михайловичу. Будь здоров и счастлив и не забывай своего

Константина.

Адресуй письмо ко мне в Императорской библиотеке служащему такому-то.

118. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<Июнь 1812. Петербург>

Посылаю тебе, мой милый друг, дрожки и у сего прилагаю список, из чего они состоят, ибо я их велел разобрать для большей удобности. Крестьяне Н. И. Брянченинова, кажется, люди верные. Они взяли недорого, 50 р., из коих 25 я отдал здесь, остальные 25 отдай сама, и еще, если все в целости, что-нибудь прибавь. Посылаю тебе мой портрет. Прикажи его вынимать осторожнее, чтоб не повредить стекла, берегись его разбить, чтоб не стереть рисунка. Дрожки будут очень тебе удобны. Их прикажи только переделать. Я за них заплатил 160, а купить теперь и за 250 таких не можно. Посылаю Лизаветы Николаевны китайку назад, к крайнему моему сожалению такой подобной прикупить нигде не возможно. Я бы послал апельсинов, но боюсь, чтоб дорогой не испорти-

лись, притом же денег у меня не много. Я писал с почтою обо всем, что было нужно, теперь, мой милый друг и сестра, прости и не забывай твоего

Константина.

Не сердись на меня, милая Варинька, что гостинца тебе не посылаю — подожди до осени, я тебе пришлю платье, только пришли мне старое на фасон.

Дрожки все целы, до последнего винта, только собрать их надобно хорошему кузнецу.

Абрам Ильич посылает тебе сахару, кофею и китайки.

Прибавь на вино безделку ямщикам, если хорошо все доставят. Si tout est en ordre donnez aux paysans au lieu de 25 р. autrement ils pourroient être mescontents [1].

---

[1] Если все в порядке, дай крестьянам вместо 25 р., иначе они могут быть недовольны (*фр.*).

119. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

Июнь 1812. <Петербург>

Я давно к тебе не писал, мой милый и любезный друг, и от тебя уже с месяц как ни одной строки не имею. Я не писал к тебе, потому что переезжал на новую квартиру, и живу теперь в доме Балабина, возле имп<ераторской> Библиотеки, напротив Гостиного двора, куда прошу тебя впредь адресовать письма. Квартира моя очень хороша; я купил мебелей и цветов и теперь живу барином. Нанял погодно за 400 с конюшней: это весьма недорого. На днях отправил к тебе портрет, дрожки и посылку от А<брама> И<льича> с мужиками Николая Ивановича Брянчанинова, которых зовут Васильем Осиповым и Макаром Никифоровым, деревни Карцова; я надеюсь, что они посылки доставят исправно. Дрожки все целы, с оглоблями, пристяжкой и проч.; возьми их на память обо мне. Мой портрет также тебе понравится: он довольно похож.

Но я, мой милый друг, сокрушаюсь, что от тебя писем не имею. Здорова ли милая сестра Лизавета Николаевна? Бога ради, напиши мне об этом, и поскорее: неизвестность всего мучительнее. Я надеюсь, что вы все в Хантонове и в скуке проводите скучное лето, которое здесь совершенно на осень похоже. Прости, мой милый друг и сестра. Будь здорова и не забывай твоего *Конст. Б.*

Купи мне лошадь коренную одну, рублей в 200 или 300. Мне для зимы необходимо нужно. Зимой по снегу нет сил ходить с моим здоровьем. Ты ее пришлешь не ране первого пути, вместе с кучером. Еще тебя прошу, мой друг, сделать дома дюжину чулок для сапог и дюжину платков носовых потоне; пришли полотна полкуска середней руки.

<Приписка Н. И. Гнедича>:

Я столькими отзывами должен вам, милостивая государыня Александра Николаевна, что если б в один раз решился заплатить за них и при лучшем здоровьи, нежели каково теперь у меня, то думаю, бумаге было бы тяжело, а вам скучно. Теперь скажу вам только ближайшее к сердцу: мы с Константином живем ближайше, нежели вы себе вообразить можете; он был бы здоров, если б немного не мучил его стихотворец Ржевский, и всегда почти, подобне глисте, натощак.

Будьте здоровы и веселы и верьте всегдашнему моему к вам почтению, искренней любви и преданности. Ваш покорнейший слуга *Н. Гнедич.*

Здравствуйте, Варвара Николаевна! Позвольте мне поцеловать вашу маленькую ручку.

120. В. А. ЖУКОВСКОМУ

<Июнь 1812. Петербург>

Благодарю тебя, мой милый и любезный друг, за твое письмо, в котором я имел истинную нужду. Первое — потому что я тебя люблю, а второе — потому что я имею нужду в твоей похвале или брани. Твои отеческие наставления — как писать стихи, я принимаю с истинною благодарностию; признаюсь однако же, что ими воспользоваться не могу. Я пишу мало, и пишу довольно медленно; но останавливаться на всяком слове, на всяком стихе, переписывать, марать и скоблить,— нет, мой милый друг,— это не стоит того: стихи не стоят того времени, которое погубишь за ними, а я знаю, как его употреблять с пользою: у меня есть, благодаря бога, вино, друзья, табак... Я весь переродился — болен, скучен и так хил, так хил, что не переживу и моих стихов. Тогда поминай как звали! Шутки в сторону: я сам на себя не похож, и между тем как ты с друзьями, или музой, или с нимфою,

или с чертями, которых я люблю как душу с тех пор, как ты им посвятил свою лиру, между тем как ты наслаждаешься свободою, сельским воздухом, Tu jouis du printemps, du soleil, d'un beau jour [1],— я сижу один с распухшею щекою, с больным желудком и гневаюсь на погоду и на стихи, только не на свои, разумеется (ей-Богу, их никогда не читаю), а на чужие, мой друг; на стихи наших Москвичей, которые час от часу более и более пресмыкаются, на стихи наших Невских гусей, которые что день, то ода, что неделя, то трагедия, что месяц, то поэма, и все так глупо и плоско... Я забыл, что лекарь мне не велел сердиться! Утешь нас, мой милый друг, пришли нам своего Драйдена, который, конечно, доставит нам несколько приятных дней. Пришли нам свое послание к Плещееву, которое, говорят, прелестно. Пришли нам свою балладу, которой мы станем восхищаться как «Спящими Девами», как «Людмилой»; пришли нам, Бога ради, все, что имеешь нового, если не на похвалу, так на съедение, и будь уверен, что никто, кроме нас, без твоего разрешения ни строки не увидит. Пришли мне твое послание, которое я ожидаю с нетерпением, как свидетельство в храм славы и бессмертия, и — что всего лестнее для моего сердца — как свидетельство твоей дружбы к бедному, хилому Батюшкову, который тебя любить умеет. Я бы тебе поговорил поболее о Дм. Ник. Блудове, если б он этого письма не прочитал. Дашков тебе приписывает. О Тургеневе скажу тебе, что он очень рассеян, занят делами и — подивись этому! — какою-то Лаурою: он влюблен не на шутку. Поблагодари его за меня, любезный Жуковский. Тургенев мне оказал много услуг, и я очень, очень худо отвечаю на доброе мнение, которое он обо мне имеет. Твоей дружбе я обязан его ко мне добрым расположением. Еще раз: если будешь писать к нему, поблагодари его за меня и докажи ему собственным примером, что поэт, чудак и лентяй — одно и то же, чтоб он не удивлялся моему поведению и характеру, которые совершенно сообразны с ленью и беспечностию, и докажи ему, что без лени я писал бы еще хуже или не писал бы ничего. Буди с тобою сила Аполлонова и благословение дев парнасских!

P. S. Напиши сам письмо к Ивану Матвеевичу о твоем деле. Я берусь за исполнение твоей просьбы, но надобно, чтоб ты сам его попросил. Успокой меня, Катерину Федоровну и свою совесть.

Прости, отшельник мой,
Белева мирный житель!
Да будет Феб с тобой,
Твой бог и покровитель!
Будь счастлив, наш Орфей,
Харит любимец скромной!
Как юный соловей
В глуши дубравы темной
С подругой дни ведет,
С подругой засыпает —
Невидимый поэт
Невидимо пленяет
Пастушек, пастухов
И жителей пустынных,—
Так ты, краса певцов,
Среди забав невинных
В отчизне золотой
Прелестны гимны пой
Под сению свободы,
Достойные природы
И юныя весны!
Тебе — одна лишь радость,
Мне — горести даны!
Как сон, проходит младость
И счастье прежних дней!
Все сердцу изменило:
Здоровье легкокрыло
И друг души моей.
Я стал подобен тени,
К смирению сердец,
Сух, бледен, как мертвец;
Дрожат мои колени,
И ноги ходуном;
Глаза потухли, впали,
Спина дугой к земле,
И скорби начертали
Морщины на челе.
Вся, вся исчезла сила
И доблесть юных лет.
Увы! мой друг, и Лила
Меня не узнает!
Кивая головою,
Мне молвила она,
(Как древле Громобою
Учтивый Сатана):
«Усопший, мир с тобою!..
Усопший, мир с тобою!»
Ах, это ли одно
Мне роком суждено
За стары прегрешенья?
Нет, новые мученья,
Достойные бесов:
Свои стихотворенья
Читает мне Хвостов
И с ним певец досужий,
Его покорный бес,

Как он, на рифмы дюжий,
Как он, головорез:
Поют и напевают
С ночи до бела дня,
Читают мне, читают,
И до смерти меня
Убийцы зачитают!

Прости, будь счастлив и здоров; приготовь мне эпитафию и не забудь в ней сказать, что я любил тебя, как друга. Твой *Батюшков.*

<Приписка А. И. Тургенева>:

Здравствуй, милый Жуковский! Не сердись на меня за молчание и докажи это, написав ко мне хоть несколько строк. Не забудь приехать обедать к нам в Петербург на 1812 году: бифштекс, английская горчица будут готовы! Присылай свои новые сочинения и люби твоего Тургенева. Я буду много писать к тебе: теперь душа не на месте. Любовь унесла надежду, надежду, мой сладкий удел. Я должен был отправить это письмо к Дашкову и к Блудову для приписания, но боюсь, чтоб он не задержал его. Брат тебе кланяется. Он готовится в министры финансов. Право, дельный малый. Будет прок!

<Приписка Д. В. Дашкова>:

И я любезному Василью Андреевичу свидетельствую мое искреннее почтение.

Дашков.

---

[1] Ты радуешься весне, солнцу, хорошему дню (*фр.*).

121. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

1 июля 1812. <Петербург>

Давно, очень давно я не получал от тебя писем, мой милый друг. Что с тобою сделалось? Здоров ли ты? Или так занят политическими обстоятельствами, Неманом, Двиной, позицией направо, позицией налево, передовым войском, задними магазинами, голодом, мором и всем снарядом смерти, что забыл маленького Батюшкова, который пишет к тебе с Дмитрием Васильевичем Дашковым. Я завидую ему: он тебя увидит; он расскажет тебе все здешние новости, за которые, по совести, гроша давать не надобно: все одно и то же. Я еще раз завидую московским жителям, которые столь покойны в наше печальное время, и, я ду-

маю, как басенная мышь, говорят, поджавши лапки: Чем, грешная, могу помочь! У нас все не то! Кто глаза не спускает с карты, кто кропает оду на будущие победы. Кто в лес, кто по дрова! Но бог с ними! Присылай сюда поскорее любезного Северина, без которого нам сгрустилось: пора ему в Питер. Что делает Балладник? Говорят, что он написал стихов тысячи полторы, и один другого лучше! Вот кстати, говоря о нашем певце Асмодея, сказать можно: чем черт не шутит! Пришли мне Жуковского стихов малую толику, да пиши почаще, мой милый и любезный Князь. А впрочем, Бог с тобой! Кстати, поздравлю тебя с прошедшими именинами, которые ты провел в своем ЗАГОРОДНОМ ДВОРЦЕ, конечно, весело. Еще раз прости и не забывай твоего *Батюшкова.*

122. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Первая половина> июля 1812. <Петербург>

Я от тебя давно не имею писем, мой милый друг, и начинаю думать, что ты меня забыл. Вот более недели, как я болен и не выхожу из комнаты, на досуге что делать? Писать к тебе. Северин у меня бывает очень часто; я люблю его от всей души; с ним-то мы говорим о тебе, и если он прервет материю или начнет мне рассказывать о Москве, о Пушкине, то я, подобно Анжелике, с глубоким вздохом, с глазами, *отуманенными тоскою*, повторяю ему: «Parle moi de Médor, ou laisse-moi rêver!» [1] Таким-то образом проводим мы время, имея мало надежд, но много сладостных воспоминаний. В числе надежд Северина — военная служба; к несчастию — не моя. Если бы не проклятая лихорадка, то я бы полетел в армию. Теперь стыдно сидеть сиднем над книгою; мне же не приучаться к войне. Да кажется, и долг велит защищать Отечество и Государя нам, молодым людям.

Подожди! Может быть, и я, и Северин препояшемся мечами... если мне позволит здоровье, а Северину обстоятельства. Проворному не долго снаряжаться. Что затевает Пушкин?.. Он ни к кому не пишет, всех позабыл. Бог с ним! Я читал балладу Жуковского: она очень мне понравилась и во сто раз лучше его дев, хотя в девах более поэзии, но в этой более grâce [2], и ход гораздо лучше. Жаль, впрочем, что он занимается такими безделками; с его воображением, с его дарованием и более всего с его

искусством можно взяться за предмет важный, достойный его. Пришли мне его послание ко мне, сделай одолжение — пришли. Будь здоров, будь весел и пиши поприлежнее. Vale et me ama! [3] *Батюшков.*

Сию минуту Милонов сказал мне, что Грамматин едет в Москву. Я посылаю это письмо через него.

---

[1] Говори мне о Медоре или оставь меня мечтать! (*фр.*)
[2] изящества (*фр.*).
[3] Прощай и люби меня! (*лат.*)

123. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

21 июля 1812. Петербург

Твое письмо от 30-го прошедшего месяца я получил сегодня, то есть 21-го июля, потому что я живу не в католической церкви, *а в доме Балабина, что напротив Гостиного двора*, куда адресуй ко мне письма. Вчера Северин показывал мне твое письмо. Ты поручик! Чем черт не шутит! А я тебе завидую, мой друг, и издали желаю лавров. Мне больно оставаться теперь в бездействии, но, видно, так угодно судьбе. Одна из главных причин моего шаликовства, как ты пишешь,— недостаток в военных запасах, т<о> е<сть> в деньгах, которых здесь вдруг не найдешь, а мне надобно бы было тысячи три или более. Иначе я бы не задумался. Северин остается при коллегии. Что-то будет делать Жуковский?.. А мы здесь, мой друг, умираем со скуки. Цвет молодости в армии, женщины по дачам,— здесь одни дрожди. Не приедешь ли ты мимоездом в Питер, ты, новый воин, приезжай: мы тебя вооружим рыцарем, и ты, новый рыцарь, посмеешься над твоим другом, который и печален и болен от скуки, который прежде времени состарелся, и про которого ты скажешь, глубоко, глубоко вздохнув: Ses pas sont lents, et l'altière jeunesse Par un sourire insulte à sa faiblesse! [1]

Прости, будь здоров, О ПАЧЕ ВСЯКИХ МЕР ВЕЛИКОДУШНЫЙ ВОИН («Илиада» Кострова), и не забывай твоего *Батюшкова.*

---

[1] Шаги его медленны, и гордая юность улыбкой наносит оскорбление его слабости (*фр.*).

124. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

9 августа <1812. Петербург>

И я к тебе не писал, мой милый друг и сестра, потому что не знал, решиться ли на приглашение Катерины Федоровны мне приехать к ней, для того чтоб отвезти ее в Петербург. Теперь решился, ибо она об этом еще раз написала Лизавете Марковне. Я должен буду ехать в Москву, но там долее месяца не останусь. Прежде моего отъезда, который назначаю через три дни, я еще раз буду писать к тебе. Одно меня истинно огорчает. Павел Алексеевич писал ко мне, что пришлет мне верющее письмо на имение, и до сих пор его не имею. Я ожидал сего письма более двух месяцев: тогда (а я об этом и писал ему несколько раз), тогда можно было иметь деньги, и я уже взял некоторые меры. Теперь, Бог знает, успею ли что-нибудь сделать, а все от замедления! Это меня истинно огорчает. Я отъезд мой в Москву старался оттянуть как можно более, чтоб выгадать время для хождения по закладной, ожидал несколько почт и ничего не получил. Хорошо, если письмо брата застанет меня здесь; тогда до отъезда я могу подать просьбу, а дело пойдет и без меня. Здесь остаться мне невозможно. К<атерина> Ф<едоровна> ожидает меня в Москве больная, без защиты, без друзей: как ее оставить? Вот единственный случай ей быть полезным!

Описание твоих беспокойств и путешествий меня истинно огорчает. Я теперь вправе дать тебе совет и желаю, чтоб ты его послушалась, а именно: не расставайся с сестрами; ради бога, будьте вместе; вот единственный способ быть покойнее, и лучше вместе жить в Вологде, нежели теперь одной в Хантонове. Не презирай моего совета. Что же касается до поездки к батюшке, то, мой милый друг, я тебе ничего сказать не могу решительного; кажется, лучше не ездить. Пиши к нему чаще; утешай его, как можешь. Я истинно огорчаюсь, сравнивая твое положение с моим. Я здесь спокоен, ни в чем нужды не имею, а ты, мой друг, и нуждаешься, и хлопочешь, и за нас всех в огорчении. Бог тебя за это наградит, мой милый и единственный друг! Бога ради, живите дружнее между собою! Такое ли время теперь, чтоб хотя одну розную мысль иметь? У тебя с деревни назначено много рекрут, это меня огорчает, и с Вологды опять назначены. Пусть старосты управляются, как хотят, и брат их, верно, не оставит своим

покровительством, хотя и ему в нынешнее время большого досугу нет. Здесь, мой друг, ничего нового не имеется. Кстати, Вера Осиповна выходит замуж за Бутримова: молодой человек, очень не дурен собой, и триста душ. Я был на сговоре, который похож был на сюрприз. Все Барановы в большой радости. На сговоре был Павел Львович с женой, Рост с женой, Абрам Ильич, я да мамзель Дешам. Поцелуй за меня милых сестер Лизавету и Вареньку, поцелуй и деточек: и Алешу, и Сашу, и Парашу; дай бог вам здоровья, буду писать более и подробнее. *К. Бат.*

По сему приложенному письму прошу тебя, мой друг, исполнить, если есть на то возможность. Пишет брат Якова, которым до сих пор я доволен.

Скажи Лизавете, что я видел недавно славную сочинительницу Коринны и Дельфины, мадам Сталь, с которой провел целый вечер у г<рафини> Строгоновой; она едет в Америку. У ней дочь красавица, а она одевается на манер Линеманши. Дурна как черт и умна как ангел. Прости!

125. Д. В. ДАШКОВУ

9 августа <1812. Петербург>

Я долго ожидал писем от вас, любезнейший Дмитрий Васильевич, и наконец получил одно, которое меня совершенно успокоило. Вы жалуетесь на беспокойное путешествие, на телеги и кибитки, которые нам, конечно, достались от Татар, а не хотите пожалеть обо мне. Я и сам на днях отправляюсь в Москву и буду mutar ogn'ora di vettura [1], то есть поеду на перекладных *по почте*. Там-то вы найдете вашего покорного слугу в доме К. Ф. Муравьевой. Еще раз пожалейте обо мне: я увижу и Каченовского, и Мерзлякова, и весь Парнас, весь сумасшедших дом, кроме нашего милого, доброго и любезного Василья Львовича, который пишет мне, что какой-то Венев, город вовсе неизвестный на лице земном, будет обладать его особою. Теперь поговорить ли о петербургских знакомых, например, о Батые, о Тамерлане, о Чингисхане-поэте, который *уничтожил* Расина, Буало, Лафонтена и проч.? Сказать ли вам, что он написал оду на мир с турками; ода, истинно ода, такого дня и года! Поговорить ли с вами о нашем об-

ществе, которого члены все подобны Горациеву мудрецу или праведнику, все спокойны и пишут при разрушении миров:

Гремит повсюду страшный гром,
Горами к небу вздуто море,
Стихии яростные в споре,
И тухнет *дальний солнцев дом*,
И звезды падают рядами:
Они покойны за столами,
Они покойны. Есть перо?
Бумага есть? И — все добро!
Не видят и не слышут...
И все пером гусиным пишут!

Пишут, и написали, и напечатали два нумера с вашего отъезда, и бедному доброму или бодрому Лапушнику досталось по ушам. Вот и все наши новости. Все идет по-старому. Мы часто бываем, мы, то есть Северин, Трубецкой и Батюшков, мы бываем у Д. Н. Блудова, который дает нам ужины, гулянья на шлюпке, верхом и пр., и мы ужинаем и катаемся, louant Dieu de toute chose [2], как мудрец Гаро в Лафонтеновой басне; недостает вас, любезнейший Дмитрий Васильевич, и мы это чувствуем ежедневно; недостает, по крайней мере у меня, спокойствия душевного, и вот почему наши удовольствия не совершенно чисты. Но где они чисты? Разве в доме сумасшедших или «За синим океаном Вдали, в мерцании багряном», или... Бог знает где! Я очень скучаю и надеюсь только на войну: она рассеет мою скуку, ибо шпага победит тогу, и я надену мундир, и я поскачу маршировать, если... если... будет это возможно. Но мы увидимся сперва в Москве, где я надеюсь быть в скором времени; там-то я готов возобновить с доктором Каченовским ваш ученый спор, если не испугаюсь его железного самолюбия и коварно-презрительной улыбки переводчика «Илиады», «Одиссеи», «Энеиды» и г-жи Дезульер, если не испугаюсь словообилию Иванова, и калмыцких глаз Воейкова, и Жан-Жако-Мерсьеровских порывов Глинки, который недавно получил Владимирский крест, с чем его от всей души поздравляю. Простите, любезнейший Дмитрий Васильевич, любите меня столько, сколько я вас люблю и уважаю, и вы меня очень любить будете; пишите чаще и адресуйте письма к Северину, который пришлет в Москву, если оно меня здесь не застанет. *Батюшков.*

Кланяется вам М. А. Салтыков и его жена.

---

[1] все пересаживаться (*ит.*).
[2] благодаря Бога за все (*фр.*).

126. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

16 августа <1812. Петербург>

Любезный друг Александра Николаевна, вчера я получил твое письмо и сегодня спешу ответом. Я очень чувствую, сколь неприятно твое положение, и тем более прошу тебя не отлучаться от сестер. Всякое горе вместе терпеть должно. Мы же, к несчастию, живем в такие времена, каковым и примеру не сыщешь. Поверь мне, есть и нас несчастнее! Это не утешительно для доброго сердца. Что же делать? Терпеть и надеяться! Я не советую ехать в Даниловское; ты будешь спокойнее в Вологде. Оставь, бога ради, оставь вовсе деревню. Если Захаров никуда не годен, то вели его отдать в рекруты, а если и туда не годится, то дай ему свободу. Я на этого человека спокойно глядеть не могу после добра, которое для него делали, и за какие услуги?

Старост обоих поблагодари от меня за их исправность по рекрутству: ими брат Павел Алек<сеевич> весьма доволен; скажи им, что я им буду за это и сам благодарен, особливо Ивану.

Теперь, мой друг, скажу тебе, что я отправляюсь в Москву вместе с Иваном Матвеевичем, который имеет нужду ехать туда, и письма не замедля адресуй ко мне в Москву на имя Петра Алексеевича Ижорина, возле Донского монастыря, ибо Катерина Федоровна свой дом продала и живет теперь на даче. Прилагаю у сего ее письмо. Ты видишь, что я должен был ехать. Что же касается до страха твоего, чтоб я не вошел в военную службу, то он несправедлив: я не войду в оную, а если и войду снова, то что ты чрез то, мой милый друг, потеряешь? Я за тысячу верст от тебя, а тогда буду за две. Вот и все тут. Но теперь еще дело не о том. Поцелуй за меня Вариньку и скажи ей, что воспитанница к<нягин>и Голицыной Ильинская ей кланяется. Поцелуй за меня Лизавету и скажи ей, что я ее люблю, как душу, что Вера Осиповна невеста и у ней жених чернобровый и черноглазый, что и свадьба будет в непродолжительном времени; а брату Павлу Алексеевичу — что я не мог дождаться его верющего письма на мое имя и что теперь (потому что опоздал) вряд ли можно иметь деньги, но что, если это все переменится, я возьмусь за хождение с радостию. Вот единственный способ ему показать услугу за его услуги и за его дружбу ко мне. Прости, мой друг, будь здорова и пиши в Москву. *К. Б.*

127. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Вторая половина августа 1812. Москва>

Я приехал несколько часов после твоего отъезда в армию. Представь себе мое огорчение: и ты, мой друг, мне не оставил ниже записки. Сию минуту я поскакал бы в армию и умер с тобою под знаменами отечества, если б Муравьева не имела во мне нужды. В нынешних обстоятельствах я ее оставить не могу: поверь, мне легче спать на биваках, нежели тащиться в Володимир на протяжных. Из Володимира я прилечу в армию, если будет возможность. Дай бог, чтоб ты был жив, мой милый друг! Дай бог, чтоб мы еще увиделись! Теперь, когда ты под пулями, я чувствую вполне, сколько я тебя люблю. Не забывай меня. Где Жуковский?

К. Б.

128. Е. Н. и П. А. ШИПИЛОВЫМ

7 сентября <1812 г.> Владимир

Я из Москвы отправился с Катериной Федоровной в Нижний и теперь пишу из Володимира. Она очень нездорова. Я надеялся возвратиться в Петербург, а теперь — и за то благодарю Бога! еду в Нижний. К батюшке писать не успел из Москвы, а почта на Петербург еще не учреждена здесь. Бога ради, успокойте его, мои друзья, и скажите ему, что я буду в деревню из Нижнего; мне хочется с Вами увидеться.

Сколько слез! — Два мои благотворителя, Оленин и г. Татищев, лишились вдруг детей своих. Оленина старший сын убит одним ядром вместе с Татищевым. Меньшой Оленин так ранен, что мы отчаиваемся до сих пор! Бедные родители!

Пришли мне оброк в Нижний Новгород, я буду иметь крайнюю нужду в деньгах. Приготовьте его, а из Нижнего я писать буду. Будьте здоровы, покойны и неразлучны. Бог с вами со всеми! — Рука не поднимается описывать вам то, что я видел и слышал. Простите.

Сегодни еду в Нижний из Володимира.

129. Н. И. ГНЕДИЧУ

7 сентября 1812. Владимир

Я писал к тебе из Москвы о несчастии двух Олениных: о смерти бедного Николая и о жестокой болезни Петра. Теперь пишу тебе из Володимира, что Петру, слава Богу, полегче. Он здесь под присмотром Архаровых, которые его с своим домашним лекарем проводят до Нижнего. Мы и сами отправляемся туда же. Кроме того, за Петрушей присматривает весьма прилежно его мальчик, переменяет белье исправно и лекарство не устает давать. Кажется, что Петр будет здоров совершенно. Я описываю тебе сии подробности затем, чтоб ты, мой милый друг, пересказал их бедным родителям, потерявшим сына, утешение жизни. Успокой их хоть немного насчет другого. Не приедет ли кто-нибудь из них в Нижний? У меня голова идет кругом от нынешних обстоятельств! Прощай, пиши в Нижний на мое имя. Знакомым поклонись. *Батюшков.*

P. S. Сегодня мы едем в Нижний Новгород, и Оленин сегодня едет туда же. Я его увижу на дороге и в первом городе уведомлю тебя о его здоровье. Бога ради, уведомь меня, получил ли ты письмо из Москвы.

130. Н. Л. БАТЮШКОВУ

27 <сентября> 1812. <Нижний Новгород>

Любезный батюшка! Вы, конечно, изволите беспокоиться обо мне во время моего путешествия в Москву, из которой я благополучно приехал в Нижний Новгород, где с нетерпением ожидаю писем ваших. Отсюда я отправляюсь или в деревню, или в Петербург, немедля по получении денег, ибо здесь делать нечего. Город мал и весь наводнен Москвою. Печальные времена! Но мы, любезный батюшка, как граждане и как люди, верующие в Бога, надежды не должны терять. Зла много, потеря честных людей несчетна, целые семейства разорены, но все еще не потеряно: у нас есть миллионы людей и железо. Никто не желает мира. Все желают войны, истребления врагов. Я совершенно спокоен на счет Ваш, любезный

батюшка: ваш край в безопасности. Итак, поручая себя в милости Ваши, целуя руки ваши и прося родительского благословения, остаюсь по смерть преданный Вам сын *Конст. Батюшк.*

131. Н. И. ГНЕДИЧУ

3 октября 1812. Нижний Новгород

Любезный друг, я в Нижнем; слава богу, здоров телом, а о душе ни слова. Писал к тебе из Москвы, из Володимира, из Нижнего, но ни строки в ответ не имею. Скажи Алексею Николаевичу, что Петру легче; я его вижу каждый день и каждый день радуюсь успехам лекаря или натуры. Он вне опасности, а в Москве, хотя я и писал противное, на волос был от смерти. Архаровы его не покидают. Сегодня он катался в нашей карете; еще очень слаб и от слабости распух, но это пройдет, конечно. Всякий раз, когда у него бываю, он мне рад как родному; я его утешаю скорым свиданием с родными — но о брате он очень беспокоится. Дай бог, чтобы Лизавета Марковна или сам Алексей Николаевич сюда приехали; если же им нельзя, то я могу его проводить до Петербурга через месяц: ранее невозможно ему ехать. Но решительно о себе ничего не скажу. Я хочу отправиться в армию или возвратиться в Петербург и ожидаю денег из деревни. Попроси Алексея Николаевича, чтоб он на меня не гневался за просрочку отпуска. Я не мог ехать в Петербург; и теперь почтовых нигде нет. Я к нему писал; Архаровы не имеют ответа на письма, и мы все об Алексее Николаевиче и Лизавете Марковне беспокоимся. Уверь их в моей преданности и поклонись милому и почтенному Ивану Андреевичу. Будь здоров и надейся на бога. Целую тебя. *К. Б.*

132. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

3 октября <1812. Нижний Новгород>

Я обрадовался твоему письму, как самому тебе. От Карамзиных узнал, что ты поехал в Вологду, и не мог тому надивиться. Зачем не в Нижний? Впрочем, все равно! Нет ни одного города, ни одного угла, где бы можно было найти спокойствие! Так, мой милый, любезный друг, я жалею о тебе от всей души; жалею о княгине, принужденной тащиться из Москвы до Ярославля, до

Вологды, чтобы родить в какой-нибудь лачуге; радуюсь тому, что добрый гений тебя возвратил ей, конечно, на радость. Вот мои мысли. При всяком несчастии, с тобой случившемся, я тебя более и более любил: Северин тому свидетель. Но дело не о том. Ты меня зовешь в Вологду, и я, конечно, приехал бы, не замедля минутой, если б была возможность, хотя Вологда и ссылка для меня одно и то же. Я в этом городе бывал на короткое время и всегда с новыми огорчениями возвращался. Но теперь увидеться с тобою и с родными для меня будет приятно, если судьбы на это согласятся; в противном случае я решился,— и твердо решился,— отправиться в армию, куда и долг призывает, и рассудок, и сердце, сердце, лишенное покоя ужасными происшествиями нашего времени. Военная жизнь и биваки меня вылечат от грусти. Москвы нет! Потери невозвратные! Гибель друзей! Святыня, мирные убежища наук, все оскверненное толпою варваров! Вот плоды просвещения или, лучше сказать, разврата остроумнейшего народа, который гордился именами Генриха и Фенелона!.. Сколько зла! Когда будет конец? — Ужасно! Ужасно! ...К чему прибегнуть? На чем основать надежды? Чем наслаждаться? А жизнь без надежды, без наслаждения — не жизнь, а мучение... Вот что меня влечет в армию, где я буду жить физически и забуду на время собственные горести и горести моих друзей.

Здесь я нашел всю Москву. Карамзина, которая тебя любит и любит и уважает княгиню, жалеет, что ты не здесь. Муж ее поехал на время в Арзамас. Алексей М<ихайлович> Пушкин плачет неутешно: он все потерял, кроме жены и детей. Василий Пушкин забыл в Москве книги и сына: книги сожжены, а сына вынес на руках его слуга. От печали Пушкин лишился памяти и насилу вчера мог прочитать Архаровым басню о соловье. Вот до чего он и мы дожили! У Архаровых сбирается вся Москва или, лучше сказать, все бедняки; кто без дома, кто без деревни, кто без куска хлеба, и я хожу к ним учиться физиономиам и терпению. Везде слышу вздохи, вижу слезы — и везде глупость. Все жалуются и бранят французов по-французски, а патриотизм заключается в словах: point de paix! [1] Истинно много, слишком много зла под луною; я в этом всегда был уверен, а ныне сделал новое замечание: человек так сотворен, что ничего вполне чувствовать не в силах, даже самого Зла: ибо с потерею Москвы можно бы потерять жизнь; потерю Москвы немногие постигают. Она, как солнце, ослепляет. Мы все

в чаду. Как бы то ни было, мой милый, любезный друг, так было угодно Провидению!

Тебе же, как супругу и отцу семейства, потребна решительность и великодушие. Ты не все потерял, а научился многому. Одиссея твоя почти кончилась. Ум был, а рассудок пришел. Не унывай, любезный друг, время все уносит и самые горести; со временем будем еще наслаждаться дарами фортуны и роскоши, а пока дружбою людей добрых, в числе которых и я: ибо любить умею моих друзей, и в горе они мне дороже. Кстати о друзьях: Жуковский, иные говорят — в армии, другие — в Туле. Дай бог, чтобы он был в Туле и поберег себя для счастливейших времен. Я еще надеюсь читать его стихи, милый друг, надеюсь, что не все потеряно в нашем отечестве, и дай Бог умереть с этой надеждою. Если же ты меня переживешь, то возьми у Блудова мои сочинения, делай с ними что хочешь; вот все, что могу оставить тебе. Может быть, мы никогда не увидимся! Может быть, штык или пуля лишит тебя товарища веселых дней юности... Но я пишу письмо, а не элегию; надеюсь на Бога и вручаю себя Провидению. Не забывай меня и люби, как прежде. Княгине усердно кланяюсь и желаю ей счастливо родить сына, а не дочь. *К<онстантин> Б<атюшков>*.

Познакомься с моим зятем и полюби его: он добрый человек и меня любит, как брата. Засвидетельствуй мое усерднейшее почтение Юрию Александровичу; мы думали здесь, что он поехал в Казань.— Пиши в Нижний Новгород и не пропусти почты: иначе письмо твое меня не застанет. Я решился ехать в Петербург к должности, или в армию, тотчас по получении денег. Я не пишу о подробностях взятия Москвы варварами: слухи не все верны, да и к чему растравлять ужасные раны?

---

[1] Ни слова о мире (*фр.*).

133. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Октябрь 1812. Нижний Новгород>
В день отъезда Оленина.

Я получил твое письмо вчера и, в ожидании почты, напишу тебе несколько строк. Письмо твое меня опечалило и успокоило вместе. Слава Богу, ты жив и здоров, а для нынешнего времени и за это надобно благодарить небо.

Мы живем теперь в трех комнатах, мы — то есть Катерина Федоровна с тремя детьми, Иван Матвеевич, П. М. Дружинин, англичанин Евенс, которого мы спасли от французов, две иностранки, я, грешный, да шесть собак. Нет угла, где бы можно было поворотиться, а ты знаешь, мой друг, как я люблю быть один сам с собою.— Нет, я никогда так грустен и скучен не бывал! Чего мне недостает? Не знаю. Меня любят не только люди, с которыми живу, но даже и москвичи. Здесь Карамзины, Пушкины, здесь Архаровы, Апраксины, одним словом — вся Москва; но здесь для меня душевного спокойствия нет и, конечно, не будет. Ужасные происшествия нашего времени, происшествия, случившиеся, как нарочно, перед моими глазами, зло, разлившееся по лицу земли во всех видах, на всех людей, так меня поразило, что я насилу могу собраться с мыслями и часто спрашиваю себя: где я? что я? Не думай, любезный друг, чтобы я по-старому предался моему воображению, нет, я вижу, рассуждаю и страдаю.

От Твери до Москвы и от Москвы до Нижнего я видел, видел целые семейства всех состояний, всех возрастов в самом жалком положении; я видел то, чего ни в Пруссии, ни в Швеции видеть не мог: переселение целых губерний! Видел нищету, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны и с трепетом взирал на землю, на небо и на себя. Нет, я слишком живо чувствую раны, нанесенные любезному нашему отечеству, чтоб минуту быть покойным. Ужасные поступки вандалов или французов в Москве и в ее окрестностях, поступки, беспримерные и в самой истории, вовсе расстроили мою маленькую философию и поссорили меня с человечеством. Ах, мой милый, любезный друг! зачем мы не живем в счастливейшие времена! зачем мы не отжили прежде общей погибели! — Но оставим эту неистощимую материю и поговорим о деле.

Если Блудов еще не уехал, то съезди к нему от меня и, пожелав ему всякого счастия от моего имени,— ибо я его люблю и уважаю как человека доброго, честного и умного, три редкие качества в наше время,— попроси его, чтоб он тебе вручил книгу с моими стихами или копию с них, которую ты оставишь у себя до счастливейших времен. Если небесами суждено тебе пережить меня, то ты будешь иметь право на мое маранье: оно по крайней мере будет драгоценно для тебя, ибо напомнит тебе о человеке, который любил тебя десять лет, как друга, как брата. Нам не худо делать завещания, особенно мне.

Попроси Блудова, чтобы он меня не забывал в каменном Стокгольме; скажи ему, что добрые люди Caelum, non animum mutant, qui trans mare currunt [1], что где бы он ни был, нигде, ни в какой земле, не найдет столько добрых людей, сколько в нашем отечестве. Северину пожелай от меня счастливого пути и скажи ему, что я ему завидую от всей души. Узнай и уведомь меня, куда поехал добрый мой знакомец Салтыков, которого ты у меня видал? Поклонись Тургеневу: я его люблю как душу, и Жихарева обними. Как я жалею о тебе, любезный друг! Зная твою душу и сердце, наклонное к задумчивости, зная по опыту, что одному трудно переносить горе и бедствия, всякий раз с новым и с живым соболезнованием помышляю о тебе, о твоем одиночестве. Когда мы увидимся? И что за свидание! Везде плач и слезы! Об Олениных я и думать не могу без содрогания. Их потеря невозвратима, но Петр будет жив и, кажется мне, совершенно здоров. Дай Бог! По крайней мере, и это утешение. Я люблю и почитаю Оленина более, нежели когда-нибудь. Напомни обо мне Крылову и Ермолаеву. Что сделалось с Библиотекою? Ходишь ли ты в нее по-прежнему?

Если б было время и охота, я описал бы тебе наш город, чудный и прелестный по своему положению, чудный по вмещению Москвы. Здесь все необыкновенно. Это обломок огромной столицы. При имени Москвы, при одном названии нашей доброй, гостеприимной, белокаменной Москвы, сердце мое трепещет, и тысяча воспоминаний, одно другого горестнее, волнуются в моей голове. Мщения! мщения! Варвары! Вандалы! И этот народ извергов осмелился говорить о свободе, о философии, о человеколюбии; и мы до того были ослеплены, что подражали им, как обезьяны! Хорошо и они нам заплатили! Можно умереть с досады при одном рассказе о их неистовых поступках. Но я еще не хочу умирать, итак, ни слова. Но скажу тебе мимоходом, что Алексей Николаевич совершенно прав; он говорил назад тому три года, что нет народа, нет людей, подобных этим уродам, что все их книги достойны костра, а я прибавлю: их головы — гилиотины.

Я начал это письмо назад тому шесть дней и не мог кончить. Приехал Вильямс с твоим письмом, на которое я и духу отвечать не имею, кроме восклицания: О!.. Слава Богу, что ты здоров! Оленин тебя обрадует; ему гораздо лучше; память его слаба, но от слабости телесной, то есть всего тела, а не от мозгу, хотя удар и был в голову.

Но и это со временем пройдет, без всякого сомнения. Приласкай его и за меня. Он весьма добрый малый и может быть утешением своих родителей. Теперь, как опасность миновалась, можно сказать, что Петр приехал издалече, то есть из царства мертвых.

Я получил деньги из деревни, но писем не имею: вот почему еще не могу решиться ни на что. Завтра ожидаю писем и отправлюсь или в Петербург, или в *армию*, да, в армию, где проведу всю зиму. Судьбе располагать мною, тебе — меня любить во всех состояниях и, если можно, извинять перед здравым рассудком, но не перед дружеством. Извинять меня перед Алексеем Николаевичем не должно: он знает лучше другого ценить людей, которые из доброй воли подвергают себя пулям, и конечно, на меня не рассердится, что я оставлю Библиотеку; а если и выйду в отставку по окончании кампании (что я сделаю непременно), то не лишит меня и тогда своего покровительства. Бога ради, уведомь меня, получил ли он мои письма; у доброй и почтенной Лизаветы Марковны поцелуй ручку. Но я еще не совсем решился ехать в армию — ожидаю писем. Муравьев тебя велел обнять. Тебе кланяется Филимонов: он правитель канцелярии у графа Толстого. Ермолаеву и Крылову поклонись пониже. Пошли к моему дяде Батюшкову спросить о его здоровье и сказать ему от меня поклон, и что я здоров, живу в Нижнем.

Пошли к кн<язю> Трубецкому, что служит у Дмитриева, и попроси его отдать тебе 40 рублей, которые он мне должен; прибавь еще своих 60 и отдай сто за квартиру, где я жил, а мебели возьми к себе или отдай их Жихареву, если у тебя места нет. Бога ради, сделай это не замедля. На кушанье мальчику я тебе пришлю по первой почте. Бога ради, спроси у Блудова мою тетрадь и мои книги, а если он в Швеции, то напиши к нему и туда через Жихарева, который, будучи знаком с иностранной коллегией, перешлет твое письмо. Поклонись от меня Абраму Ильичу и узнай, здоров ли Гриша? Съезди его посмотреть и сам. Жихарева поцелуй в лоб и в правое плечо, да посоветуй умереть от объядения: смерть воистину славная в то время, как все умирают с голоду! Улисс многотерпящий кланяется Мальвине: он нашел здесь Калипсу и превратился в свинью; иначе — он очень поглупел.

Не забудь моей просьбы о квартире и о Блудове и пиши, нимало не замедля, в Нижний; твое письмо меня

застанет, но адресуй его на имя Катерины Федоровны на всякий случай.

Когда Северин отправится в Лузитанию?

---

[1] Спеша через море, меняют небо, а не душу (*лат.*).

134. Е. Г. ПУШКИНОЙ

<Середина ноября 1812. Нижний Новгород>

Честь имею донести, что по рапортам печатным, от 8 числа из Красного и под Добрым — разбил Кутузов всю главную армию под командою Бонапарта и Даву и Нея; взял в плен в главном деле 9170, офицеров 58, двух генералов и дубину маршала Даву. Это дело было 5 ноября, и великий Наполеон ускакал со свитою к лядам, оставя Даву на съедение. Кутузов или *князь Смоленский* тогда скушал Нея, окружил его и принудил его корпус положить ружье, а корпус был числом 12 000; нашли на дороге 112 орудий, а их взято более. Рука дрожит от радости, и особливо Иван Матвеевич с этим вас поздравляет. Всю водку выпью за здоровье Нея и Бонапарта.

135. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

7 декабря <1812. Нижний Новгород>

Я уверен по собственному сердцу, мой добрый и любезный друг, что ты желаешь меня видеть; и не худо было бы увидеться, хотя еще раз на этом свете. И ты и я улетим бог весть куда. Меня принимает к себе в адъютанты А. Н. Бахметев и обещал отправить в армию: судьба жестокая! Зачем мы не вместе будем делить и печали и нужду! Как бы то ни было, я желаю с тобою увидеться в армии. Оставить тебе княгиню я не могу советовать, но если ты принужденным находишь остаться в военной службе, то, конечно, предпочтешь армию и деятельную жизнь при своем генерале гарнизонной службы в Мамоновом полку, который мне вовсе не нравится. В таком случае, может быть, мы увидимся при пушечных выстрелах, я желаю этого от всего сердца. Теперь, любезный друг, если будет возможность, я приеду хоть на сутки в Вологду, истинно за тем, чтобы с тобой увидеться. Мы много видели, много жили в течение четырех месяцев, и конечно,

не устанем говорить, и не наговоримся. Я тебя всегда любил, и может быть, более нежели ты меня: ты делишь свою душу с женой, с редкой женщиной, которой и женщины любят отдавать справедливость; я живу весь для друзей. Теперь прости! если я не смогу приехать в Вологду, что легко может быть, ибо я теперь завишу от обстоятельств, то к тебе писать буду, и напишу длинное письмо. Отвечай мне на это; да пришли твои стихи, послание, о котором мне сказывал мой зять.

Ты ко мне слова не писал о твоем житье-бытье. Как ты время провел в Вологде, которую я очень не люблю. Впрочем, и в Нижнем не очень весело: если бог приведет нам увидеться, то я расскажу очень много забавного о наших старых знакомых, которые тебя все помнят. Тебе известны стихи В. Л. Пушкина:

О, волжских жители брегов,
Примите нас под свой покров...

Но ты, конечно, не знаешь, как А. М. Пушкин их пародировал. Тебе много неизвестно! И у нас было чудес! чудес!

Где Жуковский? ему дали Владимира? правда ли это? Северин уехал и хорошо сделал; я его очень люблю. Блудова нет — право, и в Питере не очень весело; до сих пор ходят нос повеся.

136. Н. Ф. ГРАММАТИНУ

<Январь 1813. Вологда>

Покорнейше благодарю вас, милостивый государь Николай Федорович, за приятное письмо ваше, на которое я не отвечал до сих пор за недосугом. Я дотащился сюда здоров и цел вопреки холоду, который и до сих пор продолжается. Я думаю, что такой зимы и в Лапландии не бывало; а вы хотите, любезный друг, чтоб я воспевал розы, благоуханные рощи, негу и любовь, тогда как все стынет и дрожит от стужи! Поверьте, что с приезду сегодня в первый раз взялся за перо. Вы мою музу называете *бессмертною*; за это вам очень благодарен; я все похвалы от друзей моих и от людей, которых уважаю, принимал за чистую монету, но здесь вижу насмешку, или шутку, или ошибку, или что вам угодно. У нас бессмертных на Парнасе только два человека: Державин и граф Хвостов. И тот и другой — чудесные люди: первый —

потому, что не зная грамоты, пишет как Гораций, а другой — потому, что пишет 40 лет и не знает грамоты, пишет беспрестанно и своим бесславием славен будет в позднейшем потомстве. Между сих великих мужей все стоящие — смертны, а я — все самолюбие в сторону — хуже того и хуже другого. Но дело не в том! Вы желаете моих стихов, которые я, конечно, не замедля к вам бы доставил, если бы были со мною. Все остались в Петербурге и, может быть, потеряны. Мы их найдем там, где Астольф нашел все утраченное судьбою здесь на земле. Князь Вяземский прислал мне стихи Жуковского: два послания к его знакомке г-же А<рбеневой> и послание ко мне, ответ «Пенатам»: *дивная* поэзия, в которой множество прелестных стихов и в которой прекрасная душа — душа поэта дышит, видна как в зеркале! Я доставил бы оную вам, если бы кто-нибудь согласился здесь переписать, а сам я слишком ленив. Засим поблагодарю вас за гостеприимство и дружбу вашу, которую я истинно ценить умею, остаюсь навсегда вашим преданным и покорнейшим. *Константин Батюшков.*

137. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Январь 1813. Нижний Новгород>

По приезде моем в Нижний я был у Карамзиных, которые о тебе очень расспрашивали у меня. Я у них еще вчера обедал. Надеюсь, что они к тебе писали. Твое письмо меня обрадовало; но твои письма меня всегда радуют; пиши, мой друг, ко мне почаще; пиши из Москвы, я надеюсь, что ты оставил Вологду, или скоро ее оставишь, и это письмо пускаю на всякий страх. Я жалею от всей души о том, что не мог разделить с тобой горестных, неизъяснимых чувств на пепле несчастной и священной Москвы; всё двоим было бы полегче. Благодарю за стихи Жуковского. Они прекрасны. Второе послание к Арб<еневой> лучше первого, в нем виден Жук<овский>, как в зеркале; послание к Бат<юшкову> прелестно. Жуковский писал его влюбленный. Редкая душа! редкое дарование! душа и дарование, которому цену, кроме тебя, меня и Блудова, вряд ли кто знает. Мы должны гордиться Жуковским. Он наш, мы его понимаем. И Василий Львович плакал, читая его стихи. Мы перечитывали и твои несколько раз с живым удовольствием. Теперь

ни слова не скажу тебе о здешних балах, шарадах, маскарадах и проч., ибо я на них бываю телом, но не духом. Моя судьба еще не решена. Я расстроен всем: и телом и душой и карманом. Желаю ехать в армию поскорее. Отпиши ко мне, на что ты решишься. Прощай, мой милый друг, сегодня душа моя тебя *не допросилась*. Будь здоров и помни скучающего *Батюшкова*.

Усерднейшее почтение княгине.

138. А. Н., Е. Н. и В. Н. БАТЮШКОВЫМ

Нижний Новгород. 24 января 1813

Простите мне, любезные друзья, мое молчание, которое происходило от того, что я ничего решительного о судьбе моей сказать не мог, и теперь еще не знаю; до сих пор все одна нога здесь, а другая Богу известно куда. На прошение мое еще нет ответа; это меня крайне огорчает, но что делать!

Я приехал сюда благополучно в самые трескучие морозы; стужа до сих пор продолжается; она останавливает отъезд Катерины Федоровны в Москву, а оттуда в Петербург. Если тетушка уедет, то я не буду знать, что делать: ехать ли мне с нею или здесь остаться. И в том и в другом случае (по причинам, о которых мне говорить не должно и не нужно) убыток карману. Я кончу мое письмо, пожелав Вам, мои любезные и добрые друзья, всяких благ. Не забывайте преданного Вам брата и пишите почаще; я ни одного письма от Вас еще не получил. *К. Батюшк.*

Если деньги не высланы, то остановите их у себя. Я не знаю, куда их адресовать, хотя в них и очень нуждаюсь.

139. Е. Г. ПУШКИНОЙ

4 марта 1813. Петербург

Я виноват перед вами и спешу загладить мою вину длинным посланием. Сперва начну *сначала*, так, как водилось в старину. Оставя Нижний с сокрушенным сердцем, с слезами на глазах, я приехал в Москву не ранее как две недели спустя: на почте лошадей не было. В Москве я пробыл три дня, не более, и раза три покушался к вам

писать, но не мог собраться с духом. У меня перед глазами были развалины, а в сердце новое, неизъяснимое чувство. Я благословил минуту моего выезда из Москвы, которая во всю дорогу бродила в моей голове. Наконец, я отдохнул в Петербурге и пишу к вам с холодной головою. Часто собираю всю мою память и повторяю чудесные приключения нашего времени и все, что я видел, что слышал и чувствовал в течение нашего изгнания. Между развалин, ужасов, нищеты, страха и всех зол ловлю несколько приятных воспоминаний и смело говорю сам себе, что я ими вам обязан. Вы улыбаетесь? Напрасно! Я хотел еще поговорить об вас, но рассудок остановил руку, рассудок, который меня не покидал и в Нижнем.

Теперь еще два слова о себе. Здесь я нашел все старое, кроме скуки, с которой я давно знаком. Всякую минуту ожидаю решения на мою просьбу, и все напрасно. Всякий день сожалею о Нижнем, а более всего о Москве, о прелестной Москве, да прильпнет язык мой к гортани моей, и да отсохнет десная моя, если я тебя, О Иерусалиме, забуду! Но в Москве ничего не осталось, кроме развалин, и я боюсь для вас и для вашего семейства. Бога ради, оставьте этот город и приезжайте сюда; мы выпишем Василья Львовича и будем жить, как в Нижнем Новгороде, на берегах Оки и Волги.

Я виноват перед вами: был у вашего сына в корпусе и там получил в ответ, что он перешел в корпус дворян, но еще в этом не успел побывать: меня застал кашель, который продержал дома. Чулки посылаю, они стоят 90 р. Скажите Алексею Михайловичу мой усерднейший поклон и зовите его сюда. Мы читали его «Страшный Суд»: он напечатан; поздравьте его с хорошими стихами и с прекрасным предметом! Не довольно ли на сей раз? Обещал вам длинное послание... Но пусть лучше желают моих писем так, как я желаю ваших. Желаю вам и счастия, и всех земных радостей, и спокойствия, которого никто не имеет, и денег горы, и успеха во всем, даже... Ed a vostra signoria illustrissima bacio cordialmente le mani [1]. *К. Батюшк.*

Не забудьте вашего обещания! Вот мой адрес: на Владимирской, в доме Баташова, напротив Вшивой Биржи.

---

[1] Сердечно целую ручки вашей сиятельнейшей особе (*лат., ит.*).

140. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

21 марта 1813. <Петербург>

Мое письмо будет коротко, любезный друг, но я имею нужду к тебе писать. Ты жалуешься на скуку; легко поверю: мне и здесь невесело, каково же тебе в болоте? Желаю от всей души, чтоб ты поскорее поехал в деревню и прожил там *наедине*, если это возможно? хотя год, хотя полгода. Я вовсе не знаю, что со мной будет; ожидаю Бахметева, у него буду проситься в армию, а пока езжу по обедам и вечера провожу с трубкой и с книгами, а более всего с воспоминаниями, ибо я весь в прошедшем. Я долго, долго жил! Тургенев хорошо сделал, что помог Жуковскому, а Жуковский еще лучше сделал, что уехал в Белев. Здесь А. Пушкин; я его не мог еще видеть; был у него, он у меня, и все невпопад. Он занят фабриками и, я думаю, желает себе места. Часто просиживаю вечера с Дашковым, которого начинаю любить от всей души за добрые его качества; этот человек выигрывает в коротком знакомстве. Если будешь в Петербурге, то поверь мои слова. Впрочем, здесь людей мало. Марин умер, и я о нем жалею. Дай себя обнять, любезный друг, будь счастлив, будь веселее и выше круга людей, в котором ты осужден жить мимоходом. Сегодня, завтра обстоятельства могут перемениться, а мы остаемся все те же, если имеем ум и характер. Я желаю их иметь, чтоб быть полезным для людей, близких моему сердцу... Вот тебе моя рука. Прости. *Конст. Б.*

Как я глуп! Я все думал, что ты в Вологде, и теперь только прочитал: «Ярославль, 12 марта». Это меня порадовало. Ты здесь найдешь и Кокошкина, и Нелединского, и Самарину. Напомни обо мне последней. Я все собираюсь к ней писать.

141. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

24 <марта 1813. Петербург>

Любезный друг, я получил твое последнее письмо и спешу на него отвечать. Вчера получил и 300 денег весьма некстати, ибо в них более нужды теперь не имею, получа от К<атерины> Ф<едоровны> долг, который однако же я почти весь истратил на покупку офицерских вещей. Все несказанно дорого. Одну простую подкладку

из красного стамета для сертука я заплатил 50 руб. Едва ли вероятно!

Сожалею от всей души о бедной Лизавете и о горе, которое она терпит от больных: дай бог только ей и детям здоровья. О к<нязе> Вяземском весьма сожалею. И здесь дошли слухи, что он играет, и проиграл тыс. 50 или более. К чему это? Но, видно, в книге судеб было написано, чтоб В<яземский> со всем его умом делал глупости невероятные. Радуюсь, милый друг, что ты теперь в деревне и на воле, и в покое. Еще до тебя просьба и совет: начни строить потихоньку флигель, от саду налево, на горе. Право, тебе жить негде. Дом и ветх, и дурен, и опасен. Начни только строить и поверь, что в одно лето все кончится. Я тебе пришлю мои мебели и, что всего для меня важнее, книги, ибо я боюсь, чтоб они здесь не растерялись; мои собери опять и все до последней возьми у П<авла> А<лексеевича>. Я их люблю, как душу. Здесь все по-старому — кроме болезни Павла Львовича, который было занемог весьма опасно — теперь он поправляется. Барановых видел вчера; у Луниных бываю, но редко. Кат<ерина> Фед<оровна> в больших хлопотах о Никите — надобно его отдать в службу.

Я ожидаю генерала Бахметева и тотчас по его приезде буду проситься в армию. Будь здорова, любезный друг и сестра! Если не поленюсь, то с будущей почтой напишу тебе длинное письмо. Кстати, радуюсь, что Аркадий Аполлонович вздумал идти в службу, но зачем в комиссариат? Если он приедет в Петербург, то прямо ко мне,— иначе он меня обидит. Для первого случая лучше у меня, нежели в трактире. Прощай, целую тебя. *К. Б.*

Этот приказ отошли в Глуповское.

142. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

1 апреля 1813. <Петербург>

Печальное известие твое, любезнейший друг, тронуло меня до глубины сердца. Каких стараний, каких слез стоила бедной матери болезнь милой малютки, и все напрасно! Надобно покориться воле Всевышнего. Признаюсь, что Лизавета могла бы обойтиться и без нового несчастия, имея столько неудовольствий со всех сторон; зато она счастливейшая из жен, ибо Павел Алексеевич ее любит и обожает. Я рад, что они будут

в Хантонове, и более еще рад для детей: они отдохнут на чистом воздухе. Побереги и ты себя, любезный друг, и для сестер, и для меня.

Я еще ничего решительного о моей участи не знаю. Здесь ожидаю моего генерала. Писать буду более на будущей почте, теперь прости. Обними сестер и брата Павла. Еще раз прости. Сегодня писать более не в силах.

143. А. Н. ОЛЕНИНУ

3 мая 1813. <Петербург>

Ваше превосходительство! Дежурный генерал при военном министерстве требует от меня свидетельства, что я действительно служил под начальством Вашим в Императорской Публичной библиотеке помощником хранителя манускриптов, а ныне, высочайшим приказом от 29-го минувшего марта, принят в военную службу штабс-капитаном и назначен в адъютанты к генерал-лейтенанту Бахметеву, которым свидетельством покорнейше прошу Ваше превосходительство меня снабдить. Имею честь быть с глубочайшим почитанием Вашего превосходительства покорнейший слуга *Константин Батюшков.*

144. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

4 мая <1813. Петербург>

Благодарю тебя за твои письма, любезнейший друг. Они мне всегда приятны; они нужны для моего спокойствия. Пиши почаще и не сердись на мою неисправность. Часто я и сам себе не могу отдать отчету в моей лени, а теперь и хлопот много. С удовольствием вижу, что ты решилась строить дом. Пора, давно пора. Что же касается до Захарова, то ему, кажется, не исправиться, и держать его в доме не для чего. Итак, прошу дать ему пашпорт на оброк и не держать его ни дня в Хантонове, а еще бы лучше продать. Пусть найдет он себе господина лучше тебя. Но сперва отпусти его на оброк без шуму; наказаниями ничего с закоренелыми плутами не сделаешь, а их опасно держать в доме и безрассудно. Я и тысяче за него буду рад, особливо в теперешнем положении. Пришли

деньги для уплаты процентов в ломбард не замедля: срок почти пришел.

Напрасно ты себя огорчаешь мыслию, что я буду в армии. Поверь, на опыте знаю, что там для меня по крайней мере не хуже здешнего. Об одном жалею. О вас, мои друзья, но жалею более о том, что не мог быть до сих пор полезен для доброй и милой Вареньки. Постарайся ее пристроить всеми силами. Не упускай случая, Бога ради, если оный представится. Что разбирать чины и богатство? Был бы честный и не совсем убогий человек и ей нравился, вот главное. Вот моя молитва перед господом! Да будет на ней его святое Провидение и молитвы покойной незабвенной нашей матери. Тебя же, мой друг, прошу поберечь ее для нас и для себя самой... Павлу Алексеевичу писал о его деле и о продаже пустоши; попроси его еще от себя; желательно мне иметь 1500, если нельзя более; зато до генваря деньги не будут нужны, если чего особенного не случится. Никогда, мой друг, более не чувствовал нужды в большом или, по крайней мере, в независимом состоянии. Я мог бы быть счастлив — так думаю по крайней мере,— если б имел оное, ибо время пришло мне жениться. Одиночество наскучило. Но что могу без состояния? Нет! Поверь мне — ты меня знаешь — не решусь даже из эгоизма себя и жену сделать несчастливыми. Я рад буду уехать отсюда. У меня часто голова кружится от разных мыслей... Поручим все Провидению, которое, я заметил это на опыте, часто лучше нас самих к лучшему избирает дорогу.

Пиши почаще и люби твоего брата.

К. Б.

Деньги твои получил, и бумагу вместе с шляпками пришлю не замедля. Знаешь ли чудеса? Линеман женится!

145. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

9 мая 1813 г. <Петербург>

Прости мне мое молчание. Все сии дни я был занят или, лучше сказать, не жил дома: вот почему и не успел сделать замечания на твое прекрасное послание. Теперь

на досуге приступаю к делу. Вообще весь тон стихов благороден и выдержан, за это тебе поклон,— но мне кажется, что:

Прозаик милый мой...

Прозаик — не хорошо, и еще *милый*! — притом Жуковский, если он прозаик и поэт, то, конечно, и музам друг: следственно: здесь плеоназм. Все четыре стиха растянуты; надобно было вдруг изъяснить, чего ты требуешь.

Я от тебя хочу...

Я от тебя хочу... Против ударения.— Эти стихи легко поправить.

Все следующие прекрасны, а этот очень счастлив:

В сотрудников число на упокой попасть!

Но что значит:

В храм славы пропуска до будущей субботы!

Этой субботы я не понимаю и никто не понял.

Кляну... бумаги выдумку, и перья, и себя...

Немного холодно! скажи как-нибудь повеселее — ты на это мастер.

Зритель *неучастный* — нельзя; лучше, кажется, непричастный. Но и в таком случае сказать надобно, в чем? — ибо того требует наше словосочинение.

Благодарю за похвалу (я этого не стою! помилуйте! пощадите!), но *бездумный* — слишком смело; по крайней мере мне так кажется. Потом все стихи прекрасны, кроме растянутых:

Жуковс<ки>й, просвети ты мрак *недоумений*
И на беду мою воюющих *сомнений*
Ты прекрати во мне всечасную борьбу.

Холодно, потому что одна мысль в разных словах; я желал бы и здесь поболее комических стихов. Далее все хорошо, прекрасно — а этот стих очень счастлив:

Обидит ли кого он одою своею?

Но

> И музами тройным венком почтимый он —

нельзя сказать никак!

> Пусть одой ближнего Хлыстов не обижает,
> Но я и здравый смысл обидеть не хочу!

Прекрасно, прекрасно! Я доволен остальными, а особливо:

> На то и дураки, чтобы дурачить их.

Всего счастливее! Les sots sont ici-bas pour nos menus plaisirs [1]. Зачем ты кончишь Вольтером? — тут никакой связи нет ни в мыслях, ни в словах. А этот стих очень дурен, и холоден, и неприятен для слуха:

> Сей запросто себе стих в эпиграфы взял...

Бога ради, поправь его или, лучше, переделай вовсе.

Все что я заметил важнейшего. Приделай другой конец, дай более жизни иным стихам, и твое послание будет достойно и тебя и Жуковского. Я слишком люблю тебя и дорожу тобою, чтоб тебя обманывать.— Перевод из Вольтера не так хорош — и далек от послания. Не поленись, еще раз переправь его и пришли сюда поскорее, только ко мне.

Я отдам его в печать, если хочешь. Теперь скажу тебе приятную весть. Жуковс<ки>й в Белеве. Прислал оттуда к Дмитриеву своего «Певца» с поправками и с посвящением государыне Елизавете Алексеевне, которая написала к Ивану Иванов<ич>у лестный для Жуковского рескрипт и *перстень*. Это его должно обрадовать. Пиши к нему в Белев. На прошедшей почте я послал к тебе письмо Северина, доставленное мне Дашковым. Получил ли ты его?

Я ожидаю сюда Бахметева и буду проситься в армию. Прости, будь здоров и помни твоего

Батюшкова.

---

[1] Дураки существуют на свете для наших удовольствий (*фр.*).

146. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

17 мая <1813. Петербург>
<окончание.— *Ред.*>

<...> Между тем прибавлю еще, что хотя я и принят в службу, но все не знаю, когда отправлюсь в армию. Конечно, не так-то скоро; против моего желания. Я все ожидаю сюда Бахметева. Попроси Павла Алексеевича, чтоб он исполнил мою просьбу о пустоше; таковая мера необходимо нужна. Он меня сим одолжит. Я получил через Гнедича повестку на деньги от старосты; на будущей почте писать буду.

Уведомь меня, получила ли сестра посылки, а брат — деньги. Скажу тебе мимоходом, что я переехал в дом Сиверса, в Почтамтскую, возле дома Павла Львовича, который ко мне очень ласков, за что я ему от всей души благодарен. Жена его — редкая женщина. Павел Львович у меня был сию минуту. Будь здорова. Поцелуй за меня сестер и детей. Прости, до будущей почты.

Поздравляю вас с именинами вашими. Хотите ли мне сделать весьма приятный подарок? Закажите мне кольцо из ваших волос, всех трех, с волосами покойной сестры, вы этим меня очень одолжите. Но если можно, поскорее.

147. А. И. ТУРГЕНЕВУ

<Середина мая 1813. Петербург>

Есть дача за Невой,
Верст двадцать от столицы,
У Выборгской границы,
Близ Парголы крутой:
Есть дача или мыза,
Приют для добрых душ,
Где добрая Элиза
И с ней почтенный муж,
С открытою душою
И с лаской на устах,
За трапезой простою
На бархатных лугах,
Без дальнего наряда,
В свой маленький приют
Друзей из Петрограда
На праздник сельский ждут:
Там муж с супругой нежной
В час отдыха от дел
Под кров свой безмятежный

Муз к грациям привел.
Поэт, лентяй, счастливец
И тонкий философ,
Мечтает там Крылов
Под тенью березы
О басенных зверях
И рвет парнасски розы
В приютинских лесах.
И Гнедич там мечтает
О греческих богах; —
Меж тем как замечает
Кипренский лица их
И, кистию чудесной
С беспечностью прелестной,
Вандиков ученик,
В один крылатый миг
Он пишет их портреты,
Которые от Леты
Спасли бы образцов,
Когда бы сам Крылов
И Гнедич сочиняли,
Как пишет Тянислов
Иль Балдусы писали,
Забыв и вкус, и ум.
Но мы забудем шум
И суеты столицы,
Изладим колесницы,
Ударим по коням
И пустимся стрелою
В Приютино с тобою.
Согласны? — По рукам!

И дело в шляпе. Я надеюсь, что Вы возвратитесь к вечеру домой, то есть прежде девяти часов. Я к Вам зайду: но так как мне нужен ответ решительный, то и прошу Вас покорно дать мне знать тотчас по приезде Вашем, согласны ли Вы ехать? Пришлите мне ответ в дом г. Сиверса в Почтамтской, напротив Козодавлева, где я живу.

Ваш покорнейший
Конст. Б.

Бога ради, ответ сегодня.

148. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

10 июня 1813. <Петербург>

Я с ума еще не сошел, милый друг, но беспорядок моей головы приметен не одному тебе, и ты, с одной стороны, прав, очень прав! Я поглупел, и очень поглупел.

От чего? Бог знает. Не могу себе отдать отчету ни в одной мысли, живу беспутно, убиваю время и для будущего ни одной сладостной надежды не имею. От чего это? Бог знает. В карты я не играю — в большом свете бываю по крайней необходимости и в ожидании моего генерала зеваю, сплю, читаю «Историю Семилетней войны», прекрасный перевод Гомера на италианском языке, еще лучший перевод Лукреция славным Маркетти, Маттисоновы стихи и Виландова «Оберона»; денег имею на месяц и более, имею двух-трех приятелей, с которыми часто говорю о тебе, хожу по вечерам к одной любезной женщине, которая меня прозвала сумасшедшим, чудаком, и зеваю; сидя возле нее, зеваю, так, мой друг, зеваю в ожидании моего генерала, который, надеюсь, пошлет меня зевать на биваки, если война еще продолжится, и глупею, как старая меделянская собака глупеет на привязи. Вот мое состояние нравственное и физическое: оно, право, незавидно! Но ты не прав, с другой стороны: я писал к тебе в Ярославль и послал даже замечания на твое послание; получил ли ты мое письмо — не знаю. Между тем радуюсь сердечно, что ты оставил берега Волги и переселился на старое пепелище, поистине пепелище! На берегах Москвы-реки нельзя быть совершенно счастливым, но можно найти более пищи и для ума, и для сердца, особливо в обществе почтенного семейства Карамзиных, которых судьба привела снова в Москву,— и после каких потерь! Дай бог для славы нашего отечества, чтоб Карамзин перенес с твердостию, свойственною великой душе, его важную утрату — потерю единственного сына, прекрасного малютки. Что же касается до нашего чудака, то я давно с тобой на его счет согласен. На что ум без доброго сердца? или лучше сказать, что за ум без сердца? Прекрасный сад, исполненный цветов, но не согретый, не освещенный лучами животворного Солнца. Таковому уму, благодаря бога, я никогда не завидовал, а я, как ребенок, завидую всему, чего не имею. Общество можно сравнить с большим городом. Людей — с домами. Надобно жить в своем доме, посещать некоторые, заглядывать в другие, а мимо иных домов проходить равнодушно. Не смейся моему сравнению. Оно имеет свою цену, но я дурно изъяснился, может быть. Мы будем любоваться прекрасной архитектурой некоторых зданий, но сохрани нас бог от того, чтобы перенести туда домашних своих Пенатов! — Ты качаешь головою... Нет пути в нем, он, право, поглупел! — Быть так! Я замолчу.

Жуковского «Певца» Государыня приказала напечатать на свой счет. Готовят виньеты. Дашкову поручил Дмитриев сделать замечания. Я рад сердечно успехам нашего балладника: это его оживит. Но жалею, что он много печатает в «Вестнике». Переводом Драйдена я не очень доволен; «Певец» — романс — лучше всего. Пора ему взяться за что-нибудь поважнее и не тратить ума своего на безделки; они с некоторого времени для меня потеряли цену, может быть, оттого, что я стал менее чувствителен к прелести поэзии и более ленив духом. Притом же наш приятель имеет *имя* в словесности: он заслужил уважение просвещенных людей, истинно просвещенных, но славу надобно поддерживать трудами. Жаль, что он ничего путного не напишет прозою. Это его дело. Подстрекай его самолюбие как можно более, не давай ему заснуть в Белеве на балладах: вот подвиг, достой<ный> дружбы, достойный тебя! Я это говорю весьма серьезно. Пришли мне свою балладу на зубок — благодарю за басню: она очень хороша, кроме последних двух стихов. Пришли все, что напишешь: я с нетерпением буду ожидать — послания к княгине, которой прошу сказать мое душевное почтение. Напомни обо мне Катерине Андреевне, и Карамзину, и всем знакомым. Видишь ли ты Пушкину? — Что она делает на развалинах Москвы? — Поклонись ей от меня. К моему генералу я писал недавно; получил ли он мое письмо, не знаю. Посылаю тебе, из благодарности за поправки, две басни Крылова, которые, может быть, тебе еще неизвестны. Жуковский не все счастливо поправил; иное испортил, а иное лучше сделал и подал мне новые мысли. Прости, будь здоров и не забывай твоего Батюшкова.

149. Е. Г. ПУШКИНОЙ

30 июня 1813. <Петербург>

Как вы несправедливы! Вы написали ко мне одно лишнее письмо и тотчас заключили, что я вас забыл. Я виноват с одной стороны, с другой прав. Вот мое оправдание: вы всегда спокойны, для вас нет сердечных бурь; день придет тихо и тихо исчезнет посреди людей, любезных душе вашей. Со мною иначе: я часто кружусь в вихре — не день, но целый месяц, настежь отворяю двери

всем страстям, всем желаниям; ищу радостей, бегу самого себя и страдаю, страдаю, как лишенный ума. В такие минуты могу ли писать к вам? Скажите? Могу ли отдать вам отчет в одной мысли, в одном благородном чувствовании? Нет, конечно, нет! И вот зачем не пишу к вам. Но вы, вы должны писать: иначе вы будете несправедливы и прибавите невольно еще одно огорчение или печальное воспоминание. Вы говорите о дружбе, как ангел. Знаете ли, что я дурной человек? Мое перо на привязи; я боюсь говорить откровенно, когда дело идет обо мне, и я таков со всеми; а вы беспрестанно требуете откровенности. Как? Вы хотите, чтоб я рассказал вам подробно все, что я делаю, что думаю и то, чего не делаю и чего не думаю? Это дело невозможное. Но как от чистого сердца сожалею, что вас нет в Петербурге! Я сильно чувствую утрату Москвы и Нижнего. В вашем прелестном для меня обществе я находил сладостные, неизъяснимые минуты и горжусь мыслию, что женщина, как вы, с добрым сердцем, с просвещенным умом и, может быть, с твердым, постоянным характером любила угадывать все движения моего сердца и часто была мною довольна. Здесь, напротив того, нет ни одного человека, который бы хотел заняться мною. (Вы слишком меня и себя уважаете, чтоб отнести это прямо на счет моего самолюбия.) Точно нет никого, кто б мог меня разуметь. К этому прибавьте еще другие неудовольствия, и главное, вечную борьбу с судьбою; она меня никогда не баловала, а я, я — большой баловень. Я сам люблю себя ласкать: иначе бы мое самолюбие заснуло, и тогда прощай все прекрасное, все великое, все достойное человека! По чести, я не очень счастлив. Все в жизни мне удавалось, как в военной службе. Что я здесь делаю? Зачем я потерял столько времени? Потерял целую кампанию в бездействии, в беспрестанном ожидании! Но должно повиноваться року и подчас кричать с Панглосом: все к лучшему!

Скажите мне, где вы намерены провести лето и как? Вяземский вас видит часто. Я ему завидую в этом. Он счастлив, говорите вы, и после себе не доверяете. Я, напротив того, верю его благополучию и желаю, чтоб оно продлилось долее. Неудовольствия, которые он навлек солью сам, дали ему маленькую опытность, а без ней, как ночью без свечи, нельзя читать в книге жизни. Есть, правда, головы, для которых опытность не существует; из числа таковых и моя, которую повергаю к ногам вашим. Напомните обо мне Алексею Михайловичу. Прости-

те! Сохраните меня в памяти вашей навсегда, если это возможно. Конечно, возможно! C'est dans le coeur des femmes qu'habitent les longs souvenirs, сказала m-me Staël [1]. Дай бог, чтоб она сказала правду, хотя один раз в жизни.

Я целый день бродил по дачам с Тургеневым и так устал, что насилу кончил письмо. Меня ожидает постеля и сон; пожелайте, чтоб он был приятен: и сны имеют свою цену и прелесть. Простите! Засыпаю и еще думаю о вас; это письмо я запечатаю завтра и все буду думать о вас. Зачем же ваши упреки? Они несправедливы, признайтесь!

---

[1] Именно в сердце женщин долго живут воспоминания,— сказала мадам Сталь (*фр.*).

150. В. А. ЖУКОВСКОМУ

30 июня 1813. <Петербург>

Тургенев провел сегодня вечер у графа Строганова вместе со мною и так занемог, что писать к тебе, мой добрый Василий Андреевич, не в силах, а писать есть о чем: слух носится, что тебе назначена Анна 2-го класса, и Тургенев тебя велел с ней поздравить; он слышал от служащих при военном министре о сей государевой милости. Дай обнять тебя, старый мой друг! Дай разделить с тобою твою радость,— радость, ибо приятно получить то, что заслужил; а ты, наш балладник, чудес наделал, если не шпагою, то лирой. Ты на поле Бородинском pro patria [1] подставил одну из лучших голов на Севере и доброе, прекрасное сердце. Слава Богу! Пули мимо пролетели: сам Феб тебя спас. Будь же благодарен: пиши и пиши более, но что-нибудь поважнее, и менее печатай в «Вестнике»: он не стоит твоих стихов, и тебе пора заняться предметом, достойным твоего таланта. Вот совет человека, который и тебя, и дружбу твою уважает, и тобой, как русский и как приятель, гордится.

Еще два слова: сегодня Оленин, которому И. И. Дмитриев поручал нарисовать для «Певца» виньеты, показывал мне сделанные им рисунки. Они прекрасны, и ты ими будешь доволен. Жаль, что издание не прежде месяца готово будет. На одном из виньетов изображен вдали стан при лунном сиянии и в облаках тени Петра, Суворова

и Святослава, гениев России. Твои куплеты подали идею сего рисунка. Прости, еще раз прости и не забывай твоего Батюшкова.

[1] за отечество (*лат.*).

151. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<30 июня 1813. Петербург>

Прекрасно! твое послание лучше всех твоих стихов. Оно прекрасно еще раз. Замечаний прислать не могу. Тургенев отнял у меня его и хотел прислать сегодня. Но я спешу сказать тебе, что Жуковскому дали Анну 2-ой степени. Поздравляю с этим и его, и тебя, и себя. Это мне сказал Тургенев, но еще не верное, он слышал в Канцелярии военного министра и просил на всякий страх поздравить Жуковского. Я писал к нему в Белев. Тургенев очень болен, я насилу привез его от Строганова, где он не мог даже ужинать. Прости — сон меня победил от усталости. Еще раз твое послание прелестно — оригинально — ново, поздравляю! и конец очень кстати.— У меня сидит Козлов, мы говор... <письмо обрывается.— *Ред.*>...

152. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Начало июля 1813. Петербург>

Я нахожу, что начало твоего «Послания» растянуто. Это можно легко поправить: надобно более сжать до стиха: «О, милая подруга», и не растягивать мыслей в длинных поэтических периодах, которые охлаждают читателя и утомляют любопытство. Сделай начало короче, короче как можно. «Вечных болтунов, С вестями неразлучных»; Не лучше ли: «С злословьем неразлучных»; ибо болтун невольно делается злословен, а вести не всегда под рукой. «Безграмотных писцов, Числящихся в поэтах»; *Числящихся*, очень не хорошо, холодно, и ударение не на месте; это надобно, необходимо поправить. И далее, вступление à la Gresset [1] растянуто; впрочем, стихи хороши, но они длинны и задерживают начало, то есть:

О, милая подруга и пр.
Приди под кров родной,
Под кров уединенный,
Счастливый и простой,
Где счастье неизменно.

Если б ты меня звал под свой кров и нанизал в разговоре столько эпитетов, то я, верно, бы не пошел. Бога ради, это поправь! Вообрази себе, что кров родной — этого довольно, а еще уединенный и простой; счастливый — этого мало, но еще где счастье неизменно!! Замени это живописными стихами.

Хотя мы жили мало, и пр.

до стиха:

Где мы найти ласкались
И счастье и покой.—

прекрасно, истинно прекрасно! И далее все мило! С небес необходим можно заменить, но это — безделка. Далее, удвоенные рифмы очень счастливы и придают стихам какую-то прелесть и новость. В них виден abandon [2], сердечное излияние, чего до сих пор в твоих стихах я не замечал.

Твой утренний наряд, и пр.—

прекрасно.

А там тропу от спальной
К беседке над купальной
Прокладываешь ты.

Прелестно. Жаль, что рифмы неверны.

И розу мне приносишь —
Подобие себя —

мадригал, но очень кстати. Далее все дышит чувствительностью. Я говорю, что ты здесь в первый раз поэт и не гоняешься за умом. Вот стихи! Противоположность счастия домашнего с шумом и суетой света — очень удачна, и все стихи прелестны, и это доказывает, что начало надобно переменить или сжать более, как я говорил: иначе здесь будет повторение.

То, что ты говоришь о Жуковском, не очень счастливо, то есть первые четыре стиха. И страшный *уж*

порой не хорошо; об нем можно лучше говорить; и что значит «Наперсник ведьм и граций»? Ведьм!! Не лучше ли Фей? Перемени это. Конец весь прекрасен:

О дружба, жизни радость!
О дружба, весь я твой!

Прекрасно, и очень кстати. Вообще я доволен твоим посланием и уверительно могу сказать, что оно лучше всех твоих стихов. В нем есть истинные красоты. Постарайся исправить то, что я заметил; дай более жизни началу, выбрось повторения. Тогда критика, любовь и дружба тебя назовут своим поэтом.

---

[1] в стиле Грессе (*фр.*).
[2] непринужденность, небрежность (*фр.*).

153. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

14 июля <1813>. Петербург

Последнее письмо твое, писанное тобою накануне отъезда в Вологду, я получил, любезный друг, и благодарю тебя за дружбу и любовь. Теперь скажу тебе, что мой Генерал приехал, и я у него бываю ежедневно, а что касается до отправления моего в армию, то я ничего не знаю, ибо это от него зависит совершенно, а мое дело повиноваться и ехать, чего я с нетерпением ожидаю. Здешняя жизнь мне наскучила; проживаю деньги без удовольствия и без пользы, и надежды для будущего нет. Но будь воля Господа! Как ему угодно; он лучше нашего знает, что нам надобно! Сегодня я еду с Павлом Львовичем в Царское Село, где живет Катерина Федоровна: я еще у нее ни разу не был там. Поцелуй за меня Вариньку от всего сердца; благодарю ее за приписание. Пиши ко мне чаще и более; да скажи хоть слово о доме, начали ли его строить или нет? — Пора бы начать! — Павел Алексеевич должен весьма ускорить присылкою верющего письма на имение: оно может меня здесь не застать, если еще замедлит. Бога ради, постарайся о пустоше, еще раз прошу тебя; мне деньги весьма нужны в армии. Занять негде и нельзя. Не могу поверить, чтоб нельзя было продать лоскута земли. Засим целую тебя и остаюсь твой *Конст. Б.*

154. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Сентябрь 1813. Теплиц>

Отправь это письмо к батюшке на имя сестры Александры в Череповец. Сделай одолжение, из моих денег купи сии карты и пришли немедленно при первой оказии на имя его Превос<ходительства> Николая Николаевича Раевского, надписав ко мне, с фельдъегерем или курьером. Приложенные у сего письма доставь сестре и куда следует, не замедля. Я ничего от сестры и родных, ни одного письма до сих пор не получал. Часто мне бывает грустно, и вот причина. Извини меня, что пишу в первый раз. Право, ни времени, ни способа не было. Если получил деньги, то отправь их через Олениных на имя Дамаса; это всего вернее, а Дамас мне доставит. Не столько в деньгах, как в лошадях здесь нуждаются. Лошади дороги, а без коня нельзя служить; на худом вдвое адъютанту опаснее: я это испытал ныне на опыте.

Что делает литература? — Пиши поболее и чаще, а особливо поболее. Яковлев толстеет, ест, пьет и спит исправно. Г<рафа> Строгонова вижу часто. Поклонись Трубецкому и скажи ему, что я отдал его письмо.

Эти письма раздай по адресу.

В Книжной лавке Академии наук надо вышедший на 813 год адрес-календарь в корешке.— 9 р. Нововышедшие на российском языке генеральная карта Германии и некоторая часть около лежащих земель, а особливо по ту сторону берега Рейна.— Карта сия содержит в себе расстояние городов, местечек и деревень. На холсте в футляре — 20 р.

Новая генеральная карта Европы на 8-ми больших листах на холсте в футляре — 25 р.

155. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Сентябрь 1813. Теплиц>

Надобно иметь железную голову и всевозможную добрую волю, чтоб писать теперь в моем положении к тебе, милый друг. После путешествия самого беспокойного и скучного на Вильну, Варшаву, потом Си-

лезию, Бриг и Глац, прибыл я в прекрасный город Прагу, где нашел к<нязя> Гагарина весьма кстати, ибо, дорогой проехав все деньги,— а мне прогонов дано было только до Рейхенбаха,— находился я в горестном положении. К<нязь> Гагарин помог мне самым великодушным образом, за что я ему буду вечно благодарен. Он предложил мне до 100 червонных, я взял 30 и кое-как доплыл до главной квартиры под Дрезден, где сдал мои депеши исправно. Наконец явился я к главнокомандующему и был от него отправлен к г<енералу> Раевскому. Он меня принял ласково и велел остаться при себе; я нахожусь теперь при его особе и в сражениях отправляю должность адъютанта. Успел быть в двух делах: в авангардном сражении под Доной, в виду Дрездена, где чуть не попал в плен, наскакав нечаянно на французскую кавалерию, но Бог помиловал! — потом близ Теплица в сильной перепалке. Говорят, что я представлен к Владимиру, но об этом еще ни слова не говори, пока не получу. Не знаю, заслужил ли я этот крест, но знаю, что заслужить награждение при храбром Раевском лестно и приятно.

Отгадай, кого я здесь нашел? Старых приятелей: Бориса Княжнина, Писарева и доброго, честного и храброго Дамаса. Они все в 3-м гренадерском корпусе, которым командует генерал Раевский, и я их всякий день вижу. Писарев не переменился. Все весел по-старому и храбр по-старому. Генерал меня посылал к нему с приказанием во время сражения, и я любовался, глядя на него. Скажу тебе вдобавок, что мы в беспрестанном движении, но теперь остановились лагерем в виду Теплица, на поле славы и победы, усеянном трупами жалких французов, жалких потому, что на них только кожа да кости. Какая разница наш лагерь! Нельзя равнодушно смотреть на три сильные народа, которые соединились в первый раз для славного дела, в виду своих государей, и каких государей! Наш император и король прусский нередко бывают под пулями и ядрами. Я сам имел счастие видеть великого князя под ружейными выстрелами. Таковые примеры могут одушевить мертвое войско, а наша армия дышит славою. Пруссаки чудеса делают. Одним словом, ни труды, ни грязь, ни дороговизна, ни малое здоровье не заставляют меня жалеть о Петербурге, и я вечно буду благодарен Бахметеву за то, что он мне доставил случай быть здесь. Обними за меня Дашкова и попроси его

меня не забывать. Поклонись бесу Жихареву, Никольскому и всем добрым друзьям и приятелям. Тургеневу напомни обо мне: он часто забывает. Николаю и Сергею поклон.

156. Н. И. ГНЕДИЧУ

30 октября <1813>. Веймар

От тебя, от родных, от друзей ни строки не получил я со дня моего отъезда из России. Нет, я не могу и думать, что вы меня забыли. Письма пропадают или еще не дошли, что всего вероятнее, по следующим причинам: с самого Теплица мы в сражении, а теперь главная квартира от нас миль за 20. Я начну мой рассказ по порядку, как следует. Слушай и заглядывай на карту.

Оставя Богемию, мы вошли в Саксонию через Мариенберг, Тшопау, Хемниц, прекрасный город, где прохлаждались несколько часов, как Аннибал в Капуе; потом остановились в Борне. Неприятель шел прямой дорогой к Лейпцику, и мы туда подвинулись. Кавалерия дралась до нас за день. Наконец 4-го числа в 9 часов утра началось жаркое дело. С самого утра я был на коне. Генерал осматривал посты и выстрелы фланкеров из любопытства, разъезжал несколько часов сряду под ядрами, под пулями в прусской цепи, и я был невольным свидетелем ужаснейшего сражения. В полдень одна гренадерская дивизия послана на левый фланг. Раевский принял команду. Огонь ужасный! Ядра и гранаты сыпались, как град. Иные минуты напоминали Бородино. Часу в 3-м начали свистать пули. Мы находились против густой цепи неприятеля, и я снова имел счастие быть свидетелем храбрости наших гренадеров. Сам Раевский в восхищении от Писарева, и я признаюсь тебе, что хладнокровнее и веселее его никого в деле не видал. Хвала его товарищам: Дамасу, и Левину, и другим! У Писарева прострелена шляпа и две сильные контузии в ногу — несмотря на это, он остался в деле до конца. Признаюсь тебе, что для меня были ужасные минуты, особливо те, когда генерал посылал меня с приказаниями то в ту, то в другую сторону, то к пруссакам, то к австрийцам, и я разъезжал один, по грудам тел убитых и умирающих. Не подумай, чтоб это была риторическая фигура. Ужаснее сего поля сражения я в жизни моей не видал и долго не увижу. При конце дня генерал

сказал мне: «я ранен, я ранен!» и с этим словом наклонился на лошадь. Я осмотрел грудь и ужаснулся, увидя кровь. Я почитаю, я люблю Раевского. Лишиться его — это ужасно! — и в какую минуту! Я поскакал за лекарем. В ближней деревне его перевязали и нашли — чудное дело! — что пуля, ударом пробив шинель на клеенке и мундир, не могла пронзить фуфайки на ватке. Не менее того рана глубока, и кровь беспрестанно струилась. Мы возвратились на квартиру и отдохнули. 5-го числа, вопреки советам доктора, генерал сел на коня и поехал на батареи. Этот день в лагере было спокойно. Все поле сражения удержано нами и усеяно мертвыми телами. Ужасный и незабвенный для меня день! Первый гвардейский егерь сказал мне, что Петин убит. Петин, добрый, милый товарищ трех походов, истинный друг, прекрасный молодой человек — скажу более: редкий юноша. Эта весть меня расстроила совершенно и надолго. На левой руке от батареи, вдали была кирка. Там погребен Петин, там поклонился я свежей могиле и просил со слезами пастора, чтоб он поберег прах моего товарища. Мать его умрет с тоски. 6-го числа французы отступили к Лейпцику. Генерал с утра был на коне, но на сей раз он был счастливее. Ядра свистали над головой — и все мимо. Дело час от часу становилось жарче. Колонны наши подвигались торжественно к городу. По всему можно было угадать расстройство и нерешимость Наполеоновских войск. Какая ужасная и великолепная картина! Вдали Лейпцик с высокими башнями, кругом его гремят три сильные армии: Шварценберга, где находились и мы, Бенигсена — направо, а за Лейпциком — наследного принца. И все три армии, как одушевленные предчувствием победы, в чудесном устройстве, теснили неприятеля к Лейпцику. Он был окружен, разбит — бежал. Ты знаешь последствия сих сражений. Мы победили совершенно.

И русский в поле стал, хваля и славя бога!

7-го числа поутру рано генерал послал меня в Бернадотову армию наведаться о сыне. Я объехал весь Лейпцик кругом и видел все военные ужасы. Еще свежее поле сражения, и какое поле! С лишком на пятнадцать верст кругом, на каждом шагу грудами лежали трупы человеков, убитые лошади, разбитые ящики и лафеты. Кучи ядер и гренад — и вопль умирающих. Ce sont là jeux de princes! [1]

В эту поездку со мной был странный случай. Я ехал с казаком, как обыкновенно. Миновав нашу армию и примкнув к Бениксоновой, я пустился далее — к принцу. Вот подъезжаю к деревне (Бениксонова армия уже кончилась); проезжаю деревню, лес и вижу несколько батальонов пехоты; ружья сомкнуты в козлы, кругом огни. Мне показалось, что это пруссаки; я — к ним. «Где проехать в шведскую армию?» — «Не знаю,— отвечал мне офицер во французском мундире,— здесь вы не проедете». «Но какое это войско?» — спросил я, показав на окружающих меня солдат, которые вкруг меня толпились и пожирали глазами незнакомца. «Мы — саксонцы».— «Саксонцы! Боже мой! Саксонцы,— подумал я, бледнея, как некто над святцами,— так я заехал сам в плен!» И, не говоря ни слова, поворотил коня назад, размышляя: если поскачу, то они дадут по мне залп, и тогда прощай, Гнедич! «И птички для меня в последнее пропели». Нет, лучше шагом,— авось они меня примут за баварца, за италиянца, хуже — за француза, если хотят, только не за русского. Сказано — сделано. «Что с вашим благородием сделалось — как плат побледнели,— сказал мне мой казак,— ужли это неприятель?» «Молчи, урод!» — отвечал я ему на ухо. Отъехал несколько шагов и встретил австрийского офицера. «Ради всех моравских, семигорских, богемских, венгерских и кроатских чудотворцев, скажите мне, что это за войско, какие саксонцы, где я, и куда вы едете?»... «Бассамтарата тарара! — вскричал мой венгр.— Это саксы, что вчера передались с пушками и с конями».

Я отдохнул. Как гора с плеч! Воротился назад, пожелал новым товарищам доброе утро и хохотал с ними во все горло, рассказывая мою ошибку и запивая их водкою мой страх и отчаяние.

В тот день, объехав кругом со всех сторон многоученый и многострадальный Лейпцик, я не успел в нем побывать ни на минуту, не успел взглянуть на жилище Тургеневых и, погоняя лошадь то шпорою, то хлыстом, дотащился до генерала, который все следовал за войском, не желая никак расстаться со своими гренадерами, которые его обожают. Подъезжая к Наумбургу, ему сделалось хуже, на другой день еще хуже — к ране присоединилась горячка. Боль усилилась, и он остановился в деревне, неподалеку маленького городка Камбурга, где лежал 7 дней. Я был в отчаянии и умирал со скуки в скучной деревне. Наконец мы перенесли

генерала в Веймар, и ему стало легче, хотя рана и не думает заживать. Кости беспрестанно отделяются, но лекарь говорит, что он будет здоров. Дай Бог! Этот человек нужен для отечества. Слушай далее:

Мы теперь в Веймаре дней с десять; живем покойно, но скучно. Общества нет. Немцы любят русских, только не мой хозяин, который меня отравляет ежедневно дурным супом и вареными яблоками. Этому помочь невозможно; ни у меня, ни у товарищей нет ни копейки денег, в ожидании жалованья. В отчизне Гете, Виланда и других ученых я скитаюсь, как скиф. Бываю в театре изредка. Зала недурна, но бедно освещена, в ней играют комедии, драмы, оперы и трагедии, последние — очень недурно, к моему удивлению. «Дон Карлос» мне очень понравился, и я примирился с Шиллером. Характер Дон Карлоса и королевы прекрасны. О комедии и опере ни слова. Драмы играются редко, по причине дороговизны кофея и съестных припасов; ибо ты помнишь, что всякая драма начинается завтраком в первом действии и кончается ужином.

Здесь лучше всего мне нравится дворец герцога и английский сад, в котором я часто гуляю, несмотря на дурную погоду. Здесь Гете мечтал о Вертере, о нежной Шарлотте; здесь Виланд обдумывал план «Оберона» и летал мыслию в области воображения; под сими вязами и кипарисами великие творцы Германии любили отдыхать от трудов своих; под сими вязами наши офицеры бегают теперь за девками. Всему есть время. Гете я видел мельком в театре. Ты знаешь мою новую страсть к немецкой литературе. Я схожу с ума на Фоссовой Луизе; надобно читать ее в оригинале и здесь, в Германии. Книги вообще дороги, особливо для нас, бедняков, хотя здесь фабрика книг.

Третьего дня приехала в Веймар великая княгиня Марья Павловна. Я был ей представлен с малым числом русских офицеров, здесь находящихся. Она со всеми говорила и очаровала нас своею приветливостию, и к общему удивлению — на русском языке, на котором она изъясняется лучше, нежели наши великолепные петербургские дамы.

Вчера прибыла сюда великая княгиня Екатерина Павловна. Мы были ей представлены. Мое имя, не знаю почему, известно ее высочеству, и я имел счастие говорить с нею о егерском полку, в котором она всех офицеров помнит. К<нязь> Гагарин нас представлял. Я ему

обрадовался как знакомому и провел с ним утро у Раевского. В свободное ему время постараюсь с ним увидеться и поговорить о тебе и о петербургских знакомых.

Вот, мой друг, несколько строк из моей Одиссеи, которая скучна и неприятна в иное время, в другое довольно забавна. Когда придет желанный мир и мы снова засядем с тобою у камина, раскурим наши трубки, нальем по чашке чаю (а он теперь нам в диковину) и станем рассказывать о том о сем и *не без шума?* Тогда-то буду я подобен Улиссу, видевшему страны отдаленные и народы чуждые, но я буду еще плодовитее царя Итакского и не пропущу ни одного приключения, ни одного обеда, ни одного дурного ночлега — я все перескажу!

В ожидании сего счастливого времени, для отдыха, ездим мы в Эрфурт любоваться бомбардированием города пруссаками, храбрыми пруссаками,— пьем жидкий кофе с жидким молоком, обедаем в трактире по праздникам, перевязываем генерала ежедневно, ходим зевать один к другому, бранимся и спорим о фураже, зеваем, глядя на проходящих мимо солдат и пленных французов,— и щупаем кухарок от скуки. День тащится за днем, время проходит, и час свидания рано ли, поздно ли, настанет.

Я представлен к Анне за последние дела и к Владимиру — за первые. Получу ли их, Бог знает, а если получу, то буду награжден с избытком. Вот все, что имею сказать о себе интересного.

Напомни обо мне Лизавете Марковне и Алексею Николаевичу и всем его детям и домашним. Не забудь поклониться Тургеневым, Дашкову, Крылову, Жихареву, Ермолаеву и всем, кто обо мне еще помнит. Еще несколько слов: Муромцев дал мне письма для пересылки их в Петербург: одно из них — шлемоносному Жихареву. Они оба состарелись у меня в записной книжке. Отправь это письмо к сестре и адресуй мне ответ прямо на имя его высокопревосходительства Николая Николаевича Раевского, для вручения Батюшкову, ибо я надеюсь, что ты мне будешь писать обо всем обстоятельно; я требую этого от твоей дружбы. Дай себя еще раз обнять и пожелать тебе мира душевного, счастливых гексаметров и счастливого успеха в любви к прелестнейшей из женщин, которой ты, конечно, достоин.

P. S. Я надеюсь, что ты не напечатаешь моего письма в «Вестнике» или в «Сыне Отечества», по примеру друзей, которые в переписке с военными; а эти военные на досуге выхваляют своих генералов, их великие подвиги и пр., и пр., и пр. или, по примеру Писарева, который извещает публику о своих делах сухим слогом. Но я все ему прощаю — за его примерную неустрашимость. А не могу простить нашим журналистам их вранья, от которого я болен сделался здесь в Веймаре. Гагарин мне подарил несколько нумеров «Сына Отечества» и «Вестника Европы». Один другого лучше!

Заметь, что мое письмо написано назад тому с неделю, но я не имел времени его кончить.

Пришли мне несколько страниц из Гомера, если ты перевел что-нибудь новое, но только гекзаметрами. Немцы меня к ним совершенно приучили. Скажи Крылову, что ему стыдно лениться: и в армии его басни все читают наизусть. Я часто их слышал на биваках с новым удовольствием. Вам надобно приучать нас к языку русскому, вам должно прославлять наши подвиги, и между тем как наши воины срывают пальмы победы, вам надобно приготовлять им чистейшее удовольствие ума и сердца. Конечно, и у нас есть отличные дарования: великий Хвостов, маленький и большой Львовы, Гераков, Шаликов, Грузинцов, Висковатов и пр., но я ими все что-то не очень доволен. Впрочем, на все вкусы не угодишь: одному — одно, другому — другое.

Дай Поллуксу коней, дай Кастору бойцов!

Между тем прости, до свидания, дай себя обнять. Еще раз поклонись Дашкову.

Отправь письмо к батюшке с письмом к сестре; она его перешлет.

---

[1] Вот они, игры князей! *(фр.)*

157. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

10—15 ноября 1813. Веймар

Несколько раз принимался я писать к тебе, любезный друг и сестра, но все напрасно, потому что мы были в беспрестанном движении от Теплица к Лейпцику,

где было жестокое сражение, и потом от Лейпцика к Веймару. Генерал Раевский был ранен очень тяжело под Лейпциком, но теперь, слава Богу, ему получше, и я надеюсь, что в скором времени он будет совершенно здоров. Меня Бог помиловал: ни я, ни лошадь моя не были ни разу задеты среди самого сильного огня, в котором когда-либо в жизни моей я находился. Но во время Лейпцикского сражения я потерял доброго приятеля Петина, он убит пулею наповал, и сия потеря меня до сих пор расстроивает.

Мы теперь в Веймаре, более трех недель живем праздно, между тем как Генерал лечится. Здесь были обе великие княгини — Мария Павловна и Катерина Павловна, и мы обеим имели счастие представляться. Главная квартира во Франкфурте-на-Майне, куда и мы скоро поедем. Конечно, любезный друг, ты не будешь требовать от меня описания всего похода, который я тебе расскажу у камина, когда возвращусь благополучно к вам, любезные друзья, что не так-то скоро будет! Французы разбиты, но мир еще не близок, а до тех пор не могу оставить службы. Что касается до меня лично, любезный друг, то я ежедневно благодарю Провидение: первое — за то, что оно меня сохраняет для тебя, второе — за то, что я служу при генерале, который делает честь русскому войску, которого уважает Государь и все подчиненные любят. Он ко мне всегда равно благосклонен и представил меня за первые два дела к Владимиру с бантом, за Лейпцик к Анне на шею. Если получу сии знаки отличия, то буду с избытком награжден, если и не получу их то мне будет утешно вспоминать, что я находился при храбром Раевском и заслужил его внимание. Он недавно произведен в генерал-аншефы. Будь же спокойна на мой счет, милый друг, Провидение — наш покровитель.

Оно спасало нас от бед и злополучия, оно нас научило терпению, оно и теперь нас не покинет: ни тебя, ни милую Вариньку, которой от души желаю доброго мужа. Не упускай случаю сделать ее счастие и обрадуй меня при возвращении в отчизну. Обними милую Лизавету Николаевну и малюток ее. Поблагодари брата за его дружбу и скажи ему, что среди шуму военного, среди беспокойной жизни, всегда и везде я благодарил Бога за то, что бедная Лиза имеет в нем защитника, и вы также, милые друзья мои. Что скажу о делах домашних. Ни слова. Оброк, если будет, поберегите для моего

возврата: тогда я буду иметь в нем большую нужду, а теперь пробиваюсь кое-как жалованьем. Деньги пересылать в армию весьма затруднительно. Я весь обносился бельем. Приготовь мне дюжину рубашек домашнего тонкого полотна с батистом, 12 пар платков, поболее простынь, чулок и проч., и если можно, щегольской халат на вате, в котором я буду отдыхать от трудов военных. Но это все для возвращения. Что делает дом наш? Если нового не начали строить, то построй для меня флигель, но опрятный, а работников возьми в деревнях моих. Обей бумажками и убери по возможности. Это все для тебя пригодится. Теперь надобно Вам сделать строгий выговор. Со дня моего отъезда ни одного письма от Вас не имею и даже не смею думать о Вашем молчании. Конечно, письма потерялись или не дошли. Знаешь ли мою новую страсть? — Немецкий язык. Я ныне, живучи в Германии, выучился говорить по-немецки и читаю все немецкие книги; не удивляйся тому. Веймар есть отчизна Гете, сочинителя Вертера, славного Шиллера и Виланда; здесь прекрасная библиотека, театр и английский сад, в котором часто гуляю, ибо снегу здесь почти нет во всю зиму, а на Рейне еще менее. Жаль, что у меня мало денег; здесь все товары, как-то: ситцы, сукно и проч., дешевы, но купить не на что и нельзя везти.

Говорят, что Никита здесь в армии, но я его не видал к моему огорчению. Дай бог, чтоб он был жив и здоров, и утешал мать свою, и сделался достойным сыном достойнейшего из людей. Еще раз обнимаю тебя, и сестер, и брата и прошу любить и помнить вашего друга. *Константин.*

Кончил 15 ноября.

158. Н. И. ГНЕДИЧУ

1814 г. генваря 16—(28), Dèpartement du Haut Rhin[1] *или Старая Эльзас, у крепости Бефора, деревня Fontaine — накануне нового года,— то есть 31-го декабря старого стиля.*

Итак, мой милый друг, мы перешли за Рейн, мы во Франции. Вот как это случилось: в виду Базеля и гор, его окружающих, в виду крепости Гюнинга мы построили

мост, отслужили молебен со всем корпусом гренадер, закричали «ура!» и перешли за Рейн. Я несколько раз оборачивался назад и дружественно прощался с Германией, которую мы оставляли, может быть, и надолго, с жадностью смотрел на предметы, меня окружающие, и несколько раз повторял с товарищами: наконец, мы во Франции! Эти слова: мы во Франции — возбуждают в моей голове тысячу мыслей, которых результат есть тот, что я горжусь моей родиной в земле ее безрассудных врагов. В этой стороне Альзаса жители говорят по-французски. Вообрази себе их удивление. Они думали, по невежеству, разумеется, что русские их будут жечь, грабить, резать, а русские, напротив того, соблюдают строгий порядок и обращаются с ними ласково и дружелюбно. За то и они угощают нас как можно лучше. Мои хозяин, жена его, дети потчивают вином, салатом, яблоками и часто говорят, трепля по плечу: «Vous êtes des braves gens messieurs![2] Хозяйка, старуха лет шестидесяти, спрашивала меня в день моего прибытия: «Mais les Russes, monsieur, sont-ils chrétiens comme nous autres?»[3] Этот вопрос можно сделать им, но я промолчал. Впрочем, я не могу надивиться их живости, скорым и умным ответам, скажу более, их учтивости и добродушию. Надобно видеть, с каким любопытством они смотрят на наших гренадер, а особливо на казаков, как замечают их малейшие движения, их разговоры. Все так, любезный друг! но сердце не лежит у меня к этой стороне — революция, всемирная война, пожар Москвы и опустошения России — меня навсегда поссорили с отчизной Генриха IV, великого Расина и Монтаня.

В последний раз я писал к тебе из Веймара, где лечился мой генерал. Из Веймара мы поехали на Франкфурт, Мангейм, Карлсруге, Фрейбург и Базель. Я видел Швабию, сад Германии, к несчастию — зимой; видел в Гейдельберге славные развалины имперского замка, в Швецингене — очаровательный сад; видел везде промышленность, землю изобильную, красивую, часто находил добрых людей, но не мог наслаждаться моим путешествием; ибо мы ехали по почте, и весьма скоро. Одним словом, большую часть Германии я видел во сне. Но не во сне, а наяву нашел в Фрейбурге, где была главная квартира императоров, Николая Тургенева, с которым провел несколько приятных дней.

Теперь мы стоим в окрестностях Бельфора или Бе-

фора, значительной крепости, которую содержим в блокаде, ожидая повеления идти вперед.

Я получил твои письма, на которые отвечать тебе обстоятельно не могу; только скажу тебе, что я на тебя *прогневался* за то, что меня называешь баловнем. Я баловень? Но чей? Конечно, не фортуны, которая меня ничем не утешала, кроме дружбы,— и за то ей благодарен. Многое оставляю на сердце, которое и тебе, мой любезный Николай, не совсем известно; скажу тебе только, что я всегда был игрою быстроногой фортуны или, лучше сказать, моей пустой головы, в которой могут поместиться всевозможные человеческие дурачества, начиная от рифм и кончая самолюбием.

До сих пор я доволен моим состоянием и не променяю его на другое. Мой генерал меня любит, я его уважаю, как героя и как добрейшего из людей. Если буду жив и буду служить, то буду награжден, конечно, но я не почестей, не крестов желаю: «Покою, мой Капнист, покою»,— которого не нашел Гораций в прохладном Тибуре, и ты на кожаном диване с своей Мальвиной. Чего тебе недостает?

Если я успею написать к сестрам, то не пропущу случая. Пришли мне Анненский крест, хорошей работы и хорошего золота, с лентою, небольшой величины — если не найдешь красивого, то закажи, не пожалей денег. Ты их получишь от сестры, которую уведомь. Если мне денег не посылали, то и не надобно. До сих пор я жил одним жалованьем и не очень нуждался; лошади есть, и хорошие, следственно, и надобностей больших нет. Еще купи Владимирский крест — я к нему представлен за Теплиц и, может быть, получу. Здесь этого не сыщешь, а при генерале неловко не носить крестов. Не забудь и георгиевских лент для медали. Более просить не о чем.

Поблагодари Алексея Николаевича за пересылку писем. Поцелуй ручку у Лизаветы Марковны. Напиши мне хоть два слова о Петре, и что у них делается в доме. Что делает Катерина Федоровна? С самого отъезда от нее не имею известия. Обними за меня Дашкова и Жихарева — шлем на главе его и ветер в голове. Что делает Иван Матвеевич и Иван Андреевич? Еще раз поздравляю тебя с наступлением нового года, при конце которого желаю сидеть с тобою у камина в виду Гомера, твоего пената, и болтать беспечно о прошедшем. Надеюсь, что ты сохранишь меня в своей

памяти и в сердце. Кроме тебя, любезный друг, и сестры Александры Николаевны, я много людей имею близких к моему сердцу, но вы оба еще ближе.

Кончая мое маранье, я сижу в теплой избе и курю табак. На дворе мятель и снегу по колено: это напоминает Россию и несколько приятных минут в моей жизни. Передо мной русский чай, который наливает Яков.

Замечание. Яков еще стал глупее и бестолковее от рейнвейна и киршвассера, которыми опивается. О матушка Россия! Когда увижу тебя? Rendez-moi nos frimas [4].

Мы еще сделали несколько переходов и стоим около Лангр.

---

[1] Департамент Верхний Рейн (*фр.*).
[2] Вы хорошие люди, господа! (*фр.*)
[3] Но русские, месье, христиане ли они, как мы? (*фр.*)
[4] Верните мне наши морозы (*фр.*).

159. Н. И. ГНЕДИЧУ

27-го марта 1814 г., Juissi-sur-*Seine, в окрестностях Парижа.*

Я получил твое длинное послание, мой добрый и любезный Николай, на походе от Арсиса к Meaux. И письму, и Оленину очень обрадовался. Оленин, слава богу, здоров, а ты меня, мой милый товарищ, не забываешь! Теперь выслушай мои похождения по порядку. О военных и политических чудесах я буду говорить мимоходом: на то есть газеты — я буду говорить с тобой о себе, пока не устанет рука моя.

Я был в Сире, в замке славной маркизы дю-Шатле, в гостях у Дамаса и Писарева. Писарев жил в той самой комнате, где проказник фернейский писал «Альзиру» и пр. Вообрази себе его восхищение! Но и в Сире революция изгладила все следы пребывания маркизы и Вольтера, кроме некоторых надписей на дверях большой галереи; например: Asile des beaux-arts [1] и пр. существуют до сих пор; амура из анфологии нет давно. В зале, где мы обедали, висели знамена наших гренадер, и мы по-русски приветствовали тени Сирийской нимфы и ее любовника, то есть большим стаканом вина.

В корпусную квартиру я возвратился поздно; там

узнал я новое назначение Раевского. Он должен был немедленно ехать в Pont-sur-Seine и принять команду у Витгенштейна. Мы проехали через Шомон на Троа. По дороге скучной и разоренной на каждом шаге встречали развалины и мертвые тела. Заметь, что от Нанжиса к Троа и далее я проезжал четыре раза, если не более. Наконец, в Pont-sur-Seine, где замок премудрой Летиции, матери *всадника Робеспиера*, генерал принял начальство над армией Витгенштейна. Прощай вовсе, покой! На другой день мы дрались между Нанжисом и Провинс. На третий, следуя общему движению, отступили и опять по дороге к Троа. Оттуда пошли на Арсис, где было сражение жестокое, но непродолжительное, после которого Наполеон пропал со всей армией. Он пошел отрезывать нам дорогу от Швейцарии, а мы, пожелав ему доброго пути, двинулись на Париж всеми силами от города Витри. На пути мы встретили несколько корпусов, прикрывавших столицу, и под Fer-Champenoise их проглотили. Зрелище чудесное! — Вообрази себе тучу кавалерии, которая с обеих сторон на чистом поле врезывается в пехоту, а пехота густой колонной, скорыми шагами отступает без выстрелов, пуская изредка батальный огонь. Под вечер сделалась травля французов. Пушки, знамена, генералы, все досталось победителю. Но и здесь французы дрались как львы. В Трипор мы переправились через Марну, прошли через Meaux, большой город, и очутились в окрестностях Парижа, перед лесом Bondy, где встретили неприятеля. Лес был очищен артиллерией и стрелками в несколько часов, и мы ночевали в Noisy перед столицей. С утром началось дело. Наша армия заняла Romainville, о котором, кажется, упоминает Делиль, и Montreuil, прекрасную деревню, в виду самой столицы. С высоты Монтреля я увидел Париж, покрытый густым туманом, бесконечный ряд зданий, над которыми господствует Notre-Dame с высокими башнями. Признаюсь, сердце затрепетало от радости! Сколько воспоминаний! Здесь ворота Трона, влево Венсен, там высоты Монмартра, куда устремлено движение наших войск. Но ружейная пальба час от часу становилась сильнее и сильнее. Мы продвигались вперед с большим уроном через Баньолет к Бельвилю, предместию Парижа. Все высоты заняты артиллериею; еще минута, и Париж засыпан ядрами. Желать ли сего? — Французы выслали офицера с переговорами, и пушки замолчали. Раненые русские офи-

церы проходили мимо нас и поздравляли с победою. «Слава богу! Мы увидели Париж с шпагою в руках! Мы отмстили за Москву!»— повторяли солдаты, перевязывая раны свои.

Мы оставили высоту L'Epine; солнце было на закате, по той стороне Парижа; кругом раздавалось *ура* победителей и на правой стороне несколько пушечных ударов, которые через несколько минут замолчали. Мы еще раз взглянули на столицу Франции, проезжая через Монтрель, и возвратились в Noisy отдыхать, только не на розах: деревня была разорена.

На другой день поутру генерал поехал к государю в Bondy. Там мы нашли посольство de la bonne ville de Paris [2]; вслед за ним великолепный герцог Веченский. Переговоры кончились, и государь, король Прусский, Шварценберг, Барклай с многочисленною свитою поскакали в Париж. По обеим сторонам дороги стояла гвардия. «Ура» гремело со всех сторон. Чувство, с которым победители въезжали в Париж, неизъяснимо.

Наконец мы в Париже. Теперь вообрази себе море народа на улицах. Окна, заборы, кровли, деревья бульвара, все, все покрыто людьми обоих полов. Все машет руками, кивает головой, все в конвульсии, все кричат: «Vive Alexandre, vivent les Russes! Vive Guillaume, vive l'empereur d'Autriche! Vive Louis, vive le roi, vive la paix!» [3] Кричит, нет, воет, ревет: «Montrez nous le beau, le magnanime Alexandre!», «Messieurs, le voilà en habit vert, avec le roi de Prusse». «Vous êtes bien obligeant, mon officier» [4]. И держа меня за стремя, кричит: «Vive Alexandre, à bas le tyran!» «Ah qu'ils sont beaux, ces Russes! Mais, monsieur, on vous prendrait pour un Français» [5]. «Много чести, Милостивый государь, я, право, этого не стою!» «Mais c'est que vous n'avez pas d'accent» [6], и после того: «Vive Alexandre, vivent les Russes, les héros du Nord!» [7]

Государь, среди волн народа, остановился у полей Елисейских. Мимо его прошли войска в совершенном устройстве. Народ был в восхищении, а мой казак, кивая головою, говорил мне: «Ваше благородие, они с ума сошли». «Давно!» — отвечал я, помирая со смеху.

Но у меня голова закружилась от шуму. Я сошел с лошади, и народ обступил и меня и лошадь, начал рассматривать и меня и лошадь. В числе народа были и порядочные люди, и прекрасные женщины, которые

взапуски делали мне странные вопросы: отчего у меня белокурые волосы, отчего они длинны? «В Париже их носят короче. Артист Dulong вас обстрижет по моде». «И так хорошо»,— говорили женщины. «Посмотри, у него кольцо на руке. Видно, и в России носят кольца. Мундир очень прост! C'est le bon genre! [8] Какая длинная лошадь! Степная, верно степная, cheval du désert! [9] Посторонитесь, господа, артиллерия! Какие длинные пушки,— длиннее наших. Ah, bon Dieu, quel Calmouk!» [10] После того: «Vive le Roi,— la paix! Mais avouez, mon officier, que Paris est bien beau?» [11] «Какие у него белые волосы!» «От снегу»,— сказал старик, пожимая плечами. «Не знаю, от тепла или от снегу,— подумал я,— но вы, друзья мои, давно рассорились с здравым рассудком».

Заметь, что в толпе были лица ужасные, физиономии страшные, которые живо напоминают Маратов и Дантонов, в лохмотьях, в больших колпаках, и возле них прекрасные дети, прелестнейшие женщины.

Мы поворотили влево к place Vandôme [12], где толпа час от часу становилась сильнее. На этой площади поставлен монумент большой армии. Славная Троянова колонна! Я ее увидел в первый раз, и в какую минуту! Народ, окружив ее со всех сторон, кричал беспрестанно: «A bas le tyran!» [13] Один смельчак влез наверх и надел веревку на ноги Наполеона, которого бронзовая статуя венчает столб. «Надень на шею тирану»,— кричал народ. «Зачем вы это делаете?», «Высоко залез!»— отвечали мне. «Хорошо, прекрасно! Теперь тяните вниз — мы его вдребезги разобьем, а барельефы останутся. Мы их кровью купили, кровью гренадер наших. Пусть ими любуются потомки наши!» Но в первый день не могли сломать медного Наполеона: мы поставили часового у колонны. На доске внизу я прочитал: Napolio, Imp. Aug. monumentum [14] и проч.

Суета сует! Суета, мой друг! Из рук его выпали и меч и победа! И та самая чернь, которая приветствовала победителя на сей площади, та же самая чернь и ветреная и неблагодарная, часто неблагодарная! накинула веревку на голову Napolio, Imp. Aug., и тот самый неистовый, который кричал несколько лет назад тому: «Задавите короля кишками попов», тот самый неистовый кричит теперь: «Русские, спасители наши, дайте нам Бурбонов! Низложите тирана! Что нам в победах? Торговлю, торговлю!»

О чудесный народ парижский! — народ, достойный и сожаления и смеха! От шума у меня голова кружилась беспрестанно; что же будет в Пале-рояль, где ожидает меня обед и товарищи? Мимо французского театра пробрался я к Пале-рояль, в средоточие шума, бегания, девок, новостей, роскоши, нищеты, разврата. Кто не видел Пале-рояль, тот не может иметь о нем понятия. В лучшем кофейном доме или, вернее, ресторации, у славного Verry, мы ели устрицы и запивали их шампанским за здравие нашего государя, доброго царя нашего. Отдохнув немного, мы обошли лавки и кофейные дома, подземелья, шинки, жаровни каштанов и проч. Ночь меня застала посреди Пале-рояль. Теперь новые явления. Нимфы радости, которых бесстыдство превышает все. Не офицеры за ними бегали, а они за офицерами. Это продолжалось до полуночи, при шуме народной толпы, при звуке рюмок в ближних кофейных домах и при звуке арф и скрыпок... Все кружилось, пока «Свет в черепке погас, и близок стал сундук». О, Пушкин, Пушкин!

В день приезда моего я ночевал в Hôtel de Suède и заснул мертвым сном, каким спят после беспрестанных маршей и сражений. На другой день поутру увидел снова Париж — или ряды улиц, покрытых бесчисленным народом, но отчета себе ни в чем отдать не могу. Необыкновенная усталость после трудов военных, о которых вы, сидни, и понятия не имеете, тому причиною. Скажу тебе, что я видел Сену с ее широкими и, по большей части, безобразными мостами; видел Тюльери, Триумфальные врата, Лувр, Notre-Dame и множество улиц, и только, ибо всего-навсего я пробыл в Париже только 20 часов, из которых надобно вычесть ночь. Я видел Париж сквозь сон или во сне. Ибо не сон ли мы видели по совести? Не во сне ли и теперь слышим, что Наполеон отказался от короны, что он бежит и пр., и пр., и пр.? Мудрено, мудрено жить на свете, милый друг! Но в заключение скажу тебе, что мы прошли с корпусом через Аустерлицкий мост, мимо Jardin de plantes, заставу des Deux Moulins по дороге Bois de Boulogne[15], где стоит лагерем *полинявший* император с остатками *неустрашимых*, и остановились в замке Jouissy, принадлежащем почетному парижскому жителю. Этот замок на берегу Сены окружен садами и принадлежал некогда любовнице Людовика XIV. Еще до сих пор видны остатки и следы древнего великолепия. С тер-

расы, примыкающей к дому, видна Сена. Приятные луга и рощи и загородные дворцы маршалов Наполеона, которые мало-помалу один за другим возвращаются в Париж, кто *инкогнито*, а кто и с целым корпусом. Новости, происшествия важнейшие теснятся одно за другим. Я часто, как Фома неверный, щупаю голову и спрашиваю: Боже мой! Я ли это? Удивляюсь часто безделке и вскоре не удивлюсь важнейшему происшествию. Еще вчера мы встретили и проводили в Париж корпус Мармона!!! и с артиллерией, и с кавалерией, и с орлами!!! Все ожидают мира! Дай Бог! Мы все желаем этого. Выстрелы надоели, а более всего плач и жалобы несчастных жителей, которые вовсе разорены по большим дорогам. «Остался пепл один в наследство сироте!»

Завтра я отправляюсь в Париж, если получу деньги, и прибавлю несколько строк к письму. Всего более желаю увидеть театр и славного Тальма, который, как говорит Шатобриан, учил Наполеона, как сидеть на троне с приличною важностию императору великого народа.— La grande nation! — Le grand homme! — Le grand siècle! [16] Все пустые слова, мой друг, которыми пугали нас наши гувернеры.

---

[1] Убежище изящных искусств *(фр.)*.

[2] доброго города Парижа *(фр.)*.

[3] Да здравствует Александр, да здравствуют русские, да здравствует Вильгельм, да здравствует король австрийский, да здравствует Людовик, да здравствует король, да здравствует мир! *(фр.)*

[4] Покажите нам прекрасного, великодушного Александра! Господа, вот он в зеленом мундире с прусским королем. Вы очень любезны, господин офицер *(фр.)*.

[5] Да здравствует Александр! Долой тирана! Как хороши эти русские! Но, господин, вас можно принять за француза *(фр.)*.

[6] Но вы говорите без акцента *(фр.)*.

[7] Да здравствует Александр! Да здравствуют русские, эти герои севера!

[8] Очень благородно! *(фр.)*

[9] лошадь пустыни! *(фр.)*

[10] Ах, господи, какой калмык! *(фр.)*

[11] Да здравствует король, мир, но признайтесь, господин офицер, что Париж очень хорош? *(фр.)*

[12] Вандомской площади *(фр.)*.

[12] Долой тирана! *(фр.)*

[14] Памятник Наполеону, августейшему императору *(лат.)*.

[15] Ботанический сад, Дё Мулен, Булонский лес *(фр.)*.

[16] Великий народ! великий человек! великий век! *(фр.)*

160. Д. В. ДАШКОВУ

25 апреля 1814. Париж

Письмо ваше от 25-го января я получил на марше из Витри-ле-Франсе к Фер-Шампенуазу и не могу вам описать удовольствия, с каким я прочитал его, любезный друг Дмитрий Васильевич! Сто раз благодарю вас за приятное ваше послание к полуварвару Батюшкову, покрытому военным прахом, забывшему и музу и ее служителей, но не забывшему друзей, в числе которых вы всегда жили в моем сердце. Столько и столько приятных минут, проведенных с вами на берегах Невской Наяды и в шуме городском, и в уединенных беседах, где мы делали друг другу откровения *не о любимцах счастья*, нет, а о дружбе нашей, о пламенной любви к словесности, к поэзии и ко всему прекрасному и величественному, дают мне право на ваше воспоминание. В жизни моей я был обманут во многом,— кроме дружбы. Ею могу еще гордиться; она примиряет меня с жизнию, часто печальною, и с миром, который покрыт развалинами, гробами и страшными воспоминаниями.

Теперь несколько слов о себе. Вы не будете требовать от меня целой Одиссеи, то есть описания моих походов и странствий: для этого недостанет у меня бумаги, а у вас терпения. Скажу вам просто: я в Париже! La messagère indifférente [1], молва известила вас давно о наших победах, чудесных поистине: это все давным-давно известно и расположено в английском клубе, и в газетах, и в «Сыне Отечества», и у Глинки, и в официальных одах постоянного Хлыстова; одним словом, это старина для вас, жителей мирного Питера. Но поверите ли? Мы, которые участвовали во всех важных происшествиях, мы едва ли до сих пор верим, что Наполеон исчез, что Париж наш, что Людовик на троне и что сумасшедшие соотечественники Монтескье, Расина, Фенелона, Робеспьера, Кутона, Дантона и Наполеона поют по улицам: «Vive Henri quatre, vive ce roi vaillant!» [2] Такие чудеса превосходят всякое понятие. И в какое короткое время, и с какими странными подробностями, с каким кровопролитием, с какою легкостию и легкомыслием! Чудны дела Твоя, Господи!

Нет, любезный друг, надо иметь весьма здоровую голову, чтоб понять все дела сии и чтобы следовать за

всеми обстоятельствами... Я от этой работы отказываюсь, я, который часто не понимал стихов Шихматова.

Скажу просто: я в Париже. Первые дни нашего здесь пребывания были дни энтузиазма. Теперь мы покойнее. Бродить по бульвару, обедать у Beauvilliers, посещать театр, удивляться искусству, необыкновенному искусству Тальмы, смеяться во все горло проказам Брюнета, стоять в изумлении перед Аполлоном Бельведерским, перед картинами Рафаеля, в великолепной галерее Музеума, зевать на площади Лудовика XV или на Новом мосту, на поприще народных дурачеств, гулять в великолепном Тюльери, в Ботаническом саду или в окрестностях Парижа, среди необозримой толпы парижских граждан, жриц Венериных, старых роялистов, республиканцев, бонапартистов и проч., и пр., и пр., теперь мы все это делаем и делать можем, ибо мы отдохнули и телом и душою. Заметьте, что мы имеем важное преимущество над прежними путешественниками: мы — путешественники вооруженные. Я часто с удовольствием смотрю, как наши казаки беспечно прогуливаются через Аустерлицкий мост, любуясь его удивительным построением; с удовольствием неизъяснимым вижу русских гренадер перед Трояновой колонной или у решетки Тюльери, перед Arc de triomphe [3], где изображены и Ульм, и Аустерлиц, и Фридланд, и Иена. Еще с большим удовольствием смотрю на наших воинов, гуляющих с инвалидами на широкой площади, принадлежащей их дому.

Французы дорого заплатили за свою славу, любезный друг! Они должны быть благодарны нашему царю за спасение не только Парижа, но целой Франции,— и благодарны: это меня примиряет несколько с ними. Впрочем, этот народ не заслуживает уважения, особливо народ парижский.

Я вижу отсюда, что Дмитрий Васильевич, читая мое письмо, кивает головою. «Бог с ним, что мне до народа французского? Зачем Батюшков не говорит мне о литературе, о Лицее, о славных ученых мужах, об остроумных головах, о поэтах, одним словом — о людях, которым я, живучи на берегах Ладожского озера и Невы, обязан сладостными минутами, которых имя одно пробуждает в голове тысячу воспоминаний приятных, тысячу понятий...» Извольте! Я скажу вам, во-первых, что в шуме военном я забыл, что существовала академия из сорока членов, точно так, как забыл, что есть Беседа,

академия русская и Палицын, гроза чтецов. Но раз, перейдя за Королевский мост, забрел я случайно к Дидоту, любовался у него изданием Лафонтена и Расина и, разговаривая с его поверенным, узнал ненароком, что завтра, в 3 часа пополудни, второй класс института будет иметь торжественное заседание.

Вооружась билетом для прохода чрез врата учености в сие важное святилище муз, я, ваш маленький Тибулл или, проще, капитан русской императорской службы, что в нынешнее время важнее, нежели бывший кавалер или всадник римский (ибо, по словам Соломона, «живой воробей лучше мертвого льва»),— я, ваш приятель, наступил на горло какому-то члену общества и вошел в залу, пробираясь сквозь толпу любопытных. «Вот, садитесь здесь, или станьте за моим табуретом,— сказала мне прекрасная женщина,— здесь вы все увидите, все услышите». Я стал за табуретом и с удовольствием взглянул на залу и на блестящее собрание отборной публики... парижской! Зала прекрасная: она построена крестообразно. В четырех нишах, составляющих углы ротонды, поставлены четыре статуи — произведение искусства французских художников, статуи великих людей: Сюлли, Монтескье, Боссюета и Фенелона. От ротонды возвышается амфитеатр, посвященный для зрителей, ротонда для членов и важных посетителей. Члены сбирались мало-помалу, и француз, мой сосед, называл их: «Вот Сюар, вот Буфлер, вот Сикар, а это, с красной лентой, старик Сегюр! Вот Этьен, сочинитель хорошей комедии, возле него Пикар, любимый автор парижский!» С ними были и другие члены прочих классов института, которые имеют право заседаний в торжественных собраниях. Ни Парни, ни Фонтаня я не видел. Шатобриана, кажется, не было. Наполеон не согласен был на принятие его в члены — за несколько строк в речи автора «Аталы» против правления или против его особы. Зато и Шатобриан не пощадил его в последнем сочинении, которое вам, без сомнения, известно. Наконец, при плеске публики, при беспрестанных восклицаниях: «Vive Alexandre, le magnanime Alexandre! Vive le roi Prusse! Vive le Général Sacken!» [4] вошли наши герои.

Лакретель, секретарь академии, читал им приветствие. Я с удовольствием слушал его. Лакретель, как известно, имеет достоинства, вы, кажется, любите его «Историю революции» и «Историю последнего века».

Засим — снова рукоплескания, снова восклицания: «Да здравствует император!» и пр.

Они замолкли, и г. Вильмень, молодой человек 22-х лет, начал читать снова приветствие Государю и просил публику выслушать рассуждение «О пользе и невыгодах критики», увенчанное институтом. Молчание глубокое. Все слушали с большим вниманием длинную речь молодого профессора, весьма хорошо написанную, как мне показалось; часто аплодировали блестящим фразам и более всего тому, что имело какое-нибудь отношение к нынешним обстоятельствам. «Браво, г. Вильмень! Продолжайте!»— говорили женщины. «Он мыслит, il pense» [5],— говорили мужчины, поправляя галстух с обыкновенною важностию... и все были довольны. — «Как он молод! И два раза увенчан академией! В первый раз за похвальное слово Монтаню...» «В котором много глубоких мыслей»,— прибавил мужчина, мой сосед. «Не мудрено,— продолжал другой,— он говорил о Монтане!»

По окончании речи президент обнял два раза молодого профессора и провозгласил его победителем при шумных рукоплесканиях публики. Государь и король Прусский сказали ему несколько учтивых слов: молодой автор был на розах.

Нынешний год была предложена к увенчанию «Смерть Баярда», но по слабости поэзии не получила обыкновенной награды. Теперь отгадайте, какой предмет назначен для будущего года? «Польза прививания коровьей оспы»! Это хоть бы нашей академии выдумать! Поэтому, любезный друг, можете судить о состоянии французской словесности. Ее не любил Наполеон. Математик во всяком случае брал преимущество над членом второго класса Института, что немало послужило упадку Академии французской. Правление должно лелеять и баловать муз: иначе они будут бесплодны. Следуя обыкновенному течению вещей, я думаю, что век славы для французской словесности прошел и вряд ли может когда-нибудь воротиться. Впрочем, мирное отеческое правление будет во сто раз благосклоннее для муз судорожного тиранского правления Корсиканца, который в великолепных памятниках парижских показал, что он не имеет вкуса и что «музы от него чело свое сокрыли».

Теперь вы спросите меня, что мне более всего понравилось в Париже? Трудно решить. Начну с Аполлона

Бельведерского. Он выше описания Винкельманова: это не мрамор — бог! Все копии этой бесценной статуи слабы, и кто не видал сего чуда искусства, тот не может иметь о нем понятия. Чтоб восхищаться им, не надо иметь глубоких сведений в искусствах: надобно чувствовать. Странное дело! Я видел простых солдат, которые с изумлением смотрели на Аполлона. Такова сила гения! Я часто захожу в музеум единственно затем, чтобы взглянуть на Аполлона, и как от беседы мудрого мужа и милой, умной женщины, по словам нашего поэта, «лучшим возвращаюсь». Ни слова о других редкостях, ни слова о великолепной картинной галерее, единственной в своем роде, ни слова о редкостях парижских, о театрах, о Дюшенуа, о Тальме и проч., и пр. Я боюсь вам наскучить моими замечаниями. Но позвольте, мимоходом, разумеется, похвалить женщин. Нет, они выше похвал, даже самые прелестницы.

Пред ними истощает
Любовь златой колчан.
Все в них обворожает:
Походка, легкий стан,
Полунагие руки,
И полный неги взор,
И уст волшебны звуки,
И страстный разговор,
Все в них очарованье!
А ножка... милый друг,
Она — Харит созданье,
Кипридиных подруг.
Для ножки сей, о вечны боги,
Усейте розами дороги
Иль пухом лебедей!
Сам Фидий перед ней
В восторге утопает,
Поэт — на небесах,
И труженик, в слезах,
Молитву забывает!

Итак, мне более всего понравились ноги, прелестные ноги прелестных женщин в мире. De gustibus non disputandum [6]. У английского генерала недавно спрашивали французские маршалы, что ему более всего понравилось в Париже? «Русские гренадеры»,— отвечал он. Пусть Северин скажет вам теперь, что ему понравилось в столице мира. Северин здесь; мы с ним видимся каждый день, бродим по улицам и часто, очень часто вспоминаем о Дашкове. Я ему уступаю перо до первого случая.

Теперь простите. Если Иван Иванович в Петербурге, то покорнейше прошу вас засвидетельствовать ему мое почтение. Поклонитесь знакомым; обнимите Блудова и скажите ему, что Батюшков любит его и уважает по-старому. Тургеневу ни слова обо мне:

Ему ли помнить нас
На шумной сцене света?
Он помнит лишь обеда час
И час великий Комитета!

Батюшков.

---

[1] Хладнокровная вестница (*фр.*).
[2] Да здравствует Генрих IV, да здравствует этот доблестный король! (*фр.*)
[3] Триумфальная арка (*фр.*).
[4] Да здравствует Александр, великодушный Александр! Да здравствует король Пруссии! Да здравствует генерал Сакен! (*фр.*)
[5] Он мыслит (*фр.*).
[6] О вкусах не спорят (*лат.*).

161. Е. Г. ПУШКИНОЙ

3 мая 1814. Париж

Как вам угодно, но вы не должны удивляться этому письму. Десять месяцев я к вам не писал и десять месяцев не имею от вас никакого известия: это не *резон*, чтоб не писать более. Вы согласны на это? Сто раз прошу у вас прощения, совершенного прощения за мое молчание, если оно могло хотя немного оскорбить ваше самолюбие; я готов броситься в воду, если мое молчание нанесло хотя малейший вред вашей ко мне дружбе, и вы, конечно, в этом уверены. Но представьте себе Батюшкова, который оставляет Петербург вдруг, скачет две тысячи верст, сломя голову, как говорят у нас в России, приезжает в главную квартиру под Дрезден, разъезжает в ней десять дней взад и вперед под пушечными выстрелами, единственно за тем, чтоб сдать какие-то депеши; наконец, сдает их, остается у Раевского, делает с ним всю кампанию — и какую кампанию! — умирает со скуки на биваках, умирает со скуки на квартирах, вступает с армией в Париж и в Париже, проведя два месяца в шуме и в кружении головы, делясь между ресторатором, спектаклей, парадов, встреч новых коро-

лей и проч., берет перо, чтоб напомнить вам, что он еще жив, здоров и, не будучи вовсе избалованным счастием, долгом поставляет напомнить о себе друзьям своим. Вот часть моей Одиссеи. Остаток наполнит ваше богатое воображение, если захочет заняться мною. Теперь спрашиваю вас, спрашиваю Алексея Михайловича, который вопреки некоторым *излучинам*,— пусть он помирает со смеху — вопреки некоторым излучинам, в которые вдается его ум, имеет много здравого рассудка, спрашиваю у вас обоих: не стою ли я совершенно извинения? Итак, вы меня прощаете, и я снова имею право на дружество ваше, которое, конечно, во зло употреблять не буду. Впрочем, не спрашивайте, не требуйте у меня отчета в моей жизни. Рассказы хороши только в стихах, в плачевных трагедиях или у камина. Еще более: я вам ни слова не скажу о Париже. Василий Львович вам это все рассказал и лучше и пространнее моего во время нашей эмиграции или бегства. Газеты провозгласили вам наши победы, чудесные поистине, которым, разумеется, супруг ваш на досуге дал настоящий вес и цену. Я с удовольствием представляю себе счастливую минуту, когда мы будем смеяться над прошедшими бедами. Сколько происшествий! Сколько чудес — начиная с круглых пирогов у Анны Львовны до самого вступления нашего в Париж! К чему и зачем все людские расчеты? Признаюсь вам, у меня голова кружится, когда я начинаю рассчитывать всю превратность этого года, который, конечно, возвратил на путь истинный многих и многих людей, а Василья Львовича утвердил *паче меры* в премудрых его правилах. Что он делает? Где и как проводит время? Он вовсе забыл нас, бедных странников, или с завистью считает наши шаги у Бовилье, в лицее, в Пале-рояль — прелестные места, которые мы отдали бы все за старый Кремль в придачу со всею нашею славою, которая нам становится немного в тягость. Что делают его сестрицы? Признаюсь вам, часто, очень часто, возвратясь в мою комнату, я забываю и шум Парижа, и Дюшенуа, и проказы Брюнета, и красавиц Тиволи, все забываю и мысленно переношусь в Нижний, то на площадь, где между телег и колязок толпились московские франты и красавицы, со слезами вспоминая о бульваре, то на патриотический обед Архаровых, где от псовой травли до подвигов Кутузова все дышало любовью к отечеству, то на ужины Крюкова, где Василий Львович, забыв утрату книг, стихов и белья, забыв

о *Наполеоне, гордящемся на стенах древнего Кремля,* отпускал каламбуры, достойные лучших времен французской монархии, и спорил до слез с Муравьевым о преимуществе французской словесности, то на балы и маскерады, где наши красавицы, осыпав себя бриллиантами и жемчугами, прыгали до первого обморока в кадрилях французских, во французских платьях, болтая по-французски бог знает как, и проклинали врагов наших. Вот времена, признаюсь вам, о которых я вспоминаю с большим удовольствием. Прибавьте к этому Алексея Михайловича, который с утра самого искал кого-нибудь, чтоб поспорить, и доказывал с удивительным красноречием, что белое — черное, черное — белое, который вздохнуть не давал Василью Львовичу и теснил его неотразимой логикой,— и вы будете иметь понятие об удовольствии, которое я нахожу, переносясь мысленно в стены Нижнего. Таких чудесных обстоятельств два раза в жизни не бывает. Довольно и одного, чтоб навеки остаться в памяти. «Боже мой, я помню это все! Скажите мне что-нибудь о Париже!» Еще раз, и в последний: я не скажу ни слова. И с чего начну мой рассказ? Здесь что день, то происшествия, что день, то новые проказы. Ни бумаги, ни терпения у вас и у меня на все сие недостанет, но достанет, конечно, на то, чтоб перечитать «Монитер», «Gazette de France» [1], в которых, в одном отношении, все новости парижские.

Мое письмо могло быть еще длиннее, но я дал слово Северину, которого сию минуту ожидаю к себе. Мы сговорились — прошу покорнейше прочитать это любителю Парижа Василью Львовичу,— мы сговорились идти по бульвару до Сены, осмотреть всех фигляров и пр., не пропустить ни одной площадной панорамы, заходить во все лубочные театры, начиная с кабинета блох, так называемого les puces travailleuses [2], и кончая кабинетом des illusions parfaites [3], и все за несколько копеек! Потом, переправясь через Аустерлицкий мост, мы обойдем Ботанический сад, бросим взгляд на львов, тигров и пр., отдохнем под теми самыми липами, на той самой скамье, где Бюффон некогда любил покоиться. Простившись с тенью великого и вооружась изобильным завтраком в ближней ресторации, мы сядем в кабриолет, который, как говорят здесь, жжет мостовую, и полетим в музеум мимо великолепной набережной, мимо новой статуи Генриха IV, мимо Palais des arts [4]. Мы пробежим музеум, мы не станем терять времени в рассматривании

картин и статуй: мы знаем, что перед Аполлоном, Венерою и Лаокооном надобно сказать: ах! — повторить это восклицание перед картинами Рафаеля, с описанием их в руках, разумеется, и оставя чудеса искусств, явимся в 3-м часу на террасе Тюльерийского сада, где остроумнейший народ в мире стоит несколько битых часов перед окнами замка, стоит разиня рот и изредка, без всякого энтузиазма, а так, от скуки, кричит: «Vive le roi!»[5] В 4 часа Бовилье или артист Вери ожидают нас с лакомым обедом. Час позже все места заняты. При шуме разговорном мы проглотим несколько дюжин устриц, осушим бутылку шампанского и пойдем пить кофе в кофейный дом, которого все углы знакомы нашему любителю Парижа; из café de Foy мы забежим во Французский театр, где Тальма, Дюшенуа, Жорж и пр. удивляют искусством неподражаемым; не дослушая трагедии, мы явимся у Брюнета в Variétés, будем хохотать во все горло над остроумными его каламбурами, которые всякого русского охотника могут привести в отчаяние, зайдем — это один шаг оттуда — к Тортони, где все красавицы парижские кушают мороженое и пунш и... Но я не хочу огорчать Пушкина: такого рода воспоминания раздирают его сердце. Притом же я знаю: ses yeux sont ingrats et jaloux[6]. Простите! Будьте счастливы и не забывайте Батюшкова, который если не потонет на возвратном пути своем через Лондон, то приедет вам рассказывать о чудесах парижских, а более всего о преданности своей к особе вашей.

---

[1] Газет де Франс (фр.).
[2] блохи-работницы *(фр.)*.
[3] полного обмана зрения *(фр.)*.
[4] Дворца искусств *(фр.)*.
[5] Да здравствует король! *(фр.)*
[6] его глаза неблагодарны и ревнивы *(фр.)*.

162. Н. Л. БАТЮШКОВУ

<Апрель — май 1814. Париж>

Любезный батюшка! Благодаря Всевышнему, мы кончили войну победами в Париже, откуда я пишу к вам. Я не стану рассказывать вам, любезный батюшка, всех походов и сражений наших, предоставя сие первому сви-

данию, которое, надеюсь, будет в скором времени, ибо я уже получил отправление в Петербург. Если обстоятельства позволят, то я поеду морем через Англию, но к концу июля надеюсь решительно быть в Петербурге.

Теперь, желая обрадовать родительское сердце ваше, скажу вам, что я, слава богу, здоров и молитвами вашими из всех опасностей вышел невредим. Получил Анну, два раза представлен к Владимиру и к переводу в гвардию, что будет мне весьма выгодно и для штатской службы, если я принужден буду оставить военную.

Вот, любезный батюшка, что могу сказать теперь о себе. Газеты уведомили вас о подвигах наших: они неимоверны. Мы вступили в Париж, как избавители, как герои. Я имел счастие быть свидетелем въезда государева и не могу описать вам этой великолепной и трогательной картины. Таким образом русские воины награждены за все труды, и сия награда лестнее всех.

Я теперь покойно живу в Париже и рассматриваю все, что он имеет редкого, удивительного. Наполеон оставил везде следы свои. Здесь на всяком шагу мы видим памятники, воздвигнутые ему в честь, и, смеясь, вспоминаем, что герой теперь заключен на маленький остров. На днях я имел счастие видеть королевскую фамилию, которая заставит себя любить. Место тирана заступили добрые и честные люди. Вы читали несколько описаний Парижа, вы знаете, что Париж есть удивительный город; но я смело уверяю вас, что Петербург гораздо красивее Парижа, что здесь хотя климат и теплее, но не лучше киевского, одним словом, что я не желал бы провести мой век в столице французской, а во Франции еще и менее того.

Теперь, любезный батюшка, вы не будете требовать от меня подробного рассказа всем походам и трудам, перенесенным нами во Франции. Сия война может только сравниться с русскою. Но мы теперь покойны, и все трудности, и все горе забыто навеки.

Я ожидаю нетерпеливо счастливого времени, когда увижу и обниму вас. Мысленно обнимаю милого братца и сестрицу и целую родительские руки ваши, прошу вашего благословения и молитв ваших; они меня поддерживали в опасностях; они меня не оставят и на возвратном пути моем в отечество. Ваш преданный сын *Константин Батюшков.*

163. Н. И. ГНЕДИЧУ

17 мая 1814. Париж

Посмотри мне в глаза, любезный друг... Ты сердишься? Я виноват! виноват, что не отвечал до сих пор на твое длинное послание, как только несколькими строками; виноват, что не писал к тебе ни разу из Парижу,— виноват, сто раз виноват! Но если б ты знал... если б был на моем месте!.. Если б вошел сюда после трехдневной битвы, покрытый пылью и кровью, как говорят твои братья-поэты, вошел при шуме восклицаний народных, куда? — в этот хаос, и зачем? — затем, чтоб пообедать в Пале-рояль и стремглав полететь на дорогу Фонтенебло, снова драться с великим Наполеоном, десять дней быть в авангарде, пока Наполеон сложит короны свои, возвратиться в Париж, скакать за делом из конца в конец, от Иенского моста к Аустерлицкому, от Монмартра к воротам Ада, потом бегать по театрам и пррр., в Музеуме восхищаться Аполлоном и пр., жить с добрейшим из людей, с Дамасом, и наслаждаться его обществом, хотеть беспрестанно уехать и не иметь на то возможности, наконец, простудиться и пролежать в постеле 7 дней: вот моя история. Верь ей или не верь — от тебя зависит. Но ты видишь, милый друг, что я не так-то виноват перед тобою. И могу ли быть по душе виноват перед милым, добрым Гнедичем, которому многим обязан в жизни?

Вот письмо к Дашкову: оно длиннее твоего. Я писал к нему в веселом духе. К тебе пишу между хлопот отъезда. Куда? В Лондон, если ничего тому не помешает.

Отправь письмо к Бахметеву и к сестрам. Вот еще к Вяземскому.

Обнимаю тебя сто раз. Дамас тебе кланяется. Он остается здесь maréchal de camp [1] при принце д'Ангулемском; я его дружбой обязан — и вечно благодарен буду.

Обнимаю тебя.— Прости! — *Батюшков.*

Кроме 66 червонцев, я денег не получал от тебя.

---

[1] бригадным генералом *(фр.)*.

164. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

17 мая 1814. Париж

Милый, добрый, любезный друг, ты имеешь право сердиться на меня за мое молчание; я имею маленькое право, но простим великодушно друг другу лень и беззаботливость нашу. Дай себя обнять... и все забыто. По крайней мере я с моей стороны с удовольствием живейшим беру перо, чтоб напомнить о себе. И виноват ли я в самом деле? С тех пор как оставил Петербург, и еще более, с тех пор как мы переступили за Рейн, ни одного дня истинно покойного не имел. Беспрестанные марши, биваки, сражения, ретирады, усталость душевная и телесная, одним словом, вечное беспокойство: вот моя история. Заметь однако же, что при всяком отдыхе я думал о тебе и о России. Нет, милый мой Вяземский, тесно связана жизнь наша, слишком тесно, чтоб когда-либо мы могли забыть друг друга. Вот мое извинение: твое я выслушаю в Москве или на берегах Невы, где богу угодно будет назначить нам свидание,— столь желанное мною!

Ни слова теперь не скажу о Париже. Два месяца я живу здесь в беспрерывном шуме и движении. Насилу и теперь отдохнул во время моей болезни, которая меня перед отъездом неделю продержала в постели. Северин меня часто посещал. Он сегодня отправился в Лондон, куда и я намерен ехать, если что важное не воспрепятствует. Северин добрый, любезный молодой человек, я его еще более здесь полюбил. С ним-то мы часто беседовали о тебе и часто вспоминали старину, Москву, Жуковского и все, что любило и любит сердце.

Теперь, разбирая бумаги, я нахожу записки мои; когда-нибудь мы их переберем вместе, они тебе приписаны. Вот доказательство, что я тебя помнил и посреди шуму военного. Сожалею от всей души, что ничего не успел написать о Париже. Здесь что день, то эпоха. Но возможно ли было сообразить политические происшествия, которые теснились одно за другим? Можно ли было замечать мимоходом то, что принадлежит истории, переходить от Брюнета к Наполеону, ибо и тот и другой меня интересовали... одинаково, к стыду моему? Прибавь к этому беспокойнейшую жизнь офицера в хаосе парижском, и ты, конечно, извинишь мою леность. Но еще раз, и в последний, я с удовольствием воображаю себе минуту нашего соединения: мы выпишем Жуковского, Северина,

возобновим старинный круг знакомых и на пепле Москвы, в объятиях дружбы, найдем еще сладостную минуту, будем рассказывать друг другу наши подвиги, наши горести и, притаясь где-нибудь в углу, *мы будем чашу ликовую* передавать из рук в руки... Вот мои желания, мои надежды! Я забыл, что океан разделяет нас — и что, может быть, не ранее августа я могу возвратиться в Петербург. Эта мысль меня печалит, отдых мне нужен, а более всего твое утешительное дружество.

Прости меня, милый друг, что я не буду говорить с тобой ни о Пантеоне, ни о музее: ты знаешь все редкости Парижа наперечет; ты знаешь подвиги наши по газетам и по одам г<рафа> Хлыстова. С тебя этого довольно. Я в Париж въехал с восхищением и оставляю его с радостию. Еще раз обнимаю тебя от всей души. Напомни обо мне княгине; напомни обо мне почтенному семейству Карамзиных; поздравь Николая Михайловича с нашими победами и с новыми материалами для Истории. Я желаю, чтоб Бог продлил ему жизни для описания нынешних происшествий; двойная выгода: у нас будет прекрасная полная История, и Николай Михайлович будет жить более века. Столько материалов!

Прости, будь счастлив и помни Батюшкова.

Это письмо отдай Пушкиной; обними за меня Василья Львовича, скажи мой душевный поклон его сестрице и Солнцеву и скажи Алексею Михайловичу, что он худой пророк; он это теперь и сам чувствует. Nul n'est prophète dans son pays [1].

---

[1] Нет пророка в своем отечестве (*фр.*).

165. Д. П. СЕВЕРИНУ

19 июня 1814. <Готенбург>

Письмо С. из Готенбурга

Исполняю мое обещание, любезный друг, и пишу к тебе из Готенбурга. После благополучного плавания прибыл я вчерашний день на пакетботе Альбионе здоров и весел, но в большой усталости от морского утомительного переезда. Усталость не помешает рассказывать мои похождения. Садись и слушай. Оставя тебя посреди вихря лондонского, я сел с великим Рафаэлом в фиакр

и в беспокойстве доехал до почтового двора, боясь, чтобы карета под надписью «в Гарич» не ускакала без меня в урочное время. К счастию, она была еще на дворе, и около нее рой почтовых служителей, ожидающих почтенных путешественников. Дверцы отворены: я пожал руку у твоего итальянца, громкого именем, но смиренного званием, и со всей возможной важностию занял первое место; ибо я первый вошел в карету. Другие спутники мои (заплатившие за проезд дешевле) уселись на крышке, на козлах, распустили огромные зонтики и начали, по обыкновению всех земель, бранить кучера, который медлил ударить бичом и спокойно допивал кружку пива, разговаривая со служанкою трактира. Между тем как с кровли каретной сыпались готдемы на кучера, дверцы отворились: двое мужчин сели возле меня, и колымага тронулась. К счастию, то были немцы из Гамбурга, люди приветливые и добрые. Мы не успели выехать из предместий Лондона, и карета остановилась: в нее вошел новый спутник. Впоследствии я узнал, что товарищ наш был родом швед, а промыслом — глупец, но оригинал удивительный, о котором я, в качестве историка, буду говорить в надлежащее время. Теперь я на большой дороге прощаюсь с Лондоном, которого, может быть, не увижу в другой раз... Карета летит по гладкой дороге, между великолепных лип и дубов; Лондон исчезает в туманах. В Колчестр, знаменитый устрицами, прибыли мы в глухую полночь, а в Гарич — на рассвете. В гостинице толстого Буля ожидал нас завтрак. Товарищи мои: швед, два гамбургца, несколько англичан и шотландцев, все в глубоком молчании и с важностию чудесною пили чай и поглядывали на море, в ожидании попутного ветра. Таможенные приставы ожидали нас. Окончa все дела с ними, честная компания возвратилась к Булю. В большой зале ожидали нас новые товарищи, которые, узнав, что я — русский, дружелюбно жали мою руку и предложили пить за здравие Императора. Портвеин и херес переходили из рук в руки, и под вечер я был красен, как майский день, но все в глубоком молчании. Товарищи мои пили с такою важностию, о которой мы, жители матерой земли, не имеем понятия. Нас было более двенадцати, со всех четырех концов света, и все, казалось мне, люди хорошо воспитанные; все, кроме шведа. Он час от часу более отличался, желая играть роль жентельмана и коверкая английский язык немилосердным образом... Англичане улыбались, пожимали плечами и пили за его

здоровье. Ветер был противный, и мы остались ночевать в Гариче. На другой день поутру шотландец, товарищ мой из Лондона, высокий и статный молодой человек, вошел в мою спальню и ласковым образом на каком-то языке (который англичане называют французским) предложил мне идти в церковь. День был воскресный, и народ толпился на паперти. Двери Храма отворились, мы вошли с толпою.

Простота служения, умиление, с которым все молились в молчании, изредка прерываемом или протяжным пением, или важными звуками органа, сделала в душе моей впечатление глубокое, сладостное. Спокойные ангельские лица женщин, белые одежды их, локоны, распущенные в милой небрежности, рой прелестных детей, соединяющих юные гласы свои с дрожащим голосом старцев, древних мореходцев, поседевших на бурной стихии, окружающей Гарич; все вместе образовало картину великолепную, и никогда религия и священные обряды ее не казались мне столь пленительными! Самая церковь на берегу моря, в пристани, откуда столько путешественников пускаются в края отдаленные мира и имеют нужду в Промысле небесном, сей храм с готическою кровлею, с гербами, с простою кафедрою, на которой почтенный старец изъясняет простыми словами глубокий смысл Евангелия, сей самый Храм имеет нечто особенное, нечто пленительное. Около двух часов я просидел с моим шотландцем; он молился с большим усердием, скажу более, с набожностию. Примеру его следовали все молодые люди: и граждане мирные, и воины. Так, милый друг, земля, в которой все процветает, земля, так сказать, заваленная богатствами всего мира, иначе не может поддержать себя, как совершенным почитанием нравов, законов гражданских и божественных. На них-то основана свобода и благоденствие Нового Карфагена, сего чудесного острова, где роскошь и простота, власть короля и гражданина в вечной борьбе и потому в совершенном равновесии. Это смешение простоты и роскоши меня поразило всего более в отечестве Елисаветы и Аддисона.

В сей день, незабвенный для моего сердца, один из путешественников, узнав, что я русский, пригласил меня прогуливаться. Мы бродили по берегу морскому посреди благовонных пажитей и лесов, осеняющих окрестности Гарича. Толпы счастливых поселян в праздничных платьях прогуливались вдоль по дороге или отдыхали

на траве. Сквозь густую зелень орешника и древних вязов выглядывали миловидные хижины приморских жителей, и солнце вечернее освещало картину великолепную. Меня все занимало, все пленяло. Я пожирал глазами Англию и желал запечатлеть в памяти все предметы, меня окружающие. Сидя на камне с добрым англичанином — такие открытые и добрые физиогномии редко встречаются,— сидя с ним в дружественной беседе, мы забыли, что время летело и солнце садилось. Он прощался надолго с милым отечеством и говорил о нем с восхищением, с радостными слезами. «Как не любить такую землю! — повторял он, указывая на пленительные окрестности,— здесь я покидаю жену, детей, родственников, друзей и свободу». Британец пожал крепко мою руку, и мы возвратились в гостиницу.

Слуга извещает нас, что попутный ветер позволяет судам выходить из гавани. Я затрепетал от радости. Прощаюсь с товарищами, расплачиваюсь с услужливым хозяином, сажусь в лодку и с нее на желанный пакетбот «Альбион», к капитану *Маию*. Со мною два пассажира: проказник швед и какой-то богатый еврей из Лондона, великий щеголь и краснобай. Море заструилось; выходим из порта. Но ветер долго принуждает нас плавать около берегов графства Суффолк, которого маяков мы не теряем из виду во всю ночь. Признаюсь тебе, положение мое было не завидно: жить несколько дней с незнакомыми лицами, иметь в виду морскую болезнь! Что делать! Надобно покориться судьбе. Я сел на палубу и любовался *среброчешуйчатым* морем, которое едва колебалось и отражало то маяки, то лучи месяца, восходящего из-за берегов Британии. Между тем еврей рассказывал повести, швед болтал о ковенгардских прелестницах, о портных, о лошадях и о Норвегии, которую парламент отдает принцу. Поздно возвратился я в каюту и спал мертвым сном, поруча себя Нептуну, Наядам, Борею и Зефиру, Кастору и Поллуксу, покровителям странников, и Венере, которая родилась из пены морской, как известно всякому. Поутру проснулся с головной болью; к вечеру стало хуже: я страдал. Ветер был противный, и ночь ужасная. Паруса хлопали, снасти трещали, волны плескали на палубу, и заботливый капитан беспрестанно повторял любимую поговорку: «Бедный Йорик, бедный Йорик!» На четвертый день свежий попутный ветер надувал паруса, и моя болезнь миновалась. Все ожило. Матросы пели, капитан шутил с евреем, но швед час от часу становился неснос-

нее и скучнее. Где укрыться от него? Я узнал впоследствии, что он сын богатого купца, родом из Штокгольма, был послан в Лондон учиться коммерции, наделал там долгов и возвращается pian-pianino [1] в свое отечество. Его дурной немецкий и французский выговор приводили меня в отчаяние. При каждом движении судна он бледнел. То ему казалось, что капитан выпил лишнюю рюмку, то компас не верен, то паруса не на месте, и то не так, и это худо. Потом рассказы о Гайд-парке, о бирже, о Платове, о Веллингтоне; там описание сокровищ отца его. *И все, и все, чего мне слушать не хотелось!* То он давал советы капитану, который отвечал ему годемом, то он удил рыбу, которая не шла на уду, то он видел кита в море, мышь на палубе или синичку на воздухе. Он всем наскучил, и человеколюбивый еврей предложил нам бросить его в море, как философа Диагора, на съедение морским чудовищам.

Свободные часы я проводил на палубе в сладостном очаровании, читая Гомера и Тасса, верных спутников воина! Часто, покидая книгу, я любовался открытым морем. Как прелестны сии необозримые, бесконечные волны! Какое неизъяснимое чувство родилось в глубине души моей! Как я дышал свободно! Как взоры и воображение мое летали с одного конца горизонта на другой! На земле повсюду преграды: здесь ничто не останавливает мечтателя, и все тайные надежды души расширяются посреди безбрежной влаги.

Fuggite son le terre e i lidi tutti;
De l'onda il ciel, del ciel l'onda è confine! [2]

В седьмой день благополучного плавания восходящее солнце застало меня у мачты. Восточный ветер освежал лице мое и развевал волосы. Никогда море не являлось мне в великолепнейшем виде. Более тридцати судов колебались на лазоревой влаге: иные шли в Росток, другие в Англию; иные, подобно пирамидам, казались неподвижными, другие, распустя паруса, как лебеди, тянулись длинною стаею и исчезали в отдалении. Наконец мы заметили в море одну неподвижную точку; высоты Мастранда; и я приветствовал родину Густава и Карла. Волны становились час от часу тише и тише, изгладились, и я увидел новую торжественную картину: совершенное спокойствие, глубокий сон бурной стихии. Солнце, находясь в зените своем, осыпало сиянием гладкую синеву.

К несчастию, долго ничем наслаждаться не можно. Тишина в море утомительнее бури для мореплавателя. Я пожелал ветра и сказал капитану:

...Tu, che condutti
N'hai... in questo mar che non ha fine,
Di, s'altri mai qui qiunse; e se più avante
Nel mondo ove corriamo have abitante? [3]

Он отвечал мне на грубом английском языке, который в устах мореходцев еще грубее становится, и божественные стихи любовника Элеоноры без ответа исчезли в воздухе:

Быть может, их Фетида
Услышала на дне,
И, лотосом венчанны,
Станицы нереид
В серебряных пещерах
Склонили жадный слух
И сладостно вздохнули,
На урны преклонясь
Лилейною рукою,
Их перси взволновались
Под тонкой пеленой...
И море заструилось!
И волны поднялись!

Свежий ветер начал надувать паруса. Мы приближались к утесам готическим. Ты помнишь гавань Готенбургскую и, может быть, подобно мне, с нетерпением проходил мимо архипелага скал и утесов, живописных издали, но утомительных для мореплавателя. Наконец мы в Готенбурге, в Новой Англии, по словам Арндта! С рассветом являются к нам таможенные приставы, которые позволяют нам вступить на берег шведский. Капитан Маий со мною прощается и желает счастливого пути в Россию. Швед спешит в город и забывает второпях свои чемоданы. *Честный* еврей подает мне руку, и мы шествуем с нашими пожитками в гостиницу Зегерлинга, откуда я пишу к тебе сии строки дрожащею рукою. Письменный столик шатается, пол подо мною колеблется: столь сильно впечатление морской качки, что и здесь, на сухом пути, оно не исчезает.

Отдохнув немного, иду справляться, нет ли корабля в Петербург; в противном случае принужден буду ехать в Штокгольм. К несчастию, вчера был день воскресный, и все банкиры и маклеры за городом, в увеселительных домах своих. Что делать! Бродить по городу, который

показался мне и мал и беден, вопреки Арндту. Не мудрено: я из Англии! За воротами готенбургскими есть липовая аллея: единственное гулянье. Я прошел по ней несколько раз с печальным чувством. Липы шведские так тощи и худы в сравнении с липами Британии! Холодными глазами смотрел я на окрестности Готенбурга, довольно живописные, на купцов и конторщиков, которые со всею возможною важностию прогуливают себя, свои английские фраки, жен, дочерей и скуку. Женщины не блистают красотою, и странный наряд их не привлекателен.

На городовой площади собираются офицеры к параду. Народ с большим удовольствием смотрел на развод тощих солдат в круглых шляпах и в лохмотьях, которые могли бы сделать бы честь австрийской армии. В вечеру парад церковный, обряд искони установленный. Войско становится в строй и поет псалмы и священные гимны, офицеры читают молитвы. Так ведется в шведской армии со времен Густава-Адольфа, набожного рыцаря и короля властолюбивого.

Итак, мой милый друг, я снова на берегах Швеции,

В земле туманов и дождей,
Где древле скандинавы
Любили честь, простые нравы,
Вино, войну и звук мечей.
От сих пещер и скал высоких,
Смеясь волнам морей глубоких,
Они на бренных челноках
Несли врагам и казнь, и страх.
Здесь жертвы страшные свершалися Одену,
Здесь кровью пленников багрились олтари;
Но в нравах я нашел большую перемену:
Теперь полночные цари
Курят табак и гложут сухари,
Газету Готскую читают
И, сидя под окном с супругами, зевают.

Эта земля не пленительна. Сладости Капуи или Парижа здесь неизвестны. В ней ничего нет приятного, кроме живописных гор и воспоминаний.

Прости, милый товарищ! Тебе не должно роптать на судьбу: ты в земле красоты, здравого смысла и свободы; ты счастлив. Но я не завидую тебе, возвращаясь на дикий север: я увижу родину и несколько друзей, о коих я могу сказать с Вольтером:

Je les regretterais à la table des dieux [4].

---

[1] потихоньку (*ит.*).

[2] Земля и берега скрылись от глаз, волна слилась с небом и небо с волной *(ит.)*.

[3] Заведя нас в это море, не имеющее пределов, скажи, заходил ли сюда уже кто-нибудь и обитаем ли мир впереди? *(ит.)*

[4] Я бы пожалел о них за трапезой богов *(фр.)*.

166. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

17 июля <1814>. Петербург

Я в большом беспокойстве, милый друг Александра Николаевна. По приезде моем на другой же день писал к батюшке и к тебе, но ответа до сих пор не имею и чему приписать это, не знаю. Дошло ли письмо мое, отдано ли человеком на почту? Бога ради, выведи меня из страха. Боюсь, если Анна Львовна приехала прежде писем моих и к тебе и к батюшке, чтоб вы не приписали моей лени то, что могло произойти от случая. Я никогда не лгал тебе: будь уверена, что писал, что письмо отдано Гнедичем его человеку, который при мне понес на почту. Уведомь меня, милый друг, здорова ли ты! здоров ли батюшка! — Рассей мои сомнения и пожалей обо мне. Я писал к тебе с приезда, что я сделался нездоров сыпью, которую благопристойность не позволяет назвать чесоткою; прибавь к ней чирьи или нарывы; рвоту и беспрестанную тошноту, и ты будешь иметь понятие о моем положении. Вот 7-й день как сижу дома, и к счастию, я живу у тетушки, которая не оставляет меня в болезни; в противном случае я не знаю, что могло бы со мною быть. Эту болезнь лекаря полагают следствием путешествия; быть может, они утверждают, что она весьма полезна и проч., но это меня не облегчает. Ванны и серные порошки приносят мне пользу, но слабую. Вот мое положение, оно очень неприятно. В прошедшем письме я объяснил причину моего здесь пребывания, причины важные, кроме болезни. Здесь повторю их. Отлучиться из Петербурга я не могу, не имея на то позволения от г<енерала> Бахметева, а его здесь нет. Итак, надобно было писать и дожидаться ответа; притом же, и кроме сего обстоятельства, я должен дожидаться здесь г<енерала> Раевского, который представил меня в гвардию — что мне дает два чина вдруг — и к Владимирскому кресту, которого мне потерять не хочется, ибо я заслужил его по неоднократным представлениям за всю французскую кампанию и за два дела под Теплицом, за которые еще не был награжден, и это при-

пиши моей неблагоприятной звезде. Неблагоприятной! — Но я должен быть благодарен Провидению, которое спасало меня в течение сего года столько и столько раз! которое наконец возвратило меня к друзьям моим и к Вам, милые сестрицы. Бога ради, милый друг, утешь батюшку; скажи ему, что я не преставал его любить и что его привязанность ко мне дороже мне всего на свете. Прибавь, что если я не лечу к нему, то единственно потому, что для сего нет возможности и что я воспользуюсь первым удобным случаем. Что же касается до моей судьбы, то она до сих пор не решена; и до сентября не могу сказать: выйду ли в отставку или здесь останусь служить. Как бы то ни было, служить в Гвардии не буду. Ни здоровье, ни состояние мое того не позволяют. Обнимаю тебя, и сестриц, и брата Павла Алексеевича, который вовсе забыл меня, навсегда буду твоим братом и другом *Конст. Б.*

Митьку на третий день приезда я отдал в рабочий дом за пьянство. Яков до сих пор не бывал, но возвратится с гвардией. Не медля выбери мне мальчика 15-ти или 17 лет, не старее, в кучера и возьми во двор, пока я не велю прислать его. Исполни мою усердную просьбу. Это необходимо.

167. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

27 июля 1814. <Петербург>

Письмо твое, милый друг Александра Николаевна, меня обрадовало и рассеяло беспокойство на счет твой. Из него ясно увидел я, что ты меня любишь по-старому; благодарю тебя, любезный друг, за твою любовь ко мне; поверь, что она для меня драгоценна. Также в письме твоем я с горестию читал, что ни одно обстоятельство не переменилось в нашу пользу; напротив того! И ты мне советуешь переносить все хладнокровно, будучи сама жертвою семейственных неустройств. Когда этому будет конец! — великий боже! — Впрочем, любезный друг, из первого письма, полученного мною от батюшки, я увидел все, и более нежели надобно. В Даниловское, вопреки Анне Львовне, я спешить не буду, если будет на то возможность. К несчастию, это единственный способ быть у вас и отдохнуть при тебе, милый друг, от сердечной и телесной усталости. Я имею нужду в отдохновении. Писанные тобой чудеса, начиная с долгов, я давно знал; радуюсь, что ты не согласилась на предложение А<нны>

Л<ьвовны>, предложение гнусное и глупое вместе. Бог тому свидетель, что я не хочу наследовать после батюшки вовсе не из великодушия, но потому, что у него есть дети. Я желаю от всего сердца, чтоб они имели кусок хлеба и для собственного моего спокойствия. С тем, что мы имеем, благодаря Бога, не умрем с голоду, а лишнее желание богатств отложим в сторону. Одна мысль меня беспокоит и огорчала даже на походах: участь Вариньки. Я назову тот день счастливым, когда она выйдет замуж, и заклинаю вас всех именем Неба не пропустить случая!..

Не спрашивай меня подробностей о Петербурге. Я живу у Катерины Федоровны, которая в болезни моей ходит за мною, как за сыном. Столько привязанности приобретается годами! Впрочем, у нас люди все те же. О моей судьбе, останусь ли я в службе, выйду ли в отставку, ничего не знаю и не могу знать. Я редко выезжаю по причине моей болезни и все реже вижу Барановых, которые, как мне кажется, до меня не большие охотники. Ты знаешь скорую женитьбу Дмитрия Осиповича на богатой невесте.

Вчера возвратился мой Яков морем — извести его родственников о счастливом прибытии. Мне белья пришли, простыни 3 или 4, наволочек 6, полотенцев потолще 6, чулок коротких 6; для Якова поболее рубашек и чулок, все и все. У меня есть рубашки, шитые в Лондоне; по ним я желаю, чтоб ты мне сшила дюжину тонкого полотна; со временем доставлю тебе на образец. Я просил тебя о халате, еще повторю мою просьбу. Что же касается до оброку, то не присылай его, а приготовь. Я должен до 3 тысяч в чужие краи; если Катерина Федоровна мне не поможет, то я буду принужден из оброку заплатить или здесь постараюсь занять. Пиши ко мне, мой ангел, чаще как можно. Обними брата Павла и сестер. Будь здорова, покойна и счастлива. Да, кстати! каким образом Аркадий Аполлонович в деревне? Разве он оставил службу, и зачем? Уведомь меня об этом. Весь твой *Константин.*

Нельзя ли на осень убрать баню для меня и обить ее обоями? Если Бог меня принесет к вам, то я не захочу беспокоить тебя, а в бане, кажется, и мне хорошо будет.

168. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

27 июля <1814. Петербург>

Я получил твое письмо, любезный князь, и благодарю тебя за прозаическую оду на мой приезд. Мне более нравятся поэтические твои чувства; ибо я уверен в твоей дружбе. Ты бог знает как толкуешь мое письмо, à vous permis [1]. Впрочем, не мудрено! Я часто не знаю, что делаю, что пишу, и ныне это доказал на деле. Нелединский заставил меня писать для великолепного праздника в Павловском; дали мне программу, и по ней я принужден был нанизывать стихи и прозу, пришел Капельмейстер и выбросил лучшие стихи, уверяя, что не будет ефекту и так далее, пришел какой-то Корсаков, который примешал свое, пришел Державин, который примешал свое, как ты говоришь, кое-что, и изо всего вышла смесь, достойная нашего Парнаса и вовсе недостойная ни торжественного дня, ни зрителя! Что делать! Усердие было — пусть страдает мое авторское самолюбие, и простодушный Лафонтен впредь не будет вверяться Люлли! Вот история моя с приезду. Прибавь к этому болезнь, которая напоминает мне паршивого человека в послании к Пизонам или поэта, от которого все бегают, боясь заразы. В прозе надобно говорить просто, без парафразов, вот почему и объявляю вам, что с моря привез сюда чесотку, которая меня мучила три недели. Теперь легче; но зато я так слаб, что насилу таскаю ноги.

Вчерашний вечер я просидел у Нелединского, который мне читал твои письма, он навещал меня часто в болезни и часто разговаривал о тебе. С ним я перечитывал твой прекрасный хор, истинно прекрасный. Жуковского «Певец» и твой хор мне более всего понравились. Пиши, любезный друг, пиши стихи и более всего прозу к твоему старому приятелю. Кстати о прозе — я по приезде моем написал разбор сочинениям покойного Муравьева, который намерен напечатать. Желаю, чтобы он тебе понравился, я писал его от души. Присылай к нам Василия Львовича, без него нам скучно. Прости еще раз, прости и дай себя обнять — в мыслях. Но когда обнимемся на развалинах московских? Когда соберемся и на ее священном пепле сделаем излияния в честь ее великой тени? Когда? Когда?

Конст. Б.

---

[1] тебе позволено *(фр.)*.

169. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

7 августа 1814. <Петербург>

Вчерашний день я был у Ивана Иванов<ича>. Он мне сказывал, что ты болен, и сын твой болен, и дети Карамзиных больны. Правда ли, любезный друг? Приезжий из Москвы Вигель был у меня сегодня и уверил меня, что он тебя оставил здоровым. Это меня успокоило, но не совсем. Рассей скорее наши страхи и напиши нам несколько строк. У меня много сердечных неудовольствий, никогда не скучал я подобно нынешнему. Бога ради, не заставь меня огорчаться и за тебя. Выздоравливай и пиши к нам.

Конст.

170. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<Август 1814. Петербург>

Последнее письмо твое я получил, любезный друг; до сих пор еще не знаю, чем решится моя судьба; то есть меня еще не перевели в гвардию, от чего зависит моя отставка. Я не стану тебя мучить жалобами на малое мое счастие и в военной службе.— Веришь ли ты, что я в армии могу служить примером? Оставим это и, если можно, исправим. Мне обещают места в штатской службе. Старое место в библиотеке, которое я возьму с радостию, и другое, где случится. Есть и другие виды — вот что касательно службы.— А женитьба! — Ты меня невольно заставляешь усмехнуться. Будь уверена, что до тех пор, пока я буду мыслить, как мыслю теперь, об этом и думать не должно. Жениться с нашими обстоятельствами? — По расчету? — Но я тебя спрашиваю, что принесу в приданое моей жене? Процессы, вражду родственников, долги и вечные ссоры. Если б еще могла извинить или заменить это взаимная страсть? — И что касается до сего, то я еще предпочту женитьбу без состояния той, которая основана на расчетах. Без состояния?.. Но оставим это. Лучше, если бы ты или Варинька вышла замуж. Желаю сего от всей души и всегда — веришь ли? — в самых походах и трудностях военных это было моей любимой надеждою.

Кстати о ней: посылаю Вариньке бриллиантовый перстень, у сего приложенный. Он годится ей в приданое.

Переделывать его может, как хочет, а у меня на это теперь денег недостало. Дай со временем комиссию Барановым: у них, верно, есть знакомые мастера.— Но откуда этот перстень? — Подарок государыни Марии Федоровны. За что? Выслушай.— Но не воображай себе, как деревенщины воображают, чтоб это была какая-нибудь отличная милость. По приезде моем сюда меня больного навестил Ю. А. Нелединский и уговорил меня написать по данной им программе маленькую драму для праздника в Павловском. Трудно было отговориться: старик так был ласков и убедителен! Я намарал, как умел; пиесу играли; описание оной найдешь ты в «Северной Почте» и в «Инвалиде», которых издатели выхвалили меня до небес, полагая, что пиесу сочинил по крайней мере какой-нибудь сенатор. К несчастию, я спешил: то убавлял, то прибавлял по словам капельмейстера и, вопреки моему усердию, кажется, написал не очень удачно,— но актеры ее удачно играли, и государыня прислала мне этот перстень через Ю<рия> А<лександровича>. Вот история перстня, который я отдаю Вариньке, с тем чтоб она носила на память от брата. Купить я такого подарка не в состоянии, но продать и выручить за него 700 или 800 рублей не стоит труда и будет без пользы. Деньги пройдут — как дым! — Пусть лучше это повеселит сестру.

Постарайся к сентябрю собрать мне 2000 оброку. Частью суммы я заплачу долг, остальным буду жить. Ты себе вообразить не можешь моих надобностей. Поверишь ли? Насилу могу решиться купить себе крест: до сих пор не имел. Возьми кучера: он будет надобен. Нельзя ли купить мне пару хороших лошадей в 500 рублей или в 600, в Вологде? Деньги возьми из оброку у старосты, но после сентября. Лошадей береги у себя. Бога ради займись этим, и не на шутку. Места, которые я буду занимать, требуют езды; без лошадей разорение: здесь за четверню платят от 500 до 700 в месяц. Еще раз обнимаю тебя, милый друг, и остаюсь навсегда твой *Констант*.

Последнее письмо твое я получил, мой милый друг; рубашку пришлю. Между тем я отправил Митьку в деревню. Заставь его быть при себе безотлучно; а если хотя раз напьется, то, не говоря ни слова, пошли за углицким старостой и вели отвезти его в Вологду в рекруты за углицкую вотчину. Вот лучший способ избавиться от пьяниц. Где Павел Алексеевич?

Вчерашний день Лунина вышла замуж за полковника Уварова. Невеста была в бриллиантах от ног до головы.

Вот самая свежая новость. Тетка Уварова, Ярославова, часто говорит со мною о тебе. Баранов на днях женится.

Не забудь лошадей; если не пару, то одну купи, рублей в 400 или от 300 до 400; кучера приготовь. Не худо, если б в октябре у тебя была лошадь, так, чтоб по первому пути ее можно было прислать.— Но небольшого роста и не чалая, и не белая.

171. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

27 августа <1814. Петербург>

Я получил твое письмо, любезный князь, и с горестию читал его несколь<ко> раз. Что могу сказать тебе в утешение? Мы не для радостей в этом мире, я это испытал по себе. Потеря твоя и княгини невозвратна! Что ж делать? Покориться судьбе! Я жалею от всего сердца, что не могу видеть тебя в минуты печали и сказать тебе, мой милый друг, сколько я тебя люблю. Сердце мое имеет нужду в твоем дружестве, поверишь ли, я час от часу более и более сиротею. Все, что я видел, что испытал в течение шестнадцати месяцев, оставило в моей душе совершенную пустоту. Я не узнаю себя. Притом и другие обстоятельства неблагоприятные, огорчения, заботы — лишили меня всего, мне кажется, что и слабое дарование, если когда-либо я имел,— погибло в шуме политическом и в беспрестанной деятельности. Веришь ли? Это меня печалит. Одно осталось и пусть останется навеки со мною! Способность любить друзей моих: я испытал мою душу, сердце прочнее. Дай же мне руку, мой милый друг! и возьми себе все, что я могу еще чувствовать благородного, прекрасного. Оно твое. Бога ради, люби меня и, если тебе не совершенно чужды мои горести, то будь моим утешителем, скажи мне что-нибудь такое, что бы снова могло меня привязать к жизни. Когда мы увидимся с тобою и где? — Я хочу выйти в отставку и, конечно, ничьим адъютантом не буду в мирное время. Меня отучили от честолюбия. К несчастию, обстоятельства принуждают меня вступить в гражданскую службу. Единственный способ жить, это горестно, но пособить этому нет возможности, следственно я останусь здесь в Петербурге, в городе, которого я никогда не любил.— Здесь проживу несколько лет, или проволочусь — это вернее,

и здесь надеюсь увидеть тебя, если ты захочешь оставить развалины Москвы, любезной Москвы. Чего тебе никак не советую. Чего тебе искать здесь? Живи покойно в твоем убежище. У тебя редкая подруга,— есть состояние, будут дети, и мир для тебя не пуст.

Бога ради, пришли мне свои стихи, я их буду ожидать с нетерпением. Вот два экземпляра письма к М. о Муравьеве из «Сына Отечества». Один вручи Николаю Михайловичу в знак моего душевного почитания к издателю сочинений Муравьева, другой тебе. Желаю, чтоб ты мыслил со мной сходно. Слабости в слоге извини по дружбе. Прости. Будь счастлив.

Батюшков.

172. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

4 сентября 1814. <Петербург>

Милый друг! здоров ли ты? Вот месяц как от тебя ни строки! и что это значит? Рассей мой страх, напиши несколько строк, я всякую почту намерен бомбардировать тебя прозою. Вот еще экземпляр. Из него ты увидишь ошибки, которыми украсил мое красноречие услужливый Греч. Исправь на экземпляре Николая Михайлов<ича> сии опечатки и скажи мне твое мнение насчет всего письма. И с страхом и с трепетом ожидаю твоего суждения. Один экземпляр отправь Жуковскому, насчет которого наборщик, а не я, клянусь честью! — подшутил забавным образом, смотри страницу 17, он вместо не истощал напечатал не исто*щил*. Прости! обнимаю тебя от всего сердца, милый, любезный и добрый мой приятель.

173. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

21 сентября 1814. <Петербург>

Я пишу к тебе довольно часто и удивляюсь, что Вы не получаете моих писем. Последнее письмо, в котором ты уведомляешь о болезни Вареньки, меня огорчило. Что за болезнь ее? И долго ли ей бедненькой страдать? К огорчениям нашим еще и дурное здоровье! Ни совета, ни утешения не могу дать тебе, милый друг! Надобно воору-

житься терпением и терпением. Уведомляй меня теперь почаще о ее здоровье и успокой меня. Право, нужно спокойствие душевное. Я получил еще письмо от батюшки, и последнее всех ужаснее. Требует, чтобы я, оставя все, полетел к нему. Могу ли это сделать? Первое, на то надобно позволение моего Генерала, который живет в Каменце-Подольском, второе, надобны и деньги. Уж я ни слова не скажу о том, что я потеряю два чина, потеряю место и пр., и пр. Я только знаю по опыту, что сии летучие поездки без плана, без цели стоят мне много и денег и здоровья. Если б еще была польза? — Но он пишет, что здоровье его час от часу хуже и хуже. Будучи ближе меня к нему, уведомь, милый друг, нужен ли мой приезд, и верь, что, не глядя на грязь сентябрьскую, я поскачу на край света, если могу быть полезен батюшке.

Я думал, что ты купишь мне лошадей в Вологде, вятских, если возможно,— а что может мне прислать староста! Крестьянских неезженых клячей! — Не худо, если б ты попросила Ивана Семеновича. Постарайся это сладить и доставь мне пару лошадей по первому пути. Я надеюсь, что взяли в кучеры мальчика; я давно об этом писал. Кстати о мальчике; я желал бы и сам, чтоб Митьку продали, ибо мне очень нужны деньги, а пьяницы вовсе не нужны. Но я боюсь огорчения старого Осипа. Итак, это по смерти его. А кажется, в сыне его путного мало. Читая твое письмо, я увидел с горечью, что печали, тобой претерпенные, лишили тебя деятельности, без которой жизнь в тягость, и которую беспрестанно питать должно, ибо твой долг тебе оную предписывает. На твоих руках целый дом и сестра.

Я говорю об том, что ты пишешь. Как? Потому что усадьба ваша будет со временем (и когда это?) разделена, то нельзя иметь и дому? И что за дележ в голове твоей? — Когда еще выдет Варинька замуж? — И с тобою ли ей считаться, ей?.. Она тебе всем обязана! — Нет, горе тебе, если ты так будешь в жизни рассчитывать! Пусть ты была обманута в жизни людьми недостойными, но рассчитай и утешения, которые ты имела от дружбы! Так, милый друг, брось такие расчеты! Строй, ради Бога, строй себе дом. Если за дом просят 2700 на десяти саженях, то на семи сделают и за 2000. А две тысячи для тебя не столь важная сумма; ее надобно будет отдавать не вдруг. Как можно жить без дому? И сколько я каюсь, что не построил! Признайся лучше, что недеятельность твоя тому виною, что у тебя нет дома до сих

пор. Постарайся поправить это и верь мне более, нежели кому-нибудь. Начни,— после самой слюбится.

Бога ради, утешь меня Варинькой: скажи, что ей легче. Я очень о ней беспокоюсь. Пришли мне 2000. Мне столько платить надобно, столько я имею долгов, что и говорить страшно. Не худо, если б ты написала от себя батюшке, что я все потеряю и по службе, и по здоровью, и для своих, и для его выгод, если, сломя голову, поеду в деревню. Зачем? Бог знает! — что надобно помнить и то, что я человек; что, объехав целый свет и возвратясь в горести в отчизну мою, имею нужду в покое, что, одним словом... но и я странный человек! О чем хлопочу! Обнимаю тебя, мой милый друг, сто раз; будь веселее, будь покойнее: все к лучшему! Кстати: я назначен в Измайловский полк. Государь конфирмовал представление; теперь что-то будет в приказе. Это дает мне два чина. Следственно, я могу выйти в отставку к штатским делам в чине надворного советника. Теперь ожидаю приказа и в отставку! — Лекари дали мне свидетельство, нельзя и не дать! Я истинно хвораю. Место в штатской службе мне обещают, и я намерен основаться вовсе в Петербурге, в ожидании лучшего. Прости. *К. Б.*

Тетушка подарила мне часы в 700 р.— не мог отговориться от ее подарка — на радости, что ее сын возвратился. И я ему рад душевно: прекрасный, редкий молодой человек, достойный незабвенного отца своего и матери.

174. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

4 октября <1814. Петербург>

Я получил твои последние письма и деньги от старосты. Из твоего счета я ничего понять не мог. Пришли мне другой,— пропиши то, что взято за сей год, и сколько мне получить следует. Я считал на 4000, но, видно, крайне ошибся. Кроме этой, столько во всем неудач! Что делать! К батюшке я не поеду. Какие советы — будь чистосердечна — могу я подать? И еще раз — да будет это в последний — я писал, что мое присутствие здесь необходимо, что я болен. Неужели я стану лгать? Несмотря на это, прошу и заклинаю тебя, отпиши ко мне; если могу истинно быть полезен, тогда я оставлю все и прилечу. В последнем письме он пишет, чтобы я оставался

в Петербурге. Если б вы знали, какие дни я провожу и здесь? — На днях скончалась графиня Ожаровская, старшая дочь Ивана Матвеевича; я был на погребении и простудился. Вот шестой день болен, и болен жестоко.

Я пишу, и ты мне не отвечаешь на нужные дела. Взяли ли вы кучера из деревни? Отпиши к И. С. Батюшкову о лошадях; попроси его купить и деньги доставь к нему, что он назначит. К генварю мне лошади необходимо нужны. Катерина Федоровна покупает дом, следственно, поставить будет где. Посылаю рубашку на фасон. Сделай мне полдюжины, но потонее. Благодарю за платки. Сушков у меня не был, а прислал их через Тургенева, что не весьма учтиво. О моей судьбе я еще ничего не знаю. Более всего мне потребно время и терпение. С рубашкой посылаю кусок английской материи, под названием уракозан, который отдай от меня сестре Лизавете Николаевне; вот истинно английский гостинец, и самый модный; желаю, чтоб ей понравился, и она сшила себе из него платье щеголять зимой на балах. Поклонись брату и сестре. Будь здорова, будь веселее и люби меня по-старому.

175. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

13 октября <1814. Петербург>

Последнее письмо твое меня очень огорчило. Ты жалуешься, мой друг, на свои обстоятельства и, кажется мне, против обыкновения своего теряешь терпение. Милый друг! если б другой, а не брат твой, который знает твои явные и тайные горести, если б другой давал тебе следующий совет, то ты могла бы его отвергнуть. Не принимай на сердце огорчения, часто минутные! Боюсь тебе заочно давать советов насчет других обстоятельств, но желал бы тебя видеть великодушнее и тверже, хотя это и трудно, очень трудно. Я сам лишен вовсе покою. Тысячу вещей меня мучат. Молодость моя прошла, а с ней и ветреность отчасти. Осталась одна способность страдать, но к счастию, я здесь имею рассеяние и Катерину Федоровну, которую Михайло Никитич забыл здесь как нарочно затем, чтоб утешать его родственника. Сколько я ей обязан! И как мало плачу за столько добра! И чем могу заплатить ей. Ищу чувств и движений в сердце моем и нахожу их, как человек ограбленный ищет в кошельке денег. Но как бы то ни было, мое состояние лучше ваше-

го. Здесь я имею друзей, истинно добрых людей, и между ними, конечно, первое место занимает Лизавета Марковна; ей, конечно, ей я многим обязан; она меня любит и утешает, как сына. Вот, по крайней мере, что-нибудь утешительного! У вас и того нет. Знаю, что моя участь лежит у тебя на сердце: я хочу тебя успокоить по крайней мере на мой счет и для того прошу тебя — не желай, мой друг, чтоб я ехал к вам. Если б я мог быть тебе или Вариньке полезен! О! тогда иное дело! Я полетел бы на край света. Но ехать затем, чтоб страдать?.. Это ужасно, бесчеловечно!.. Письма батюшкины не тебя одну, и меня сбивают. Одно так, другое иначе. Не знаю, что отвечать? Веришь ли, ответ мне стоит многого! Входить в его дела я не могу, ибо он их любит сам делать и никому не поручит вполне. У нас есть опытность на этот счет. Моим имением я жертвовать не могу, ибо это бесполезно и для меня, и для него, скажу более: для его детей, которым я, конечно, буду покровитель и сделаю все, что мне предпишет строгий долг. Ты знаешь мое сердце и в этом сомневаться не можешь. А чудеса не в нашей власти. Напрасно он огорчается и тем, что я по службе несчастлив. Я счастлив, слишком счастлив! Но горести и обстоятельства лишают меня деятельности. Еще раз — да будет в последний! отпиши ему, а если его увидишь, то скажи ему, чтоб он пощадил меня письмами.

Бога ради, строй дом! Что нужды, что у тебя будет долг? Ты можешь заложить имение, вместе с Варенькой, для уплаты. Как жить без дому, как не иметь пристанища, как не стараться удвоить доходов посредством экономии, покупкою скота и проч.! У тебя это было бы занятием. Жить день за день без пользы осудительно. Стоит только решиться. Ты не имеешь довольно характера. Но к несчастию, vous vous abandonnez à votre mauvais sort [1], как бедный кормчий в бурю. Не теряй надежды на Бога; как знать? — Может, еще все переменится: и то утешно, что не для себя, а для других работал. Я удивляюсь, что никто за Вареньку не сватается. Нет ли в том и вашей вины? — Надобно ласкать людей, надобно со всеми жить в мире. Il faut faire des avances [2]. Так свет создан; мое замечание основано на опытности. Надобно внушить и сестре, что ей надобно стараться нравиться. Il faut avoir des formes agréables [3], стараться угождать в обществе каждому: гордость и хладнокровие ни к чему не ведут. Надобно более: казаться веселою, снисходительною. Конечно, и у вас есть женихи, есть хорошие люди, ибо я не могу

верить, чтоб их не было и в губернском городе. Но мы их или не знаем, или чуждаемся. Может быть, я и ошибаюсь, но с добрым намерением — это мне простительно. Я вас люблю, милые мои, добрые мои, единственные друзья!

---

[1] Вы предоставляете себя вашей несчастной судьбе (*фр.*).
[2] Надо идти навстречу (*фр.*).
[3] Надо иметь приятные манеры (*фр.*).

176. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<Конец октября — начало ноября 1814. Петербург>

Благодарю тебя за твое последнее письмо от 13-го октября. Ты пишешь, мой друг, что не теряешь надежды увидеть меня в деревне; не желай этого, если меня любишь, по многим причинам.— Я рассмеялся, читая замечание твое о моем счастии. Где же оно? Все мои товарищи — генералы, менее счастливые — полковники. Теперь, если у меня еще осталась тень честолюбия, то, прослужа три войны, спрашиваю у моего рассудка: что остается мне? Счастлив я еще, что моего самолюбия не перенес в военную службу! Напротив того, я могу служить примером неудачи во всем — но оставим жалобы: они всегда смешны, когда дело идет не до душевных горестей, которых у нас столько! Верь мне, что я не покойнее вашего в деревне, и что мое здоровье час от часу более и более страдает. Слава богу, еще не совсем потерял надежду!

Крестьянин привез мне конфеты: благодарю за них душевно. Перед Павлом Алексеевичем я не столько виноват: я писал к нему из армии и из Петербурга и ни строки никогда не получал в ответ. Я знаю, что ему на меня не за что сердиться, то и приписываю его молчание лени, которой мы можем друг друга упрекать без зазрения совести. Попроси его о лошадях; он меня очень одолжит покупкою пары, рублей в 400 и более. А о кучере опять ни слова?.. Скажи старосте, чтоб он высылал вперед деньги сполна, ибо мне по клочкам из них и делать нечего. Ты себе вообразить не можешь, как здесь все дорого, к счастию, у меня все готовое. Но одно платье и лошади разоряют. Я никуда не езжу: сижу дома и грущу,— да об вас думаю. Бога ради, утешьте меня хоть чем-нибудь!

Захаров вздумал ко мне писать — посылаю тебе его весьма неблагопристойное письмо. Поручи прочитать его Павлу Алексеевичу — и сделай следующее, если он не уймется.

Первое, не давай знать ни под каким видом, что ты знаешь, что он писал ко мне. А просто объяви моим именем старосте, чтоб он взял его в деревню,— или отпусти его на оброк в Вологду — затем что опасно и безрассудно тебе держать в доме людей беспокойных и развратных — или делай с ним, как тебе угодно. Будучи в отдалении, я не могу судить о его преступлении. Но бога ради, не давай им воли и без сердцов наказывай.— Право, можно и без него обойтиться. Прости, мой милый и добрый друг, будь счастлива и утешай своей любовью твоего преданного брата *Констант.*

Чем и когда я могу заплатить Катерине Федоровне за ее любовь? Она спасает меня от всех несчастий. Что б я был без нее? Уж не говорю, что не имел бы пристанища; этого мало, не имел бы ни утешения, ни надежды. Я всегда себя упрекаю, что ее не люблю довольно, не довольно уважаю. И как, и где, и чем могу быть равен с ней хотя чувством благодарности? Молись за нее, мой друг, молись за ее детей. Вот сокровища, которые нам оставил Бог и Михайло Никитич, покидая нас навек.

177. В. А. ЖУКОВСКОМУ

3 ноября <1814. Петербург>

Я часто собирался писать к тебе, мой милый друг, и до сих пор не знаю, что могло помешать. К несчастию моему, я уже давно в Петербурге. К несчастию! Разве ты не знаешь, что мне не посидится на месте, что я сделался совершенным калмыком с некоторого времени, и что приятелю твоему нужен *оседлок*, как говорит Шишков, пристанище, где он мог бы собраться с духом и силами душевными и телесными, мог бы дышать свободнее в кругу таких людей, как ты, например? И много ли мне надобно? Цветы и убежище, как говорит терзатель Делиля, наш злой и добрый дух, который прогуливается на земле в виде Воейкова. К несчастию, ни цветов, ни убежища! Одни заботы житейские и горести душевные, которые лишают меня всех сил душевных и способов быть

полезным себе и другим. Как мы переменились с оного счастливого времени, когда у Девичьего монастыря ты жил с музами в сладкой беседе! Не знаю, был ли тогда счастлив, но я думаю, что это время моей жизни было счастливейшее: ни забот, ни попечений, ни предвидения! Всегда с удовольствием живейшим вспоминаю и тебя, и Вяземского, и вечера наши, и споры, и шалости, и проказы. Два века мы прожили с того благополучного времени. Я сам крутился в вихре военном и, как слабое насекомое, как бабочка, утратил мои крылья. До Парижа я шел с армией; в Лейпциге потерял доброго Петина. Ты будешь всегда помнить этого молодого человека: редкая душа — и так рано погибнуть! В Париж я вошел *с мечом в руке*. Славная минута! Она стоит целой жизни. Два месяца я кружился в вихре парижском; но поверишь ли? посреди чудесного города, среди рассеяния я был так грустен иногда, так недоволен собою — от усталости, конечно. Из Парижа в Лондон, из Лондона в Готенбург, в Штокгольм. Там нашел Блудова; с ним в Або и в Петербург. Вот моя Одиссея, поистине Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровым воинам, рассеянным по лицу земному. Каждого из нас гонит какой-нибудь мститель-бог: кого Марс, кого Аполлон, кого Венера, кого Фурии, а меня — Скука. Самое маленькое дарование мое, которым подарила меня судьба, конечно в гневе своем, сделалось моим мучителем. Я вижу его бесполезность для общества и для себя. Что в нем, мой милый друг, и чем заменю утраченное время? Дай мне совет, научи меня, наставь меня: у тебя доброе сердце, ум просвещенный; будь же моим вожатым! Скажи мне, к чему прибегнуть, чем занять пустоту душевную; скажи мне, как могу быть полезен обществу, себе, друзьям? Я оставляю службу по многим важным для меня причинам и не останусь в Петербурге. К гражданской службе я не способен. Плутарх не стыдился считать кирпичи в маленькой Херонее; я не Плутарх, к несчастию, и не имею довольно философии, чтобы заняться безделками. Что же делать? Писать стихи? Но для того нужна сила душевная, спокойствие, тысячу надежд, тысячу очарований и в себе, и кругом себя, и твое дарование бесценное.

Если захочешь, можешь отвечать на мой бред. Теперь поговорим о деле священном для тебя и для меня по многим причинам: списка сочинений Муравьева я не получал, и с кем ты послал — не знаю. Милый друг, тебе дано поручение по твоему произволу, и ты до сих пор ничего

не сделал. Карамзин, занятый постоянно важнейшим делом, какое когда-либо занимало гражданина, нашел свободное время для исправления рукописей Муравьева. Я не стану тебе делать упреков, но долгом поставляю от лица общества просить тебя снова начать прерванный труд. Доставь мне список исправленный стихов по крайней мере, и с верной оказией; я беру на себя труд издателя. Доставь его в скором времени. Здесь я перебираю прозу. Вот мое единственное и сладостное занятие для сердца и ума. Сколько воспоминаний! Перечитывая эти бесценные рукописи, я дышу новым воздухом, беседую с новым человеком, и с каким? Нет, никогда не поверю, чтоб ты лень предпочел удовольствию заниматься и трудиться над остатками столь редкого дарования, над прекрасным наследством нашим! Сделай маленькое предисловие, то, что сделал Н<иколай> М<ихайлович> в своем издании. «Жизнь» будет не нужна. Несколько строк твоей прозы и твое имя — вот о чем прошу тебя, жестокий! Бога ради, пришли скорее все; иначе я и Блудов, мы утратим половину нашего уважения к тебе: любить тебя менее будем, если это возможно. Ты не похож на нашего приятеля Вяземского, который, на место замечаний на мое письмо о Муравьеве, прислал мне кучу площадных шуток, достойных Пушкина. Я долгом, и священным долгом поставлю себе возвратить обществу сочинения покойного Муравьева. Между бумагами я нашел «Письма Емилиевы», составленные из отрывков; их-то я хочу напечатать. Я уверен, что они будут полезны для молодости и приятное чтение для ума просвещенного, для доброго сердца. Воейков из приязни ко мне (я и не смею думать, чтоб моя проза имела какое-нибудь достоинство), Воейков назначил несколько моих пиес и между ими письмо о Муравьеве. Ты имеешь его. Заметь то, что тебе не понравится: ошибки против слога. Прибавь, если хочешь. Это письмо будет иметь *интерес*: я говорил о нашем Фенелоне с чувством; я знал его, сколько можно знать человека в мои лета. Я обязан ему всем и тем, может быть, что я умею любить Жуковского. Еще раз повторяю: из двух книг Муравьева, Карамзиным изданных, из стихов и прозы, которых ты наберешь, из «Писем Емилия», которые я намерен напечатать, мы составим нечто целое. Катерина Федоровна не пожалеет денег на издание: она любит и гордится славою своего незабвенного друга. Вот будет книга редкая у нас в России! Это издание меня занимает! Ты не рассеешь, конечно, мои надежды. Леность

твоя не может быть извинением, когда дело идет о пользе общественной и о выгодах мертвого.

Тургенев сказывал мне, что ты пишешь балладу. Зачем не поэму? Зачем не переводишь ты Попа послание к Абелару? Чудак! Ты имеешь все, чтоб сделать себе прочную славу, основанную на важном деле. У тебя воображение Мильтона, нежность Петрарки... и ты пишешь баллады! Оставь безделки нам. Займись чем-нибудь достойным твоего дарования. Вот мое мнение: оно чистосердечно. Пускай другие кадят тебе; я лучше умею: я чувствую, наслаждаюсь, восхищаюсь твоим гением и признаюсь, сожалею о том, что ты не избрал медленного, но постоянного и верного пути к славе. К славе! Она не пустое слово; она вернее многих благ бренного человечества. Когда-нибудь поговорю о моих мараниях. Говорить о Муравьеве и потом о Жуковском, и заключить собою — это противно вкусу и рассудку. Теперь прости, милый друг! Помни меня, люби меня и пожалей о добром Батюшкове, который все утратил в жизни, кроме способности любить друзей своих. Он никогда не забудет тебя; он гордится тобою. *К. Б.*

Не у тебя ли Муравьева «Письма к молодому человеку об истории»?

178. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

Ноябрь <1814. Петербург>

Письмо твое от 28-го октября и 1460 от старосты я получил. Пришли мне другой счет, мой милый друг. Назначь просто с 1813 по 15-й, что я получил и что еще могу иметь до нового года. Нельзя выпустить девок на волю без расстройки имения? Что же касается до прибавки оброку, то посоветуйся сериозно с Павлом Алексеевичем. Не худо было бы еще набавить 1000, хотя на два года. Но я боюсь отяготить мужиков; не думай, чтоб это было une manière de parler [1], нет! Судьба подчиненных мне людей у меня на сердце. Выгода минутная! Притом же, как мне ни нужны деньги для уплаты долгу и затем, чтоб жить здесь по ужасной дороговизне, но я все боюсь отяготить крестьян. Дай бог, чтоб они поправились! Если б в моей то было воле, я не пощадил бы издержек, чтоб устроить их лучше.

Бога ради, посоветуйся с братом: он лучше моего зна-

ет мою вотчину и, конечно, без лицеприятия и для меня, и для крестьян. Это дело не шуточное! Попроси его о лошадях. Хорошую пару вятских или добрых коней, но только небольших — рубашки темной, какая случится, но не чалых, не серых, не белых. Кучера пришли с ними по первому пути. Не худо, если б вы прислали мальчика в повара. Тетушка по благосклонности к нам берет его в свою кухню. Книги оставь у себя до первого моего требования.

Рыбу пришли и стерлядей, лучших самых; возьми 50 рублей на покупку пары для Лизаветы Марковны. Но надобно прислать по первому морозу или с лошадьми, если хочешь.

На сей раз я пишу мало. Обнимаю тебя душевно и поручаю в милость божию. Кстати: Д<митрий> О<сипович> женился,— вот что я услышал вчера. Но я не был приглашен на свадьбу. Такая досада! Всю ночь не мог заснуть! — Впрочем, уверяю тебя, что я не подал ни малейшего повода к холодности, с которою вся фамилия со мною поступает. У одного испанского нищего спрашивал путешественник: «Ну, чем тебе гордиться?» «Заплатами моего плаща»,— отвечал он. Вот и мой ответ тем людям, которые гневаются на других за то, что они не четвертней разъезжают по городу. К несчастию, я хожу пешком... но и пешему Бог даровал друзей, которые меня любят. Ты, мой друг, из числа их, и самый близкий моему сердцу. Прости.

---

[1] одни слова (*фр.*).

179. ПЕТИНОЙ

13 ноября 1814. Петербург

Милостивая государыня! Простите мне великодушно, если моим письмом я растравлю глубокую и неисцелимую рану вашего сердца; но я знаю, что слезы матери, горестные и вечные, имеют некоторую сладость для сердца, исполненного веры и надежд на Бога, единственного утешителя в печалях.

Я имел счастие быть известен вам при жизни незабвенного вашего сына, с которым я провел, в бытность вашу в Москве, несколько месяцев, счастливейших в моей жизни. Незабвенный ваш Иван Александрович был мой

товарищ на войне и друг мой. Время не изгладит его из моей памяти. Все товарищи, все офицеры, все те, которые знали его, жалеют о преждевременной его кончине. Мы уважали в нем редкие его качества: неустрашимость в опасности, постоянную храбрость, любовь к товарищам, снисхождение к подчиненным, добродушие и откровенность в обществе, редкий ум и прекрасную душу. Как ни горестна потеря такого друга для меня, но она ничего в сравнении с вашей. Один всевышний в силах ее измерить в сердце матери; один всевышний, повторю вам, в силах подать вам утешение и твердость.

Я был в Лейпцигской битве и на могиле Ивана Александровича, к которой меня привел его камердинер. Отдав последний долг моему другу и храброму полковнику, я потребовал пастора и просил его убедительно сохранить священные остатки Русского воина. «Здесь,— сказал я,— будет воздвигнут памятник его родственниками и неутешною матерью». Он дал мне слово сохранить в целости драгоценную могилу. Теперь, милостивая государыня, возвращаясь в мое отечество, я поставляю себе священным долгом сделать вам следующее предложение: воздвигнуть памятник над прахом вашего сына. И вот на сие способ: вы можете прислать приличную сумму, до тысячи рублей, если вам угодно,— на имя Александра Ивановича Тургенева, Директора Департамента Духовного, который, будучи воспитан в Университете с сыном вашим и любя его как брата, берет на себя препроводить деньги в Лейпциг к своему знакомому, чтоб заказать там приличный монумент. Вы можете быть уверены в том, что поручение ваше будет исполнено со всею возможною точностию и старанием, и г. Тургенев отдаст вам отчет по совершении оного. Я беру на себя сделать приличную надпись и заказать рисунок. Конечно, ни один художник не откажется от столь прекрасного занятия.

Сладостно и приятно помыслить, что на поле славы и чести, на том поле, где русские искупили целый Мир от рабства и оков, на поле, запечатленном нашею кровию, русский путешественник найдет прекрасный памятник, который возвестит ему имя храброго воина, его соотечественника, и почтит его память, драгоценную для потомства! Я исполню то, что обещался на могиле храброго Петина, и счастливым назову себя, если вы не отринете мое предложение, усердием и дружбою внушенное. Удостойте меня ответом, Милостивая государыня, и верьте, что я пребуду навсегда с чувством глубочайшего почита-

ния к матери моего друга и товарища. Ваш покорнейший слуга *Константин Батюшков.*

Имя пастора той деревни, где погребено тело Ивана Александровича, у меня записано, но имя села потеряно. Камердинер его знает, конечно. Впрочем, и по одному имени пастора можно будет отыскать могилу, тем более что тот, кому будет от нас сделано поручение, ничего не упустит для исполнения его со всею возможностию и точностию. Мой адрес: Константину Николаевичу Батюшкову, в жительстве Александра Ивановича Тургенева, в департаменте его сиятельства к<нязя> А. Н. Голицына.

180. Е. Н. и П. А. ШИПИЛОВЫМ

23 ноября 1814. <Петербург>

Я весьма виноват перед тобою, любезный друг и сестра Лизавета Николаевна, что не писал к тебе с приезда моего из чужих краев. Вина тому моя непобедимая лень — гневайтесь на нее сколько Вам угодно, мои милые друзья и брат Павел Алексеевич! Но мое молчание не должно было огорчать Вас насчет моего дружества и привязанности сердечной. Верьте, что они постоянны. Я вас люблю, и в том могу смело уверить, более нежели когда-нибудь. И более чувствую и живее, что Ваше счастие неразлучно с моим; Вы никогда не выходили из моей памяти; вы всегда были в душе моей слиты с самыми сладкими воспоминаниями. Все мои желания и в дальних странах, и в шуме военной, непостоянной жизни: видеть вас счастливыми. Конечно, когда-нибудь совершатся желания моего сердца! С каким удовольствием я читал Ваши письма, вы тому поверить не можете. Радуюсь, любезный друг и сестра, что дети составляют твое утешение; пусть растут они в глазах твоих: счастливы и беспечны. Ты добрая мать, у них добрый отец — вот их сокровище, и самое вернейшее! С каким бы удовольствием я обнял моего Олешу, истинно моего, ибо я его всегда любил, и готов бы был избаловать предпочтительно твоей серьезной дочери. Но когда придет счастливая минута нашего соединения: дай Бог, чтоб она была счастливая и для Вас и для меня. У вас есть огорчения, и я не очень счастлив. К счастию, у Вас дети, у меня друзья; в числе их вы первые, вы занимаете лучшее место в сердце моем. Желаю, чтобы Варинь-

ка вышла замуж — я тогда буду совершенно покоен. Сто раз обнимаю Вас, мои милые, незабвенные друзья, сто раз желаю Вам счастия и спокойствия, твердости в горестях и здоровья, без которого тебе, мой милый друг, тебе, матери семейства, обойтиться нельзя. Целую руки твои и прошу не забывать твоего друга, твоего брата

Константина.

Я благодарю тебя, любезный брат, Павел Алексеевич, за неоставление моих дел. Дружество дает мне некоторое право на твое попечение и заботливость. Продолжай, любез<ный> друг, не забывай моих крестьян, их судьба вверена тебе совершенно. Еще просьба. Если будет случай, купи мне пару лошадей — но красивых и добрых, ценой в 600 или 500 руб. Сестра Александра доставит их сюда — но, если будет удобный случай. Иван Семенович Батюшков хочет мне доставить пару. Я выберу лучшую, другую продам. Еще раз благодарю тебя от всей души за твою дружбу и снисхождение к ленивому страннику по белому свету, но который не ленится тебя любить и уважать.

181. П. А. ШИПИЛОВУ

6 декабря <1814. Петербург>

Последнее письмо твое я получил, мой милый друг. Постарайся собрать 540 р., которые приходятся за сей год, и доставить их мне немедленно. Мальчика в ученье пришли своего, уже ученого немного поваренка. Дай ему 50 в год на сапоги и платье, да положи столько же повару в награжденье; продержи здесь год или два, и у тебя будет изрядный повар. А после я могу отдать его на некоторое время к кондитеру. Не пропусти сего случая, удобнее не найдешь — тем более, что я и сам в Петербурге. Если коней можно, доставь их; а кучер мне всего нужнее — и деньги, бога ради! Я переезжаю. Тетушка купила новый дом: на Фонтанке, третий дом от Аничкина моста. Так и адресуй письма. Да прибавь: в бывшем доме Зотова.

Я очень рад, что переезжаем, у меня комнаты будут теплее. Прости. Целую и обнимаю тебя.

Иван Семенович скорее Вашего исполнил свое обещание, он пишет мне (сию минуту получил письмо), он пишет, что отправил ко мне лошадей.— Итак, Бога ради,

пришли скорее кучера и поваренка. Кучер и деньги мне необходимо теперь нужны — и чем скорее, тем лучше.

Прости — обнимаю ленивицу.

182. А. И. ТУРГЕНЕВУ

<20—21 декабря 1814. Петербург>

Вот, любезнейший Александр Иванович, мои замечания на стихи Жуковского. Не мое дело критиковать план, да и какая в том польза? Он не из тех людей, которые *переправляют*. Ему и стих поправить трудно. Я мог ошибаться, но если он со мной в иных случаях будет согласен, то заклинаю его и музами, и здравым рассудком не лениться исправлять: единственный способ приблизиться к совершенству.

«Дерзнет *ли свой листок* он в *тот вплести* венец». Ужасный стих! (Замечание: я стану только выписывать дурные стихи; моя критика не нужна, он сам почувствует ошибки: у него чутье поэтическое.) После прекрасного, исполненного жизни стиха:

И, радости полна, сама играет лира...—

следует: «Кто славы *твоея* опишет красоту?» Стих холодный, прозаический. Пусть поэт описывает славу Государя, увлеченный своим энтузиазмом, но никак не упоминает о слове *описывать*. Пусть его переходы будут живы и пр. Жуковский мастер этого дела... Пусть он начнет прямо с следующего стиха: С благоговением, и проч.

А в отдалении внимая, как державы
Дробила над главой земных народов брань.

Брань, которая *дробит* державы над главой земных народов! Я этого не понимаю и прошу истолковать.

Нет, выше бурь венца ты ею возносился.

Не лучше ли: *бурь земных*? Так я думаю; впрочем, могу ошибаться.

Цари, невнимательны и пр.
Под наклонившихся престолов царских тень,
Как в неприступную для бурь и бедствий сень,
Народы ликовать сбиралися толпами...

Эти стихи так спутаны, что в них и смысл теряется; притом заметьте: *тень* наклонившихся престолов царских, в которую, как в неприступную *сень* от бедствий и бурь стекаются народы. Что это значит? Поправляй, поправляй, ленивец!

И первый лилий трон у галлов над главами
Разгрянулся в куски и вспыхнул, как волкан.

Трон разгрянулся над главой галлов, и как? в *куски*. И что же! вспыхнул, как волкан! Не хорошо! Потом: Великан, который

Взорами на мир ужасно засверкал,—

карикатура и ничего не значит. Бонапарте надобно лучше и сильнее характеризовать.

Я не замечу:

На народы двинул рабства плен.

Если это выражение неверно, то по крайней мере имеет силу и живость.

Там все, и сам Христов алтарь, *кричало*: брань!
Там все из-под бича к стопам тирана дань
На пользу буйственным мечам принесть спешило.

Мы закричим: Жуковский, поправь и эти три стиха! Первый дурен, а другие не хороши.

И мздой свою постель страданье выкупало.—

Надобно поправить.

И юность их (детей) как на могиле цвет.

На могиле — ничего не значит. Не лучше ли:

И юность их была минутный жизни цвет.

И хитростью подрыт, изменой потрясен,
Добитый громами, за троном падал трон,
И скоро, *сдавленный губителя стопою*,
Угасший пепел их покрылся *мертвой мглою*.

Я не стану делать замечаний, он сам догадается: мое дело обратить внимание на слабые места.

Рати, спешащие *раздробить еще приют свободы*. При-

ют свободы раздробить! Какие ошибки! Но как легко их поправить этому варвару Жуковскому! Впрочем, не худо бы сжать и все описание бедствий до стиха: За сей могилою и пр. Чем короче, тем сильнее.

Как ни слова не сказать о философах, которые приготовили зло? Зато сколько прекрасных, божественных стихов! Но я не стану хвалить. Критика нужнее.

В толпе прекрасных стихов я должен заметить сей темный:

Пусть облечет во власть святой обряд венчанья.

Вторая половина вся прелестна, и рука не подымется делать замечания. Здесь Жуковский превзошел себя: его стихи — верьте мне! — бессмертные.

Cet oracle est plus sûr [1].

Если вы хотите сделать великолепное издание, то вот мой совет: просите А<лексея> Н<иколаевича> нарисовать какую-нибудь мысль, а в конце всего приличнее: его медаль на клятву всех состояний. *Батюшков.*

---

[1] Это пророчество точнее *(фр.)*.

183. В. А. ЖУКОВСКОМУ

29 декабря 1814. Петербург

Тургенев, истинный твой друг и ревнитель твоей славы, прочитал мне твое послание и поручил сделать несколько замечаний. Время не позволило разобрать подробно. Я заметил слабые места, которыми и ты, конечно, будешь недоволен. Я исполнил мой долг; теперь заклинаю тебя твоей собственной славой не лениться исправить их и не иначе приступать к печати. Блудов и Гнедич заметили еще несколько строк, требуй от Тургенева замечаний, исправь и печатай.

Если б я мог завидовать тебе, то вот прелестный случай! Так, мой милый, добрый мечтатель! Счастливы мы, что имеем такое дарование в наше время, а мы, твои приятели, еще счастливее: это дарование *наше*, ты наш — ты любишь нас! Твое новое произведение прелестно. В нем все благородно, и мысли и чувства. Оно исполнено жизни и поэзии, одним словом: ты наравне с предметом, и с ка-

ким предметом! И откуда ты почерпнул столько прекрасных, новых и живописных выражений? Счастливец! Чародей! Прими же чувства моей благодарности за несколько сладостных минут в жизни моей: читать твои стихи — значит наслаждаться,— а в последнем ты превзошел себя. Теперь победи себя, лень, гнусную лень и раз в жизни сделай доброе дело: отвечай на прежнее мое письмо и скажи, что ты учинил с сочинениями Муравьева?

Батюшков.

184. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

10 января 1815. Петербург

Письмо твое только вчера отдал мне к<нязь> Меншиков, который нашел меня глупым или умным, невеждою или ученым, вот что я тебе сказать не могу. Но о стихах твоих я говорить могу смело: они мне очень понравились и отданы в «Сын Отечества», который принял их с восторгом в холодные свои объятия. Дашков здесь. Он сказывал мне, что Жуковского стихи несовершенно понравились нашим Лебедям и здешние Гуси ими не будут восхищаться. Что нужды! Зато Нелединский плакал, читая их перед Императрицей, которой они очень нравятся. Вот лучшая награда. Ошибки в стихах нашего Балладника примечены могут быть и ребенком, он часто завирается. Но зато! Зато сколько чувства! какие стихи! и кто говорил с таким глубоким чувством об императоре? Так, любезный друг! Государь наш, который, конечно, выше Александра Македонского, должен то же сделать, что Александр Древний. Он запретил под смертною казнию изображать лице свое дурным художникам и предоставил сие право исключительно Фидию. Пусть и Государь позволит одному Жуковскому говорить о его подвигах. Все прочие наши одорифмодетели недостойны сего. Они, и стихи их, и проза, и ненависть их, и хвала их, и одобрение, и ласки, и эпиграммы, и мадригалы, и вся сия стишистая сволочь надоела. Чего хорошего? Воейков, приятель Пушкина и Мерзлякова, садит их в дом сумасшедших? Признаюсь тебе, я желаю иметь честь сидеть в желтом доме с честным Глинкой, с Мерзляковым, которого люблю дарование, с Пушкиным, которого обожаю от ног до головы, нежели разделять славу и пальмы с Воейковым,

который ничего не имеет *веселого* во всем своем поведении. Гибель тому, кого он хвалит. У него в одной руке кадило с фимиамом, в другой бич сатиры. И к чему ведет это? Один хороший стих Жуковского больше приносит пользы словесности, нежели все возможные сатиры. По крайней мере, будь весел в них!

Я ничего печатать не хочу и долго не буду, а пишу для себя. Теперь кончил сказку «Домосед и странствователь», которая тебе, может быть, понравится, потому что напомнит обо мне. Я описал себя, свои собственные заблуждения и сердца и ума моего. Пришлю, как скоро будет время. Теперь прости, мой милый друг, я часто на тебя гневаюсь — не за себя, а за тебя. Будь счастлив! Люби <пропуск.— *Ред.*>! У меня ничего нет на свете, кроме дружбы твоей и дружбы двух или трех честных людей. Никогда я так грустен не бывал. Живу без надежды и страдаю умом, сердцем и телом.

К. Б.

Я пишу тебе с Луниным, которому я наговорил о тебе много чудес. Он мне родственник и приятель, прошу Ваше сиятельство обласкать его, притом же он, как увидите, человек добрый, весьма умный и веселый и великий охотник пускаться в метафизические споры — спорь с ним до слез.

В отсутствие мое здесь разошлись мои стихи «Певец». Глупая шутка, которую я писал для себя. Вот все славяне п<од>нялись на меня. Хотят жа<лова>ться. Но я ничьих имен не подписывал, и вольно им брать на себя чужие грехи. Как бы то ни было, это скучно и начинает меня огорчать.

Левушке поклонись от меня.

Я болен третий день и не выхожу из комнаты. Пиши с оказией.

185. Е. Н. ШИПИЛОВОЙ

17 января 1815. <Петербург>

Я получил твое письмо, любезный друг и сестра Лизавета Николаевна, и, конечно, исполнил бы твою комиссию без замедления, если б знал, первое — какой самовар тебе надобен в такую цену, английский или русский, и притом, какой формы. Вот это меня остановило — и еще одно размышление. Со старостою я послал к тебе портер, а к

Александре Николаевне — самовар. Не об нем ли ты и пишешь? Если об нем, то вдвойне и посылать нечего. Но как бы то ни было, тебе только стоит отписать ко мне слово о самоваре, и он полетит к тебе; не в одном этом случае я доказывал, что я исправный комиссионер. Обнимаю тебя, мой милый и бесценный друг; ничего нового и утешительного сказать не умею. Я сам нездоров и вот уже другую неделю сижу дома. Поцелуй за меня брата и милых своих птенцов. Будь здорова, весела и помни своего преданного

Константина.

Вот мой адрес: на Фонтанке близ Аничкина моста в доме К. Ф. Муравьевой, что прежде был Зотовой.

186. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Вторая половина января 1815. Петербург>

Благодарю тебя за то, что ты платишь мои долги — если есть у тебя деньги, то отдай остальные Левушке, но от меня не ожидай ранее конца этого года. Здесь по приезде из чужих краев нашел четыре тысячи, а теперь уже ни копейки нет. Благодарю тебя за твою дружбу, верь, что я умею чувствовать вполне все, что ты для меня ни сделаешь. Но праведное мое негодование на тебя ничто облегчить не может. Говорил ли с тобой Дашков? Стыдно ему, если он не исполнил моего поручения. Я сердит на тебя, за тебя. Со временем я тебе открою мою душу, и ты меня оправдаешь перед собой. Когда мы с тобой увидимся? Бог знает. О Москве я и думать не могу. Никогда так головой, умом, сердцем и карманом не был расстроен. Бедный Тибулл! Какие стихи тебе надобно? Мне кажется, я отроду не писал стихов, а если и писал, то раскаялся. Что в них? Какую пользу принесли они! Кроме твоей дружбы и Жуковского? Я кончу, ибо чувствую, что напишу какую-нибудь глупость.

Я болен. Тургенев болен. Блудов кланяется. Он мое утешение в гранитном Петербурге. Пришли мне твои три или четыре пиесы. Издатель «Пантеона» мучит меня о твоих стихах.

187. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

29 января 1815. <Петербург>

Я жестоко был болен, милый друг, простудился, и простуда бросилась на нервы. Нет, ты одна знаешь сие мучение! Болело горло, я чувствовал беспрестанное удушье, тоску и наконец лихорадку, от которой избавился хиною. Тетушка ходила за мною, как за сыном: никогда и ничем я не в состоянии заплатить ее попечения. Меня утешали, как ребенка. Теперь сижу на хине. Мне стало полегче, и нервы мои успокоились, к счастию. Я чуть было не был таков, как в мою жестокую болезнь. Прости, что о делах я тебе не пишу. Да и о чем писать? Повторяю то же и то же: что подал просьбу в отпуск, а когда получу его, Бог знает. В отставку я никогда не просился и вперед прошу ни в чем не верить письмам Прево, который сам не знает, что болтает и что на меня выдумывал. Напиши мне что-нибудь приятное, мой друг: это лучше хины для меня, которой меня душат от утра до ночи. Обнимаю тебя от всей души. Какова теперь Варинька? *Конст. Бат.*

188. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Февраля <1815. Петербург>

Князь Юрий Трубецкой, мой хороший приятель и приятель нашего милого Северина, едет в Москву, и с ним я спешу написать к тебе несколько строк и отвечать тебе на твои несправедливые упреки. За что мне на тебя гневаться? За то ли, что тебе не понравилось мое письмо о Муравьеве? Если бы и все мои стихи тебе не нравились, то и тогда бы я не гневался. Я сердился на тебя за Ноэль и за то, что ты напал на Мур<авьева>-Ап<остола>. Ты знал мою привязанность к его семейству и оскорбил меня, вот за что я был на тебя в гневе, но и этот гнев исчез, а дружба моя к тебе не утратилась и могла ли утратиться? Что есть у меня в мире дороже друзей! и таких друзей, как ты и Жуковский. Вас желал бы видеть счастливыми: тебя благоразумнее, а Жуковского рассудительнее. Я горжусь вашими успехами, они мои; это моя собственность, я был бы счастлив вашим счастием. Что до меня касается, милый друг, то я справедливо жалуюсь на мою судьбу, которая лишила меня даже и дарования. Возьмите, боги, жизнь! что в ней без упованья?

Без дружбы! без любви: без идолов моих?
И муза, сетуя, без них
Светильник гасит дарованья.

Верь мне, что я болен не одним воображением, и в доказательство чего пришлю тебе мою сказку «Странствователь и Домосед», где я сам над собою смеялся. Стих, и прекрасный «*Ум любит странствовать, а сердце жить на месте*», стих Дмитриева подал мне мысль эту. И где? В Лондоне, когда, сидя с Севериным на берегах Темзы, мы рассуждали об этой молодости, которая исчезает так быстро и невозвратно. Желаю душевно, чтоб моя сказка тебе понравилась. Это мой первый опыт, и советы нужны. Но я поправлять ее теперь не в силах. Стихи и рифмы наскучили, и им я приписываю мои недостатки и странности ума и сердца моего, от которых хочу исправиться и не могу. Еще повторю: какая мне польза от них существенная? Кроме дружбы вашей! «И дарование имеет свои мучения»,— сказал покойный Муравьев весьма справедливо. А я, право, настрадался и без дарования. Недавно, еще пересматривая мой список *Рифм и слов*, я воскликнул, как мой странствователь в Эгипте: «Какие глупости! какие заблужденья».

Но полно. Ты опять будешь смеяться над моею эпистолою. Если б мог читать в уме моем, то был бы справедливее. Прости, обнимаю тебя. Поцелуй ручку у княгини, которую я душевно почитаю. Пиши чаще, но не с почтой, оказий у нас много. Прости

К. Б.

Адресуй в дом К. Ф. Муравьевой, третий дом от Аничкина моста, что был Зотовой.

Посоветуй Жуковскому приехать сюда для собственной его выгоды. Притолкай его в Петербург. Я говорю дело. Но жить ему здесь не надобно. По крайней мере, так я думаю, и он сам согласен.

189. П. А. ШИПИЛОВУ

23 февраля 1815. <Петербург>

Письмо твое, любезный Братец, я получил; но, право, на него ничего сказать не могу, кроме того: делай как хочешь. Я сам чувствую, что несправедлива раскладка ста-

росты, и с ним согласился единственно, потому что мне не хотелось спорить. За ним надобно глядеть зоркими глазами. Прикажи ему выслать мне оброк в срочное время, без недоимок. Я имею большую нужду платить по двум векселям в чужие краи, и сии деньги на то единственно посвящены.

Приходит время уплаты в ломбард; кажется, около трех тысяч с процентами, если не более. Мне обещают здесь пересрочить то же самое имение, с тем чтобы я прислал или представил, не замедля, ревизскую сказку из суда нарочно для ломбарда сделанную того же самого имения. Итак, Бога ради, милый брат, доставь мне оную немедля; заплати за нее хоть 200 р., но успокой меня.

Вчера я послал Вареньке прекрасный шпензер; получила ли его? Легче ли сестре Александре? Лизавете Николаевне посылаю самовар с Иваном Семеновичем Батюшковым, он берет на себя доставить его в Вологду, и еще английские иголки шитья ей же. Прости, что пишу мало; что-то сегодня не в духе — не замедли отвечать мне; я буду считать дни.

Не откажись просить Губернатора, если то нужно будет, он, говорят, человек добрый и рассудительный.

190. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Вторая половина марта 1815. Петербург>

Ни одно из твоих писем меня так сильно не радовало, как последнее; я вижу в нем явное свидетельство твоего дружества и твоего редкого сердца, которое для нас, друзей твоих, есть сокровище неоценимое. Я замедлил отвечать тебе, потому что был на несколько дней в отсутствии; я ездил с моею теткою в Тихвин — на богомолье. Но все твои упреки несправедливы, горесть моего сердца не мечтательная; я испытал много неудовольствий в течение сих трех лет; мои несчастия ощутительны, и когда-нибудь я тебе расскажу все, что терпел и терплю. Сердце мое было оскорблено в самых нежнейших его пристрастиях. Пусть это останется между нами. Я надеюсь, что ты моих писем не читаешь никому. Иначе не ожидай от меня откровенности, она с тобою мне нужна и есть истинный, верный знак моего уважения к тебе. Человек странный и непонятный, составленный из золота и грязи и всех возможных

противоположностей! Что же касается до гнева моего на стихи, то этот гнев справедлив совершенно. Я буду повторять: к чему ведут дарования? Дают ли они уважение в обществе нашем? На что заблуждаться? Мы должны искать сего уважения, ибо делай что хочешь, а людей уважать надобно. Кто презирает их, тот себя презирает. С пылкостию лет, у меня, по крайней мере, исчезло и пристрастие ко всему блестящему, и я желал бы полезным быть и обществу и самому себе, и *самому себе*, и я еще повторю: стихи ни к чему не ведут. Далее: испытав многое, узнав цену и вещам и людям, виноват ли я, мой друг, если многие вещи утратили для меня цену свою? Но ты говоришь: не писать — не жить поэту. Справедливо! Но что писать? Безделки. Нет! Писать что-нибудь важное, не для минутного успеха, а для себя. Ничего не печатать для приобретения известности. Иметь свыше цель. Славу. Обмануться. Так и быть! Но и обмануться славно. Писать для себя, pour soulager son coeur [1]. Успехов просит ум, а сердце счастья просит. Сии-то маленькие успехи не ведут к счастию. Они преграды к нему, напротив того. Мы это знаем, милый друг, знаем по опыту. Меня все мучит; даже самая известность. Что касается до шутки, которая вырвалась из-под пера моего, то я ее не извиняю, она такова, что я мог бы потерять уважение к себе, если б не имел искреннего убеждения в том, что я более виноват перед светом, нежели перед собою. Страха в сердце не имею: я боюсь самого себя. Вооружаться против тех, которые оскорбляют вкус, не есть большая вина, но горе тому, кто занимается единственно теми, которые оскорбляют вкус и наше суетное самолюбие. Если бы мне предложил какой-нибудь Гений все остроумие и всю славу Вольтера — отказ. Выслушай свое сердце в молчании страстей, и ты со мною согласишься, в противном случае я тебя не уважаю. Так, надобно переменить род жизни. Благодаря бога я уже во многом успел: стараться укротить маленькие страсти, успокоить ум и устремить его на предметы, достойные человека. Я подкреплю мои замечания словами добродетельного Ролленя. Прочитай страницу 90, 91, 92 Oeuvres complètes de Rollin à Paris chez Hénée [2], письмо его к Ж.-Б. Руссо. Я не осмелился бы взять на себя сделать такой упрек твоей совести, если бы большая часть поучений Ролленя не относилась прямо ко мне. Лучший ответ нашим врагам и врагам вкуса: молчание и это спокойствие душевное, которое бывает наградою хорошего поведения и спокойной совести. Вот мое признание. Прибавь к

этому, что маленькие страсти, маленькие успехи в обществе и в кругу маленьких людей, которых мы ни любим, ни уважаем, маленькие стихи и мелочи не достойны мужа, делают и ум мелким, беспокойным. Успехов просит ум, а сердце счастья просит. Но пусть ум просит великих успехов, а сердце — счастия... если не найдет его здесь, где все минутно, то не потеряет права найти его там. Где все вечно и постоянно. Ты же, счастливец: сокрой себя на месяц или на два: перемени образ жизни своей. Читай полезное, будь полезен другим, сотвори себя снова: и тогда, если не оправдаешь моих слов, то я позволю тебе сказать мне — что я начал бредить. Иначе, в шуму страстей твоих, и этого мелкого суетного самолюбия, и этих хладных удовольствий, тебя недостойных, я тебе не поверю. Мы возмужали, опытности прибавилось, чего недостает нам? Уважения к себе. Сядем на ряду с людьми. Сядем выше недостойных. Если мы избрали словесность, то оставим в ней не одни цветы: плоды; а в обществе имя честного человека, во всей простоте сего слова, такое имя лучше всех титулов. Ne craignez pas le ridicule [3]. Для человека с твоим умом его не существует. У тебя все. Кроме постоянства и характера, без которых нет ничего совершенного: постоянство и внимание — вот рычаг ума человеческого, а характер... Смейся, у меня есть свой характер, я это испытал на днях. Я умею подбирать в бурю парусы моего воображения. Слава богу, и этого довольно — на нынешнее время: вперед будет лучше. Тот уже много сделал на поприще нравственности, кто хотел что-нибудь сделать. Dixi [4].

На днях будет готова книга покойного Муравьева: я перепечатал «Обитателя предместия» и собрал «Эмилиевы письма». Доставлю тебе и Карамзину. От Жуковского я получил письмо. Я называю его — угадай как? Рыцарем на поле нравственности и словесности. Он выше всего, что написал до сего времени, и душой и умом. Это подает мне надежду, что он напишет со временем что-нибудь совершенное. В последней пиесе «Ахилл» стихи прелестны, но с первой строки до последней он оскорбил правила здравого вкуса и из Ахилла сделал Фингала. Это наш Рубенс. Он пишет ангелов в немецких париках. Скажи ему это от меня.

Обними за меня Дениса, нашего милого рыцаря, который сочетал лавры со шпагою, с миртами, с чашею, с острыми словами учтивого маркиза с бородою партизана и часто и с глубоким умом. Который затмевается иногда...

Когда он вздумает говорить о метафизике. Спроси его о наших спорах в Германии и в Париже? Поклон Толстому, сему удивительному человеку, которого Дидерот, Пиголебрен и Ритиф де ла Бретоне сочинили в часы философического исступления, и В. Л. Пушкину поклон. И поклон Дмитрию Давыдову, счастливейшему супругу и доброму приятелю.

К Пушкину я буду писать.

Спасибо за Озерова. Это ему делает честь. Хоть он и похож на вопиющего в пустыне.

Я отпущен на Кавказ. Но осенью поеду в армию — опять к Раевскому. Он плохо награждает, но дерется как черт. Спроси у Левушки.

---

[1] для облегчения своего сердца (*фр.*).

[2] Полное собрание сочинений Роллена, изданное в Париже Эне (*фр.*).

[3] Не бойтесь смешного (*фр.*).

[4] Я все сказал (*лат.*).

191. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<25 марта 1815. Петербург>

Сию минуту получаю другое письмо, которое доставил мне Давыдов, благодарю за твою дружбу! я оживаю мало-помалу и начинаю верить, что есть люди, которые меня любят. Это пища сердцу, такие письма и от таких людей. Знаешь ли, что с замашками моего ума у меня сердце почти такое, какое Гете, человек сумасшедший, дал сумасшедшему Вертеру. Я иногда пугаюсь сам себя. Не испугайся моих стихов. Вот они. Но с уговором.

1-е. Этот экземпляр, который для меня дорог по многим причинам, с первою почтою возврати назад, Бога ради, возврати! 2-е. Прочитай обществу, если оно на то будет согласно, и пришли мне замечания. Я постараюсь ими воспользоваться. Мал разум одного, но разум всех велик! Запиши замечания на особливой бумажке. Чтоб плана моего и не критиковали. Напрасный труд! Я его переменить не в силах. Здесь меня осыпали похвалами, а иные строго критиковали. Но я желаю искренно, чтоб эта сказка полюбилась московским литераторам, заслужила их одобрение, лестное моему сердцу; ибо я их всех люблю искренно. 3-е. Пришли мне все, что ты написал нового, дай бог, чтобы это было *важное*. Зачем ты не

испытаешь род сказки? Зачем Дмитриеву оставлять одному это поле, поле веселое и пространное, созданное, как нарочно, для твоего остроумия, ума и сердца. Дай бог, чтобы мой опыт тебя воспалил. Принимайся! Я тебя благословляю, а себя и публику поздравляю с прекрасным и оригинальным произведением. Оригинальным, разумеется, ибо ты должен что-нибудь написать свое. Выдумай, изобрети и басню, и рассказ, и подробности. Ты можешь. Сперва обдумай все. Это тебя займет приятным образом, а там и за перо. Пиши в роде «Модной жены». Общество даст тебе множество подробностей прелестных. Напиши не одну сказку, три, четыре, более, если можешь. Но не пиши мелочей: обдумай один род. У нас множество баснописцев. Пусть будут и сказочники. Этот род не низкий. Требует ума и большой разборчивости. Им занимался и Лафонтен, и Вольтер, и Ариост, сей великий единственный ум, который, по моему мнению, не уступает Омеру. Похвали мою сказку. Это меня ободрит. Успехов просит ум... а сердце счастья просит.

Кстати, о сказке. Возврати мне ее и не печатай, пока я не сделаю поправок. Под всяк<им> замечанием запиши имя того, кто его сделает. Это мне будет очень приятно. Я ожидаю Жуковского с нетерпением. Он в Дерпте.

Ты плакал в Астафьеве. Я не жалею о тебе, слезы твои не горестны были, время отняло у них горечь. Что делать? плакать или вздыхать! Мы ходим по развалинам и между гробов. Ты знал Агату Полторацкую. Вчера ее не стало, et rose elle a vecu...[1] Отец и бедная мать в слезах. А Наполеон живет, и этот ИЗВЕРГ, ПОДЛЕЦ дышит воздухом. Удивляюсь иногда неисповедимому провидению. Дай бог, чтоб ему свернули шею скорее или разгромили это подлое гнездо, которое называется Парижем. Ни одно благородное сердце не может любить теперь этого города и этого народа шаткого, корыстолюбивого и подлого. Я видел его вблизи и потерял к нему последнее уважение. Бог наделил его всем: и умом, и остротою, и храбростию; и после отступился от него.

Хочешь ли мне сделать истинное одолжение? Вели достать фунта 2 лучшего чаю. В Москве это возможно, и пришли мне поскорей. Возврати мне мою сказку и пришли стихи и свою сказку. Сделай одолжение: пиши в этом роде.

---

[1] и как роза она прожила... (*фр.*).

192. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

27 апреля <1815. Хантоново>

Я пишу к вам, милая тетушка, из деревни сестры моей, которая меня утешает своею дружбою, после всех забот и огорчений. Я был у батюшки и нашел его в горестном положении: дела его расстроены. Но поправить можно ему самому. Шесть дней, которые провел у него, измучили меня. Но я здоров и уеду в Каменец, если получу ответ на мое письмо от Бахметева. Довольно обо мне. Как Ваше здоровье? Право, не знаю, с чего начать, говоря с Вами. Пишет ли милый брат? Как вы с ним расстались? Милая, добрая тетушка, вы, которые заменили мне и мать и все, что я имею драгоценнейшего в мире, поберегите себя для детей Ваших. Их сохранит святое Провидение. Вы и отец их столько добра сделали, столько Вам приверженных и благодарных сердец, которые умоляют святое Провидение! Соберите силы ваши. Милый, добрый брат мой — редкий и примерный молодой человек! Он возвратится. Поберегите себя для радостного свидания. Я кончу мое письмо. Почта отходит. Я очень грустен. Нет ни одной веселой, утешительной мысли. К печали печаль, и об вас спокойно думать не могу, и вы меня сокрушаете. Сашу и детей обнимаю, домашним и всем знакомым мой поклон и почтение. Сто раз мысленно целую ручки ваши. Олениным, дядюшке и тетюшке мое почтение. Поручите Николаю Ивановичу писать ко мне. Еще раз простите, будьте великодушны, и укрепитесь душевно, и, помышляя об отсутствующем Никите, вспомните, что я желаю приблизиться к нему моею к вам приверженностию. *Константин.*

Если Трубецкой Вам отдал деньги, то оставьте их у себя, мне они будут нужны — в другой раз я буду писать о делах моих. Теперь ни Вам, ни мне не <до> этого. Адресуйте письма: В. Череповец.

193. Н. И. ГНЕДИЧУ

3 мая 1815. <Хантоново>

С чего начну мое письмо, любезный друг? Хотел много написать и ничего не напишу. На что рассказывать старое, то есть ничего приятного. Поговорим лучше о моем деле. Ты, конечно, получил свидетельство на мое имя

через почту; по верющему письму, которое я тебе оставил, ты можешь приступить к требованию денег в ломбарде. Милый друг, не откажись от этих хлопот, скучных и заботливых, но они-то мне докажут твою дружбу; притом, кроме тебя, я никого не имею, кому бы мог поверить значительную сумму. Приняв оную, заплати что следует в ломбард, то есть 2780, а если что останется, то оставь у себя, а я тебе немедленно отпишу, куда девать остальные деньги. Успокой меня на этот счет. 10-го мая будет срок, хлопочи скорее. Если нужно, попроси Нелединского или Катерину Федоровну — она знакома с Тутолминым и, конечно, от сего не откажется. Одним словом, дай мне вздохнуть. И здесь у меня хлопот множество и множество огорчений. Одна дружба сестры — мое утешение. Еще просьба: я писал к Дашкову, просил его, чтоб он узнал у Сукина, получит ли Бахметев отпуск в Баден решительно; если нет, то я поеду к нему, не замедля ни одним днем. Проси его, чтоб он мне отвечал. Мой отъезд зависит от сего. К Бахметеву я писал, но по расстоянию вряд ли получу скорый ответ. К Гагарину пришлю остальной долг, дай только справиться с хлопотами. Обнимаю тебя, милого друга. Пожелай мне терпения и здоровья, а тебе, конечно, добра желаю, ибо твое постоянное дружество — мое утешение. Приехал ли к вам многообещанный Жуковский? Обними его за меня. Напомни обо мне Оленину и Катерине Федоровне; что она делает? Ходи к ней почаще и узнавай о Никите. Пиши ко мне, Бога ради, пиши. Не пропустя первой почты, ибо я буду ожидать нетерпеливо ответа. Адресуй в Череповец.

194. Е. Н. ШИПИЛОВОЙ

<Май 1815. Хантоново>

Крайне сожалею, что не могу быть у вас, милые друзья, в Вологде. Я приехал сюда на две или три недели без позволения и, может быть, должен буду немедленно оставить деревню и отправиться в Каменец. Никак отлучиться не могу. Голова идет кругом от разъездов. Если Вареньке можно, то пусть она приедет, а лучше, если б вы все приехали; итак, дождитесь Павла Алексеевича и приезжайте сюда. Детей твоих целую. Аркадию Аполлоновичу мой усердный поклон.

Вручите его письмо Третьякову и просите его, чтоб он

у вас в доме не разглашал, что я хочу продать Захарова, пока дело не будет сделано. Мне нужны деньги. Очень нужны — сама посуди! Одних прогонов полагаю 500 с дорогою. Я разоряюсь от службы. Но так Богу угодно,— а Захаров мне вовсе не нужен. Он бездельник и лентяй.

За бричкой я пришлю моего человека. Попросите Александра Семеновича приказать починить ее исправнее, как можно. Что будет стоить, я прикажу отдать немедленно старосте или доставляю сам.

Желаю от всей души обнять вас здесь и немного успокоиться. Видно, судьба мне во всем прекословит.

Лошадей, если не нужны, возвратите назад. Лучше Вареньке приехать с Вами, нежели тащиться одной по дороге. Я здесь проживу, конечно, дней десять, а может быть, и более.

Пришлите мне лучшего сургучу палочку, а тот, что у тебя, никуда не годится.

195. М. Е. ЛОБАНОВУ

Май 1815. Хантоново

Покорнейше прошу Вас, любезный товарищ и собрат на Геликоне, спуститься с высот Парнасских в лавку Абдалы-Кучу-Саир-Ибрагима и взять у него для бедного поэта два фунта табаку; да пророк воздаст тебе за эту услугу, да родятся розы и ясмины под стопами твоими, и рифмы да текут из пера твоего, как розовое масло течет для праведников из сосудов яхонтовых в долине успокоения, и да Яковлев трезв и бодр будет играть твоего Агамемнона... Это чудо всех несбыточнее. *К. Батюшков.*

Прилагаю 10 рублей. А табаку самого лучшего!

196. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

21 мая 1815. <Хантоново>

Отъезд Никиты и его молчание должны Вас сокрушать, милая, почтенная тетушка, но если бы я осмелился вам сказать слово в утешение. Рассудите сами: курьеру писать невозможно! одна усталость помешает; и я нахожу, что брат поступил весьма благоразумно, объявив Вам

решительно, что до приезду на место назначения писать не будет. Может быть, о сю пору Вы имеете от него известия. Вот мое желание; смею уповать, что судьба возвратит его в скором времени. Если наш герой и долго писать не будет, не обвиняйте его: отчаиваться не должно; в армии часто и средства нет написать письма. Где случай? где бумага и перья, если и есть возможность воспользоваться курьером? Спросите у военных. Я к брату не писал до сих пор, потому что ничего решительного о себе сказать не могу. С часу на час ожидаю писем от Бахметева. Участь моя от него зависит, а отставка от военных обстоятельств. Отправлюсь немедленно в Каменец по первому письму генерала и оттуда буду писать к Вам и к брату обо всем обстоятельно. Но если вы меня удостоите ответом, то пишите сюда. Сестра перешлет письмо, если меня здесь не застанет. Я готов к отъезду, куда велит судьба, хоть в армию. Но желал бы устроить сперва мои дела. Что сделал Гнедич по моему письму? Хоть бы строчку написал! Скажите ему, что эта леность... или, лучше, ничего не говорите! Я имею полное право на его снисходительность; его молчание меня оскорбляет: это похоже на холодность. Если Трубецкой отдал деньги, то доставьте их Дамасу через Пещурова или через Олениных, если они имеют на то возможность. Я и сам писать буду, остальные употребите на комиссию, данную Дамасом о книгах и пр. Дамас, может быть, и сам нуждается в деньгах, желательно, чтоб они ему доставлены были. Просите Трубецкого, чтоб он не замедлил вам доставить 1000. Он человек обстоятельный, я полагаю. Здесь, конча мои делишки, я буду совершенно покоен до нового года. Если Бахметев позволит, то прилечу в Петербург; по крайней мере, эта мысль меня более веселит, нежели пребывание и бесплодная жизнь в Каменце. Впрочем, я ничего не желаю и буду исполнять мой долг en véritable chevalier: [1] служить не тужить, по пословице.

Бога ради, пошлите за Жуковским и допросите его, что сделал он с бумагами. Если по первому зову не явится (он на это мастер, я знаю), в таком случае пошлите ему это письмо для улики. Оно, как фурия, пробудит спящую в нем совесть и лишит его сна и аппетита. Шутки в сторону, я его извинять более не могу за леность и беспечность насчет издания. Как литератор, он виноват; как человек, которому Вы доверяли по одному уважению к его дарованиям и редкой его душе, он виноват еще более. Что сделали вы сами с книгами? Говорили ли с Костогоровым

по его счету? а я вам буду должен около ста рублей; так мне кажется, по крайней мере. Спросите его подробный счет. Не упускайте Мартынова: не для денег, для пользы наук желательно, чтоб сочинения Михаила Никитича находились в руках юношества. Если бы г. Костогоров мне написал, что он сделал и как. Но боюсь употреблять во зло его снисхождение.

Петру Михайловичу мой усердный поклон, и всем знакомым, и всем домашним. Сашу и Ипполита обнимаю от всего сердца. Пусть Матюша меня не забывает и любит, как я его. Целую сто раз ваши ручки, почтенная тетушка. Преданный и покорный

Ваш Константин.

Прилагаю при сем письмо для Вареньки, которое вы ко мне переслали. Оно было послано в моем письме, и потому не удивляйтесь старому числу.

---

[1] как истинный дворянин *(фр.)*.

197. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

29 мая 1815. <Хантоново>

Приношу вам мою душевную благодарность за письмо Ваше: благодарность, ибо известие о милом брате меня истинно порадовало. Если он не пишет, то, конечно, потому что курьер уехал, как говорится, не спросясь позволения. Запаситесь маленькой философией, почтенная тетушка. Она будет вам нужна. Верьте, что из армии нет возможности писать постоянно. Никита, я знаю его, не такой человек, чтобы пропустить случай принести вам удовольствие: он и слишком совестлив. Но он, быв при Главной квартире, на походе, иногда откомандирован, есть ли тут способ писать? Знаю, что это не утешение для сердца Вашего, но что же делать? Надобно покориться провидению, которому вы вручили, конечно с верою, все, что у вас ни есть драгоценнейшего в мире, сына. Если мысль, что он может быть полезен трудами своими, что он стоит на дороге чести и славы и со временем может сравняться со своим родителем, если эта мысль вас совершенно утешить не может в горести, в тиранской разлуке, то, по крайней мере, эта мысль может дать Вам некоторую силу. Жертвуя всем вашей сердечной привязанности, не жертвуйте здравием, милая тетушка. У вас еще есть уте-

шение. Вы можете наслаждаться и гордиться вашими детьми. Вы должны им быть полезны. А как будете полезны без душевной и без телесной крепости. Я не пустое говорю. Нет! Я вам говорю от полного сердца. Верьте мне. И потому-то я радуюсь, что вы проведете красные дни на даче. Это и для Саши нужно. Сашеньку я начинаю любить еще более прежнего. В нем очень много хорошего и, конечно, он сравняется с братом добрыми качествами и никогда ничем не огорчит вас. Желательно, чтобы учение его шло твердым порядком, чтобы он сам более и более к этому пристрастился. Самое золотое время жизни терять не надобно. И для него уже наступает время рассудка и истинного честолюбия. Тем сильнее он должен теперь учиться, что соперничество его с Ипполитом не кончилось. Время их соединит, пусть никоторый из них не позавидует друг другу и друг на друга с презрением не посмотрит. Вот мое желание.

Конечно, вам горестно было расставаться с маленькими Апостолами. В утешение можете себе сказать, что Вы исполнили долг свой, как настоящая мать, и, конечно, Иван Матвеевич в глубине своего сердца Вам благодарен. Душевно радуюсь, что Петр Михайлович еще с Вами. Ему покорно прошу сказать мой усердный поклон. Вам сладко и горестно будет плакать с Катериной Сергеевной об отсутствующих, из числа которых остаюсь преданным слугой

Константин.

При сем прилагаю письмо к Дамасу, если его застанете, то пошлите в Париж. Деньги Трубецкого с моим письмом. Всю тысячу рублей к Дамасу отправьте. Очень меня сим обяжете. А если Трубецкой не заплатит, то немедленно отправьте, любезная тетушка, письмо у вас оставленное на почту. Простите, что я занимаю вас сими безделками, скучными без сомнения. Простите еще, что пишу так несвязно, бумага протыкается.

198. П. А. ШИПИЛОВУ

3 июня 1815. <Хантоново>

Благодарю тебя, любезный брат и друг, за приглашение приехать к Вам. Дело невозможное. Вчера я получил письмо от Бахметева, весьма учтивое; по этому письму мог бы промедлить еще несколько дней, но так как бричка

уже в Рыбной, то ехать не на чем, и притом время теряется. Крайне сожалею, что с тобою не мог увидеться: обо многом переговорить надобно. Но что делать! Покоряться непреклонной судьбе и против желания скакать Бог знает куда. По крайней мере, письменно благодарю тебя за попечение твое о делах моих. Бога ради, не оставляй их. Знаю, что это работа не веселая, но чувствую, что я на твоем месте скрепя сердце то же бы делал. Продай Василья за тысячу рублей и менее, если более не дадут. Что мне в этом негодяе? а деньги, право, нужны. Из сего числа дай сто рублей Третьякову за его труды; остальные немедленно отправь к Гнедичу; остальные, я полагаю, 900, да 100 еще прибавь из оброку с Меников, если хочешь; итого составит 1000. Всю сию сумму через Гнедича для уплаты к<нязю> Гагарину. Так ему и напиши; он знает, как переслать, и тебе пришлет свою расписку, если хочешь. Кончи, Бога ради, это дело или поручи его Третьякову. Лучше дешевле продай, да поскорее.— К какой стати мне держать Василья в деревне?

Я говорил с Аркадие<м> Аполлонович<ем> о Сирякове. Нельзя ли через третьи руки это дело кончить? Я согласен дать Сирякову вексель хотя в двух тысячах на два года или на три. Ты дай за меня, по моему верющему письму, или я пришлю, если хочешь. Только бы кончить это проклятое дело, которое у меня лежит на сердце. Аркадий Аполлонович взял на себя труд объяснить тебе по этому делу. Еще просьба: Дай купчую сестре Александре Николаевне на все семейство Осипа Шитова. Не смотри на то, если она отговариваться будет; все-таки дай. Я у нее взял двух девок в деревне; надобно чем-нибудь вознаградить. Что мне в Осипе? А ей эта почтенная семья необходимо нужна, по дарованию прелестной Марьи и ее братца. Дай отпускные по моим запискам двум старостам. Надобно наградить углицкого, если ты им будешь доволен. Он довольно усерден и расторопен. Вот, кажется мне, и все. Остальное на твою волю. Радуюсь душевно, что ты кончил благополучно свои дела и путешествия, вещи неприятные, как я думаю. Прости, обнимаю тебя и не забывай твоего преданного брата и друга

Конст<антина> Б.

Мое почтение батюшке Алексею Никитичу прошу засвидетельствовать.

Четверг.

199. Е. Н. ШИПИЛОВОЙ

<Начало июня 1815. Хантоново>

Благодарю тебя, любезный друг, Лизавета Николаевна, за твое дружество. Я его ценить умею. Дружба Ваша мое единственное и, может быть, вернейшее благо в мире. К досаде моей не могу тебя видеть; нет возможности: но это к лучшему; дальные проводы, лишние слезы. А нам не столько слезы нужны, сколько бодрость духа. Благодаря Бога, я теперь здоров, лихорадка миновалась, или замаскировалась, c'est une fievre masqué.

Что-то будет вперед. Непременно писать буду по приезде в Каменец. Можешь считать на меня. Сто раз поцелуй за меня милую Сашу и ученого Алешу, которого, однако, Бога ради, не слишком много заучивайте и от Якова избавьте. Надеюсь, что твое состояние когда-нибудь переменится, и ты можешь быть покойна насчет детей. Времени много и для них ни одна надежда не пропала. Поручи это все провидению, а сама лучше подумай о своем здоровье. Вот мой совет, мое желание. Сто раз обнимаю тебя. Когда мы увидимся, Бог весть! — Но я надеюсь увидеться не в худшие времена! Еще раз простите, Варинька и Лизавета. Не забывайте меня, Вашего друга.

Благодарю за гостинцы.

Аркадию Аполлоновичу мой душевный поклон. Желаю ему успеха в садоводстве. Но не надеюсь, что он меня перещеголяет секирною работою.

200. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Начало июня 1815. Хантоново>

Письмо твое от 20-го мая получил; ты мне делаешь упреки. Я вправе тебе их делать за твое молчание. Я писал к Дашкову о деле в хлопотах домашних. Вот почему не писал к тебе первому. Ты можешь со мною лениться, как тебе угодно, махиавельствовать и проч. Я люблю тебя по-старому, как доброго друга, которого на других не в силах променять. Вот мое признание, если ты его хотел.

Благодарю за исправность твою по ломбарду. Душевно желаю, чтоб это без хлопот кончилось. Сделай, как я писал. Заплати деньги по займу в ломбард за старое имение, сколько причтется. Если что-нибудь останется, то удержи у себя; я отпишу тебе, что с этим делать. О Гагарине остальном долге я не беспокоюсь; через некоторое время сестра тебе вышлет эту сумму — теперь я не могу отделить из моих денег: самому надобно на дорогу.

На днях непременно отправлюсь в Каменец. Ничего тебе утешительного о себе сказать не могу. Кругом меня печальные лица. У меня для будущего ни одной розовой мысли. Самое пребывание в Каменце не очень лестно. На счастие я права не имею, конечно, но горестно истратить прелестные дни жизни на большой дороге, без пользы для себя и для других; по-моему уж лучше воевать. Всего же горестнее (и не думай, чтобы это была пустая фраза) быть оторванным от словесности, от занятий ума, от милых привычек жизни и от друзей своих. Такая жизнь бремя. Есть лекарство скуке: пушечные выстрелы. Не к ним ли опять ведет упрямая судьба?

Радуюсь, что Жуковский у вас, и надолго. Его дарование и его характер — не ходячая монета в обществе. Он скоро наскучит, а я ему еще скорее, и пыльные булевары, и ваши словесники, и ладан хвалебный. Познакомься с ним потеснее: верь, что его ум и душа — сокровище в нашем веке. Я повторяю не то, что слышал, а то, что испытал. Проси его, чтобы он ко мне написал несколько строк на досуге. Я имею нужду в твоей дружбе, в его дружбе. Вот мои единственные сокровища, одно, что мне оставила фортуна!

Огорчения Катерины Федоровны весьма естественны. Разлука с сыном для матери есть несчастие, и для какой матери, и с каким сыном! Молодой Муравьев будет украшением России, если пойдет по стопам своего отца. Ум дельный, большие способности и сердце своего родителя с пламенною душою матери: редкое сочетание! Дай бог ему здоровья и успеха!

Радуюсь успеху Лобанова и не удивляюсь ему: трагедия его стоила того. Перевод очень хорош, но для успеха в словесности я желал бы, чтобы он занялся чем-нибудь полезнее. Расина переводить невозможно.

Кончу мое послание. До Каменца писать не буду, но если случится затруднение по ломбарду, то ты посоветуйся с Катериною Федоровною и отпиши прямо к сестре

Александре Николаевне: она предпримет другие меры для вноски суммы за сей год. Не теряй времени. Будь счастлив и верь дружбе твоего *Константина.*

Сделай одолжение, пошли на почту справиться, прислан ли на мое имя чай; по верющему моему письму ты имеешь право его получить; пришли мне его, он нужен моему больному желудку. Я нарочно выписал его из Москвы. Подари из моих денег пять рублей сторожу, который ходит на почту: я при отъезде забыл ему дать и за прежние путешествия.

Пришли чаю!

201. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

6 июня 1815. <Хантоново>

Радуюсь сердечно, почтенная и милая тетушка, что Вы получили письма от Никиты; я к нему пишу в смысле вашего письма, но совершенно против моей совести, ибо издали судить о вещах невозможно с некоторою справедливостию. Он к вам не пишет, что хочет оставить князя, следовательно, и не оставляет его. Что же касается до опасности военной, то она повсюду почти одинакова и лучшая защита — Провидение; а вам вера в него необходимо нужна. Вы испытали это не один раз в жизни. Смело повторяю. Вы имели жестокие огорчения в жизни, но имеете утешение, сына, который своим поведением и успехами усладит Ваши горести. На него считать можно. Теперь обратите внимание ваше на другого. Время бесценное проходит, любезная тетушка. Дай бог, чтобы Сашенька походил на своего брата и сердцем и умом. Я надеюсь, что это сбудется. Из числа истинно прекрасных дел воспитание детей ваших должно более всего пленять добрые сердца. Они вас уважать будут. Они и в детях ваших благословят вас.

Я еду в Каменец послезавтра, если что не воспрепятствует. Оставаться здесь более невозможно. Будущей моей судьбы не знаю, знаю только, что мое здоровье совершенно расстроено. Надежда вас увидеть меня поддерживает. Мы живем не в такие времена, чтобы думать о счастии и спокойствии. Одно утешение остается — исполнять долг свой. Спросите Алексея Николаевича, не получал ли он ответа от князя Волхонского? Решительного ответа. Если перевод в гвардию не удастся, бог с ним. Я перенесу это

огорчение без дальних усилий. Но признаюсь Вам, что мне приятнее бы было получить два чина при отставке, одним словом то, что я заслужил. Неудачи по службе меня отвратили от нее совершенно. Простите, любите меня: Ваше дружество мне нужнее всего на свете. Вы не знаете сами всего добра, которое мне делаете, милая тетушка. Сто раз целую Ваши ручки. Из Москвы писать буду. Вам преданный *Константин.*

202. Н. И. ГНЕДИЧУ

10 июля 1815. Каменец-Подольский

Язык до Киева доведет, а из Киева не так далеко до Волыни, а с Волыни на Подол и наконец в Каменец, а оттуда я пишу тебе, мой милый друг, с усталой от забот и праздности душою, которую ни труды, ни перемена места, ни перемена забот не могут вылечить от скуки, весьма извинительной, ибо я проехал через Москву около трех тысяч верст, если не более, зачем? Чтоб отдалиться от друзей. Наконец я здесь, к удивлению моего генерала, который принял меня весьма ласково, меня и другого адъютанта, Давыдова, которого полиция московская выгнала из Москвы, как меня — петербургская. Но Каменец и без нас существовал. Я это предвидел, предчувствовал. Теперь я не имею скорой или близкой надежды увидеться с тобою и выцарапать тебе последний твой глаз, который дальновиднее моих обоих, за то что ты меня вовсе забыл: ни слова не писал в деревню, где я находился между страха и надежды, но в совершенной неизвестности, куда ехать, зачем и как, где был очень болен, откуда я поехал с лихорадкою, которая меня и здесь не покидает, и здесь, в отчизне зефиров и цветов, жидов и старых польских усов. Итак, до случая удаляю надежду, до времени покоряюсь святому Провидению, которое бросает меня из края в край, меня, маленького Улисса или Телемака, который умоляет тебя, божественного Демодока, писать к нему почаще, ибо, право, жизнь не жизнь без друзей. Уж я ни слова не говорю о том, что ты ко мне не писал о моих делах. Право, нехорошо меня мучить, меня, измученного. И что у тебя за леность? Пишешь к каждому пономарю в Малороссию, а не пишешь к другу, который тебя любит, конечно, более, нежели кто-нибудь на свете: и ты это знаешь. Пиши ко мне хотя для того, что я в отчизне галу-

шек, вареников, волов, мазанок, усов и чупов. Вот мое право, если другие все утрачены для твоего сердца, которое, от постоянно спокойной жизни и от расчетов твоего ума, превратится в камень, чего не дай Бог и для меня, и для словесности, которая *на тебя считает*, ибо тогда музы отвратят лицо свое от твоего лица, и ты будешь заседать в «Беседе», и скука с тобою одесную, а славяне — ошую. Но этого не будет. Пиши, люби меня и люби посильнее; право, я нужду имею в твоей дружбе; или друзья нам только милы бывают вблизи и в счастии? Прости!

Если вы меня все забыли, то есть Гнедич и Николай Иванович, то я умру новым родом смерти: тридцать верст от нас карантин; выпрошу позволения отправиться туда, зачумею, и поминай как звали! Но я думаю, что обыкновенная чума не действует на тех, к которым привита чума стихотворная. Вот новая беда!

Сделай одолжение, милый друг, пиши ко мне, проси Катерину Федоровну, чтобы и она писала. Почта отходит точно: мне более писать не можно.

203. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

13 июля 1815. <Каменец-Подольский>

Я пишу к вам из Каменца, милая и почтенная тетушка. Я прибыл сюда благополучно, был принят Генералом ласково, и вот все, что могу сказать о себе. От Вас я давно не имею известия, даже в деревне не имел. Петр Михайлович, которого я видел проездом в Москве, меня немного успокоил. Не имеете ли письма от братца, и что пишет он к Вам? Надеюсь, что эта война не будет продолжительна, и вы в скором времени увидите ваше сокровище. Конечно, путешествие не будет ему вредно. Милого Сашу покорнейше прошу за меня поцеловать, и попрошу его, чтобы он мне написал несколько строк; я часто об нем думаю. Тетушке Софье Астафьевне и Павлу Львовичу покорнейше прошу Вас напомнить обо мне. Вот все то, о чем я Вас теперь прошу. Но вот еще просьба: чтобы и Вы меня не забывали на краю России, милая тетушка. Пишите ко мне почаще. Ваши письма мне нужны. Хоть одну строчку, не более; по крайней мере, я буду знать, что Вы здоровы. Я еще раз повторю, о себе я ничего сказать не могу, кроме того, что я тяну день за день. Поутру бываю у генерала, обедаю у него или с ним у поляков; а ввечеру

читаю книгу, читаю глазами, потому что ничто нейдет в голову, кроме путешествий в Одессу и в Херсон. Отгадайте зачем? Чтоб купаться в Черном море. Не знаю, сбудется ли мое желание, и другое, путешествие к Неве, где желал бы вас найти в полном здравии и спокойствии, с Никитою, которого я люблю от всей души. Целую ручки Ваши несколько раз. Пишите, пишите ко мне почаще и не забывайте Вашего

Константина.

Николаю Ивановичу мое душевное почтение.

204. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

1 августа <1815. Каменец-Подольский>

Вот три недели, как я в Каменце и ни одной строчки от Вас не получил, ни от Вас, ни от сестры. А вы — все, что есть драгоценного у меня в мире. К сим трем неделям прибавьте еще месяц, что я в дороге провел, и посудите сами о моем беспокойстве, почтенная тетушка. Верите ли, как мне грустно, особливо здесь, на краю света, и с людьми незнакомыми, с которыми ни о себе, ни о Вас говорить не могу. Бога ради, напишите ко мне хоть одно слово, здоровы ли вы, здоров ли братец, и где он? Я полагаю, в Париже, и вот к нему письмо: я дал слово писать к нему из Каменца и хочу сдержать его. Долго ли я здесь останусь? и зачем я здесь? Не знаю. Генерал мне сам предлагал ехать, куда хочу, и даст бумагу для прожития в Москве или в Петербурге. Ни на что не решусь, и право, не знаю, на что решиться, тем более что я ответа еще не имею от Алексея Николаевича. Он, верно, забыл меня наравне с прочими. Напомните ему, милая тетушка. О Гнедиче ни слова, я полагал, что если не сердце, то по крайней мере рассудок может шепнуть ему на ухо: не оскорблять друзей своим молчанием. Но Бог с ними со всеми! Останетесь Вы, моя добрая, почтенная из всех женщин на свете. Любите меня и не забывайте. Право, я достоин вашей снисходительной дружбы; я ее умею ценить и, что еще лучше, чувствовать вполне. Сашеньку обнимаю и Николая Ивановича от всего сердца.

Константин.

205. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

1 августа 1815. Каменец-Подольский

Нет от тебя ни строки, милый друг, и я не могу постигнуть твоего упорного молчания. Получил ли ты письма от сестры? Отослал ли их в Каменец? И, наконец, сам здоров ли? Вот вопросы, которые я сам себе делаю и, наконец, тебе. Я с приезда моего сюда ни строчки не имел от сестры, и это меня сокрушает. Оставил ее больную и в огорчении от моего отъезда. Этого мало. Из Петербурга ко мне не пишут, все меня забыли и ты забыл меня... Это, право, нехорошо. Левушка здесь был и скрылся. С его отъезда я лежал все в постели, болел лихорадкою, и не на шутку. Скучное одиночество без друзей, без надежд и без общества. Левушке я отдал мой стишок. Вот все мое сокровище. Ты имеешь на него право. Возьми этот экземпляр, ибо он будет тебе напоминать о Батюшкове в почтовые дни. Но ничего не отдавай печатать без моего позволения. Я не хочу более уведомлять публику, что я в такой-то день был весел, пил с тобою, или влюблялся, или ужинал, или не спал ночью. Полно ребячиться, милый друг. Но мое маранье будет иметь цену для друзей, а потому и для тебя, а ты занимаешь первое место в моем сердце. Судьба когда-нибудь сведет нас, может быть, зимою. Так надеюсь, по крайней мере. Если еще могу надеяться. Извини, что пишу мало, но ты пиши ко мне пространно и скажи решительно, будешь ли в Москве, застану ли тебя и могу ли надеяться отдохнуть с тобою и при тебе. Прости, будь счастлив, вот мое желание, и не забывай меня, вот мое право. Весь твой

К. Б

Левушку обнимаю от всей души. Скажи ему, что я осиротел без него.

206. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<11 августа 1815. Каменец-Подольский>

Нашим письмам одна участь: твои ко мне, а мои к тебе не доходят, милый друг. Я писал к тебе несколько раз, к тебе и к батюшке, но почему ты не получаешь писем, не понимаю. Я, слава Богу, здоров, сколько могу

быть здоров, спокоен и ожидаю осени, потом зимы, а там весны. День за день проходит. Но я часто о тебе думаю, милый и любезный друг; в этом будь уверена. Твое письмо — короткое: не говорит мне, что ты делаешь, строишь ли дом? Пиши обо всем: все это меня занимает. Проекты Даниловского и здесь меня огорчают. Молю бога, чтобы он не отнял руки своей; часто молю со слезами. Нам остается молчать и терпеть. Но что делают сестры? Здоровы ли они? Как вы поживаете? Я вам делаю вопросы, на которые я сам себе отвечать не могу. Что я делаю, например? Читаю, хожу, сплю, обедаю, и все тут. Но здесь убиваю последние искры моего честолюбия мирского. Генерал меня любит: он — честнейший человек. Общества здесь никакого, кроме офицеров, незнакомых лиц. Прости, обнимаю тебя от всей души. Пиши почаще и прости мне, милый друг, что я пишу слишком коротко. В двух словах я тебе скажу много: что я люблю тебя, как душу. Сто раз целую руку твою. Прости, до первой почты. *Конст.*

207. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

Августа 11. Каменец. 1815

Вчерашняя почта была счастлива для меня. Я получил ваши письма от 16-го и 15-го июня, письмо от сестрицы и наконец от Гнедича. Все, слава Богу, здоровы, и мое беспокойство исчезло. Но никогда в жизни моей я столько не страшился, не мучился в безвестности. С лишком два месяца прошли, что ни от Вас, почтенная и милая тетушка, ни от сестриц не было писем. Два месяца, два века. Я хотел даже послать нарочного в деревню. Генерал предложил мне на то унтер-офицера. К счастию, эта почта привезла мне приятнейшие известия и избавила меня от убытка. Теперь я спокоен. Весел ли? Это не Ваше дело, а мое. Сто раз целую ручки Ваши, милая тетушка, за известие о Никите. Он, конечно, в Париже вне опасностей и наслаждается плодами искусства. Вы сами желали, чтобы он увидел этот Город; вот случай прекрасный, увидеть его во время пребывания Государя и быть при нем. Такие мысли могут отчасти облегчить Ваше беспокойство, а надежда на Промысел, который видимым образом покровительствует слабым и невинным от мала до велика, лучшею опорою вашею.

Немало я беспокоился и за Никиту. Вы себе представить не можете, как я его люблю и уважаю. Конечно, сбудутся мои надежды: из него будет человек, достойный своих родителей. В таких людях имеет нужду общество. С радостию я воображаю минуту Вашего свидания и желал бы ускорить ее ценою моей жизни, которая только Вами и дышит. Новые советы Ваши и заботы о печальном странствователе меня тронули до слез. Я недостоин их, и еще бы более был недостоин, если б убедился вашею снисходительною логикою. Вы меня критикуете жестоко и везде видите противуречия. Виноват ли я, если мой Рассудок воюет с моим Сердцем? Но дело о рассудке: я прав совершенно. Ни отсутствие, ни время меня не изменили. Если Всевышний не отнимет от меня руки своей, то я все буду мыслить по-старому, и не пожертвую никем для собственных выгод, и остаюсь при старом моем письме. Если Михайло Никитич любил меня, как ребенка, если он поручал меня вам, то он же не требует ли от меня еще строже пожертвований, нет, не пожертвований, но исполнения моего долга, во всей силе! Шестью тысячами жить невозможно в столице. Если бы и возможно было, то я не могу и <не> должен огорчить батюшку и навлечь на себя его гнев. Я знаю, что он будет противиться моему намерению. Но и это в сторону: важнейшее препятствие в том, что я не должен жертвовать тем, что мне всего дороже. Я не стою ее, не могу сделать ее счастливою с моим характером и с маленьким состоянием. Это такая истина, которую ни вы, ни что на свете не победит, конечно. Все обстоятельства против меня. Я должен покориться без роптания воле Святой Бога, которая меня испытует. Не любить я не в силах. И последние строки Ваши меня огорчили. Это путешествие мне не нравится, милая тетушка. Я желал бы видеть или знать, что она в Петербурге, с добрыми людьми и близко Вас. Простите мне мою суетную горесть. С Вами, единственная женщина на свете, с вами только я чистосердечен, но и вам я боюсь открыть мое сердце. Право, очень грустно! Жить без надежды еще можно, но видеть кругом себя одни слезы, видеть, что все милое и драгоценное сердцу страдает, это — жестокое мучение, которое и Вы испытывали: вы любили! Я должен бы отвечать с некоторым порядком на Ваше письмо, но лучший ответ — мое первое, которое я писал из деревни. Теперь скажу только то, что вы сами знаете, что не иметь отвращения и любить — большая разница. Кто любит, тот

горд. Что касается до службы, до выгод ее, то Бог с ними и с ней! Для чего я буду теперь искать чинов, которых я не уважаю, и денег, которые меня не сделают счастливым? А искать чины и деньги для жены, которую любишь? Начать жить под одною кровлею в нищете, без надежды?.. Нет, не соглашусь на это, и согласился бы, если бы я только на себе основал мои наслаждения! Жертвовать собою позволено, жертвовать другими могут одни злые сердца. Оставим это на произвол судьбы. Жизнь не вечность, к счастию нашему: и терпению есть конец. Не знаю, будет ли конец моей разлуке с Вами. Я чувствую нужду быть при Вас и иногда отдал бы все, что имею, за несколько минут, за несколько слов Ваших. Вовсе не знаю, что со мною будет. Ни одного плана в голове; живу день за день и говорю себе: я делаю, что должно. Если это не утешает, то поддерживает, по крайней мере. Меня здесь ничто не удерживает: могу ехать, куда хочу, и остаюсь на месте. Так целые дни проходят, без книг, без общества. У вас иначе: теперь Сашенька занимает вас и мысль о Никите. Радуюсь, что вы на даче, что Жуковский возьмется кончить начатое дело, и благодарю вас за «Эмилиевы письма». Мне больше не надобно экземпляров: и те книги, которые с собою имею, мне в тягость. Занимают много места, и я читаю редко; все перечитал, что было со мною, а здесь ничего нельзя сыскать — кроме календаря. Я познакомился с губернатором, г<рафом> С<ен> Приестом: он человек учтивый и добрый, как мне кажется. У него есть и книги — постараюсь воспользоваться. Рассеяния никакого! Мы живем в крепости, окружены горами и жидами. Вот шесть недель, что я здесь, а ни одного слова ни с одной женщиной не говорил, вы можете посудить, какое общество в Каменце. Кроме советников с женами и с детьми, кроме должностных людей и стряпчих, двух или трех гарнизонных полковников, безмолвных офицеров и целой толпы жидов,— ни души. Есть театр; посудите, каков он должен быть: когда идет дождь, то зрители вынимают зонтики. Ветер свищет во всех углах и с прекрасным пеньем актрис и скрыпкою оркестра производит гармонию особенного рода. Все играют трагедии dans le grand style [1], редко оперы. Вот Вам Каменец, в котором я сижу и думаю о Вас, милая и любезная тетушка. Все мои радости и удовольствия в воспоминании. Настоящее скучно, будущее богу известно, а протекшее наше. Простите, любите меня хотя немного. Сашень-

ку обнимаю от всей души. К Николаю Ивановичу писать буду. Бога ради, напомните Алексею Николаевичу обо мне. Я желал бы решиться на что-нибудь и решусь, конечно, в сентябре, не дождавшись перевода в гвардию, которое награждение я оставлю для получения моим внукам, если буду иметь. Я исполнил мой долг во всей силе слова, теперь имею право выбирать, что хочу: итак, отставку. Простите еще раз, целую ручки ваши.

Константин.

---

[1] в высоком стиле *(фр.)*.

208. Н. И. ГНЕДИЧУ

11 августа 1815. Каменец-Подольский

Наконец, после трех месяцев молчания, от тебя письмо! Странный человек! Если бы я тебя не столько любил, то могло ли бы твое злое молчание меня тронуть? Я не знаю ни прозаической, ни поэтической дружбы; я знаю просто любить, вот все, что я знаю. Напрасны твои загадки и извинения. Собственное твое сердце, если ты его не вовсе истаскал на обедах у обер-секретарей и у откупщиков, твое сердце тебя должно мучить. Пусть оно говорит. Я ни слова. Я слишком сердит на тебя; любить тебя перестать не в силах.

Благодарю за исполнение поручения по ломбарду. Откуда были препятствия самому простейшему делу? Благодарю Греча. Пусть он печатает мою сказку, но внизу поставит N. N. Перечитай ее сперва с Жуковским, и поправьте, бога ради, что хотите. У меня иное в голове — путешествие в Крым, если будет возможность, силы и деньги. Кстати о деньгах. Я оставил их в деревне, откуда вышлют к тебе. Отдай Гагарину. И ныне еще пишу об этом. Бог знает, виноват ли я в этом замедлении. Из 463 отдай 200 моему портному или 250, в зачет долгу — бога ради, отдай: не хочу, чтоб этот немец на меня гневался,— и 63 сапожнику; останется 40 долгу, пусть он ждет. Он большой мерзавец, между нами будь сказано. Останется у тебя 100. Возьми у Блудова список моих стихов (мой затерян); вели его списать и заплати 25 копиисту. Этот список оставь у себя на память. 75 р. остальные отнеси от меня Роспини.

Я ему что-то должен за книги, которые у меня пропали. Вот и все тут. Исполни это, милый друг, а когда мой гнев исчезнет, то я буду писать более. Не могу притворяться, я все на тебя сердит. Глинке — мой усердный поклон. Я его Письма прочитал с несказанным удовольствием. Много ума, много воображения, слог живой, оригинальный. Пожелаем ему более вкуса и менее охоты декламировать против богатства и французов: фамильный грех! Не замедли прислать мне и его «Путешествие»; оно стоит безделку. Прости, весь твой *Константин Б.*

Дашкова я просил прислать библию Италианскую. Он забыл или не получил моего письма. Я по горло в италианском языке.

Счет 463.

Портному — 250.

Роспини — 75.

За переписку моих бессмертных стихов — 25.

Сапожнику, который обувал бессмертного стихотворца — 63.

Еще 50 рублей отдай сапожнику, с тем чтобы он мне сшил и прислал в Каменец большие форменные сапоги, самые модные. У него мерка.

Итого 463.

Пришли мне Глинкино Путешествие и еще что есть у вас нового. Бога ради, пришли; я за то дал комиссию купить полпуда турецкого табаку и доставлю с первой оказией, если мой гнев пройдет.

209. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

14 августа <1815 г.> Каменец-Подольский

Я писал к тебе с прошедшею почтою, любезный друг, теперь генерал сказал мне, что отправляется курьер в Москву, дал мне перо и лист бумаги и должен написать к тебе несколько строк.

По отпуске сего письма я, слава богу, здоров, но все очень беспокоюсь, нет ответа ни от тебя, ни от кого; все добрые люди забыли меня, но я о себе напомню и удивлю когда-нибудь нечаянным приездом в Москву, где, может быть, проведу несколько зимних месяцев, вот мое желание. Но мои желания развевает ветер по берегам

благовонным реки забвения. Никак не сбудутся. Пиши ко мне, милый друг. Заклинаю тебя всем. Поклонись Пушкину, вечно юному, и всем, и всем, кто еще помнит о

Батюшкове.

210. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Августа, числа не знаю <1815.> Каменец-Подольский

Благодарю тебя, милый друг, за несколько строк твоих из Петербурга и за твои советы из Москвы и Петербурга. Дружба твоя — для меня сокровище, особливо с некоторых пор. Я не сливаю поэта с другом. Ты будешь совершенный поэт, если твои дарования возвысятся до степени души твоей, доброй и прекрасной, и которая блистает в твоих стихах: вот почему я их перечитываю всегда с новым и живым удовольствием, даже и теперь, когда поэзия утратила для меня всю прелесть. Радуюсь душевно, что вздумал издавать свои сочинения: ты обогатишь Парнас и друзей. Ты много испытал, как я слышу и вижу из твоих писем, но все еще любишь славу, и люби ее! И мне советуешь броситься в море Поэзии!.. Я уверен, что ты говоришь от сердца, и вот почему скажу тебе, милый друг, что обстоятельства и несколько лет огорчений потушили во мне страсть и жажду стихов. Может быть, придут счастливейшие времена; тогда я буду писать, а в ожидании их читать твои прелестные стихи, читать, и перечитывать, и твердить их наизусть. Теперь я по горло в прозе. Воображение побледнело, но не сердце, к счастию, и я этому радуюсь. Оно еще способнее, нежели прежде, любить друзей и чувствовать все великое, изящное. Страдания его не убьют, милый друг, а надежда быть тебя достойным даст ему силу. Вот все, что я скажу о себе. Когданибудь, в сладостных поверениях дружбы, в тихом углу твоем (в Москве или Петербурге, где случится), ты узнаешь более. Но когда же будет это свидание дружбы! Тусклая надежда! Кстати о прозе напечатанной: Костогоров показывал мне программу издания прозы Воейкова. Профессор дерптский, за неимением лучшего, вписал мои безделки, безделки по совести, и которые не стоят быть помещены в издании его, под громким титулом: «Образцовых сочинений»!!! Я их перечитал и в этом уве-

рился. Но если он заупрямится их оставить, то напиши ко мне, что ты хочешь напечатать в прозе: я пришлю исправленные списки, и особенно «Финляндии». Все сделаю, что могу, в угоду великолепному дерптскому профессору, который ни в каком месте не забывает своих друзей. Поблагодари его за приятное воспоминание о Батюшкове и спроси, как я хохотал в Москве, читая: «Сердце наше — кладезь мрачный», и наконец: «Крокодил на дне лежит». Скажи ему, что я... на Парнасе с ним рассчитаюсь, но люблю его по-прежнему и не за что сердиться! Есть за что сердиться на Дашкова, который не довольно уважал меня и потому не показал мне эту шутку. Теперь о деле. Кончи Муравьева издание и покажи мне часть стихов. Я желал бы, чтобы напечатали только достойное Михаила Никитича и издателя. И есть что! Но это золото не для нашей публики: она еще слишком молода и не может чувствовать всю прелесть красноречия и прекрасной души. Упрямое молчание об этих книгах наших журналистов не делает чести ни вкусу их, ни уму; я прибавлю: ниже́ сердцу, ибо все были обязаны менее или более покойному Муравьеву, который не имеет нужды в их похвале. После Муравьева говорить о себе позволено с другом. Я желал бы, чтобы Жуковский заглянул в список моих стихов у Блудова и с ним заметил то, что стоит печатания, и то, что предать огню-истребителю. У меня Брутово сердце для стихотворных детей моих: или слава, или смерть! Ты смеешься, милый друг? Но прости этому припадку честолюбия и согласись заметить кое-что, и притом скажи мне, как думаешь о моей повести: «Странствователь и Домосед», которую у меня Мерзляков подцепил в Москве, напечатал, не дождавшись моих поправок, и предал забвению с рифмами Анакреона-Олина и Пиндара-Шатрова? Скажи хоть слово: писать ли мне сказки или не писать! Теперь я ничего не пишу, но вперед? Ожидая твоего разрешения, обнимаю тебя, и Тургенева, и Блудова, которые меня забыли. Я их не забуду, вопреки им, особливо последнего. Весь твой окаменелый житель Каменца.

<Приписка Герке>: Si vous vous ressouvenez d'une de vos anciennes connaissances Goerké, il saisit ce moment pour se rappeler à votre souvenir. Vous voyez, que pour faire parvenir son hommage à un éléve d'Apollon, il a assez de modestie pour se mettre sous les auspices d'un de ses dignes confrères. Adieu! [1]

<Приписка Батюшкова>: Видишь ли, как пишут у нас в Каменце? Право, хоть куда!

<Приписка Герке>: Le seigneur de Батюшков a un accès de misanthropie [2]: чтоб всем было известно. Если увидите Александра Ивановича Тургенева, то прошу засвидетельствовать ему мое почтение и сказать ему, что как я вместе живу с Константином Николаевичем, то нельзя, чтоб я не сделался пиитом и оратором.

<Приписка Батюшкова>: NB. Оратор — от слова *орать, кричать* (смотри 367 стр. Словаря Росс. Академии).

---

[1] Если вы вспомните своего старинного знакомца Герке, он пользуется случаем возобновить в вас это воспоминание. Вы видите, что, дабы выразить почтение питомцу Аполлона, я имею скромность прибегнуть к покровительству одного из его достойных собратов. Прощайте! *(фр.)*

[2] Подвержен приступу мизантропии *(фр.)*.

211. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

<Вторая половина> августа 1815. Каменец

Беспокойствие ваше о Никите совершенно несправедливо, любезная тетушка (я отвечаю вам на письмо ваше от 14-го июля); нельзя исчислить всех случаев, которые могли помешать ему писать или тем, которым поручено письмо, отослать его. Смею надеяться, что грусть ваша рассеялась, что вы уже получили письма от брата. Но он сам грустит! Я так этому радуюсь. Он слишком благородно чувствует, чтобы не скучать в бездействии: это — первое, а второе — шум военный часто оставляет пустоту в сердце и в голове; дурное общество, для которого он не создан: это — не его стихия; тысячи мелких неудовольствий и, что всего хуже, праздность совершенная после величайших трудов, вот что причиняет его скуку. Всякий немного образованный человек испытал ее в армии. Заниматься ему науками невозможно: для этого нужен покой и тишина. Что же делать? Грустить о своей маменьке. Это очень натурально. А вы за то, милая тетушка, ведите себя благоразумно и сохраните для радостного свидания с добрым моим братом хоть искру здоровья, сего здоровья, которое и для него столько драгоценно. Вот все, что я могу сказать в утешение. Надеюсь, что первый курьер будет красноречивее моего

и утешит вас совершенно. Теперь бури военные миновались. Фемистокл-Наполеон превратился в Филоктета-Наполеона и окончит дни свои далеко от наших европейских столиц. Пора желать мира и спокойствия и возвращения милого брата. Был ли он в Париже? Ничего не пишет, и я ему этого не прощу.

Теперь и у меня до вас просьба, любезная тетушка. Я писал к Оленину, писал к вам о переводе в гвардию: ни слова на это. Дело в том теперь, что я не буду ожидать сей великой милости и оставлю службу, которая, как мне кажется, без меня обойдется. Целый год я потерял в ожидании, и более года. Это ожидание стоило мне тысяч пять денег, лихорадки и тысячи четыре верст, которые я проскакал по-пустому. Не утешусь никогда и вперед не стану слушать советов: сердце предчувствовало, что я делаю глупость. Теперь последний исполню долг и пишу к Раевскому. Кажется, письмо довольно учтиво и довольно сильно. Прочитав его и запечатав и не говоря ни слова никому, прикажите его отослать к жене его, если она в Петербурге, и отдать от моего имени; если ее там нет, то через князя Лобанова послать туда, где Раевский находится. Желательно, чтобы это письмо было отдано ему верною рукою. Вот в чем моя просьба, любезная тетушка. Не понимаю, почему Алексей Николаевич мне ни слова не отвечает. Если самому нет времени, то он мог бы вас попросить. К несчастию, я узнаю по опыту, что у людей память в ушах: надобно кричать о себе беспрестанно, тогда только вспомнят. Этот год меня многому научил и много открыл. Горестная опытность и сладкая в одно и то же время! Я испытал, что вы меня любите, любезная, почтенная тетушка, и это одно награждает меня за столько и столько неприятностей.

Я все еще не имею от вас ни строки прямо из Петербурга, а вот два месяца, что я здесь. Все письма ваши пересланы сестрою. К ней пишу каждую почту, и каждую почту она жалуется, что нет писем; следственно, они не доходят. Теперь не спрашивайте, что я здесь делаю. Право, трудно и отвечать. Поутру занимаюсь бумагами, а ввечеру просиживаю у Сен-При, кроткого и любезного человека. Говорим о словесности, о том о сем. Вот и все тут. И ему, кажется, не очень весело. В Каменце, может быть, я еще проживу месяца три или четыре. Если говорить по совести, то я никуда не желаю. Не все ли места равны? И огорчения, которые я имел снова в

деревне, заставляют меня любить Каменец, в котором я трачу мою жизнь, молодость и убиваю последнюю искру честолюбия. Пусть все это останется между нами; перед вами я ничего скрывать не буду. Я желал бы сделаться достойным вашего снисхождения и дружества, которые я чувствую всем сердцем, всею душою. Сашеньку обнимаю сто раз. Николаю Ивановичу мое усерднейшее почтение, я к нему буду писать немедленно. Благодарю за письмо Жуковского: и к нему писать буду. Вам преданный *Константин Батюшков.*

212. Н. И. ГНЕДИЧУ

27 августа 1815 г. К<аменец>-П<одольский>

В гневе сердца моего посылаю тебе четверть пуда табаку. Кури его, и пусть совесть тебя мучит! Если будет курьер, то пришлю лучшего. И этот хорош, но не такой, как *султанский*! А мне пришли лучшего канастеру, самого лучшего, фунт. Хотел бы писать более, но некогда. Еду к генералу за делом. Прости и, бога ради, пиши. Два месяца, как не получал писем от тебя. Что я говорю! Более!

Конст. Бат.

213. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

29 сентября 1815. <Каменец-Подольский>

Последнее письмо твое, мой милый и любезный друг, меня обрадовало и опечалило. Болезнь Варечки прошла, но из письма я вижу, что она очень страдала. Благодарен от всего сердца Глазову, что он ей помог. Не смею давать советов, чтобы она себя берегла и ты также, мой милый друг и сестра. Береги свое здоровье или остатки его, бога ради, береги! О себе ничего сказать ни хорошего, ни худого не могу. С приезду, вот три месяца, что я здесь, я не имею писем из Петербурга и не могу себе растолковать молчания Гнедича и особенно тетушки. Что делать? Батюшкины письма все одинаковы. Нигде нет луча утешения, кроме Бога и твоей дружбы,

дружбы неизменной, испытанной. Именем ее прошу тебя писать ко мне каждую почту — это мое одно утешение в полном смысле этого слова. Обнимаю тебя и бедную Варечку; надеюсь, что она совсем здорова и утешит меня хоть строчкою своего письма. Прости и люби твоего *Конст.*

214. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

7 октября 1815. <Каменец-Подольский>

Письмо Ваше, любезная и почтенная тетушка, меня несказанно обрадовало. Вот ровно три месяца, что я здесь, и три месяца не имел от Вас ни одной строчки прямо из Петербурга. Можете себе вообразить мое мучение; в эти три месяца я испытал, сколько Вас люблю. Но теперь я спокоен насчет Вас, спокоен совершенно. Сию минуту узнал, что отправляется курьер из Канцелярии военного губернатора, который неделю пробудет в Петербурге, пишу с ним хотя несколько строк. В будущую субботу напишу пространнее. Известия, которые вы мне сообщаете о Никите, приятны моему сердцу и за них целую ручку Вашу. О себе скажу вам, что я, слава Богу, здоров, по-старому, разумеется, все таков же, каким вы меня знали в Петербурге: ни умнее, ни глупее. Вот Вам и ответ на последнее письмо ваше. Это для Вас не загадка. Но сколько я благодарен Вам за любовь Вашу, почтенная тетушка! Она меня примиряет с жизнью лучше, нежели безрассудный мой рассудок. Теперь скажу Вам только, что не знаю, скоро ли увижусь с Вами: моя судьба не во власти моей. Не знаю, на что решиться, и остаюсь в службе вовсе для меня невыгодной, далеко от Вас. Зачем? Так Богу угодно! Вот все, что я могу себе сказать утешительного. Если останусь в службе, то ни за что не приеду в Петербург, а проведу зиму в Москве и в деревне, а летом отправлюсь к водам с генералом. Но я каждый раз поморщусь, когда воображу себе эту перспективу. Скажите Гнедичу, что от него ни строчки не имел вот уже четыре месяца и его более беспокоить не буду. Но так как я писал к нему о деле, от которого зависит моя участь, отставка или продолжение службы, то из учтивости отвечать надобно. Сто раз целую ручку Вашу и прошу не забывать Вашего

Константина.

(Письмо вручит Вам чиновник, которого я имени не знаю.)

Пришлите хорошего чаю, любезная тетушка, здесь его не достанешь. Этот курьер его доставит.

215. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

12 октября 1815. <Каменец-Подольский>

Письмо твое, милый друг, обрадовало меня потому только, что милой Варечке легче. Слава богу, что это миновалось! Какое наказание в наших огорчениях страдать телесно. Да буди воля божия во всем! Проси милую сестру, чтобы она берегла себя, а я желал бы ей послать несколько красных дней, какие у нас теперь, и здоровья. Вот лучший для нее гостинец. Благодарю тебя за письма; но я их не все получаю. Теперь прошу немедленно велеть собрать оброк и переслать ко мне сюда; у меня ни гроша нет. О себе ничего утешительного сказать не могу. Другая просьба: проси и умоляй, чтобы продали Захарова. Скажи П<авлу> А<лексеевичу>, что его система осторожности мне обидна вовсе, что если я о чем-нибудь прошу, то от слова не откажусь; а я просил, чтобы продали с землею. Еще повторяю; мне этот негодяй — тягость совершенная, и долги требуют беспрестанно. Закладывать имения до весны я не буду: надобно платить в ломбард, а чем? Теперь на Гнедича я не надеюсь. Посуди сама: я с отъезду писал к нему более десяти раз о деле. Он отвечал на это одним письмом в двух словах; я его очень понимаю: ему тягость — малейшее исполнение, где нет выгоды. Бог с ним. Я ему ни слова отвечать не стану, а тебе говорю это потому единственно, чтобы не надеялась и ты на него в закладе имения или по другому какому-нибудь делу. Не измени мне, милый друг, люби меня; вот мое желание и мое единственное добро, которого я достоин истинно, ибо дружбу твою чувствую в сердце. От тетушки получил недавно письмо; она меня любит, и это меня утешает. Правду сказать, без тебя и тетушки, я не знаю, что со мною бы сделалось, милый друг. Поручаю тебя Всевышнему! Прости, весь твой *Конст.*

Прикажи старосте немедленно выслать деньги 1000 р. с Глуп<овского>, 625 с Меников и 150 со старосты М. за девиц, итого 1775. Мне крайняя нужда; ни гроша нет.

216. П. А. ШИПИЛОВУ

12 октября 1815. Каменец-Подольский

Благодарю тебя за письмо твое, любезный брат и друг. Я нимало не сержусь за молчание; знаю, что в наших горестных и хлопотливых обстоятельствах иногда и письмо бывает — бремя. Но еще раз прибегаю с просьбою о Захарове. Избавь меня от него и от долга, который лежит у меня на совести. Продай его с повытчиком, а землю назад, как водится. Что же касается до осторожности со мною, то она излишняя. Ты по опыту знаешь, что я не могу сделать тебе неудовольствия за твои услуги; я, кажется, с тех пор как владею имением, а ты им управляешь, заслужил твою доверенность. Притом же, если бы я и сделал глупость, то принужден бы был жаловаться на себя. Кто слишком осторожен, тот не осторожен. Заметь, что закладывать имение мне нельзя. Надобно будет перезаложить часть оного для заплаты снова в ломбард и об этом подумать. Не знаю, как сладим, и что ты расположишь и придумаешь? Что сделать мне, дабы избежать твоих огорчений, которые имели ныне с закладыванием, ибо взялись слишком поздно; к кому адресоваться в Петербург? Гнедич формально отказался, да и сам не хочу его беспокоить. Не лучше ли заложить в приказ Вологодской на сумму 3000, которую мне платить надобно будет в ломбард в мае 1816 года. Скажи что-нибудь решительно. Распоряди сам решительно. В таком отдалении переписка неверна и медленна, а тут дело идет не шуточное. Прости мне мою просьбу докучную. Ты мне ближайший родственник, и опытность доказала, милый друг, что я могу на тебя считать; в школе злополучий и огорчений, которые мы делили почти пополам, которые знаем одни только в семействе нашем, мы видим и чувствуем, что никто не может судить о наших обстоятельствах с малейшею справедливостию; но зато мы не изменим и дружбе. Я счастливым себя назову, если могу когда-либо оказать тебе малейшую услугу, а пока чувствую вполне твою дружбу.

В проезд мой через Москву я виделся с Дружининым, который тебя очень хвалил за то, что ты не взял подарка от Яков<а?>, ибо он не такой человек, у которого бы можно было взять. Притом же с такими людьми, каков Этот, надобно обходиться как можно осторожнее: его

нельзя уважать. Он по себе обо всех судит, и вот единственно почему оскорбиться нельзя его поступком.

При сем прилагаю приказ старосте о высылке мне денег. Бога ради, чтобы не замедлил и недоимок не было. Такой же послал к сестре, адресуя в Череповец, не знаю, который дойдет прежде. Прошу поцеловать за меня милую сестрицу Лизавету Николаевну, благодарю за письмо и отвечать буду на одной из будущих почт. Радуюсь душевно, что Вареньке легче; дай бог, чтобы она поправилась. Обнимаю милых твоих деточек и прошу их не заучить. Est modus in rebus [1]. Прости, будь здоров и помни твоего преданного брата и друга.

Конст<антин>.

О себе ничего сказать не могу, и не делай мне вопросов на мой счет. Que sais-je? [2]— вот и все! Но здесь очень не весело; я предвидел это издали. Вышли деньги, у меня ни гроша нет.

---

[1] Есть мера в вещах *(лат.)*.
[2] Что знаю я? *(фр.)*

217. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

4 ноября 1815. Каменец

Последнее письмо Ваше, почтенная тетушка, от 5 октября, я имел удовольствие получить и пропустил одну почту, не отвечая на оное, потому что имел нужду переговорить с генералом. Теперь я решился: говорил с ним и подаю просьбу в отставку, которую отправлю послезавтра. Надобно быть моим совершенным недоброжелателем, чтобы обвинить мой поступок. В ожидании перевода в гвардию я потерял два года в бездействии, в болезни и получил убыток. Теперь выйдет или не выйдет это представление — бог с ним! я исполнил долг мой, писал ко всем, кому мог. От Алексея Николаевича не имел ни строки с самого Петербурга. Я, кажется, не заслужил его молчания. Вы знаете, как я ему предан и как его уважаю, знаете, сколько ему обязан. Тем более имею право в душе оскорбляться его хладнокровием.

Писал к Вам с двумя курьерами, просил прислать мне деньги: если получили от Трубецкого, то вышлите их. Мой отъезд от этого отчасти задержан. Но пришлите их с почтою, а не отдавайте курьерам в руки, ибо они —

люди ненадежные. Ни под каким видом не отдавайте им.

Вот все, что я успел написать Вам, почтенная и добрая тетушка, ангел мой хранитель. Целую ручки Ваши и прошу любить Вашего

Константина.

218. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

11 ноября <1815 г.> Каменец-Подольский

Благодарю тебя, милый друг, за чай и за насмешливо-смешное послание. Если б я думал, что ты не в состоянии написать что-нибудь важнее *блестящих безделок*, то не давал бы тебе совету. Ограничить себя эпиграммами и Шутовским, тебе, с твоей душой и умом, все равно, что Ахиллесу палицей бить воробьев — и только! Но ты меня давно понял, а споришь для спору. Писать что-нибудь поважнее посланий и мадригалов не есть писать Плач Юнгов: от тебя зависит выбрать предмет тебя достойный. Поговорим об этом на досуге, а теперь о Шутовском. Я ничего не знал до твоего письма. Ни Дашков, ни Гнедич, ни Жуковск<ий> никто ко мне не пишет из Петербурга; и я думаю, это Заговор молчания. Но бог с ними. Из журнала я увидел, что Шах<овской> написал комедию и в ней напал на Жук<овского>. Это меня не удивило. Жуковский не дюжинный, и его без лаю не пропустят к славе. Озерова загрызли. Карамзина осыпали насмешками; он оградился терпением и Историей. Пушкин будет воевать до последней капли чернил; он обстрелян и выдержит. Я маленький Исоп посреди маститых кедров: прильну к земле, и буря мимо. И тебе, милый друг, не советую нападать на них эпиграммами. Они все прекрасны и на сей раз, сказать можно, что делают честь твоему сердцу, но, верь мне (я знаю поприще успехов Шутовского), верь мне, что лучшая на него эпиграмма и сатира есть — время. Он от него не отделается. Время сгложет его желчь, а имена Озерова и Жуковского и Карамзина останутся. Пусть его венчают, чем хотят и как хотят. Надобно знать людей, которые его хвалят, чтобы не уважать ни их, ни Шутовского. Невежество, глупость, зависть — его хвалители. Верь мне, Шутовской не дурак. Он бы позволил себя высечь, чтобы его похвалил Озеров, Карамзин и Жу-

ковский: я знаю его вдоль и поперек. Они не хвалят? Как же с ними жить? бранить. Они его не бранят; они презирают. Вот ему мучение. За столько и столько вялых стихов, комедий, трагедий, поэм и проч. С моей стороны ответом будет молчание и надежда что-нибудь написать хорошее. Если удастся, то я это все посвящу Шутовскому и товарищам. Они пробудили во мне спящее самолюбие. Не на эпиграммы, нет: на что-нибудь путное. Если Богу угодно будет дать мне досуг и здоровье, которых я лишен, то я буду трудиться для славы: по крайней мере стану ее иметь в виду. Крапивные венки оставим им. Радуюсь, что удален случайно от поприща успехов и страстей, и страшусь за Жуков⟨ского⟩. Это все его тронет: он не каменный. Даже излишнее усердие друзей может быть вредно. Опасаюсь этого. Заклинай его именем его Гения переносить равнодушно насмешки и хлопанье и быть совершенно выше своих современников. Le Nil a vu sur ses rivages [1]. Вот что ему повторять надобно. Он печатает свои стихи. Радуюсь этому и не радуюсь. Лучше бы подождать, исправить, кое-что выкинуть: у него много лишнего. Радуюсь: прекрасные стихи лучший ответ Митрофану Шутовскому.

Я подал прошение в отставку и надеюсь быть в Москве по первому пути; ожидаю денег и сижу без гроша. Здесь очень скучно, и я теперь совершенно празден. Заняться не могу. Сердце мое не здесь, а где сердце, там и умишка. Желаю его успокоить при тебе: дружество и сие сердечное излияние есть нужда, потребность, *вожделеннейшее желание*. Если не умру от скуки, то увижусь с тобою. Обнимаю Левушку, которому советую выучить наизусть «Похвальное слово любви к отечеству» старика, Буниной «Фаетонта», стихи Олина-Анакреонта, Львова «Храм Славы», наконец, «Шубы» Шаховского и несколько стихов из «Деборры́»: более не вынесет, хотя крепка его натура. Я видел опыты, что подобное воспитание образовало молодых людей и открывало им путь в подмастерья в Беседу и далее. Вот мой совет: но я вопию в пустыне. Простите, обнимаю вас от всей души, ото всего сердца; этого сказать Шутовской не может друзьям своим et pour cause [2]. Еще раз до свидания.

К. Бат<юшков>.

---

[1] Нил видел на своих берегах *(фр.)*.
[2] и поделом *(фр.)*.

219. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

19 ноября <1815. Каменец-Подольский>

Письмо твое от 16-го сентября я получил сегодня, следственно, оно было в дороге более месяца. Посуди по этому, в каком мы расстоянии находимся. Благодарю тебя за все, что пишешь ко мне; я буду стараться сделаться достойным твоего дружества, которое, конечно, одно верное: данное Богом и рождением. Я испытал суетность прочего. Писал к тебе недавно, милый друг, чтобы ты прислала мне оброк; получа его, отправлюсь в Москву в генваре, ибо здесь первый путь становится поздно. Между тем (но это еще пусть останется между нами) я намерен выйти в отставку. Сама посуди, что мне за выгода, служа в моем чине, убивать и время и здоровье понапрасну. Долг я мой исполнил. Вот и конец года, самого труднейшего в жизни моей, и ты знаешь, милый друг, по какой причине. Хочется отдохнуть немного в Москве и на весну, если Бог даст, приехать к тебе со свежею головою. Я мог бы остаться в службе и пользоваться отпуском, но на это, может быть, не решусь, тем более и тебе это известно, что могут опять случиться непредвидимые поездки. Но если и выйду в отставку, то не осуждай меня: верь мне, что я во всю бытность в службе исполнял мой долг, а служил примерно несчастливо. Хочется хоть год пожить на свободе и поустроить мои дела. Но что я говорю? Они, право, заколдованы, и ты сама знаешь как. Но как бы то ни было, надобно подумать о долге в ломбард. Напомни Павлу Алексеевичу о Василье; я с моей стороны пишу об этом в последний раз: мне наскучило и другим скучать.

Но поговорим еще о моих намерениях. Если позволят обстоятельства, не смею считать на судьбу, то я поселюсь в Москве или по крайней мере буду стараться иметь там прибежище. В Петербург меня ничто не манит, кроме тетушки. От службы, право, готов отказаться и ото всех видов честолюбия — не из глупой философии, но потому, что не вижу в ней счастия, ни утешения для будущего времени. Здесь, и верь моему слову, делать нечего, à moins d'être obligé de servir [1], тем более нечего, что Генерал мой и сам по весне едет в отпуск к водам за границу, куда мне, право, ехать не весьма хочется.

Вяземский пишет ко мне; он приготовил мне комнаты; я воспользуюсь его приглашением и гостеприимством месяца на три, то есть до весны; он один из добрых приятелей, которые еще имеют память; право, на других я считать не должен и с горестию в этом тебе признаюсь. Очень должен я подумать о делах моих. Тетушку обременить не смею. Чем ей я не обязан? Всем на свете! Но к кому же прибегнуть в закладе? Гнедич решительно отказался; чувствую, что обременить когонибудь другого будет или неучтиво, или неосторожно; родственников для помощи в подобном случае нет, и бог с ними! Вот мое положение, и если я не приеду и что-нибудь случится, то и не дай Бог! Впрочем, на сердце у меня и положение, горестное и почти неизлечимое, в котором находится батюшка. Вижу одни тучи огорчений для будущего и ни с которой стороны утешения. Нет, милый друг, не мучения моего сердца, от которого, благодаря Бога, еще никто не терпел, а наше горестное положение — причина моей печали, и которая имеет сильное влияние и на здоровье. Со всех сторон огорчения, а более всех забота о судьбе Варечки. Боже мой, если бы я мог быть ей полезен хоть чем-нибудь, если бы Господь услышал мою молитву о перемене ее участи, но к лучшему, разумеется! Но время еще не ушло. Впрочем, то, что у вас судьбою называется, весьма нерассудительно. Ветер не заносит женихов; это известно с давнего времени: надобно самим сделать половину дороги. Как бы то ни было, переменятся когда-нибудь дела Лизаветы Николаевны, которая, кажется мне, довольно натерпелась со всех сторон, и тогда может Варечка ожидать лучшей участи; я с моей стороны ни в каком случае не могу быть полезен, и ты знаешь это, милый друг. Напрасно было бы считать на меня. Вот что я повторяю батюшке и что ты ему говорить должна: он думает, что все от меня зависит, но он, конечно, забывает, что я почти ничего не имею излишнего, и если оным малым пожертвую, то при болезнях и слабом моем здоровье могу умереть с голоду. Всего меня более сокрушает мое здоровье, которое жестоким образом расстроилось, особливо в начале этого года. Лихорадка прошла, но зато меня ослабила видимым образом и оставила следы печальные. Чувствую, что без Путешествия на воды не обойдуся, но это также почти невозможно с моими *обстоятельствами*. Это ненавистное слово желал бы вычеркнуть из нашего семейства! Если бы я только думал о минутном моем

благе, то мог бы, хотя и скучновато, но довольно спокойно провести зиму здесь, а весною отправиться с генералом, но, право, эта жизнь мне так надоела, что я, и не думай, чтобы это была выдумка или пустое слово, готов умереть с тоски здесь, в стороне далекой, без друга и надежды.

Вот и все, что имею сказать о себе, милый друг, на этот раз. Я, как совершенный эгоист, говорю только о себе, но тебя не забыл и радуюсь душевно, что ты здорова. Не верю, чтобы мои советы тебе были к чему-нибудь пригодны, зная твой характер; но вижу из письма твоего, что ты немного покойнее духом, и этому рад сердечно. Дай бог, чтобы ты окончила дом. Если будут лишние деньги, то пришлю тебе диван. Но когда будем жить вместе в этом доме? Грустно и помыслить, что все наши надежды в этом мире разрушаются; видно, есть лучше этого жилище. Что до меня касается, милый друг, то я ничего хорошего, ни слишком худого для себя не предвижу: все тот же, что был, и ничто ни во мне, ни кругом меня не переменилось. Время все уносит; я это знаю; но не унесет моей к тебе сердечной привязанности и любви, которой я желал бы сделаться достойным. Вижу и чувствую, что ты меня во сто раз лучше и добрее и потому-то более способна любить. Я ни к чему не гожусь, но таков, как есть, поручаю себя в твою дружбу. *К.*

Посылаю тебе волоса. Я сам заказал бы кольцо, но теперь беден, как нищий. Волосы мне ничего не стоят. Это замечание, достойное вашего вечного старика.

Пришли деньги. Я полагаю, что они уже собраны, и считаю каждый день. Поцелуй за меня сестриц.

---

[1] разве что по долгу службы (*фр.*).

220. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

19 ноября 1815. <Каменец-Подольский>

Любезная тетушка, пользуюсь отъезжающим курьером и спешу прибегнуть к вам с усердною просьбою, чтобы вы изволили послать к Трубецкому за деньгами, если он их вручит Вам немедленно, то отправьте их ко мне, я очень нуждаюсь, если будет обещать отдать их, то в ожидании ссудите меня тысячью рублями, которые или получите с него, или я велю вам прислать из дерев-

ни к Новому году. Я долго ожидал ответа на мои письма к Гнедичу и не мог дождаться, просил его уведомить меня, вышло ли представление в Гвардию, но до сих пор, кроме нескольких строк, ничего не значащих, в ответ ничего не получил. Впрочем, выйдет или нет это представление, моя судьба не переменится, и я намерен выйти в отставку, тем более спешу сделать сие, что только сроку осталось два месяца для подачи прошения, то есть до Нового года. Оставаться в службе при моем здоровье, которое расстроено, и с моим счастием было бы совершенная глупость. Я исполнил мой долг в полной силе слова, теперь хочу быть свободен. Генерал так меня любит, что не сделает затруднений и будет писать к министру. Вот на что я решился. Дождусь здесь первого пути, который не ранее как через месяц будет, и поеду в деревню. Я писал туда о присылке мне денег, но туда письма ходят часто в одну сторону по два месяца, и для ответа надобно четыре без малого. Вот для чего еще раз обращаюсь к вам с просьбою прислать мне денег, нужных для моего отъезда. Отсюда я поеду через Москву. Сто раз целую ваши ручки, обнимаю милого братца и прошу любить вашего *Константина*, который никого, кроме вас <верного?>, не имеет.

Этот курьер вручит вам письмо в две недели (так полагаю). Отвечайте, милая тетушка, немедленно, я считать буду минуты. Прикажите дать что-нибудь на водку курьеру. Я ему обещал, если отдаст верно.

221. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

<10 декабря 1815. Каменец-Подольский>

Последнее письмо Ваше, любезная тетушка, было от 5-го октября, а ныне 10 декабря; в течение сих двух месяцев я ни строчки от Вас не получал. Если беспокоюсь, то это весьма натурально, и уверяю вас, что очень беспокоюсь. Здоровы ли? Здоров ли Сашенька? Зачем Николай Иванович мне не пишет ни слова; а я просил и умолял его, чтоб он уведомлял о вас, милая тетушка. Здесь был проездом флигель-адъютант Киселев, который видел Никиту в Берлине и сказывал мне, что он здоров и сбирается в Петербург. Это меня успокоило и обрадовало на его счет и за Вас. Может быть, его приезд помешал вам писать; желаю от всего сердца

и даже смею надеяться. О себе Вам скажу в коротких словах, что я подал просьбу в отставку и писал еще раз к А<лексею> Н<иколаевичу>, который меня вовсе забыл. Ожидаю на днях денег из деревни и поеду в Москву, где я пробуду месяца полтора, а оттуда в деревню на весну. Служить я вовсе не в состоянии: мое здоровье так расстроилось, что я с трудом его поправлю, а в службе никогда. Бахметев писал о моей отставке к министру; справьтесь, милая тетушка, что сделали с моей бумагою: К<нязь> Лобанов, конечно, вас уведомит. Я писал к Вам о присылке мне денег Трубецкого, но, видно, он не отдал. Теперь и нужды нет; я дождусь денег из деревни. Но дождусь ли я когда-нибудь письма от Вас и буду ли покоен на Ваш счет? Кончу мое письмо поздравлением с Вашими именинами, которые я провел довольно грустно, беспрестанно думая о Вас. Здесь были балы и танцы в этот день, и я так простудился, что шесть дней просидел дома без книг и без общества; вы можете посудить, каково мне было. Сто раз целую ленивую ручку Вашу и прошу не забывать Вашего

Константина.

Кстати, из газет вижу, что Раевский в Петербурге. Узнайте, бога ради, получил ли он мое письмо, и если Сережа в Петербурге, то попросите его, чтоб он напомнил обо мне Раевскому. Я знаю Сережу: он это, верно, сделает с удовольствием. Я теперь не прошу о переводе в гвардию, а желаю только, чтобы при отставке этого не позабыли. Впрочем, как богу угодно. Это затем, чтоб себя оправдать перед вами.

222. В. А. ЖУКОВСКОМУ

<Середина декабря 1815. Каменец-Подольский>

Благодарю тебя, милый друг, за письмо твое, унизанное столь мелкими буквами, что я с трудом его перечитываю. Верь мне, что по чувствам ты мне родной, если не по таланту, что я достоин сего сердечного излияния, сей откровенности, которая дышит в твоем письме. Во всем согласен с тобою насчет Поэзии. Мы смотрим на нее с надлежащей точки, о которой толпа и понятия не имеет. Большая часть людей принимают за Поэзию

рифмы, а не чувство, слова, а не образы. Бог с нею! Но, милый друг, если ты имеешь дарование небесное, то дорого заплатишь за него, и дороже еще, если не сделаешь того, что Карамзин; он избрал себе одно занятие, одно поприще, куда уходит от страстей и огорчений: тайная земля для профанов, истинное убежище для души чувствительной. Последуй его примеру. Ты имеешь талант редкий; избери же землю, достойную его, и приготовь для будущего новую пищу сердцу и уму, новую славу и новое сладострастие любимцам прекрасного. Что до меня касается, милый друг, то я готов бы отказаться вовсе от муз, если бы в них не находил еще некоторого утешения от душевной тоски. Четыре года шатаюсь по свету, живу один с собою, ибо с кем мне меняться чувствами? Ничего не желаю, кроме довольствия и спокойствия, но последнего не найду, конечно. Испытал множество огорчений и износил душу до времени. Что же тут остается для поэзии, милый друг? Весьма мало! Слабый луч того огня, который ты называешь в письме своем огнем Весталок; но мы его не потушим! Я подал просьбу в отставку: еду в Москву и пробуду там — долго ль, коротко ль, не знаю. Желаю с тобой увидеться на старых пепелищах, которые я люблю, как святыню. Кончи свои дела и приезжай туда. Гранитные берега Невы не должны удерживать тебя. Что же касается до твоих планов в Тавриду через Киев, если это не мечтание, а твердое намерение, то я желаю тебе успеха, но тебе сопутствовать не могу. Судьба велит иначе. «Как можно лгать?» — ты пишешь. Верю тебе и радуюсь, что Муравьева сочинения не затеряны. Нахожу твое намерение прекрасным и порядок материй; не поленись, милый друг, сделай маленькое предисловие, а мое письмо, если находишь его достойным, в конец книги. Советовал бы тебе посвятить все издание Государю или испросить позволение его напечатать; но это сделай от своего имени, переговоря с Катериной Федоровной. Для стихов я мог бы быть полезен: я поправляю или, лучше сказать, угадываю мысли М<ихаила> Н<икитича> довольно удачно. А в рукописи надобно многое переменить и лучше печатать одно хорошее, достойное его и тебя, нежели все без разбору. Несколько писем, неподражаемых памятников лучшего сердца и прекраснейшей души, которая когда-либо посещала эту грязь, которую мы называем землею, несколько писем не будут лишними. Все это для людей истинно образованных, не для черни читате-

лей. Сочинения Муравьева, конечно, могли бы сиять и во французской словесности: мы слишком молоды для такого рода чтения. Но со временем будет иначе. Пересмотри и мое маранье в жертву дружеству. Оно у Блудова переписано. Пересмотри с ним наедине и заметь, что надобно выбросить. Когда-нибудь (в лучшие дни!) я это напечатаю. Переправлять не буду, кроме глупостей, если найдутся. Я слишком много переправляю. Это мой порок или добродетель? Говорят, что дарование изобретает, ум поправляет: если это правда, то у меня более ума, нежели дарования, следственно, и писать не надобно. Кстати об уме. Что у вас за шум? До твоего письма я ничего не знал обстоятельно. Пушкин и Асмодей писали ко мне, что Аристофан написал «Липецкие воды» и тебя преобразил в Фиялкина. Пушкин говорит мне, что он вооружается эпиграммами. Прежде сего читал в «Сыне Отечества» «Письмо к Аристофану» и тотчас по слогу отгадал сочинителя. Вот все, что я знал. Теперь узнаю, что Аристофан вывел на сцену тебя и друзей, что у вас есть общество, и я пожалован в Ахиллесы. Горжусь названием, но Ахилл пребудет бездействен на чермных и черных кораблях: «в печали бо погиб и дух его, и крепость». Нет! Ахилл пришлет вам свои маранья в прозе, для издания, из Москвы. Вот им реестр: 1) Нечто о морали и религии. 2) Итал<иянские> стихотворцы: Ариост, Тасс и Петрарка. 3) Путешествие в Сире. 4) Воспоминания словесности и отрывок о Ломоносове. 5) Две аллегории. 6) Искательный, характер. 7) О лучших качествах сердца. Это все было намарано мною здесь от скуки, без книг и пособий; но, может быть, от того и мысли покажутся вам свежее. Пришлю все с удовольствием, но только марайте что не понравится. Костогоров показывал мне реестр книгам образцовым; в них поместил ты, опустошитель, мою «Финляндию» и «Похвальное слово сну»: не печатай их, покуда я не вышлю исправленные: у меня есть список, но я хочу перечитать это в Москве. Имени под прозою не подписывай: довольно с меня грехов стихословных.

Граф Сен-При, здешний губернатор, просил меня сделать надпись к портрету его брата, убитого во Франции. Вот она. Напечатай ее в стихах, если понравится. Этот герой достоин лучшей эпитафии. Истинный герой! Христианин, которого я знал и любил издавна!

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ГРАФА САН-ПРИЕСТА.

(Русский генерал-лейтенант.)

От родины его отторгнула судьбина,
Но Лилиям царей он всюду верен был
И в нашем стане воскресил
Баярда древний дух и славу (доблесть) Дюгесклина.

Или:

От родины его отторгнула судьбина,
Но древним Лилиям он всюду верен был
И в нашем стане воскресил
Баярда подвиги и доблесть Дюгесклина.

Как лучше? Спроси у Кассандры и у других имреков. Поклон Арзамасцам от старого гуся. Союзник нам — время: оно сгложет Аристофана с его драматургией. Не видал его «Вод», не знаю его «Абуфара»; но если они похожи на некоторые другие штучки родителя, то не о чем много хлопотать. До сих пор, кроме водевиля «Казака», я ничего хорошего не знаю, а написано много. Ожидаю еще поэму «Гаральд Храбрый» и нового облегчения комедиями, операми, опереттами, драмами, водевилями; все вместе прочитаю одним духом.— Что делает Беседа? Я люблю ее как душу, аки бы сам себя. Прости, милый друг, обнимаю тебя от всей души, от всего сердца и до свиданья в Москве. *К. Б.*

Вяземский-Асмодей уверил меня, что сказка моя никуда не годится. Кто прав, кто виноват? Хочу написать другую и пришлю вам, если обстоятельства будут повеселее. Я здесь чуть не умер с тоски и от лихорадки весьма продолжительной; хочу отравиться на Липецкие воды за бессмертием. Не думайте, чтоб это была шутка. Мой характер очень переменился: я сделался задумчив, безмолвен, тих до глупости и даже беспечен, чего со мною никогда не бывало: надобно лечиться.

Познакомься покороче с Муравьевым, с редким человеком: он живой портрет отца своего во многих отношениях, по сердцу и уму. Жаль, если его страсть к науке погаснет в службе: мы еще потеряем человека! Но это между нами.

223. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

17 декабря 1815. <Каменец-Подольский>

Три месяца я не имел известия от вас, милая тетушка, но последнее письмо Ваше меня утешило. Брат уже дома, и так нечаянно! Это лучшее, что вы мне могли сказать. Я знал от Киселева, что он отправляется курьером из Берлина, но боялся к Вам писать об этом, полагая, что брат еще не приехал или мог как-нибудь задержан быть дорогою. Благодарю Вас за обещание прислать деньги; я получил оброк из деревни и пока не прожил его здесь по-пустому. Спешу в Москву, где проживу несколько недель, и оттуда в деревню. В Петербург я не поеду по многим причинам; главная вам известна, но верьте, что не еду для *себя*, а не для *других*. Я даже поводу не подал негодовать на меня: это вы знаете совершенно, и совесть моя спокойна. Скажу более, милая тетушка: вы меня любите и от того ошибаетесь насчет многого, и особливо последнего параграфа письма Вашего. Я и прежнему не верил. Vous voulez que tout le monde aye pour Rodrigue les yeux de Chimène [1], то есть Ваши глаза. Желал бы верить, но не могу. Что же касается до маленьких неудовольствий некоторых людей, то я приписываю его чему-нибудь другому и могу сказать: без вины виноват! Горестно провел я этот год, но вынес бремя и скуки, и болезни, и всего, что вам известно. Бог дает и нетерпеливому терпение: вот вся моя надежда.— Писал к дядюшке и благодарил его за посещение Раевского. Теперь все поздно. Я подал прошение в отставку и если служить не буду, то чин для меня то же, что для вас самый большой праздник. Не могу даже приучиться желать чинов; это пусть останется между нами. Я честолюбив и суетен, но не по-людскому, к несчастию моему или к счастию. Вы за то меня и любите, милая моя тетушка, mon unique Chimène! [2]

От Олениных я не получил ответу на несколько писем и писать к ним более не буду. Je ne suis pas un garçon à me le faire dire deux fois [3]. Впрочем, я люблю их не для протекции, и это молчание более оскорбительно моему сердцу, нежели выгодам. Служил и буду служить, как умею; выслуживаться не стану по примеру прочих, но от службы меня вовсе отучили. Не спрашивайте меня, что буду делать в Москве и деревне. Сам не знаю, что? Но знаю, что делаю мой долг, и это меня

немного утешает. Впрочем, поручаю себя богу и вам. Целую ручки Ваши и кончу мое маранье, ибо вам теперь время дорого: лучше разделить его с милым братом, нежели читать то, что вы знаете. Целую ручки Ваши и остаюсь Вашим

Конст.

Благодарю вас за чай. Ваш оставляю у себя, а тот, что прислали из Москвы, оставляю больным женщинам. Сашу, милого Сашеньку целую сто раз. Если увидите Софью Астафьевну и дядюшку, то скажите им, что я очень обязан ему за его обо мне старание у Раевского и чувствую вполне его одолжение.

Еще просьба: отошлите это письмо к Медему: я пишу о деньгах. Адрес не знаю, но Матюша или Сережа вам скажут. Их обнимаю от всего сердца. Пошлите его сами через почту, надписав сами адрес и запечатав.

---

[1] Вы хотите, чтобы весь мир глядел на Родриго глазами Химены *(фр.)*.

[2] моя единственная Химена *(фр.)*.

[3] Я не мальчик, чтобы заставлять меня повторять дважды *(фр.)*.

224. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

23 декабря 1815. <Каменец-Подольский>

От 13-го и 22-го ноября два письма получил вдруг, милый друг, и спешу отвечать, потому что почта отходит. Начнем сперва о деле. Ты заботишься о закладе, и как не заботиться! Я писал об этом тому два месяца и слова не получил в ответ от Павла Алексеевича. Следственно, я не виноват, и если что случится, на душе не будет. Но теперь надобно еще подумать, помочь. Поезжай в Вологду для сего, бога ради, и переговори с Третьяковым, который, к несчастию, довольно бестолков. Спроси его: нельзя ли *заложить имение в приказ вологодский на год, в сумму 3000, для уплаты в ломбард? или не лучше ли прислать мне свидетельство для заклада в Москву*, где я находиться буду? — Всего лучше это кончить в Вологде. Попроси губернатора, а я пришлю из Москвы к Третьякову верющее письмо, и он возьмет свидетельство и заложит имение на 2600 или 3000 в

приказ вологодский, а ты деньги пошли просто к К<атерине> Ф<едоровне> для уплаты в ломбард. Но если вы будете делать переписки, советы и тому подобное, то я ничего не успею. Время летит, и я борюсь с беспрестанными затруднениями. В такой отдаленности что могу я делать! Что могу, когда ответа на письмо ни от кого, кроме тебя, добиться не могу.

Еще раз, милый друг, прошу тебя немедленно справиться в Вологде, что нам делать надлежит и к чему прибегнуть. Я слышу, что у вас губернатор хороший человек, то есть добрый и честный: переговори с ним и посоветуйся. Что до меня касается, милый друг, то я еду в Москву и останусь там месяца два, ибо генерал дал мне бумагу для поручения его в Москве оставаться, и я об этом пишу к батюшке. Ранее весны я не могу быть у Вас. Подал просьбу в отставку, но она не ранее как через несколько месяцев выйдет. Вот все, что я скажу о себе. Впрочем, все по-старому, все не очень приятно; но Бог поддерживает и твои молитвы, милый друг. Обними за меня сестер покрепче и прости. Из Москвы я писать буду, но до моего письма пиши ко мне. Вот адрес: в Чернышевом переулке, в доме Наумова, у к<нязя> Вяземского, Кон. Ник. Бат. Я остановлюсь у него или близ него, как случится.

Староста Мениковский не отдал мне денег за девку. Спроси его, хочет ли он отдать их или нет. Это от его зависит, но в другой раз я ему не поверю. Прилагаю у сего письма двух старост. За небытностию Павла Алексеевича, бога ради, реши сама, как хочешь, их требования и запросы.

Деньги за первую половину 1816 года по-нынешнему я полагаю собрать 2.500 со всех вотчин, чтобы все в год давали *пять тысяч*; то по сему сделано ли братом распоряжение? Что Захаров?

Нельзя ли продать пустошь для заплаты долга?

Вот вопросы, на которые отвечай мне обстоятельно, милый мой добрый Ангел, а главное дело, помысли о закладе и уплате в ломбард долга. Из оброку я не могу отделить ни копейки. В Москве надобны будут деньги; я, кроме ломбарду, должен много. Если бы не вышел в отставку, то мог бы совершенно разориться, но есть надежда теперь на бога и на умеренность.

От тетушки получил письмо; к радости ее Никита возвратился. Каменец я оставляю с большим удовольствием; что я говорил, то и случилось: здесь нечего было

делать вовсе, и для службы никаких видов. Обнимаю тебя и прошу любить твоего *К.*

Сестриц еще раз обнимаю и тебя тоже, желаю счастливого года. Если что не помешает, то я завтра еду в Москву. Хлопот много. Если староста заплатит деньги и случатся другие, то пришли их в Москву. Мне очень нужны деньги.

225. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

26 декабря 1815. Каменец

На прошедшей почте я писал к тебе, что я еду в Москву: сегодня я отправляюсь. В прошедшем письме я писал о делах. Не замедли меня об них уведомить, милый друг; а теперь я писать не буду более, ибо спешу. Вот письмо к батюшке: отправь его, если сама не поедешь. Оно не запечатано; запечатай его. Я надеюсь, что он будет доволен надеждою скорого свидания со мною и тому, что я решился покинуть военную службу, мне столь неблагоприятную. Желал бы, милый друг, лететь прямо к Вам; но обстоятельства не позволяют, и я рад и тому, что генерал дал мне поручения в Москву, где я, если и не весело, то по крайней мере приятнее проведу время, нежели здесь. Прости, из Москвы писать буду немедленно. Обнимаю тебя и поздравляю с новым годом. Сегодня ввечеру еду. Ваш.

226. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Начало января 1816. Москва>

Сию минуту приехал из Каменца. Можешь судить о моем желании обнять тебя, милый друг. Приезжай ко мне, я так устал, что насилу дышу.

Батюшков.

Тверская у Баца № 11.

227. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

7 января 1816. Москва

Я пишу к тебе, милый друг, из Москвы, куда я приехал благополучно и остановился у Ивана Матвеевича, который со мной весьма ласково и дружелюбно

обошелся. Здесь я дождусь моей отставки и, получа ее, немедленно приеду к тебе в конце марта или февраля. Ранее не могу, ибо на то не имею позволения от Генерала. Здесь хочется отдохнуть немного и повеселиться, а главное — подумать о делах, которые меня иногда с ума сводят.

Исключены ли из ломбарда заложенные Гнедичем души, и очищены ли старые? Нельзя ли тебе прислать мне свидетельство душ на пятьдесят *немедленно* сюда, так чтоб к исходу генваря или в начале февраля я его имел здесь? В ломбарде московском есть деньги, и немедленно взяв их, я могу отправить в Петербург? Бога ради, сделай это или переговори с самим губернатором. Я полагаю, что ты теперь в Вологде. Но решительно отвечайте: *да* или *нет*.

Обнимаю тебя и сестриц от всего сердца и поздравляю с новым годом. Прости, что пишу мало и коротко: устал с дороги, и голова от дел, усталости, хлопот и рассеяния кружится. *Кон.*

Третьяков может выхлопотать свидетельство на имение.

Адрес: в доме Муравьева, против Куракина, на Басманной. В Москве.

228. А. И. ТУРГЕНЕВУ

<Середина января 1816. Москва>

Знаете ли, любезнейший Александр Иванович, что несколько строчек в письме Жуковского меня до смерти перепугали. Я переведен в гвардию: знаю. Но кто сказал Вам, что я хочу продолжать военную службу? Конечно, не вы сами изобрели это в *премудрости вашей*? Нет! По всем расчетам я должен оставить службу, если захочу сохранить кусок насущного хлеба и искру здоровья. Итак, прошу Вас и заклинаю не уничтожать моей просьбы, а стараться об ней. Попросите генерала Сипягина, Закревского или Данилевского. Оба меня знают не с худой стороны, особливо первый. Вот и письмо к нему. Вручите его лично, запечатав, и скажите, что он решит. Желаю быть надворным советником и *по болезни* служить музам и друзьям, отслужа Царю на поле брани. Если Алексей Николаевич помнит еще меня (в чем сомневаюсь:

три раза писал к нему, и ниже лаконического ответа), то скажите ему о моем твердом намерении идти в отставку.

Еще раз прошу *удостоить меня ответом* как можно скорее; и если у вас руки поленятся, то заставьте писать Жуковского. Для дружбы — все, что в мире есть, даже ответ на письмо! Скажите ему, чтоб он не унижался до эпиграмм и забыл забвенных вкусом, не его врагов, а врагов смысла, вкуса и всего прекрасного.

Кстати о вкусе и прекрасном. Карамзин скоро будет у вас. Он и здесь ходит

Entre l'Olympe et les abîmes,
Entre la satire et l'encens [1].

Что же будет у вас! История его делает честь России. Так я думаю в моем невежестве. Ваши знатоки думают иначе. Бог с ними! Я вас обнимаю от всего сердца и прошу помнить *Батюшкова.*,

---

[1] Между Олимпом и бездной, // Между сатирой и фимиамом (*фр.*).

229. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

20 января 1816. <Москва>

Письмо ваше, милая тетушка, начинается упреками за непостоянство и ветреность; но если бы вы за противное меня пожурили с пользою, то это было <бы> правосуднее. Благодарю вас за все, что вы сделали для меня: это капля в море: это малейшее, но я этого достоин по сердцу. Теперь долгом поставляю сказать вам, что я настою на отставке и прошу и заклинаю вас стараться о ней, а не об уничтожении моего прошения. Благодарю Петра Ивановича за его дружество: мне приятно бы было оправдать его доброе мнение. Что же касается до лестной перспективы, которую вы мне показываете, то я скажу вам откровенно, avec la liberté d'un soldat qui sait mal farder la verité [1], что я почел бы себя счастливым быть полезным человеком при брате нашего царя, но не имея протекции, состояния и дерзости, не осмелюсь приносить одно усердие и объявлять мои требования; один отказ и промах сделали бы меня несчастным надолго. Спросите П<ет-

ра> И<вановича>, желает ли Великий Князь меня иметь при себе: в таком случае, несмотря на слабость моего здоровья, я останусь в службе. В противном случае — ни за что, ибо во фрунте я служить не могу (насилу ходить могу), а в Каменце при Бахметеве не останусь ни из чего, тем более что он сам просился в отпуск и перед отъездом объявил мне, что я у него никогда ничего не выслужу. Адъютантом я соглашусь быть в военное время у храброго генерала; в мирное лучше заниматься истинным делом, нежели беспрестанными безделицами. В Никитином письме, которое прошу прочитать, я хвалил себя и оправдывал, сколько умел. Еще раз прошу отставки, одной отставки. К Алексею Николаевичу писать более не буду: я ни одной строчки не получил в ответ и полагаю, что я ему наскучил. Вам, милая, добрая тетушка, не наскучу ничем и никогда, ниже моею *ветреностию*, а целую ручки ваши сто раз и обнимаю Сашу. Кончу письмо. Надобно одеваться и к старой Пушкиной отправляться обедать, где найду экс-министра и экс-поэта Дмитриева, который, не потеряв важности, умеет быть любезен. Карамзины и жена его поручили вам кланяться. Простите. Не забывайте.

Ваш.

Иван Матвеевич болен не на шутку был. Теперь легче. Меня очень ласкают хозяева, и я им благодарен душевно.

---

[1] со свободой солдата, плохо умеющего скрашивать истину *(фр.)*.

230. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Конец января 1816. Москва>

Возвращаю тебе твои бессмертные стихи, на место их пришли мне «Вечер на Волге»: напиши его и отдай моему человеку вместе с моим мараньем в прозе. Пришли всю прозу, я ее изготовлю для Жуковского и отправлю с тобою. Бога ради, пошли к Пушкиной за моей книгою: мне она теперь очень нужна. Напиши от себя несколько строк. Et venez me voir, j'ai besoin de voux consulter sur une chose, qui me tient de te près [1]. Я болен, сижу утро дома

и ожидаю тебя до 2 часов, не позднее. Прости, мое сокровище; состав зла и добра, смесь Клюквина с Невтоном.

Je propose de venir diner chez vous dimanche. Tachez donc, cher ami, d'etre libre ce jour-la [2].

---

[1] И приходи ко мне, мне надо посоветоваться с тобой по одному делу, которое меня очень беспокоит (*фр.*).

[2] Я предлагаю прийти к тебе в воскресенье. Постарайся, дорогой друг, быть свободным в этот день (*фр.*).

231. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

30 января 1816. Москва

Я пишу к Вам, почтенная тетушка, через К<нязя> Вяземского, которого Вы знали в Москве и который желает иметь счастие вручить лично мое письмо и возобновить лестное для него знакомство. Вы увидите Николая Михайловича, с которым я говорил о многих делах и просил его настоять об отставке моей. Письмо ваше, в котором вы страшитесь отъезда Петра Михайловича, я получил: Петр Михайлович очень нездоров: лежит в постеле. Лекаря называют его болезнь сиятикою, летучею подагрою и бог знает как: она продержит его долго в Москве.

Любезного Никиту обнимаю от всего сердца. Я хотел прислать к нему его перевод: но не успел еще перечитать. Все равно пришлю его с почтою.

О себе ничего сказать решительного и хорошего не могу. Ничего не желаю и ни на что не надеюсь. Желаю одной отставки и свободы заниматься книгами и маранием бумаги. Блестящие проекты Ваши, почтенная тетушка, касательно моего честолюбия суть новое доказательство Вашего ко мне дружества, но я на них считать не могу, а на дружество и любовь вашу ко мне считать буду, пока буду дышать. Вам преданный и покорный *Константин Батюшков.*

Милого и доброго Сашеньку целую.

232. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

16 февраля <1816. Москва>

На масленице в четверг.

Благодарю тебя, милый друг, за последнее письмо твое. Я не так виновен перед тобою. Полагая, что ты еще в Хантонове, адресовал письмо мое в Череповец; и вперед

прошу не беспокоиться, если почту пропущу. Часто случается, что послать некого, и почта от меня далеко или опоздаю. В большом городе и в чужом доме время не нам принадлежит совершенно. Радуюсь душевно, что ты, милый друг, теперь у батюшки, и жалею душевно, что не могу быть с тобою; надеюсь, что получу позволение от Генерала или отставку; последнего желаю от всей души по многим причинам, а главная потому, что мое здоровье совершенно расстроено, и если ты его полагаешь, как мне писала, в старом положении, то нимало не ошибаешься. И теперь масленицу сижу дома. Спокойствие, и особенно спокойствие душевное, вот лекарство для меня необходимое; а я его не имею и вовсе потеряю, если не подумаю об устроении дел моих и долгов. Ты знаешь, милый друг, что я на себя довольно скуп и копейки даром не издерживаю; прихотей не имею вовсе и ныне приучил себя мало-помалу во всем отказывать, но поездки по службе, мундиры и тому подобное меня разоряют. Вот все, что имею сказать о себе. Впрочем, еще ничего решительного не знаю, долго ли здесь пробуду и скоро ли получу отставку, ибо судьба не у меня в руках. Желал бы поскорее: сердце мое имеет нужду отдохнуть при тебе и увидеть батюшку. Напоминай ему обо мне, милый друг, и проси его родительского благословения. Поцелуй за меня милых братца и сестрицу. Бога ради, пиши ко мне почаще. На первой неделе я сбираюсь говеть, если позволит здоровье; стану молиться усердно за тебя, моего друга. Прости, будь здорова и помни твоего друга, преданного тебе по самый гроб. *Конст.*

Я писал о рекрутстве Павлу Алексеевичу. Напиши ему от меня также, что не могу согласиться на предложение крестьян, а желаю, чтобы по-старому наблюдали очередь. От него не имею писем. Извини меня перед батюшкою, что не пишу теперь: на прошедшей почте писал. Твой Якубовский ко мне не являлся, а квартиры его я не знаю.

233. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

3 марта <1816>. Москва

Благодарю вас, любезная тетушка, за письмо ваше от 18-го февраля и за приглашение в Петербург. Вы знаете, что мне нельзя покинуть Москвы без позволения моего

генерала или до получения отставки, которую я ожидаю с нетерпением. В Петербурге у меня друзей, кроме вас, нет, то есть таких, для которых бы ездил по тысяче верст; о службе еще не думаю, да и *не думаю*, чтобы когда вздумал. Вот все, что могу сказать о себе. К брату писал несколько раз и послал ему бумаги. Получил ли их? Петру Михайловичу гораздо легче. Вчера по старой памяти я обедал у Мудрова en famille [1], и мы долго, долго говорили о вас с его женой и Чеботаревой. Это семейство напомнило мне всю старину.

Вчера я получил письмо от Сипягина. Полагаю, что Тургенев Вам сказывал о нем. Оно успокоило меня несовершенно, ибо еще не кончено мое дело об отставке. Напомните Тургеневу.

Я писал несколько раз о Медеме, просил вас и Сергея Ивановича сказать мне, где Медем находится: ни слова в ответ. Я полагаю, что Сергей Иванович очень занят службою, но у Вас, милая тетушка, есть свободное время делать добро и отвечать на письма. Скажите мне хоть слово о Медеме, справясь у Муравьевых. Я спросил бы у Вас еще о чем-нибудь, если меня поняли, то, верно, напишите словечко. Сто раз целую ручки Ваши и остаюсь Вашим навсегда.

Конст.

Иван Матвеевич собирается скоро в деревню.

Скажите Тургеневу, что я очень благодарен ему за его дружбу ко мне. Г. Уткина билеты раздаю и все до последнего с рук сбуду. Ручаюсь за это. Скажите Николаю Ивановичу, что я ему усердно кланяюсь.

---

[1] в тесном кругу *(фр.)*.

234. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<Начало марта 1816. Москва>

Каждую почту я пишу к тебе, милый друг, но редко получаю ответ. Что я говорю? С приезда моего сюда не имел еще ответа на мое письмо из Орла, а из Каменца и подавно! Теряются ли на почте, или медленно идут — не знаю. Из Петербурга, кроме того, что ты мне переслала, ни строчки не имею. И в таком положении прожил

два месяца: день за день, и время летит. Не хочу тебя огорчать, а, право, грустно, очень грустно. И батюшка также не пишет. Отчего — не понимаю. Попроси его, чтобы он не забывал меня: право, я этого стою. И твоей дружбы, конечно, милый друг. Повторяю еще: пиши каждую почту и помни твоего брата и друга. *Константин.*

Что делают сестры?

Если будут у тебя лишние 100 или 200 р., пришли их не замедля. Здесь диванная материя по 5 р. аршин, прочная и красивая, а впрочем, все дорого. Скажи об этом и сестрам, и Аркадию Аполлоновичу: он, кажется, просил об этом на 200 р. Можно купить диван с подушками аршин в 20 и с лишком, следственно, на две комнаты.

Поздравляю тебя от всей души со днем твоего рождения, которое мысленно буду праздновать.

235. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

<Первая половина марта 1816. Москва>

Покорнейше благодарю Ваше сиятельство за уведомление. Я уже получил на днях письмо от Сипягина и очень буду рад, если князь ему еще раз напомнит. Виноват перед Вами, перед Рейнгардом, перед совестию; куплеты еще не готовы, но завтра доставлю их Вам и буду целовать прах ног Ваших.

Аз пренедостойный.

236. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

14 марта 1816. <Москва>

Благодарю тебя, милый друг, за письмо твое от 26-го февраля. Оно меня немного утешило. Благодаря Бога, ты здорова и скоро возвратишься из Даниловского в Хантоново, где отдохнешь и телом и душою. Я ожидаю здесь отставки, и если получу бумаги, то перезаложу имение. Ссылаюсь на мое письмо. Из него не видно, чтобы Гнедич не заложил имения в 1815 году. Напротив того. Но я не имел квитанции из ломбарда: вот о чем просил написать к нему и еще прошу. Бога ради, доставьте мне свидетельство. На прошедшей почте послал батюшке чаю

в гостинец: получил ли он? Теперь посылаю Юленьке коленкору на два платья и ситцу на платье. Сшей их сама и пошли ей в подарок. Эту безделку посылаю от души. Право, денег мало, и сам перебиваюсь кое-как. Тебе гостинца нет; когда буду богатее, пришлю или сам приеду по весне: это лучший гостинец. Будь здорова. Сбери мои книги и приготовь мне уголок. Прости, до первой почты.

237. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

19 марта 1816. <Москва>

Вы утешаете меня, любезная тетушка, а сами имеете нужду в утешении. Огорчения Вашего батюшки и собственные убытки Ваши, хлопоты, счеты — все это должно Вас тревожить. Кто мог бы подумать, что перестройка дома будет стоить так дорого. Сожалею крайне, что Вы предприняли работу сию, но сделанного не переменить; на то была воля Ваша, любезная тетушка, винить и себя не можете, а тех людей, на которых Вы возложили доверенность. Я надеюсь, что Вы все это перенесете с обыкновенным Вам великодушием.

Петр Михайлович здоров, ходит, пьет, ест и весел по-старому, но выезжать еще не может. На днях он и сам писал к Вам. Я также пишу, едва ль не чаще Вашего, и не знаю, что делается с письмами. Доходят ли они? Благодарю за известие об отставке. Ко мне то же писали Сипягин и Тургенев, но я до тех пор покоен не буду, пока не увижу в приказе. Вы спрашиваете меня: что я намерен с собою делать? Право, не знаю и это говорю по совести. Если что не воспрепятствует, намерен провести лето в деревне, а зиму в Москве. И здесь есть добрые и ласковые люди, а если поживу подолее, то постараюсь и более полюбиться. Походами и разъездами я совершенно расстроил карман мой: вот что единственно меня затрудняет. Горестно мне подумать также, что долго не увижусь с Вами, милая и добрая тетушка; ибо я в Петербург не поеду ни за что, разве по необходимой надобности, и молю Бога, чтобы ее не было. В службу не хочу входить, да и где без покровительства найду место?

Кат<ерина> Андр<еевна> Карамзина, у которой я провел вечер, просила меня засвидетельствовать Вам ее душевное почитание. Достойная женщина: она чувствует совершенно цену вашего дружества. Верьте мне, что

мало у нас на Руси семейств столь достойных уважения, как семейство Карамзина, и для меня, здесь в Москве, дом их — большая отрада. Кончу мое письмо. Боюсь наскучить маранием и пустословием. Целую ручки Ваши и пребуду навек преданный Вам

Конст.

Поздравляю брата Никиту Мих<айловича> с чином, а Сашеньку целую. Очень сожалею о бедном Павле Марковиче. Он достоин лучшей участи.

Бога ради, милая тетушка, выведите меня из хлопот. Прилагаю при сем письмо брата моего Павла Алек<сеевича> Шипилова. Из него вы увидите, что Гнедич заложил мое имение 1815 года, внес сумму, но до сих пор не очищено в ломбарде, и мне не выдают разрешения. Я писал несколько раз из Каменца, раз десять по крайней мере. Ни слова в ответ! Прикажите кому-нибудь вытребовать разрешение немедленно и доставить мне его или прямо на имя Павла Алексеевича Шипилова в Вологду; или, если есть возможность перезаложить в петербургский ломбард те же выкупленные Николаем Ивановичем души 1815 года, то к сему приступить. Боюсь просрочить. Уже лето близко. Простите, что беспокою Вас. Но кого просить. Скажите сами? Отвечайте или, если Вам некогда, прикажите кому-нибудь отвечать: не буду покоен, пока это не кончится. Если возможно перезаложить в петерб<ургском> ломбарде, то я доставляю немедленно верющее письмо, на чье имя приказать изволите.

Что же Трубецкой и Медем?

238. П. И. ПОЛЕТИКЕ

<Март 1816. Москва>

С крайним сожалением услышал я о потере дома г<осподина> Волкова, почтенный Петр Иванович. Полагаю, что и Вы от сего потерпели: желаю от всей души, чтобы как можно менее: и надеюсь даже не без основания: ибо вы здесь проездом и не имеете дурной привычки старого философа, который говаривал: omnia mecum porto [1], а оставили все имущество в Петербурге. Здоровы ли вы? и где вы? Сегодня суббота, вы желали быть на чтении Мерзлякова. Но я полагаю, что не сыщу Вас на пепле, и на всякий страх, не еду к Вам. Человеку моему

приказываю оставить эту записку в доме г. Волкова, если она дойдет к Вам, то покорнейше прошу уведомить меня о жительстве Вашем, где и как мы увидимся, можно ли мне Вас навестить и в какое удобнейшее для Вас время, а чтение, если Вам угодно, до другой субботы. Ваш преданный и покорный

Батюшков.

---

[1] все ношу с собой (*лат.*).

239. Н. И. ГНЕДИЧУ

20 марта 1816. <Москва>

Благодарю тебя, любезный друг, за письмо, с Дашковым посланное, и другое с книгою Ж<уковского>; и то и другое меня обрадовали. Не смею благодарить за похвалы безделке, напечатанной в «Музеуме» (и перепечатанной без моего спроса в «Сыне Отеч.»). Конечно, старое дружество ко мне ты перенес к моим сочинениям: автор через это выигрывает, приятель теряет. О себе ничего не могу сказать решительного и удовлетворить твоему любопытству. Ты знаешь, что я ожидаю отставки, с большим нетерпением ожидаю! Здоровье мое исчезает приметно и, к сокрушению моему, не позволяет служить. В Каменце, в деревне до Каменца я был жестоко болен лихорадкою, я даже страшился чахотки. Начинаю мало-помалу оживать, но не писать. Для поэзии нужно счастие, для философии — здоровье и покой,— блага, о которых я только понаслышке знаю. Впрочем, здесь живу не скучно, по крайней мере против Каменца, который для меня был то же, что Смирна для Хемницера. Хозяин мой ласков, весел, об уме его ни слова: ты сам знаешь, как он любезен.

Прошлого года ты заложил мои деревни и внес деньги в ломбард в уплату. Бога ради, пришли немедленно освобождение из залогу выкупленных душ. Об этом просила и сестра моя или хотела просить. Нельзя ли заложить выкупленные 1815 души снова и зачесть за сумму, которую мне ныне внести надлежит? Скорее уведомь, не поленись: если нельзя, то освобождение в документе доставь прямо в вологодскую палату или на имя Шипилова; там получу новое свидетельство. Какие издержки будут по ломбарду (полагаю — безделка), я немедленно тебе доставлю.

Кончу. Боюсь наскучить тебе длинным письмом и оторвать от полезнейших занятий, ибо полагаю, что ты очень занят словесностью или службою. Я слышу, что Петр Оленин болен. Уведомь и о нем, если писать будешь. Весь твой *К. Б.*

Где князь Гагарин? Получил ли он мое письмо летом? Сколько я ему должен, с процентами, ибо полагаю, что и он платил их за меня; узнай, отпиши мне. Постараюсь внести ему деньги. По видимости, я виноват перед ним: не смею даже извинять себя. Но мне горестно будет, если он потерял ко мне доверенность и уважение. Пусть бранит, если угодно, а я ему буду вечно благодарен и буду вечно любить его благородное и великодушное сердце. Скажи ему, если увидишь: ты скажешь истину.

240. В. А. ЖУКОВСКОМУ

<20—21 марта 1816. Москва>

Благодарю тебя, милый друг, за твою книгу, которую я получил через Гнедича. С жадностью ожидаю второй части и баллад, на которые все вооружаются во имя Расина, вкуса и отечества. В нашей Суздали все хотят писать по-суздальски: на яичке, как в старину писали. Старость тебя бранит, молодость силится тебе подражать: добрый знак! Пиши, иди вперед: тецы убо, солнце наше, и натецы на поэму: вот мое сердечное желание. Не знаю, что у вас делается в вашей Суздали, а в нашей не лучше. У подошвы Парнаса грязь и навоз, то есть личность, корысть, упрямство и варварство. Я забыл прибавить: и зависть. Но ты это лучше ведаешь. Час от часу я более и более убеждаюсь, что Арзамасцы лучше Суздальцев, и без них *несть* спасения. Возьмите в Арзамас доброго Лихачева, которого послание к тебе прилагаю при сем: оно тебе понравится. Стихи приятны и написаны от сердца. Отвечай ему прозою, если хочешь, отвечай только. Адрес: в Каширу, Тверской губернии. Он теперь там. Здесь двадцать рублей за твою книгу. Он желал иметь билет, и я решился адресовать прямо к тебе. Пошли ее к нему, милый друг.

Ты меня забыл. Что делает Рафаэль-Карамзин в Суздали? Как приняли его картину абдерито-суздальские маляры? Ни слова не пишешь. Даже не отвечал на мое письмо из Каменца. Все тебе прощу, если напишешь

поэму или что-нибудь достойное твоего таланта, и если будешь любить меня, как я тебя люблю. Будь здоров, весел и счастлив, если можно, и помни своего собрата по Аполлону. *Б.*

Тургенева благодарю за письмо. Напомни еще раз об желанной отставке. Мы ожидаем сюда Вяземского. Катерина Андреевна сокрушилась о муже. Я часто ее вижу и всегда с новым удовольствием: умная, добрая, редкая женщина. Она тебя очень любит и уважает. Заметь, это не последнее достоинство в моих глазах.

О новостях не пишу. Мерзляков читает, и, право, хорошо. Я слушал его с большим удовольствием. Пушкин перевел «Игрока»: много счастливых стихов. Прочие все пишут и похвалы себе не слышут. Я знаю, что ты не будешь спать от радости: ты член здешнего общества. Есть надежда, милый друг, что мы попадем в Академию. Если у Уварова есть экземпляр лишний «Элевзинских таинств», то доставь мне его. У меня давно кое-что бродит в голове: сбираю материалы. Здоровье мое час от часу ниже, ниже, и я к смерти ближе, ближе, а писать охота смертная! А еще более хочется прижать тебя к сердцу и сказать тебе, милый друг, как ты мне дорог.

Здесь 25 рублей: 20 за Лихачева, а на пять купи мне Гетевы стихи, если можно в одной книжке. Если что дороже заплатишь, я тебе доставлю. Письмо это вручит тебе Петр Иванович Полетика. Поклонись Северину, которого покойный Батонди столь счастливо благословил на дипломатию.

241. Е. Н. и П. А. ШИПИЛОВЫМ

24—29 марта 1816. Москва

Ты, любезный брат, и сестра Лизавета Николаевна, требуете у меня советов и пособий насчет гувернера для Алешеньки. Долгом поставляю говорить с Вами откровенно, без предубеждений и лести, о деле столь нежном. Первое, по справкам моим оказалось, что здесь иностранцев, достойных уважения, мало, особенно французов, что хороший (или то, что называется хорошим, а по-моему, скотина-скотиной) не поедет вдаль ни за какую сумму. Немцев не знаю, да вы, кажется, до них и не охотники, что мне также не очень нравится. Беспокойство ваше насчет сына кажется мне излишне: он по-французски

болтает резво: этого довольно. Язык у него изломан, на первый случай более не надобно. Он пи ет, читает хорошо, понятлив: чего ж вы хотите более? Вижу по всему, что не человека из него хотите сделать, а редкого ребенка. Суетное желание! Пагубное! Послушайте моего совета. Учите его болтать по-французски сами (в разговоре более научится этому ремеслу, нежели в книгах), продержите лето в деревне, на воздухе, два часа в день за книгами, за русскою грамматикою, а с осени, если рассудите, или зимою, отдайте мне, или я с братом вместе отправлюсь в Москву и здесь вручим его Антонскому, директ<ору> Благ<ородного> пан<сиона> при Университете. Тем смелее предлагаю это, что Алексей Никитич дал тысячу рублей, чего достаточно будет на все воспитание в пансионе. Там оставьте его не на год, а лет шесть сряду, и я ручаюсь (зная его способности, и воспитание, и образ учения здешнего), что из него выйдет человек, годный на службу царскую, человек грамотный и светский. Вот мой совет. Если вы отбросите и суетность, и предубеждения деревенские, то увидите ясно, что говорю истину. Достать вам иностранца, посадить в кибитку и отправить мне нетрудно: но какая польза из того? Никакой. Иван Матвеевич имеет шестьдесят тысяч доходу и сына своего Ипполита при себе; он может иметь аббата в парике, ибо не жалеет денег, но не имеет: ибо знает, как аббаты пагубны. Этого мало. Сын его говорит по-французски, но учителя не имеет, а имеет учителей немецких, русских, латин<ских> и пр., и пр., и пр.

По зиме Алеше будет около десяти или одиннадцати лет. Пора с ним расстаться. Он не девочка; его надобно окунуть в Стикс, а общественное воспитание для небогатых дворян необходимо и есть лучшее. Здесь у меня много приятелей при Университ<ете>, они присмотрят за сыном. Дружинин первый не откажет. Рано или поздно надобно будет с сыном расстаться. Лучше расстаться ранее, нежели взять в дом урода морального, каковы по большей части все выходцы из земли Вольтеровой, или невежду, ибо они — я, право, не лгу — едва ли и читать умеют: так переродилась вся Нация! Я сказал мое мнение, сказал мой совет. Верьте, что не одно сердце, но и рассудок участвует в оном. Если вы недовольны вашим иностранцем, то откажите ему; Алешу продержите у себя до зимы. Пусть летом дышит свободою, а зимой сюда. Здесь, право, хорошо учат. Не сужу по заведению, но по людям, которые в нем образовались. Если захотите

отдать в Петербур<гский> Лицей, что в Царском Селе, то и тут могу быть полезен: я знаю Уварова, попечителя петербургс<кого>, знаю Мартынова, знаю многих профессоров и могу их просить, но на что брать свысока? Лучше держаться середины. Притом же легче, дешевле и выгоднее вам для свиданий с сыном ездить в Москву, нежели в Петербург. Вот мое мнение. Сказал. Теперь делайте, что хотите, но не сердитесь на меня за правду: вперед говорить не буду ни за какие сокровища, ибо ваше дружество драгоценно моему сердцу. Сестра Лизавета Николаевна при последнем прощании доказала, как горячо меня любит, и чем могу лучше наградить ее за любовь и привязанность, как говоря от сердца, когда дело идет о сыне ее? Что я добра ей и ему желаю, в том вы не сомневаетесь: дай бог, чтобы вы не усумнились в правоте моих слов и советов. Здесь в столице я лучше вашего вижу многие вещи; это натурально: они у меня перед глазами, а вы их угадываете. По совести, я ни одного не знаю француза, которому бы поручил моего сына, а с радостию отдал бы моих детей в универ<ситетский> пансион, который образовал лучших наших Генералов, Писателей, Государственных людей и до сих пор не переродился. Если и после этого вы будете упрямиться, то я сыщу француза и привезу, если хотите, с собою; но за нравственность и ученость его не поручусь. Не хотите ли лучше, чтобы я за тысячу рублей нашел русского, знающего свой язык и по-латыни, или немца? Скажите мне. Сделаю все, что могу, для вас, друзья мои. А не лучше ли по-моему повременить до осени или зимы и отправить его сюда с П<авлом> А<лексеевичем> и со мною? Как думаете?

Заметьте, что в Б<лагородном> пансионе те, которые выдержат курс, получают студентский аттестат, право на чин офицерский; это важно для дворянина; что их учат танцевать и петь и музыке, это важно для сестры, которой я не могу истолковать до сих пор, *как важен* язык латинский, а не французский. Латин<ский> язык есть ключ ко всем языкам и ко всем сведениям. Еще раз повторяю: и дома говорить по-французски научится, а книги и чтение дополнят. Предварительного домашнего воспитания довольно для универс<итетского> пансиона, я справлялся об этом и еще на днях съезжу к Антонскому и переговорю с ним о цене, о пище и о прочем. Будьте же покойны насчет сына вашего и молите провидение, которое печется о детях и добрых родителях.

Комиссии твоей, любезная сестрица, не исполнил, потому что у меня денег немного и потому, а это главное, что все товары будут дешевле. Если надобно, то еще отпиши, а я здесь дам комиссию знакомым дамам торговать ситец.

О ломбарде скажу только, что я писал в Петербург неоднократно и не могу ничего решительного добиться. Чем это кончится, не знаю. Отставки не имею еще и, по-видимому, долго прожду; отсюда выехать не могу и не имею права. Здесь жить дорого, а к<ак> И<ван> М<атвеевич> уедет (ибо он скоро едет в деревню) — еще дороже. Если бы вышла отставка, то я немедленно бы поехал в деревню для исправления кошелька и здоровья. Простите, до свидания. Любите и помните вашего друга и брата

Константина Б.

Сию минуту получил деньги 1000, буду писать к тебе с первою почтою.

Часы, если найду, куплю.

242. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

29 марта 1816. <Москва>

Радуюсь душевно, милый друг, что ты возвратилась в Хантоново и отдыхаешь по трудному и скучному путешествию. Сколько раз я думал о тебе, милая сестра, и ты себе представить не можешь, с каким сокрушением. На тебя возложили трудное и неприятное дело, на которое ты решилась геройски. Будет ли прок в этом, не знаю: мне так все не нравится. К чему спешить? — Но оставим это, оставим и станем говорить о себе. Здорова ли ты и что делаешь дома? Отпиши мне подробно. Здоровы ли сестрицы? Прилагаю при сем письмо и к ним. Бога ради, постарайся кончить дом свой; это необходимо для вас всех; где жить зимою и по осени? Притом же это тебя займет и развлечет, без сомнения.

О себе, милый друг, ничего не скажу ни хорошего, ни худого. Между тем как ты разъезжала и делала добро, я жил покойно здесь и часто упрекал себе мое бездействие и то, что не мог с тобою разделить хлопот и трудов; но оставить Москвы до отставки не в моей воле: это истинно так. Да притом думаю, что, кроме тебя единственно, нужно ли кому мое присутствие? Конечно, нет! Здесь

я часто грущу. Будущее меня пугает; настоящим доволен, ибо меня здесь ласкают: кто от души, а кто из учтивости. Но это все ни к чему не ведет, и без дружбы я не обойдусь, если не теперь, то через год. Устроить мои дела не умею и не могу. Твои советы насчет известного дела напрасны, милый друг: невозможное не возможно. Я знал это давно, и все предвидел. Спокойно перенесем бремя жизни, не мучась и не страдая: все-все, что можем, а остальное забудем.

Если получу отставку и могу приехать к тебе, то убери для меня баню, вели ее протопить заранее. Книги приведи в порядок и сбери бога ради: они ныне редки и дороги. Пришли мне с первою почтою мой фрак, серые панталоны, два жилета и три английские рубашки. Очень это все нужно. Сукно еще дорого, и все дорого по-старому. От тетушки получаю часто известия и люблю ее, как ангела-утешителя; она одна не изменяется к нам и точно поставлена здесь на земле, чтобы примирять нас с гневным провидением. Прости, обнимаю тебя и прошу быть повеселее и утешить твоего брата, твоего друга, твоего *Констант.*

О ломбарде все ничего нет. Я писал сам к Гнедичу. Вели покормить и поберечь верховую лошадь.

243. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<3 апреля 1816. Москва>
В понедельник на Страстной.

Поздравляю тебя, милый друг Александра Николаевна, с наступающими праздниками, которые желаю тебе провести спокойно и весело после хлопот твоих и огорчений. Положение твое меня огорчило бы еще более, если бы я не знал и не уверен был, что ты находишь в совести твоей лучшую и сладчайшую награду за добрые дела, которым свидетель один бог в небеси и судья беспристрастный. Теперь ты спокойнее, по крайней мере так надеюсь я, и конечно, думаешь обо мне, твоем верном друге, а друг твой ничего о себе сказать не может. В ожидании отставки я все живу по-старому. День хвораю, другой выезжаю. Не скажу, чтобы очень скучно было; а иногда поневоле призадумываюсь. О ломбарде все ничего не знаю, и это начинает меня беспокоить; правда, до июня еще два месяца, а просрочить можно и до 20 ав-

густа, но этого пропустить не надобно. Ожидаю ответа от Гнедича, от тебя и Павла Алексеевича.

Я просил о книгах. Собери их, милый друг, и в порядке. Да закажи еще новый шкап, хоть из простого дерева; закажи в Вологде волтеровские креслы; я заплачу деньги за них или возьми у старосты. Достань на весну роз, если можно, и проси Ивана, садовника, моим именем, чтобы он постарался за цветами; не прислать ли тебе семян цветочных? Здесь тотчас достать можно. Пиши ко мне, милый друг, и Христос с тобою. *Конст. Бат.*

244. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

<3 апреля 1816. Москва>

Я хотел отвечать с Матвеем Ивановичем на письмо Ваше от 16 марта, но не успел, любезная и почтенная тетушка. Вы упрекаете мне мое нетерпение, а забыли, что терпение испытано двумя годами ожидания, что я с Парижа (1814) хочу оставить службу, решительно хочу, ибо здоровье мое совершенно расстроено. Притом же служа так несчастливо (Вы согласитесь сами, что я вправе сказать это), я вправе и думать, что не могу быть полезен, ни к чему не гожусь и, как *оный* добродетельный спартанец, могу только воскликнуть: «Есть триста человек достойнее меня!» Итак, ускорением дела об отставке вы мне истинно поможете. И дела мои домашние требуют моего присутствия, и сестра, которая только мною дышит, а ехать отсюда не могу, не получа отставки.

Поздравляю Вас, любезная тетушка, с наступающими праздниками. Можете посудить сами, желаю ли я провести их весело Вам и с братцами. Сожалею крайне, что несколько лет сряду судьба лишает меня удовольствия быть с Вами в сии торжественные дни. Прошлого года я жестоко был оторван от вас около сего времени.

Видел вчера Карамзиных у Дмитриева. Радуюсь душевно успехам Карамзина: он стоит того во всех отношениях. Как вам благодарен и как относится о вас и сказать не могу; скажу только, что это приятно было моему сердцу. Крайне сожалею, что с весною покинут они Москву. Я лишусь приятного дому во всех отношениях. Здесь у меня много знакомых, но людей по сердцу очень мало.

Прошу покорно поздравить братцев с наступающими

праздниками. Никите прошу сказать, что я не могу создать формуляра, что он оставался в Библиотеке, из оной отправлен куда? не знаю. Отыскать его, прибавить походы 1813 и 1814, дать подписать это Храповицкому: вот что сделать, если можно, необходимо нужно. Храповицкий, я думаю, не откажется. А если посылать к Бахметеву, то это продлится до осени, по крайней мере. Я теряю терпение. Всех отставляют, кроме меня; более полугода подал просьбу. Целую ручки Ваши и прошу не забыть о просьбе моей к Вам касательно ломбарда. С нетерпением ожидаю ответа. Простите, милая тетушка; верьте, что мне грустно быть не с Вами, что любить Вас и почитать Вас единственным моим Утешением и сокровищем и Провидением я буду вечно, вечно.

На страстной в понедельник.

245. П. А. ШИПИЛОВУ

<15 апреля 1816. Москва>
В субботу на святой.

Спешу отвечать тебе, любезный брат, на письмо твое от 3 марта с 500 рублями, которые получил вчерашнего дня, и поздравить с протекшим праздником, который вы провели, конечно, не худо, ибо провели его в недрах семейства. Ты знаешь (из газет), что я получил отставку невыгодную; но я к этому привык. Неудачи мне знакомое дело. Слава Богу, что имею отставку; она мне была нужнее всего на свете. Здесь останусь до окончания ломбардного дела; но когда оно кончится, не знаю, ибо ни от тебя, ни от сестры, ни от Гнедича решительного ответа не имею и, какие меры мы возьмем, не ведаю.

Что касается до *учителя*, милый друг, то я настою на том, что писал к тебе недавно (получил ли мое письмо?), тем более настою, что я переговаривал еще с Дружин<иным>. Нет учителей, и не сыщешь в скором времени. Надобно на это по крайней мере год, чтобы напасть счастливо. Притом же, клянусь моей честью (какая мне нужда вас обманывать?), что Алеша может учиться и дома: тише едешь, дале будешь. Болтать по-французски он умеет и может еще более научиться дома, писать по-русски, по-немецки, по-французски, немного географии, истории, арифметики первые правила: вот что нужно, не-

обходимо. Если бы вы взяли на часы учителя латинского из Семинарии, в грубом хитоне, что нужды! то это увенчало бы совершенно его домашнее воспитание. Что касается до француза, то редкий может учить сим наукам. За тысячу будет пирожник, за две — отставной капрал, за три — школьный учитель из провинции, за пять, за шесть — аббат. А я за них за всех на выбор гроша не дам для Алеши, и знаю, что говорю. Но вот что советует Дружинин (а он этого дела мастер): отдать его в пансион (он берется за это сам и, будучи Главный директор училищ, конечно, может), в пансион частный, к знакомому ему немцу или французу; потом через год в Университет<ский> пансион, когда ему будет лет одиннадцать или более. Если вы согласны на это, то по зиме я постараюсь его отдать; если вы поедете сами, то дам вам письма к Антонскому, Дружинину и проч. До зимы, бога ради, ничего не делайте: верьте мне, что летний деревенск<ий> воздух, общество родителей, благие примеры и счастие полезнее французов, французского языка и модных слов. Последнее даром или легко дается, а первое редко, очень редко, даже и детям.

Обнимаю Лизавету Николаевну, милую Вареньку. Часы постараюсь привезти с собою, если поеду.

246. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

19 апреля <1816. Москва>

Три недели прошли, а от тебя ни строчки не имею, милый друг, и не знаю, чему приписать это молчание. Конечно, ты здорова; батюшка по крайней мере пишет, что от тебя имеет известия; конечно, ты писала, но письма затерялись. Это и со мною часто случается: пишу, пишу, а толку нет. Наконец я отставлен коллежск<им> асессором. Конечно, не выгодно, но я к этому привык. Неудачи по службе, это мое. Слава богу, что отставлен. Здоровье мое очень плохо, и не знаю, как бы я перенес еще путешествие в Каменец, в Каменец, который я без отвращения вспоминать не могу. Получила ли ты платья Юлиньки? Посылаю и тебе тафты самой модной, полосатой; жаль, что не успел к праздникам; но для тебя все равно: ты и в будни щеголять любишь. По лету ожидай меня, не прежде июня. Обнимаю тебя от всей ду-

ши и прошу любить твоего брата и верного друга. *Константин Батюшков.*

Я писал в Каменец, чтобы прислали мне материи на софы и стулья турецкой; если пришлют, то на весь дом достанет. Но когда кончится этот дом? Когда заживем вместе? Нельзя ли к зиме совершенно достроить и зиму провести в Хантонове во спасение души, тела и кармана.

Книги, бога ради, книги мои все собери из Вологды, до последней книжечки.

247. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

6 мая <1816. Москва>

Более месяца, милый друг, как я ожидаю ответа от брата Павла Алексеевича, и не получаю. Признаюсь тебе, это все меня начинает беспокоить. Год, целый год я провел в письмах! Моя переписка с Гнедичем теперь кончилась повторением, что он хлопотать о ломбарде не будет (как будто ломбард — важные хлопоты!), и что всего хуже: в ломбарде, по словам его, перезаложить имения невозможно. Вот ответ, который я ждал целый год! Ты знаешь сама, что из Хантонова, из Каменца, из Москвы я писал, писал, писал и насилу этого добился. Если бы Гнедич хотел похлопотать или отвечал мне назад тому шесть месяцев, то я нашел бы другие меры или просил прямо Императрицу. Теперь что начать — не знаю? Если к августу не внесу 2500, то имение опишут; дайте мне решительный (бога ради, решительный) ответ. Если есть еще души не в закладе, то пришлите свидетельство, заплатите за него что Вам угодно, но пришлите только немедленно. От сего числа я пробуду еще здесь месяц; если в течение сего времени дело не покончится, то я отправлюсь прямо в деревню, ибо здесь проживаю и *деньги* и *время.* С свидетельством я могу получить здесь деньги прямо и отправить их в с<анкт> п<етербургский> ломбард. Скажите, бога ради, что-либо другое. Эта безвестность всего мучительнее, а нерешительность бесплоднее.

Кроме сих огорчений, я имел и другие. Яков сошел с ума от пьянства, и я принужден был посадить его в рабочий дом. С мальчиком одним не справлю. И он поведения не отличного. Приготовьте мне другого мальчика для меня, но хорошего поведения и не глупого.

Собери, милый друг, мои книги. Получила ли посылку мою Юленьке, посылку к тебе. Сестрам я купил прелестного коленкору, но сам его привезу. Брату Павлу Алексеевичу куплю часы, если деньги не проем, как водится обыкновенно у нас, печальных жителей столицы. Кланяюсь им всем и Аркадию Аполлоновичу, если он у вас в болотах. А тебя очень, очень обнимаю, а еще более обниму искренно, если дашь мне обстоятельный, положительный и решительный ответ, без чего и спокоен не могу быть.

248. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

7 июня <1816. Москва>

Я получил письмо твое, милый друг, и письмо от брата Павла Алексеевича; при нем было свидетельство на заклад имения, но другая бумага из присутственного места в ломбард московский еще не отправлена, и это замедляет течение дела. Попроси брата, чтоб он похлопотал и о ней. А я писать к нему буду, решась на что-нибудь. Ожидаю только бумаги в ломбард. От батюшки писем не имею, и это меня крайне беспокоит. Я писал к нему неоднократно. Уведомь меня, бога ради, здоров ли он и получил ли мои письма. По окончании дел немедленно буду к вам, мои друзья. Я все нездоров, но духом спокоен, и ты найдешь, конечно, большую во мне перемену. Пиши немедленно и люби твоего друга и брата *Константина*.

Здесь в Москве все пусто. Проживаю и проедаю много денег. Но что делать: не конча дел, не могу уехать. Притом же и лекарь не выпускает, а дела и более того.

249. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Конец июня 1816. Москва>

Приехали Муравьевы, которые у меня похитили все время; к тому же прибавь хлопоты об отъезде, которых, право, немало; у меня один человек, и тот ненадежный. Надобно все делать самому. Если я не был у тебя, то, право, <не> потому, что не нахожу удовольствия быть с тобою. Признайся сам, милый друг, что Вяземский, про-

ведя в чаду целый месяц, друзьям дает пустое сердце и пустой ум, а я, признаюсь, эпикуреец и в дружестве. Желаю тебе веселиться, от вс<ей> души желаю. Но прошу одного: не забывай, что Батюшков тебя любит, как брата, как друга. При отъезде я нахожу некоторое удовольствие повторить тебе, сколько я к тебе привязан! Еду завтра, а если Мурав<ьевы> задержат, то послезавтра, и к тебе заверну.

250. Н. И. ГНЕДИЧУ

6 июля <1816. Москва>

Назад тому несколько дней я получил твою записку, в которой ты мне напоминаешь о долге князю. Спешу послать тебе всё, что имею на сей раз, т. е. пятьсот рублей. Оставь их у себя, доколе я не пришлю остальные 800. Если можешь, извини меня перед князем. Он вправе на меня сердиться: но я не так-то виноват; по крайней мере я буду ему вечно благодарен. Остальные пришлю тотчас из деревни, куда отправляюсь.., то есть выздоровя от ужасной боли в ноге. Как в ноге? Да! Чуть не открылись раны; отчего, не знаю. Но полагаю, что разлитая желчь и геморрой тому причиною. Вот 10-й день страдаю. Сижу утро в ванне, тру ногу канфарою и опиумом, а все проку нет. А вы еще гневались, что я не служу. Бог с вами со всеми и с вашими сухими письмами и проповедями! За них я буду платить дипломами и стихами. Вот безделка, которую тебе посылаю, и притом два диплома, один Крылову, другой Измайлову; их просил Антонский доставить, а при них и мой поклон. Я отдал бы мое послание доброму и почтенному Николаю Ивановичу, но боюсь: Катенин тотчас перебьет. У вас в Петербурге великие есть чудесники; прощай и ты, не последний. Я писал бы более, но ты не стоишь того.

Дипломы с тяжелою почтою или с оказией.

251. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

10 июля <1816. Москва>

Я хотел отправляться к тебе. Все было готово, бричка куплена, и я торжествовал от радости увидеть тебя и сестер, милый друг. Но судьба расположила иначе:

я простудился; в левой ноге, в раненой, сделались судороги и ревматизм, стрельба в раны, чего никогда не бывало, и вот я седьмой день сижу дома или, лучше сказать, лежу в постеле, а по утрам хожу в ванну. Впрочем, голова и желудок здоровы совершенно. Страшусь, чтобы раны не открылись. В таком случае должен буду прожить здесь долее, а это противно и карману моему и сердцу. Воротились ли сестры? Посылаю Лизавете Николаевне 16 аршин белого коленкору: ей и Сашеньке на платьице; Варечке — фланель. Я хотел их везти с собою, но, может быть, недели две здесь пробуду. Батюшка на меня гневается, что пишу редко. Причина тому, что был за городом; другая, что письма пропадают. У меня один мальчик: вот вся моя услуга. Яков пьет у другого господина, и ноги его у меня не будет. Павлу Алексеевичу писать ли? Он не в Вологде. Обнимаю тебя очень, очень крепко. Сшей мне дюжину рубашек потонее, да чулок коротеньких. Вот моя просьба усердная. А еще другая: будь здорова и весела. Я стал веселее, рассудительнее, и боль из головы перешла в ногу. Прощай. *Конст. Бат.*

252. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Июль — август 1816. Москва>

Ты уехал, милый друг, и я остался один совершенно в этой обширной Москве, где, кроме знакомых, не имею ни друга, ни родственника. А ты пенял мне, что скучаю! В одной руке держу Монтаня, в другой Сенеку, укрепляюсь духом, и все напрасно! Не вижу конца и начинаю проклинать гадательное искусство Гиппократа моего, который, со всею доброю волею ничего из меня сделать не может, то есть ни совершенно больного, ни здорового. Нарыв все в том же виде, и я сожалею, что не уговорил Скюдери припустить пьявицы. Теперь это средство поздно. Нога болит иногда по-старому. Кашель проходит. Я пью и ем и сплю, а впрочем... очень нездоров. Здесь все по-старому. Пушкины у меня бывают ежедневно, Толстой, Меншиков и Окунев. Соковнин дня три пропадал: вчера приехал ко мне пьяный, занял у меня сто рублей и отправился на болото, а потом на именины к Апраксину, который ему будет очень рад. А я рад, что он будет далее от нас и ближе к Алексею Михайловичу, который также

у Апраксина. Вот всё, что я знаю в моей келье про здешний свет. О книжном свете знаю также мало. Вчера поутру, читая «La Gaule Poétique» [1], я вздумал идти в атаку на Гарольда Смелого, то есть перевел стихов с двадцать, но так разгорячился, что нога заболела. Пар поэтический исчез, и я в моем герое нашел маленькую перемену. Когда читал подвиги скандинава,

То думал видеть в нем героя
В великолепном шишаке,
С булатной саблею в руке
И в латах древнего покроя.
Я думал: в пламенных очах
Сиять должно души спокойство,
В высокой поступи — геройство
И убежденье на устах.

Но, закрыв книгу, я увидел совершенно противное.

Прекрасный идеал исчез,
и передо мной
Явился вдруг... Чухна простой:
До плеч висящий волос
И грубый голос,
И весь герой — Чухна Чухной.

Этого мало преображения. Герой начал действовать: ходить, и есть, и пить. Кушал необыкновенно поэтическим образом:

Он начал драть ногтями
Кусок баранины сырой.
Глотал ее, как зверь лесной,
И утирался волосами.

Я не говорил ни слова. У всякого свой обычай. Гомеровы герои и наши Калмыки то же делали на биваках. Но вот что меня вывело из терпения: перед Чухной стоял череп убитого врага, окованный серебром, и бадья с вином. Представь себе, что он сделал!

Он череп ухватил кровавыми перстами,
Налил в него вина
И все хлестнул до дна...
Не шевельнув устами.

Я проснулся и дал себе честное слово никогда не воспевать таких уродов и тебе не советую.

Но что ты делаешь, милый друг? Занимаешься

счетами и делами? Желаю тебе успеха. Приезжай скорее ко мне, пока я жив и не умер с тоски. Будь здоров, ешь стерляди доморощенные и не забывай твоего друга, который тебя любит и жизнь любит для тебя единственно.

Среда.

Я пишу мало. Рука устала. Надобно еще писать, и между прочим к княгине, которой угодно было вспомнить о больном на Басманной. Спешу отвечать на ее плоды риторическими цветами, которые во сто раз покажутся ей бледнее моего лица.

---

[1] «Поэтическая Галлия» (*фр.*).

253. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Июль — август 1816. Москва>

Благодарю тебя за вишни, они очень некстати, Факультет запретил. Болезнь моя — если тебя может это интересовать,— не есть следствие Венериного мщения,— нет,— а разгорячение в нижнем желудке (?!?) — по совести, я думаю, что от спокойствия она пройдет. Но ужасная стрельба из раны в рану и натянутые жилы во всей ноге меня беспокоят несказанно. Марс побеждает Венеру. Прости мне это описание: вспомни, что и в Омире, Гомере, или Омере много подобных. Сижу дома и читаю Жуковского сказки, которыми подарил себя и публику Каченовский. Прелестный слог. И у тебя в стихах много хорошего. Но я все равно в Астафьево не буду. Благодарю за предложение и твою дружбу, добрую дружбу. Мне Скюдери необходимо нужен. Он часто навещает меня и, смотря на ногу, качает головою или трясет головою. Как лучше? Вчера у меня был Пушкин Алекс<ей> часа четыре, мы говорили, говорили, говорили. Прости и меня навести.

Поцелуй ручку у княгини за меня. Скажи ей, что я очень мил, так мил, одним словом, как Соковнин и пр.

254. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Июль — август 1816. Москва>

У меня был вчера Алексей Пушкин, он сказывал, что ты, милый друг (милый друг, заметь, что это учтивее и вернее скотины), будешь сюда сам сегодня, но вот пришел от тебя человек и требует письмеца. Что скажу тебе, что Скюдери ездит ко мне часто и лечит и до сих пор проку мало. Он и сам не знает, что за болезнь, и я ничего не понимаю. Нога распухла по-старому. Стихи твои оставляю у себя. Я некоторые перепишу в мой альбом. Не страшись, немного, стишка два-три. Я просил тебя, вишен, бога ради, не присылай. Скюдери снова запретил. Если не умру со скуки, то ты увидишь меня через три дня в Астафьеве, приезжай сюда, навести меня, мой добрый, нежный, единственный мой друг (какова скотина?). Целую прах ног ее сиятельства с истинным благоговением, страхом, но без надежды.

Батюшков — Соковнин.

255. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Июль — август 1816. Москва>

От практического мудреца мудрецу астафьическому с мудрецом Пушкиническим послание.

Одни слабые души, подобные твоей, жалуются на погоду, истинный мудрец восклицает:

Счастлив, кто в сердце носит рай,
Неизменяемый страстями!
Тому всегда блистает май
И не скудеет жизнь цветами:
Ты помнишь, как в плаще издранном Эпиктет
Не знал, что барометр пророчит непогоду,
Что изменяется кругом моральный свет
И Рим готов пожрать вселенныя свободу.
В трудах он, закалив и плоть свою и дух,
От зноя не потел, на дождике был сух.
Я буду твердостью превыше Эпиктета,
  В шинель терпенья облекусь
  И к вам нечаянно явлюсь
  С лучами первыми рассвета.

Да! Да! увидишь ты меня перед крыльцом
С стоическим лицом
Не станет дело за умом,
Я ум возьму в Сенеке,
Дар красноречия мне ссудит Соковнин,
Любезность светскую Ильин,
А философию я заказал... в аптеке.

Итак, если это все поспеет и дела позволят, то я буду.

К. Б.

256. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

6 августа 1816. <Москва>

За первое и последнее письма Ваши покорнейше благодарю Вас, милая и почтенная тетушка. Вы шутите? Как мне сердиться на Вас и за что? Но молчание ваше мне было очень оскорбительно, первое, потому что я думал, что вы гневаетесь. (Впрочем, за что? я и поводу к тому не вижу), а другое дело, я очень беспокоился на счет ваш и детей. Благодарю вас за отдачу денег. Но не забудьте: кроме того, есть другой долг, и надобно внести проценты; сколько — по совести не знаю, боюсь просрочить. Прикажите справиться, бога ради, и успокойте меня. Я все еще в Москве. Целый месяц пролежал в постеле. Теперь лучше, но все слаб; хожу насилу и кашляю, и нога болит. Нилова и Самарина у меня были и очень меня обрадовали. Вяземский уехал. Но здесь у меня много так называемых приятелей, которые не забывают больного. Вы видите, что я не совершенно жалок, а что голова моя здорова, то скажу решительно. И вот доказательство. Все, что вы знаете, что сами открыли, что я вам писал и что вы писали про некоторую особу, прошу вас забыть, как сон. Я три года мучился; долг исполнил и теперь хочу быть совершенно свободен. Письма мои сожгите; чтобы и следов не осталось; прошу вас об этом. С вашими то же сделаю, там, где говорите о ней. Теперь дело кончено. Я даю вам честное слово, что я вел себя в этом деле как честный человек, и совесть мне ни в чем не упрекает. Рассудок упрекает в страсти и в потерянном времени. Не себе, а богу обязан, что он спас меня из пропасти. Когда-нибудь поговорим об этом,— зимою, может быть. Приготовьте мне комнату на зиму. Если Москва не привлечет меня, то я буду у вас. Теперь, кроме вас, ничего в Петербурге не имею. Если О<ленины> за что-нибудь

в претензии на меня, то они не правы. Не думаю, чтобы та особа меня любила; а если что-нибудь и было похожее, то я, конечно, забыт. Скоро прошло два года. Вот все, что могу сказать о себе. Еще раз, желаю с вами увидеться: при вас только отдыхаю сердцем. Вы знаете, как мне Петербург противен. Но для будущего я планов не имею. Если б была возможность иметь место при миссии в Италии, то я мог бы на это пуститься: впрочем, воля божия! В Петербурге жить не хочу и не буду.

К брату писать буду на будущей почте. Я так еще слаб, что малейшее усилие мне вредно, и Скюдери запрещает. Н<иколаю> И<вановичу> мой душевный поклон. Я виноват перед ним: роздал его билеты и не могу собрать денег: все в разных руках, и все разъехались по дачам. Но я ручаюсь за эти деньги. Только что будет легче, соберу их.

Пишите сюда; я еще недели три просижу дома. Теперь мне сноснее, сижу за книгами, над книгами и под книгами. Весь в книгах. Простите, целую ручку вашу.

Если можно достать английской фланели, то пришлите мне: нужный сделаете подарок, аршин 6.

257. Н. И. ГНЕДИЧУ

17 августа 1816. Москва

Письмо твое получил и благодарю за предложение твое печатать на свой счет и, кроме того, дать еще автору 1500. Ты разоришься, и я никак не могу на это согласиться. «Лету» ни за миллион не напечатаю; в этом стою неколебимо, пока у меня будет совесть, рассудок и сердце. Глинка умирает с голоду; Мерзляков мне приятель или то, что мы зовем приятелем; Шаликов в нужде; Языков питается пылью, а ты хочешь, чтобы я их дурачил перед светом... нет, лучше умереть! Лишняя тысяча меня не обогатит. Если бы я согласился на некоторые предложения, то мог бы иметь тысяч пятнадцать доходу. Но я ни за чем не гоняюсь и если бы расквитался с долгами, наделанными в службе, и не имел бы домашних огорчений, то был бы счастлив и весел.

Я все болен: другой месяц в постеле. Редко проезжаюсь. Скучаю? конечно; но здесь много добрых и ласковых людей: они меня не забывают, и первый из них В. Пушкин: каждый день сидит у меня. Недавно меня навестили Нилова и Самарина: я очень удивился и обра-

довался им несказанно. К несчастию, не выезжаю теперь и не могу их видеть.

Я угадал птицу по полету. Свидетели тебе Вяземский и Пушкин. При них, прочитав критику на «Ольгу», сказал: это Гнедич, либо Никольский, но скорее первый. И Вяземский, и Пушкин благодарят неизвестного от всей души. Жаль только, что ты напал на род баллад. Тебе, литератору, это непростительно. Все роды хороши. Грибоедову не отвечай ни слова; и Катенин по таланту не стоил твоей прекрасной критики, которую сам Дмитриев хвалил очень горячо. Надобно бы доказать, что Жуковский поэт; надобно, говорю, пред лицом света; тогда все Грибоедовы исчезнут. Ходи, как Кромвель, в кирасе под платьем, не то умереть тебе под ножем писателей. Муравьев пишет ко мне каждую неделю и ныне спрашивает: кто автор критики на «Ольгу». Он полагает, что это я, но я отрекусь, разумеется. Пришли отрывок из «Илиады» к Кокошкину: он его провозгласит. Выпроси у Крылова басню. Вам стыдно не помогать здешнему обществу: Вас любят и уважают. Крылова хартию вручу Каченовскому. Сегодня пошлю за ним.

Клянусь совестию, что болезнь меня разорила. Что месяц, то шестьсот и семьсот рублей. Вот почему я не выслал к князю, но из деревни пришлю. Я столько ему обязан и так сильно чувствую его великодушие! Скажи ему и примири с ним. Будь здоров и помни *больного*.

Как Олин воет над мнимым мертвецом! А Державин еще упрашивал, чтобы не выли: это бессовестно!

Когда будет легче, то займусь перепискою моих безделок. С горестью вижу, что это безделки, но печатать надо. Их изуродовали в журналах и везде мое имя выставили. Даже Каченовский делает это против воли моей!

Как ты думаешь? Собирать ли прозу? Как литература, она, кажется, довольно интересна и дает деньгу. Впрочем, я ее не уважаю.

<Приписка В. Л. Пушкина>: Благодарю сердечно любезного Николая Ивановича за прекраснейшую критику. Батюшков истинно отгадал в одну минуту, что вы автор столь справедливых и остроумных замечаний. Он болен, но душою здоров и пишет стихи бесподобные. Что до меня касается, я вовсе ничего не делаю,

Молчу и слушаю других.

Откуда взялся рыцарь Грибоедов? Кто воздоил сего кандидата Беседы пресловутой? Ради бога, освободите нас от нелепостей и не слушайте Батюшкова. Пишите,

браните и наказуйте! Должно вранью сделать конец! Крылову от меня усердный поклон. Тургенева мы ждем нетерпеливо, и ждем много нового и приятного. Кажется мне, что я с музами и Петербургом простился навсегда или по крайней мере надолго. Нет ни воображения, ни денег.

Du destin qui fait tout tel est l'arrêt cruel [1].

Целую Омира или Омера и поручаю себя в его дружбу. *Василий Пушкин.*

Не страшись: мы никому не скажем наших догадок о сочинителе критики и не навострим кинжалов. Вчера у меня сидел Каченовский и беседовал до полуночи. Деньги Ивана Андреевича и забавное письмо его я вручил. Поклонись от меня бессмертному Крылову, бессмертному — конечно, так! Его басни переживут века. Я ими теперь восхищаюсь.

---

[1] Таков жестокий приговор всемогущей судьбы *(фр.)*.

258. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Начало сентября 1816. Москва>
Четверг.

Письмо твое, первое с рассеянным превосходительством, второе с Федором Федоровичем, я получил, милый друг. Кокошкин вручил мне отрывок из «Илиады», которым займусь немедленно. Я прочитал его: кажется, поправлять нечего,— разве безделки. Когда будет чтение у нас — не знаю; я болен и лежу в постеле. Через силу езжу по солнцу верхом и конца не вижу моему невольному пребыванию в Москве. Напрасно ты думаешь, что я отказываюсь от твоего предложения, имея в виду более. Конечно, в течение двух или трех лет могу сбыть все издание и выручить капитал на капитал, но иметь хлопоты, беспрестанно торговаться с книгопродавцами, жить для корректуры в столице мне невозможно. Итак, на твое предложение отвечаю со всем чистосердечием, что оно мне приятно по многим причинам, и если ты на мои кондиции согласишься, то и дело по рукам. Вот они: за две книги, толщиною или числом страниц с сочинения М. Н. Муравьева, я прошу две тысячи рублей.

Тысячу рублей прислать мне немедленно. У меня том прозы готов, переписан и переплетен. Приступить к печати, не ожидая стихов. Том стихов непосредственно засим печатать. Если ты согласишься на мое условие, то я все велю переписывать и доставлю в начале октября. Им займусь сильно и многое исправлю. «Лету» не печатать; зато будут новые пиесы, как-то: «Ромео и Юлия» и другие безделки. *Другую тысячу* заплатить мне шесть месяцев по напечатании второго тома. Это тебя не расстроит, и мне будет выгодно. Я берусь доставить заглавный виньет для обоих томов. Печатать отнюдь не по подписке: я на это никак не соглашуся. Могу поручиться, что здесь в Москве в *первый год* книгопродавцы возьмут 300 или 400 экземпляров. По крайней мере, уверяет Каченовский. В Петербурге столько же выйдет в два года. Я мог бы печатать здесь. Мне дают деньги на бумагу, но не хочется одолжаться и жить в Москве. Дела требуют моего присутствия в деревне, одна болезнь удерживает. Дмитриев уговаривал продать здешним книгопродавцам, но я боюсь их, как огня. Они изуродуют издание и на место завода напечатают два, как обыкновенно.

Том прозы будет интересен. Первая пиеса: речь, говоренная мною в московском собрании о словесности. Вторая: «Вечер у Антиоха Кантемира», то есть разговор его с Монтескье, где я последнего немного поцарапал. О Данте, Петрарке, Тассе, Ариосте. «Финляндия». «Похвала сну». «О морали». «О сочинениях Муравьева». «Письмо об академии», переправленное (надобно спросить у Олен<ина>, можно ли его печатать? Канва его, а шелки мои). «Замок Сирей». «О госпоже дю-Шатле». «О поэте». «О Ломоносове характере личном», и проч., и проч.

Стихи разделяю на книги: 1-я — элегии, 2-я — смесь, романсы, послания, эпиграммы и проч. Я подписываю имя, следственно, постараюсь сделать лучше — все, что могу! Титул: *«Опыты в стихах и прозе»* К. Б. Если издатель захочет сделать предисловие или замечания, то может, подписав имя свое. Одним словом, надеюсь, что моя книга будет книга если не прекрасная, то не совершенно бездельная. Дай мне решительный ответ. Пришли всю тысячу. Мне деньги очень нужны. Я болен и проживаюсь на лекарстве. Если ты понесешь убыток, то я отвечаю. Но этого предполагать не можно. На печать полагаю две тысячи: этого достаточно; мне две тысячи, *итого четыре*. Две части продавать по десяти рублей, итого за тысячу

экземпляров *десять тысяч р.* На комиссию положим две тысячи; следственно, *четыре очистятся.* Вот что мне говорил Каченовский, печататель чужих сочинений. Он мне и сам предлагал свои услуги, но я отказался, и главное — потому, что ты по дружбе это лучше сделаешь, и потому, что в Москве уродуют книги. Мне ты учинишь одолжение, без тебя не решусь печатать. Ты знаешь мою лень и нерешимость. Но прошу только печатать без шуму и грому. Обе книги вдруг выпустить. Жуковскому хвалители повредили. Греч объявит в «Сыне Отечества», Каченовский здесь. Я ручаюсь за него: вымолвит доброе словечко. Бог поможет: и я автор! Книги раскупят — а там пусть критикуют.

Дай же решительный ответ, т<о> е<сть> скажи: мне не надобно, или скажи: пришли том прозы, а я вышлю деньги к концу сентября. Вот на что прошу отвечать немедленно. Посоветуйся с знающими людьми. Мне сделаешь истинное одолжение, истинное, говорю: избавишь от хлопот и подаришь мне две тысячи. Ожидаю: да или нет. Но ни слова в моем условии не переменю: я обдумал все на досуге. Согласен ли? Прости, будь здоров, пиши экзаметры и не верь никому. Тебя сбивают с пути. Переведи несколько отрывков из «Одиссеи». Там можешь блеснуть экзаметром. Удивляюсь, что ты за нее не возьмешься давно. Что нужды, что не сряду. Пиши и люби меня.

Иванов умер. Он настрадался. Жаль его больно!

Еще прошу: никому не провозглашай, что я намерен печатать, и, начав печатать, молчи, пока все не выйдет. Уткин, верно, не откажется от виньетов. Я их тебе представлю, когда все будет готово. Берусь за это сам, на свой счет и отчет.

259. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<Первая половина сентября 1816.> Москва

Ты удивляешься, что я редко пишу, а я пишу во сто раз исправнее вас всех. У меня один мальчик, и часто некого послать на почту. Я все болен, и мне, клянусь честью, ехать нельзя. Живу не весело и проживаюсь. Пришлите, бога ради, деньги тысячу рублей к 10-му октября или ранее. Прикажи это старосте исправить. Если платить не будет исправно, то я продам деревню, и это говорю не в шутку.

Если будет легче, то в конце октября буду к вам: это мое желание. Но признаюсь, больному (а я очень болен) на убой ехать не хочется. В Даниловском дом холоден: ты знаешь, каково жить, а особенно мне, с ревматизмом во всем теле.

Я спокоен, весел, но у меня ни гроша нет, а занимать неохота. Пришли деньги, пиши чаще и люби меня, как я тебя люблю. Что ваш дом?

Четверг

Сокрушили Даниловск<ие> проекты, а кончилось, что я прав. Теперь мне смешно, что я огорчался. Что не мог ехать заключить контракт о работниках на завод! А батюшка сам теперь пишет, что завод идет худо.

260. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

17 сентября <1816. Москва>

Я спешу написать тебе несколько строк, милый друг и сестра Александра Николаевна, и известить тебя, что мое здоровье все в одном положении, т<о> е<сть> болит нога по-старому и не позволяет мне ходить и выезжать. Малейшая перемена в воздухе мне вредна. Ехать в таком положении в деревню было бы безрассудно. Здесь я живу покойно, в теплых комнатах, при надзоре лекаря и напротив аптеки. В деревне моя болезнь может усилиться и кончить жизнь. Вот почему я живу в Москве: мне не нужно себя оправдывать: ссылаюсь на всех знакомых, что говорю истину. Но я здесь проживаюсь. Каждый месяц стоит 500 р. и более. Я писал к тебе и просил выслать деньги к 10-му октября. Теперь прошу выслать к 30-му октября или в начале ноября, но не тысячу, а две или по крайней мере 1500. Устройся с старостою и попроси его моим именем. Пиши ко мне пространнее. Что вы делаете? Здоровы ли сестры? Где они? Где Павел Алексеевич? Я не писал к нему, полагая, что его нет в Вологде.

Приготовь мне белья: рубашек, платков, простынь, полотенец. У меня все пропадает от ветхости и небрежения. Будь здорова, весела и пиши почаще. Никогда письма ваши не были так коротки и редки, как ныне. Весь твой *Конст. Б.*

Собери книги мои.

261. Н. И. ГНЕДИЧУ

25 сентября 1816. <Москва>

Amen. Согласен на все, прочитав твое письмо, с тем только, что ни во что мне вступаться и ни за что отвечать.

Высылаю том прозы. Все обещанное мною исполнено, кроме статьи о Данте. Право, некогда, болен, и у меня нет вспомогательных книг. О маркизе дю-Шатле не будет, да и что в ней? Про одни дрожди не говорят трожди. А французские дрожди нам явно наскучили. Мне же не хочется иметь переводов; заметь: это немалое достоинство. Статью «О лучших свойствах сердца», статью не блестящую, но которая мне более всего нравится, ибо она лучше всего написана, возьми в «Сыне Отечества». У меня его нет и промыслить этого нумера не мог. «Кантемиров пир» пришли с первою почтою. Насилу отыскал перевод Гуаско, с которым надобно было справиться. «Кантемир» будет интересен. Если цензура что-нибудь вычеркнет в нем или в других пиесах (кроме «Кантемира», не знаю, к чему привязаться?), то замени ближайшим смыслом. Таким образом, взяв все вместе, будет с лишком 300 страниц печатных, полагая страницу в величину «Вестника», может быть, и гораздо более. Если какую статью захочешь выкинуть — выкидывай. Но для разнообразия приятно бы сохранить даже и «Финляндию», которая надута, но горяча. Марай, поправляй, делай что хочешь, но бога ради, ситации вернее напечатай. Надеюсь, что книга моя, имея таковогo издателя, каков переводчик Гомера, понравится aux esprits bien faits [1], а по разнообразию статей — и массе читателей. Скажи несколько строк в предисловии от издателя. Не говори о трактире. Мы не Глинки, и не хвали меня, особливо если подпишешь имя. Все знают нашу связь, и эта похвала покажется сомнительною. Надобно сказать в предисловии, что писано в разные времена, что у нас мало книг, прямо к словесности относящихся, мало прозы, и потом на коленях просить читателя раскупить издание, в ожидании второго.

Пришли мне условие, какое хочешь: я его подпишу. Могу умереть, и ты останешься в дураках. Согласен пять лет не издавать снова. Экземпляров печатай 1500 или две, не более. Но книгопродавцам о таком великом числе не объявляй: это может повредить. Печатай без подписки.

Том стихов отделаю и стану переписывать. Их менее прозы. Отделение элегий будет лучшее. Пришлю весь короб через месяц, через два или когда потребуешь, но назначь мне срок. Другую тысячу, за стихи, как сказано,— по напечатании их. Высылай *прозаическую* тысячу. Я ее несу в аптеку и к доктору.

Виньеток не надобно. Бог с ними! Нужна кашка. Посылаю тебе на образец. Если опробуешь, то отдай сделать ее и заглавные литеры надписей к листам Ухтомскому. Он мне приятель и за безделку *сваляет*. Выгравировать это *эскизом*, а не тщательно. Я отвечаю за одни доски, полагая, что они не более ста рублей будут стоить. Они бы и не нужны были для книги, но тебе с досками легче поверить экземпляры, и нет ли лишних в типографии? Второе издание, если Бог велит, сделаю красивее, а первое должно быть просто. За труды мои слишком буду награжден. Уверен, что оно будет не варварское, достойное пожирателя Гомеровых комментаторов и любителя Ельзевиров и Бодони! Ожидаю ответа и всей красноречивой тысячи. Скажу тебе, что Кокошкин скоро будет воспевать твои гекзаметры и басни соседа твоего. Прозы твоей читать не будем (я настоял по некоторым местным причинам), а напечатаем в собрании «Трудов», если хочешь. Скажи мне твою волю.

Все хорошо! Кроме моего здоровья. Меня отправляют на воды. Лекаря морщатся и прибегают к натуре или природе, а природа к натуре; понимаешь? Скоро очищу место для нового стихотворца и отправлюсь писать элегии в царстве Плутона. Прости, будь здоров и дай ответ скорей. Ожидаю его с нетерпением.

Здесь мелькнул Иван Матвеевич Апостол, урожденный Муравьев. Ты слышал о деле его. Кажется, он прав. Что у вас говорят законники? Желаю душевно ему успеху. Он тебе усердно велел кланяться и поскакал в деревню. Поклонись его детям и попеняй, что меня забыли. Они, право, неблагодарны к приязни.

Вручи Никите один экземпляр моей речи. Но чтобы он не показывал никому до напечатания. Эта речь нашумела здесь. Ты не удивишься, прочитав ее. Я истину ослам с улыбкой говорил.

Печатать ли «Прогулку в академии?» А жаль ее выключить. Расположение материй сделай сам, как заблагорассудишь. «Кантемира» *завернуть* в серединку.

---

[1] благородным умам (*фр.*).

262. В. А. ЖУКОВСКОМУ

27 сентября <1816. Москва>

Письмо твое, милый друг, Батюшков прочитал с радостию неизъяснимою, с восхищением. Ты любишь меня: это — главное, лучшее. Читая неумеренные похвалы себе, я положил с Вяземским, что ты спился с кругу долой и писал письмо с похмелья. История Мещевского вывела нас из заблуждения. Ты писал трезвый, нет сомнения, но и друзья твои трезвы. Они *положили, приговорили*, что ты ошибся и, конечно, без намерения обратить похвалы, тебе и Вяземскому принадлежащие, на бедного Батюшкова, который шестой месяц чуть на ногах держится. Все это прекрасно. В часы самолюбия поверишь, в часы уныния ободришься. Но зачем критика неправосудная? Когда я писал: *без дружбы и любви*, то, божусь тебе, не обманывал ни тебя, ни себя, к несчастию! Это вырвалось из сердца. С горестью признаюсь тебе, милый друг, что за минутами веселья у меня бывали минуты отчаяния. С рождения я имел на душе черное пятно, которое росло с летами и чуть было не зачернило всю душу. Бог и рассудок спасли. Надолго ли? не знаю! Я разгулялся и в доказательство печатаю том прозы, низкой прозы. Потом стихи. Все это бремя хочется сбыть с рук и подвигаться вперед, если здоровье и силы позволят. Потащусь за тобой и Вяземским, который истинно мужает, но всего, что может сделать, не сделает. Жизнь его проза. Он весь рассеяние. Такой род жизни погубил у нас Нелединского. Часто удивляюсь силе его головы, которая накануне бала или на другой день находит ему счастливые рифмы и счастливейшие стихи. Пробуди его честолюбие. Доброе дело сделаешь, и оно предлежит тебе: он тебя любит и боится. Я уверен, что ты для него — совесть во всей силе слова, совесть для стихов, совесть для жизни, ангел-хранитель. А ты спрашиваешь: за что тебя любят? И кто же? Друзья твои, которые тебя знают наизусть. Не имею права назвать себя другом твоим аз многогрешный, но приятелем назову смело, и приятелем из первых.

Вяземский послал тебе мои элегии. Бога ради, не читай их никому и списков не давай, особливо Тургеневу. Есть на то важные причины, и ты, конечно, *уважишь* просьбу друга. Я их не напечатаю.

Когда увидимся? Где и как, не знаю. Мое здоровье

вянет приметным образом, исчезаю. Последние годы меня сразили. Ты здоров, милый друг: работай для славы, для дружбы. Пиши стихи; подари нас поэмою. Верь, что тебе знают цену в России. Будь выше судьбы своей и не забывай высокого назначения своего, не забывай и выгод жизни. Тургенев может быть тебе полезен. Я предлагал ему уговаривать тебя издавать журнал в Петербурге. Если мое желание сбудется, то возьми меня в сотрудники; все сделаю, что могу, что буду в силах сделать. Кончу мое письмецо. Обнимаю тебя очень, очень крепко. *Константин.*

263. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

<Конец сентября 1816. Москва>

Крайне сожалею, любезная тетушка, о том, что вы были нездоровы, и надеюсь на божью милость, что болезнь ваша пройдет. Теперь время осеннее, и надобно беречь себя. Вы писать изволите, что мне московский воздух вреден, что в деревню ехать незачем и не должно, чтобы я не ездил также и в Петербург с больной головою. Бога ради, разрешите мое сомнение? где же мне жить прикажете? Я не могу подняться на облака, как в Аристофановой комедии действующие лица. Не ожидал от вас, милая и любезная тетушка, столь строгого приговора человеку, который несколько лет скитается из края в край. Что касается до Тургенева обещаний, то это одни замки на песке: я давно до них не охотник. Просить и кланяться в Петербурге не буду, пока будет у меня кусок хлеба: кланяться — чтобы отказали! В Италию не желаю для честолюбия, а для здоровья только: вы представить себе не можете, как оно у меня расстроилось. Но места в Италии нет: я здесь узнал это чрез Северина. Тургенев по этой части ничего сделать не в силах; ехать мне для пустяков не хочется; итак, отложим все и, если можно, устроим путешествие на Кавказ, куда меня лекаря посылают. Оно тем кстати, что вы мне запретили въезд в Петербург, в Москву и в деревню. Целую сто раз ручку Вашу, милая тетушка, за свидетельство. Но упрек за упрек: я писал к вам обстоятельно. У меня имения, кроме Ярославской и Вологодской губерний, нет: вы это знаете. Вот каково себе сделать репутацию бестолкового чело-

века! Мало целой жизни на то, чтобы исправить ее. Но я лучше умру с ней и с дружбою вашею, которая для меня всего драгоценнее. Весь ваш и по смерть преданный

Константин.

Иван Матвеевич приезжал сюда на несколько часов. Вы, конечно, знаете его дело. Он писал здесь письма и немедленно возвратился. Желаю душевно успеха в его предприятии. Надобно желать для детей его. Скажите, милая тетушка, мне под рукой, что вы думаете о его деле и есть ли ему надежда?

Фланель я не получил, аз бестолковый. Но аз пребестолковый благодарит Вас усердно.

Я забыл вам сказать, что болезнь меня удерживает в Москве против воли. Это истина. Прибавьте к этому, что московский воздух здоровее вашего.

Входит сию минуту Сергей Иванович. Он извиняется перед вами, что не пишет. Устал и ложится спать.

264. П. А. ШИПИЛОВУ

6 октября <1816. Москва>

Благодарю тебя, милый брат и друг, за присылку денег, а еще более за письмо твое, которое меня истинно обрадовало. Благодарю тебя за приглашение на север. Давно бы я был у вас, и вы, конечно, милые и добрые друзья, в этом не сомневаетесь; но болезнь, и болезнь мучительная, меня удерживает в Москве против воли моей. Теперь легче, но не совсем здоров, и предпринять путешествие не в силах. Надобно дождаться первого пути и белого снега. Теперь прошу тебя снабдить меня путевыми способами и выслать к 10-му ноябрю 1050 оброчных, вдруг — все. Остальные 500 до января можно отсрочить. Здесь я так прожился на аптеке и лекарях, так задолжал всем художникам от чеботаря до Гиппократовых чад, что не смею и подумать оставаться долее. Расплачусь и выеду. Беда — одна! Здоровье? Но! так и быть: больной поеду. Шутки в сторону, прошу тебя в будущем месяце снабдить тем элементом, который всех превосходней: не водою, по Фалесу-мудрецу, но деньгами. Благодарю милую сестру за приписание и уведомление о детях, которых я люблю всем сердцем. Везу Алеше «Риторику», а Саше иглу с ниткою, а вам —

себя. Сожалею крайне о Вареньке и желаю ей выйти замуж скорее, как можно скорее. Пора. Право, пора, между нами будь молвлено. Аркадию Аполлонычу мой усердный поклон: скажи ему, как бы его хозяйство и деревни хороши ни были, но я найду его покритиковать и, если угодно ему, приеду с топором прочищать виды: он знает, как я ему часть усовершенствовал. Простите, милые друзья мои, обнимаю вас от всего сердца и всей души.

Изжарь Василья Захарова? Что он делает — и что мне с ним делать? Не хочет ли он внести за себя тысячу рублей; я дам ему свободу жить где хочет.

265. А. И. ТУРГЕНЕВУ

14 октября 1816. <Москва>

Ей-ей, impromptu!

О ты, который средь обедов <...и далее>

Вдова Попова, урожденная Молчанова, подала прошение в сословие призрения разоренных неприятелем чрез князя С. М. Голицына 27-го апреля 1816. Сделайте что-нибудь для нее вы, который... Да не забудьте моего Медема и, если можно, попросите Трощинского. Не могу больше писать прозою. Одышка берет. *К. Батюшков.*

При сем прилагаю с Поповой записку ко мне Анны Львовны Пушкиной, чтобы более вас расстрогать. Василий Львович жив. Враги его распустили было слух о преждевременной его кончине, и музы готовились оплакать своего старосту. Но он явился подобно солнцу, рассевающему черные тучи, поехал обедать в клуб на дрожках. Все ахнули. Мнимый мертвец кушал по-старому и заплатил за обед 3-70 коп. с обыкновенною щедростию.

266. Н. И. ГНЕДИЧУ

28—29 октября <1816. Москва>

Столько и столько надобно писать к тебе, милый друг, что я, право, не знаю, с чего начать. С. И. Муравьев был здесь. Он скажет тебе: что Ипполит оставался у меня на

руках, сделался болен, выздоровел. Я ходил за ним в болезни, время пролетало, я ничего не делал. Виноват ли я? Конечно, нет. Поспешу вознаградить утраченное время. Начиная ответ на письмо твое:

О друг мой, сколь важна услуга мне твоя,
Лишь чувствовать могу, сказать не в силах я!

Получил деньги. Грек мне вручил. Кириелейсон! При сем провождаю условие. Копия мне не нужна. «Кантемира» пришлю через неделю. Эта статья довольно длинна. Для «Путешествия в Сирей» не будет нужна статья о Шатле. Право, довольно. Если могу сладить с Данте, и если нужно будет, вышлю. Книга будет толста, если не напечатаешь большой формат — от чего Боже избави! Надобно *дамскую* книжку: поменее и потолще. Начни, Бога ради, печатать прозою. Дай мне время справиться со стихами. Их будет менее, чем прозы, но зато их и печатать реже. Верь мне, что я теперь не на розах. Бьюсь, как рыба об лед, с чужими хлопотами и свои забываю. Стихам не могу сказать: Vade, sed incultus [1]. Надобно кое-что исправить. Кстати о поправках. В прозе исправь эпитет: *славный* Мерзляков; напиши *знаменитый*, если хочешь, или *добрый*. Статью «Ломоносова характер» печатай по «Вестнику», кроме места о Шувалове, которое печатай по рукописи. Все исправляй, как хочешь, не переписываясь со мною. Это слишком затруднительно и бесполезно.

Сегодня получил «Танкреда». Благодарю от всей души! Примусь за него и когда-нибудь возвращу тебе с замечаниями. Перевод в иных местах превосходен. Я это и прежде тебе говорил. Портрет прелестен. Кокошкину вручил экземпляр. С ним условлюсь и отпишу тебе о продаже. Каченовский благодарит и провозгласит. Я нарочно, в дождь и грязь, ездил в его келью парнасскую. Общество приняло экземпляр с *достодолжною признательностию* и возвестило ее в полном собрании сего дня (28-го октября) чрез уста Антонского,— отца и покровителя. Гекзаметры читал Яковлев,— и прекрасно! Они понравились взрослым людям; впрочем, у нас дети-малютки! Басни Крылова рассмешили. Все прекрасно! Ты себе вообразить не можешь, что у нас за собрание, составленное из прозы, стишков детских, чаю, оржаду, детей и дядек! Бедная словесность! Бедный университет! Я повторяю сказанное: в Беседе питерской —

варварство, у нас — ребячество. Не сказывай этого никому.

Еще раз повторяю: прозу не печатай вместе с стихами, а сперва. Можно выпустить вместе. Займусь перепискою стихов. Вышлю тебе сперва книгу элегий, потом смесь, послания и проч., а там сказку с поправками, если успею. Не могу изъяснить тебе моей признательности. Конечно, издание будет исправно в руках твоих. Мне не тягостно быть тебе благодарным, а приятно. Сожалею только, что болезнь, хлопоты и время не позволили сделать лучше, исправнее, интереснее моей книги. Каченовский говорил мне, что издание сойдет; он предлагал даже подобные деньги, но я все страшусь за тебя и повторяю: не пеняй! Я буду в отчаянии, если не удастся.

Каченовский читал «Рассуждение о славянских диалектах». Я не критик, я невежда, но, кажется, он режет истину. Он утверждает, что Библия писана на сербском диалекте; то же, думаю, говорит и Карамзин,— а славенский язык вовсе исчез; он чистый и не существовал, может быть, ибо под именем славен мы разумели все поколения славенские, говорившие разными наречиями, весьма отличными одно от другого. Он разбудит славенофилов. Если правду говорит Каченовский, то каков Шишков с партией? Они влюблены были в Дульцинею, которая никогда не существовала. Варвары! они исказили язык наш славенщизною! Нет! никогда я не имел такой ненависти к этому мандаринному, рабскому, татарско-славенскому языку, как теперь! Чем более вникаю в язык наш, чем более пишу и размышляю, тем более удостоверяюсь, что язык наш не терпит славенизмов, что верх искусства похищать древние слова и давать им место в нашем языке, которого грамматика, синтаксис, одним словом, все — противно сербскому наречию. Когда переведут Священное писание на язык человеческий? Дай Боже! Желаю этого!

Вот другая новость: Петров, сын Петрова, исказителя «Энеиды», но великого лирика, Петров-сын перевел «Илиаду» эксаметрами всю и отправился с нею в Питер. Мало-помалу разбери ее. Твои враги обрадуются случаю, но Феб тебя приосенит, тебя, любителя Гомера. С некоторых пор на Парнасе все кабала и кабалы, Des protégés si bas, des protecteure si bêtes! [2] Ты мне ничего не говоришь о виньете.

«Кантемира» вышлю с первою почтою; если прозы недостанет, то у меня есть статья: «Характер искатель-

ный», но сатирическая, а я с некоторого времени отвращение имею от сатиры, и переписывать ее охоты нет. Прилагаю при сем условие. Мне не надобно копии.

---

[1] Иди, хоть и неотделанная (*лат.*).
[2] Покровительствуемые столь низки, покровители столь глупы! (*фр.*)

267. Н. И. ГНЕДИЧУ

7 ноября <1816. Москва>

При сем посылаю тебе Кантемира. Прими его в объятия твои, еще сырого, из-под пера моего; хотя несколько раз я его переписывал, переправлял, но все не доволен слогом. План и мысли довольно хороши. Все оригинально, и у нас не было ничего в этом роде. Монтескье разговор — мозаика из его сочинений. Какой бред! Вот каково философствовать о Севере, не зная его.

Теперь, надеюсь, довольно. Если мало будет, то уведомь; что-нибудь в конце можно припечатать о Данте.

Я в рассеянии и хлопотах. Но работы не выпускаю из рук. Недавно комната очистилась, и у меня свободный угол. Здоровье мое очень плохо, но я сбираюсь в деревню. Дела того требуют.

Занимаюсь стихами, и прошу и заклинаю тебя повременить, для собственной твоей пользы. Предваряю: стихов менее, чем прозы, но их можно разбить и печатать реже. Формат Никольского «Пантеона» и печать мне очень нравятся. Нельзя ли на этот манер?

У Долгорукова сбираются играть твоего «Танкреда». Кокошкин геройствует. Если будет при мне, то все опишу.

Какова тетушка?

268. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

14 ноября 1816. <Москва>

Спешу, любезная тетушка, поздравить вас с днем Вашего ангела и пожелать провести оный весело, посреди людей, вас искренно любящих. Болезнь ваша меня сокрушала, и я с радостью узнал из письма Никиты, что вам, благодаря богу, легче. Сожалею, что не могу быть при вас; не знаю даже, могу ли иметь надежду на близкое свидание с вами. Снег падает, путь устанавливается, и я

готовлюсь к отъезду в деревню, несмотря на боль ноги моей. В снегах, но с родными, которые всегда любезны сердцу моему, проживу скучную зиму, и если доходы мои дозволят, то приеду по весне к вам, либо отправлюсь на Кавказ: тамошние воды, говорят, полезны, а забота о здоровье моем должна быть главнейшею моею заботою. Радуюсь душевно, что братец Никита пробивает себе дорогу истинным достоинством личным и трудами. С удовольствием услышал, что он при Жомини и для него работает; но желаю и прошу его не все жить умом в лагере, танцевать более, выезжать, веселиться и писать по-русски. Русский язык — его орудие; твердите ему потихоньку, милая тетушка; орудие к славе, язык, а не сухая ученость — часто бесплодная! Не сказывайте, что это мой совет. Высылайте его как можно чаще и в вихорь светский. Qui n'a pas l'esprit de son âge, De son âge a tout le malheur [1]. Я говорю нарочно о братце, в полном уверении, что не могу лучшего подарка вам принести на именины, как говорить о добром, милом и умном Никите с вами, милая и любезная тетушка. О себе ничего не пишу ни хорошего, ни худого. Я довольно весел, выезжаю часто и ищу рассеяния во всех родах, как рыба ищет воды. Занятия мои прерваны совершенно, но зато голова здорова. Я был бы совершенно счастлив, если б видел вас в полном здравии, если б жил с вами, но судьба мне поперечит. Обнимаю Сашу и сто раз целую ручку Вашу, которая ко мне давно не пишет.

---

[1] Кто не соответствует своему возрасту, пожинает все его несчастья (*фр.*).

269. Н. И. ГНЕДИЧУ

27 ноября <1816. Москва>

Вручитель сего письма отрапортует тебе обо всем исправно, что касается до беседы нашей и твоего «Танкреда». Замечания на него я пришлю из деревни. Радуюсь душевно, что Кантемир тебе понравился, милый друг. Стихи переписаны, рукою четкою. Много новых пиес. И между тем как ты поешь рождение сына Мелесова, всевидящего слепца, я пою его бой с Гезиодом, т. е. я перевел прекрасную элегию Мильвуа «Гезиод и Омир», которая дышит древностью. Все пришлю, когда потре-

буешь. Прошу усердно тебя исправить что не понравится, не переписываясь со мною. Издание, формат, шрифт — все от тебя зависит. Боюсь только одного: чтобы не было ошибок. Тебе корректура наскучит. Найми кого-нибудь; я заплачу. Стихов будет — я не ожидал этого — более прозы. Прибавь замечания, если нужно.

Собираюсь в деревню, на днях. До отъезду отпишу тебе. Мое здоровье все плохо. Если будут весною деньги, то поеду на Кавказ, или в Питер. Из деревни получишь все: стихи и длинное письмо. Обнимаю тебя душевно, милый и добрый друг. Будь здоров и помни и люби твоего

Батюшкова.

270. А. И. ТУРГЕНЕВУ

4 декабря 1816. <Москва>

Для бедной Поповой вы до сих пор ничего не сделали, любезный Александр Иванович, и все мои рифмы были напрасны. Таким образом вы отучите писать в стихах и называть вас защитником красоты и бедности. Хочу попробовать *на прозах* говорить с вами. Пришлите ей маленькое вспомоществование на имя В. Л. Пушкина. Если бы тысячу! Как бы я вас благодарил!

Я пишу к вам с отъезжающим Иваном Матвеевичем, который отправляется по известному вам делу. Он надеется, что Александр Иванович примет живое участие в его судьбе и не откажется дать ему при случае полезный совет. Как отец семейства, как человек, Иван Матвеевич имеет право на участие сердец благородных, на участие людей, подобных вам, любезный Александр Иванович. Дело его правое. Если есть правосудие, то оно должно быть на стороне его. Ничего не скажу более: вам приятнее будет разговаривать с любезным и почтенным вручителем сего письма, нежели читать мою плоскую прозу.

Кстати о прозе, и плоской. Скоро выйдут в свет мои сочинения. Вам обрек я экземпляр; получите его от Гнедича. В лесах я буду писать. *Авось...* напишу что-нибудь путное и достойное людей, которые меня любят, достойное вас и Жуковского. Мой усердный поклон ему и Д. Н. Блудову, М. А. Салтыкову, о котором я часто имел удовольствие говорить здесь в Москве. Не забывайте меня, сельского жителя, который вас и любит и уважает.

271. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<15 декабря 1816. Даниловское>

Я сию минуту приехал к батюшке и нашел его, благодаря бога, в совершенном здравии. На дороге встретил его, посланного ко мне, который со мною воротился. Отправь, мой друг, его письмо в Вологду немедленно. Ожидаем сюда Ивана Семеновича, и свидание с братом ему необходимо, по словам батюшки: а дела идут не так худо до сих пор. Все решили вконец. Я здоров. Пиши ко мне. Не забудь моих комиссий, будь веселее и бодрее. Верь мне, что и твои огорчения пустые. Здесь все хорошо до сих пор. Анна Львовна тебе кланяется. А я всем усердно. Прости, будь здорова.

272. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

17 декабря <1816>. Даниловское

Il y a deux jours que je suis à Danilovsky, ma chére soeur, je viens de Moscou en voiture. Grâce à Dieu, mon Pere se porte bien hors un petit accès de goutte. Il fait bien froid dans la maison et moi presque malade, je crains bien de me refroidir bras et jambes: ça ne m'arrangeroit pas, je Vous assure. Il faudra bien que je reste ici une quinzaine de jours. Je ne partirai que le trois de janvier pour Хантоново. Donnez vos ordres, je vous prie pour qu'on me prépare une chambre chaude; un lit e.t.c. J'y resterai trois semaines ayant quelques affaires à terminer et à recuellir mes esprits d'un long et fatigant voyage. N'y venez pas, si ça vous dérange. J'irai moi-même, à Vologda et à la fin de Janvier vous m'y verrez pour sûr. Je prie mes soeurs et mon beau-frere de m'attendre à bras ouverts. J'ai craché et sué. Il ne me fait rien. J'attends des lettres par Череповец, mais je pourrai l'en faire prendre à mon arrivée. Je veux embrasser tous, tant que vous êtes, et vous donner ma bénediction. Adieu. Au revoir. Je veux écrire en français et pour cause [1].

---

[1] Я уже два дня в Даниловском, моя дорогая сестра, я приехал сюда из Москвы на бричке. Слава Богу, батюшка чувствует себя хорошо, не считая легкого обострения подагры. В доме очень холодно, и будучи почти больным, я опасаюсь застудить руки и ноги. Уверяю тебя, что для меня это не годится. Мне придется остаться здесь на две недели. Раньше третьего января я не выеду в Хантоново. Прикажи, прошу тебя, чтобы мне приготовили теплую комнату, постель и т. д.

Я задержусь там три недели. Мне надо закончить кое-какие дела и собраться с духом после долгого и утомительного путешествия. Не езжай туда, если это тебе трудно. Я сам поеду в Вологду, и в конце января мы наверняка увидимся. Надеюсь, что сестры и зять встретят меня с распростертыми объятьями. Я кашлял и потел, но не разболелся. Я жду писем через Череповец, но могу и приказать забрать их при своем возвращении. Хотел бы обнять вас всех и благословить вас. До свидания. Я пишу по-французски, и для этого есть свои причины (*фр.*).

273. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Конец декабря 1816 — первые числа января 1817. Хантоново>

Замерзлыми от стужи перстами пишу тебе несколько слов. Я приехал в деревню, и прошу тебя писать туда. В Череповец, Новгород<ской> губерн<ии>. Прошу писать пространнее, о книге: как? что? зачем? и проч., как водится. Бога ради, не ленись. И<ван> М<атвеевич> у вас о сю пору. Здорова ли тетушка? Она меня забыла. Проси И. М., чтоб он не забывал меня. Обнимаю тебя очень крепко. Более писать не могу.

От стужи весь дрожу,
Хоть у камина я сижу.
Под шубою лежу
И на огонь гляжу.
Но все как лист дрожу,
Подобен весь ежу.
Теплом я дорожу,
А в холоде брожу;
И чуть стихами ржу.

По такой стуже лучше писать не умею. N'allez pas faire vos vers en Allemagne [1], говорил Вольтер кому-то. Но это до меня не касается.

Бога ради, пиши о книге и чего ты желаешь?

[1] Не отправляйтесь писать стихи в Германию (*фр.*).

274. Н. И. ГНЕДИЧУ

9 января 1817. <Хантоново>

Сделай одолжение, милый друг, отошли со сторожем это письмо слесарю моему; оно очень нужно. Слесарь вручит тебе сто рублей, а ты вручи их книгопродавцу на

следующие книги, которые он пришлет мне в Череповец на имя Алек<сандры> Николаевны.

«Вестник Европы» на 1817 — 18 р.;

«Сын Отечества» за одну половину — 18 р.;

Басни Крылова, с портретом, без картин;

«Путешествие» Головнина, в переплете;

«Письма русского офицера», в переплете, и, если достанет денег, то «О высоком», Мартынова перевод.

На будущей почте писать буду более. Теперь разбираю домашние дела — и стихи для печати. Уведомь, скоро ли потребуешь. Если не так скоро, то я переправлю многое. Деньги к<нязю> Гагарину я вышлю на твое имя с будущею почтою. Бога ради, вручи ему сам. Я и писать буду. Будь здоров. Пиши. Что делается у вас хорошего? Пиши пространнее. Это письмо оживит

Пустынника.

275. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

14 января 1817. Хантоново

Я пишу к тебе несколько строк, милый друг. Недавно приехал в мою деревню и не успел еще оглядеться. Все разъезжал семо и овамо. Теперь начинаю отдыхать, раскладываю мои книги и готовлю продолжительное рассеяние от скуки, то есть какое-нибудь занятие. Если здоровье позволит, то примусь за стихи. Переправляя старые, я почти всеми недоволен. «Гезиод» кончен довольно счастливо; если время будет, то перепишу и доставлю тебе для замечаний. Кстати о замечаниях, уведомь меня, где Жуковский; мне к нему крайняя нужда писать о деле, для него интересном. Если бы он был в Петербурге! Как бы это кстати было для моего издания; он, конечно, не отказался бы взглянуть на печатные листы и рукопись. Я теперь живу с ним и с тобою. Разбираю старые письма его и твои и еще некоторых людей, любезных моему сердцу. Веришь ли, что это занятие есть лучший мой отдых, и легко поверишь: я один-одинёхонек. Ожидаю сестры, и проживу с нею всю весну безвыездно. Если бы здоровье! Но терпенье заменит его. Ноге моей хуже и хуже; впрочем, я бодр, даже езжу верхом, пью, ем и почиваю лучше Василья Львовича, которому от меня усердный поклон: я к нему писать буду.

Скажи мое душевное почтение княгине. Напомни всем знакомым, кто вспомнить захочет, а особенно Ивану Ивановичу, которого благосклонность и ласки нигде ни в какое время не забуду: и здесь они доставляют мне сладкие воспоминания. Если есть у тебя свободное время, в чем сомневаюсь, то уделяй мне хотя одну минуту в неделю. Напиши, что ты здоров: с меня и этого будет довольно. Ты не знаешь, как я тебя люблю, и за что? Уведомь меня, что ты делаешь. Не заставь меня краснеться, делая вопросы твоей авторской совести. Прости моей дружбе и искренности маленькие упреки; это все лучше, нежели лесть, которой около тебя много и в которой ты, конечно, нужды не имеешь. Надобно, чтоб я тебя очень любил: ты первый человек, с которым я был чистосердечен. Но более всего будь счастлив, здоров и весел; это главное; потом люби меня, хотя в десятую долю, и верь искренней привязанности твоего *К. Батюшкова.*

276. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Вторая половина января 1817. Хантоново>

Может поэзия, дружество и все прекрасное воскликнуть: Триумф! давно я так не радовался. Наконец, Жуковский имеет независимость и все, что мы столь горячо желали, сбылось. Хвала царю, народу и времени, в которое Карамзин и Жуковский так награждены! Не говори этого в Английском клубе: тебя не поймут или выставят на черную доску. Итак, видишь ты, что посреди снегов и варварства тлеют прекрасные искры небесного огня, и что мы, служители муз, здесь не чужды. Желаю счастия нашему Жуковскому, желаю, чтобы он вполне оправдал высокое мнение мое о его высоком таланте: желаю, чтобы он не ограничил себя балладами, а написал что-нибудь достойное себя, царя и народа. Ты опять пожмешь плечами; но я не переменю моего мнения. Поэму, поэму! Какую? Она давно в голове его, а некоторые рассеянные члены ее в балладах. Пришли мне «Певца на Красном крыльце», пришли новостей литературных: ты забыл, что я больной, в снегах среди медведей, но духом посреди избранных. Теперь поговорим о собственном деле. Метеллий отставлен, пишут из Москвы к Шипилову. На место его к<нязь> Оболен-

ский, твой родственник, человек честный и уважаемый всеми. Радуюсь для Муз и для себя. Нельзя ли на место директора вологодской гимназии поместить родственника моего, П. А. Шипилова? Говорят, что вологодский нынешний директор не останется. Если это место праздно, то проси за Шипилова. Ты знаешь его. Ни слова не скажу в его пользу. Он ныне свободен. Сдал дела по предводительству. Общество было им довольно. Если к<нязь> Оболен<ский> будет согласен, то бога ради, напиши к Тургеневу немедленно, чтобы там не поместили кого-нибудь из петербургских господ желающих. Я не могу изъяснить тебе, как ты обяжешь меня, сестру и брата. За что ты на меня изволишь гневаться, спрашиваю тебя? Если бы ты мог читать в моем сердце? Оно все тебе предано и тем виновато, может быть, что тебя слишком любит. В этом мире и любовь — вина, так он хорош, этот мир! Прости, будь счастлив и пиши ко мне чаще, прошу тебя, моя милая рожица! Я так весел сегодня, что рад обнять тебя, как будто мне пятнадцать лет, и будто дружество, любовь и поэзия не химеры. Где Жуковский? Поздравь его за меня. Что делает В. Л. Пушкин? Как бы я его теперь прижал к моему сердцу! Он, верно, потеет от удовольствия. Наша взяла! Скажи ему:

... Tröstlich
Ist es für uns, den Mann gerühmt zu wissen
Der äls ein grosses Muster vor uns steht [1].

Я только что прочитал это, когда получил твое письмо. Напомни обо мне ее сиятельству. Кланяюсь ей в землю. Уведомь меня, здоров ли Карамзин и скоро ли выйдет его «История». Это мне знать необходимо нужно для моих занятий. Что делает Соковнин? Здоров ли он? Чем промышляет, весел ли и проч.?

---

[1] Утешительно нам знать, что славят того человека, который служит нам образцом (*нем.*).

277. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Вторая половина января 1817. Хантоново>

Не могу тебе изъяснить радости моей: Жуковского счастие, как мое собственное! Я его люблю и уважаю. Он у нас великан посреди пигмеев, прекрасная колонна

среди развалин. Но твое замечание справедливо: баллады его прелестны, но балладами не должен себя ограничивать талант, редкий в Европе. Хвалы и друзья неумеренные заводят в лес, во тьму. Каждого Арзамасца порознь люблю, но все они вкупе, как и все общества, бредят, корячатся и вредят. За твою критику надобно благодарить, а не гневаться. Уверен, что в душе сам Жуковский тебе благодарен. Что до меня касается, милый друг, то я не люблю преклонять головы моей под ярмо общественных мнений. Все прекрасное мое — мое собственное. Я могу ошибаться, ошибаюсь, но не лгу ни себе, ни людям. Ни за кем не брожу: иду своим путем. Знаю, что это меня далеко не поведет, но как переменить внутреннего человека? И<ван> М<атвеевич> часто заблуждался от пресыщения умственного. Потемкин ел репу: вот что делает И. М. Как бы то ни было, он у нас человек необыкновенный, и тебе завидую: ты с ним проводишь золотые часы. Пожалей обо мне. Я в снегах; около меня снег и лед. Здоровье плохо, очень плохо, но я тружусь и исполню обещание, пришлю стихи. Портрета никак! На место его виньетку; на место его «Умирающего Тасса», если кончить успею (сюжет прекрасный!), «Омира и Гезиода», которого кончил, и сказку «Бальядеру», которая в голове моей. Начни с прозы. Стихи после печатай; выпусти все вдруг, без шуму, без похвал, без артиллерии, Бога ради! Если будешь внакладе, то я выручу. На портрет ни за что не соглашусь. Это будет безрассудно. За что меня огорчать и дурачить. Но другие... Пусть другие делают что угодно: они мне не образец. Крылов, Карамзин, Жуковский заслужили славу: на их изображение приятно взглянуть. Что в моей роже? Ничего авторского, кроме носа крючком и бледности мертвеца. Укатали бурку крутые горки! На первых неделях поста вышлю стихи. Они готовы, только свистни. Теперь я по делам домашним в скучных разъездах, все без пристанища. Высылаю деньги Гагарину. Исполни мои комиссии о книгах. Крайняя нужда в журналах. Будь чистосердечен, скажи мне: за что Оленины на меня в гневе. Ниже мыслию не заслужил этого. Право, это больно моему сердцу. Я им много обязан, а быть неблагодарным гнусно и на меня не похоже. За что же я забыт А<лексеем> Н<иколаевичем>? Бога ради, скажи чистосердечно, что я сделал и как могу загладить вину мою, но какую? — Обнимаю тебя. Попеняй Катерине Федоровне и Никите: они не помнят, что я дышу еще. Будь здоров, весел и не хворай

ногою, как *Аз* калека. Высылай «Рождение Омира». Я буду принимать его от купели.

Прости. Vale [1] и пришли мне канастеру два фунта на мой счет, не то я напишу на тебя сатиру и покажу ее Омиру и всему миру.

Обними соседа. Но как обнять? Он, я думаю, толще всех поэтов вкупе и рассудком и тушею, то есть Крылову мой поклон.

---

[1] Будь здоров (*лат.*).

278. Н. И. ГНЕДИЧУ

7 февраля <1817. Хантоново>

Я получил книги твои, кроме журналов, а они всего нужнее. Получил и «Рождение Омира». Очень благодарен. Прекрасно! Твой талант пробудил мой маленький спящий или оледенелый Гений. Я читал, наслаждался и завидовал. Не могу входить в подробности, но сделаю со временем замечания и пришлю их на этом экземпляре, а мне доставь другой в переплете; иначе не расстанусь. Хорошие русские стихи в деревне сокровище: вы этого не понимаете, жители булевара. Скажу только, и мое замечание, кажется, справедливо, что перемена метра в таком роде не годится и жалобы Фетиды слишком длинны, так длинны, что затмевают и растягивают сюжет. Поэма чрез ямбы выиграет. Верь мне: я в этом деле изрядный судия. И чем быстрее будет ход вначале, тем более интересу. Вся басня прекрасно создана: изобретение, и вымысел, и ход. Напрасно не упомянул при конце о русском флоте, который некогда бился и поразил турков у берегов Троады. Это дало бы повод к сильным стихам, и весьма кстати. Впрочем... славно! Я хвалю от сердца. Ни слова о костюме и нравах: этого дела ты мастер. Но еще раз не жалей и хороших стихов: марай и выключай. Это правило Буало. Тогда поэма твоя будет нечто полное, круглое, целое. Обдумай мои слова. Я читал один, без предрассудков и предубеждений; итак, если ошибся, то ошибся как истинный поэт, а не критик *зоркий*. Есть погрешности в слоге: я отмечу их, и ты мигом исправить можешь. Знаешь ли, зачем так хлопочу об этом? Затем, что у нас на Руси мало подобного.

У вас Филимонов. Он писал ко мне из Москвы и просил познакомить с тобою покороче. Ты знаешь его; он милый, добрый и умный человек. Желает познакомиться с Олениным. Доставь ему это знакомство, если можешь, и меня тем немало одолжишь.

К Гагарину через тебя отправляется 800 р. Если еще что причтется, отдай из своих денег: это безделка, я доставлю тебе немедленно. Скажи к<нязю>, что я его благодарю. Он на меня сердится? Если так, то бог с ним, а я все-таки ему благодарен буду, и буду любить и уважать его, как благодетеля, который мне оказывал услуги со всею возможною учтивостию и добродушием русского барина, в хорошем значении сего слова.

Стихи почти готовы. Но если тебе не крайняя нужда, то повремени еще. Право, все в хлопотах, и не до стихов. Кажется, я писал к тебе, что желаю еще напечатать книжонку. Что дадут книгопродавцы за книгу следующего содержания:

Все прозою:

Пантеон итальянской словесности
Жизнь и поэма Данте: «Ад» отрывками.
Отрывок из «Иерусалима»: Олинд и Софрония.
Отрывок из «Роланда»: Его бешенство.
Отрывок из «Роланда»: Альцина.
Отрывок из Маккиавеля.
Описание моровой язвы из Боккачио.
«Гризельда». Лучшая сказка из Боккачио.
Взгляд на словесность итальянскую в лучшее ее время и нечто тому подобное.

Я этот труд довольно скучный и для воображения бесплодный принял бы на себя ради денег. И, если бы знал наверное, что дадут за книжку в 300 страниц 1500 рублей или около того, то взялся бы представить ее к 1818 году. Поговори с книгопродавцами и сводниками Парнаса. Будь здрав о Ахиллесе и прости.

Весь твой *Константин.*

Скажи Филимонову, что я писал к нему в Москву и адресовал следующим образом: в Сущев, в собственном его доме. Так ли? Пусть от него сходят на почту, если письмо не принесено в дом.

Вот письмецо к К<атерине> Ф<едоровне>.

Как мы с тобою съехались на Парнасе. Филимонов скажет тебе, что я читал ему Бой Гезиода и Омира (я писал тебе об нем) и что я употребил выражение

слепец всевидящий,

говоря об Омире. Как мы сошлись? Это, право, странно — и *потомство*? что скажет? Подумает, что я обокрал тебя! Это ужасно! Я целую ночь не мог спать, и голова разболелась от беспокойства.

279. Н. И. ГНЕДИЧУ

21 февраля 1817. <Хантоново>

Прошу тебя, милый друг Николай Иванович, приложенное письмо к Дамасу и 1720 руб. отправь в Париж через банкира или через посредство А. Н. Оленина. Конечно, есть курьеры верные. Не замедли, бога ради. Теперь писать некогда, а с почтою напишу более. *Константин Батюшков.*

280. Н. И. ГНЕДИЧУ

27 февраля 1817. Хантоново

Посылаю тебе сочинения Батюшкова, к которому ты вовсе не пишешь и очень дурно делаешь. Он болен и пишет через силу свои сочинения. Я послал князю Гагарину 800. Получил ли ты?

Еще отправил 1720 на твое имя. Прошу переслать их Дамасу через Алексея Николаевича или через Катерину Федоровну, которая, может быть, возьмет на себя попросить Раля. Всего бы лучше с курьером. Надобно отдать Дамасу бумажками. Там разменяет он, ибо теперь в Париже есть русские менялы. Это ему выгоднее и мне лучше. Напиши к нему сам словечка два. Но бога ради, отправь эти деньги. Они у меня на душе были. Ни расписки, ни записки у Дамаса нет, а я, бессмертный стихотворец, мог умереть в это время, и тогда он наплясался бы с долгом, а я с совестию на том свете.

Если ты мне писать не будешь в ответ на мои письма, то я, право, прогневаюсь. Это меня несказанно расстраивает. Здорова ли тетушка? Хоть бы ты уведомил.

Что скажу о себе? Болен. В деревне скучно, грустно и глупо. Не приехать ли к вам? Как думаешь?

Дай ответ на мою просьбу о переводах италиянских. Или ты думаешь, очень весело переводить длинные периоды Боккачио даром? Славы от этой прозы не будет. А от стихов? Правду сказать, трепетал, зашивая их. Ну, если не понравятся? Оживи меня.

Я начал «Смерть Тасса».— Элегия. Стихов до 150 написано. Постараюсь кончить до своей смерти. И сюжет, и все — мое. Собственная простота. Когда начнешь печатать, я и это могу выслать. Но шутки в сторону, я скоро впаду в чахотку. Грудь у меня исчезает; нога болит. Умираю... умер!

Что И<ван> М<атвеевич>? Скоро ли едет домой и с чем?

Нельзя ли меня причислить куда-нибудь без жалованья по службе? Подумай об этом и отпиши ко мне, милый друг. Мое положение без службы, право, не забавно.

У Греча есть типография. Не купит ли он переводы?

281. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

4 марта 1817. <Хантоново>

И я, и брат мой, и все мои благодарим за старание твое, хотя бесплодное. Я с моей стороны исполнил долг свой; я не желал упустить случая быть полезным хорошему родственнику, не желал упустить случая тебе дать повод к доброму делу, зная, что это для тебя праздник. Итак, смиряясь перед судьбою, к нам всем довольно строгою, продолжаю отвечать на письма твои. Благодарю Жук<овского> за предложение трудиться с ним. Это и лестно и приятно. Но скажи ему, что я печатаю сам и стихи и прозу в Пет<ербурге> и потому теперь ничего не могу уделить от моего *сокровища*, а что вперед будет — все его, в стихах, разумеется. По приезде в деревню я заплатил шесть тысяч. Чахотка в кармане. В виду ни гроша почти на весь год, если не удадутся мне некоторые обороты. *А жить надобно*, как говорит Шатобриан. (Ей-ей, он это написал! Какова ситация?) Вот почему я должен взяться за работу, скучную, но полезную. Собираю италиан<ские> переводы в *прозе*, отборные места, и хочу выдать две книжки. Может быть, продам их за две тысячи. Итак,— ты ясно и сам видишь, могу ли рассеять мою ра-

боту в периодическом издании? У меня книга готова. Взял контрибуцию с Данте, с Ариоста, с Тасса, с Маккиавеля и бедного Боккачио прижал к стене. Всем досталось! Доберусь и до новейших. Чем более вникаю в италиан<скую> словесность, тем более открываю сокровищ истинно классических, испытанных веками. Не знаю только, хорошо ли это будет в русской прозе? вот отчего нередко у меня руки опускаются. Пишу около пятнадцати лет для русской публики (c'est tout dire) [1], а от совести отучиться не могу! — Но я согласен с тобою насчет Жук<овского>. К чему переводы немецкие? Добро философов. Но их-то у нас читать и не будут. Что касается до литературы их, собственно литературы, то я начинаю презирать ее. (Не сказывай этого!) У них все каряченье и судороги. Право, хорошего немного. Недавно я бросил с досады Иоганна Миллера. Говоря о веке Екатерины, он говорит только о Минихе, потому что он был немец. Глубокомыслия пучина, а где рассудок? Слог Жуковского украсит и галиматью — но польза какая? то есть *истинная польза*? Удивляюсь ему. Не лучше ли посвятить лучшие годы жизни чему-нибудь полезному? то есть таланту, чудесному таланту! Или, как ты говоришь, писать журнал полезный, приятный, философский. Правда, для этого надобно ему переродиться. У него голова вовсе не деятельная. Он все в воображении. А для журнала такого, как ты предполагаешь, нужен спокойный дух Аддисона, его взор, его опытность, и скажу более, нужна вся Англия, т<о> е<сть> земля философии практической, а в нашей благословенной России можно только упиваться вином и воображением: по крайней мере, до сих пор так. Но полно мне умничать. Поговорим о старосте, от которого я получил письмецо в маленькой прозе и в маленьких стихах. Он все тот же! А мы стареемся. Это меня бесит. Я очень смеялся Шаликову и Ильину. С какою коварною радостию воображал тебя за одним столом с ними! За грехи, конечно. Жихареву мой поклон. Что делает он у вас? Его бы в члены. Он не ударит лицом в грязь. Поговорим о стихах. Сожалею крайне, что не мог прислать «Переход через Рейн» и «Омира с Гезиодом»: переписывать не могу. Боль в груди отрывает меня от письменного стола, и это пишу стоя. Как, и стоя писать?.. Нога болит. Лежа не могу, а писать хочется. Изобретите новый способ вы, люди умные. Недавно начал элегию «Умирающий Тасс». Кажется мне, лучшее мое произведение. Стихов полтораста готово. Теперь перо выпало из

рук, и я ни с места. Эти переводы меня утомляют; прибавь к этому кой-какое горе, от которого нигде не уйдешь. Все вредит стихам и груди моей. Бог с нею, только бы хорошо писалось! Но Тасс... а вот что Тасс: он умирает в Риме. Кругом его друзья и монахи. Из окна виден весь Рим и Тибр, и Капитолий, куда папы и кардиналы несут венец стихотворцу. Но он умирает и в последний желает еще взглянуть на Рим, на древнее Квиритов пепелище. Солнце в сиянии потухает за Римом; и жизнь поэта! вот сюжет. Пожелай, чтобы хорошо кончил. Перечитал все, что писано о несчастном Тассе; напитался Ерусалимом. Что будет — не знаю и когда кончу? Болезнь мучит иногда, а беспрестанное уединение, и дурная погода, и усильные труды и последнее здоровье уносят. Я часто сержусь, как Шаховской на развалинах Рима. Рим и Шаховской. Он в Капитолии, он в Колизее, он у Везувия, он в Баии, он, он, он, везде он. Я дам сию минуту пять рублей за то, чтобы взглянуть на Шаховс<кого> в то время, когда он проезжал воротами счастия. Зачем не повстречался он с Козловским? Этого недоставало! Две классические Карикатуры в классической земле. Посмотрим, какова будет комедия его, писанная в чуме. Но мне, признаюсь тебе, понравилось его «Желание славы». В этих строках виден поэт, что ни говори! И у него что-то в животе шевелится.

Но скажи мне, милый друг, что делает твоя княгиня и скоро ли разрешится? Желаю душевно, чтобы ты и дети твои были здоровы. Поцелуй твою Машу и скажи ей, что дурак велел поцеловать. Уведомь меня о Карамзиных. Из Петербурга очень давно писем не имею и не знаю, здоровы ли они? Не знаю, почему все утро думал о Карамзине. Желал бы прочитать его Историю здесь в тишине: впечатление ее было бы живее на мой бедный умишко. Кстати о книгах. Пришли мне Сисмонди. Я обратно перешлю. Он мне очень нужен. Ты со мною поступаешь по-варварски. Как не прислать «Певца» Жуковского? И его бы возвратил немедленно.

Мне пишут, что Левушка покинул Бахметева или он его. Нет ли Левушки в Москве, и когда этого Левушку произведут в Львы Васильевичи? Скажи, что делается на Парнасе, то есть в луже? Это, конечно, тебя мало занимает. У вас и без того много новостей, но я, признаюсь тебе, до них небольшой охотник. Настоящее, право, невесело. Живи в книгах, пока можно! Но здесь, просидев около трех месяцев, начинаю грустить. Дорого бы дал за один часок, с тобою проведенный. Я живу в таком уединении,

о каком ты понятия не имеешь. У меня есть птичка, три горшка цветов каких-то и горшок под постелью. Вот все мое добро. И право, можно жить, если бы здоровье не изменяло. У меня книг много, задал себе работу, и весна с цветами на дворе. И умирая, буду твердить: moriatur anima mea mortem philosophicorum[2], а ты посмеиваешься надо мной!

Я очень болен,
Но собой доволен;
Я неволен,
Но мне, музы,
ваши узы
Так легки,
Как сии стишки.

По ним ты можешь судить, какие быстрые успехи делаю в поэзии. Обнимаю тебя от всего сердца, тебя, мою любовницу. Спрашиваю себя: за что тебя любить? Прости. Будь весел и люби и не забывай твоего пустынника, который морщится, говоря тебе *прости*: ибо с тобою веселее калякать, нежели переводить длинные периоды Боккачио, мрачный «Ад». Нарочно оставлю страницу; прибавлю еще что-нибудь. Почта уходит завтра.

Представь себе: Женгене умер, пишут в газетах. Веришь ли? это меня очень опечалило. Я ему много обязан и на том свете, конечно, благодарить буду.

Еще прибавляю:

Запрос Арзамасу

Три Пушкина в Москве, и все они поэты.
Я полагаю, все одни имеют леты.
Талантом, может быть, они и не равны;
Один другого больше пишет,
Один живет с женой, другой и без жены,
А третий об жене и весточки не слышит:
(Последний — промеж нас я молвлю — страшный плут,
И прямо в ад ему дорога!)
Но дело не о том: скажите, ради бога,
Которого из них *Бобрищевым* зовут?

Успокой мою душу. Я в страшном недоумении. Задай это Арзамасу на разрешение. Прочитай это Солнцеву и боле никому. В худой час В<асилий> Л<ьвович> рассердится: у него бывают такие минуты, как и у меня, грешного.

---

[1] этим все сказано (*фр.*).
[2] душа моя да умрет философскою смертию (*лат.*).

282. Е. Н. ШИПИЛОВОЙ

<Начало марта 1817. Хантоново>
Понедельник.

Вот третья неделя, любезная Лизавета Николаевна, что я очень нездоров. У меня так разболелась голова, что я третьего дня поставил себе шпанскую мушку; она очень много действовала и, может быть, облегчит боль несносную. Сестра у батюшки; ожидаю ее с часу на час. Желаю, чтоб все ваши были здоровы, брату и сестре мой усердный поклон. Прошу брата засвидетельствовать отпускные; это мой насущный хлеб. Я никак не могу быть у вас, и очень благодарен за приглашение: первое нездоров, а другое дело — занят. Будьте здоровы, веселы и счастливы и не забывайте

Конст.

Попросите у отца Гавриила сочинение последнее Филарета: «*Толкование на библию*», если не ошибаюсь, и доставьте мне. И все, что есть Филарета — прошу ему обо мне напомнить и удостоить меня пастырск<им> благословением.

283. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<Начало марта 1817. Хантоново>
Вторник.

Я пишу к тебе, милая Александра Николаевна, сам будучи не очень здоров. У меня так голова разболелась, что я приставил к затылку мушку; к счастию, ее нашли в твоей комнате. Не худо поспешить тебе домой, если батюшка не задержит тебя. Я сам, будучи нездоров, не могу смотреть за работою, а дом без тебя не строится; притом и дорога час от часу хуже становится. Сестры зовут в Вологду. Если боль позволит, то я поеду, ибо мне надобно посоветоваться с Глазовым; в противном случае, останусь здесь. Надеюсь, что батюшка, слава богу, здоров. Поцелуй за меня его ручку. Если сама не поедешь, то пиши ко мне, чем меня очень обяжешь, весь твой *Конст.*

284. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

9 марта <1817. Хантоново>

Поздравляю тебя, милый друг, с прибылью, с новорожденной. Поздравь от меня княгиню. Желаю ей здоровья и надеюсь, что новорожденная не будет походить на отца красотою, но будет как душа хороша, как богиня, как сама княгиня. Мне совестно это писать стихами: я пишу в строку, как прозу. Надеюсь, что новорожденная будет умнее Маши и не станет меня величать дураком.

Спасибо за стихи. Никак не сладишь с *ней*: да выкинь оба стиха! А басня *ей-ей* замысловата и хорошо завострена. Советую, милый друг, приняться наконец и за другое издание, т<о> е<сть> за стихи. Ты спишь, друг! или хочешь убить меня вдруг. О! мы знаем, что ты страший и плодовитый писатель: еще до сих пор некоторые тетрадки (тетрадищи!) у меня в глазах мерещатся. Но решись, печатай! Пусть наши книжки (мои печатают, увы!) будут близнецами, если не по таланту, то по времени, по крайней мере по времени.— Ваше сиятельство! Браво! Я сегодня улыбнулся! Это, право, чудесно! Все дни у меня была мушка (гишпанская) на затылке, и теперь только стало легче — голове. Кстати о голове, пришли мне пластырь на ногу, emplâtre de M. Bouchot. C'est mon beaume de Fièrabras [1], бога ради, пришли! Ах, нога, нога, нога, нашутила ты, нога! Говорят, что я непостоянен... Не правда... Господа! посмотрите на ногу и замолчите! Вот около года... Ты спрашиваешь меня: скоро ли решусь и куда? Сам не знаю. Хотелось бы в Петербург. Рассудок говорит: на Кавказ, а сердце: сиди дома. Теперь на несколько дней хочу проехаться, пока снег на дороге. Благодарю за Попову. Слава богу! В первый раз рифмы у меня послужили на доброе дело: это лучшее поощрение писать,— и буду писать. Обнимаю тебя очень крепко. Поздравь В<асилия> Л<ьвовича> (очень сериозно) с возвращением весны.

Милый мой пузырь, пришли мне Жуков<ского> портрет. Что стоит тебе велеть срисовать его какому-нибудь маляру! Не я прошу его, твой портрет кличет на стене. Вот ему надпись:

Кто это так, насупя брови,
Сидит растрепанный и мрачный, как Федул?
О чудо! Это он!.. Но кто же? Наш Катулл,
Наш Вяземский, певец веселья и любови!

Ей-ей изрядно для стихотворца хромого и с мушкой на затылке.

---

[1] Пластырь месье Бушо. Это мой бальзам Фьерабраса (*фр.*).

285. В. Л. ПУШКИНУ

<Начало марта 1817. Хантоново>

Не виноват, не виноват нисколько перед милым и почтенным старостою, хотя и кажусь несколько виновным! Странствовал, приехал домой и опять немедленно пустился странствовать: вот почему и не писал к тебе, милый староста: «кибитка — не Парнас»! Она тебе скажет, если спросишь ее: мог ли я писать, окостенелый от холода. Теперь дома и пишу. Письмо начинается благодарностью за дружество твое; оно у меня все в сердце.

И как, скажите, не любить
Того, кто нас любить умеет,
Для дружества лишь хочет жить
И языком богов до старости владеет!

До старости! Не сердись: это для стиха вставка! Мне музы и опытность шепчут на ухо:

Тот вечно молод, кто поет
Любовь, вино, Эрота
И розы сладострастья жнет
В веселых цветниках Буфлера и Марота.
Пускай грозит ему подагра, кашель злой
И свора злых заимодавцев:
Он все трудится день-деньской
Для области книгопродавцев.
«Умрет, забыт!» Поверьте, нет!
Потомство все узнает
Чем жил и как, и где поэт,
Как умер, прах его где мирно истлевает.
И слава, верьте мне, спасет
Из алчных челюстей забвенья
И в храм бессмертия внесет
Его и жизнь и сочиненья.

Ваши сочинения принадлежат славе: в этом никто не сомневается.

Ты злого Гашпара убил одним стихом
И пел на лире гимн, Эротом вдохновенный.

Но жизнь? Поверьте, и жизнь ваша, милый В<асилий> Л<ьвович>, жизнь, проведенная в стихах и в праздности, в путешествиях и в домосидении, в мире душевном и в войне с с<лавянофилами>, не уйдет от потомства, и если у нас будут лексиконы великих людей, стихотворцев и прозаистов, то я завещаю внукам искать ее под литерою П:

ПУШКИН В. Л., КОЛЛЕЖСКИЙ АСЕССОР,
РОДИЛСЯ И ПРОЧ.

Чутьем поэзию любя,
Стихами лепетал ты, знаю, в колыбели;
Ты был младенцем, и тебя
Лелеял весь Парнас, и музы гимны пели,
Качая колыбель усердною рукой:
«Расти, малютка золотой!
Расти, сокровище бесценно!
Таланта вечное клеймо!
Ничтожных должностей свинцовое ярмо
Твоей не тронет шеи:
Эротов розы и лилеи,
Счастливы Пафоса затеи,
Гулянья, завтраки и праздность без трудов,
Жизнь без раскаянья, без мудрости плодов,
Твои да будут вечно!
Расти, расти, сердечной!
Не будешь в золоте ходить,
Но будешь без труда на рифмах говорить,
Друзей любить
И кофе жирный пить!»

Чего лучше? Предвещание муз сбылось, как видите. Со мною будет иначе: наши внуки не отыщут моего имени в лексиконе славы. Много писал, и теперь, рассматривая старые бумаги, вижу, что написал мало путного. Что в рифмах, если в них мало счастливых, и что в счастливых стихах без счастия! Посудите сами! Живу один в снегах, и долго ль проживу — не знаю.

Меня преследует судьба,
Как будто я талант имею!
Она, известно вам, слепа;
Но я в глазах ей молвить смею:
«Оставь меня, я не поэт,
Я не ученый, не профессор;
Меня в календаре в числе счастливцев нет,
Я... отставной асессор!»

Но бросим в сторону эту проклятую поэзию для нас, самозванцев, и поговорим о деле.

Душевно радуюсь счастию Жуковского; он стоит его. Фортуна упала не на пень и кочку, как говорил Державин. Что делает ***? Знаю ваш ответ:

На свет и на стихи
Он злобой адской дышет;
Но в свете копит он грехи
И вечно рифмы пишет...

Простите — иногда счастливые!

Числа по совести не знаю,
Здесь время сковано стоит,
И скука только говорит:
«Пора напиться чаю,
Пора вам кушать, спать пора,
Пора в санях кататься...»
«Пора вам с рифмами расстаться!» —
Рассудок мне твердит сегодня и вчера.

Это всего умнее.
Итак, прощайте!

286. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Март 1817. Хантоново>

Я не без резону полагаю, что том прозы будет жидок. Он должен быть увесист, тем более что том стихов по милости Феба худощав. Ergo, посылаю тебе милую «Гризельду» и *милую* «Моровую заразу» из Боккачио. И то и другое можешь поместить между прозою или в конце, если печатание кончилось. Что нужды? Сказка интересна: она и отрывок о заразе — capo d'opera [1] италиянской литературы. Перечитай их с кем-нибудь знающим язык италиянский и что хочешь поправь. Но я, вопреки Олину, переводил не очень рабски и не очень вольно. Мне хотелось угадать манеру Боккачио. Тебе судить, а не мне! Если же напечатать не согласишься, то пришли назад, не держа ни минуты: я выдрал из книги. Но лучше напечатай мою «Гризельдушку» и «Заразу»,— если выдержит ученый критический карантин. «Гризельда» придаст интересу: будет что-нибудь и для дам. Это не шутка! Все одна словесность иным суха покажется.

Будешь ли доволен стихами? Размещай их, как хочешь, но печатай без толкований и замечаний, Бога ради, и без похвал! Не уморите меня. Эпиграмму: «Как странен здесь судеб устав» и проч. выбрось. Другую оставь на Ших<матова>, но назови ее: «Совет эпическому стихотворцу». Басню «Сон Могольца», «Книги и журналист» и еще кое-что выкинь. На место этого я пришлю через неде-

ли три «Умирающего Тасса», элегия, стихов в 200; ее поместить можно будет в конце: итак, она печатание не задержит. Если «Гезиод» тебе полюбился, то поставь в заглавии: *«Посвящено А. Н. О., любителю древности»*, но имени ни его, ни чьих нигде не выставляй. Я не охотник до этого. Вот почему я и спрашивал у тебя, сердится ли Оленин на меня или нет? Я хотел сделать это приписание, посылая книгу, но, полагая, что он на меня дуется, остановился. Я к нему писал: он ни слова не отвечал, а я писал не белиберду, а о моей отставке; мог ли я полагать, что он или забыл меня, или гневается? Но тебе спрашивать у него было неприлично. Я сам знаю, что ему не за что на меня гневаться: я не подал поводу, но люди умные нередко дурачатся, аки аз грешный. Итак, если это не будет ему противно, надпиши: малый знак моей признательности, но все что-нибудь! На тебя полагаюсь в этом: как заблагорассудишь. Итак, ты видишь, что я осторожен, мил и умен, как ангел.

Спасибо за формат. Прекрасно, что и говорить! Domine, non sum dignus! [2] Пришли виньетки: это меня утешит. Но Греч... люблю его, а скажу — палач! Он так терзает нашу прозу и стихи, что любо и дорого! Нет № «Сына» без ошибок, и каких ошибок! Если он начнет меня так уродовать? Я ему... но укротим волны и вихри моего гнева и станем говорить о деле.

Получил ли Уткин 200? Ты ни слова! Получил ли ты 1720 Дамасу? Ты ни слова! Теперь я тебя за горло. Милый друг, отдай ради Неба 1000 в ломбард к 10-му мая в счет моего долга (2500), чем меня истинно обяжешь. У меня ни гроша. Заплатил кучу долгов, а сам остался при Боккачио и при шпанской мушке, которая у меня закрывает весь затылок и мешает не только трудиться, но даже писать к тебе это письмо. Осталось только попевать: Nel cuor piú non mi sento [3] ...Итак, успокой меня насчет ломбарда, не заставь проплясать казачка. Я и то разбит на все четыре ноги, как лошадь, которую я продал в Париже.

Замечание. Исправь сам и проси Греча исправлять ошибки против смысла и языка. Иногда перестановка одного слова (как говорит бессмертный Олин Квинтильянович) весьма значительна. И у кого нет этих ошибок? Даже у самого Олина пробиваются кой-где (Пироги горячи! оладьи! горох с маслом!) Умора, право, умора, наш Олин! Хочет мыслить, силится, силится — запор,— нейдет! Читатель, суди сам! (Зри «Сын Отечества».)

Я дал слово Сергею Глинке прислать ему «Переход через Рейн». Перепиши и пошли ему от моего имени. Бога ради, сделай это. Он будет вправе гневаться, а ты читал Горация и знаешь, каков гнев стихотворца. Притом Глинку надобно поддерживать. Если есть глупые стихи, выпиши их: я постараюсь поправить... Но лучше бы так. Проза надоела, а стихи ей-ей огадили. Кончу «Тасса», уморю его и писать ничего не стану, кроме писем к друзьям: это мой настоящий род. Насилу догадался. Перемени в статье «Ломоносов» *поверения дружества.* Это очень плохо! Вообще не худо иногда справляться с «Вестником», а всего чаще с рассудком. Избавьте меня, о Греч, о Гнедич, от глупостей! Право, и без моих у нас много на Парнасе! Недавно прочитал Монтаня у японцев, т<о> е<сть> Головнина записки. Вот человек! вот проза! а мое, вижу сам; пустоцвет! Все завянет и скоро полиняет. Что делать! Если бы война не убила моего здоровья, то чувствую, что написал бы что-нибудь получше. Но как писать? Здесь мушка на затылке, передо мной хина, впереди ломбард — сзади три войны с биваками! Какое время! Бедные таланты! Вырастешь умом, так воображение завянет. Счастливы те, которые познали причину вещей и могут воскликнуть от глубины сердца: пироги горячи! оладьи! горох с маслом!

Ивану Матвеевичу не пишу. Он, полагаю, все в Питере, и ему, конечно, не до нас, забытых роком. Но как я рад, не могу тебе изъяснить. Эта весть меня оживила. Я почувствовал, как люблю его в полной мере, и радовался этому чувству.

Вот проспектус переводов:

I ТОМ

Похвала Италии, из m-me de Stael.
О жизни Данте и его поэме.
Олинд и Софрония.
Гризельда.
Бешенство Орланда! | Составит нечто целое.
Путешествие на луну |

Альчина.
Зараза.
Письмо Бернарда Тасса о воспитании детей.
Пример дружества. Из Боккачио, сказка.
Что-нибудь из Петрарки.

II ТОМ

<table>
<tr><td>Сокращенные выписки из критиков —</td><td></td></tr>
<tr><td>Женгене, Sismondi, Boutewerck и проч.</td><td>Об италиянском языке вообще.
Взгляд на словесность италиянскую.
Данте.
Петрарка.
Боккачио.
Ариост.
Тасс.
Другие стихотворцы первого периода.
Заключение.</td></tr>
</table>

Если бы Греч согласился дать две тысячи за это? У него типография: вот почему я с этим предложением выступаю.

В конце года могу представить оба тома. Но без денег, для одного удовольствия, переводить время, бумагу и здоровье — слуга покорный! Дай решительный ответ. Не то Жуковскому отдам все. Он у меня просит. Взгляни на этот реестр и увидишь, легко ли переводить это? Кажется, было бы интересно и публике нашей. Но еще раз без денег не примусь за работу. Дайте тысячу вперед за первый том, а другую подожду до января будущего 1818 года. Скажите: да или нет. Если да, то выпишу какого-нибудь переписчика и заплачу ему рублей триста. Самому не можно: стара стала и глупа стала. В противном случае, могу провести время, как благородный человек. Например, *могу ничего не делать*, как маркиз Г. Приходит весна: болезни и цветы. Мне не скучно будет. Два дни пролежу в постели, а день стану поливать левкои и садить капусту, а вы останетесь без италианских переводов, вы, сводники парнасские, вы, великий Греч и великий Гнедич!

Кстати об Италии. Скажите мне: Шаховской principe [4] и principe Koslovsky не сойдутся ли на развалинах Рима? Вот две классические карикатуры в земле классической. Я рад, что Шаховской будет писать в карантине. Не могу вспомнить о нем без смеха, а право, люблю его, как душу! Но не мне бы смеяться! Я сам подставил спину! Чувствую, вижу,— но не смею сказать, как страшно печатать! Это или воскресит меня, или убьет вовсе мою охоту писать.

Я не боюсь критики, но боюсь несправедливости, признаюсь тебе, даже боюсь холодного презрения. Ты знаешь меня, бегал ли я за похвалами? Но знаешь меня: люблю славу. И теперь, полуразрушенный, дал бы всю жизнь мою с тем, чтобы написать что-нибудь путное! Впрочем, неужели мне суждено быть неудачливым во всем?

Где Жуковский? Если он у вас, то попроси его взглянуть на стихи и, что можно, поправить. Право, сам и всем давай исправлять. Всем? Не много ли это? Ох, страшно! Меня печатают! Верь мне, что если б еще к этому я увидел в заглавии свой портрет, то умер бы с досады! Вот до чего додурачился! Нет! И Хвастов не начинал таким образом, ниже́ Ржевский!

Я, как блудный сын, просился опять в Библиотеку. Если это нельзя, то проси Тургенева приписать меня куда-нибудь. Боюсь, чтобы меня не выбрали в смотрители магазинов соляных. Не забудь, что это соль не аттическая!

Еще повторяю: выкинь эпиграмму и все басни. Что в них? Высылай своего Омира. Я пришлю замечания, но вперед делаю одно: твоя пиеса похожа на древнюю камею. Ее не продашь на толкучем рынке, а знатоки знают цену. Верь мне, она прелестна, но все-таки стою на том, что сказал: начало длинновато и не связано с концом. Самый метр портит единство. Я прав, по совести прав! Здесь сужу по чувствам, без предубеждений. Но пиеса прекрасна. Это лучшее наше произведение в новом роде. Верь мне и не верь несправедливым суждениям. Коль слушать все... Ты знаешь басню?..

Успокой мою душу. Получил ли стихи? деньги? и теперь «Гризельду», а? Что вы, глухи? Не откликаетесь!

Благодари Греча за «Обозрение словесности». Право, прекрасно. У нас так не писали до него: свободно, благородно и много истины. Жаль только, что он на Каченовского нападает в журнале своем. Впрочем, бранитесь, друзья мои, мы будем слушать.

Скажи мне: сколько экземпляров мне уступить можешь? Я намерен около шести раздать в Петербурге и назначу кому вперед.

Ты печатал *Омер* в прозе; пусть так, но в стихах оставь *Омир*: не то будет пестрота, а рифма требует ир, или, если хочешь, поставь или, чтобы меня в журналах не бранили!

Здорова ли Катерина Федоровна? Уведомь, бога ради!

Жаль, что места нет, а я уж дописался до обморока. Прости. Ох!

---

[1] шедевр (*ит.*).
[2] Господи, недостоин (*лат.*).
[3] В сердце не чувствую боли (*ит.*).
[4] князь (*ит.*).

287. Н. И. ГНЕДИЧУ

<22—23 марта 1817 г. Хантоново>

Нечего с тобою делать; хоть и болен я, писать надо! Но, право, отвечать не буду, если ты мне вперед по пунктам писать не будешь. Спасибо за табак. Поэму пришлю через две недели с замечаниями. Теперь спешу объявить вам, что ни перевода из Тасса, ни из Ариоста не хочу. Особенно Тасс — дрянь. Ты меня взбесишь! И сохрани бог! Элегию «Умирающий Тасс» пришлю. Она имеет предисловие на страничке и стихов около 200, *почти* александрийских. На место дряни, не лучше ли «Речь» мою поместить в томе стихов, если необходимо нужно, чтобы он был толст? Притом же стихи печатаются роскошнее... И так будет довольно — а переводами не стыди моей головы. Если буду здоров, то еще что-нибудь доставлю в «Смесь». Итак, с богом — начинай! Поблагодари Ивана Андреевича за его *примарание*, но скажи ему, что мы сами с усами. Скажи ему, милый друг, что из всех его басен мне всего более нравится та, которую он кончил такими стихами:

Спой, светик, не стыдись... и проч.

Он помнит, что следует. Но за что меня жаловать в вороны? Грех ему, право, грех!

Что же касается до твоего страха, то, в случае неудачи, не пеняй на меня. Скажу только, что прозы том, т. е. итал⟨ьянские⟩ переводы, отдам тебе, если книги пойдут худо. Вот все, что могу сделать. А ты, милый друг, если можешь (чем меня крайне одолжишь), отдай в ломбард тысячу в июне. Авось бог вынесет. Мы не Полторацкие! В Париж хлеба не везем! И здесь над крохами бьемся. Я так волосы на себе деру, что болен, что мне мешают; нет покоя! Такой ли бы том отпустил стихов? Но еще раз повторю: дряни не печатай. Лучше мало — да хорошо. И то

половина дряни. Но что делать! — Ей, ей, не до стихов. Это письмо насилу кончу. Сестра свидетель тебе, как болен и как грустен, но все-таки весь твой

Константин Батюшков.

На Страсти.

Христос воскресе!

Скажи, когда присылать Тасса?

Если «Речь» поставлена в заглавии, то цифры и переменять не надо. Этот лист годится. А она кстати к стихам.

За что на тебя от департамента такая невзгода? Веришь ли, что меня в сердце кольнуло. Терпение, казак! Что сказать более?

Прилагаю при сем копии с бумаги Бах<метева>, по которой мне надобно получить несколько сотен в Ком<иссариате>. Попроси род<ственника> своего Гудиму, не может ли он выхлопотать этого? Я бы ему на его имя дал верющее письмо и прислал подлинник сего свидетельства. Деньги мне очень нужны. Попроси его, милый друже!

Гудима, кажется, в Комиссариате лицо важное. Если согласится, то пришли мне его чин, имя и проч. для верющего письма.

288. Н. И. ГНЕДИЧУ

Май 1817. <Хантоново>

Я послал тебе Умирающего Тасса, а сестрица послала тебе чулки; не знаю, что более тебе понравится и что прочнее, а до потомства ни стихи, ни чулки не дойдут: я в этом уверен. Благодарю за приятный часок, который провел, читая и перечитывая твое «Письмо о статуе Кановы». Оно так живо представило мне статую, что я был в восхищении очень сладостном, словно как будто она была передо мною. Завидую тебе: ты видишь, наслаждаешься и отдаешь себе отчет в наслаждениях своих. Итак, наслаждайся и пиши! Не теряй времени! А я, по словам Горация, облекаюсь в мою добродетель, сижу, свищу и грущу. Батюшкины дела (будь сказано между нами) так плохи, так безобразны, что я и сестра, мой верный товарищ в горести, с ума сходим. И есть от чего. А ты требуешь стихов. Выть в стихах не умею, а другие писаться не будут. Вот месяц, что я и прозы не пишу, а сижу, поджав руки, и смотрю на

сумрачное небо. Благодари Уварова за предложение. Умею чувствовать снисхождение и попечительность его о талантах в земле клюквы и брусники. Но я не могу решиться взять место, и что мне в двух тысячах? Корпеть над экстрактами! Потерять последние искры таланта и время и малое здоровье! Человеку, который три войны подставлял лоб под пули, сидеть над нумерами из-за двух тысяч и пить по капле все неприятности канцелярской службы?.. Из-за двух тысяч!!! Но скажу решительно: если обстоятельства занесут меня в Петербург, то место, если может быть такое, немного свойственное, приличное моим занятиям и охоте к словесности, было бы приятно. Но это все буки. А я просил записать меня куда-нибудь, чтобы я мог избежать дворянских выборов и хлопот, сопряженных с ними: вот о чем я просил, и ты меня не понял или не хотел понять. Впрочем — воля божия! — ничего не хочу, и мне все надоело. Жить дома и садить капусту я умею, но у меня нет ни дома, ни капусты: я живу у сестер в гостях, и домашние дела меня замучили, не только меня — и их. Вот каково, брат, давать советы за тысячу верст! Бога ради, не серди меня советами и не будь похож на vulgari amici! [1], которые, как у Крылова, говорят: Возьми, чем их топить... Но поговорим лучше о книге. Печатай ее, как угодно, но стихов по рукам не давай до напечатания: боюсь, чтобы не вышел пустоцвет. Еще прошу, и очень сериозно, переводов и дряни не печатай: не срами приятеля. Если что-нибудь вырву из головы, или, лучше сказать, из рук упрямицы фортуны, то доставлю в смесь. Где мои замки на воздухе? Я хотел было приняться за поэму. Она давно в голове. Я, как курица, ищу места снести яйцо — и найду ли, полно? Видно, умереть мне беременным «Руриком» моим. Для него надобно здоровье, надобны книги, надобны карты географические, надобны сведения, надобно, надобно, надобно, надобно...— и более твоего таланта,— скажешь ты. Все так, но он сидит у меня в голове и в сердце, а не лезет: это мучение! Безделки мне самому надоели, а малое здоровье заставляет писать безделки. Кстати о них. Что скажешь о «Тассе»? Утешь меня: похвали его и, если хочешь, прочитай Уварову, ему одному. Желал бы знать его впечатление на ум столь образованный. А мне эта безделка расстроила было нервы: так ее писал усердно. Благодарю Дмитрия Ивановича за его труд. Он мне отомщает за шутку самым благородным образом, но за то я люблю и уважаю его. Прости. Пожелай мне здоровья и терпения, двух близнецов неразлучных,

которые на меня прогневались с давнего времени, а я желаю тебе счастия и новых наслаждений моральных и физических. *Б.*

Мая — какого мая! У нас снег на дворе.

Если Греч не уехал к немцам, то поторопи его привезти мне оттуда Виландов комментарий на Горация, Катулла и Проперция, хороший перевод немецкий и перевод «Элегий» Овидия. Не можешь ли прямо выписать через книгопродавцев? У меня деньги готовы, а ты дай что-нибудь в задаток. Да еще у Русица нельзя ли достать «Славянские сказки» Новикова, «Древние русские стихотворения», издания Ключарева, если не ошибаюсь. К этому пришли «Бову Королевича», «Петр золотые ключи», «Ивашку белую рубашку» и всю эту дрянь. Авось когда-нибудь за это возьмусь. Не шутя, пришли это, только все вдруг.

---

[1] неотесанных друзей! *(лат.)*

289. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Май 1817. Хантоново>

Помилуй, что за идея делать подписку! Бога ради, останови, если начал, Бога ради! Ты помнишь первое условие. Я именно требовал, чтобы подписки не было. Ты меня этим огорчишь. Если денег нет, то я проживу здесь осень и нужное тебе доставлю, сколько угодно будет, но еще раз прошу — не надо подписки, тем более что я сам сбираюсь в Петербург за делами, и это меня как ножом срежет. Надеюсь, что ты уничтожишь даже публикацию, если она объявлена. Надеюсь, мало того — прошу, заклинаю тебя.

Предисловие кажется хорошо. Но не слишком ли ты пользуешься правом издателя, чтоб хвалить своего автора? Довольно бы в похвалу и последних строк. Я ничего не могу поправить в стихах, и резон прекрасный: у меня все сожжено, и ни строки нет! Поправь *недокупны* как хочешь, но поправь; напиши новые стихи, если поправить нельзя. Посылаю еще безделку. Andante! помести в элегиях, да выкинь что-нибудь для нее. Дряни, ой, как много! Вяземский у вас теперь. Он обещал взглянуть на издание. Посоветуйся с ним. Я знаю его: он без предрассудков, и рука у него не дрогнет выбросить дрянь. Я уже просил его об этом.

Проездом через *владения* И. С. Батюшкова я написал вчерашнее письмо о жалованьи, так как ты желал. Очень меня обяжешь, доставь мне это: хотя несколько сотен. Зачем пропадать им, сам посуди?

Теперь о важнейшем. Ты получишь на днях 2650 р. моих денег. Прошу внести в ломбард — за май 10,1811 года. Следует ныне уплатной суммы 2446, останется 203. За просрочку полагаю из сих двухсот трех рублей. Теперь остальные внести за заклад 1815, июня, тобою сделанный. Это все исправишь в один час, а я — ты знаешь — готов бы пожертвовать годом жизни для такого милого человека, каков Николай Иванович; знай, мотай на ус! — Но, бога ради, сделай это: не то имение опишут. Это, право, не забавно будет. Мне уж и так не до стихов со всех сторон. Надобно моему легкомыслию только забавляться рифмами в суетах беспрестанных. Я точно сделался Маримиана страдалица, за всех печалится.

Ты дурно делаешь, что не высылаешь мне сказок, ни Овидия «Tristes». Вяземский прислал, но не то, а я еще мог бы в тихие часы что-нибудь сделать. Я убрал в саду беседку по моему вкусу, в первый раз в жизни. Это меня так веселит, что я не отхожу от письменного столика, и веришь ли? целые часы, целые сутки просиживаю... руки сложа накрест. Сам Крылов позавидовал бы моему положению, особливо, когда я считаю мух, которые садятся ко мне на письменный стол. Веришь ли, что очень трудно отличить одну от другой. *Таким образом, созерцание природы доставляет истинные, прочные* и *паче всего полезные удовольствия* и *вящее вожделение* (зри труды Озерецковского, ч. 3).

Но в сторону созерцания, а сделай дружбу, вели которому-нибудь из сторожей приискать мне квартиру около ваших мест: три или четыре комнаты, сухие и на полдень; за полгода с охотою бы дал 400 и 500. С будущею почтою, если решусь выехать или, лучше сказать, если дела позволят, то пришлю тебе денег заплатить вперед. Кстати о деньгах: я разоряюсь, так и летят из кармана тысячи. Через тебя прошло около шести, а в кармане зато стихи, и какие еще: удивительные! Дай кончить! Что «Бова» и сказки и Овидий? Не совестно ли?

Но ты меня убьешь подпискою. Молю и заклинаю не убивать. Ну скажи, бога ради, как заводить подписку на любовные стишки? Это глупость, не во гнев твоей милости, глупость, достойная русской словесности. Остановись, друг! Прошу тебя именем дружбы. Если надобны

деньги тебе, то я промышлю или, лучше, проживу лишний месяц здесь.

Твоего «Рождения Омира» с замечаниями, давно сделанными, не посылаю: лучше когда-нибудь вместе пересмотрим.

290. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Июнь 1817. <Хантоново>

Я не писал к тебе давно, милый и любезный друг, и даже не отвечал тебе на последнее письмо твое. Теперь нужда заставляет писать. Гнедич издает мои проказы. Если есть у тебя лишнее время, взгляни на стихи и поправь и выкинь (это главное) все лишнее, на что, конечно, издатель мой согласится. Ты не поверишь, как эта затея меня мучит: издаю заочно, а сам в хлопотах. До стихов ли? Будь же снисходителен, милый друг, исполни мою просьбу. Если есть у тебя свободный часок, то скажи мне, что понравилось тебе и что не понравилось. Здесь в лесу не у кого спрашивать; я начинаю страшиться за талант мой, не сбился ли он с доброго пути? Понравился ли мой «Тасс»? Я желал бы этого. Я писал его сгоряча, исполненный всем, что прочитал об этом великом человеке. А «Рейн»? А другие безделки? Воскреси или убей меня. Неизвестность хуже всего. Скажи мне, чистосердечно скажи, доволен ли ты мною.

Теперь, сказавши, что было на уме, скажу, что на сердце. Поздравляю тебя, мой милый балладник! Душевно радуюсь твоему счастию (я говорю: счастию, за неимением другого слова) и поздравляю вместе и Царя: он сделал истинно прекрасное дело, и поздравляю себя и всех добрых людей, ибо мы, конечно, будем иметь от тебя что-нибудь новое, славное, достойное тебя. Я не писал к тебе во время *оного*: не знал, где ты. Теперь из письма Гнедича вижу, что ты в Питере. Вяземский у вас, и тебе, конечно, с ним весело, а у меня слюнки текут.

Ты мне не сказал спасибо за надпись к ясному лицу твоему, а я писал ее с таким удовольствием по заказу фитолюбца, нашего Каченовского. Право, ты в долгу передо мною: не прислал мне своего «Певца в Кремле», и я его до сих пор и в глаза не знаю, от Вяземского не мог добиться. Теперь вы, конечно, в вихре. Когда бог приведет обнять Блудова? Скажи ему, и скажешь истину, что я его люблю, как душу. Где Дашков? Что делает оратор слабых жен и

черно-желтый Жихарев? Благодари Тургенева за Попову: он сделал доброе дело за вяленькие стихи.

Что скажешь о моей прозе? С ужасом делаю этот вопрос. Зачем я вздумал это печатать. Чувствую, знаю, что много дряни; самые стихи, которые мне стоили столько, меня мучат. Но могло ли быть лучше? Какую жизнь я вел для стихов! Три войны, все на коне и в мире на большой дороге. Спрашиваю себя: в такой бурной, непостоянной жизни можно ли написать что-нибудь совершенное? Совесть отвечает: нет. Так зачем же печатать? Беда, конечно, невелика: побранят и забудут. Но эта мысль для меня убийственна, ибо я люблю славу и желал бы заслужить ее, вырвать из рук Фортуны. Не великую славу, нет, а ту маленькую, которую доставляют нам и безделки, когда они совершенны. Если Бог позволит предпринять другое издание, то я все переправлю; может быть, напишу что-нибудь новое. Мне хотелось бы дать новое направление моей крохотной музе и область элегии расширить. К несчастию моему, тут-то я и встречусь с тобой. «Павловское» и «Греево кладбище!»... Они глаза колят!

Долго ли ты проживешь в Питере? Я сбирался в Тавриду, на Кавказ, и ни с места! Может быть, буду в Петербурге и желал бы знать, застану ли тебя? Мы с тобой так давно не видались. С тех пор мы так состарелись, что наше свидание — в сторону радость! — право, интересно. И на автора Жуковского хотелось бы взглянуть, и на этого доброго приятеля, которому я обязан лучшими вечерами в жизни моей! Автора я тотчас в сторону, а выложи мне Василья, которого я всегда любил! Во всех отношениях свидание с тобою для меня урок и радость. Но когда?.. Что Вяземский у нас затевает? Я желал бы его видеть в службе или за делом, менее с нами праздными (пусть и потеряю через то!), а более в прихожей у честолюбия. Точно ли едет он в чужие краи? Зачем? Куда? С княгиней он или один в Петербурге? Пишет ко мне пьяный: насилу письмо разберешь. Поцелуй его прямо в лоб. Я писал к нему когда-то, что теперь согласен на предложение твое работать с тобою. Все, что есть у меня (много переводов в прозе с италиянского), все твое. Но уведомь меня, не поленись, что ты затеваешь, какого рода книгу, и как, и где. Я хотел было сам издать, но болезнь не позволяет. Я все хвораю: то грудь, то нога. Это меня бесит: ничего не могу делать совершенного; не в силах кончить продолжительного дела. И для стихов надобно здоровье. Бывало, ночи напролет просиживал, а ныне и

час тягостен. Вот зачем я сбирался на воды и в полуденную Россию. Зима убивает меня. Будучи совершенно здоров, я мерз, как кочерыжка, во Франции (Раевский был тому свидетель); посуди сам, каково здесь, в России, в трескучие морозы! Поедем в Тавриду, туда wo die Citronen blühn [1]. Здесь, право, холодно во всех отношениях. Проведем несколько месяцев вместе, на берегах Черного моря. Ты думаешь, я начал бредить? Итак замолчу. Кстати о холоде и снеге: скажи Вяземскому, что я начал «Первый снег», но он, конечно, растает перед его *снегом*. Он поймет эту глупость. Напомни обо мне Карамзиным. Скоро ли его «История»? Если бы теперь попалась в деревне, как бы я прочитал ее! В городе впечатление будет слабее. Но зато в городе ты видишь самого историка. Счастливые горожане! Вы не знаете цены своему счастию. Вы не чувствуете, как приятно проводить ненастный вечер с людьми, которые вас понимают, и которых общество, право, милее цветов и деревенского воздуха, особливо в некоторые лета. Утешаю себя мыслию, что я живал и хуже. Благодаря Провидению, у меня беседка в саду, четыре опрятные, веселые комнаты и твой портрет и Вяземского; с балкона вид прелестный: река, лес, одним словом: *прелесть*... для проходящих. А у вас и пыль, и слякоть, и стук карет, и визг собак, и стихи Хвостова, и докучливые люди, и неприятные вести, и званые обеды, и фамильные концерты, и зависть, и каламбуры, и нет даже Василия Львовича.

Прости, мой милый шут и друг. Обнимаю тебя очень, очень крепко. Сегодня тебя более всех люблю; завтра на кого-нибудь другого *обрушу* мою любовь, и дружбу, и стихи.

---

[1] где цветут лимоны (*нем.*).

291. А. Н. ОЛЕНИНУ

Июнь 1817. <Хантоново>

Очень благодарит вас Батюшков за приятное письмо ваше и приглашение в столицу. Я и сам было сбирался, но дела и хлопоты совершенно антипоэтические меня остановили. Не нахожу слов благодарить вас за внимание, которое изволите обращать на мое крошечное здоровьице. Для поправления его намеревался было съездить на Кав-

каз или в Тавриду; все было готово: коляска, чемодан и путешествие сладкого Шаликова в кармане, но опять хлопоты меня за полу; я остался, а время улетело. Это все и здорового может взбесить; посудите же, каково больному! Но не довольно ли говорить о болезнях здоровым людям? Порадуемся лучше с ними, и вместе со всеми умными, просвещенными и здоровыми рассудком людьми: наконец у нас президент в Акад<емии>

Художеств, президент,
Который без педанства,
Без пузы барской и без чванства,
Забот неся житейских груз
И должностей разнообразных бремя,
Еще находит время
В снегах отечества лелеять зиобких муз,
Лишь для добра живет и дышет,
И, к сим прибавьте чудесам:
Как Менгс — рисует сам,
Как Винкельман красноречивый — пишет.

Прошу не принимать это за poison qu'on prépare à la cour d'Etrurie [1], то есть за лесть. Я так загрубел на берегах Шексны и железной Уломы, где некогда володел варвар Синеус, что не в состоянии ничего сказать лестного, не в силах ничего написать, кроме простой, самой голой истины. Покорнейше прошу напомнить обо мне и засвидетельствовать душевное почитание Лизавете Марковне и семейству Вашему. Надеюсь — если опять не обманусь в надежде моей — в скором времени лично повторить пред вами, что tenendo al fin'il mio usato costume [2], я вас люблю, почитаю и до последнего дыхания, которое очень коротко становится в груди моей, буду вам предан. *Константин Б.*

---

[1] яд, приготовляемый при дворе Этрурии (*фр.*).
[2] до конца сохранил свои старые привычки (*ит.*).

292. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

23 июня 1817. Хантоново

Спешу отвечать на письмо твое, которое меня истинно опечалило, милый друг. Но радуюсь, что ты в Москве, и следственно, княгиня спокойна.— Ибо чего ей бояться, когда ты с ней? И досадно, и скучно слушать все одну же историю и по горло купаться в глупости. Но мой совет — усмирить гнев твой и руководствоваться осторожностию

и в самой досаде и негодовании сохранить благопристойность. Из твоего письма вижу твое нетерпение. Это не похоже на ум, милый друг. С кем не бывает горя? Ни честь твоя, ни имя не могут страдать от безумца. Неприятность большая, согласен; но за то и тебе Провидение дало рассудок; а ты, исполнив долг свой, продолжаешь горячиться и смотришь в увеличительное стекло — на безумца! Терпение. Это все пройдет мимо; а ты все останешься князь Вяземский, владелец Астафьева и честный человек. Сожалею крайне, что я не с тобою и не могу разделить твоего беспокойства. Иногда одно слово, сказанное в пору, полезно. Может быть, я ошибаюсь, подавая тебе советы, и ты в самом деле осторожнее и спокойнее, нежели на письме, но и ты ошибешься, если подумаешь, что я не трепещу за тебя. Дорого бы дал за твое спокойствие и еще раз повторяю: благоразумие все исправляет. Я более сожалею о княгине, нежели о тебе: ибо уверен, что в отсутствии твоем ей было невесело иметь в виду нечаянное свидание с растрепанным пугалищем. Но и она, когда все пройдет — а что не проходит? — конечно, первая будет смеяться над этим бешеным и над своими страхами. Напомни ей лучше обо мне: скажи ей мое усердное почтение; о любви моей ни слова. Ей, конечно, тошнится от одного слова *люблю*, с тех пор как оно прошло через уста бледного и унылого, безмолвного человека. Благодарю за известия твои о Петербурге и радуюсь, что ты украл у фортуны несколько приятных минут и отдохнул с людьми, ибо это, право, люди: Блудов, столь острый и образованный; Тургенев, у которого доброты достанет на двух и какого-то аттицизма, весьма приятного и оригинального,— человек на десять; Северин, деятельный и дельный в такие нежные лета; Орлов, у которого — редкий случай! — ум забрался в тело, достойное Фидиаса, и Жуковский, исполненный счастливейших качеств ума и сердца, ходячий талант! Это люди. И Карамзин, право, человек необыкновенный, и каких не встречаем в обоих клубах Москвы и Петербурга, и который явился к нам из лучшего века, из лучшей земли. Откуда — не знаю.

Плана не получал. Трудиться буду, если могу быть полезен и время, и здоровье, и обстоятельства позволят. Но... но... но... Ты видел первую часть моих «Опытов». Жаль, что много ошибок: чего доброго, припишут их мне! Но их оговорим в последней части. Скажи мне, каков Тасс мой? Он у меня на сердце. Я им доволен; доволен ли ты? Мне нравится план и ход более, нежели стихи; ты уви-

дишь, что я говорю правду, когда прочитаешь его в печати. C'est une pièce à effet[1]. Прочитай ее Тончи, сделай одолжение. Если он похвалит, он, знаток итальянской литературы, то я буду вне себя от радости — он и Дмитриев. А Уранги могут говорить, что угодно. Скажи по совести, какова моя проза: можно ли читать ее? Если просвещенные люди скажут: это приятная книга, и слог красив, то я запрыгаю от радости. Сам знаю, что есть ошибки против языка, слабости, повторения и что-то ученическое и детское: знаю и уверен в этом, но знаю и то, что если меня немного окуражит одобрение знатоков, то я со временем сделаю лучше. Пускай говорят, что хотят, строгие судьи и кумы славянофиловы! Не для них пишу, и они не для меня. Но не понравиться тебе и еще трем или четырем человекам в России больно, и лучше бросить перо в огонь. Скоро я отправлюсь в Петерб<ург> против желания моего; проходит осень, я болен, лекарей здесь нет. Притом же и хлопоты меня выживают. Что пишешь ты? Не пора ли и тебя в клетку? Право, пора! Василий Львович пусть один порхает по воле: от «Аглаи» в «Вестник» и из «Вестника» в «Труды любителей». Я посылаю к Каченовскому кучу переводов. Увидишь их в «Вестнике». C'est le chant du sygne[2]. Хочу, если моя книга будет иметь какой-нибудь успех, приняться за поэму «Русалку» и за словесность русскую. Хочется написать в письмах маленький курс для людей светских и познакомить их с собственным богатством. В деревне не могу приняться за этот труд, требующий книг, советов и здоровья, и одобрительной улыбки дружества. Спасибо! Ты правду говоришь, что меня надобно немного полелеять. Я, как птица, в сетях у хлопот и боюсь оставить в них мои перья и талант мой. Провидение! будь ко мне помилостивее! Друзья, не переставайте любить меня! Прости, будь мудр, аки мравий, аки змея и добр, аки пес!

---

[1] Эта вещь произведет впечатление (*фр.*).
[2] Это лебединая песня (*фр.*).

293. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Июнь — начало июля 1817 г. Деревня>

Советую элегии поставить в начале. Во-первых, те, которые тебе понравятся более, потом те, которые хуже, а лучшие в конец. Так, как полк строят. Дурных солдат в

середину. Куда Тасса? Боюсь! Если не понравится тебе? Тем более, что я, писав его, предался своей воле. Или он очень хорош — или очень плох. Ахти!

294. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

3 июля 1817. <Хантоново>

Я к вам прибегаю, любезная тетушка. У вас есть, верно, комиссионер: поручите ему сии 2600 для внесения в ломбард по приложенной при сем записке. Скоро выйдут сроки, и я боюсь, чтобы имение не описали, чего боже сохрани! Гнедичу и без того я надавал столько скучных комиссий, что боюсь обременить его и этою. Простите мне великодушно, любезная тетушка, беспокойство, которое вам навлекаю, но, право, не к кому прибегнуть. Чувствую и знаю, что вам не до моих хлопот. Я привез бы и сам эти деньги в Петербург, ибо в скором времени сбираюсь; но первое, не люблю путешествовать с деньгами; второе, не знаю дня моего выезда, а сроки по ломбарду приближаются. Если вам на это время некого послать, то попросите брата Никиту; он, верно, по дружбе не откажется, и все можно кончить в четверть часа. Надеюсь в скором времени обнять его и милого Сашу и поцеловать ручку вашу, любезная тетушка. Простите, что мало пишу, зато наговорю вам с три короба: я не даром молчал семь месяцев в деревне. *Константин.*

295. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Начало> июля 1817. <Хантоново>

У меня и было *полуразрушенный он*, а не *уж*; я описался. *Под небом Италии моей*, именно *моей*. У Монти, у Петрарка я это живьем взял, quel benedetto[1] *моей!* Вообще италиянцы, говоря об Италии, прибавляют *моя*. Они любят ее, как любовницу. Если это ошибка против языка, то беру на совесть. Выкинь Эрату, если хочешь. Но скажи Вяземскому, что Фортуна не есть счастие, а существо, располагающее злом и добром, нечто похожее на судьбу. Ссылаюсь на прекрасную аллегорию Данте в «Чистилище» его, на оду

Горация, на статью Сенеки к Луцинию и, если он хочет — на Ноэлев лексикон de la Fable, который, верно, у него перед глазами, ибо он ничего, кроме лексиконов, не читает, даже и стихов своих не перечитывает. «Изрытыя пучины и гром не умолкал»— оставь. Это слова самого Тасса в одной его канцоне; он знал, что говорил о себе. «Челюсти времен» — дурно. Нельзя ли: «из кладезей времен»? Можно предположить времена различные, т<о> е<сть> различные эпохи, следственно, и кладези и времена во множественном. Впрочем, воля ваша. Мне это все наскучило. Возьмите, как хотите. Да у меня и списка нет: черное тотчас изодрал в клочки, а память мою знаешь.

Когда выйдут книги,— удели из моих три экземпляра: 1) в Москву, в университетское общество губителей словесности, 2) в Казанское общество рубителей словесности, которого я имею честь быть членом, и один экземпляр Дмитриеву. Надпиши ему: от автора издатель. Не худо бы тебе и самому приписать словечко, отправляя книгу. Я ему обязан: в бытность в Москве он навещал меня, больного, очень часто и подарил мне свою книгу. Другим приятелям не могу подносить по пирогу: не в моей печи их пекут. Они и сами добудут. Да если хочешь, Жуковскому экземпляр из моих. Он мне послал свою книгу. Вяземский купит. А впрочем, и сам прошу никому не давать. А мне пришли несколько штук покраснее переплетенных, ну! хоть одну, да сестрам по одной. Не бось! Я не падок на *свое*. Деньги, когда получишь по доверенности, пришли ко мне: я ахти как нуждаюсь! Недавно 2650 отослал в ломбард и теперь сижу на нулях. Спасибо за сказки. Но 30 рублей! — право, дорого! Овидий всего нужнее. Овидий в Скифии: вот предмет для элегии, счастливее самого Тасса. Но кстати о Тассе. Шепнул бы ты Оленину, чтобы он задал этот сюжет для академии. Умирающий Тасс — истинно богатый предмет для живописи. Не говори только, что это моя мысль: припишут моему самолюбию. Нет: это совсем иное! Я желал бы соорудить памятник моему полуденному человеку, *моему Тассу*. Боюсь только одного: если Егоров станет писать, то еще до смертных судорог и конвульсий вывихнет ему либо руку, либо ногу; такое из него сделает рафаэлеско, как из «Истязания» своего, что, помнишь, висело в академии (к стыду ее!), а Шебуев намажет ему кирпичом лоб. Другие, полагаю, не лучше отваляют. И я смешон, по

совести. Не похож ли я на слепого нищего, который, услышав прекрасного виртуоза на арфе, вдруг вздумал воспевать ему хвалу на волынке или балалайке? Виртуоз — Тасс, арфа — язык Италии его, нищий — я, а балалайка — язык наш, жестокий язык, что ни говори! Я рад, что он попался в руки Олину: он ему задаст ломку. Как он Оссиана переводит! и так и сяк ломает, только дребезги летят. Кто такой Панаев? Совершенно пастушеское имя и очень напоминает мне мед, патоку, молоко, творог, Шаликова и тмин, спрыснутый водой. Но не мне бы гулять насчет других. Вот и мои стишки. Так это сущая безделка! Посланье к Никите Муравьеву, которое, если стоит того, помести в книге, в приличном *оному* месте, а за то выкинь мою басню, либо какую-нибудь другую глупость; эта по крайней мере посвежее. Я это марал истинно для того, чтобы не отстать от механизма стихов, что для нашего брата-кропателя не шутка. Но если вздумаешь, напечатай, а Муравьеву не показывай, доколе не выйдет книга: мне хочется ему сделать маленький сюрприз. Вот какими мелочами я занимаюсь, я, тридцатилетний ребенок; но что делать? мешают приняться за что-нибудь поважнее. Кто писал статьи из Череповца на Воейкова? Верно, Иван Матвеевич? Ему теперь сполгоря шутить и на меня грехи свои сваливать. Пришли мне немедленно отпечатанные листки стихов. Поправляй, марай и делай что хочешь. Просил тебя, просил Жуковского, писал к нему нарочно; прошу всех добрых людей, но еще прошу тебя: не затевай подписки. Лучше вдруг явиться на белый свет из-под твоего крылышка. Ах, страшно! Лучше бы на батарею полез, выслушал бы всего Расина, Хвостова и всего новорожденного Оссиана, нежели вдруг, при всем Израеле, растянуться в лавках Глазунова, Матушкина, Бабушкина, Душина, Свешникова и потом — бух!.. в знакомые подвалы, «Где игры первых лет, невинны Мадригалы» и пр. А вот моя участь, «Cet oracle est plus sûr que celui de Calchas!» [2]. Всего мне будет грустнее лежать возле «Писем к графине», возле Шаликова «Путешествия в полуденную Россию» и тому подобных сладостных пряностей. Пусть я захраплю лучше на баснях Хвостова, и в изголовьях у меня будут его послания, жесткие, аки камни. Прости.

Не плачу я, а сердцу очень больно —

(стих Катенина). Еще раз прошу писать и отвечать. Я разорился на письма. Когда кончим это печатание?

Последняя статья, и аминь. Сегодня не успею кончить послания.

Как понравились тебе поправки «Домоседа»? Что сказал Крылов? Ничего! Следственно, он меня ни любит, ни уважает. Если критикует, то любит, по крайней мере.

---

[1] проклятье! (*ит.*)
[2] Это пророчество вернее пророчества Каласа (*фр.*).

296. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

13 июля 1817 г. <Хантоново>

Письмо ваше меня очень обрадовало, любезная тетушка, я вижу, по крайней мере, что вы меня не совершенно забыли. Если девятимесячное молчание ваше меня начинало беспокоить, то вы, конечно, этому не удивитесь. Покорнейше благодарю за приглашение в Петербург, я давно уже собираюсь и, если что снова не задержит, буду в скором времени. Нет возможности мне, и до сих пор не совершенно здоровому, провести осень в деревне. Теперь здесь стало полегче: воздух, ванны и верховая езда меня воскресили. Крайне сожалею о вашем нездоровье и о беспрестанных заботах ваших. Батюшка ваш платит необходимый и печальный долг природе: но Вам, любезная тетушка, надобно сберегать свое здоровье, ежели не для себя, то, по крайней мере, для детей и для тех, которые вас любят и которым Вы по девять месяцев ни строчки не пишете. Если бы вы видели, с каким удовольствием, с каким наслаждением я пишу этот упрек, то, верно бы, простили его мне, а меня по-старому обняли. Сестры вам свидетельствуют свое почтение. А<лександра> Н<иколаевна> все в хлопотах. Выстроила дом прекрасный! У нее сад и хозяйство поглощают все время: и слава богу! в деревне у нас столько праздного! Я сбирался весной на Кавказ и в Тавриду. Дела меня остановили. А это путешествие могло бы принести большую пользу вашему усердному слуге. Надежда увидеть вас, любезная и почтенная тетушка, меня утешает. Около трех лет с вами не видался, я это начинаю чувствовать. Целую ручку вам и милого Никиту и Сашу обнимаю. Не хочу писать более. Сенека говорил, тот, кто не знает в пору кончить письмо,

ничего не знает. Повинуюсь ему. Он не запрещает еще раз поцеловать ручку вашу и просить, чтобы вы не забывали вашего больного *Константина.*

Н. И. Уткину мой поклон прошу выгравировать.

297. Н. И. ГНЕДИЧУ

17 июля <1817 г. Хантоново>

Получил книгу. Благодарю тебя за труды твои! Что касается до подписки, то на то буди воля твоя. По мне, так, право, я не подписался бы и сам на мою прозу. Стихов теперь ожидаю с нетерпением. Виньет очень мне понравился, и бумага, и шрифт. Есть ошибки... Nil amirare, кажется, не так. Ситация из Катулла не так. Мадам Жофрен превращена в Жофрель. Что скажет Василий Львович!!! Всего не успел пересмотреть; и вот причина: в день получения книги я проехал верст около сорока верхом, в жар, и желчь, которою я страдаю, чуть было меня не задавила. Началась рвота, усилилась; я умирал, и умер бы, если бы натура не сделала последнего усилия. Такая смерть похожа бы была на смерть профессора Крашенинникова. Желаю, чтобы твои дела шли хорошо, и радуюсь, что могу желать успеха моей книге, не для себя, а для издателя. Но у нас в стороне, верно, никто не подпишется. Я могу сказать то же, что Монтань: *On tient pour drôlerie en mon pays de Gascogne de me voir imprimé* [1]. Признаюсь тебе, страшусь и за Москву, и Петербург, и другие города. Вряд ли будут охотники. Если бы ты мне слово шепнул тогда, т. е. вовремя, то я накроил бы тебе сказок в прозе: вот товар! Скажи мне чистосердечно, как ты ведешь дела свои, и выведи меня из страха и раскаянья, что я согласился на твою просьбу. Tu l'as voulu, George Dandin! [2] Но все ты жалок, а я на себя сердиться не менее того стану; и тебе не в силах буду помочь. Я нынешний год потеряю половину моего имения (прошу это оставить между нами), то есть тысяч на тридцать, и что будет вперед — не знаю. Вовсе нечем существовать будет, до тех пор пока не устрою моих дел. А как ты их устроишь? говорит сестра. Не знаю, отвечаю я. Веришь ли, что я восемь месяцев как все в хлопотах, в горе и в болезни, а ты еще меня колешь! Поправь-ка лучше на странице 323, на место *наемным,* поставь *земным.* Не худо б

и все опечатки *оговорить*. Поосторожнее печатай стихи мои, или страшись моего поэтического гнева. Не ленись пересмотреть их и сам. Что же жалованье мое? Нет ответа. Или опять убыток? Узнай у К<атерины> Ф<едоровны>, получила ли она 2.600 р., посланные мною к ней для уплаты в ломбард: я не хотел тебя беспокоить этим, полагая, что и с жалованьем хлопот довольно. Намереваюсь в Петербург, а все-таки прошу о квартире, и на это есть резоны, *важные для меня единственно*. Прости. Будь здоров; обнимаю тебя от всей души, моего *издателя*.

Пошли «Моровую Язву» к Каченовскому, или оставь до моего приезду, или сожги, если боишься заразы: у меня еще есть переводы из Боккачио.

---

[1] В моей Гаскони, когда видят мои книги напечатанными, считают это шуткой *(фр.)*.
[2] Ты это хотел, Жорж Данден *(фр.)*.

298. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Вторая половина июля, 1817. Хантоново>

Достал и читал я объявление в «Инвалиде» и ужаснулся. Козлов или смеется, или дурачит меня; а если это спроста, то я полагаю, что он пьет запоем мертвую чашу и с похмелья пишет рецензии. Я ему могу то же сказать, что Виргилий Стасу в «Чистилище» Дантовом: Стас, увидя Виргилия, брякнулся ему в ноги, а стыдливый Виргилий, в ответ на такое приветствие: «Ах, братец, не делай этого, ты тень и тень перед собою видишь!»

Измайлова я не получаю: эта половина года кончилась, а другой не беру. Впрочем, необычайные похвалы мне повредят только, дадут врагов, а к достоинству книги ничего не прибавят. Теперь, перечитывая книгу, вижу все ее недостатки. Если какой-нибудь просвещенный человек скажет, прочитав ее: «вот приятная книжка, слог довольно красив, и в писателе будет путь!», то я останусь довольным. Помнишь ли, что старик кричал Мольеру: «Courage, Molière!» [1] Вот похвала! А у нас мало таких стариков: сделают идолом, а завтра же в грязь затопчут. Помню участь Боброва, Шихматова, Шаликова; и их хвалили! А теперь? К чему это? —

скажешь ты. Себя от чаду спасаю и хочу предвидеть огорчения, неразлучные с ремеслом. Огорчения... у меня их и без книги довольно!

Замечаний не получил еще; когда получу — кончу, но вперед пророчу: всего поправить не могу, а воспользуюсь замечаниями Крылова (которому очень обязан!) для другого издания. Теперь время ли? Если бы ты мог погодить! А если не можешь? Притом у меня, право, растерян ум: столько хлопот и предосадных! Отошли «Моровую язву» прямо к Каченовскому, поправя ее, если хочешь. Не замедли. Он пишет ко мне и просит чего-нибудь, а у меня ничего нет, кроме переводов пустых, которые я ему послал.

Вот мое решение на жалованье: мне пишут из Бессарабии, что Бахметев будет в Петербурге в июле или в августе. Узнай, правда ли это, и если он у вас, то отдай эту записку его адъютанту Рогачеву. Он выпросит свидетельство, и оное прошу отправить в комиссию. Если же Бахметева нет и он скоро не будет, то я лучше потеряю надбавку. Посылай тогда прямо. Вот и все! А если писать к Бахметеву в Каменец или Кишинев, то еще пройдет полгода. Полгода в жизни! Шутка ли это? Лучше потерять серебро. Это будет не первый убыток 1817 года. Если Рогачева нет в Петербурге с Бахметевым, то отдать это письмо другому адъютанту, какой будет, все равно.

Бога ради, исправь опечатки в томе прозы.

Куда мне девать экземпляры? И этих довольно; а приготовь один, получше переплетенный, на память мне (обе части вместе), и еще один отправь, при случае, к Дамасу в Париж. Попроси об этом Оленина.

---

[1] Смелей, Мольер! *(фр.)*

299. П. С. КОНДЫРЕВУ

23 июля 1817. <Хантоново>

М<илостивый Г<осударь> Петр Сергеевич! Я имел счастие получить в надлежащее время письмо, которым вы изволите извещать, что я выбран в члены Казанского общ<ества> л<юбителей> с<ловесности>. Болезнь, беспрестанные поездки и другие обстоятельства мешали мне принесть вам должную благодарность за при-

ятное извещение Ваше и просить вас, м<илостивый> г<осударь>, засвидетельствовать мою живейшую признательность перед лицом почтенного Общ<ества>. Уверьте оное, что я чувствую вполне слабость моего таланта и снисходительность любителей словесности, которые, конечно, заметили меня в толпе писателей по усердию моему, по искренней, нелицемерной любви к поэзии. Десять лет я провел под знаменами, в бурной воинской деятельности, и все краткие отдыхи посвящал музам: недостаток таланта заменял рвением. Сие рвение есть и будет единственное и лучшее мое право на снисходительность людей просвещенных.

Я поручил издателю моему в Петерб<урге> отправить к Вам две части Оп<ытов> моих в стихах и прозе для вручения их Обществу; покорнейше прошу принять их в знак моей благодарности и уважения. Не будучи в состоянии разделять с Обществом славу его, желаю разделить труды и по мере сил моих принесть пользу языку нашему. Имею и пр.

300. Е. Н. ШИПИЛОВОЙ

<Начало августа 1817. Хантоново>

Не больные ли вы, любезные друзья мои, что от Вас известия не получаю и сами не едете? — Я очень беспокоюсь. Принужден был остаться здесь, получа в ответ от Ушакова, что он теперь ничего против новгородского указа сделать не может. А советует мне самому изъясниться, он уверяет, что это ничего не значит. Я вижу тут и лисий рот, и волчий хвост. Можно и перевернуть пословицу.

Я писал ко Львову и к А. И. Приезжать ли в Вологду? Можно ли начать дело и раздел с пользою и успехом. Осведомься, любезный Павел Алексеевич. Посылаю вам 25 р., может, понадобятся. Купите огурцов. Целую вас всех.

Конст. Бат.

О кучере Тимофее не забудьте. Купите что надобно для кухни. Круп перловых, рисовых и перцу нет. Рому нет, дроби надобно мелкой и крупной 6 фунтов. Приезжайте скорей, или я всю наливку выпью.

301. Е. Н. и П. А. ШИПИЛОВЫМ

<4 августа 1817 г.> с. Даниловское

Обстоятельства батюшки требуют моего присутствия у него; крайне сожалею, что я не мог тебя дождаться в деревне, любезный брат, и прошу покорнейше, если есть возможность, приезжай в Даниловское: дела батюшкины надобно кончить на месте, в глазах его. Еще прошу о продаже. Чем более дадут денег — тем лучше, разумеется, но я согласен буду отдать и по триста рублей душу, а если бы за все дали тридцать тысяч, то и очень бы был благодарен. Деньги, может быть, нужны будут в скором времени: у батюшки имение описано давно и к продаже назначено. Теперь и дни дороги. Очень благодарен за мое свидетельство, но это дело не столь нужное и, как я говорил, поспеет к Петербургу. Кончить продажу и осмотреться в Даниловском — вот что нужно теперь. Итак, я подожду тебя до 10 августа у батюшки. Более ни дня ожидать не стану, а если приедешь ранее, то сочту за истинное одолжение, ибо пребывание мое там вредно вообще делам, особливо продолжительное. Обнимаю от всего сердца Лизавету Николаевну и желаю ей здоровия и счастия вместе с милыми малютками, которых прошу поцеловать. Пишите ко мне в Петербург и не забывайте брата, который вас искренно любит.

Конст. Б.

Суббота.

Посылаю тебе книгу и рекомендую сочинителя. Не забудь при продаже имения выключить трех девок, которым я уже дал отпускные.

302. И. И. ДМИТРИЕВУ

10 августа 1817. <Даниловское>

Ваше превосходительство! Я имел счастие получить письмо ваше. Не нахожу слов для изъяснения вам, милостивый государь, душевной признательности за ободрение маленькой музы моей. Здесь, в тишине сельской, рассудок мой заодно с истиною делает строгое вычитание из всего лестного, что изволите говорить

на счет ее, но сердце упрямится и ничего уступить не хочет. Оно сохранит в памяти письмо ваше наравне с краткими, но сладостными минутами, которыми я наслаждался в доме вашем, в обители муз. Страшусь быть суетным и знаю твердо, что вы, милостивый государь, ободряете меня не за то, что сделал, но за то, что вперед могу сделать. Буду стараться оправдать внимание ваше, и если по прошествии некоторого времени удастся мне написать что-нибудь путное, прочное, достойное вас, то с слезами радости воскликну: Дмитриев ободрял некогда мою музу, он дал ей крылья, он указал мне прямой путь к изящному!

Не могу вам изъяснить, какое добро сделали мне ваши волшебные строки. Они меня воскресили. Я знал слабость моей прозы. Почти все было писано наскоро, на дороге, без книг, без руководства, и почти в беспрестанных болезнях. Большая часть моей книги писана *про себя*. Я хотел учиться писать и в прозе заготовлял воспоминания или материалы для поэзии. Сам не знаю, как решился напечатать это. Теперь же, на досуге, перечитывая все снова, с горестью увидел все недостатки: повторения, небрежности и даже какое-то ребячество в некоторых пиесах. Посудите сами, как сердце мое уныло! Вдобавок к несчастию, множество ошибок и грехов типографских поразили мои отеческие взоры. И чужие, и мои собственные грехи, полагал я, вооружат на меня нашу *неблагосклонную* публику и всех «расставщиков кавык и строчных препинаний», которые, не имев великих талантов, не могут иметь и вашей снисходительности. Теперь я несколько спокойнее и по крайней мере себя не презираю. Надеюсь, что вторая часть будет исправнее и разнообразнее первой. Я молю судьбу мою, почти неумолимую, чтобы она позволила мне лично вручить ее вам, милостивый государь, как новый знак моей признательности и усердия. Меня никто до сих пор не ободрял, кроме вас, но зато несколько слов ваших — не смею и думать, чтобы они были не искренни,— несколько слов ваших с избытком заменяют похвалу нашей публики и скажу более — все дары Фортуны, к поэтам редко благосклонной. Имею честь быть с глубочайшим почтением, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга *Константин Батюшков*.

303. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

17 августа <1817. Устюжна>

Я еду в Петербург и пишу к вам сии строки от Якова Яковлевича. Пишу, пока закладывают лошадей. Бога ради, пиши, милый друг, обо всем подробнее в Петербург, и не худо бы тебе написать и к Катерине Федоровне. Батюшка, благодаря бога, здоров и, кажется, спокойнее. Я здесь прожил три недели: проезд великого Князя, который взял лошадей, задержал меня. К Павлу Алексеевичу писал; проси его, чтобы он не забыл меня и отвечал и чтобы выслал ломбардное свидетельство и свое, лучше оба вместе, чтобы не было двойных издержек. Лизавету Николаевну обнимаю душевно, Вареньку также; усердный поклон мой Аркадию Аполлоновичу; пишите, бога ради, и любите меня. Желаю вам всем счастия и тебя прошу особенно меня не забывать, а когда пишешь, то почище, чтобы я мог читать письма. Весь ваш *К*.

304. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

24 августа <1817. Петербург>

Я только что приехал и остановился в трактире. Переезжаю к тетушке, которая, благодаря бога, здорова. Поручаю Гнедичу продажу моего имения. Прошу тебя, милый друг, попроси Павла Алексеевича, чтобы он послал Шитого или кого заблагорассудит сделать опись генеральную всему имению моему: сколько душ, какие деревни, сколько десятин, сколько лесу, при каких реках и пр. Есть покупщики, но требуют сего описания.— Это все не должно помешать продаже Меников Павлом Алексеевичем. Но мне, для моего спокойствия, надобно устроить себя. Я на это решился. Здесь все благополучно. Будь здорова и не беспокойся особенно обо мне: Провидение меня не оставит. Гнедич кланяется тебе, и тетушка, и я кланяюсь всем очень усердно. Павла Львовича и Абрама Ильича еще не успел видеть. Пиши ко мне подробнее обо всем: мне, право, вздохнуть нет времени. Голова идет кругом от шуму с непривычки.

305. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

28 августа <1817. Петербург>

Пишу из Петербурга. Я здесь уже четвертый день, конечно — к твоему удивлению, милый друг, и к моему собственному; ибо ни гадал ни думал так скоро отправиться. Осенняя погода выжила меня из деревни: надобно было отправиться или в Питер, или в Москву; дал преимущество Петербургу, который, между нами будь сказано, мне не льнет к сердцу, хотя в нем все — и Жучок наш. Вчера я был у Карамзина с ним и с Тургенев<ым>. Тургенев объявил мне твое путешествие в Варшаву. Я ахнул и потом готов был прибить его. Но вчера примирился с этою мыслию и полагаю, что твое вступление в службу имеет вид хорошего начала. Я видел у Карамзина Новосильцева, который, как видно, желает тебя иметь при себе. Если служить (*если*), то лучше нельзя начать. Если это все приятно тебе, то и мне приятно. Служба доброе дело для человека, который может быть полезен. Дай бог, чтобы добрая воля в тебе не замирала. Жуковский вступает в новую придворную должность. Радуюсь истинно, что ему удалось это. Он очень мил; сегодня пудрит свою голову à blanc [1], надевает шпагу и пр., et tout le costume d'utchitel [2], а вчера мы с ним целый день смеялись до надсаду. Он пишет и, кажется, писать будет: я его электризую как можно более и разъярю на поэму. Он мне читал много нового — для меня, по крайней мере. Я наслаждаюсь им. Крайне сожалею, что тебя нет с нами. Пиши ко мне. Будь уверен в моей дружбе и не забывай меня в Варшаве. Пиши, бога ради! Целую ручку княгини. Уведомь меня, как будешь ты располагать своей судьбой? Поедешь ли subito [3] или останешься еще в Москве? Здоровы ли твои малютки? Весел ли ты и любишь ли меня, мой пузырь?

<Приписка А. И. Тургенева>: Августа 28-го. Вчера был у меня многолюдный Арзамас, в коем присутствовали два новые превосходительства: Ахилл и Плещеев, которого имя в арзамасском крещении забыл. Вместо речи читал указ о тебе и выпил за твое здоровье. Громобой из самого Арзамаса пустился в путь на Киев. Я отправил письмо к тебе третьего дня, прося Каверина доставить, если возможно, прежде почты. Получил ли его?

Князь Дмитрий Иванович Лобанов — министр юсти-

ции. Князь Горчаков отставлен, и дано ему 10 т. р. в год на содержание. Председатель угол<овной> пал<аты> Полянский — сенатором. Жуковский в воскресенье представлялся ученице своей и обедал с ней в Павловске.

Платье тебе — три штуки — с реестром препроводил я на имя Конст<антина> Булгакова в Москву для доставления тебе с маклером Кольчугиным. Нагибин говорит, что ты ничего к нему не пишешь о 100 р., и для того он не получил еще их. Уведомь, отдавать ли их ему: в твоем письме это не ясно. Сюда привезли тело графа Толстого, и в субботу похороны и вместе открытие Кавелинского пансиона. Я читал письмо твое к Нагибину и отдал ему 100 р.

---

[1] набело *(фр.)*.
[2] в полном наряде учителя *(фр.)*.
[3] сразу *(лат.)*.

306. Д. В. ДАШКОВУ

<Август — сентябрь 1817. Петербург>

Если великан, который встретился с Вами вчера, между двух морей, на узком перешейке,— не убил Вас палицей, саблей или стихом Хвостова, то заклинаю вас всеми великанами в свете, начиная с Наполеона и до корректора той типографии, где печатается «Сын Отечества», заклинаю Вас великаном Карабановым: напишите к Свиньину о выправке. Нет ли меня в числе? и не буду ли в будущих? — Не забывайте нас, любезный Дмитрий Васильевич, и, если Вы уже в царстве мертвых, к сожалению живых,— то являйтесь к нам изредка *в подобье тени*: мы будем приветствовать Вас вином и цветами; мы будем обедать с мертвецом и упиваться, как с живым. Questo è saper, questo è felice vita! [1] Жизнь наша, сказал мудрец, преходит как злак на камени. E un Eco, unsogno; anzi del sogno un'ombra [2]. Славно потерять ее на поле чести и оставить потомству славное наследство: имя! Еще во сто раз славнее ознаменовать ее каким-нибудь полезным подвигом; идти по следам Геркула, который очистил берега Европы от великанов и разбойников,— и там столпы свои поставил, где свету целому предел? Вы также поразили многих Гигантов; сторукий Бриарий Хлыстов лежит полумертвый в лавке

Глазунова. Великий Орион, славянин или варяг, историки до сих пор не согласны, Орион, ученик Атласа-Курганова, издыхает в пыльном книгохранилище,— не спасла его сила и храбрость неимоверная! Ни великий колпак наподобие пси! Ни латы хитрокованные из Четьи-Минеи и Пролога с серебряными застежками, отъятыми рукою искусного Усмаря у Киевского требника... Погиб, чудовище. Идох мимо и се не бе! — Тщетно израненная рука мертвеца силится ухватить тростие и начертать, по старой привычке, несколько строк из Псалма или из пророчества Аввакума! все напрасно! И кто, кто поразил чудовище? Вы, Милостивый государь. И так Вы же поразите незнакомого рыцаря, которого мы встретили вчера, при свете фонаря и троякой Фебы. Я спокоен на ваш счет. Живите для славы, друзей и отечества.

Катерина Федоровна ждет ответа с нетерпением. Уведомьте ее, Бога ради, милый Дмитрий Васильевич.

---

[1] Это значит знать: это — счастливая жизнь! *(ит.)*
[2] И эхо, мечта, вернее, тень мечты *(ит.)*.

307. А. И. ТУРГЕНЕВУ

<Август — сентябрь 1817. Петербург>

К<атерина> Ф<едоровна> посылала женщину к Бутурлину, но эта дева ему не понравилась, ибо она не говорит по-русски, а Бутурлин не знает по-немецки. Но вы можете адресоваться к окулисту Андерсу, если необходимо нужна женщина: у него есть годовая. К<атерина> Ф<едоровна> едет в Приютино и не имеет времени сама послать к Андерсу. Я болен и сижу дома. Вашего превосходительства покорнейший Ахилл многострадальный.

308. Е. Н. ШИПИЛОВОЙ

<Сентябрь 1817 г.> Петербург

Прошу никому этого не читать.

Благодарю тебя, милый друг Лизавета Николаевна, за твое воспоминание. Теперь поговорим о деле для нас важном: и будем говорить чистосердечно и в простых

словах. Awaринька за несколько часов до отъезда моего прибегла ко мне со слезами: она желает, чтобы участь ее чем-нибудь решилась, и желание ее справедливо! Более года она томится по-пустому. Ничего у нас не делается, а целому миру все известно. Батюшка меня этим встретил. Я молчал. Но каково мне было? Если Awaринька не согласна, то, бога ради, откажите Аркад<ию> Апол<лоновичу>. Если он не хочет, то скажите это просто Awaриньке. Но решите чем-нибудь. Еще повторю, решите! И не выдумывайте предлогов для проволочки. Стыдно и говорить об имении и тому подобных пустяках. Имение ее известно. Ты, милый друг, старшая всем. Awaринька провела у тебя лучшие годы жизни своей, тебе не должно покидать ее. Ты сделала для нее все, что могла, я знаю это; но теперь кончи же начатое или откажи Аркад<ию> Апол<лоновичу> начисто.

Awaринька невеста. Ей время дорого, ты сама это должна знать лучше моего. Она имеет столько хороших качеств, что, может быть, за женихами еще дело не станет. А в течение года могли бы, кажется, что-нибудь сделать: мы Францию завоевали в шесть месяцев. Спрашиваю вас, не обидна ли эта нерешимость, с чьей бы стороны она ни была? Со стороны Awaриньки обидна жениху, со стороны его обидна ей; этого мало: обидна, предосудительна всему семейству нашему, и если вы не примете мер, то это, право, нехорошо будет! Смех посторонним, стыд себе. Итак, прошу вас, решите что-нибудь. Кончите. Я видел, как бедная Awaринька мучится: мне и за нее очень больно. Ее участь нам должна быть всего драгоценнее в мире: ибо мы старшие ей и провидением назначены быть ей путеводителями и избавлять от огорчений, а не вводить в несчастия. Замужем или незамужем, она мне будет сестра. Кончите, бога ради. Не навлекайте себе огорчений пустым деликатством, которое в делах никуда не годится. Дела делаются просто. Да или нет — вот и вся песня у благоразумных людей. А полтора года... Но я лучше замолчу, в надежде, что ты это все решишь, и к лучшему для сестры. Уверен также, что простишь мне мои слова и мое простодушие. Я иначе быть не умею с людьми, которых люблю, особенно с родными. Ни слова бы не говорил, ибо не охотник до хлопот, если бы сердце мое, заодно с рассудком, не говорило: надобно этому сделать конец, а у вас еще и начала нет. Все знают, а батюшке

не объявлено. У архиерея не была и ничего не готово в полтора года?

Но прости мне, милый друг, целую руку твою и прошу ее не лениться писать ко мне. Обнимаю детей твоих. Еще раз будь здорова и люби меня; я, право, того стою за то, что вам очень предан.

309. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<Сентября 1817 г. Петербург>

Письмо твое получил, милый друг, и крайне сожалею о болезни твоей. Надеюсь, что она миновалась. Теперь издали вижу, что все огорчения твои почти пустые и совершенно минуются, если ты будешь иметь твердость духа и здравый смысл, которых у тебя достаточно. На мои письма все еще нет ответа из Вологды. В газетах здешних и московских все еще не публиковано о продаже имения. Сделай одолжение, спроси у Павла Алексеевича, почему это до сих пор не сделано? Я ожидаю (просил о том на прошедшей почте и прошу еще на нынешней), ожидаю записки подробной о деревнях моих: сколько душ в каждой деревне; в каком уезде сколько земли пахотной, лесу и пр. Прикажи ее немедленно сделать Шитому, а я за эту услугу дам волю его дочери, которая еще все о том же хлопочет. Эта записка необходимо нужна для продажи, ибо я намерен все сполна продать: я решился и совершу с Божией помощью. Здесь, может быть, найду охотников, а может быть, и в Вологде. Здесь обещали поговорить двум или трем покупщикам. Ожидаю только записки; должны быть письма и книги на мое имя: не послала ли ты их в Устюжну. Они от Жуковского из Петербурга: желаю, чтобы мне их возвратили, они нужны. Бога ради, справься сама об этом. Здесь я видел Абрама Ильича, но Гришу еще не видал, был раз у него, но не застал. У меня много хлопот и разъездов. Нашел людей, которые меня не оставляют, и с помощью их авось что-нибудь сделаю: в виду имею излечение болезни моей и путешествие. Гнедич пишет к тебе и просит купить полотна: выполни это, если можешь, и пришли портрет, я разрешаю, тебе возвратят его. Он нужен будет вперед для Гнедича. Слава Богу! книга моя идет хорошо и по крайней мере ему убытка не приносит. Обнимаю тебя усердно. Не

стыдно ли, живучи в деревне, писать так редко и коротко? К<атерина> Ф<едоровна> кланяется, она по-старому любит нас и одна не переменилась. Вели, прошу тебя, портрет уложить в ящик Ивану Сергееву и пришли по первой почте. Здесь Афанасий. Он пришлет тебе семян.

310. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

29 сентября <1817. Петербург>

Глазов вручил мне письмо твое, очень короткое; на другой или на третий день я получил от тебя два письма, милый друг. Благодарю тебя за них. Надеюсь на Провидение и на твою дружбу; надеюсь, что все к лучшему. О себе скажу только, что я все хвораю, но иногда выдаются хорошие дни. Я тебе писал уже, что стараюсь получить место, но где и как — не знаю. Если удастся некоторый план, то я отправлюсь в полуденные края; но об этом еще не говори, прошу тебя; не говори ни слова. Бога ради, пришли мне описание деревень. Поручи кому-нибудь другому, если Шитый болен. От П<авла> А<лексеевича> ни бумаг, ни писем до сих пор не имею. Время летит, а у нас дела не подвигаются. О Вариньке ничего сказать не умею. Надеюсь, что вы кончите все к лучшему; надеюсь на бога. С Глазовым пошлю тебе семян цветочных: их доставил мне Афанасий тебе в гостинец. Лучше всего, милый друг, садить капусту и цветы в своем огороде, пока можно. Право, свет не столь красен, как издали кажется: много в нем забот и много пустого. Желаю душевно, чтобы ты, милый друг, провела спокойно осень. Выезжай почаще. Карауловы хотели быть к тебе. Замани их: они тебя развеселят. Не будь одна вечно и, больная, береги себя. Вот мои советы. Обнимаю тебя ото всего сердца. Сестрам поклонись и пиши ко мне пространнее. Да отвечай регулярно и выполни мои поручения. Если я не устрою ломбардного дела, то чем жить? Четыреста рублей в год не забавны. Здесь так все дорого и деньги столь маловажны, что ужасаюсь, смотря на мой бумажник. Притом же мне ни одна из моих спекуляций не удалась, даже бричка не продается. Но бог меня не оставит. Ему вверяю тебя, любезный друг, и прошу его небесной милости.

Прости, будь здорова: это главное. При здоровье у тебя будет и рассудок, и сердце меня любить, а в моей дружбе можешь быть уверена. Весь твой.

Адресуй в дом К. Ф. Муравьевой, у Аничкина моста.

311. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Сентября 1817. <Петербург>

Благодарю тебя за письмо твое ко мне, милый друг, благодарю тебя, милый Асмодей, за Озер<ов>а и за удовольствие, которое доставил нам своею книгою. Слог быстрый, сильный, простой; простой — это всего милее! Я почти всем доволен. С некоторыми суждениями не согласен, но у всякого свой вкус. Как бы то ни было, Вяземский, который начал мадригалами, вздумал — сделал, то есть подарил нас книгою, книгою, которая делает честь его уму и сердцу. Я с моей стороны целую его прямо в лоб и говорю ему: не останавливайся! Вперед! марш, марш к славе стезею труда и мыслей! Выбирай себе путь новый, достойный твоей музы, живой и остроумной девчонки. У тебя не достает только навыка для прозы. Иногда себя повторяешь; иногда периоды не довольно обработаны и слова путаются. Итак, пиши только: все приобретешь, чего недостает у тебя. Пиши! Я предрекаю России писателя в прозе. Пиши, учись, читай и люби свою славу, а не успехи. И для тебя авторство — стихия, рассеянность и презрение к забавам ума и труда — смерть, смерть моральная! Не утрать в свете воображения и сердца; без них что в уме? А они-то всего скорее линяют... Но я забыл, что говорю с тобою и что ты бранишь меня за умничанье. Какая мне нужда! Я все-*таки* свое повторять буду. Трудись, где бы ты ни был, в Варшаве или в Москве, жертвуй Грациям, жертвуй важным Музам, которые тебе столь благосклонны. Ты спрашиваешь, что я для тебя стряпаю? ничего. Спроси у Северина; он лучше моего знает. Надеюсь на его дружбу. Если то, чего он желает, не удастся, то полечу в Тавриду лечить грудь мою и рассеять тоску и болезнь на берегах Салгира, на высотах Чатырдага и на благовонных долинах Поморья. В ожидании сего пью лекарство и вижусь с Жуковским. На него весело глядеть моему сердцу и грустно, когда подумаю о разлуке. Он на днях едет к вам. Северин мелькнул и исчез.

Остается здесь Арфа. Душу ее можно сравнить с Аретузою, которая, протекая посреди горькой стихии, не утратила своей ясности и сладости природной: посреди шума и суеты всяческой Тургенев день ото дня милее становится. Блудов — ослепительный фейерверк ума. В Арзамасе весело. Говорят: станем трудиться — и никто ничего не делает. Плещеев смешит до надсаду. Карамзины здоровы. Поклонись Гусю Вот Я Вас, а еще лучше сделаешь, если напомнишь обо мне княгине, которой я усердно и низко кланяюсь. Дай бог, чтобы все твои и ты сам были здоровы. Очень крепко обнимаю тебя, мой милый и добрый Вяземский. Прости, пиши — пиши прозу и письма ко мне. Стихи мои вышли. Читай их и не брани меня; а лучше всего люби меня, как я люблю тебя, то есть очень, очень. Скажи Северину, что его принцесса здорова и, кажется, изменила ему для меня. Блудов называет ее очень забавно *псом* Резвого Кота.

312. А. И. ТУРГЕНЕВУ

<Начало октября 1817. Петербург>

Сию минуту получаю два экземпляра моих бессмертных стихов. Один отдаю Северину, другой посылаю Вам, еще сырой. Вы не можете сказать: стихи его сухи. И не скажите: ибо любите меня, Александр Иванович, если не за стихи мои, то за то, по крайней мере, что я вас люблю и предан вам всей душою. Усердно кланяюсь Николаю Ивановичу и прошу его не очень строго критиковать преданного вам и ему *Рифмоплеткина.*

313. И. И. МАРТЫНОВУ

Октябрь 1817. Петербург
Суббота.

Вчерашний день Н. И. Гнедич сказал мне, что Ваше Превосходительство изъявили желание взглянуть на мои «Опыты», вследствие чего он препроводил Вам оные. Простите мне, милостивый Государь, что я замедлил вручить вам лично мои безделки. Хлопоты и потом болезнь помешали мне исполнить долг, приятный моему

сердцу. Осмеливаюсь препроводить к Вам экземпляр, который покорнейше прошу сохранить в знак моей признательности и искреннего почитания. Переводчик Лонгина, сего строгого и прозорливого судии, простит ли мне лепетание моей маленькой музы? Может быть (смею надеяться), ибо он знает, что автор сих «Опытов» требует не похвалы, а ободрения, ибо он знает, что Батюшков усердно предан Вашему Превосходительству и не переставал Вас любить и уважать как человека и писателя.

Освободясь от болезни моей, на днях лично засвидетельствую вам мое почитание, если позволите.

314. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

19 октября <1817. Петербург>

Я получил три письма от тебя, милый друг, и принужден отвечать на них коротко, ибо, право, теперь времени мало: много разъезжаю и возобновляю знакомства, большею частию бесполезные. Благодарю тебя за дружбу твою. Не переставай писать ко мне и чаще и пространнее обо всем. Проказами не очень огорчайся; им не будет конца, ибо люди не переменяются: таких чудес еще не видано. А они все люди добрые и проказят потому, что нечего делать. Береги свое здоровье и занимайся хозяйством. Верь мне: Хантонова они не продадут и ни на что и никогда не решатся. Но между тем мои дела не лезут. От батюшки письмо за письмом; из Вологды ни строки с приезду. Попеняй им, прошу тебя. И умоляю выслать опись имению: здесь есть у меня покупщики. Помоги мне, милый друг. Я решился продать все и быть свободным; а ты знаешь, что когда я решусь на что-нибудь, то трудно меня назад возвратить. Может быть, но это пусть между нами; я женюсь, только не на той особе, которую ты знаешь. Это одно предположение. Вернее кажется путешествие. Если не дадут способов ехать в Италию, то я отправлюсь в феврале в Тавриду. Итак, ты видишь, что в том или в другом случае необходимо устроить мне свои дела, тем более что и батюшка, считая на мое недвижимое имение, не то делает, что бы надобно было. Впрочем, верю Промыслу и вверяю ему себя и тебя. Меня здесь ласкают добрые люди: я на розах как автор и на иглах как чело-

век. Успехи в словесности ни к чему не ведут, и ими восхищаться не должно. Те, которые хвалят, завтра же бранить станут. Я видел тому примеры. Мое положение печально. Ничего верного не имею, кроме четырехсот рублей доходу. Поговори об этом Павлу Алексеевичу; авось он послушается, если не голосу сердца, то по крайней мере голосу рассудка, и кончит мои огорчения, кончит продажу хотя по 380 р. душу — но кончит. Прости, милый друг. Обнимаю тебя очень усердно.

Вчера видел Веру Осиповну у Павла Льв<овича>. Она тебе кланяется; недавно сюда приехала. Естюшка болен был горячкою: теперь легче. Когда же ломбардные бумаги? Не забудь рубашки и платки носовые. Все доставь вместе, когда успеешь.

Сию минуту получил письмо от Ивана Семеновича. Вот оно. Покажи его в Вологде брату.

315. Н. М. СИПЯГИНУ

19 октября 1817. С.-Петербург

Не нахожу слов для выражения моей признательности за письмо, которым Вы, Милостивый государь, меня удостоили. В волнении самых приятных чувств я читал его, и диплом, который мне дает лестное право заседать в обществе военных людей,— славных на поле брани, и в дни мира готовящих новую славу Отечеству повествованием подвигов знаменитых полководцев и толпы Героев, сражавшейся под знаменами Александра. Три войны я имел счастие служить под оными, и простой, но усердный ратник, был свидетелем успехов неимоверных: ныне отторженный болезнию от среды воинов, утешаюсь мыслию, что и я разделил с ними труды и опасности. Вот мое единственное, но завидное право на внимание Почтенного общества, и на снисхождение Вашего Превосходительства. Знаю, сколь опыты мои в словесности мало важны и несовершенны, но осмеливаюсь вручить их Вам, Милостивый государь, Судие Просвещенному, как слабый знак моего усердия, глубочайшего почитания и признательности сердечной.

Имею честь быть, Милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейший слуга

Константин Батюшков.

316. Ф. Н. ГЛИНКЕ

<20 октября 1817 г. Петербург>

Покорнейше прошу Вас, почтенный Федор Николаевич, вручить сие письмо его Превосходительству и мои «Опыты» в знак моей душевной благодарности. Надеюсь, что он примет их из рук ваших с благосклонною улыбкою. Но когда увидимся мы? Когда поговорим с вами? Вот чего желает мое сердце. Если у вас будет свободная минута, то пожертвуйте ее мне, Вашему искреннему почитателю. Назначьте день и час. Я уже говорил Гнедичу, который нетерпеливо ожидает вашего приглашения.

Прошу покорнейше не забывать преданного Вам инвалида, который вас и любит и почитает как писателя и как человека.

Конст. Б.

Суббота

317. И. И. ДМИТРИЕВУ

26 октября 1817. Петербург

Ваше превосходительство, в волнении приятнейших чувств я читал письмо, которым вы изволили меня удостоить. Благосклонное внимание ваше к моим «Опытам» оживляет меня, как волшебный прутик: оно меня не избалует, ибо я принимаю его как ободрение и чистосердечное желание мне успеха, а не награду за безделки мои.

Я вручил Дмитрию Петровичу Северину при отъезде его в Москву второй том «Опытов», только что вышедший из типографии, где его немилосердно изуродовали к смирению моей авторской гордости. К моим беотизмам наборщики столько собственных беотизмов прибавили, что мои родительские руки от ужаса опустились! Отправляя его к вам, я умолял Северина быть моим ходатаем за младшего моего сына. С первой оказией осмелюсь препроводить к вам лучший и исправнейший экземпляр, который, по крайней мере по переплету, заслужит местечко в библиотеке вашей, то есть в храме вкуса. Ласкаю себя надеждою, что вы, милостивый государь, примете

его с благосклонною улыбкою, как слабый, но искренний знак моей преданности; она неистощима, ибо беспрестанно питается чувствами глубочайшего почитания и благодарности. Имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейшим слугою.

Константин Батюшков.

318. Ф. Н. ГЛИНКЕ

<Октябрь — ноябрь 1817>

Батюшков усердно благодарит почтеннейш<его> Федора Николаевича за приглашение. Он будет у Вас завтра в 3 часа непременно. До свидания!

319. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

6 ноября <1817. Петербург>

Благодарю тебя за письма твои. Если удастся мне продать деревни мои, то исполню по твоему желанию все, что касается до дворовых людей. Павлу Алексеевичу писал на днях и послал письмо Н. Н. Муравьева, который пишет ко мне, что имение батюшки будет продаваться 10-го февраля будущего года: еще есть время помочь, но дремать нет времени. Надеюсь на Провидение. Этим не надобно огорчаться: я предвидел это. Письмо губ<ернатора> очень учтиво и ласково. Надеюсь, что он по старому знакомству поможет мне. Теперь все дело в продаже. Дай бог, чтобы нашелся покупщик и дал хотя по триста рублей за душу, и надеюсь, что найдется. Я с моей стороны ищу здесь, но, к несчастию, получил опись деревни поздно. В Вологде, верно, будут охотники. Проси брата, чтобы он ускорил продажу. Два месяца пролетят быстро. К батюшке пиши и тверди, что я все сделаю, что могу и что Провидению угодно. Успокой его, милый друг: он теперь, конечно, не на розах. Съезди и к нему (если это нужно) и утешь его в горести и советом и делом. Кроме тебя, у него нет никого на свете: ты сама это знаешь. Теперь-то его утешать и должно. У меня очень много хлопот; прости, что пишу мало. Выезжаю по гостям и хлопочу в ломбарде, в Гражданской палате, где отпускаю на волю Алек-

сандру и Домну, и хлопочу о продаже. Гнедич в этом мне помогает усердно; впрочем, я весел и покоен. Скажи старосте, чтобы миром помогли погорелым в Соболеве, а потом я что-нибудь им дам: это мой долг. Перепиши мои книги почище, сделай им реестр и пришли ко мне поскорее: очень меня одолжишь. Будь здорова, мой ангел, и весела. Не забывай твоего *К.*

Пришли мне, милый друг, чулок бумажных, рубашек и платков 6 тонких носовых.

320. В. С. ФИЛИМОНОВУ

<Осень 1817. Петербург>

Несколько раз сряду я посылал к Уткину: наконец прислал он свою картину и Семенову. Все стоит 62 р.— Крайне сожалею, любезный и почтенный Владимир Сергеевич, что не вижу вас. Поутру рано не могу выйти со двора, а позже вас не сыщешь: он там, где там... Но нельзя ли вам, отделясь от вина и суеты мирской, завернуть в мою келью или в Гнедичеву.

Константин Батюшков.

321. Ф. Н. ГЛИНКЕ

<Ноябрь 1817 г. Петербург>

Н. М. Карамзин писал к Н. М. Сипягину о известном вам деле г. Савелова, но ответа не имеет. Сделайте дружбу, почтеннейший Федор Николаевич, спросите у него, получил ли он письмо и что на него скажет. Савеловы в недоумении в Москве, и судьба их зависит от ответа Карамзина.

Крайне сожалею, что не виделся с Вами; все хвораю. То насморк, то ревматизм. Чему дивиться? Посмотрите, какое время стоит! Но как бы вознаградить потерянное? Я собираюсь скоро в Москву, не прикажете ли что туда?

Весь вам преданный

Константин Батюшков.

Середа

322. А. Н. ПЕЩУРОВУ

<Не позднее 1817>

Вот письмо к Максиму Ивановичу; доставлением оного вы чувствительно меня обяжете, Милостивый Государь, Алексей Никитич. Позвольте повторить здесь чувство истинной преданности и почитания, с каким имею честь быть, милостивый Государь, ваш покорнейший слуга

Константин Батюшков.

323. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<Середина ноября 1817. Петербург>
Вторник.

Я получил сию минуту письмо твое, милый друг, о болезни батюшки, которое меня очень огорчило. Молю господа бога, чтобы ему было легче. Он на руках твоих и сестры, следственно, может быть покоен. Ты ничего не упустишь, ангел мой, чтобы облегчить его страдания. Радуюсь, что Варенька с тобою, и обнимаю ее искренне. Между тем скажу тебе, что благодаря Павлу Алексеевичу наконец дела пошли. Мартьянов покупает мое имение, и кажется, с ним совладаю. Есть и другие покупщики в виду. Короче, уверь батюшку, что имения его не продадут с торгу. Я выкуплю и даю в том мое честное слово. Провидение мне поможет совершить это и наградит успехом годовые хлопоты. Скажи батюшке и проси, чтоб он не беспокоился; это беспокойство может повредить ему, тогда как я все дело с успехом кончу, если надежда не обманет. Мне отсюда никак отлучиться нельзя. Начал дела важные, ибо дело идет о моем всем имуществе и о части батюшкина. Я советуюсь с хорошими людьми и ничего своевольно не сделаю. До сих пор есть надежда и себя успокоить, по крайности сохранить что-нибудь: кусок хлеба. Еще раз прошу: успокой батюшку и проси его любить меня и более печись о здравии своем, нежели о делах новогородских. Тебя обнимаю, и сестру, и маленького брата. Будьте здоровы, и дай мне, бога ради, хорошую весть.

324. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<Конец ноября 1817. Петербург>

Я не могу описать тебе моего беспокойства! — Ни письма, ни известия, ни посланного от тебя нет! Я мучусь. Бога ради, отправь поскорее назад Ларьку с письмами.

Конст.

Мне очень хочется уехать домой.

Félicite Barbe avec son jour de nom; je vous envoye à toutes trois des bottes chaudes afin que vous rapelliez plus souvent à moi.

Envoyez-moi des lettres et de bonnes nouvelles. Adieu [1].

---

[1] Поздравь Вареньку с ее именинами, я посылаю вам всем трем теплые сапоги, чтобы вы чаще вспоминали обо мне. Посылайте мне письма и хорошие новости. Прощай *(фр.)*.

325. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

26 <ноября 1817. Петербург>
Понедельник.

Я получил печальное известие о кончине нашего родителя, любезный друг и сестра Александра Николаевна. Сегодня Павел Львович возвестил мне оную, а тетушка вручила мне письмо твое. Можешь представить себе, с какими чувствами я прочитал оное. Да буди воля Господа! Но сердце мое страдает: ты знаешь его, любезный друг. О себе скажу, что дня за четыре до твоего известия я уже был болен. Теперь, слава богу, полегче. Но мне Петербурга до окончания дел оставить не можно, и самое здоровье не позволит, хотя и желал бы лететь в твои объятия и отдать последний долг батюшке. Я сам был болен и только вчера встал с постели. Надеюсь после 30 сего месяца выехать и для того прошу тебя подождать меня, прошу Вариньку и брата Павла Алексеевича, полагая, что он у вас. Отдай последний долг, не ожидая моего прибытия. Чувствую вполне твою горесть, но прошу тебя и заклинаю именем дружбы и самого батюшки беречь свое здоровье, столь драгоценное мне и Юленьке. Детей мы не оставим, не правда ли?

Поможет сам бог, и что-нибудь для них сделаем. Я возьму маленького, а ты — сестрицу. Об имении еще ничего сказать не могу. От продажи спасу, а там оглядимся.

Теперь прошу тебя, милый друг, содержать дом в устройстве и просить людей для памяти батюшки вести себя порядочно. Иван Семенович вручит тебе 1000 р. Издержи их, как рассудишь, с советом Павла Алексеевича, который, конечно, не оставит тебя в столь плачевный час. Прошу его ничего не жалеть, но как можно менее церемонии. Если что останется от издержек, все нищим, и попам, и в церковь.

У меня голова кружится,— каково же вам? Чтобы Варенька не простудилась, бога ради.

Целый день у меня был Павел Львович, и все толкуем, что делать. Тетушка вчера очень занемогла; сегодня, благодаря бога, легче. Она тебя и Варечку очень крепко обнимает. Маленького берегите. Прошу об этом Вареньку очень усердно. Пусть с нею спит в одной комнате. Людей всех награжу своих; скажи им. Еще раз обнимаю тебя. Завтре буду писать с почтою. Я выеду в субботу, т<о> е<сть>, после 30-го, если что не задержит, что легко статься может: главное — моя хворость. Помолись за меня, милый друг, над гробом родителя. Прости. Очень устал.

326. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<27 ноября 1817. Петербург>

Вчера писал к тебе с посланным твоим, что не могу ехать и отдать последний долг нашему родителю. Укрепись, прошу тебя, милый друг, и береги Вареньку и маленького сироту. Исполним все, что можем. Не в слезах и рыданиях доказательство приязни к родителю: на делах и в чувствах. Полагаю, что Пав<ел> Алек<сеевич> с Вами, и прошу его не оставить вас. К дядюшке писать буду; но скажи ему, сколько я ему обязан! Тетушка К<атерина> Ф<едоровна> больна. Я нездоров и хлопочу по имению. На днях, если здоровье позволит, буду к вам. Бога ради, дождись меня. Обещай Савелью свободу, если будет себя вести хорошо и дом в порядке. Всех людей, которые служили батюшке, не забуду: это долг мой. Прости, милый друг, поплачь, но будь благоразумна! У нас теперь много забот. Успокоим тень роди-

телей добрым поведением и любовью друг к другу. Они требуют сего от нас. Обнимаю тебя. Я сегодня совершенно спокоен и займусь делами. Пишу в Новгород по совету П<авла> Л<ьвовича>, который меня одушевляет истинно родственной приязнью. Софья Астафьевна вам кланяется. К. Ф. также.

327. П. А. ШИПИЛОВУ

Конец ноября 1817. Петербург

Извини, милый брат, что буду писать мало и несвязно. Побереги сестер и маленького брата! Бога ради, побереги Александру Николаевну и облегчи ее заботы. Я сам болен, но буду скоро. На тебя надеюсь, как на стену. Устрой все. Иван Семенович просил вручить на издержки 1000 р. Не жалей их. Поплачь за меня над гробом, милый друг. Мы ничего не успели сделать, но труды не потеряны. Теперь останови, если можно, продажу Меников. Еду с вами посоветоваться и решить участь малюток. Это главное.

328. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

6 декабря 1817. Даниловское

Пьяный от холоду, забот и усталости, я прибыл сюда благополучно, любезная тетушка, и спешу начертить вам несколько строк несвязных. Здесь не застал Теглева, который уехал в Тихвин для каких-то подрядов. Сестры в деревне с маленьким братом; в своей деревне ярославской. Иван Семенович не здесь, а дома, и я решился ехать прямо к нему, не заезжая в деревню батюшки, ибо в ней дом и все запечатано. Мера весьма благоразумная! Там Павел Алексеевич и Теглев с сестрой учредили наскоро возможный порядок. Уведомьте об этом Павла Львовича, к которому не имею времени писать особенно, и скажите ему и тетушке мой душевный поклон. Скажите дядюшке, что я до сих пор еще не успел ничего сделать, ибо никого не застал на месте, что меня очень беспокоит. Скакать по стуже снова не очень забавно. Если будете писать ко мне, о чем прошу и надеюсь, то адресуйте письмо в Устюжну; к 14-му числу буду здесь обратно или их мне перешлют. Денег еще не могу возвратить вам, ибо ни с кем

еще не видался. Сашу очень крепко обнимаю и целую. Никите мой душевный поклон, Надежде Евграфовне также; прошу не забывать всех домашних и знакомых, а ваши ручки очень нежно целую, любезная тетушка. Пожелайте мне здоровья и счастия; бодрости довольно. Простите.

329. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

<7 декабря 1817. Устюжна>

Я приехал сию минуту в Устюжну. Устал очень. К несчастию, не застал Ивана Ник<итича>, он уехал час передо мной в Тихвин на подряды, а в нем-то я имел крайнюю нужду. Еду сию минуту в Кесму. Оттуда к Вам. К 16-му числу сего месяца буду здесь, т<о> е<сть> в Даниловском. Приготовь мне комнату одному и ванну: имею нужду в покое. Сожалею, что Вас здесь нет. Хорошо сделали, что маленького взяли к себе. В Даниловском все благополучно. Даю приказания Савелью. Пошли приказ к старосте, чтобы собирали деньги к Новому году: мне нужда. Если тебе не нужна тысяча, что я велел дать Ивану Семеновичу, то возврати ее ему. Я сам занял в Петербурге, и теперь платить надобно. Призови к себе старосту Угольского немедленно и посоветуйся с ним, не могут ли они все, с Мениками (теперь я остановил продажу), дать мне тысячи три (без недоимок) в сии полгода текущие: я был бы очень доволен. К Новому году я буду в Петербурге или в Москве: того требуют мои собственные дела, которые для меня не менее других важны, ибо обо мне, кроме меня самого, никто не заботится. Не надобно забывать притом 10-го февраля: продажа имения. Но бог даст, все устроим. Посылаю к тебе нарочного. Сам еду к Ивану Семеновичу. К понедельнику буду у Вас, если что не помешает. Будьте здоровы. Обнимаю вас. Вареньке везу подарок.

Бога ради, не спешите и не делайте ничего наскоро и не подумав. Немедленно пошли за старостой, и чтобы он дал знать и в Меники тотчас о сборе оброка.

Четверг.

Дайте знать Павлу Алексеевичу, что я пробуду только до 16-го или 15-го в Хантонове. Не приедет ли он ко мне? Нужда с ним переговорить о делах его и моих собственных.

Если ты не издержала денег, тысячи, то оставь их у себя. Я отдам Ивану Семеновичу свои (нарочно занял), а те возьму у тебя, чтобы нарочно взад и вперед не посылать.

Полагаю, что это письмо застанет вас в Хантонове, ибо зачем тебе быть в Вологде? Теперь важнейшие обстоятельства требуют нам быть вместе и здесь. Дело идет о спасении всего. Если в Вологде ты, то немедленно выезжай. Не забывай, что к 16-му сего месяца я должен быть в Устюжне для спасения имения. Зачем вы поспешили разъехаться? Это меня огорчило.

<Адрес>: Сестрице Александре Николаевне, в Хантонове. Если ее там нет, то сие письмо отправить на переменных через Углу и Меники в Вологду, без замедления, с верным человеком, чтобы в воскресенье поутру оно было доставлено в Вологде Александре Николаевне. Доставить письмо непременно в субботу ввечеру или в воскресенье поутру в Вологду. Купить в Вологде на мои деньги портвейну ведро и уложить в войлоке исправно, чтобы не замерзло.

330. НЕУСТАНОВЛЕННОМУ АДРЕСАТУ

<Начало 1818>

Милостивый государь мой Иван Иванович! С тех пор, как я имел удовольствие жить с вами, то есть с 1805 году, протекло уже 13 лет; с тех пор я неоднократно имел удовольствие вас видеть в Петербурге; с тех пор неоднократно я был в деревне, то есть в соседстве вашем, и вы никогда не упоминали мне ни о каком долге: теперь спрашиваю вас: какое право имеете нарушать мой покой? Мне было шестнадцать лет, когда я жил с вами, но и тогда уже имел довольно рассудку, чтобы не быть вам, милостивый Государь, ничем обязанным. Теперь мне тридцать: следственно, я имею более опытности и потому письмо ваше принимаю за шутку, если вам не угодно, чтоб я принял его за оскорбление. Я служил три войны Государю с честию, имею имя, которого не помрачил ни одним поступком, имею некоторое уважение в обществе, которое заслужил трудами, а не редкими талантами, как вы изволите упоминать в письме вашем; опираясь на все сие,

прошу вас, милостивый Государь, не выдавать меня за человека, который не хочет платить долгов своих, ибо повторяю вам еще в заключение, что я вам ничего не должен, кроме почтения, о котором обыкновенно упоминают при конце письма. С оным имею честь быть ваш покорный слуга *Констант...Бат.*

331. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

24 января <1818. Петербург>

Крайне сожалею, любезный друг, о болезни твоей, и что ты так печально начинаешь новый год. Но радуюсь, что дело Вареньки будет иметь какой-нибудь конец: их дело быть счастливыми, наше не допускать дурачиться и вредить себя. Если будут счастливы, то я первый порадуюсь от души: может быть, и будут. Катер<ина> Фед<оровна> желает, чтобы ты к ней приехала, и я тебе советую так устроить дела свои, чтобы летом ты могла предпринять путешествие сюда с Юлинькой, если опека даст на ее воспитание, и с Помпеем, для которого я сыщу пансион рублей в тысячу. Желаю, чтобы ты провела здесь год или месяцев шесть по крайней мере и рассеяла свои мысли: отдохнула, одним словом. Пишу к П<авлу> А<лексеевичу>. Деньги за него внес в ломбард и получил свои. Мои дела, с помощию бога, устроятся. Иван Семенович пишет, что вексель отыскан Теглевым. Теперь беда не велика, ибо до векселя я еще отказался. Жалею, что и Вареньке ничего не достанется. Но у нее есть насущный хлеб: это главное, и скажу более, добрые люди нас уважают. Письмо Ивана Семеновича и Теглева к тебе посылаю, а ты покажи его Павлу Алек. Не забудь книгам роспись и поверить счеты: об этом прошу и Павла Алексеевича. Прости на сей раз, будь здорова и обними брата. Желал бы получать от тебя письма повеселее и обстоятельнее.

332. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Января 1818. Петербург

Ты забыл меня в моих огорчениях, Жуковский: это стыдно, и что всего стыднее, забыл о моем деле, которое около пяти месяцев стоит на одном месте. Вступись за ме-

ня, милый друг, и реши мою судьбу. Выпроси мне у Северина отказ: все лучше, нежели нерешимость,— лучше, ибо дела мои требуют решительных мер. Если откажут мне, то я продам имение и на три года поеду путешествовать. Есть и покупщики; теперь дело за моим словом, а что могу сказать? Как ждать шесть месяцев такой безделицы или отказа?! Это со мной только случиться может. Пусть откажут, только скорее. Северину вечно буду благодарен и за отказ: он единственный человек в нашей пространной империи, который желал мне сделать добро, и нет человека, который бы ему за одно желание столько был признателен, как я.

Кончил о себе, теперь о тебе. Радуюсь душевно, что ты получил еще четыре тысячи. Теперь имеешь независимость, лучшее из благ, если только можно иметь ее в твоей должности. Мы ожидаем от тебя поэму. Если прождем три, четыре года, то она будет прекрасна и достойна твоей славы, то есть будет написана не наскоро.

Прости, милый, бесценный друг, будь здоров и откликнись. Кассандру ждем: затем-то не пишу к ней. Асмодею поклонись и всему Арзамасу. Новый президент ожидает меня к обеду: время одеваться. Прости. Поклон Пушкину-старосте. Племяннику его легче.

333. В. А. ЖУКОВСКОМУ

<Январь 1818. Петербург>

Благодарю тебя за два твои воззвания: они меня оживили надеждою. Головы не мог обрить, ибо должен выезжать ежедневно и *хлопотать*. Можешь посудить, весело ли провожу время. Забот множество: все время похищено. Ничего не делаю и глуплю посреди рассеяния. Когда кончится это, не знаю. Желаю, чтоб судьба моя решена была: или остаться, или ехать. Здоровье изменило, с ним — музы и счастие; но дружба твоя не изменит моему сердцу, милый Жуковский: она стоит чего-нибудь. Обними Северина и пожелай ему счастия. Обними Вяземского. К первому не пиши: ему теперь не до меня. К Асмодею писать буду, а прошу сегодня сказать ему, что я не берусь издавать стихов его: я здесь не останусь. Лучше поручить это Блудову. Он, верно, согласится, ибо любит Асмодея и лучше моего смастерит. Но вырви у не-

го решительное слово: *печатать*! Давно пора! Напечатать книгу есть условие с публикой дорожить авторскою славою, а Вяземский в состоянии сдержать такой договор.

Жихареву пьяному поклон — и пожелай жажды; тебе желаю жажды стихов, которую ты не утолишь в Гребеневском ключе, а в собственной душе, из которой извлекаешь прекрасное. Извлеки из нее «Русалку» или что-нибудь подобное. Василья Львовича обними и — прости. *Б.*

334. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Начало февраля 1818. Петербург>

Не смею, не умею и не должен, хотя бы и желал от всего сердца написать тебе несколько строк в утешение, милый мой и бесценный друг. Чувствую твою потерю и был опечален ею. Карамзины сообщили мне сию новость горестную. Но у тебя еще есть дети, следственно, и утешение. Надобно благодарить Провидение за все, за все. Напомни обо мне княгине и повтори ей о чувствах моей искренней и живой приверженности. Завидую Жуковскому, что он может сетовать с Вами. Пиши ко мне, когда будет время: твое письмо меня утешит, успокоит. Северину и Жуковскому усердно бью челом. Женился ли первый? А второй что делает? Жихарева благодарю за воспоминание. Я уже писал к Жук<овскому>, что не могу взять на себя издание твоих стихов, ибо не знаю, где и как буду жить; до сих пор судьба моя печальна и для меня тарабарская грамота. Но советую поручить все Кавелину: он возьмется с охотою. Деньги за издание можешь отдать ему после. Жуковский все сладит: поручи ему, но поручи! Время летит. Тебя печатают и коверкают. Хорошее пропадает, иное стареется в портфеле. Занятие и труд есть лучшее лекарство в горести. Вот почему я осмелился тебе напомнить об издании твоих стихов в горести твоей. Обнимаю тебя от всей души и прошу не забывать меня, то есть любить меня, хотя за то, что я люблю тебя и уважаю.

335. А. И. ТУРГЕНЕВУ

<Февраль 1818 г. Петербург>

К ТВОРЦУ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Когда на играх Олимпийских...

<и далее.— *Ред.*>

Хорошо ли? Скажите. Чувством удивления лечу мою желчь. Не давайте никому этой безделки; если понравится, то можно напечатать в «Сыне» Гречевом. В три часа буду дома. Заезжайте за мною к Плещею.

Никто не заикнется, что читал «Историю»! Я читал ее и говорю, хотя в дурных стихах. Это право из души вылилось. Но если худо — в огонь.

336. Е. А. КАРАМЗИНОЙ

<Февраль 1818.>Петербург

Милостивая государыня Катерина Андреевна!

Не имея счастия быть известным ни Вам, ни почтенному супругу Вашему, но зная из опыта, что снисходительность есть свойство прекрасных и великих душ, смело прибегаю к вам с усерднейшею просьбою. Тронутый глубоко, восхищенный чтением «Истории государства Российского», я написал несколько стихов к бессмертному оной Творцу. Полагая, что самые посредственные стихи, прочитанные вами, покажутся ему прелестными, покорнейше прошу немедленно прочитать их. Вместо предисловия можете сказать:

La main n'atteint pas au noble front des Dieux
Et depose à leurs pieds ses dons réligieux:
Tel son luth n'atteint point le faite de Ta gloire,
Mais brûle un grain d'encens aux pieds de la victoire [1]

Не подпишу своего имени, обреченного забвению, но покорнейше прошу верить чувствам глубокого почитания и совершенной преданности, с которыми пребуду вам навсегда неизвестный.

Когда на играх Олимпийских...

<и далее.— *Ред.*>

---

[1] Рука, не достигая благородного чела Богов, располагает у их ног свои священные дары, так и лютня, не в силах достичь вершины твоей славы, возжигает горсть фимиама у подножия победы (*фр.*).

337. Д. Н. БЛУДОВУ

<Февраль 1818. Петербург>

Благодарю душевно пророчицу за письмо Светланы, которая похабствует с Жихаревым, а еще более благодарю за статью о Стурдзе, которую прочитал с великим удовольствием. Она истинно прекрасная, и такова будет статья о Радищеве (заметьте, прошу, Радищев интереснее Стурдзы для русских). Горе Вам, что писать не хотите! вот мое пророчество. Пишите. Посвятите прозе три, четыре года, и у вас Слава в горсти. В ваши лета, с вашей опытностью и сведениями надобно писать прозу, и можно.

Возвращаю Вам Мармонтеля и прошу 9 части. Кар<амзина> не возвращаю, ибо не могу проглотить замечаний. Это дрисва после амврозии, Шихматов после Жуковского. Румянцев зовет обедать. Не угодно ли завтра за мной в третьем часу? Я буду ожидать Вас *одетый.*

338. И. И. ДМИТРИЕВУ

22 февраля 1818. Петербург

Милостивый государь Иван Иванович! Примите, ваше высокопревосходительство, мое искреннее, душевное поздравление с получением новой монаршей милости. Все добрые и, следственно, приверженные к вам люди порадовались от всего сердца сему известию. По крайней мере, я беру на мою долю все, что бы ни случилось вам приятного в жизни. Сегодня проведу вечер у Николая Михайловича, с которым спешу разделить удовольствие. Семейство его и он, благодаря Бога, здоровы, и он, без сомнения, писать к вам будет.

Дорожа вашим временем, не смею (хотя бы и хотелось) продолжить моего письма, но осмелюсь повторить вам, милостивый государь, что никогда не изгладятся из души моей чувства глубокого почитания, преданности и признательности, с которыми имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою. *Константин Батюшков.*

339. А. Н. ОЛЕНИНУ

Марта 1818. <Петербург>

Милостивый государь Алексей Николаевич, Вашему превосходительству известно, что я утратил мое здоровье на службе: три войны и тяжелая рана расстроили его совершенно. Медики советуют мне лечиться купанием в морской воде и воздухом Тавриды. Осмеливаюсь прибегнуть к Вам, милостивый государь, с моею усерднейшею просьбою об увольнении меня из Императорской библиотеки в отпуск на пять месяцев. Но, желая употребить в пользу оной и самое путешествие, покорнейше прошу дать мне какое-нибудь поручение для отыскания древностей или рукописей на берегах Черного моря, в местах, исполненных воспоминаний исторических. Поручения Вашего превосходительства выполню с ревностию и точностию, сколько позволит мое здоровье и обстоятельства. Надеюсь, что вы, милостивый государь, не отринете усерднейшей просьбы человека, который пламенно желает быть полезным по мере сил своих и способностей.

С глубочайшим почитанием и преданностию имею честь, милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейший слуга. *Константин Батюшков.*

340. Н. И. ГНЕДИЧУ

Май 1818. <Петербург>

Посылаю тебе билеты концерта для бедных, который будет *концерт богатый*; сделай дружбу, отдай их Пономаревым: может быть, они возьмут. И вот еще третий. Не возьмет ли кто-нибудь, Семенова, например? Очень одолжишь К<атерину> Ф<едоровну>. Ей дали рублей на семьсот раздавать, что, право, не забавно,— цена билету 10 рублей.

Возьми у Глазунова Габлицеву «Тавриду»; вели ему отыскать Нарушевича, где хочет. Пришли мне «Путешествие» Шаликова, но с тем, что я могу возвратить его Глазунову, если оно мне не понравится.

О, какая гармония
В редкий сей ансамбль влита;
И овал лица прекрасный
Видеть мне дала!
Здравствуй, мой пиит!
Пред собою видишь точно
Музу с грацией порочной.

Бога ради, пришли мне греческую трагедию «Ифигению в Тавриде»: у тебя есть французский перевод.

341. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ

<Начало мая 1818. Петербург>
Четверг.

Милостивый Государь, Александр Иванович, я был у Вас и, к сожалению моему, не застал дома: теперь усерднейше прошу Вас сообщить мне бумаги и письмо в Крым, чем меня чувствительно обязать изволите. Позвольте от искреннего сердца пожелать Вам благополучия и засвидетельствовать Вам мое душевное, глубокое почитание, с которым имею честь быть, милостивый Государь, Ваш покорнейший слуга

Константин Батюшков.

342. М. Н. ЗАГОСКИНУ

<Начало мая 1818. Петербург>

Крайне сожалею, почтеннейший Михаил Николаевич, что не имел удовольствия вручить вам лично Сумарокова (которого возвращаю вам с благодарностию), и пожелать вам доброго здравия. Надеюсь увидеться с вами через шесть месяцев и, что всего для меня лестнее, надеюсь на продолжение дружества вашего. Покорнейше прошу не забывать преданнейшего вам из людей. *К. Батюшков.*

Середа.

343. А. И. ТУРГЕНЕВУ

<Начало мая 1818. Петербург>

Благодарю за III № «Для немногих», который прочитал с удовольствием, за Сегюра; возвращаю его. Скажу мимоходом: как мой ум (по словам А. И. Тургенева) ни мелок, ни поверхностен, а все-таки недоволен мелкими стихами нашего Жуковского и мелкою философиею Сегюра. Но рассказ в Сегюре и описания в Жуковском прелестны: вот сходство между ними. Поищем разницы. Сегюр выписался, Жуковский никогда не выпишется — если мы не задушим его похвалами. Аз худый и сердитый.

Келер написал любопытную книгу о Тавриде. Вчера Гейдеке сказывал мне, что она у Вас находится. Уступите мне ее, бога ради! Если нет, то промыслите у когонибудь из ученой братии немецкой. Вам всякий служить готов, а мне она необходимо нужна. Собираю все материалы и *собираюсь*.

Пришлите книжонок французских, новостей на четверть часика. Я очень болен и сижу на месте неподвижнее Российской Академии.

344. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

9 мая <1818. Петербург>

Давно не писал к тебе, милый друг, и очень давно не имею от тебя писем, но знаю, что ты здоров, через Карамзиных. Я оставляю Петербург: еду в Крым купаться в Черном море в виду храма Ифигении. Море лечит все болезни, говорит Эврипид; вылечит ли меня, сомневаюсь. Как бы то ни было, намерен провести шесть месяцев в Тавриде. Живи счастливо в Польше, где, конечно, найдешь людей достойных и общество веселое, и занятия, достойные твоего таланта. Ты славно заплатишь долг отечеству и имени своему. Буду радоваться всему хорошему, что тебе ни приключится. Напомни обо мне княгине, у которой целую руку; желаю ей всего, что тебе желаю. Не забывай приятеля своего. Он отдыхает мыслями при тебе и благодарит судьбу за твое дружество. На

днях увижу Жуковского, которого, побранив за *Немногих*, буду хвалить за стихи на рождение великого князя: они, говорят, прекрасны и достойны его гения. Блудов уехал; Северин здесь; Полетика отправился в Америку; Тургенев пляшет до упаду или, лучше сказать. отдыхает в Москве; брат его все в делах; Уваров говорил речь, которую хвалят и бранят. В ней много блистательного, Вигель потащился с Блудовым. Вот история Арзамаса. Забыл о Пушкине молодом: он пишет прелестную поэму и зреет. Что ты пишешь? Что бы ни писал, мы все прочитаем с радостию: ты наша надежда. Не покидай музу. Что без нее в жизни? Пожалей обо мне; я ничего не пишу и долго писать не буду... до времен счастливейших! Обнимаю усердно тебя, милый и бесценный друг. Если вздумаешь писать, то адресуй письмо к Карамзину: он будет знать о месте моего пребывания; еду к нему, вручу ему это письмо и прощусь после обеда. Как ни скучен Петербург, но там, где живут Карамзины, Салтыков, Уваров, Тургенев, Северин, можно найти веселые минуты и отдохнуть умом и сердцем. Прости в последний раз до Тавриды. Обними детей, которые меня знают под именем дурака.

345. Ф. Н. ГЛИНКЕ

<10 мая 1818 г. Петербург>

Крайне сожалею, почтеннейший и любезнейший Федор Николаевич, что не застал Вас дома. Был вчера часу в 8 вечера. Пожелайте мне счастливого пути: желания искренней дружбы доходят к Небу. А я желаю Вам возможного благополучия, которого вы достойны, любезный друг. Вы внушили к себе уважение и любовь. Расставаясь с Питером, жалею о людях, не о камнях, и в числе людей, любезнейших душе моей, Вы, без сомнения, занимаете первое место. Счастливым почту себя, если хотя немного заслужил Вашу приязнь и местечко в памяти Вашего сердца. Простите, будьте благополучны и любите ваше о преданнейшего Батюшкова.

Поклонитесь усердно Н. И. Гречу. Два раза стучался в его двери, но его не было дома или велел мне отказать, как стихотворцу. Уваров ожидает вас с нетерпением. Сегодня ввечеру буду у Карамзина. Заверните к нему.

346. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

11 мая 1818. <Петербург>

Еду сию минуту в Москву, оттуда в Одессу. Через Москву еду нарочно, с тем чтобы отдать брата в пансион. Если тебе нельзя, то пришли его в коляске на своих, с людьми надежными; вели им остановиться на хорошем постоялом дворе и отыскать меня в доме Московской гимназии у директора оной Петра Михайловича Дружинина. Мне будет приятно увидеться с тобою; но скажу чистосердечно, в Москве по приезде Государевом будет так шумно и столько хлопот будет у меня, что лучше поберечь себя, и тебе те деньги, которые издержишь в Москве, употребить на брата. Вот мой совет чистосердечный. А тебе советую проводить Помпея до Ярославля и там пожить с сестрою или взять ее в деревню до тех пор, пока не устроятся их дела. Необходимо ей узнать вас и привыкнуть к Вам. Брату изготовь белье нужное, и поболее. Человек ему, полагаю, не будет нужен, но если бы нянька его согласилась год пробыть в Москве, то было бы это не худо. Впрочем, не могу ничего сказать решительного, не видавшись с содержателем пансиона. О деньгах за пансион не беспокойся: я заплачу за полгода; но из тех, кои даны тебе Ив<аном> Сем<еновичем>, пришли мне на издержки, платья и проч. Дай серебряную ложку, это водится; и все, что придумаешь. Людям, едущим с братом, именем моим закажи пить и скажи, чтобы вели себя исправно. Прости, более писать не в силах. Все укладывают, лошади готовы, и я уже заранее устал: так захлопотался!

Сестрам усердно кланяюсь.

347. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

19 мая 1818. Москва

Пишу к вам, сидя за столом Никиты, который поехал обедать к Гурке. Брата застал я в вожделенном здравии, и можете посудить сами, любезная и почтенная тетушка, сколько ему обрадовался. С ним провожу все свободное его время: но остановился не у него, боясь его стеснить, а у К. М. Полторацкого, у коего целый дом. Дружинина

не застал здесь: он в Калуге, но скоро возвратится. Я дождусь его и отправлюсь далее. Никита, с своей стороны, желает нетерпеливо воротиться в Петербург и тоскует об вас. День ото дня мое уважение к нему возрастает: дружба моя и привязанность давно одинаковы. Вы можете быть счастливы таким сыном. Одна молитва: будьте здоровы, берегите себя для детей Ваших! Сашу обнимите очень крепко. Никогда не забуду его дружбы и буду стараться сохранить ее. Поклонитесь всем знакомым, всем добрым людям, которые помнят меня. Г. Панин Вам усердно кланяется. Здесь нашел я всех Муравьевых и Сергею отдал письмо Корсакова, которому кланяюсь. Прошу напомнить обо мне Анне Ивановне и всем домашним. Ипполит вырос и похорошел. Впрочем, не узнаю Москвы: двор ее оживил удивительным образом. Простите, что сокращу письмо мое. Беспрестанно езжу и переезжаю и хлопочу о пенсионе <sic.— *Ред.*> для брата. Если у вас есть время свободное, напишите ко мне строчку. Никита доставит ее, а если я уже уеду, то перешлет в Крым по адресу или отдаст Дружинину. Целую сто раз руку Вашу и надеюсь, что вы не изгладите меня из памяти вашей. Будьте здоровы и уверены, что пока дышу, дотоле вам предан сердцем и душою.

Ваш *К.*

348. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

23 мая <1818. Москва>

К досаде моей Петр Михай<лович> Дружинин еще не воротился, и я ничего не успел сделать для брата, т<о> е<сть> не успел осмотреть пансиона. Но дождусь его и к тебе писать буду, когда и как приличнее привезти сюда брата. Хорошо, что не советовал тебе ехать прямо сюда. Ранее июля месяца и не советую. Между тем ты будешь иметь время все приготовить. Желаю, чтобы сестру ты взяла на место братца к себе. Теперь, когда братнина судьба почти устроилась, судьба сестры меня тяготить начинает. Бога ради, осмотри ее и скажи чистосердечно, как найдешь. Есть ли у нее хорошие наклонности, и прилежание, и способности? Можно ли ее без страха поручить тетушке? Буду в Петербурге и все для

нее сделаю, что могу, и уверен, что бог поможет; но желательно, чтобы до того она образовалась твоими советами при тебе и узнала родственников своих: это ваш долг. Уверен, что сестры ее обласкают подобно тебе, и просить их об этом нечего. Поклонись им усердно и скажи, что писать буду. Также отпишу и к старосте о делах моих и об оброке, который мне скоро будет очень нужен. Скажи ему, чтобы сполна высылали, без недоимков. Пиши ко мне, милый друг, будь здорова и будь уверена, что люблю вас, пока дышу.

349. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

<23 мая 1818. Москва>

Покорнейше благодарю вас, любезная и почтенная тетушка, за то, что вспомнили о моих именинах, которые я в жизни моей ни разу не праздновал. Этот день я провел у Д. М. Полторацкого, где был большой и длинный обед и где Никита присутствовал. Он бодр и весел; о чем ему скучать и сокрушаться? У него нет никаких несчастий, и имея такую мать, как вы, и столько даров Провидения, можно ли роптать на него и называть себя несчастливым? У него же рассудок слишком здрав: вы это лучше моего знаете. Целые дни мы проводим вместе, или у него, или у Полторацких, или на улице. Сегодня я обедаю у Никиты и вместе поедем в Сад Дворцовый, если дождь не уймется. О себе сказать ничего не могу: к досаде моей, Петр Михайл<ович> не воротился еще из Коломны, и я не могу выехать из Москвы, не конча с ним переговоров о маленьком брате, что меня расстроивает. Здесь деньги и время, две вещи, которыми я научился дорожить, между пальцев проходят. Расстояния ужасные, и каждое свидание похищает целые часы. Спешу оставить Москву и прямо в Одессу пробраться. Скюдери, с которым я вчера виделся, и другие, бывшие в Крыму, как, напр<имер>, А. Муравь<ев>, уверяют, что воды и грязи истинно целебны. Как бы то ни было, самое путешествие приносит пользу, и мы с Никитой часто говорим: если б маменька вздумала съездить в Киев и в Полтаву! Какую бы пользу принесли вам дорога! и перемена места! Но это все пустые разговоры: по крайней мере, они докажут вам, что мы говорим более о вас, нежели

о других предметах. Целую ручку вашу, любезная тетушка, и прошу любить меня хотя в половину моего. Сашу, милого брата, обнимаю усердно и крепко. Прошу его писать ко мне. Всем домашним усердно кланяюсь. Скажите Н. М. Карамзину и К<атерине> А<ндреевне>, что письма их вручены исправно; прошу им усердно, очень усердно, поклониться. Тургеневу поклон, и прошу напомнить всем знакомым, особенно Корсакову, с которым знакомство столь приятно и разлука столь тягостна. Если у вас есть свободное время, то сделайте милость, уведомляйте меня о вашем бесценном для нас здравии, et donnez-moi, je vous prie, de temps en temps des nouvelles de Petersbourg, afin que je puisse m'en orienter en Crimée. Parlez un peu à Tourguenef qui a plus de solidité dans l'esprit qu'on ne pense, si le plan qu'on me propose vaut la peine de s'en occuper. C'est une grande question pour moi! S'il la juge convenable sous plusieurs rapports, engagez-la, ma chère tante, à s'intéresser à moi. Je sais qu'il me veut du bien. Il m'a parlé dans le temps d'une commission pour les pays étrangers, d'une charge qu'on pouvait créer pour moi, et qu'un autre avait solicitée. Ne pourrait-on pas y revenir? En tous cas, je me fie à lui [1].

Прощайте, до будущей почты, и любите меня, милая тетушка; я же никого не люблю, кроме вас, или, лучше сказать, ничего не люблю так, как Вас. *Константин.*

Четверг.

Скажите Лизавете Марковне, что я говорю часто об ней с Кон<стантином> Мар<ковичем>. И что в моей спальне висит против моей постели портрет Алексея Николаевича.

---

[1] и, прошу вас, сообщайте мне время от времени петербургские новости, чтобы я знал, что мне делать в Крыму. Поговорите с Тургеневым, у которого больше основательности в характере, чем обычно думают, стоит ли план, который мне предлагают, того, чтобы им заниматься. Это большой вопрос для меня. Если он сочтет его подходящим во многих отношениях, попросите его, дорогая тетушка, подумать обо мне. Я знаю, что он желает мне добра. Он говорил со мной однажды о заграничной миссии, о должности, которую бы можно было для меня создать и которой домогался другой. Нельзя ли вернуться к этому? В любом случае я ему всецело доверяюсь (*фр.*).

350. А. И. ТУРГЕНЕВУ

<9—12 июня 1818. Москва>

Вчера, сидя у Никиты за письменным столиком и готовясь к отъезду в Крым, получил письмо Ваше, почтеннейший Александр Иванович. Я изумился, прочитав его. У меня, у Никиты руки опустились. Но я вмиг решился, ибо пишете Вы, вы того желаете. Между тем входит Жуковский, только что приехавший из Белева. Он напирает с доводами, с доказательствами, и мы *решились*. Жуковский пишет письмо к Государю; вот он сидит там за столиком, полуодетый... а я за другим, в ожидании письма. Оно готово! Если что за нужное найдете поправить, воля ваша! И имя мое припишите сами. Если успею, то перепишу; может быть, решитесь отдать без поправок.

О себе скажу вам, что я делами был задержан в Москве. Время мне дорого: только в июле можно купаться в море, следственно, я должен спешить в Крым. Но Жуковский уговаривает дождаться ответу. Как бы то ни было, ответ пришлите на имя Петра Михайловича Дружинина, который мне вручит здесь или отправит в Одессу, по моему адресу. Не стану говорить Вам о моей душевной признательности: еду благодарить Вашу матушку за такого сына, а Никиту обниму за К<атерину> Ф<едоровну>. Простите! Душевно кланяюсь Николаю Ивановичу.

Еще есть время приписать: Жуковский не кончил. Перечитав письмо ваше о лестных обещаниях Графа, рассуждаю, что теперь все зависеть будет от одного Государя, который для меня становится на сей раз Провидением. Вы устроите все к лучшему: теперь и сердце почти обещает успех. Как хотите, определяйте. Чин мне по совести следует. Если бы я просился в отставку, то отставили бы капитаном, ибо я прослужил целую кампанию и еще года два в одном чине. Мне доставалось в полковники. Но бог с ним, с чином! C'est le cadet de mes soucis [1]. Лучше для чужих краев звание камер-юнкера, если можно, и если это ничего не стоит,— тем более говорю лучше, что я в маленьком чинишке. Жалованье всего нужнее, и чем более, тем лучше. *Досуг*, свобода, вот еще важное дело. Впрочем, если Граф найдет, что я со временем буду ему пригоден, пусть употребит. Я умею писать по-русски, разумею несколько языков и в лагере приоб-

рел некоторую опытность. Впрочем, вы мне лучший судья: вы лучше знаете, на что гожусь и на что не гожусь.

Замечание. Без Северина мы не обойдемся. Поговорите с ним чистосердечно. Я знаю его дружбу ко мне: он и теперь столь усердно поможет, как и прежде. Он все заготовил, признайтесь сами. Вы счастливее других, не потому ли, может быть, что трудно кому-нибудь превзойти вас в доброте, точно так, как княгиню Голицыну, Авдотью Ивановну,— в красоте и приятности. Вы оба никогда не состареетесь: вы — душою, она — лицом. Это не я говорю: Жуковский, который все утро с книгопродавцем Поповым просидел в Сандуновской бане и уговаривал его не продавать дурных книг. Ей-ей, они там встретились!

Не пишу к Графу, ибо вы не хотели сего. И на что ему мои пустые фразы? Если он желает мне добра и сделает мне добро, то собственное сердце его скажет ему спасибо красноречивее, нежели я сказать могу. Но если прикажете, писать буду. Вручаю это помело Жуковскому.

<Приписка В. А. Жуковского>: Вот что мы положили: Батюшков остается в Москве до первого от тебя ответа, следственно, tout au plus [2] на две недели. Твой ответ должен решить, куда ему ехать: в Петербург или в Одессу. С его письмом ты являешься к Капо д'Истрии, сказываешь ему, что Батюшков, ехавший для поправления здоровья в южную Россию для морских бань, которыми можно пользоваться только в июле месяце, решился, однако, в надежде на его (К. д'И.) явное желание действовать для пользы его (Бат.), пожертвовать двумя неделями драгоценного времени, и что, следовательно, скорый и решительный ответ необходим. Капо д'Истрия не замедлит, а ты тотчас эстафету к Батюшкову в Москву. Моя мысль: отдать экземпляр Батюшкова сочинений Капо д'Истрии: они будут документом и его способностей в мирном роде, не в одном военном. Моя исповедь: Тургенев — лучший из людей! Письмо его к Батюшкову тронуло и обрадовало Жуковского, который обнимает его с новой благодарностию.

Впрочем, если письмо многоречиво, а не красноречиво (что и нам кажется), то поправьте, перемените. Но оно дельно, это главное, и из него можно составить записку. Не знаю, останусь ли здесь до 25-го, Жуковский решит.

<Приписка В. А. Жуковского>: Останется. Жуковский.

На всякий случай ответ адресуйте к Дружинину.

---

[1] Это меня меньше всего беспокоит (*фр.*).
[2] самое большее (*фр.*).

351. ЭВЕНСУ Ф. Я.

<Начало июня 1818. Москва>

Je vous prie instamment de passer chez moi demain dans la soirée. Venez plutôt a huit heurs, vous couchez chez moi, mon digne ami. Une longue conversation vous attend. Au nom de Dieu ne manquez pas. Ça vous regarde.

Batuskoff [1].

---

[1] Настоятельно прошу вас провести завтрашний вечер у меня. Приходите к восьми часам и оставайтесь у меня ночевать, мой добрый друг. Вас ожидает продолжительная беседа. Ради бога, придите непременно. Дело Вас касается.

Батюшков.

352. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

13 июня <1818>. Москва

Петр Михайлович Дружинин приехал. Я виделся с ним и видел пансион: похвалить его не могу, ибо знаю несовершенство таких заведений, но под руководством директора, надеюсь, что будут иметь присмотр за братом. Цена 800 р. в год, на издержки и платье положить 300, итого тысячу сто. Это не очень дорого. Когда решиться, от тебя зависит. Если Иван Семенович не даст денег из опеки, то можно употребить на то мои за первые полгода 550, о чем я пишу приказ к старосте. С сими деньгами отправь брата прямо с письмом к Петру Михайловичу Дружинину, в Гимназию Московскую. Он директор, его все знают. Лучше было бы, если бы ты сама совершила

сие путешествие, приятное в летнее время, и взяла с собою Юлию проводить брата. Здесь тебе заживаться нечего. Я так устроил, что прямо без хлопот можно отдать брата. Женщины или слуги не берут в пансион, и не нужно. Пансион в том доме, где живет Дружинин, и под его глазами: это большая выгода. На всякий случай, если решитесь везти брата, можешь написать вперед к Дружинину ласковое и простое письмо, особливо если сама не повезешь его. Приложенный при сем приказ старосте отдай немедленно.

Согласен отдать Павлу Алексеевичу столяра за тысячу рублей. Пусть он возьмет на себя вексель, и дело с концом. Тысячу рублей — цена настоящая. А когда векселю моему срок, теперь не помню. Сестре и брату уступить человека не преступление. Инвалидов всех перевести на Углу, к родственникам их, и вотчине кормить по смерть, а я за них ежегодно платить стану, о чем посоветуюсь со старостою.

Зачем ты не хочешь сама отвезти брата? Удивляюсь твоей нерешимости, милый друг. Ваши дела никогда не кончатся, а дела семейственные всего важнее. Чтобы повидаться с Дружининым, я нарочно приехал в Москву, и это мне стоило денег и хлопот. Ужели все напрасно? Брата отдать необходимо. Отвези его сама, утешь меня. 550 рублей, за полгода, возьми у старосты, а я получу их с Ивана Семеновича после сентября. Сестру возьми из Ярославля; что она там делает? Что же касается до твоих собственных дел, то никакого совету заочно подать не могу. Продажа есть лучшее для тебя и для сестры. Впрочем, воля ваша: не забывай себя и памятуй о благоденствии всего семейства. Сестрам Лизавете Николаевне и Варваре Николаевне скажи мой усердный поклон, Аркадию Аполлоновичу также. Не пишу, потому что некогда, а писать буду из Одессы. Особенно извини меня перед сестрой Лизаветой Николаевной: буду отвечать на ее письмо непременно. Павлу Алексеевичу скажи то же и детей их поцелуй.

Пансионного содержателя зовут Visard. Он учитель Московской Гимназии, живет в доме гимназии с Дружининым. Но прежде всего советую списаться с Дружининым.

Обними за меня Помпея, и Юленьке также поклон скажи. Возьми у старосты 100 и купи ей на все деньги платье и шляпку соломенную, модную. Прошу тебя исполнить это поскорее.

300 рублей отправь к Дружинину немедленно для ломбарда: срок очень скоро. Будь здорова, прости, мой друг сердечный, и помни твоего *Констант*.

Пиши в Одессу: в канцелярию его сиятельства графа Ланжерона, Конст. Н. Батюшкову. Пиши чаще и пространнее. Мои письма будут редки и коротки, но ты на месте, и у вас во времени нет недостатка.

353. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

13 июня <1818. Москва>

Простите мне, почтенная и любезная тетушка, мое молчание. Целый день кружился, все в хлопотах, в обедах и ужинах. Вот уже шестой день, что я живу у Никиты и прежде, даю Вам слово, не проходило и дня, чтобы я его не видел двух и трех раз. Он мое лучшее и чистейшее удовольствие. Сожалею, что служба мешает ему лететь к Вам: но верьте, иначе он не мог сделать и сердце его должно было повиноваться обязанности. Он скоро выступает и скоро вы его увидите: обнимите за меня, за его ко мне дружбу, которую я ценить умею, а я прошу его поцеловать ручку Вашу за Ваше обо мне попечение. Признаюсь в моей слабости, письмо Ваше и Александра Ивановича меня обрадовало. Он пишет так сладко, что я склонился всем сердцем, написал письмо к Государю и отправил: он, конечно, читал вам его. Не нахожу слов благодарить его. Чем заслужил я старание друзей моих — не знаю. Но знаю, что я люблю их: они меня примирили с жизнию. Жуковский советовал остаться и ожидать здесь ответа, на что я не согласился, ибо здоровье мое есть главное мое попечение. Если бы это дело не удалось и я пропустил летние дни, единственное время для купанья в море? Но если вы напишете: *приезжай*, то я все брошу и прилечу из Одессы в шесть дней. Иван Матвеевич уже там и ожидает меня. Пишите ко мне, бога ради, и адресуйте прямо в канцелярию его сиятельства графа Ланжерона. Через две или три недели желаю получить решение судьбы моей, ибо если ничего не успеем, то я совершу мое путешествие по Крыму и стану отыскивать древности. Мое намерение непоколебимо. Одна Италия может оторвать меня от Тавриды, ибо она согласнее с мо-

ими выгодами во всех отношениях: и для карману, и для здоровья, и для честолюбия. Прочитайте то, что я писал к Тургеневу, и если найдете что пустое, то уничтожьте. Тургенев лучше моего знает, что мне выгодно и нужно. С Жуковс<ким> я говорил о себе: он вам перескажет мои слова. Впрочем, поручаю себя Вам во всем. Кредитив адресуйте в Одессу золотом, т<о> е<сть> червонцами, чем меня очень обяжете. Может быть, не воспользуюсь оным, если будут деньги. Судьбу маленького брата решил: Петр Михайлович нашел пансион, по-видимому, изрядный. К осени его привезут. Попросите от себя, любезная тетушка, Дружинина, чтоб он не оставил брата: ваши слова действительнее моих. Он привык уважать Вас.— Милого Сашу целую. Если Гейдеке у вас и возьмется за его воспитание, то можно вас поздравить. С Эвенсом не могли сладить. Он нерешителен, но я все-таки сожалеть не перестаю. Эвенс — редкий человек, и Ипполит — прекрасный молодой человек; его сообщество могло бы быть полезно брату по многим отношениям, в чем Никита согласен со мною. Не успеете ли со временем перетянуть его к себе? Иван Матвеевич должен вам уступить его совершенно. Закончу мое письмо желанием Вам здоровья и всех возможных благ. Анне Ивановне напомните обо мне. Корсакову также. Уткину, Зауревету, Пиколомине и всем домашним. Павлу Львовичу и тетушке мое усердное почитание: скажите им, прошу Вас, что я им предан душевно и их дружество сохраню навсегда в памяти моей.

Олениным мой душевный поклон. Карамзиным скажите, что я искал их следов в Москве, и каждый шаг здесь напоминал мне о них. За здравие Евпраксии Аристарховны пью чай из ее стакана, который берегу как сокровище. Гнедич возвратился в Петербург. Он весел и как ни в чем не бывал; радуюсь этому душевно: в 35 лет о пустяках стыдно сокрушаться. Простите, любезная тетушка. Поручаю вам благодарить Тургенева. Вы красноречивее меня. Скажите ему все, что чувствует мое сердце, исполненное к нему чистейшей благодарности. Если увидитесь с Уваровым, то напомните обо мне и скажите, что из Одессы буду писать. Будьте здоровы и любите вашего.

Оставляю письмо Никите. Он отправит со своим.

354. А. И. ТУРГЕНЕВУ

13 июня <1818. Москва>

Я вручил Жихареву письмо к вам и письмо на Имя Государя, которое Вы, почтеннейший Александр Иванович, переправите, как угодно. Сам же я решился немедленно отправиться в Одессу вопреки Жуковскому, который советовал остаться в Москве и ожидать ответу вашего. Ванны морские мне необходимы, и время дорого. Только в июле можно купаться: потому-то я поспешил. Но отсутствие мое из Москвы не помеха. В Одессе я буду через семь дней и там дождусь вашего письма. Если почтете за нужное быть мне в Петербурге, то, бога ради, уведомьте меня. Одно ваше слово *приезжай* заставит меня лететь к Вам. С удовольствием покину Одессу, море и Крым. В Одессе дождусь Вашего письма. Пишите прямо туда на мое имя, в Канцелярию графа Ланжерона; пишите и решите мою судьбу: она в добрых руках, она в руках заботливой дружбы и зоркой опытности. Опытности Вашей поверяю себя совершенно, предстатель мой! Боюсь одного только, боюсь, чтобы Вы меня не слишком хвалили Графу и не дали ему обо мне высокого понятия, которое при первом свидании может исчезнуть. Не потеряйте и вы ко мне уважения за то, что я желал быть назван камер-юнкером: не суетность это, а расчет, может быть, и вздорный. Это звание при миссии даст мне некоторое уважение, на которое в малом чине я не имею права. В Италии это не будет для меня смешно: здесь смешно и глупо, ибо я не суетен, не знатен и не богат. На чин всегда имею право, ибо прослужил кампанию; но я чины не уважаю для себя; я вовсе без честолюбия и твердо уверен, что чин не украсит ни прозы моей, ни стихов. Еще раз повторю: я всем буду доволен; имею в виду одно: Италию. В этом слове заключается для меня многое: независимость, здоровье, стихи и проза. Шесть тысяч, или около того жалованья и шесть тысяч своего доходу дадут мне способ поддержать себя довольно пристойно. Просите г<рафа> решить мою судьбу: отказ решительный легче проволочки. В Одессе у меня перед глазами Таврида и полезное для ума и здоровья путешествие, для которого я уже многим пожертвовал. К 20-му июню я буду в Одессе. Желая найти там письмо Ваше, в котором вы напишете: «поезжай в Крым, бог с тобой»,

или: «приезжай немедленно в Петербург, дело в шляпе!» Простите, любезнейший, почтеннейший из людей. *К. Б.*

Жуковский едет завтра.

355. АЛЕКСАНДРУ I

Июня 1818. Петербург

Всемилостивейший Государь,

Осмеливаюсь просить Ваше Императорское Величество обратить милостивое внимание на просьбу, которую повергаю к Священным стопам Вашим.

Употребив себя с молодых моих лет на службу Вам и Отечеству, желаю посвятить и остаток жизни деятельности, достойной гражданина. В 1805 году я вступил в статскую службу секретарем при попечителе Московского учебного округа тайном советнике Муравьеве. В 1806 году, в чине губернского секретаря, перешел я в батальон С.-Петербургских стрелков под начальством полковника Веревкина; находился в двух частных сражениях под Гутштатом и в Генеральном под Гейльсбергом, где ранен тяжело в ногу пулею навылет. В том же году всемилостливейше переведен в Лейб-Гвардии Егерский полк и с батальоном оного в 1808-м и 1809-м годах был в Финляндии в двух сражениях при Индесальми и в Аландской экспедиции.

По окончании компании болезнь заставила меня взять отставку, но в 1812 году я снова вошел в службу и принят в Рыльский пехотный полк с определением адъютантом к генерал-лейтенанту Бахметеву, который, потеряв ногу при Бородине, откомандировал <меня> к генералу Раевскому, при котором я находился адъютантом до самого вступления в Париж. За последние дела Всемилостливейше награжден переводом лейб-гвардии в Измайловский полк штабс-капитаном с оставлением при прежней должности, а 1816 года находился в Каменец-Подольске при военном губернаторе Бахметеве. Между тем болезнь моя усилилась: беспрестанная боль в ноге и груди, наконец, принудила меня вторично отказаться от военной службы, которой я посвятил лучшие годы жизни; в которой, если не талантами, то, по крайней мере, усердием простого воина надеялся со временем заслужить лестное одобрение Монарха, под знаменами которого имел счастие пролить кровь мою. По прошению моему был я переведен чином коллежского асессора к статским

делам и теперь, лишенный печальною необходимостью счастья продолжать такую службу, к которой доселе привязывала меня склонность, желаю, по крайней мере, посвятить себя такому званию, в котором бы я мог с некоторою пользою для Отечества употребить немногие мои сведения и способности. Желаю быть причислен к Министерству Иностранных Дел и назначен к одной из Миссий в Италии, которой климат необходим для восстановления моего здоровья, расстроенного раною и трудным Финляндским походом. Смело приношу просьбу мою к Престолу Монарха, всегда благосклонным участием ободряющего в своих подданных стремление к пользе Отечества.

Всемилостливейший Государь
Вашего Императорского Величества
Верноподданный
Константин Батюшков.

356. А. И. ТУРГЕНЕВУ

<23 июня 1818>. Полтава

Пишу к Вам на походе, на лету, из Полтавы, почтеннейший Александр Иванович. Спешу сказать, что я сделал большую глупость (если это глупость только): в письме моем забыл сказать, что определен или причислен к Импер. библиотеке в начале текущего году, в звании почетного библиотекаря. Если нужно, то прибавьте и это. Впрочем, это одно пустое звание и может быть не пустым в случае желания быть полезным библиотеке, которое я имею, доколе не переменю России на Италию. Немедленно отправлюсь в Одессу, где буду ожидать нетерпеливо ваших Советов, которые на сей раз назову приказаниями. Напишите: «приезжай», и я, покинув все, через семь дней по получении письма Вашего явлюсь в Петербург. В ожидании оного стану купаться в море, которое, по словам Еврипида, лечит все болезни. Решите мою судьбу, напишите мне: «ожидай ответу моего в Одессе» или: «приезжай в Петербург». В Тавриду не поеду, доколе не прояснится судьба моя: туда надобно ехать со спокойным духом, без суетных надежд и желаний; в противном случае только телом буду на берегах Салгара, а сердцем — во Флоренции, или в Риме, или в Неаполе. Таврида есть

mon pis aller [1]. Но если бы Италия не удалась, то Крым на ненастное время осени будет моим убежищем, и бедные развалины обеих Херсонисов заменят мне развалины великолепного Рима, как Яковлев заменял вам Тальма. По крайней мере воздух Байдары заменит мне воздух Нисы и Флоренции: а воздух для меня главное дело. Путешествие идет мне впрок: я здоров и твердо уверен, что купанье в море меня вылечит от ревматизмов. Еще несколько слов о моем деле. Оставляю все на волю вашу: ищите для меня лучшего, приличнейшего *мне* и верьте, что все приму с благодарностию, даже место пономаря при неаполитанской миссии, если оно достанется мне из рук Ваших и по желанию Вашему. Вам весело делать добро; мне весело быть Вам благодарным: я это сказал как-то лучше Вашей почтенной матушке. Такие истины, сказанные в глаза, все-таки походят на лесть. Как бы то ни было, я любил вас, и это вы знали прежде, нежели желали мне делать добро: вы любовь умели превратить в благодарность.

Жуковскому мой поклон. Утешьте злодея: скажите ему, что баллада из Шиллера прелестна, лучший из его переводов, по моему мнению; что перевод из «Иоганны» мне нравится, как перевод мастерский, живо напоминающий подлинник; но размер стихов странный, дикий, вялый: ссылаюсь на маленького Пушкина, которому Аполлон дал чуткое ухо. Но «Горная песня» и весь IV № мне не нравится. Он напал на дурное, жеманное и скучное. Вот моя исповедь. Но обнимите его за меня очень крепко: это ему приятнее моей критики и, может быть, умнее. Поклонитесь Уварову. Если дело пойдет на лад, то он, конечно, первый будет рад моему путешествию и замолвит слово. Не могу утаить перед Вами, сколько я ему благодарен! Сколько я ему обязан за его внимание и снисхождение! Он ободрял меня как поэта и человека, хвалил меня прежде, чем узнал, и, узнав, конечно, полюбил. Ему обязан я лучшими минутами в вашем Питере, и воспоминание об них сохраню долго в уме и в сердце. Салтыкову напомните обо мне; бога ради, не забудьте: я его люблю и уважаю. Карамзиным скажите, что я жив, то есть предан им всей душою. Николаю Ивановичу скажите то же, и если можно, теми же словами. Всему Арзамасу поклон. Простите до Одессы. *К. Б.*

Здесь нашел я дождь и грязь и скуку. К<нязь> Репнин разъезжает по губернии. Ожидают его сегодня и к<нягиню> С. Волхонскую из Москвы: вот здешние новости. Дождь и грязь мешают мне осмотреть могилы, где

27 сего месяца совершат панихиду. Места истинно важные для истории! В глазах моих тощий памятник, столб изобретения Томонова, и красивая площадь. Жаль, что памятник не на самом поле сражения: впрочем, такое урочище имеет ли нужду в памятнике? И вы имеете ли нужду в моих критических замечаниях?

Согласны ли вы были переговорить с Севериным? Хотите ли, чтобы я написал к нему, скажите чистосердечно. Признаюсь вам, мне хотелось бы писать к нему.

Ожидаю на все вашего ответу в Одессе. Ожидаю с нетерпением, как ожидают доброй вести. Впрочем, что бы ни было! Вверяю себя дружбе и святому Провидению. Мне можно позавидовать со стороны: ибо это сказал от искреннего сердца. Много ли людей на свете верят дружбе и Провидению!

Кончу мое несвязное маранье, пожелав вам счастия и здоровья. Вручите это письмо К<атерине> Ф<едоровне> и поцелуйте у нее за меня ручку. Если она на даче, то перешлите к ней поскорее.

---

[1] на худой конец *(фр.)*.

357. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

23 июня 1818. <Полтава>

Я выехал из Москвы с Сережею. Здесь нет Матвея: он с князем Репниным в губернии; ожидают его сегодня, Иван Матвеевич, вероятно, уже поехал в Одессу, и я его там увижу. Бричка моя сломалась: вот что задержит меня здесь лишние часы. Никиту оставил я в добром здоровье. Он желает нетерпеливо быть у вас, и пора! С ним провел я последние дни неразлучно, и в первые виделся беспрестанно — и для вас, и для себя, любезнейшая тетушка: для себя, ибо люблю его, как душу. Он вырастет Михаилом Никитичем, наш милый брат Никита. С этой стороны вы осчастливлены. Будьте здоровы, бога ради, и утешьте здоровьем вашим брата, а меня письмом. Ожидаю ваших приказаний в Одессе. Если почтете нужным, то, бросив все, полечу в Петербург, к вам на дачу. Приятно мне будет провести последние дни в России с вами. Простите, что пишу мало, несвязно. Мы тащились по такой грязи и дождю, о каких я и понятия не имел. Ехали день и ночь, устали несказанно; двенадцать часов спали здесь мертвым

сном и еще не отдохнули! Очень жаль, что Ив<ана> Мат<веевича> не застали здесь. Елена Ивановна, говорит Lebrun, нездорова не на шутку. Лекарь здешний полагает, что вода морская ей будет полезна. В Хомутце все здоровы, впрочем. Вот здешние новости. Желаю, любезная тетушка, чтобы воздух загородный принес Вам некоторую пользу: уверен, что присутствие брата еще полезнее будет. Сашу обнимаю. Он не выходит из памяти моей; в нем столько хорошего и милого: желаю, чтоб он вас утешил и меня любил, как я его. Сто раз целую ручку Вашу, за все, что для меня делаете в моем отсутствии. За это ли одно? в отдалении мне приятно повторять Вам, милая тетушка, что вас я люблю более всего на свете, и вы сами знаете за что. Грешно вам забывать меня, и не забудете, конечно. Пишите в Одессу и решите: ехать ли в Крым. Оставляю вам решить это. Из Крыма труднее выехать, чем из Одессы: в Одессе я буду на одном месте, а в Крыму стану путешествовать. Но если в течение трех или четырех недель судьба моя решится, то не лучше ли ожидать решения в Одессе до половины июля? К 10-му или ранее надеюсь получить известие от вас в Одессе, и, как бы то ни было, дождусь половины июля. Простите, почтенная и милая тетушка, будьте здоровы и любите, то есть помните вашего

Константина.

358. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

12 июля <1818>. Одесса

Отвечаю на письмо ваше, любезная и почтенная тетушка, из Одессы, где я очутился после утомительной дороги: дожди ее совершенно разорили от Москвы до самого Кременчука. Здесь встретили нас жары и прелестная погода. Я начал купаться; будет ли польза — не знаю. От дороги я устал и все еще слаб. Здесь нашел я графа Сен-При и живу в гостеприимном доме. Он ко мне ласков по-старому и все делает, чтобы развеселить меня: возит по городу, в итальянский театр, который мне очень нравится, к иностранцам и за город на дачи. Одесса — чудесный город, составленный из всех наций в мире, и наводнен итальянцами! Итальянцы пилят камни и мостят улицы: так их много! Коммерция его создала и питает. Я нашел здесь много знакомых. Иван Матвеевич приехал

до меня для Елены Ивановны, которая больна нервическими припадками: я не видал ее, так она слаба. Дай бог, чтобы воды и воздух Одессы помогли ей: но ей, между нами будь сказано, нужно рассеяние, а сего-то и недостает. Она скучает по вас и хочет быть с сестрами. Вот главная причина ее болезни, по словам Сережи, которого рекомендую Вам и Никите, как доброго, редко доброго молодого человека: излишняя чувствительность его единственный порок. Рассудок ее исправит со временем или даст ей надлежащее направление. Ваши советы могут быть ему полезны, и дружба Никиты. Он скоро едет в Петербург и увид<ит> Вас. Иван Матвеевич, с своей стороны, делает все, что может для дочери своей и сам страдает. Все это пусть останется между нами: не говорите ему в письмах ваших, что я писал подробно об Елене Ивановне. Вы знаете, что я не люблю мешаться не в свои дела: притом же Иван Матвеевич может подумать, что <я> написал что-нибудь лишнее. Прасковья Васильевна здорова, но здесь, кажется, скучает. Не нахожу слов изъяснить Вам мою душевную признательность за письмо Ваше и ваше обо мне попечение. Желаю успеха Вам и петербургским друзьям. Вы угадали, что не из Москвы, а от вас поеду в Италию: могу ли уехать не простясь с вами и с Никитою? Итак, если меня определят к Миссии, то отпишите ко мне, и я немедленно отправлюсь. Адресуйте письмо на мое имя в канцелярию г<рафа> Ланжерона в Одессу, отсюда перешлют его и в Крым, если я туда поеду, что легко может случиться; ибо здешние ванны для меня недостаточны, и без козловских грязей едва ли могу обойтиться. Если определят меня к Миссии, то пришлите мне денег из моих, тысячу рублей или более, адресуя в Одессу так, как и письма, на мое имя; отсюда г. С<ен>-При перешлет ко мне, где буду находиться, и я, где бы ни был, немедленно отправлюсь в Петербург, может быть, прямо, не через Москву, смотря по обстоятельствам и по удобности дороги.

Я вас уведомлял, что брату нашел пансион в Москве, и его отдадут в сентябре. О сестре маленькой ничего решительного сказать не могу. Она в Ярославле, в пансионе, и я просил Але⟨ксандру⟩ Ник<олаевну> взять ее на несколько месяцев к себе, а потом советоваться с вами, почтенная тетушка. Ее отдать надобно в монастырь или в институт в Петербург, на наш счет. Опека может уделить 2500 на воспитание, чего будет достаточно на первый случай. Вот все, что я могу донести вам заочно, и более

сам ничего не знаю. Надеюсь на святое Провидение, которое сирот никогда не покидает. Мое дело, делать возможное, мой долг это, а впрочем, воля божия.

Пишу ко всем, если успею, сегодня, ибо завтра идет почта очень рано. Я еще нов в городе и не знаю, как управиться с купаньем, с жаром и с визитами: одно мешает другому. К досаде моей расстроил желудок, и доктор запрещает купаться. Вы скоро увидите брата: обоймите его за меня и скажите ему, что я его люблю и уважаю. Горе ему, если он не знает, сколько я его люблю и желаю, и надеюсь быть любимым. Напрасно упрекаете меня в эгоизме: я так думаю, что эгоисты бывают здоровее моего; впрочем, боюсь себя хвалить перед Вами. Прошу вас беречь себя. Это главное. Беречь себя для детей и для меня, если я хотя немного того стою в глазах ваших. Здесь я нашел Корсакова; он у меня был сию минуту. Я рад был говорить с ним о Луниных, которым он был предан. Здесь Новосильцов, знакомец Карамзиных, которым прошу обо мне напомнить. Благодарите за меня Тургенева; я пишу к нему сегодня. Но зачем таят они от Уварова! К чему эти осторожности? Уваров будет просить за меня князя, не зная, что это не в пору. Лучше бы объявить ему, и он бы присоединил свой голос. Впрочем, я заочно не могу давать советов и все оставляю Вам и Тургеневу, который деятелен для добра и друзей. Жуковский теперь у вас. Поклон ему душевный. Вы не пишете ко мне о Гейдеке, у вас ли он, и что делает брат? Ива<н> Мат<веевич>, кажется, расположен перевести Ипполита в лицей одесский к abbé Nicole. Здешний лицей хвалят. Эвенсом И<ван> М<атвеевич> не очень доволен. Но по совести, Эвенс делал все, что мог. К несчастию, характер его не отвечает его душе, уму и просвещению. Он часто бывает болен, и это вредит ему. Но главное дело, а это засвидетельствует вам братец, Ипполит у Эвенса не избалован и из рук его выйдет чист и неиспорчен: а это *главное дело*! Где живете вы, тетушка? На даче ли? Оставьте для меня комнату, если мне воротиться надобно. От вас поеду в дальнейший путь. Брату скажите, что к нему писать буду. Жаль, что его нет здесь, на земле Классической, где бились Святослав, Суворов, и где созидались храмы Ахиллу, его Герою. Я недавно был на могиле Ольвии: нашел множество медалей, ваз, обломков и дышал тем воздухом, которым дышали мелезийцы, афинцы Азии. Геродот не выходит из рук моих. Это все для Никиты пишу: пусть у него слюнки текут, как говорит пословица. Пусть он мне

позавидует. Один вид Черного моря, прекраснейшего из морей, по словам Геродота, приводит в восхищение меня, невежду; что было бы с ним? Ему-то надобно ехать в Грецию. Он учен *по-ихнему.* Сию минуту иду к княгине Зинаиде с г. С<ен>-При: она здесь поселилась, и все у ног ее. Она, говорят, поет прелестно и очень любезна. Здесь ожидают княгиню С. Г. Волконскую. Польских барынь множество. Простите, целую ручку вашу.

Напомните обо мне Карамзиным, Олениным, Уварову, и Павлу Львовичу, и Софье Евстафьевне мое душевное почтение и сердечный поклон прошу сказать.

Зорка здорова. Она кланяется Вам, Никите, Саше, Анне Ивановне и Барону, а Зойке ничего не велела сказать. Зойка ее кусала.

359. А. И. ТУРГЕНЕВУ

12 июля <1818>. Одесса

Письмо ваше я получил в Одессе или в русской Италии, почтеннейший из людей и из человеков. Все, что вы делаете, прекрасно, и молю Провидение, да увенчает успехом благие начинания. Напишите, свистните в пору, и я очутюсь у вас, от берегов Черного моря на берегах Невы, ибо во всяком случае должен буду возвратиться к Вам: одной благодарности сердечной для того достаточно. Кроме отправления (в случае удачи), мне нужны будут наставления и советы Северина. Не шутка надолго отправиться из родины. Надобно мне и свои дела устроить, да и с Жуковским поспорить кой о чем. Отсюда я отправлюсь в Крым на сих днях, если купанье в море недостаточным окажется. Но вы смело адресуйте письма ваши на мое имя в Одессу, в канцелярию г<рафа> Ланжерона. Правитель оной — мне знакомый человек, и отправит немедленно, а если надпишете на пакете: нужное, то и еще скорее отправится. В Крыму все любопытно. Здесь недавно я бродил по развалинам Ольвии: сколько воспоминаний! Если успею, то опишу сии священные остатки, сию могилу города, и покажу вам в Петербурге. Je ne vous ferai pas grâce d'une ligne [1]. Я срисовал все, что мог и успел. Жалею, что наш Карамзин не был в этом краю. Какая для него пища. Можно гулять с места на место с одним Геродотом в руках. Я невежда, и мне весело: что же должны чувствовать люди ученые на земле классической!

Угадываю их наслаждения. Одесса — приятный город. Море здесь как море и немного приятнее ледяного залива Финского. Здесь найдете все нации и всего более соотечественников Тасса и Серра-Каприола. Азиятцев множество. Театр лучше москов<ского> и едва ли не лучше петербургского. Здесь к<нягиня> Зенеида, у которой я просидел утро. Здесь Гурьев; его еще не видел, но увижу: послушать его в Одессе любопытно. Жаль, что нет здесь Николая Ивановича pour le mettre en train: завести его. Но жара здесь, говорят, несносная от полудни до самого вечера. Я не могу пожаловаться, и часто, как Гораций, гуляю по солнцу; особенно люблю sulla placida marina la fresc'aura respirare [2] и Сен-При, у которого живу, не может надивиться способности моей гулять во всякое время: и утром, и в зной, и ночью. Впрочем, нынешний год хуже прошлого, и торговля скифскою пшеницею идет плохо. В Италии урожай, и все здесь плачут: вот как трудно Провидению угодить на всех! А мы, Поэты, хотим всем и каждому понравиться, мы все, начиная от Хвостова до Жуковского, которого обнимаю от всего сердца. Он давным-давно у вас и с вами: завидую ему и вам. Иду утешиться в Cantatrice Villane, которых музыка прелестна. Завтра примусь за чтение и купание. Простите, будьте здоровы, веселы и счастливы. Братцу вашему мое усерднейшее почитание. Благодарю его за извещение; очень благодарю! Весь ваш и навсегда. *К. Б.*

---

[1] Ни одна строка вас не минет *(фр.)*.
[2] на спокойном побережье вдыхать свежий воздух *(ит.)*.

360. А. Н. ОЛЕНИНУ

17 июля 1818. Одесса

Я пишу к Вашему превосходительству из Одессы, куда я прибыл около 10-го июля. От Москвы до Кременчука дорога была ужасная: грязь по ступицу, совершенно малороссийская. Отдохнув в Николаеве, я отправился в Ильинское, поместье Кушелева-Безбородки, т<о> е<сть> в древнюю Ольвию, и осмотрел любопытные остатки или могилу сего города. У меня было письмо к эконому поместья от г<рафа> Александра Григорьевича Безбородки и отца его Г. Г. Кушелева. Если встретитесь с ними, милостивый государь Алексей Николаевич, то по-

благодарите за меня. Письма их доставили мне способ рассмотреть Ольвию и окрестности. Я снял план с развалин или, лучше сказать, с урочища, и вид с Буга. Рисовать я не мастер, но сии виды для меня будут полезны: они пояснят мое описание, если когда-нибудь вздумается мне привесть в порядок мои записки, которым желаю успеха, то есть Вашего одобрения, столь лестного моему сердцу и самолюбию. Для вас сохранил урну, найденную в развалинах рыбаком. Вот ее история. Один из рыбаков селения рыл яму и заступом ударил по черепице; продолжал рыть и вынул из земли большой сосуд покрытый. Полагая, что в нем монеты, разбил его. В первом сосуде был прах на дне и другой сосуд, во втором третий. Все три грубой работы и глины. Сей последний доставляю Вам на память обо мне. В нем управитель Ильинского подносил вино рабочим людям; лучше же ему быть в кабинете Вашем. Но такие сосуды здесь не редкость: их находят повсюду, даже в полях, где, конечно, римляне стояли лагерем. Притом сохраню для вас две медали: одну из них подарил мне г. Бларамберг, у которого прекрасное, единственное в своем роде собрание медалей, обломков и статуй. Вы его знаете: он — шурин г. Розенкампфа. Здесь в Одессе я пользуюсь его благосклонностию и кабинетом. Жаль, что он не публикует его! — В Ольвии отрыли трубу, которая более двух тысяч лет лежала в земле. Она служила водопроводом, и странное дело! из нее еще струится вода в Буг. Адмирал Грейг посылал из Николаева чиновника осмотреть ее форму, меру и положение. Одно колено сей трубы я взял с собою и постараюсь привезть; не угодно ли Вам будет поставить ее в библиотеку или в Ваш кабинет? Медалей я не покупал по двум причинам: первое — потому, что не смел покупать и оскорбить чрез то хозяев поместья, которые, может быть, дорожат ими; второе — потому, что боялся ошибиться и заплатить дороже по неведению цен и самого достоинства медалей. Разрешите мне: покупать ли для Библиотеки вещи, и какую сумму можете употребить на покупку оных? Переписка в таком случае, без уполномочия, затруднит меня: вам известно, что слепой случай доставляет дешевые и драгоценные вещи: его-то упускать и не должно! Впрочем, не думайте, чтобы потребны были великие суммы. У антиквариев покупать не должно, но у жителей. Бога ради, разрешите мне сей вопрос, ибо я намерен ехать в Крым, где жатва обильная. Здешнее купанье мне недостаточно. Лекаря посылают в Евпаторию;

сентябрь желаю употребить на развалины и, если угодно будет судьбе, весь октябрь. Я невежда, но усерден. Если усердие может отчасти заменить науку, то я привезу Вам что-нибудь из Крыму. Будучи в Ольвии, я сожалел, что Вы, милостивый государь, не посетили сего края: берега Черного моря — берега, исполненные воспоминаний, и каждый шаг важен для любителя истории и отечества. Здесь жили Греки, здесь бились Суворов и Святослав. Жалею, что А. И. Ермолаев не доехал до сих мест: вот поприще, достойное его обширных и точных сведений! Он бы здесь расхаживал, как дома. Одна Ольвия достойна бы была его внимания. Поляки ее беспрестанно посещают и *обирают*. Лучшее все вывезено, но место, священное место любопытно. Греки умели выбирать места для колоний своих, и роскошные соотечественники Аспазии могли не жалеть здесь о берегах своего Милета. Из мертвой Ольвии я приехал в лучший из городов наших, в Одессу, где нашел г<рафа> Сен-При, который недавно послал вам любопытные рукописи для Библиотеки. Он меня давно знает и любит, но если Вы поблагодарите его за меня, за его ко мне ласки и гостеприимство, то чувствительно обяжете. Графу Ланжерону вручил письмо к<нязя> Голицына, и я надеюсь иметь фирманы в Крым. Здесь И. М. Муравьев и к<нягиня> Зенеида Волк<онская>: приехали для моря. Простите, кончу мое маранье, ибо знаю, что время дороже вам древностей и моего болтанья. Целую ручку у милостивой государыни Лизаветы Марковны; всем домашним мое почитание и поклон. Алексею Алексеевичу советую учиться по-гречески и ехать в Крым, Ивану Андреевичу прошу обо мне напомнить, а ленивому Гнедичу сказать, что я к нему писать буду. Здоров ли Сергей Семенович? На будущей почте я писать и к нему собираюсь; прошу покорнейше сказать ему, что я сохранил в памяти его благосклонное дружество, и уверить его в моей вечной признательности. Где находится граф Румянцев и как писать к нему? Если удостоите меня ответом, то покорнейше прошу адресовать *на мое имя, в канцелярию графа Ланжерона;* отсюда перешлют исправно письмо ваше, которому я обрадуюсь более, нежели медалям Пантикапеи и так называемой могиле Митридатовой. Преданный ваш слуга *Константин Батюшков.*

С. И. Муравьев выехал вчера в Петербург. Я не успел писать с ним и пишу с почтою; ему прошу поклониться и сказать: «Papa, taci!» [1] при первом свидании. Это шуточка из италиянской оперы, которая здесь процветает

вместе с пшеницею, Ришельевским лицеем и торговлею. Племянник ваш здоров; я вчера видел почтенного Николя, который им очень доволен. Лицей в цветущем состоянии, и дети здесь счастливы: они в хороших руках. Дай бог здоровья аббату, который изготовит полезных людей для государства: он неусыпен, и метода его прекрасная.

---

[1] Папа, молчи! *(ит.)*

361. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

20 июля 1818 г. Одесса

С сею почтою я напишу вам несколько строк, почтенная тетушка. Уведомьте меня, прибыл ли брат в гвардию, здоров ли он, будет ли в досужный часок писать ко мне? Я не пишу к нему особенно сегодня, но буду писать из Крыму, куда сбираюсь в скором времени, ибо на всякий случай должен воспользоваться удобным временем года и посетить Козлов. Если же мое дело замедлится или возьмет худой оборот, то проведу осень в Крыму, лучшее лекарство для меня. Впрочем, письмо ваше доставят мне немедленно, и я могу из Крыму почти в одинакое время, что из Одессы, приехать в Петербург, если присутствие мое будет нужно. Здесь очень приятно, и я с неудовольствием покидаю Одессу, в которой желал бы видеть Вас, любезная тетушка. Ивану Матвеичу здесь понравилось. Елене Ивановне полегче, но я ее мало и редко вижу, она не покидает постели. Сергей Иван<ович> о ней очень здесь заботился, что ему, право, делает честь. Иван Матвеич сам все делает что может для нее, но она, по-видимому, скучает, и это главная причина ее болезни. Одесский воздух и купание должны бы быть полезны. Сюда наехало множество поляков, и я, право, против воли моей познакомился со всем почти городом, так что и купаться некогда. Только по ночам и успеваю кое-что прочитать. У Графа С<ен>-При есть книги и все, что нужно для меня. Вы себе представить не можете, как он ласков и добр: все делает, чтобы удержать меня здесь, даже лошадей верховых оставил для меня. Здесь вижу часто Корсакова, вашего знакомца, но прошу поклониться от меня и вашему Корсакову. Брата Никиту победоносного и Сашу обнимаю. Ручку вашу целую усердно и сто раз благодарю вас за письма Ваши, которые оживляют мою с вами разлуку.

Я часто о вас думаю и чаще, может быть, чем Вы обо мне. Будьте только счастливы и здоровы, вот мое единственное постоянное желание. *К. Б.*

Покорнейше прошу адресовать письма по-старому. К. Н. Б. в канцелярию господина Ланжерона в Одессе.

362. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Конец> июля 1818. Одесса

Благодарю за известие! Скоро буду у вас и обниму тебя. В ожидании сего сделай дружбу, переведи мне в прозе, близко, но красиво, хор из Эврипидовой «Ифигении», который начинается: «Tendre Halcyon» [1] и проч. Мне он очень нужен. Греч<еский> оригинал, верно, есть в библиотеке. Я кое-что написал об Ольвии. В Петерб<урге> на досуге переправлю и сообщу твоему просвещению. Странно подумать, что для Петерб<урга> я должен проехать с лишком четыре тысячи верст лишних. Смотрю на большую карту Европы и качаю головой. Г<раф> С<ен>-При, у которого живу в Одессе, тебе усердно кланяется; он тебя очень помнит и уважает. Поклонись всем знакомым. К Оленину я писал, еще не знав моей участи. Жалею, что не мог ничего сделать для Библиотеки; принялся усердно и доволен собою: не ожидал в себе такой рыси; всем надоел здесь медалями и вопросами об Ольвии. Прости, до свидания! Будь здоров! Гурьеву отдал письмо, и он уже отвечал. Поклон мой Дмитрию Прокофьевичу, Ивану Андреевичу; последнему скажи, что басни его здесь в великом *употреблении.* Vale [2].

---

[1] Нежная Гальциона *(фр.).*
[2] Будь здоров *(лат.).*

363. А. И. ТУРГЕНЕВУ

30 июля 1818. Одесса

Вчера получил я ваше письмо, почтеннейший Александр Иванович, письмо печальное и приятное. Накануне услышал я о потере нашего Северина и, признаюсь вам, содрогнулся. Потом не хотел верить: письмо ваше подтвердило печальное известие. Северин очень несчастлив.

Жалею о почтенном Стурдзе,— и особливо о матери! Все это семейство ходит по тернам, и я не могу без горестного чувства вспомнить о Северине и об его худом здоровье. Желаю ему твердости душевной. О себе скажу вам, что я уже занес было одну ногу в Крым, послезавтра хотел отправиться в Козлов: письмо ваше остановило меня. Итак, судьба моя решена, благодаря вам! Я уверен, что вы счастливее меня, сделав доброе дело. Для вас это праздник, подарок Провидения. Я благодарю его не за Италию, но за дружбу вашу: быть вам обязанным приятно и сладостно! И это подарок Провидения, которое начинает быть ко мне благосклоннее. На счет ваш и больше и лучше говорил я сию минуту с человеком, который понимал меня, г<рафом> Сен-При. На бумаге всего не напишешь, а если напишешь все, то будет дурно. Но при первом свидании обниму вас крепко-накрепко. Оно будет скоро: сердце влечет меня в Петербург. Должен увидеть вас, виновника моего путешествия, увидеть К<атерину> Ф<едоровну>, которую почитаю моим Провидением на земле. Напрасно усомнилась она в моем приезде. Как могу решиться на дальний путь и долгую разлуку с отечеством!.. Странно сказать! а до сих пор не чувствую большого облегчения от купанья. Кстати о купанье. Между тем как дружество пеклось о судьбе моей, я чуть не избавил его от хлопот: купавшись, чуть не потонул в море, так зашел далеко и неосторожно во время сильной бури! Великое количество соленой воды, которую проглотил при потоплении моем, расстроило мою грудь. Три дня страдал. Теперь легче: голос дружбы вылечил меня совершенно. Поклон Жуковскому! Знает ли он стихи Мейстера: Оду его на победу России? Последние строки прелестны, и благодарность к России в устах иностранца — дело, конечно, необыкновенное, тем более что стихи хороши! Вот они, если не знаете; вот они, если и знаете их: хорошее можно всегда повторять.

Et toi, puissant pays, terre heureuse et chérie,
Asyle favorable et nouvelle patrie
Que m'accordent les dieux!

Profite des bienfaits que leur main te dispense,
Et jouis de bonheur sous la douce influence
D'un règne glorieux!

J'aime tes habitants, tes fleurs et tes rivages
Et l'air que j'y réspire, et de tes bois sauvages
L'immense profondeur.

Je vais, je vais rentrer dans ces retraites sombres
Et, plein d'un doux transport, méditer sous leurs ombres
Ta gloire et mon bonheur! [1]

И я утешаюсь мыслию, что из сих голых степей, опаленных солнцем, увижу сосны Петербурга, прелестную Неву и вас с Жуковским; с последним беседую, то есть перечитываю. Карамзина не выпускал из рук. Здесь было очень жарко, и италиянская опера прекрасная, следственно, мне было не худо...

---

[1] И ты, могущественная страна, земля счастливая и драгоценная, благосклонное убежище и новая родина, данная мне богами, пользуйся благодеяниями, которые изливают на тебя их руки, и наслаждайся счастьем под кротким влиянием славного царствования! Я люблю твоих жителей, твои цветы, и твои реки, и воздух, которым дышу, и твои дикие леса, которые столь густы. Я укроюсь, укроюсь в этих мрачных убежищах и, полный сладостного восторга, буду размышлять в их тени о твоей славе и моем счастье *(фр.)*.

364. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

3 августа 1818. Одесса

Здесь в Одессе получил известие, что я уже определен в Иностранную коллегию. При определении получил чин надвор<ного> советника и тысячу рублей жалованья с курсом, что составляет около 5 тысяч рублей, а иногда более, да годовое жалованье на проезд в Неаполь. Тургенев и Северин говорили обо мне графу Капо д'Истриа; дело продолжалось, как известно тебе, около году и наконец сделалось приятным образом. Я должен отправиться отсюда в Петербург. Может быть, поеду в Москву. Август весь прошу тебя, любезный друг, просиди дома. Если я не могу к вам заехать проститься, то по крайней мере можешь ты побывать в Москве. В Петербург не зову, ибо буду сам в хлопотах по службе, и вы мне отчасти помешаете дело делать. Останься в Хантонове и жди моего письма. Уведомлю тебя, что делать, обо всем обстоятельно. Теперь прошу радоваться и быть спокойной на мой счет. Отслужи молебен и за меня. Сестрам сообщи эту весть, А<ркадию> А<поллоновичу> и П<авлу> А<лексеевичу>. Последнего прошу отписать ко мне о делах моих. Имения теперь не продам; надеюсь, что крестьяне исправно будут платить оброк — шесть тысяч в год. Нынешний оброк (он мне очень нужен) прикажи

держать в сборе и по первому приказанию моему отправить. Прости, милый друг, будь здорова и спокойна; я, верь мне, за тебя и за сестер, обрадовался и чину и месту, ибо знаю, что это Вам приятно. Купила ли Юленьке платья? О Помпее думаю беспрестанно. Ожидаю известия от тебя, что ты с ним намерена сделать? Не пишите более ко мне. Сиди в Хантонове, не разъезжай и жди вести. Приготовь подробный реестр книгам моим: мой остался в Петербурге. Чулок нитяных, коротких, платков носовых, салфеточной материи тонкой на некоторое мужское платье, пудермантель, полотенец, но всего не много, а хорошей доброты. С собою взять многого не могу. Скажи старосте, чтобы в вотчине все было исправно.

Объяви это немедленно Павлу Алек. и проси его вникнуть в мои дела. Я еду года на четыре по крайней мере и прошу его не оставить крестьян. К нему писать буду, но в ожидании пусть он приготовит мне записку, что делать мне, и решит.

365. Н. М. и Е. Ф. МУРАВЬЕВЫМ

3 августа <1818. Одесса>

Александр Иванович сообщил мне записку Г<рафа> К<апо> д'<Истрии>. Итак, дело мое решено, любезная тетушка. Я отправляюсь в Петербург и буду у вас к 10-му сентября. Еду через Москву, чтобы увидеться еще с Дружининым. Иван Матвеевич еще здесь. Елене Ивановне гораздо легче. Она была в театре, Ив. М. скоро отправляется в Полтаву. Ему так понравилась Одесса, что мы было намеревались на будущий год и вас сюда заманить, что, право бы, для здоровья вашего и братцова было не худо. Одесса имеет все удобства для жизни. Но я, право, смешон! Говорю об Одессе, когда бы надобно было говорить о себе.

Прошу тебя, милый Никотинька, поговори с Роспини, выпиши у него все книги об Италии и вручи мне реестр. Также карты новые и древние и все, что зоркие твои и опытные очи сыщут любопытного о земле Сципионовой и Ариостовой. Reichard у меня есть, Женгене и Сисмонди есть. Нет ли истории Неаполя? Краткой, но верной. Нет ли новейших записок о правлении, торговле, войнах и пр.? Снаряди меня *умом*, милый брат. В Петербурге время

будет дорого. Еду к вам для вас, car tout chemin mène à Rome [1].—183 червонца получил, любезная тетушка, через консула английского Эмса. Благодарю вас и сто раз целую ручку. В Крым не поеду: 600 верст лишних для грязей! Надеюсь, что Неаполь меня вылечит без них. Желал бы иметь крылья, чтоб быть у вас. Простите, до свидания. Обнимаю Никиту, Сашу и вашу ручку. Сергею Муравьеву усердно кланяюсь. Будьте здоровы и любите меня. Мое желание и слава — быть любимым вами и Никитою.

---

[1] все дороги ведут в Рим *(фр.)*.

366. А. И. ТУРГЕНЕВУ

19 августа <1818>. Одесса

Ожидаю сегодняшней почты, которая, может быть, принесет мне указ об определении и письмо Ваше, почтенный и любезный Александр Иванович. Получа их, отправлюсь немедленно в Петербург, чрез Москву. Надеюсь быть у вас к первому сентябрю, а если запоздаю, то по крайней мере к десятому. Мне советуют отправиться отсюда: выиграю через то около трехсот червонцев и тысячи четыре верст самых скучнейших в мире, увижу Грецию и прямо могу очутиться в Неаполе. Но зато не увижу вас и не прощусь с К<атериною> Ф<едоровною>! Итак, ожидаю вашего решительного письма, чтоб идти за подорожною. Между тем купаюсь в море, читаю повести Геродота о Черном море и смотрю итальянскую оперу.

В письме Вашем требуете вы, чтобы я сказал мое мнение о лицее. Скажу вам по совести: лицей есть лучшее украшение в Одессе, точно так, как Одесса лучший город после столиц. Я видел детей в классах, за столом, видел их спальни и не мог налюбоваться порядком, чистотою. В первый раз видел я детей, учащихся по новой методе, под руководством молодого человека, недавно приехавшего из Парижа. Николь уверяет, что метода сия полезна. Но его собственная метода преподавания латинского языка удивительна. В шесть месяцев дети сделали успехи невероятные! дети, до сего едва умеющие читать по-русски! Вообще метода преподавания языков, основанная на сорокалетней опытности, должна быть совершенна. В вышних классах есть воспитанники отличные; но сии по большей части уже были приготовлены домашним воспи-

танием. Не стану хвалить Нико́ля: вы его знаете; я его видел мало, но смотрел на него с тем почтением, которое невольно вселяет человек, поседевший в добре и трудах. Он беспрестанно на страже; живет с детьми, обедает с ними; больница их возле его спальни. Я говорил с родственниками детей; все просвещенные и добрые люди относятся о нем с благодарностию. Спросите у к⟨нягини⟩ С. Г. Волконской: ее дети там, а голос матери всегда красноречив и силен, и *справедлив*, прибавлю. Я видел некоторых родственников в Москве и привез их письма к детям. Все хвалили Лицей и благодарили за него Правительство и Провидение; и для них, по переписке детей, успехи их были очевидны. Но аббат, слышу стороною и судя по письму Вашему, имеет недоброжелателей. Не удивляюсь нимало: добро *даром* не делается. Лицей имеет внутренних и внешних врагов; но зато, в защиту общественное мнение или по крайней мере доброе мнение людей просвещенных. Все, что узнаю касательно Лицея, сообщу Вам изустно при первом свидании; теперь не мог удержаться и не сказать Вам, что первое впечатление его было мне приятно. Вы сами с удовольствием увидели бы детей *степных*, говорящих по латыне, готовящих себя на пользу Государства. Здесь, в земле новой и едва вышедшей из пелен. Самое имя *Ришелье*, благодетеля сего края, приятно слуху истинного патриота и должно быть счастливым знаменованием для сего училища. Дай бог, чтобы Министерство просвещ<ения> поддержало лучшее свое произведение и дало бы ему способы усовершенствоваться. Но произведение сие дышет аббатом. Надобно быть здесь, чтобы удостовериться в истине моих слов. Без страсти и без предрассудка объявил вам мое мнение, основанное на внутреннем убеждении, что лицею надобно пожелать здравия и долгоденствия или пользы и славы России, для пользы и славы нашего Министерства. Исполнил долг мой: сказал, что знал и как умел!

Не спрашиваю у вас известий о Северине, ибо не дождусь ответа. Страшусь за него: он — с твердою душою, но здоровьем не герой, а надобно и здоровье, чтоб перенесть несчастие. Я знаю это опытом. К г<рафу> К<апо> д'И<стрии> писать буду из Петербурга; сообщу вам письмо мое. Поклонитесь усердно всем нашим и не забывайте Бат⟨юшкова⟩. Не забудете: ибо человек всегда с удовольствием вспоминает о тех, которым был полезен. Обнимаю вас и Жуковского, от всего сердца обнимаю. Простите!

367. А. И. ТУРГЕНЕВУ

26 августа 1818. <Москва>

Вчера приехал в Москву, чуть жив от усталости. Сегодня видел Николая Ивановича, который мне вручил старое письмо Ваше и Указ. Ожидаю его появления в газетах, а вас прошу, Вас, почтеннейший зиждитель моего путешествия к полям Сатурновым, уведомьте меня, хотя строкою, с первою почтою. Письмо Ваше еще застанет меня здесь, не прежде 9 сентября намерен выехать или к себе в деревню, или прямо в Петербург. Если ехать в Италию, то пора: осень на дворе, и слякоть, и грязь, и ревматизмы. Я буду писать из Петербурга под руководством вашим к графу К<апо> д'Истрии. Ив. Ив. Дмитриев сказывал мне вчера, что и Северин отправился с ним, о чем крайне сожалею. Завтра мы проводим вечер у Дмитриева с Николаем Ивановичем, который вам за меня благодарен. Будьте здоровы и помните вашего Батюшкова, уставшего от дороги и не читавшего еще Каченовского. Адресуйте на имя Дружинина.

368. А. И. ТУРГЕНЕВУ

10 сентября <1818. Москва>

Письмо Ваше от 3 сентября получил сегодня, т<о> е<сть> 10. Благодарю за уведомление, очень благодарю. Когда появится в газетах? Приготовлю все. Я к вам явлюсь к концу сего месяца, неся в маленьком сердце моем много признательности к вам, доброму человеку. Не в Неаполе жить, а вам быть признательным: вот мое сладострастие. Скажите Вяз<емскому> и еще другое сладострастие: сделаться достойным дружбы достойных людей.

Я знаю Италию, не побывав в ней. Там не найду счастия: его нигде нет; уверен даже, что буду грустить о снегах родины и о людях мне драгоценных. Ни зрелище чудесной природы, ни чудеса искусства, ни величественные воспоминания не заменят для меня вас и тех, кого привык любить. Привык! Разумеете меня. Но первое условие: жить, а здесь холодно, и я умираю ежедневно. Вот почему желал Италии и желаю. Умереть на батарее прекрасно; но, в тридцать лет, умереть в постеле ужасно,

и право, мне что-то не хочется. И потому-то спешу к вам, чтоб от вас в октябре отправиться в Вену. Надеюсь, что мне позволят ехать pian-pianino[1]. В ожидании лучшего слушать буду сегодня перевод Мерзлякова, у которого много пламенных стихов и *другого прочего*. Ни слова не скажу о переводе, напечатанном в «Сыне Отечества». Я согласен с мнением Греча, изложенным в точках. Поздравляю академию! преузорочно. «Часть открытых *пухлых грудей!..* Но хотя взору преграждает путь, однако не может остановить страстной мысли»... (Страстная мысль — хорошо, но далее:) «Мысль дерзает сквозь *густоту* одежды прокрадываться в *укутанные* части»... Харчевенный слог! Лапотник! И какое место в Тассе чудесное! Здесь-то Тасс именно велик слогом, ибо Армида его недостойна эпопеи: кокетка, развратная, прелестница, но слог, ее укутавший, ей дает прелесть неизъяснимую. Что же она в русском переводе? Молчу, молчу, но право, иногда своим голосом скажешься. Воейков пишет гекзаметры без меры, Жуковский (!?!?!?!) — пятистопные стихи без рифм, он, который очаровал наш слух и душу и сердце... После того мудрено ли, что в академии так переводят?

Читал и вылазку или набег Каченов⟨ского⟩, набег на вкус, на ум, на славу. Не гневайтесь: Каченов<ский> делает свой долг, Карамзин — свой. Он пишет 9 часть «Истории». Вот лучший, красноречивейший ответ. Но Каченов<скому> я отпел что думал: Того ли мы ожидали от вас? Критики, благоразумной критики, не пищи для английс<кого> клоба и москов<ских> кружков. Укажите на ошибки Карамзина, уличите его, укажите на места сомнительные, взвесьте все сочинение на весах рассудка. Хвалите от души все прекрасное, все величественное, без восклицаний, но как человек глубоко тронутый... А вы что делаете? Нет, вы не любите ни его славы, ни своей собственной, ни славы отечества... И мало писателей любят ее! Мы все любим себя, свои стихи и прозу; за то и нас не любят. Но я люблю вас, любя свои стихи: вот мое достоинство. Обнимаю вас, вашего почтенного братца, за которым гнался по Москве в день его выезда и не успел обнять. Обнимаю, обнимаю Жуковского, которого браню и люблю, люблю и браню. Мерзлякову сегодня покажу письмо ваше. Бога ради, отвечайте мне немедленно: *приезжай*. Адрес мой: в Череповце, Новогородской губернии. Намерен послезавтра туда отправиться, и если получу письмо ваше, то немедленно пущусь в Петербург. Будь-

те здоровы и счастливы и не читайте худой прозы и худых стихов, кроме моих, разумеется.

Бога ради, отыщите мне Келера. Никол<ай> Иванов<ич> не мог найти его без вас, как ни старался. Келер мне нужен. Я с ума схожу на Ольвии. Сверчок что делает? Кончил ли свою поэму? Не худо бы его запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикою. Из него ничего не будет путного, если он сам не захочет; потомство не отличит его от двух однофамильцев, если он забудет, что для Поэта и Человека должно быть потомство. К<нязь> А. Н. Голицын московский промотал двадцать тысяч душ в шесть месяцев. Как ни велик талант Сверчка, он его промотает, если... Но да спасут его музы и молитвы наши! Напомните обо мне Карамзиным и усердно особенно поклонитесь Катерине Андреевне. Везу ей гостинец: пусть угадает какой? Что делает Вяземский? Вы о нем ни слова не промолвили. Два письма вручите Г<недичу> и К<атерине> Ф<едоровне>.

---

[1] потихоньку *(ит.)*.

369. Н. И. ГНЕДИЧУ

10 сентября 1818 г. Москва

Пишу тебе из Москвы, любезный друг. Удивляюсь твоему молчанию. Я писал к тебе неоднократно и получил только строчку в Одессе. Здоров ли ты? Уведомь меня и пиши обо всем, что знаешь, что может быть мне приятно; пиши о себе. Не замедли отвечать на это письмо. Я еду в деревню завтра. Адресуй в Череповец. Там пробуду несколько дней, но и в это время весело получить от тебя грамотку. В начале октября, т. е. к 3 или 4, явлюсь к вам и буду стараться немедленно отправиться в Парфенопу. Страшусь осени и зимы. Теперь предпринимаю путешествие утомительное, но без него не могу обойтись; надобно проститься с моими. Обнимаю тебя.

К. Б.

370. Н. П. РУМЯНЦЕВУ

19 октября 1818 г. Петербург

Сиятельный граф, милостивый государь! Накануне отъезда моего в чужие краи осмеливаюсь писать к вашему сиятельству и напомнить вам о себе, как о человеке, который обязан вам вечною признательностью. Еще в недавнем времени одолжен я вам благосклонным приемом графа де Ланжерона, которому имел честь вручить письмо ваше. Он готов был снабдить меня рекомендательными письмами в Тавриду, где я намеревался прилежно заняться изысканием древностей, и если бы случай благоприятствовал, то доказал бы на деле мое усердие служить вашему сиятельству. Приближение осени и известие, что я определен к неаполитанской миссии, помешали мне посетить Крым, страну любопытную во всех отношениях. В Одессе я имел случай видеть у г. Бларамберга, известного вам чиновника, редкий кабинет медалей, ваз, статуй, надписей из Ольвии, драгоценное собрание остатков древнего города, в одних руках и одним человеком составленное. Желательно, чтобы ваше сиятельство изволили потребовать у него подробный каталог всем его сокровищам: ручаюсь, что он заслужит внимание ваше. Я с моей стороны священным долгом почел уведомить вас о сем собрании, которое, легко может статься, перейдет в руки поляков или англичан, ибо г. Бларамберг, по напечатании каталогов, намеревается продать свой кабинет. В бытность мою в Одессе его уже торговали.

Оставляя Россию, осмеливаюсь повторить вам, милостивый государь, что я исполню поручения ваши: и в Неаполе, и в окрестностях оного тщательно осмотрю монастыри, частные и публичные библиотеки, и если найду что-нибудь важное касательно истории нашего отечества, уведомлю вас; что могу, куплю и доставлю немедленно. Каждому россиянину сладостно трудиться для вас, покровителя наук, друга и добра и человечества, а мне, обязанному вам лично, еще более сладостно! Где бы я ни был, сохраню в памяти моей милости ваши: ни время, ни отдаление не истребят их из моего сердца.

Не угодно ли вашему сиятельству дать мне поручения в Рим и письмо к Канове? Я долгом поставлю себе навестить его и сказать ему, что видел статую Мира в святилище муз.

Не угодно ли будет дать мне другие поручения к из-

вестным вам людям? В первых числах ноября я отправляюсь прямо в Неаполь.

Заключу мое письмо поздравлением вас, милостивый государь, с счастливым прибытием вашего «Рюрика», и, пожелав от искреннего и простого сердца здравия и благоденствия, с глубочайшим почтением и признательностью пребуду, милостивый государь, вашего графского сиятельства покорнейший слуга

Константин Батюшков.

371. А. И. ТУРГЕНЕВУ

<Октябрь — ноябрь 1818. Петербург>

Очень, очень благодарю вас за участие, которое вы принимаете в судьбе моей. Сижу больной, в колпаке и в шлафроке, и часто думаю о вас, часто грущу как зверок Лафонтена, cet animal est triste et le chagrin le ronge [1]. Но чаще смеюсь от доброго сердца. Вы столько раз были мне полезны и делом и советом, что я имею право на ваше дружество. Этот силлогизм не так дурен, как вам с первого взгляду покажется. Обнимаю вас от всей души и прошу любить вашего Ахилла, который ворчит про себя: ах, хил! и впрямь, болен простудой, насморком, головою, а не умом, ибо знает цену Жуковскому и Карамзину,— не сердцем, ибо любит вас по-старому.

[1] это грустное существо, и тоска грызет его *(фр.)*.

372. И. И. ДМИТРИЕВУ

31 октября 1818. Петербург

Ваше высокопревосходительство! На сих днях отправляюсь в Неаполь. Покидая отечество, может быть, и надолго, чувствую живо все, что покидаю. Не смею говорить вам о моей признательности и чувствах глубокого почитания; но сердце мое исполнено ими, и воспоминание о вашей ко мне благосклонности останется навсегда прелестнейшим для меня воспоминанием. Смею надеяться, что вы, милостивый государь, не забудете человека, вам столь искренно преданного. Из Неаполя буду напоминать о себе, буду писать к вам и из отчизны Горация и Цице-

рона. Эта мысль меня утешает при отъезде из России более, нежели надежда увидеть Италию. С глубоким почитанием честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейший слуга *Константин Батюшков.*

P. S. Возвращаю сказки франц⟨узские⟩ с благодарностию. Портрет Суворова, на который изволили подписаться, при сем прилагаю. Если увидите Василья Львовича, прошу покорнейше сказать ему, что люблю его душевно и дружбы его нигде не забуду.

373. М. Ф. ОРЛОВУ

3 ноября 1818 г. Петербург

Милостивый Государь, Михаил Федорович.

Вручитель сего письма Иван Сутира, грек из Македонии, известный по своим несчастьям, отправляется отсюда в отечество свое через Киев: осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство не отказать ему в помощи и принять его в Ваше особенное покровительство. Я мало знаком Вам, милостивый государь, но Вас знаю, знаю, что Вы всегда готовы подать руку помощи бедному, какой бы земли он ни был, зная, что тот доставляет Вам истинное удовольствие, кто подает вам случай совершить доброе дело.

Арзамас весь рассеялся по лицу земному; я сам послезавтра еду в Италию, но где бы мы ни были, сохраним в памяти сердца и ума величественный Рейн, лучшее украшение общества нашего. С глубоким почитанием имею честь быть

вашего превосходительства
покорнейший слуга

Константин Батюшков.

374. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Начало ноября 1818. Петербург>

Еду в Неаполь. Тургенев упек меня. Заеду к тебе освидетельствовать твою музу. Стихи к Петрограду пре-

красны, сильны, достойны тебя. Но целое? Поговорим об этом в другой раз. Приготовь мне конурку для проезда. Напомни княгине. Желаю тебе здравия. Сам болен, но доволен. Паспорт в руке, Италия передо мною. Авось выздоровею! А если умру там, то не забудь, милый друг, написать элегию на мою смерть. Если увидишь Северина, то обними его за меня с тем же чувством приязни, с каким я обнял бы его. Тебе это легко. Еще раз прости. Шаликов приписал тебе книгу: поздравляю. Пишу обухом, извини.

375. Д. Н. БЛУДОВУ

<Начало ноября 1818. Петербург>

На сих днях отправляюсь в Неаполь. Отъезжая, долгом поставляю побеседовать с почтенною Кассандрою, которая забыла свой Арзамас, и Беседу, и Академию. Но мы не забыли ее. Мы огорчились, услышав о ее внезапной болезни, и обрадовались скорому выздоровлению. Дай бог ей здоровья и всему семейству ее. Спешу возвестить ей наши новости, а в конце письма стану говорить о себе. Карамзин живет в доме Кат<ерины> Фед<оровны>, и мне сосед. Мы видимся часто, хотя Кар<амзин> и вступил в Российск<ую> Академию и на днях будет читать речь в ее услышание. Жуковский и Филарет также членами *оной Академии.* Но первый за эту честь заплатил дорого: так простудился, что по сю пору лежит и бредит. Болезнь его может превратиться в неизлечимую, если он не вспотеет вовремя. Шутки в сторону, он болен, Плещеев болен, Салтыков болен, Уваров болен. Все мы платим дань отечественной осени, которая, как вы видите, не благосклонна Арзамасу. Возвратимся к Академии. На другой день торжествен<ного> вступления в оную Жуковс<кий> явился к нам бледен, как мертвец, как вышедший из Трофония пещеры, рассказывал нам чудеса и поручил мне возвестить вам о своем нисшествии в лимб академический, который, без сомнения, ниже лимба Беседы. «Северная почта» возвестила публике: что Жук<овский> и Фил<арет> поступили на *упалые* места, и редактор оной заметил, что слова *упалые места* есть собственное выражение Академии. Упалое место, говоря о праздных местах, пустых или порожних академиче-

ских *, очень забавно, и замечание редактора остро и зло. Академия дышет злобою на «Северную почту», а мы насмеялись досыта, сожалея, что вас здесь не было по сию пору, почтеннейший друг наш.

Loin de nous que faisiez vous alors?[1] Английск<ие> ученые и английс<кие> Хвостовы не столь забавны, как наши. Здесь «Дунциада» Попе могла бы быть веселее и смешнее. Но я покидаю любезное отечество и, через Вену и Флоренцию, спешу в Рим (на который я и взглянуть недостоин!). В Неаполе буду ждать ваших писем, ибо уверен, что вы удостоите ответом. Вам стыдно забыть меня и оправдываться ленью. Я знаю, что Вы не ленивы любить друзей, а из числа их я усерднейший. Ваше письмо меня истинно обрадует. Возвратимся к Петербургу. Тургеневы здоровы. Старший ни в доброте, ни в любезности не изменился. Пишет отчет биб<лейского> общества и зарыт в катехизисах, Николай — в политич<еской> экономии. Сверчок начинает третью песню поэмы своей. Талант чудесный, редкий! вкус, остроумие, изобретение, веселость. Ариост в девятнадцать лет не мог бы писать лучше. С прискорбием вижу, что он предается рассеянию со вредом себе и нам, любителям прекрасных стихов. Жуковск<ий> пишет глаголы и погрузился в грамматику. Я не пишу. Когда мне? От Северина прямо или из Ахена чрез кого-нибудь имеете о нем известия? Я его здесь не нашел и не имею прискорбного удовольствия обнять его после ужасного несчастия. Дашков занят очень своей должностию, но грустит беспрестанно. Вот вся история нашего Арзамаса. Да! кстати! чуть было не забыл о Вяземском. Он написал громаду прекрасных стихов, живых, исполненных благородных мыслей и смысла. Вас<илий> Льв<ович>, которого я видел в Москве, пописывает постарому. На сей раз довольно. Заключу мое письмо, пожелав Вам благоденствия, долгоденствия и ясной погоды. Из Неаполя пришлю вам *немного солнца* и землетрясения, если вы до него охотники. Стращают меня разбойниками и кинжалами. Но Ариоста не ограбили близ Флоренции. Я не Ариост, но его цеха: Кого же убоюся? Простите, почтеннейший друг, будьте счастливы, будьте же непременно, вы сего стоите, и не забывайте *К. Батюшкова.*

Милостивой Государыне Анне Андреевне прошу засвидетельствовать мое усердное почтение; прошу ее по-

---

* Как ни скажите, все странно! *(Примеч. К. Н. Батюшкова.)*

корнейше не забывать Батюшкова. Г. Кривцову скажите, что мы о нем часто говорим с Плещеевым и Жук<овским> и Пушкиным и что я его люблю и душевно почитаю. Прошу его не забывать в туманах, тех, которые живут на солнце.

---

[1] Что вы делали тогда вдали от нас? *(фр.)*

376. Ф. Н. ГЛИНКЕ

<Ноябрь 1818 г. Петербург>

Податель сей записки, уроженец из Мюнстера, попал нам в плен с оружием в руках в 1812 году и отослан в Вологду. С тех пор очень мирно жил в деревне сестры моей. Ныне я хочу его взять с собой в Неаполь (он добрый и честный человек). Прошу Вас покорнейше, почтенный Федор Николаевич, приказать ему выдать паспорт в канцелярии Главнок<омандующего> или дать ему благой совет, как и к кому адресоваться. Завтра буду вас просить об этом лично, ибо Вы будете кормить вашего покорнейшего слугу и телом и душою.

Константин Батюшков.

Гнедич у меня: он обещал быть у вас непременно.

377. А. И. ТУРГЕНЕВУ

<Ноябрь 1818. Петербург>

Сделайте одолжение, почтенный Александр Иванович. Скажите Г. Лаваль, ему и ей, *им*, что я заезжал к ним; меня не приняли, я велел записать у швейцара, что еду, прошу Г. Лаваля прислать письма к вам для доставления мне. Нельзя ли вам известить их об этом сегодня или завтра? Свечина так занята, говорит Гейдеке, что к ней лучше не ездить. Поручаю К<атерине> Ф<едоровне> отобрать ее письма. Готовьте ваше к Гагариным, и замолите ему за меня словечко. Скажите, что я добр, умен, вы скажете истину. Братец ваш не хочет ли писать со мною. После десятого меня уже не будет. Ослиного ищите праху! Как говорит Хвостов.

378. А. И. МИХАЙЛОВСКОМУ-ДАНИЛЕВСКОМУ

14 ноября 1818. Петербург

Я не мог воспользоваться рекомендательным письмом Вашим к к⟨нязю⟩ Балатухову, которое при сем возвращаю. В Крыму не был; осеннее время и известие о назначении меня в Неаполь препятствовали мне обозреть землю, о которой Вы столь красноречиво говорили и писали. Но возвращая вам, Милостивый Государь, письмо Ваше, с искреннею благодарностию скажу вам, что уношу в чужие краи память о благосклонности Вашей и уверенность в лестной для меня приязни. Надеюсь, что вы не забудете меня, как человека вам искренне преданного и вас душевно почитающего. С сими чувствами пребуду навсегда, милостивый Государь, вашим покорнейшим слугою,

Константин Батюшков.

379. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

16 ноября 1818. Петербург

Вчерашний день писал я к тебе, милый друг, в последний раз, но сегодня, если могу успеть, пошлю и это письмецо весьма нужное, вдобавок тому, что писано мною. Бога ради не показывай Лизавете Николаевне письма ее, на коем я сделал мои замечания. Она может протолковать их в дурную сторону; но дело состоит в том, что я, отъезжая, был ими упрошен отдать им брата: я согласился. Несколько раз писали они мне сюда о том же, а теперь пишут, что не могут взять его. Я же с моей стороны в течение сего времени писал к Ивану Семеновичу: итак, себя выставил не за рассудительного человека. Что теперь делать? Я отъезжаю; послал уже за подорожною: переменять мне всего невозможно в столь короткое время. Вот на что решаюсь. Приложенное у сего письмо вручи Павлу Алексеевичу или перешли к нему немедленно, но так, чтобы оно сестре Лизавете Николаевне в руки не попалось. В нем ничего нет неприятного, ты сама видишь,— но все-таки сестру огорчить может, чего не хочу делать, отъезжая надолго, может быть, очень надолго. Из письма сего увидишь, какое распоряжение делаю деньгам: оно сходно с тем, что я писал к тебе вчера.

Естифея оставляю здесь. Он просится в сапожники:

можешь отдать его, или кому-нибудь в услужение, а место сыщет чрез г. Позняка Николай Иванович Гнедич. Сделай, как сам Естифей пожелает — идти ли в услужение или в мастерство. Не забывай, что он мне служил, как умел, и последнее время я был им доволен. Из записки моей к старосте видишь, что о брате можешь быть покойна: 1200 ежегодно получать с моих деревень, пока опека будет в силах уплачивать сама. Советую тебе приезжать в феврале в Петерб<ург>, предуведомя недели за две Катерину Федоровну. О сестре Юлии не беспокоюсь: К. Ф. все сделает. На руки отдай ей. Дай бог, чтобы она пробыла лет шесть в монастыре и вела себя к утешению нашему; у нее вовсе не будет пристанища: пансионы и даже наши дома дело неверное.

Прости, милый друг, будь здорова и осторожна и хладнокровна. Бог тебя не оставит: он любит добрых людей. *К. Б.*

380. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

30/18 декабря 1818 г. Вена

Несколько раз сбирался я писать к вам, почтенная и любезная тетушка, но не имел случая, а отдавать письма на малых почтах городишек польских не хотелось: почты сии не весьма исправны, для проезжих особенно. Пишу теперь из Вены с верной оказией, чрез г. Фуссадье. На 24 день по выезде прибыл сюда благополучно, но зато дорогою настрадался. Коляска ломалась беспрестанно, наконец вовсе расстроилась: две рессоры, две дроги пополам, и я скелет ее оставил в Лемберге, а сюда потащился в бричке без рессор: посудите, в какой усталости! Покидая вас, мне было очень грустно. Дорога и время ненастное усиливали печальные мысли, которые бродили в голове моей. До Порхова ехал местами знакомыми, чрез которые некогда возвращался из походу прусского. Тогда ехал к вам, теперь от вас. Покидать вас, друзей и отечество, право нелегко, даже и мне, вечному бродяге; я радуюсь, что сохранил в душе моей столько любви к тому, что любить должно, без того что было бы во мне? Мог ли расстаться с вами, с братом, которого с каждым днем люблю больше, и с Сашей без сильного чувства прискорбия? Неизвестность, когда, в какие времена и как возвращусь в отечество, печалила меня более всего. Не смею

сказать, что мыслил на другой и на третий день отъезда моего, но дни сии печальнейшие в жизни моей, и я их долго, очень долго помнить буду. Товарищ мой догнал меня близ Порхова, и мы ехали до Лемберга. С ним ехать было веселее. В Лемберге я обедал у него, познакомился с женой его, которую можно назвать сокращением прелестей, и, отдохнув двое суток в хорошей гостинице, поскакал по мостовой мимо гор Галиции, покрытых снегом, но очень приятных для взора, особенно после нашей Белоруссии, жилища жидов, бедности и разврата, земли печальной и негостеприимной. Близ Тешина в сумерки встретил я государя, на дороге, с малою свитою. Погода стояла холодная, но ясная, только в окрестностях Вены настигла меня ужасная буря, метель, и в снежном вихре притащился в трактир Белого быка, в комнату нетопленную. На другой день явился к Головкину и обедал у него. Он ласков, но имеет вид удивительно важный и совершенно министерский. Из разговора видно, что читал много и много помнит. Граф Каподистриа принял меня comme une ancienne connaissance [1], по словам его. Два утра я сидел у него. Мне по крайней мере очень приятно быть с ним, даже весело смотреть на человека, которому я без малейшей заслуги с моей стороны столько обязан. Кажется, и он видит меня с удовольствием благородной души, которая умеет наслаждаться добрым делом. Он едет скоро в Италию; надеюсь или найти или встретить его там. Из речей его я заметил, что Карамзины ему говорили обо мне с желанием быть мне полезными, что очень мне было приятно. Он об них часто говорит и поручил напомнить о себе, а я вам поручаю это. Прибавьте, что я на край Европы уношу в сердце моем признательность к сему почтенному семейству, которому обязан лучшими минутами в жизни моей. Целую руку Катерины Андреевны и прошу не забывать меня всякий раз, что она молится за обеднею о странствующих.

Здесь нашел русских: Малышева и Храповицких. Последние уже отправились в Италию. Сегодня бал, завтра бал, но я сижу дома. Утро брожу по городу и приготовляюсь к отъезду; ни денег, ни времени проживать не хочется. Путевые издержки меня разорили, и я вам очень обязан за червонцы, без них у меня недостало бы денег, я должен бы был прибегнуть к векселю, до которого не хочется прикасаться ранее Неаполя. Слугу переменю, возьму итальянца. Г. Головкин рекомендовал мне какого-то неаполитанца. Простите мне сии подробности. Вы

не потребуете от меня описания Вены, а того только, что я делаю. Пускай Никита вам хвалит или бранит ее, я не скажу ни слова: до сих пор мало знаю и, кроме высокой готической церкви, ничего не заметил. Библиотека заперта, теперь праздники, а в ней много любопытного и, между прочим, рукопись Тассова, которую хотелось бы мне увидеть. Был в опере «Танкред», оркестр удивительный, поют хорошо, но не так, как итальянцы. Здесь большие охотники до музыки: вся Вена поет, а на маленьком театре предместия какой-то актер мастерски передразнивал славную Каталанью.

Смотрю на часы: полночь. Простите, до завтрашнего утра. Что-нибудь еще прибавлю. В трактире моем все уже спит, тишина глубокая, я устал, по локоть руку исписал сегодня.

Надеюсь, что вы послали ящик с книгами в Одессу на имя доктора Луи или Сен-При. Если еще не послали, то поспешите. Там находится между прочим *в бумагу завернутый Альбом, в котором мои замечания об Ольвии*, Никита знает это. *При этой книге план и, помнится, другие записки*: если можно, отправьте ко мне это особенно *с верной оказией, если не в Неаполь*, то по крайней мере в Рим, но в Петербурге никому читать не давайте неконченого маранья, и писем моих никому не читайте, кроме Александра Ивановича, но в руки ему никогда не давать! У него две огромные руки. Я пишу все, что на ум приходит, а у вас теперь в Питере всякую строку пересуживают. Чай, который вы мне дали на дорогу, пропал совершенно. Коляска обрушилась сквозь лед в Перепети, быстрой реке близ Мозыря, и все, что я не успел вынуть, обмокло и обледенело. Если будет оказия, то пришлите мне фунта два чаю. *У Греча спросите книгу, что он издает для училищ, «Лексикон русской Академии» у Петра Иван. Соколова*, которому от меня низкий поклон прошу отдать. Адрес-календарь не нужен, притом, думаю, за границу запрещено посылать таки книги. Все это отправить чрез банкиров весною, когда растают *льды дыханием Фавона*, как говорит Державин. Сестрам от меня поклонитесь, маленькую поручаю особенно в вашу благосклонность. Просите Дружинина уведомить меня о брате и перешлите известие ко мне. Здоров ли он? Алешу обнимаю и прошу учиться, а главное дело вести себя хорошо и с некоторою важностию, приличною благородному человеку. Напомните Олениным, скажите Ал. Никол., что исполню его поручение в Риме как только могу, с возмож-

ным усердием и точностию. Гнедича просите писать ко мне, Жуковского обнимаю от всего сердца, а с ним и Плещеева. Михаила Сергеевича также, и прошу не забывать. Анне Ивановне скажите, что желаю ей здоровия и счастия и всем домашним. Зачем не взял я Зору? Теперь-то жалею о ней. Вчера она мне приснилась: добрый знак, если снам верить. Простите, буду писать из Венеции или Флоренции к вам, а к Никите из Рима, ибо он Римлянин душою. Обнимаю его, Сашу, любезного друга, и целую руку вашу. Будьте здоровы, тетушка, вот моя единственная молитва перед богом. Берегите себя для детей ваших и для меня, если я вам немного дорог. Простите, лист кругом исписал, и время отправлять письмо.

Софье Евстафьевне и Павлу Львовичу мое усердное почитание. Письмо б<арону> Бюлеру вручил и обедал у него; сегодня навещу его снова.

Если из Москвы есть ко мне посылки и письма и вы не отправили их в Вену, то отправьте прямо в Неаполь чрез Фуссадье, но попросите его, чтобы отправил с верной оказией.

---

[1] как старого знакомого (*фр.*).

381. КНЯЖЕВИЧАМ

<Начало января 1819. Вена>

Вчера забыли вы у меня ваши книги, которые при сем возвращаю. Прошу покорнейше вас, милостивые государи, не забывать меня и быть уверенными в искренней моей признательности за приязнь вашу, столь лестную для меня, во время пребывания моего в Вене. Прошу покорнейше напомнить обо мне его превосходительству г. барону Бюлеру и его почтеннейшему семейству; скажите, прошу вас, г. барону, что я уношу в сердце моем приятнейшее воспоминание его снисхождения и милостей. Прошу вас, вдобавок, если имя мое неизгладимо из памяти вашей, прислать мне в Неаполь Русские книги, о которых вас просил вчера, и приказать мне, милостивые государи, доставить вам, из Италии, книги или эстампы, и что заблагорассудите, в замену за Русские книги, редкие в той Земле, где буду жить, и для меня необходимые. Еще раз прошу не забывать преданного вам *К. Б.*

382. А. Н. ОЛЕНИНУ

Февраль 1819. Рим

Не требуйте от меня описание моего путешествия, еще менее описания Рима. Около двух недель, как я здесь, почтеннейший Алексей Николаевич, но насилу могу собраться написать к вам несколько строк. Сперва бродил, как угорелый, спешил все увидеть, все проглотить, ибо полагал, что пробуду немного дней. Но лихорадке угодно было остановить меня, и я остался еще на неделю. В три недели что можно здесь осмотреть? Назначаю места для будущего приезда. Сочиняю план на месте и, когда будет угодно судьбе привести меня сюда в другой или третий раз, что-нибудь напишу, не говорю — достойное Рима или вас, но не совершенно меня не достойное. Хвалить древность, восхищаться С<вятым> Петром, ругать и злословить итальянцев так легко, что даже и совестно. Скажу только, что одна прогулка в Риме, один взгляд на форум (в который я по уши влюбился) заплатят с избытком за все беспокойства долгого пути. Я всегда чувствовал мое невежество, всегда имел внутреннее сознание моих малых способностей, дурного воспитания, слабых познаний, но здесь ужаснулся. Один Рим может вылечить навеки от суетности самолюбия. Рим — книга: кто прочитает ее! Рим похож на сии гиероглифы, которыми исписаны его обелиски. Можно угадать нечто, всего не прочитаешь. Простите мне это маленькое предисловие: без него нельзя было отвечать вам на задачи ваши. Виделся с художниками. Доложите г<рафу> Николаю Петровичу, что вручил его письмо Канове и поклонился статуе Мира в его мастерской. Она — ее лучшее украшение. Долго я говорил с Кановою о г<рафе> Румянцове, и мы оба от чистого сердца пожелали ему долгоденствия и благоденствия. Воспитанник его подает хорошую надежду; он, по словам Кипренского, очень трудится, рисует беспрестанно и желает заплатить успехами дань должной признательности почтенному покровителю. Другие воспитан<ники> Академии ведут себя отлично хорошо и меня, кажется, полюбили. Я ласкаю их, первое — потому, что они соотечественники, а второе — потому, что люблю художества и вас. Щедрину заказываю картину: вид с паперти Жана Латранского. Если ему удастся

что-нибудь сделать хорошее, то это даст ему некоторую известность в Риме, особенно между Русскими, а меня несколько червонцев не разорят. С к<няземуот> Гагар<иным> я говорил о них: рассуждал *и так и этак*. Скажу вам решительно, что плата, им положенная, так мала, так ничтожна, что едва они могут содержать себя на приличной ноге. Здесь лакей, камердинер получает более. Художник не должен быть в изобилии, но и нищета ему опасна. Им не на что купить гипсу и нечем платить за натуру и модели. Дороговизна ужасная! Англичане наводнили Тоскану, Рим и Неаполь; в последнем еще дороже. Но и здесь втрое дороже нашего, если живешь в трактире, а домом едва ли не в полтора или два раза. Кипренский вам это засвидетельствует. Число четырех пенсионер столь мало, что нельзя и ожидать Академии великих успехов от четырех молодых людей. Болезни, обстоятельства, тысячи причин могут совратить их с пути или похитить от художеств: что я говорю, есть сущая правда. Желательно иметь более десяти в Риме. Из десяти два, три могут удаться. Россия имеет нужду в хороших артистах, нужду необходимую, особенно в архитекторах, и я от чистого сердца желаю, чтобы казна не пожалела денег. За ними нужен присмотр; им нужен наставник, путеводитель. Если бы вы отрядили профессора? Человека опытного, строгих нравов, хотя и не весьма искусного в художестве, что нужды! Министерство ими занимается в важных случаях; оно им покровительствует, но присмотру не имеет, ибо это не дело оного. При наставнике поведение будет правильнее. От большего сотоварищества родится соревнование, лучшая пружина трудолюбия и успехов. Вам доставят устав Франц<узской> акад<емии>. У ней не дом, а дворец. Желательно, чтобы наши имели только дом, кельи для ночлегу и хорошие мастерские; присмотр, пищу и эту беззаботливость, первое условие артиста с музою или музы с артистом. Впрочем, я говорю то, что чувствую, что видел на месте: издали все кажется иначе. Исполнил мой долг, уведомил вас о том, что здесь каждому известно: вы лучше знаете, что возможно и чего нельзя сделать. Моего письма никому не сообщайте, ибо я пишу только для вас, с обыкновенным чистосердечием и так, как мысли приходят в голову. Италинскому вручил вашу книгу и письмо. Он сам отвечать будет. Старец почтенный и добрый, уваженный всеми. Он знает Италию, как Отче наш, но можно ли его обременить новым

учреждением — не знаю. Если бы вздумалось что-нибудь основать в Риме, то лучшее средство отправить чиновника из Петербурга с хорошею инструкциею, сообразной с французскою; отмены можно сделать на месте. Учредя дом и все нужное для принятия десяти (или более) пенсионеров, чиновник сей мог бы их ожидать в Риме. Еще повторю: нужен добрый, заслуженный профессор, который бы умел постигнуть вполне свою обязанность и наставления ваши. Во Флоренции есть слепки со всего музея, и мне обещали доставить реестр ценам и статуям, который сообщу вам. Англ<ийский> двор и французский с позволения герцога Тосканского взяли сии слепки в недавнем времени. Здесь я видел собрание египетских статуй для двора баварского: по совести, они жалки, и учиться над ними нечего. Могут быть интересны для антикварии или для истории искусства, но для художника — нимало! Формы варварские! При избытке других статуй можно пожелать иметь и сии. Впрочем, не много пользы. Об Аристидовой статуе дам ответ из Неаполя, также о древнем оружии, в Помпее и Геркулануме найденном, т<о> есть об рисунках оружия. Все другие поручения касательно художеств исполню со временем. Важнейшее кончил. Забыл сказать несколько слов о Кипр<енском> и Матвееве. Первый еще не писал Аполлона и едва ли писать его станет, разве из упрямства. Но он делает честь России поведением и кистию: в нем-то надежда наша! Матвеев заслуживает наше уважение. Он человек старый и хворый, но в картинах его есть живость и огонь древнего Адама. Сорок лет прожил он в Риме и никакого понятия о России не имеет: часто говорит о ней, как о Китае, но зато набил руку и пишет водопады тивольские часто мастерски. На все есть время: его слава здесь полиняла. Я без предрассудков и любуюсь его картинами: в них много хорошего. Слава богу, что русский человек так пишет! Слава богу, что он заслужил внимание всех просвещенных путешественников и не умер с голоду в негостеприимной Италии. Ему, говорят, назначен пенсион государем; душевно этому радуюсь, ибо Матвеев скоро будет не в состоянии снискивать пропитание трудами. Торвальдсен гремит в Риме. Его Меркурий прелестен. Каммучини пишет прекрасные портреты (не всегда) и всегда серые картины, но зато рисует, как Егоров (и получше его), иногда сочиняет умно и с живостию, достойной римлянина. Basta! [1] Ни слова больше об искусствах!

Не мне судить о них; умничать — не мое — уже дело. Скажу вам только, что здесь полк Рафаэлов. Все немцы оделись Рафаэлами: отпустили себе волосы и надели черные бархатные шапки, черное полукафтанье и сандалие. На Рафаэла не похожи, а с головы на маймистов, что всего хуже; рисовать не умеют, ибо в Германии рисовать порядочно не учат. Подражают здесь Гольбейну и Перужини, а в скульптуре и архитектуре — средним векам. Зачем же было ехать в Рим? Чтобы ходить по Корсо в Рафаэловом платье, со свитком пергамента в руках. Иные из них имеют истинный талант и очень трудолюбивы; сии последние ходят просто, как мы, грешные. Но я сию минуту видел картины двух немецких художников: повесть Иосифа и примирился с ними. Прекрасно! Кончу мое марание. Вы видите, что я, не глядя на развлечение и болезнь, отпел вам все, что было на сердце. Бог весть, за что я прослыл у вас человеком неисправным? В отечестве никто пророком не бывал. К К<атерине> Ф<едоровне> писал, еще буду писать по приезде в Неаполь. Всем знакомым усердно кланяюсь и целую ручки у Лизаветы Марковны. Всему дому и Алексею Алексеевичу бью челом. Гг. Крылову, Ермолаеву и Гнедичу усердное почтение. Последний, надеюсь, писать будет. Пришлите мне русских книг и новостей, г. президент библиотеки, и скажите Сергею Семеновичу и Тургеневу, что я их задушу письмами из отечества Тассова. Простите! Здесь великий князь, ласковый к русским, и которого мы любим более здешнего солнца. Спешу поздравить его и министра с карнавалом, который начался дождем и кончился дракою и шумом. Мы здесь ходим посреди развалин и на развалинах. Самый карнавал есть развалина сатурналий. Но эти праздники так мне надоели от самой Венеции, что я желал бы видеть будни e l'alma tranquillita [2]. Она у вас вполне в Петербурге; пользуйтесь ею и не завидуйте нашему климату и чудесам искусства. Здесь зло ходит об руку с добром. Здесь все состарилось: и ум, и сердце, и душа человеческая. Но я не устану здесь вас любить и почитать. Слышу выстрелы во всех улицах, залп за залпом. Шум ужасный! Не пугайтесь: карнавал. У нас теперь на Руси катаются смирно с гор, играют в бостон и танцуют. Здесь более шуму, но не более веселья для иностранцев. Но здесь Колисей, который мне и во сне снится. Это лучший комментарий на римскую историю. *Конст. Батюшков.*

Великий князь заказывает картины Щедрину и работу

Крылову и Гальбергу: это им по сердцу. Кипренский подносит ему голову ангела, прелестную поистине, лучшее его произведение.

---

[1] Хватит! *(ит.)*
[2] и душевное спокойствие *(ит.)*.

383. А. И. ТУРГЕНЕВУ

24 марта 1819. Неаполь

Точно так, как Тиверий, которого остров пред моим окном, не знал, с чего начать послание свое к сенату,— так я, в волнении различных чувств, посреди забот и рассеяния, посреди визитов и счетов, при беспрерывном крике народа, покрывающего набережную, при звуке цепей преступников, при пении полишинелей, лазаронов и прачек, не знаю, не умею, с чего начать вам мое письмо. Пример Тиверия соблазнителен! Начну строгим выговором. Как можно забывать нас, бедных странников? Обещали писать и вы, и все друзья, и никто не сдержал данного слова. Должен полагать, что вы меня забыли. За то и вы не вправе требовать от меня длинного послания: некогда. Завтра еду в Террачину, а сегодня надобно объехать весь город, который длинен и неопрятен.

Каждый день народ волнами притекает в обширный Театр восхищаться музыкой Россини и усладительным пением своих сирен, между тем как Везувий, наш сосед, готовится к извержению; говорят, в Портичи и в окрестных местах колодцы начинают высыхать: знак, по словам наблюдателей, что вулкан станет работать. Прелестная земля! Здесь бывают землетрясения, наводнения, извержение Везувия, с горящей лавой и с пеплом; здесь бывают притом пожары, повальные болезни, горячка. Целые горы скрываются и горы выходят из моря; другие вдруг превращаются в огнедышащие. Здесь от болот или испарений земли волканической воздух заражается и рождает заразу: люди умирают — как мухи. Но зато здесь солнце вечное, пламенное, луна тихая и кроткая, и самый воздух, в котором таится смерть, благовонен и сладок! Все имеет свою выгодную сторону; Плиний погибает под пеплом, племянник описывает смерть дядюшки. На пепле вырастает славный виноград и сочные овощи...

Не дали мне кончить начатого письма. Сию минуту воротился из Гаэты, где расстался с Великим князем: с ним было расставаться грустно — как с Россиею. Мы

его здесь видели ежедневно, окруженного своими; мы к нему привыкли и сохраним навсегда в памяти нашей Его ласки и доброжелательство, мы, то есть двое или трое русских во всем Неаполе! Мои товарищи знают весь город. Я никого не знаю и брожу по улицам, как в лесу. К досаде моей, все покидают теперь Неаполь и спешат в Рим: граф де Бре, Серра-Каприола и все англичане, мои знакомые. В бытность В<еликого> к<нязя> я познакомился с Лагарпом, который бодр телом и духом. Он всходил на Везувий без помощи проводника и, к стыду нашему, опередил молодежь. Обращение его столько же просто, сколько ум тонок; он много знает, ибо все помнит. Здесь я познакомился с Капече-Латро, архиепископом Тарентским, ученым мужем и почтенным, который некогда играл важную роль в Королевстве, который и без чинов, и без места внушает уважение и любовь: у него собрание книг, медалей и картин. Скажите Уварову, чтобы он мне доставил экземпляр своих «Опытов о таинствах элевзинских» для сего почтенного старца: они будут в хороших руках. А мне, милостивый государь, пришлите чего-нибудь русского: новостей книжных, стихов и прозы. Стыдно Жуковскому, если он меня забудет. Здесь я часто говорил о нем с графом де-Бре, который Неаполь покидает с слезами на глазах: такие прелести имеет сей город! О Неаполе говорит Тасс в письме к какому-то кардиналу, что Неаполь ничего, кроме любезного и веселого, не производит. Не всегда весело! Не могу привыкнуть к шуму на улице, к уединению в комнате. Днем весело бродить по набережной, осененной померанцами в цвету, но ввечеру не худо посидеть с друзьями у доброго огня и говорить все, что на сердце. В некоторые лета это может быть нуждою для образованного, мыслящего существа. Как бы то ни было, надобно ко всему привыкать. Напомните обо мне Карамзиным. Скажите им, что в Баии мы вспоминали их с графом де-Бре посреди роз и развалин. На прелестнейшем берегу, окруженный тысячами воспоминаний, я буду писать к ним при первом удобном случае. Просите Пушкина именем Ариоста выслать мне свою поэму, исполненную красот и — надежды, если он сам возлюбит славу паче рассеяния. Карамзин говорил речь в Академии; не пропляшет ли чего-нибудь и Светлана? Что она поет теперь и на какой лад? Я получил от Дашкова письмо, в котором он вздыхает об отечестве. Будьте же счастливы там, друзья мои, и верьте, что вас люблю, люблю и буду любить.

Для свадьбы принцессы и для приезда императора готовятся здесь балы, праздники, гулянья. Здесь весна в полном цвете: миндальное дерево покрыто цветами, розы отцветают, и апельсины зрелые падают с ветвей на землю, усеянную цветами; но я принимаю слабое участие в пирах людей и природы: живу с книгами и думаю о вас.

384. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

1 апреля нов. с. <1819. Неаполь>

Полагаю, любезный друг, что ты узнала чрез К<атерину> Ф<едоровну>, что я прибыл благополучно в Неаполь, где надеялся получить от тебя известие, но к досаде моей ошибся. Сделай дружбу, уведомляй меня постоянно, раз в два месяца: это не затруднительно для тебя, а мне будет очень приятно, особливо если будешь писать с некоторым порядком. Можешь адресовать письма к К. Ф. или просить Гнедича, который вручит их г. Фусадье, служащему в Иностр<анной> коллегии, и который по дружбе своей не откажет переслать их в Неаполь. Пиши на тонкой бумаге, без конверта. Пиши обо всем обстоятельно. Первое, что делаешь сама, где ты и что намерена делать; второе, где Лизавета Ник<олаевна> и П<авел> А<лексеевич>, что они делают, здоровы ли? Здорова ли Варенька и А<ркадий> А<поллонович>; родила ли сестра и где живут теперь? уведомь об Алеше, как ведет себя. Потом о Юленьке и Помпее. Если он еще в пансионе московском, то проси моим именем Петра Ивановича не забыть его. Платят ли за него регулярно, и имеет ли все нужное? Бога ради, пекись об этом; все, что для него сделаешь, приму на свой счет, как благодеяние мне, а не ему. Кажется, по моему распоряжению за него платят денег достаточно. Я здесь не умру с голоду, лишь бы ему было хорошо, следственно, в сем случае моих доходов не жалей. Но, впрочем, старайся, милый друг, чтобы исправно деньги отсылаемы были к К. Ф., которая мне доставлять их будет, как заблагорассудит. Нуждаться здесь от неисправности людей моих досадно. Здесь я ни кредиту, ни знакомства не имею. Уведомь меня, где ты теперь находишься и долго ли пробудешь у тетушки. Старайся сестру отдать в монастырь или пансион, единственное средство доставить ей воспитание и даже убежище в случае недос-

татка, ибо на имение не должно надеяться: я знаю это на опыте. Внуши ей добрые нравы и прилежание, ибо она без желания отличиться ни себе, ни нам не может быть приятна. Надеюсь, что она заслужит любовь и благоволение тетушки. Научи ее вести себя осторожно и благородно.

Отпиши мне обо всем чистосердечно и подробно, прошу тебя, милый друг. О себе ничего сказать не могу. Жил в шуму по приезде Великого Князя, ездил беспрестанно за город. Теперь начинаю помышлять о моих финансах. Дорогой издержал много денег, ибо три коляски переменил. Здесь не знаю, что проживать буду, но менее десяти тысяч на наши деньги невозможно. Жизнь дешева, нельзя жаловаться. Прекрасный обед в трактире лучшем мы платим от двух до трех рублей, но издержки непредвидимые и экипаж очень дорого обходятся. Здесь иностранцев каждый долгом поставляет обсчитать, особенно на большой дороге. Как бы то ни было, надеюсь с помощию божией прожить без долгов и не нуждаясь; желаю только маленькие доходы мои получать вовремя. Здоровье мое изрядно. Зимою страдал от холоду и усталости. Теперь погода прелестная, такая, как у нас в июле до жаров. Из моих окон вид истинно чудесный: море, усеянное островами. Он рассевает мою грусть, ибо мне с приезду очень грустно. Говорят, что все иностранцы первые дни здесь грустят и скучают. Часто думаю о тебе, милый друг, и желаю тебе благополучия от искренней души. Надеюсь обнять тебя в счастливейшие для нас времена и надеюсь, что ты сохранишь меня в памяти своего сердца. Мы много с тобою перенесли горя, и это самое должно нас теснее связывать. Всякая дружба изменяется, кроме дружбы родства. Если я хоть немного дорог тебе, то имею право просить тебя не оставить крошку Помпея, не оставить значит иметь попечение о его воспитании. Чтобы его учили, кормили и одевали. Особенно две последние статьи! Будь здорова и не забывай меня. Уведомь сестер, что я здоров, и поклонись им, равно П<авлу> А<лексеевичу> и Ар<кадию> Апол<лоновичу>. Как идут дела наши по Даниловскому? Напомни обо мне И<вану> С<еменовичу>, от которого не имею ответа на мои письма. Еще раз, прошу тебя, пиши подробно все, что нужно мне знать, и обстоятельно, и *четко*, ибо ты пишешь, как курица. Устроила ли дворовых людей? Если Естюшка ведет себя хорошо, то не оставь его. Вели ему учиться грамоте и уверь, что его возьму к себе и когда-нибудь в чужие

краи, если он будет вести себя, как надлежит. Прости, кончу, и поручаю тебя святому Провидению, тебя, и сестер, и друзей.

385. Н. И. ГНЕДИЧУ

Май 1819. Неаполь

Благодарю тебя за несколько строк, коими ты наградил меня в письме Никиты. Не благодарю за упреки. По сю пору не писал к тебе, но виноват ли я? Ты живешь на месте, пишешь, когда вздумаешь, и отдаешь письмо в верные руки, а я должен искать оказии. В Неаполе еще сручнее, а дорогою? Когда писать? Кому вручить письмо? Вот тебе предисловие. Далее: не спрашивай у меня описания Италии. Это библиотека, музей древностей, земля, исполненная протекшего, земля удивительная, загадка непонятная. Никакой писатель (ниже́ Шаховской) не объяснит впечатлений Рима. Чудесный, единственный город в мире, он есть кладбище вселенной. И вся Италия, мой друг, столь же похожа на Европу, как Россия на Японию. Неаполь — истинно очаровательный по местоположению своему и совершенно отличный от городов верхней Италии. Весь город на улице, шум ужасный, волны народа. Не буду описывать тебе, где я был, но готов сказать, где не был. Не видал гробницы Виргилиевой: недостоин! Был раз в Студио: я не Дюпати и не Винкельман. Не видал Собачьей пещеры. И чем любоваться тут, скажите, добрые люди? Много и не видал, но зато два раза лазил на Везувий и все камни знаю наизусть в Помпеи. Чудесное, неизъяснимое зрелище, красноречивый прах! Вот все, что могу сказать тебе на сей раз. Новостей не спрашивай; у нас все по-старому: и солнце и люди. Но ваши новости для меня драгоценны. Уведомь меня хоть раз, что ты поделываешь, что пишешь и как устроил себя? Оставила ли тебе пенсию В<еликая> к<нягиня>? Какая внезапная потеря и для тебя, и для всех умных и добрых людей!

Поговорим теперь о делах наших. Продаются ли книги, и советуешь ли приготовить новое издание, исправленное? Не примусь за него прежде совершенного истребления первого. Прибавлю, исправлю. Только не ожидай, чтобы я написал что-нибудь об Италии. Без меня много писано. Пришли мне книги Броневского и Свиньина. Любопытно прочитать их на поле сражения; но полно, здесь ли они писали? Часто путешественники пишут воро-

тясь, дома. Один Глинка писывал на походе: обними его за меня очень крепко и скажи, что его люблю и вечно помнить буду. Здесь с Кушелевым, который жил о стену со мною, мы часто говорили о нашем милом русском офицере. Греко-российскому Крылову бью челом и прошу его фитолюбивную милость прислать мне новое издание басен. Скажи Поздняку, что я воспользуюсь первым удобным случаем, чтобы переслать ему виды Неаполя. Пришлю их с музыкою для к<нягини> Гагариной в Москву, которой ты доставишь через Жилбуаза. Увидишь Шиллинга, скажи ему, что он забыл меня, что ему должно быть немного совестно. Олениным кланяйся. Петр здесь. Видимся часто. Он едет в Марсель, кажется, здоров и бодр. Русских туча. Приезд императора был поводом к балам, концертам и гуляньям. Мы часто в мундиры облекаемся. Я рад глядеть на людей; дома, особливо одному, по вечерам грустно и скучно. Одно удовольствие — прогулка и этот Везувий, который весь в огне по ночам. Прости, милый друг! уведомь меня, как ведет себя Алеша, и заставь его написать ко мне длинное и чистосердечное письмо. Будь здоров и счастлив, мне пожелай здоровья, особенно груди моей, которую съедает воздух неаполитанкий; но пусть съедает лучше он и африканский ветер, нежели ваши морозы и сырая погода петербургская. Кончу мое маранье, до первого удобного случая. Будь счастлив. Salve [1]. Попроси сестру, чтобы не оставила Естифея, который мне служил изрядно. Пришли мне новостей, Бога ради, стихов, икры, и прозы, и кусочек «Сына Отечества». Я голоден и жажден.

Жаль мне бедного Пушкина! Не бывать ему хорошим офицером, а одним хорошим поэтом менее. Потеря ужасная для поэии! Perchè? [2] Скажи, бога ради.

---

[1] Будь здоров (*лат.*).
[2] Почему? (*ит.*)

386. С. С. УВАРОВУ

Май 1819. Неаполь

Спешу загладить мою вину, если можно молчание назвать виною. Часто принимался за перо, и сам не знаю, почему, отлагал. Но вчерашний день пробудил во мне голос совести и обезоружил лень мою, которая готова

была защищаться пред вами ложью и дурными силлогизмами, достойными академии, вы знаете какой. Я виделся с Г<рафом> Головкиным, который мне сообщил отчасти письмо ваше, достойное вас, почтеннейший Сергей Семенович. Мы читали его с удовольствием и поздравляли вас душевно с добрым началом. Кто вас знает, уважает, но кто вас знает коротко, как я, тот вас любит. Сколько причин желать вам успеха в добром, в святом деле! И как не желать от искреннего сердца успехов просвещению России, т<о> е<сть> половине обитаемого мира, которая без просвещения не может быть ни долго славна, ни долго счастлива. Ибо счастие и слава не в варварстве вопреки некоторым слепым умам, фабрикантам фраз и звездочетам. Такие вольные слепцы водятся не у нас одних, но повсюду. Напрасно наука их кормит, одевает, защищает от зла гражданского и от зла физического, они свое поют и будут петь; их не просветишь, не освятишь и не вылечишь. Благодаря Бога, не ими держится свет, и дела идут своим чередом. Добрый успевает делать добро, и вы тому пример. За то вам Провидение и посылает счастие, ибо я называю счастием возможность основать Университет в столице Петра. Помните ли, сколько раз я желал этого и сколько раз говорил об этом? Желание мое сбылось совершенно, тем более что это делается чрез вас. Я не видал проекта, но читал речь вашу во французском журнале, читал с истинным удовольствием. Без сомнения, расширяя круг учения, вы расширяете и круг просвещения; чрез десять лет мы благословим труды и имя ваше, ибо чрез десять лет зреет и образуется поколение. Новое в России почти всегда бывает лучше старого, наперекор Горацию: мы не совсем хороши, но едва ли не лучше отцов наших, а дети, может быть, достойнее будут нас. Если не современники, то по крайней мере дети, внуки отдадут вам должную справедливость. Мужайтесь! Славно быть блюстителем просвещения на обширнейшем поприще в мире, в столице, на которую Европа смотрит внимательными очами, в городе, где жил Эйлер, Шувалов, Ломоносов, Муравьев. Желаю вам успеха, и надеюсь, блистательного; желаю, чтобы Университет ваш сделался образцом для других, вянущих беспрестанно, и которые мало-помалу зарастают осокою, подобно храму Аонид, который я видел здесь недавно посреди других развалин. Я должен бы говорить вам о том, что делается здесь по части просвещения; к несчастию, мало знаю Неаполь: болезнь меня удерживает дома и здесь не покидает! Здесь была вручена его

Высочеству Михаилу Павловичу картина состояния учебных заведений в королевстве Обеих Сицилий, бумага любопытная для вас, по крайней мере, и которую вам, надеюсь, не откажется показать великий Князь. Когда лучше и подробнее узнаю Неаполь, тогда уведомлю вас, как идет здесь Университет, некогда знаменитый, и учение вообще. Но могу смело сказать, что искусства пошли назад, и даже самая музыка. Огромный, величественный С⟨ан⟩-Карло, говорят знатоки, гроб хорошей музыки. Здесь и дурную и хорошую начинают слушать с некоторым хладнокровием. Сие хладнокровие мы распространяем на все и научаемся стареться без славы и без наслаждений в земле славы и чудес. Какая земля! Верьте, она выше всех описаний — для того, кто любит историю, природу и поэзию; для того даже, кто жаден к грубым, чувственным наслаждениям, земля сия — рай небесный. Но ум, требующий пищи в настоящем, ум деятельный, здесь скоро завянет и погибнет. Сердце, живущее дружбой, замрет. Общество бесплодно, пусто. Найдете дома такие, как в Париже, у иностранцев, но живости, любезности французской не требуйте. Едва, едва найдешь человека, с которым обменяешься мыслями. От Европы мы отделены морями и стеною китайскою. M-me Stael сказала справедливо, что в Террачине кончится Европа. В среднем классе есть много умных людей, особенно между адвокатами, ученых, но они без кафедры немы, иностранцев не любят, и может быть, справедливо. В общество я заглядываю, как в маскарад; живу дома, с книгами; посещаю Помпею и берега залива — наставительные, как книги; страшусь только забыть русскую грамоту, и потому не теряю надежды быть со временем членом академии, вы догадываетесь какой. Кстати об академии: поздравляю любителей поэзии, следственно, и вас с прекрасными стихами Жуковского на смерть Королевы. Они сильны, исполнены чувствительности, одним словом — достойны сей славной женщины, столь рано у нас похищенной, достойны Жуковского и могут стать наряду с его лучшими произведениями. Но — воля его! можно пожелать более изобретения и менее повторений его же собственных стихов. Как бы то ни было, поздравляю его, обнимаю и радуюсь его новому успеху. Напомните обо мне милостивой государыне Катерине Алексеевне, которую я никогда не забуду, ибо уважаю от всего сердца, от всей души. Она всегда была ко мне благосклонна, за то и я сколько ей признателен. И вас, почтеннейший Сергей Семенович,

ношу в моем сердце со всем, что я оставил любезного в отечестве, которое, знает Провидение, когда увижу! Желаю вам счастия и семейству вашему: да Музы спасут вас и его от бед и горестей житейских, музы, одни богини, которые пережили весь Олимп и которые никогда не состареются, пока жив ум человеческий. Они присутствуют в доме вашем, с вами, в вас. Их молю, да сохранят вас для друзей, для России, если будете всегда трудиться для блага ее, для России, следственно, для всего человечества, часто опечаливаемого глупостию и злодейством. Несколько строк ваших докажут, что вы меня не забыли: буду ожидать их с нетерпением. Пришлите их с тем, что написали нового после моего отсутствия, и с книгою о Елейзисе, которую я обещал архиерею Капечелатро, мужу ученому, учтивому и достойному вашей дружбы. Кончу, ибо нет более места. Весь лист исписал кругом. Поручаю себя вашему дружеству и поручаю кланяться всем друзьям и знакомым. *К. Б.*

У нас были праздники, гулянья, балы. Теперь все разъезжаются. Завтра едет, к сожалению моему, граф Головкин.

387. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

24 мая 1819 г. Неаполь

Два письма ваши, почтенная и любезная тетушка, одно от марта 13 с. г. Миллером, другое от 28 марта с. г. курьером, имел удовольствие получить. Пользуюсь отъездом последнего, чтобы отвечать вам. Благодарю вас за приятные новости, благодарю за милости ваши сестрам и за то, что вы делаете для Юлии. Спокоен совершенно насчет ее, с тех пор что она у вас. Но прошу, любезная и милая тетушка, устроить ее совершенно и на будущее время, отдав в монастырь, как вы намерены сделать. Это убежище верное, и надеюсь, что покровительства своего не лишит Государыня, узнав, что вы ходатайствуете за сестру. Смею надеяться, что здоровье Александры Николаевны исправится в доме вашем. Мое плохо: свидетель тому курьер г. Гоффруа, который навестил меня не однажды. Страдаю две недели простудою и сижу дома. Мы ожидаем сюда нового министра, а мне досадно и на этот раз. Хвораю. Надеюсь, что лето избавит меня от этой простуды, а бани теплые в Искии с купаньем в морской воде на про-

хладном берегу Кастель-Амаро укрепят меня немного. Благодарю вас за известие о Павле Львовиче. Скажите ему, что душевно его и тетушку поздравляю и желаю ему дальнейшего успеха. Столь долговременная служба, беспорочная и усердная, заслуживает внимания Государя и награды. Г. Гоффруа не привез мне тысячи рублей, о которых изволите писать. Я не имею нужды в деньгах нимало. Но просил вас от Ливио кредитива на шесть тысяч рублей на дом здешнего банкира Фалконета. Сии деньги вы изволите заплатить из доходов моих, начиная с будущего сентября по 1 марта следующего года. В сентябре получите 3000, в марте столько же. Я просил и желал сего кредитива для того, чтобы в случае нужды иметь всегда деньги. Нельзя предвидеть обстоятельств. Может быть, принужден буду по службе ехать или сделать издержки необыкновенные. Вот зачем желал кредитива, который вам отпустит Ливио без сомнения. Здесь я мало-помалу устроился. Но, как ни ограничиваю издержки, не могу жить иначе, как проживая в месяц 150 дукатов или сереб. рублей, не считая платья. Нанял прекрасные комнаты у добрых людей, французов. С мебелями и со всем, что нужно, в виду моря, но на таком месте шумном, что насилу могу спать. Говорят, что к шуму можно приучиться, поверю, когда привыкну. Забыл еще сказать вам, говоря о деньгах, чтобы вы, любезная тетушка, никогда их с курьерами и с путешественниками не посылали. Их могут ограбить, что весьма часто бывает. Лучше посылать чрез банкира, он отвечает за всю сумму. Так делают все иностранцы. Приношу вам мою душевную признательность за взнос процентов в ломбард. По истечении года посылайте, прошу вас, счет моим издержкам в России, чем меня вы обяжете. Не имея многого, я должен приучить себя к некоторому порядку в делах. Верющее письмо на продажу имения сохраните у себя. Жаль мне моих добрых крестьян, сохраню их, доколе могу, и без нужды не решусь продать. Но прошу уведомить, если будут покупщики. Сестра пишет, что дела по опеке идут исправно, но мне жалко и досадно, что не удовлетворяют должников покойного батюшки, и я не вижу надежды, чтоб удовлетворили. Сохранить для детей имение мало, надобно сохранить и доброе имя: этого требует справедливость и даже самый здравый рассудок. Уведомьте г<рафиню> Панину, что я живу под одной крышей с сестрой ее Давыдовой и вижусь с ней часто. Она меня ласкает. Здесь было много русских, Воронцовы, Щербатовы. Последних видел каж-

дый день. Г<раф> Головкин отъезжает в Рим. Ожидали г<рафа> Каподистриа, но бог знает, проедет ли он через Неаполь. Для императора здесь даны были великолепные праздники. На одном из них я великолепно простудился.— Желал от вас других известий. Но, видно, желаниям моим не сбываться. Напрасно не решились вы путешествовать по России с братом. Ваше здоровье, милая тетушка, требует некоторых пожертвований от брата и от вас самих. Он же, я знаю, всегда готов последовать желанию вашему, следственно, вам с ним надобно бы было пожелать оставить Петербург на некоторое время. Надеюсь, по крайней мере, что вы переедете на дачу на лето. Знаю, сколько один воздух вам полезен бывает. Что делает милый Саша и помнит ли он меня? Заставьте его написать ко мне хоть раз. Обнимаю его и целую сто раз. Скажите Олениным, что здесь был Петр Алексеевич, он поздоровел, и бодр, и весел, но они лучше сделают, если не отзовут его прежде будущей весны. В Марселе у Дамаса ему хорошо, а один воздух ему полезнее всяких лекарств. Тем более нужно ему остаться, что он, по словам всех русских, слишком рано во Флоренции бросил и залечил заволоку. Недавно он на хорошем судне отправился во Францию, а здесь влюбился он в какую-то неаполитанку, которая ему подарила кольцо, о чем я долгом почитаю им отрапортовать. К Алексею Николаевичу буду писать с первой оказией. Сегодня не время. Курьер отправляется скоро, и я даже принужден кончить это ранее, нежели хотел.

Г. Гейдеке прошу от меня усердно покланяться и всем домашним, особенно Анне Ивановне и Сереже. Сестре А. Н. не успею написать сегодня, но скажите ей, почтенная тетушка, что я ее усердно обнимаю и Юлиньку также, которую поручаю в вашу благосклонность. Радуюсь душевно, что маленького брата, по желанию моему, перевезли к сестре. Ему там будет лучше без сомнения, и я за него спокойнее. Благодарю Никиту за коротенькое его письмо в слоге Тацитовом. Он забывает, что я уже не в Риме и ко мне можно писать пространнее и длинными периодами. Сожалею, что не могу послать теперь то, что для него приготовил, и благодарю за манускрипт об Ольвии, которым я, однако ж, теперь не воспользуюсь, давно отстал от этого предмета. Душевно обнимаю милого брата и прошу его не забывать меня на краю Европы. С Храповицким намереваюсь писать к нему. Просите его, чтоб он мне выслал Броневского и Свиньина об Италии,

лексикон русский Академии нашей и книгу Гречеву для училищ. Последняя мне также очень нужна. В замену я пришлю ему двадцать варьяций извержения Везувия.

Константин.

Зорку обнимаю, Барону свидетельствую свое почитание, и Зойке мой душевный поклон.

388. Н. М. КАРАМЗИНУ

24 мая 1819. Неаполь

Не знаю сам, что могло быть причиною моего молчания, почтеннейший Николай Михайлович. Верьте, что в каждом городе Италии я сбирался писать к Вам, но, полный мыслей и чувств, не мог написать ни одной строки. То, не имев случая отправить письма моего, я боялся, чтобы оно не состарелось в моем письменном столике, то, имев верный случай, не имел времени. Короче, не писал к Вам, будучи исполнен Вами, ибо не думайте, бога ради, чтобы виденное мною могло хотя немного изгладить из памяти моей друзей, оставленных в отечестве, и Вас, Катерину Андреевну, которую я столь же люблю, сколь уважаю. Ваши ласки и дружество глубоко запечатлены в моем сердце, которое здесь на чужой стороне отдыхает, помышляя о Вас. Здесь я, кажется, живее чувствую цену вашу и тех сладких минут, которые провел у Вас в Москве и Петербурге. Вы сами знаете опытом, что не в чужих краях делаются связи, украшающие жизнь; может быть, знаете и то, что не в Италии живут сердцем. Я угадывал это, покидая Россию и все, что имею драгоценного, и потому-то мне было так грустно с Вами расставаться. Никогда не забуду; с каким искренним, горячим чувством вы пожелали мне счастливого пути и благословили на добро и благополучие. Ваше желание сбылось: благополучно я приехал сюда, не ограбленный и довольно бодрый после утомительного путешествия в зимнее время, самое неприятное в Италии, где нет ни убежищ, ни каминов. Первые дни в Неаполе я провел со своими и очутился одиноким только по отъезде Великого князя. Четыре недели сряду посвятил на обозрение окрестностей Неаполя, любопытных во всех отношениях, единственных, несрав-

ненных. Четыре раза был в Помпее и два раза на Везувии: два места, которые заслуживают внимание самого нелюбопытного человека. Судьба, конечно, не без причины таила около двух тысяч лет под золой Везувия Помпею и вдруг открыла ее: это живой комментарий на историю и на поэтов римских. Каждый шаг открывает вам что-нибудь новое или поверяет старое: я, как невежда, но полный чувств, наслаждаюсь зрелищем сего кладбища целого города. Помпей не можно назвать развалинами, как обыкновенно называют остатки древности. Здесь не видите следов времени или разрушения; основания домов совершенно целы, недостает кровель. Вы ходите по улицам из одной в другую, мимо рядов колонн, красивых гробниц и стен, на коих живопись не утратила ни красоты, ни свежести. Форум, где множество храмов, два театра, огромный цирк, уцелели почти совершенно. Везувий еще дымится над городом и, кажется, грозит новою золою. Кругом виды живописные, море и повсюду воспоминания; здесь можно читать Плиния, Тацита и Виргилия и ощупью поверять музу истории и поэзии. Но с Везувия виды еще великолепнее. Мы наслаждались ими недавно большим обществом русских; с нами были Щербатовы, которые поручили Вам усердно кланяться. Везувий наш беспрестанно изменяется, как море или как мир политический. Он ужасен и пленителен. С г<рафом> де-Бре мы были в Баии; графиня скажет Вам, без сомнения, что мы говорили о Вас на мысе Мизенском и пили какое-то вино за Ваше здоровье на том месте, где римляне роскошничали, где Сенека писал, где жил Плиний и Цицерон философствовал: где лучше было вспомнить вас, нашего историка? Но прошу Вас сказать г<рафу> и графине де-Бре, что я всегда с новым удовольствием брожу по тем тропинкам, по коим ходил с ними в первый раз в жизни. Я им обязан лучшими моими знакомствами в Неаполе, где хорошее, приятное общество столь же редко, как худая погода и пасмурные дни. Все жалуются на общество, но все с радостью посещают наш город. Англичан здесь тучи: я живу окружен ими и лазаронами. Ныне, по приезде императора Австрийского, было очень шумно и, говорят, весело. Здесь, говорят, климат лечит закоренелые болезни: я до сих пор не испытал этого на себе и хвораю часто. Предвижу, что с насмешкою прочитаете мою вечную жалобу на здоровье. Я по крайней мере Вам, Катерине Андреевне, которой сто раз целую ручку, и всему семейству вашему от искреннего сердца желаю здравия, благо-

денствия и долгоденствия. Усердно кланяюсь любезным детям вашим и еще раз прошу не забывать преданнейшего вам из людей Константина Батюшкова.

P. S. Не в состоянии будучи послать вам красной погоды Неаполитанской, здешнего воздуха и плодов, посылаю с Г. Храповицким флорентинскую шляпу м<илостивой> г<осударыне> Катерине Андреевне, которую она получит, однако же, не прежде июля. Надеюсь, по крайней мере, что она будет доставлена исправно, неизмятою, неиспорченною. До сих пор не было верной оказии. Прошу вас покорнейше засвидетельствовать мое душевное почитание Ивану Ивановичу и усердно поклониться Вяземскому, который, пишут мне, сбирается путешествовать. Правда ли это? При сем прилагаю 18 тетрадей с музыкою, которые прошу вас отправить с первой оказией в Москву, жене кн⟨язя⟩ Андрея от моего имени, чем меня чувствительно обяжете. Это ex voto. Между тем советую Софии Николаевне воспользоваться этой музыкой; все отборные и новые арии, по крайней мере так меня здесь уверяли. Я ничего не смыслю в этом деле.

389. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

20 июня 1819 г. Неаполь

Между тем как Неаполь беспрестанно пустеет, иностранцы разъезжаются, и солнце становится нестерпимо, я хвораю, любезная тетушка; три недели сидел между четырех стен с раздутым горлом и имел время думать о вас. К нам приехал новый министр, г<раф> Стакельберг, принял меня учтиво и ласково и дал позволение отправиться в Искию пользоваться банями или теплицами. Туда же едет и ген. Храповицкий с семейством: добрые и ласковые люди, оттуда я на Кастель-Амаро перееду на три недели пить воды железные, если это все не поможет, то вооружусь Виргилием и по следам Энея стану отыскивать поля Элисейские, которые у нас в виду. Прах мой будет покоиться под тению дерев озера Фугарнского, обильного устрицами. По голубым водам его некогда станет разъезжать войнолюбивый Никита и при сиянии утреннего солнца увидит высокий курган. Сердце его забьется сильнее. Лодка его приблизится к берегу, с благоговением он вступит на оный. Не устрашит его ни серный запах, ни змей шипящий в глухой траве, ибо

сердце его не знает иного страха, кроме страха *испугаться*. Он увидит вблизи курган, составленный из черепков устриц, достойный памятник покойному. Под сими черепками найдет урну простую: на ней изваяние лиры, меча и тулупа, мои обыкновенные эмблемы. Сердце его погрузится в уныние несказанное, слезы потекут ручьями из черных очей, потупленных в землю. Он будет плакать с позволения Гомера, Виргилия, Тасса и самого Лукана, ибо их герои плакали, и в воспоминание мое съест полсотни устриц, ибо герои древние питались оными, и *паче* всех Филоктет на пустынном Лемносе. Покойся в мире или с миром, прах милого брата, воскликнет он, удаляясь от сего памятника, и эхо пустынного озера трижды (ибо всегда в Эпических поэмах Эхо повторяет три раза одни слова), трижды повторит: покойся с миром! с миром... под сими устрицами. Но когда же это случится? После дождика в четверг. Я вылечусь в Искии совершенно. Так уверяют меня жители Парасиолы и мой лекарь, а когда не верить им, то верить ли кому?

Теперь поговорим о деле. Г. Моцениго, отъезжая, объявил мне, что он должен заплатить Ливио в Петербурге 300 чер. голланд. и что мне выгодно будет получить их здесь в Неаполе, без утраты денег за пересылку, прямо от его банкира, Мерикофра. Я согласился на оное и вручил ему письмо к вам для пересылки в Петербург чрез Ливио, письмо следующего содержания.

Je prends la liberté de vous prier de vouloir bien remettre à M. Livio et C° à Petersb. 300 ducats d'Hollande, pris sur mes revenus annuels pour S. E. M. le comte de Mozenigo, avec lequel je me suis arrangé pour la dite somme. Veuillez bien, Madame, me transmettre aussitôt que vous aures terminé ce payement la reconaissanse de M. Livio, dont je ferai usage ici a Naples [1].

Итак, прошу вас, любезная тетушка, заплатить Ливио оные триста червонцев. В сентябре вы получите 3000 р.— половину моего дохода из деревни и деньги сии удержите за уплату Ливио по векселю Г. Моцениго, и расписку Ливио в получении оных денег немедленно доставьте ко мне чрез вернейшую оказию, дабы я мог предъявить ее банкиру Мерикофру, который заплатит мне, здесь в Неаполе, 300 червонцев. Половина доходу моего, т. е. 3000 составит без малого 300 черв. голланд⟨ских⟩, которые деньги вы возьмите себе, а что будет превышать по курсу 3000 р., то можете получить с меня, поставя мне на счет

или с деревень моих в другую половину года. Очень меня одолжите сим, почтенная тетушка, ибо я выиграю на промене, по крайней мере, ничего не потеряю, ибо деньги не пройдут сквозь руки банкиров, руки ненавистные, подобные двум огромным рукам, о которых пишет Жуковский pertinemment, on d'une manière pertinente [2], яко довлеет; но довлеет не выражает pertinemment. Глагол довлеет происходит от слова довольно; довольно есть корень слова довлеть и так далее. Вы видите, какие успехи я делаю в Неаполе. Верьте, что ворочусь отсюда ученым, грамотным и, может быть, здоровым. Гальяни боялся здесь поглупеть. Прочитайте, что он говорит о скуке, царствовавшей в Неаполе в его время. Теперь все переменилось, даже климат. Бывало грустно мне, но скучно не бывало до сего времени. Не едут мои книги из Одессы. Когда-то приедут, бог весть, вот отчего иногда скучно. Грустно бывает, ибо далеко жить от вас, редко получать известия, не знать, что вы делаете, здоровы ли вы, Никита, Саша, сестра, сестры, маленький брат и все друзья и добрые люди, это грустно, грустно, грустно, вы согласитесь со мной, что это не весело. Притом же со мной спорить не можно, car j'ai l'honneur d'être toujours d'un avis différent avec ceux, qui me font l'honneur de me parler [3]. Это заметили и здесь многие люди. Я знаю, что я не всегда прав, но знаю и то, что все ошибаются, начиная с Николая Михайловича, который очень часто сбивается с логической прямой линии. Сам Никита ваш иногда городит такую чепуху, что слушать больно. Кто ж не ошибается? Не знаю. Я, например, когда говорю вам, что вас люблю, милая тетушка, более всего на свете. Заставьте Лизавету Николаевну уведомить меня о брате, которого я, если бог даст, отдам или Феленбургу, или аббату Николя, это пусть останется между нами. Дай бог, чтобы он был здоров, и дела его по опеке не захворали. Что с Юлией сделали? Я спокоен на ее счет, боюсь только, чтоб она вам не наскучила. Очень обнимаю Сашу, Никиточку, целую и сестер, вашу ручку лобызаю. Любите меня, я стою того, я очень любезен: вы это знаете. Пришлите мне путешествия Свиньина и Броневского и новый российский словарь. Простите еще раз.

К. Б.

Где Северин, уведомьте меня, и что Тургенев делает? Он забыл меня.

Бога ради, просите сестру, чтобы она заставила учить-

ся грамоте Евстифея, если он будет вести себя хорошо, я возьму его, когда можно будет, с собою. Ils ne faut jamais dissiper de la jeunesse [4]. Я писал с курьером Жоффруа к вам, к Карамзиным, к Гнедичу, к сестрам, к Фуссадье, к Давыдову, к Сен-При. Получили ли эти письма?

У нас дожди, холод, ветер, прошу завидовать климату.

---

[1] Сударыня, я беру на себя смелость просить Вас передать г. Ливио и К[0] в Петербурге из моих ежегодных доходов 300 голландских червонцев для его превосходительства г. графа Моцениго, с которым я заключил сделку на эту сумму. Соизвольте, сударыня, выплатив эту сумму, переслать мне вексель г. Ливио, который я использую в Неаполе (*фр.*).

[2] убедительно или в надлежащей манере (*фр.*).

[3] поскольку я имею честь никогда не соглашаться с теми, кто удостаивает меня чести со мной разговаривать (*фр.*).

[4] Никогда не следует предаваться рассеянию в молодости (*фр.*).

390. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

1 июля н. с. 1819 г. Неаполь

Вчерашний день, то есть 30 июня, я получил, милая тетушка, письмо от г. Ливио, коим он уведомляет меня, что вы изволили ему дать тысячу р. для пересылки ко мне, полагаю, что это те деньги, о коих писали мне с курьером Жоффруа, и приношу вам за оные мою совершенную признательность. Деньги получены, их воротить уже невозможно. Но я вас, милая тетушка, просил о кредитиве для всякого случая. Ливио пишет, что доставит ко мне оный кредитив на Фалконета, когда получит всю сумму от вас. Я никак не полагал, что вам нужно будет внести ему, Ливио, наличные деньги для кредитива. Если бы знал сие обстоятельство, то не просил бы об этом. Тем более не полагал, что даже не хотел воспользоваться оным кредитивом, иначе как в крайней нужде, и для того, единственно, просил вас, милая тетушка, просить у Ливио бумагу, по которой бы я мог получать у Фалконета деньги, если захочу до некоторой суммы. Но сии Господа знают только свои расчеты, и мы беспрестанно на переводе теряем. Если Вы не внесли ему еще оной суммы, то, прошу вас покорнейше, и не вносить, а заплатить за графа Моцениго 300 червонцев голландских, которые он должен Ливио, взять с Ливио расписку и доставить мне немедленно с верной оказией. Оную расписку я предъявлю здесь банкирам Мерикофрам и получу от них на 300 чер. голландских по

курсу здешнему следующую сумму. Вас же прошу, милая тетушка, за сии 300 чер. взять половину моего дохода в сентябре из моей деревни. Вы меня крайне одолжите таким распоряжением, ибо избавите от платежа денег банкиру в Петербурге и банкиру в Неаполе Мерикофры, неаполитанские банкиры, немедленно по предъявлении расписки или квитанции Ливио на 300 чер. в уплату долга г. Моцениго вручат мне, как я уже сказал Вам, на оную сумму столько же здешних денег без вычетов за комиссию и пр., и пр., и пр. Надеюсь, что этим проживу до весны, получа жалованье и весной новые доходы с деревни моей. Болезнь меня немного расстроила и влечет за собою новые издержки, неприятные разумеется. На днях я покидаю Неаполь и еду в Искию, остров насупротив Мизимы, немного к северу от Неаполя. Там буду пользоваться теплыми водами, которые, говорят, иным очень вредны, иным очень полезны от ревматизмов. Здешние лекаря не большие охотники до этих вод, но я не охотник до здешних лекарей, между коими мало сведущих и честных. Там генерал Храповицкий с женою, и туда же отправляются многие путешественники и искатели здоровья. Из числа последних аз есмь. Впрочем, Иския жилище печальное; почти без тени, без прохлады, опалена солнцем и обвеяна Широкком, ветром полуденным, коего боятся неаполитанцы, как мы выбургского ветра летом. Он сильно действует на нервы, раздражает их и тревожит. Неаполь добыча всех ветров, и потому иногда бывает неприятен, особливо для новоприезжих. До сих пор не могу привыкнуть и к здешнему шуму, тем более что я живу в стороне города самой шумной, на краю S. Lucia у окон моих вечная ярмонка, стук, и вопли, и крики, а в полдень (когда все улицы здесь пустые, как у нас в полночь) плескание волн и ветер. Напротив меня множество трактиров и купанья морские. На улице едят и пьют, так как у вас на Крестовском, с тою только разницею, что если сложить шум всего Петербурга с шумом всей Москвы, то и тут еще это все ничего в сравнении со здешним. Чувствую, что вам бы это не понравилось ниже́ Никите. Но я не могу расстаться с этим местом, первое потому, что хозяйка француженка, комнаты мои веселы и чисты, и я один шаг от Сан-Карло (Сан-Карло есть скучнейший театр в целом мире), необходимого для нас. От меня близок Толедо, здешний Невский проспект, все лавки, дворец и гулянье. Сии выгоды заставляют меня предпочесть шум другим невыгодам. Где-то вы, милая тетушка, проводите лето, с кем и как?

В Петербурге или на даче? Как часто думаю о вас. Верно, чаще, нежели вы обо мне. В Неаполе, говорят, весело. Я давно веселья не знаю и в глаза. Одно удовольствие — книги. Но чтение меня утомляет, я уже не имею того внимания, с каким в старину мог читать даже и глупости. Осталась во мне еще какая-то жажда все знать, жажда, которую не в силах утолить. Все меня мучит, даже мое закоренелое невежество. Сколько времени потерянного! Но вечера здесь для меня очень бывают скучны. Общество здесь не по мне вовсе. Не с кем обменяться мыслями, не только чувствами. Иностранцы говорят о Везувии, здешние жители о Сан-Карло и Корси. Здесь не любят с жаром искусства, науки, но все веселы, бегают, кричат, поют. И это имеет свою прелесть. Всякий счастлив посвоему, и всякий до черного дня наслаждается: они правы. Обнимаю милого брата Никиту, который, кажется, меня вовсе забыл: не пишет ни строчки. С первой оказией пошлю ему Везувий с дымом. Жаль, что не могу послать землетрясения. У нас тут недавно было: близ Мессины в Сорренто. Земля зевнула ужасным образом: это бы ему очень понравилось, не правда ли, милая тетушка: он любит все необыкновенное. Милого Сашу обнимаю от всего сердца и прошу меня любить очень много, как я его люблю. Здорова ли сестра Александра Николаевна и у вас ли еще, любезная тетушка? Я желал бы знать, что она у вас. Что сделали вы с Юлией, уведомьте меня и, бога ради, пишите ко мне чаще. Одно утешение, одно живое удовольствие — получать от вас письма и писать к вам. Кажется, я пишу часто, даже боюсь наскучить вам моими письмами. Целую ручку вашу и прошу еще раз не забывать преданного вам

Константина.

Здоров ли Александр Иванович и что он поделывает? Уведомьте меня, бога ради. Сам он ко мне не пишет, или лень или хлопоты.

391. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

Остров Иския. 19 июля н. с. 1819

Вчерашний день я получил, любезная тетушка, письмо от г. Ливио от 16 мая, не знаю какого стиля, ибо не выставлено. Он извещает меня, что Вы изволили ему

внести за меня 3000 р., за которую сумму он посылает мне кредитив на Фалконета в Неаполь. Вот его собственные слова: Vous trouverez sous ce pli une lettre de crédit de F 3000 dirigeé sur Messieurs Falconnet et C. à Naples, en contreposition de laquelle M. de Mouravieff nous a compté R. 3000. Nous nouz reservons de vous bonifier la différence qui pourra en résulter en Votre faveur après la lettre de crédit sera épuiseé, les variations continuelles de nos changes ne nous permettent point de la fixer dès a présent [1]. Я объявил мой кредитив Фалконету и получил следующую сумму (или вексель на 3000 франков монетою неаполитанскою). По получении моей расписки в 3000 франков г. Ливио обязывается выслать мне то, что следует лишнего по курсу, ибо франк менее рубля, как всем известно. Но желаю знать, какое право имеет г. Ливио назначать мне сумму по тому или другому курсу, а не по такому курсу именно, который существовал в тот день, в который вы ему внесли 3000 руб. асс.? Может быть, я чрез это потеряю. Справьтесь, милая тетушка, и узнайте истину, не хочу обвинять Ливио, но он, кажется мне, не совершенно прав, тем более не прав, что господин Фалконет сам удивился, когда я ему прочитал письмо Ливио, и обещал написать к нему, что я желаю, чтобы он означил именно то, что мне приходит *лишнего* по курсу. С банкиром не должно ссориться, ибо каждый день в нем можем иметь нужду, но обсчитывать себя давать не должно: а мне еще более, чем другому после потерь всякого рода в течение сих годов. Далее скажу вам, что Ливио вовсе не так сделал, как я желал. Я надеялся, что он даст прямо ограниченный кредит на 6000 и мог бы дать еще более за поручительством вашим. Фалконет стал бы отпускать по оному деньги, *сколько потребую*, и уведомлять Ливио, а Ливий вычел бы что следует полупроцентов за комиссию и суммы получил с вас. Но ему заблагорассудилось взять деньги с вас вперед, а потом еще предоставить себе право назначать курс на франки, à volonté [2], что, кажется мне, совершенно несправедливо! Я получил сполна. Как сказано выше, за всю сумму 3000 ф. неап. деньгами, что следует по здешнему курсу от Фалконета, и у него же оставил сию сумму в руках, приобща и к двум другим небольшим суммам, которые он мне был должен. Я беру у него, когда мои карманные деньги выходят, беру furet mesure [3], ибо у себя не держу денег, следственно, кредит на Фалконета не существует, исчерпан; ибо обращен в вексель на мое имя или в расписку. Следственно, он, Ливио, должен мне немед-

ленно выслать излишек, происходящий от обмена рублей на франки. Спрашивается теперь: по какому курсу должен он назначить обмен, по тому ли курсу, который существовал в тот день, в который вы ему внесли 3000 рублей или по тому, который он по воле своей назначит, ибо он говорит: Nous nous reservons и пр., но почему же: le varitions continuelles de nos changes ne nous permettent pas point de le fixer des à present [4]. Мне кажется, что он должен назначить с того дня, в который вы ему внесли деньги, если этот курс на франки был для меня выгоден, то можно на этом настоять. Впрочем, посоветуйтесь для сего дела с Ник. Ив. Тургеневым, которому эту безделку как на бобах развести. И карман и самолюбие мое страдает, когда меня обсчитывают. Знаю, что воюю за безделку, но эта безделка больнее важной суммы. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь, не спорю, но пусть докажут! e con arguta e pertinace eloquenza [5], иначе не соглашуся. Я знаю без доказательств, что Ливио любит деньги с нежностью, и что зоркие глаза его видят и великое и бесконечно малое, что у него, подобно всем банкирам, две огромные руки. Но повторю еще раз: явно ссориться не должно, тем более что его кредит здесь в великой силе, что он может мне повредить у Фалконета, ибо с ним лучше хотят иметь дело, нежели с другими петерб<ургскими> банкирами здешние неаполитанцы. Теперь повторю вам, что я просил вас еще, любезная тетушка, внести за г. Моцениго 300 черв. голланд. банкиру Ливио, которые деньги я получу здесь по предъявлении расписки Ливио, я чрез этот оборот выиграю без сомнения. Если вы решились исполнить по моей просьбе, если имели на то свободные деньги, то меня очень обязали тем, любезная тетушка. Теперь приступим к нашему расчету. 1^e. За 3000 франков или за 3000 рублей по кредиту Ливио от 16 мая, за который я получил что следует от Фалконета. 2. За 3000 червонцев голл., по курсу, которые составят 3000 рубл. и более, вы, любезная тетушка, удержите мои доходы, а если чего недостает, то уведомьте. В октябре и в марте назначены сроки оброка по 3000 р., что и составит 6000, без малого то, что изволили прислать, и то, что внесете за г. Моцениго. Если же Ливио не захочет уплаты по долгу г. Моцениго (ибо сей последний полагает, что сумму сию получил Ливио из коллегии Иностр. дел), или вы не заблагорассудите согласиться на мою просьбу, или потому, что не найдете ее основательной, или потому, что у вас не случится свободных денег: то в марте будущего года имеете

отправить ко мне 3000 р. моего дохода, купя вексель на мое имя на Амстердам или Париж чрез г. Фусадье (который, надеюсь, не откажется оказать мне сию услугу) или чрез кого угодно. Оный вексель отправите ко мне по почте или с вернейшей оказией и, что всего лучше, чрез г. Фусадье. Я его здесь сам продам банкирам, как продал векселя Иностр. Кол., и это для меня выгоднее будет, нежели иметь дело с Ливио, с которым ничего выиграть не можно. Конча дело по уплате векселя г. Моцениго и получа от него расписку, признаюсь, не желаю с ним иметь сношений. Не затеряйте это письмо, нужное для моих счетов, и простите меня великодушно, милая тетушка, что я начал скучною материею для вас и только в конце целую ручку вашу, которая печется обо мне на краю Европы, даже и не в Европе, в Искии, на маленьком острову, где я принужден жить для моего здоровья. Купаюсь в минеральных водах. С Храповицким буду писать подробнее обо всем, что придет в голову. Обнимаю милого Никиту, который забыл меня, и Сашу, которого не забываю. Что делают сестры. Я к ним пишу, но не имею ответа. Уведомьте меня, где Северин? Мне надобно к нему писать, не знаю как адресовать. Если он в Петербурге, то напомните ему обо мне. Алекс. Ивановичу усердно кланяюсь. К Жуковскому, к Никите пишу с Храповицким. Простите, радуйтесь, что я не потонул. Вчера море было так бурно, я принужден был ехать в Неаполь на маленьком судне, просто на лодке. Буря застала меня у мыса Мезенского, где потонул некогда флот Неронов, что лучше моего знает ваш Никита. Как грустно так долго ожидать ответа на письма мои. Можно поседеть до ответа. Пишите ко мне, милая тетушка, не дожидаясь моих писем, равно как я пишу, не дожидаясь ваших: это единственный способ получать чаще известия.

Я думаю, что это письмо буду принужден послать по почте, а вы, милая тетушка, заплатите за почту.

---

[1] В этом отправлении вы найдете вексель на 3000 франков на имя господ Фальконета и К^0 в Неаполе. При его составлении г-жа Муравьева внесла нам 3000 рублей. Мы оставляем за собой возмещение Вам разницы по обменному курсу после того, как вексель будет исчерпан. Постоянные колебания курсов не дают нам возможности определить сумму в настоящее время (*фр.*).

[2] по собственному желанию (*фр.*).

[3] постепенно (*фр.*).

[4] Мы оставляем за собой... постоянные колебания курсов не дают нам возможности определить сумму в настоящее время (*фр.*).

[5] красноречиво, остро и убедительно (*ит.*).

392. В. А. ЖУКОВСКОМУ

1 августа 1819. Иския

Начну письмо мое, по обыкновению, упреками за то, что ты меня забыл совершенно, милый друг. Я пишу беспрестанно к Тургеневу, пишу ко всем, иногда получаю (очень редко!) ответы, но к досаде моей, от тебя не имею ни строки. Думаешь ли, милый друг, легко быть забытым тобою? Сам Тургенев пишет так мало и несвязно, что из гиероглифов его я вижу одно желание сказать: я жив, то есть будь здоров, как я, и потом бог с тобою! Иногда он забывает примолвить что-нибудь о тебе, а пишет ко мне в Неаполь о делах, для меня совершенно нелюбопытных. Но сердце мое невольно радуется, когда имею от него известие, и день, в который получу письмо из России, есть лучший из моих дней. Суди после этого, хорошо ли тебе забывать меня? Уведомь меня о твоих занятиях: что начал нового, что кончил? И отсюда я следую за тобою, желая счастливого пути твоему таланту, иди, одна мольба: не упреди! Но ты иногда шагаешь исполином и всех опережаешь, между тем как я здесь, милый друг, в страхе забыть язык отечественный! — совершенно без книг русских, и по нынешнему образу занятий моих не часто заглядываю в две или три книги русские, которые ненароком взял с собою. Вижу по всему, что могу умереть скорее членом Английского клуба, нежели русской Академии, и что не заслужу места в статье биографии «Вестника Европы» или «Русского Вестника», ибо ничего не *написахум* похвального, и достодолжного, и преподобного.

Надобно тебе сказать несколько слов о себе. Я не в Неаполе, а на острове Искии, в виду Неаполя; купаюсь в минеральных водах, которые сильнее Липецких; пью минеральные воды, дышу волканическим воздухом, питаюсь смоквами, пекусь на солнце, прогуливаюсь под виноградными аллеями (или омеками) при веянии африканского ветра, и что всего лучше, наслаждаюсь великолепнейшим зрелищем в мире: предо мною в отдалении Сорренто — колыбель того человека, которому я обязан лучшими наслаждениями в жизни; потом Везувий, который ночью извергает тихое пламя, подобное факелу; высоты Неаполя, увенчанные замками; потом Кумы, где странствовал Эней, или Виргилий; Баия, теперь печальная, не́когда роскошная; Мизена, Пуццоли

и в конце горизонта — гряды гор, отделяющих Кампанию от Абруцо и Апулии. Этим не граничится вид с моей террасы: если обращу взоры к стороне северной, то увижу Гаэту, вершины Террачины и весь берег, протягивающийся к Риму и исчезающий в синеве Тирренского моря. С гор сего острова предо мною, как на ладони, остров Прочида; к югу — Капри, где жил злой Тиверий (злой Тиверий: эпитет Шаликова); острова Вентонские к северу и остров Понца, где, по словам антиквариев (не сказывай этого Капнисту), обитала Цирцея. Ночью небо покрывается удивительным сиянием; Млечный Путь здесь в ином виде, несравненно яснее. В стороне Рима из моря выходит страшная комета, о которой мы мало заботимся. Такие картины пристыдили бы твое воображение. Природа — великий поэт, и я радуюсь, что нахожу в сердце моем чувство для сих великих зрелищ; к несчастию, никогда не найду сил выразить то, что чувствую: для этого нужен ваш талант. Но воспоминания всяких родов дают несказанную прелесть сему краю и приносят даже более удовольствия сердцу, нежели красоты видов. Посреди сих чудес, удивись перемене, которая во мне сделалась, я вовсе не могу писать стихов. Г<раф> Хвостов сказывал мне однажды, что три года был в таком положении; но зато могу сказать с покойным к<нязем> Борисом, что пишу на прозах довольно часто. Я никогда не был так прилежен. К несчастию, и я не могу говорить об этом без внутреннего негодования, здоровье мое ветшает беспрестанно: ни солнце, ни воды минеральные, ни самая строгая диэта, ничто его не может исправить: оно, кажется, для меня погибло невозвратно. И грудь моя, которая меня до сих пор очень редко мучила, совершенно отказывается. Италия мне не помогает: здесь умираю от холоду, что же со мною будет на севере? Не смею и думать о возвращении. По приезде моем жарко принялся за язык италиянский, на котором очень трудно говорить с некоторою приятностию и правильностию нам, иностранцам. Но это для меня было бы не бесполезно, почти необходимо во всех отношениях; я хочу короче познакомиться с этою землею, которая для меня во всех отношениях становится час от часу любопытнее. Для самой пользы службы надобно узнать язык земли, в которой живешь. Вот почему все внимание устремил на язык италиянский и, верно, добьюсь если не говорить, то по крайней мере писать на нем. Между тем, чтобы не вовсе забыть своего (ибо по-русски возможно сочинять

исправно, как говорит Хвостов), я пишу мои записки о древностях окрестностей Неаполя, которые прочитаем когда-нибудь вместе. Я ограничил себя, сколько мог, одними древностями и первыми впечатлениями предметов; все, что критика, изыскание, оставляю, но не без чтения. Иногда для одной строки надобно пробежать книгу, часто скучную и пустую. Впрочем, это все маранье; когда-нибудь послужит этот труд, ибо труд, я уверен в этом, никогда не потерян. Итак, все дни мои заняты совершенно. В обществе живу мало, даже мало в него заглядываю, кроме того, которое обязан видеть. Театр для меня не существует, и я в Неаполе не сделался неаполитанцем: вот моя история, милый друг. Если прибавить, что я совершенно доволен моею участию, без роскоши, но выше нужды, ничего не желаю в мире, имею или питаю, по крайней мере, надежду возвратиться в отечество, обнять вас и быть еще полезным гражданином: это меня поддерживает в часы уныния. Здесь, на чужбине, надобно иметь некоторую силу душевную, чтобы не унывать в совершенном одиночестве. Друзей дает случай, их дает время. Таких, какие у меня на севере, не найду, не наживу здесь. Впрочем, это и лучше! Какое удовольствие, вставая поутру, сказать в сердце своем: я здесь всех люблю равно, т<о> е<сть> ни к кому не привязан и ни за кого не страдаю. Я зато ближе к моим книгам, которых число увеличиваю часто поневоле. Прости, милый друг, сии подробности, которые я стараюсь извинить перед собою чувством моей к тебе дружбы и разлукою. Скажи Карамзиным (и себе), что я часто об них думаю и отдал бы все прекрасное за один вечер, проведенный с ними. Это письмо я поручаю М. Е. Храповицкому, почтенному и доброму человеку, некогда моему начальнику, которого супруга берет на себя труд доставить из Флоренции шляпу Катерине Андреевне. Она может мне заплатить за нее, если угодно, чаем и «Сыном Отечества» или русскими книгами, из числа коих не исключаю трудов русской Академии. Ты, верно, пишешь к Дмитриеву; напомни ему обо мне: это дело еще поручаю твоей дружбе вместе с другими, а именно — уведомить меня о Северине, который не отвечает на мои многие письма. Я по совести о нем беспокоюсь: или он забыл меня, разлюбил, или нездоров. Надеюсь, что время если не вылечило (ибо время не лекарь великих несчастий), то по крайней мере облегчило его грусть, и он вспомнил, что есть в мире сердца, ему преданные. Скажи Н. И. Тургеневу, что я его душев-

но уважаю и чтоб он не думал, что я варвар: скажи ему, что я купался в Тибре и ходил по форуму Рима, нимало не краснея, что здесь я читаю Тацита и Жианони. Александра Ивановича обнимаю от всей моей великой души: я знаю, что он любит во мне все; даже и мое варварство, ибо он угадывает, что я не варвар. Вяземскому скажи, что я не забуду его, как счастие моей жизни: он будет вечно в моем сердце, вместе с тобою, мой жук. Прошу тебя писать ко мне: чего тебе стоит, когда ты имеешь время писать ко всем фрейлинам, и еще время переводить какого-то базельского Пиндара на какие-то пятистопные стихи, и со всем этим — писать еще, как Жуковский! Будь здоров, мое сокровище. Не забывай меня в земле льдов и снегов и добрых людей; я помню тебя в земле землетрясений и в свидетельство беру М. Е. Храповицкого, которому завидую: он увидит отечество и тебя. Прости.

393. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

<Осень 1819 г. Неаполь>

Я немного замедлил отвечать вам на письмо ваше, любезная тетушка, от 8 мая, писанное накануне вашего отъезда. Знаю, что вы благополучно прибыли в Одессу ибо г. Сен-При меня об этом уведомил, но теперь еще нахожусь в некотором беспокойствии об остальном путешествии вашем и возвратном пути в Петербург в осеннее время. Желаю душевно, чтобы время вам благоприятствовало: впрочем, надеюсь, что вам не было скучно и вы были в каретах ваших как дома. Радуюсь душевно, что вы, наконец, предприняли прокатиться, и уверен, что перемена воздуха, земель и образа жизни будет вам полезнее лекарств и советов Симпсона. Сколько должен вас благодарить за попечение ваше о сестрах, за то, что вы, милая тетушка, сделали для Юлии. Я теперь совершенно спокоен, когда об ней помышляю, она в убежище. Положение маленького брата меня часто сокрушает. Не думаю, чтоб ему было очень хорошо в его пансионе, и не знаю, что придумать для него лучше. Так-то трудно у нас дать приличное воспитание. Я уверен, что путешествие было полезно Александре Николаевне, и желаю душевно для нее, чтобы она у вас прожила подолее, если присутствие ее вам может быть приятно. Нет человека, который бы вам столько был предан, сколько она, и

который бы чувствовал столь сильно и глубоко все, что делаете вы и для нее и для всех вообще.— О себе вам скажу, почтенная тетушка, что я возвратился из Искии в Неаполь. Здоровье мое поправилось после минеральных бань, и желаю только, чтобы это продолжалось. Я уже писал к вам о прибытии нашего нового министра, который ко мне довольно благосклонен и хорошо расположен, по-видимому. Я, с моей стороны, ничего не хочу упустить, чтобы заслужить его уважение для меня лестное. Теперь за отсутствием моего товарища он иногда заставляет меня работать. Впрочем, Неаполь, к которому я мало-помалу привыкаю, точно такой, каким я его оставил. Еще балы не начались и даже театры по случаю поста в память св. Януария были заперты. Их заменили концерты, которые не всегда удачны. Поверите ли, что здесь, в отечестве музыки, перевелись хорошие голоса. Может быть, потому что обширный театр С. Карло их в скором времени разоряет. Я уже уведомил вас, из Искии, что получил за 3000 р., отправленных вами чрез Ливио 3000 франков, остальное, что причтется, он хотел доставить, но до сих пор я еще не имею известия. Впрочем, не могу постигнуть моей нематематической головой, какое право имеет банкир ожидать для перевода денег в Неаполь выгоднейшего для него курса? Я писал к Вам и к нему о заплате за г<рафа> Моцениго 300 червонцев голландских, которые деньги я мог бы получить здесь прямо: но это, как уже вам известно из писем моих, совершенно предоставляю на ваше благоизволение и мудрость. Я теперь вовсе не нуждаюсь в деньгах и прошу вас, почтенная тетушка, пересылать ко мне один оброк, а не из вашего кошелька. Если бы имел нужду, то прибегнул бы к вам без стыда, ибо, кроме вас, кто мне поможет? Но теперь богат, и мой домашний доход с жалованьем весьма достаточны для моих умеренных расходов, не превышающих в течение года моих доходов. Если бы я был здоров, то был бы еще богаче: часто принужден тратить деньги на лекарства и на лекарей, которые здесь очень похожи на Мольеровых. Кстати о Мольере, я становлюсь похож на мещанина во дворянстве: у меня два учителя, один набивает мне в голову латынь, другой учит по-итальянски; успехи мои медленны, как вы сами посудить можете, но это меня не пугает. Сделайте одолжение, скажите А. Н. Оленину, что его Щедрин живет у меня и колотит деньгу; что он ведет себя прекрасно и, наперекор русским художникам, *довольно прилежен*; но недоволь-

но любопытен и деятелен. Вы видите, я говорю правду президенту, доброе и худое. Князь Голицын ему заказал две картины, граф Стакельберг заказывает еще две. Теперь начинает он писать для великого князя и только что кончил вид из наших окон на набережную S. Lucia — любимое место лазаронов. Картины его хороши, но еще далеки от того совершенства, до коего он со временем достигнет, ибо в нем есть талант. Надеюсь, что картины для великого князя будут лучшие, ибо он теперь получил более навыки и понимает красоты Неаполя, красоты единственные, ибо нет в мире города прелестнее нашего — по местоположению. Прошу сообщить это А<лексею> Н<иколаевич>у при засвидетельствовании моего усердного почитания.— Но пожалейте обо мне. Книги мои, бедные книги? до сих пор не едут; даже в Одессу не явились еще. И мой красный портфель с ними странствует. У меня, кроме библии, ни одной книги русской нет — даже нет сочинений М<ихаила> Н<икитича>. Пришлите их, когда выйдут из печати. К. А. Карамзиной я отправил шляпу и надеюсь, что она ее получила от Храповицких. Но до сих пор не могу найти удобный случай переслать собрание видов неаполитанских, на которые я потратил много денег без пользы. Я их назначал Никите, а они лежат в моем столике. Скажите брату, что я писал к нему с Бергом, его товарищем, с ним же отправил письмо к Павлу Львовичу и Дружинину, которого вы, без сомнения, видели в Москве. Уведомьте меня, как поживает И<ван> М<атвеевич> в деревне своей. Я надеюсь, что вы меня иногда вспоминаете. Как вы счастливы, думаю иногда, будучи окружены людьми, которые вам столько обязаны, которые вас любят; но вы не чувствуете вашего благополучия. Привычка обрезывает крылья у наслаждения. Прошу усерднейше обнять Сашу, который выше меня головою. К Никите писал. Целую ручку вашу сто раз и прошу ее немедленно отвечать на это письмо аргументально. Простите. Кончу письмо в самую полночь.

К. Б.

Сделайте милость, внесите А. И. Тургеневу немедленно 25 рублей, которые я просил его вручить С. А. Храповицкой за покупку во Флоренции шляпки К. А. Карамзиной. Оброк 3000 рублей и еще 550 от И. С. Батюшкова прошу удержать у себя, милая тетушка, за деньги, которые мне переслали. Надеюсь, что вы их уже получили от

моего старосты деревенского. Уведомьте меня, прошу вас.

P. S. Сию минуту получил чрез Г. Италинского известие о кончине Давыдовой. Потеря важная для семейства и г<рафа> Орлова. Я, с моей стороны, о ней искренне жалею.

394. А. И. ТУРГЕНЕВУ

Неаполь 3 октября н. с. 1819

Письмо ваше, почтеннейший Александр Иванович, я получил в Искии, где купался в минеральных водах. Воды сии уничтожили во мне некоторые болезни и произвели другие, между прочими болезнь отвечать месяц спустя на письма ваши. Этой болезни бываете подвержены и вы: о других приятелях и говорить нечего. Все меня забыли, и если бы я не знал, что живу в вашей памяти или в сердце (что у вас все равно), то, право, умер бы с тоски. Мое удовольствие думать о вас, и я часто думаю, с тех пор как перестаю мыслить под небом нашего полудня. Между прочим, я думаю, что вам не легко будет выучиться по-итальянски,— если только серьезно учиться хотите. Этот язык один из труднейших в Европе; он удивительно богат, ибо может беспрестанно обогащаться латинским. Я перестал говорить на нем с тех пор, как я в Италии, хотя учусь беспрестанно. Не говорю, потому что совестно говорить худо, а говорить худо очень легко, тот язык, которым говорят здесь наши любезные соотечественники и англичане, более похож на lingua *franca* [1], нежели на язык Бокаччио и Гольдони, т. е. похож на тот язык Условный, который в употреблении на островах Греции, в Малой Азии и на галерах алжирцев.

Я писал с г. Храповицким к Жуковскому, и послал К. А. Карамзиной шляпу. Г. Храповицкий уведомил меня из Флоренции, что прибавил к той сумме, которую взял здесь у меня, еще 25 франков, что не составит и 25 рублей. Сделайте дружбу вручите их немедленно ему от моего имени, а деньги сии можете получить от Кат<ерины> Фед<оровны>, я уже писал к ней на этот счет. Желаю душевно, чтобы мой гостинец понравился К. А., сожалею, что не мог его доставить ранее, у нас оказии и для писем редки. Лето у вас прошло, и зима стучится в окна. Солома

с берегов Арно дурная защита от морозов: эту шляпу надобно запереть в картон до будущих зефиров, то есть до июня 1820. Какая разница у нас! Теперь начинаются жары и дай бог, чтобы продолжались. Что скажу вам нового? Граф Стакельберг нанял дом великолепный на Кьяе. Князь Александр Голицын, влюбленный в Неаполь, решился покинуть свою арену и отправляется в Париж. Недавно начались оперы и в С. Карле кричат по-прежнему: кричат, ибо здесь давно перестали петь. Везувий по ночам выбрасывает пламя, и я сбираюсь прислать вам несколько портретов этого проказника. Мы ожидаем тучу англичан из Северной Италии и из Альбиона. Кодекс Короля недавно явился, и на него юристы пишут толкования. Литературных новостей у нас очень мало: в Северной Италии пишут более и подражают немцам. Меланхолия и романтический вкус начинают нравиться внукам Ариоста. Старики гневаются, и академия Круска или приверженцы к оной стараются всеми силами выгонять новые слова, выражения и фразы, которые вторгаются в святилище языка тосканского. Но талантов мало. Монти, Протей в политике и гигант в Поэзии, стареется. Итальянцы переводят поэмы Байрона и читают их с жадностию: Байрон говорит им о их славе языком страсти и поэзии. Вот все, что я знаю о литературе. Но я ничего не знаю о вашей: что делают ваши Круски.

Радуюсь, что Уткину государь пожаловал пенсион или прибавил жалованье: он стоит того, как человек и художник. Кланяюсь усердно вашему брату и поздравляю его с новым местом, он везде может быть полезен, но финансы его стихия. Напрасно меня называете тунеядцем, любезный Александр Иванович. Целые дни я провожу над книгами и учусь. Если ничего не знаю, то не вина моя, а головы моей. Надежда оправдать когда-нибудь доброе мнение людей, которых уважаю, оживляет меня, а вы хотите ее истребить. Бог с вами! Будьте здоровы и счастливы: обнимаю вас от всего сердца.

---

[1] франкский язык (*лат.*).

395. А. Н. БАТЮШКОВОЙ

4 октября нов. стиля 1819. Неаполь

С искренним удовольствием я читал письмо твое, милый друг и сестра. Надеюсь, что путешествие с тетушкою и рассеяние было для тебя полезно: желаю, чтобы ты

долее прожила в Петербурге и не возвращалась без важной побудительной причины в леса твои. Главное желание мое, чтобы ты была полезна тетушке и приятна своим присутствием, о чем, зная тебя и ее, почти не сомневаюсь.

Благодарю за попечение твое о Юлии; благодарить не могу тетушку: право, недостает выражений. Это ее главнейшее нам благодеяние. Я теперь спокоен насчет сестры. Она в убежище.

О брате писал к Дружинину и Пушкиным. Об нем не перестаю думать. Со временем переведу к Кавелину, если там лучше московского. Поздравь от меня сестру В<арвару> Н<иколаевну> с благополучными родинами. Желаю ей и А<ркадию> А<поллоновичу> счастия от всего сердца, и сам писать буду при первом удобном случае. Лизавету Николаевну уверь, что я нимало не огорчаюсь тем, что они не взяли брата, ибо я знаю, что у них была на то добрая воля: они сами это мне предлагали. Алешу поцелуй и советуй ему вести себя с некоторым достоинством и важностию, которая есть признак благородной души. Надеюсь, что он учится прилежно. Съезди от моего имени прямо к Д. А. Кавелину и попроси его, показав это письмо, чтобы он его не баловал и любил по-старому. Я надеюсь на его дружбу и снисхождение.

К Павлу Львовичу я писал и благодарил за тебя.

Оброк вручи К<атерине> Ф<едоровне>, желаю, чтобы заплатили его исправно. К ей же прошу Ивана Семеновича переслать 550 р. за Помпея, внесенные мною в пансион.

Сделай дружбу, проси П<авла> А<лексеевича> присмотреть за дворовыми людьми и устроить их как можно лучше. Желаю, чтобы им ни в чем не было недостатку и чтобы они не приметили, что я в чужих краях. Все, что П. А. прибавит от себя против моего предписания для них в пользу, будет мне совершенно приятно.

Желаю, чтобы Естифей вел себя хорошо: я его возьму к себе со временем; особенно если он выучится читать и писать.

Уведомь меня обстоятельно о вашем путешествии, и весело ли вам было в Одессе. Каково теперь здоровье твое и тетушки? Полагаю, что ей не могло быть скучно путешествовать в обществе ее детей и друзей в столь хорошее время года. О себе скажу только, что я начинаю быть доволен моим здоровьем, хотя климат Неаполя не очень благосклонен тем, которые страдают нервами.

Впрочем, надеюсь, что здоровье мое укрепится. Я веду род жизни самый умеренный, не принимаю никакого лекарства и хожу пешком очень много. Прости, милый друг, будь здорова и помни меня. *К. Б.*

P. S. Я не должен бы говорить о делах опеки. Писал неоднократно к Ивану Семеновичу, но никогда не получал ответа о том, что у меня лежит на сердце. Отказываясь от имения, главная цель моя была — удовлетворение должников; это тебе известно. Что сделала опека в сем отношении? Ничего. Кредиторы могут роптать на меня, ибо не знают чистоты моего намерения. Уверь И<вана> С<еменовича>, что я никогда не буду доволен, доколе не удовлетворит он должников батюшки: брату и сестре доброе имя нужнее имения и чести владеть деревнями. Продажею сохранили бы все: и доброе имя, и часть хорошую для детей; продажею удовлетворили бы должников и успокоили себя. Вот мое мнение. При случае покажи это письмо И. С., изъяви мою искреннюю благодарность за все, что он сделал; но она была бы совершеннее, если бы я узнал, что все долги заплачены и брат и сестра получили то, что им следует законно, без вреда тем, которые ссужали деньгами их родителей.

396. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

3 февраля 1820 г. Неаполь

Сегодня я буду писать к вам очень коротко, почтенная тетушка, и просить единственно о том, чтобы вы приказали отнести приложенное при сем письмо к г. Фуссадье. В прошедших письмах я говорил вам о моих делах, сегодня к этому ничего не прибавлю, кроме старого желания получать от вас чаще известия. У нас ничего нет нового, кроме карнавалу, трехсуточной лихорадки. Я, слава богу, здоров, и это меня веселит более всего. Недавно отправился отсюда корабль купеческий английский Success, Capit Strand, с вином: на него я велел поставить две бочки вина Lacrima du Mont de Procida. Мои банкиры Falconet et comp. адресовали его Ливио, который должен доставить вам одну из сих бочек. Прошу вас усерднейше до получения оной заплатить г. Ливио транспортные деньги, что он потребует за обе бочки. Сии деньги вычтите из моих 3000, которые прошу доставить в свое время, адресуя на дом Фалконета, как я писал не-

однократно. Надеюсь, что вино будет исправно доставлено, и потому хорошо. Впрочем, это первое испытание. Многие уверяют меня, что здешние вина не выдерживают моря, я полагаю, что они не выдерживают морской воды, которую вливают в бочку матросы, выпив вино. Воспользуюсь первым удобным случаем, чтобы доставить виды Неаполя, которые запылились у меня: до сих пор не было оказии, и брат должен еще потерпеть. Прошу усерднейше его обнять и Сашу. Что делает сестра, у вас ли она? Прошу и ей поклониться. Простите, милая тетушка, до первого письма.

397. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

Неаполь 30 мая н. с. 1820

Отъезжая в Кастель-Амару, за город, куда от зною все бегут, спешу написать к Вам несколько строк, любезная и почтенная тетушка, и возобновить мою усерднейшую просьбу о присылке мне 3000 р. оброчных денег за март. Вы меня этим чувствительно обязать изволите, ибо я начинаю чувствовать нужду в деньгах. Не смею укорять вас в молчании; может быть, письма затерялись. Но я с генваря ни строки не имею. Дай бог, чтобы вы были здоровы. Это мое единственное желание. Уведомьте меня, когда вздумаете вспомнить обо мне, где вы проведете нынешнее лето, на даче или в городе? Мне очень бы было приятно иметь ответ на это письмо немедленно, ответ, состоящий хотя из нескольких строчек. Я сам сегодня буду короток и закончу мое письмо, пожелав братцам всех возможных благ. Вашу ручку целую мысленно. Сестре усердно кланяюсь и всем знакомым. Не забудьте Карамзиным сказать мое усердное почтение и А<лександру> И<вановичу> также. Мой адрес знаете: Falconnet et Compe; им продал вексель, который пришлете на Амстердам или на Париж, купите его у Раля или у Ливио, как заблагорассудится. Но еще раз повторю мою просьбу, мне приятно бы было, чтобы вы не замедлили присылкою оного. Простите, будьте благополучны и здоровы и любите меня хоть вполовину против прежнего. Я в остатке и этим буду доволен, но мои чувства к вам не изменяются, почтенная тетушка.

Ваш К.

398. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

Неаполь. 1/12 сентября 1820

Письмо ваше от апреля... я имел счастие получить в надлежащее время, почтенная тетушка; замедлил отвечать на оное и прошу великодушно извинения. Недавно получил другое письмо от июля. Примите мою глубокую признательность за ваши попечения о моих делах: они невелики, но и с ними сопряжено беспокойство, а у вас и своего столько? — Долгом поставляю себе сказать вам, что я удовлетворен в 300 червонцах голл<андских> банкиром Фалконетом вследствие приказания Ливио. Вексель в 3000 на Лондон чрез посредство г. Фуссадье (которого уже благодарил письменно) получил, продал, издержал, по обыкновению, и теперь ожидаю второго, с которым поступлю таким же образом. Замечу только, что векселя на Париж здесь выгоднее, и, вперед, если это возможно, прошу вас покупать на оный город. Здесь франки известнее. Сестра пишет мне, что вы внесли 5, 740 в ломбард Московский. Следственно, сей долг уничтожен: но, признаюсь вам, не понимаю, зачем вы поспешили внести сию сумму сполна? Не лучше ли уплачивать ежегодно? Впрочем, будь ваша воля. Притом еще внесли 2,740 в Ломбард петерб. но, по моим счетам, в оный следовало внести за текущий год, только за оба займа: 1,691, следственно, внесено лишнего 1,049. Уведомьте меня, почтенная тетушка, почему изволили так расположить уплату: это для меня загадка. На будущий год можно, если рассудите, сделать новый оборот посредством нового займа: у вас на это верющее письмо; у П<авла> А<лексеевича> также. Посредством такого оборота я буду вносить только одни проценты в течение трех лет, что меня очень облегчит. 8,800 р., которые были в руках ваших, уже истощены, и я теперь вам остаюсь должен. Но сколько, как, ничего не знаю, доколе меня не уведомят об этом. Здесь дороговизна так усилилась в течение сих двух лет, что я поневоле должен вздыхать о второй половине моего доходу. Прошу его переслать, как говорил выше, посредством векселя на Париж или оставьте у себя до моего уведомления. Может быть, я придумаю что-нибудь выгоднее. Мы столько теряем на пересылке и переводе денег, что, по совести, позволено и должно искать выгоднейших средств для сих оборотов. Простите мне сии мелкие подробности.— Радуюсь душев-

но, что братец вздумал для здоровья своего путешествовать. Обнимаю его мысленно и милого Сашу, которому желаю благополучно вступить в службу и быть полезным столько, сколько его покойный родитель. Мне приятно было узнать, что сестра у вас осталась, и что вы ее столько любите. О себе ничего не могу вам сказать приятного: мое здоровье от несносных жаров очень расстроилось. Такого жаркого лета здесь еще не видали. В течение 6 месяцев почти не было дождя.— Кончу мое письмо прежде обыкновенного: начал поздно, забыв что отходит почта в урочное время, но кончу его, пожелав вам и милым братцам благополучия и здравия; сохраните меня в памяти вашей и будьте уверены в моей постоянной преданности и любви.

399. А. Я. ИТАЛИНСКОМУ

2/14 декабря 1820. Рим

Monsieur l'envoyé! Son excellence m-r le comte de Stakelberg auprès duquel j'ai eu l'honneur de servir, étant luimême sur le point de quitter Naples, m'a donné l'ordre de me rendre à Rome. L'air volcanique de Naples ne me convenant pas, j'avais depuis bien longtemps désiré un congé illimité, ou d'être attaché à une autre mission, et en ai fait la demande à mon chef.

Aujourd'hui que je me trouve à Rome, je serois au comble de mes voeux, si Votre Excellence daignez agréer ma très humble et très respéctueuse prière, celle, monsieur l'envoyé, de m'accorder la faveur de continuer le service Impérial sous Vos auspices et de vouloir bien demander pour moi au Ministère la grâce d'être attaché à la mission de votre excellence.

Je suis avec réspect, monsieur l'envoyé, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur. Batusckoff [1].

---

[1] Господин посол! Его превосходительство граф Стакельберг, у которого я имел честь служить, повелел мне, перед тем как самому покинуть Неаполь, отправиться в Рим. Поскольку вулканический воздух Неаполя вреден для меня, я уже давно желал бессрочного отпуска или перевода в другую миссию, о чем и просил своего начальника.

Теперь, когда я в Риме, я почел бы свои заветные желания исполненными, если бы Вы, Ваше превосходительство, соизволили удовлетворить мою весьма смиренную и почтительную просьбу удостоить меня чести продолжать Императорскую службу под вашим покрови-

тельством и ходатайствовать за меня в министерстве о милости быть причисленным к миссии Вашего превосходительства.

Остаюсь с почтением, господин посол, Вашего превосходительства смиренным и покорнейшим слугой. *Батюшков.*

400. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

13 января 1821 г. Рим

Вы, без сомнения, почтенная тетушка, извините мое молчание, зная, что у меня не много свободного времени. Однако же я не всегда молчал: может быть, письма мои, отправленные по почте, терялись. Это поручено верному человеку.

Я переведен из Неаполя в Рим и был бы очень доволен моим положением, как доволен моим новым начальником, если бы здоровье мое исправилось. Но дурное его состояние мне докучает необыкновенным образом. Надеюсь, что ваше здоровье соответствует моим искренним желаниям. Пекитесь о нем для детей ваших, в число коих себя смело включаю. Не думайте, чтобы время хотя мало изменило мою к вам преданность, основанную на всех чувствах души. Уверьте брата, что я никогда не изменюсь. Скажите ему, что я желаю его видеть благополучным и достойным его почтенного родителя в совершенном смысле. Сашу обнимаю также. Начал ли он служить; и скоро ли брат начнет, после отставки. Милого малютку в Москве, бога ради, не забудьте. Здоров ли он? Каков его пенсион? Имеет ли он все нужное? Уведомьте меня при случае. Еще просьба усерднейшая. Не замедлите доставить мне чрез посредство г. Фуссадье (котор<ому> я очень обязан) 3000 р., из моих деревень вам снова присланные. Мне деньги становятся очень нужны, и перемещение из города в город при настоящей дороговизне требовало издержек.— Но прошу вас, отпишите Павлу Алексеевичу, что я с горестью увидел из письма его, что он хочет наложить еще оброк. Зачем? Разве нельзя принять других мер для заплаты небольшого долга в ломбарде? Скажите ему, что я желаю, чтобы на крестьян моих в отсутствии моем ничего не налагали, и сам к нему и к ним об этом писать буду. Просите лучше моего племянника, чтобы он вел себя лучше у г. Кавелина и прилежнее занимался своей латынью и греческим языком.

Кончу мое письмо, пожелав вам душевно всех благ и поруча себя снова вашей дружбе, верной, постоянной и снисходительной, достойной вашего сердца.

К. Б.

P. S. О наших новостях вы знаете из газет. Мне эта глупая революция очень надоела. Пора быть умным, то есть покойным. Здесь множество русских и между прочими к<нягиня> Зенеида, вам знакомая. Здесь также г<раф> Толстой-Остерман.

401. В. Д. ОЛСУФЬЕВУ

<Июль 1821. Теплиц>

Не забыл ли я у вас ключа от моих дверей. Сделайте одолжение, посмотрите в вашей комнате на столе.

К. Б.

Не угодно ли Вам ссудить меня французскими романами вашими на завтрашний один день.

402. Н. И. ГНЕДИЧУ

21 июля/3 августа 1821. <Теплиц>

Если бы меня закидали эпиграммами при появлении моей книги, если бы явно напали на нее, даже на меня лично, то я, как автор, как гражданин, не столько бы был вправе негодовать. Негодую, ибо вижу систему зла и способ вредить верный, ибо он под личиною.

Теперь приступлю к моей просьбе. При сем найдешь объявление, которое немедленно прошу напечатать во всех журналах. Но я нахожусь в службе и не могу, и не должен ничего делать, даже как автор, без согласия начальства. Прошу тебя, любезный и почтенный друг, узнать сперва через людей верных, найдут ли приличными все выражения моего объявления. Даю тебе право вычеркнуть, уничтожить лишнее, но прибавлять ничего не должен.

Мое свидание с Блудовым было коротко. Храни Бог тебя и думать, чтобы он водил моим пером! Мною ру-

ководствовать трудно. До него было написано объявление. Я его не благодарил даже за копье, которое он переломил в честь моих бедных шести стишков.

Признателен к тем, кои заступаются за честь мою, к тому, кто Sait de l'homme d'honneur distinguer le poête [1]. Но что могу заключить о бедном Грече, о добром Грече? Как ему не совестно? Воейков знает одну чернильницу, но музы отвратили от него лице. В зле нет остроумия. Наносить вред и писать приятно — дело невозможное. Я уважал его талант, но...

Скажи им, что мой прадед был не Анакреон, а бригадир при Петре Первом, человек нрава крутого и твердый духом. Я родился не на берегах Двины, и Плетаев, мой Плутарх, кажется, сам не из Афин. Плетаевы у нас сделают Абдеру. Скажи, бога ради, зачем не пишет он биографии Державина? Он перевел Анакреона — следственно, он — прелюбодей; он славил вино, следственно — пьяница; он хвалил борцов и кулачные бои, ergo [2]— буян; он написал оду «Бог», ergo — безбожник. Такой способ очень легок. Фундамент прочный, и всякое дело мастера боится. А у нас ли не мастера на Парнасе!

Доколе во мне искра жизни, не буду безмолвным Пасквином или Марфорием. Вступаюсь за честь мою: и тебе даю все способы оправдать меня пред публикой. Бог с ним, с Плетаевым! Не желаю ему, ниже́ Сынам отечества, никакого зла. Дай бог, чтобы журнал их процветал и карман тучнел. Живу далеко от сплетен, служу царю, а не парнасским страстям.

Из письма моего прочитай что заблагорассудишь людям разноперым. Каждому свое. Поручаю его Василию Дмитриевичу Олсуфьеву, который тебе отдаст его в руки или доставит через верного человека. Он человек умный, рассудительный и добрый; знакомство с ним будет тебе приятно. Прости, любезный! Не отвечай на это письмо, но сделай по нем, в его смысле, и как можно выгоднее для меня во всех отношениях. Когда увидимся? — Бог знает; но Он же знает, сколько я тебя люблю и достоин твоей дружбы. *Константин Батюшков.*

Извини мое маранье: пишу ночью и устал до смерти.

Гг. Издателям Сына Отечества и других русских журналов.

Августа 3-го н. ст. 1821 г. Чужие краи.

Прошу вас покорнейше известить ваших читателей, что я не принимал, не принимаю и не буду принимать ни малейшего участия в издании журнала «Сын Отечества». Равномерно прошу объявить, что стихи под названием: «К друзьям из Рима» и другие, могущие быть или писанные, или печатанные под моим именем, не мои, кроме эпитафии, без моего позволения помещенной в «Сыне Отечества». Дабы впредь избежать и тени подозрения, объявляю, что я в бытность мою в чужих краях ничего не писал и ничего не буду печатать с моим именем. Оставляю поле словесности не без признательности к тем соотечественникам, кои, единственно в надежде лучшего, удостоили ободрить мои слабые начинания. Обещаю даже не читать критики на мою книгу: она мне бесполезна, ибо я совершенно и, вероятно, навсегда покинул перо автора. *Константин Батюшков.*

---

[1] Может отличить поэта от человека чести *(фр.)*.
[2] следовательно *(лат.)*.

403. Н. И. ГНЕДИЧУ

26 августа 1821. Теплиц

Около двух лет я не писал к тебе и почти не писал к родным по многим причинам, из коих отдаление было главною. И от тебя писем вовсе не имел. Но это обоюдное молчание, без сомнения, не изменило ни тебя, ни меня, и ты не осудишь меня за то, что прерываю его просьбою. Объяснюсь ниже. Сперва должен тебе сказать, что было к ней поводом.

Книга моя, которой ты был издателем в 1816 году, есть почти твое дитя. Со времени ее появления в свет я в бытность мою в России ничего не писал. Отправляясь в Неаполь, я дал себе слово оставить литературу, по крайней мере в отношении публики, и сдержал его. Знаю мой талант, знаю мои силы и никогда, благодаря Бога, не ослеплен был ни самонадеянием, ни самолюбием, ниже́ успехами. Знаю нашу словесность и всех ее действующих лиц и масок. Насчет первых не имел ни пристрастий личных, ниже́ предрассудков. Повторяю: успех мой был в 1816 году. Тогда все журналисты, не исключая ни одного, осыпали меня похвалами — не заслуженными, без

сомнения. Но — они хвалили. Прошло шесть лет. Не было примера ни в какой словесности, чтобы по истечении шести лет снова начали хвалить живого автора, который в стихах, может быть, имеет одно достоинство — в выражении; в прозе — одно приличие слога и ясность. Заслуга, в других землях маловажная и у нас самих не достойная похвал энтузиастических. Полагаясь на шестилетнее молчание, полагал, что моя книга, распроданная, заглохла, забыта. Случилось иначе.

Гг. издатели «Сына Отечества» (какое название для журнала!) объявили, что я буду украшать их издание моими стихами.

Напечатали без моего ведома эпитафию, написанную мною по просьбе матери. Назову лицо: по просьбе покойной г-жи Малышевой, женщины, которую я любил и уважал и которая, может быть, не захотела бы видеть в печати, в журнале, стихи, напоминающие ей о потере дочери. Я, по крайней мере, не осмелился бы напечатать этой безделки без ее позволения.

Наконец, какой-то Плетаев написал под моим именем послание из Рима к моим друзьям (к каким, спрашиваю, знает ли он их?) и издатели «Сына Отечества» поместили его в своем журнале (см. «Сын Отечества», 1821 г., часть 68, с. 35).

Эту замысловатость я узнал в Теплице шесть месяцев спустя от трех русских, узнал с истинным, глубоким негодованием. Можно обмануть публику, но меня — трудно. Честолюбие зорко.

Делаю два предположения: 1-е совершенно в пользу Плетаева. Он написал сии стихи — скажут мне те, кои захотят надо мною издеваться,— из усердия к вам, и в доказательство покажут мне еще надпись к моему портрету, им недавно соплетенную. Он писал ее как будто от лица Виона, Мимнерма, Мосха, Тибулла... Но сии господа умерли назад тому около двух тысяч лет или более! А писать от лица живого, писать к друзьям (если есть друзья), к людям живым... Напрасно привожу на память все случаи иностранных литератур: подобного не знаю. Нет ничего глупее и злее. Вижу ясно злость, недоброжелательство, одно лукавое недоброжелательство! Вот мое 2-е предположение, и от него не отступаюсь. Какое недоброжелательство от человека вам лично не знакомого? Не знаю; но оно явно и гласно. Чем мог заслужить его?.. Если г. Плетаев накропал стихи под моим именем, то зачем было издателям «Сына Отечества» печатать их?

Нет, не нахожу выражения для моего негодования: оно умрет в моем сердце, когда я умру. Но удар нанесен. Вот следствие: я отныне писать ничего не буду и сдержу слово. Может быть, во мне была искра таланта; может быть, я мог бы со временем написать что-нибудь достойное публики, скажу с позволительной гордостью, достойное и меня, ибо мне 33 года, и шесть лет молчания меня сделали не бессмысленнее, но зрелее. Сделалось иначе. Буду бесчестным человеком, если когда что-нибудь напечатаю с моим именем. Этого мало: обруганный хвалами, решился не возвращаться в Россию, ибо страшусь людей, которые, не взирая на то, что я проливал мою кровь на поле чести, что и теперь служу мною обожаемому монарху, вредят мне заочно столь недостойным и низким средством.

404. Н. А. МЕЛЬГУНОВУ

<Лето — осень 1821. Теплиц или Дрезден>

Сделайте одолжение, ссудите меня всеми частями русской прозы, на короткое время. Я имею нужду нечто отыскать.

405. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

Дрезден 14/26 сентября 1821

Я писал к Вам недавно чрез почту, почтенная тетушка, и спешу еще уведомить вас о себе. Воды Теплица не принесли мне очевидной пользы. Может быть, чрез некоторое время почувствую облегчение. Здесь в Дрездене я намерен прожить несколько недель и дождаться, если могу, вашего ответа на сие письмо. Отсюда к зиме отправлюсь далее, ибо не без причины боюсь здешней зимы.

Прошу Вас усерднейше, почтенная Катерина Федоровна, исполнить мою просьбу. Она состоит в том, чтобы Вы немедленно через Ливио, или чрез Раля, переслали мой доход. Если деньги сии, за половину текущего года еще не прибыли к Вам из моих деревень, то доставьте мне в счет оных три тысячи рублей посредством одного из упомянутых банкиров. Вексель прикажите прямо адресовать на M. Bassenge et comp.: à Dresde, впрочем, лучше обойтись без векселя. Пусть банкиры Петерб<ургские> просто велят Бассанжу заплатить мне три тысячи по курсу. Таким образом будет без дальних хлопот: это мое желание.

Недавно, чрез г. Олсуфьева, я писал к Н. И. Уткину и просил его вручить вам табакерку, братцам также безделки и сестре Юлии. Здорова ли она? О ней также не имею известия никакого.

Послали ли мне деньги в июне, т. е. доход с деревень за первую половину текущего года? Может быть, они пришли в Рим, но без меня. Надеюсь, по крайней мере, что пришли.

Кончу мое не длинное письмо, но исполненное для вас искренних усердных желаний. Прошу вас сохранить мне в совершенстве вашу добрую дружбу и милости. Любезный братец, обнимаю душевно. Простите, любезная тетушка, будьте уверены в чувстве моей вечной глубочайшей преданности.

К. Батюшков

406. А. Я. ИТАЛИНСКОМУ

18/30 сентября 1821. Дрезден

Ваше превосходительство милостивый государь! Я имел честь писать в последний раз к вашему превосходительству из Теплицы, где пользовался ваннами в течение нескольких недель. Теперь нахожусь в Дрездене, чтобы пережить дождливую погоду и потом уже отправиться во Францию. Если ваше превосходительство удостоите меня сообщением каких-либо приказаний, то покорнейше прошу адресовать их в Дрезден на имя банкира Bassenge et comp., который доставит мне оные на моем пути во Францию.

До сих пор не видя улучшения моего здоровья и не имея в виду верной надежды восстановить его, долгом поставляю возобновить пред вами, милостивый государь, мою единственную постоянную просьбу об исходатайствовании мне совершенного увольнения от службы. Считаться в оной, не будучи полезным и не имея в виду никакой цели для будущего, мне было всегда мучительно, а теперь — более, нежели прежде. Я вручил мою судьбу вашему превосходительству с полною, неограниченною надеждою на ваше правосудие. Осмеливаюсь надеяться, что вы, милостивый государь, примете милостиво и великодушно возобновление моей всепокорной просьбы.

Имею честь быть с глубочайшим почитанием вашего превосходительства всепокорнейший слуга *Константин Батюшков.*

P. S. Я вручаю сие письмо г. Нарышкину, сопутствующему г. Демидова, прося доставить оное вашему превосходительству лично или чрез посредство графа Воронцова во Флоренции. *К. Б*

407. В. Д. ОЛСУФЬЕВУ

9 октября 1821 г. Дрезден

Письмо ваше из Вены я имел удовольствие получить, любезнейший Василий Дмитриевич, и теперь пользуюсь отъездом г. Лаптева, чтобы принесть вам мою искреннюю признательность за покупку венской коляски. Она прибыла в Теплиц, и я в ней приехал в Дрезден. Надеюсь, что благополучно довезет меня и во Францию, куда намерен отправиться на зиму. Здесь отдыхаю от ванн в ожидании денег и писем из Петербурга. Но какой отдых?! Я окружен лекарем, хирургом, шпанскими мухами и целой аптекой. Климат здешний немногим лучше петербургского; дожди беспрестанные, и солнца не видим. Я был в Праге три недели по отъезде вашем и сожалел душевно, что ванны препятствовали мне быть с вами во время пребывания высокого путешественника, которому, прошу вас покорнейше, при случае принесть новое свидетельство моей признательности и преданности неограниченной. Милостивой Г<осударыне> г<рафине>, вашей матушке, сестрице и брату прошу напомнить и сохранить мне доброе место в вашей памяти.

Весь ваш *К. Батюшков.*

200 гульденов нашел в письме исправно. Надеюсь, что вы отдадите скоро Г<недичу> — письмо, которое вам вручил, и не забудете моей просьбы о брате. При случае пишите в Дрезден на мое имя чрез посольство... Письма отсюда мне доставят исправно.

408. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

Drezde le 12/24 décembre 1821

Monsieur le Comte! Avant que de soumettre à la justice de Votre Excellence ma très humble prière, je prendrai la liberté d'appeller votre attention sur les raisons qui me l'ont dictée, ainsi que ma conduite précédente.

Une série d'indispositions bien graves pendant un séjour prolongé à Naples m'ont forcé à solliciter plusieurs fois auprès de mon chef monsieur le comte de Stackelberg la permission de me rendre aux eaux en Allemagne. Mais monsieur le comte de Stackelberg n'a voulu jamais me l'accorder avant que d'avoir obtenu, me disait-il, un employé pour me remplacer dans mes fonctions de copiste. Cependant, le mauvais état de ma santé empirant de jour en jour, je fus obligé d'insinuer itérativement à mon chef, que ma position seule vis-à-vis de lui, dans l'état de souffrance où j'étais, me forçait à désirer ma démission du service. Le comte de Stackelberg me fit sentir alors qu'une demande pareille, vu les circonstances, seroit considérée comme intempestive par le Ministère Impérial, et je fus obligé de me résigner à mon sort. A l'arrivée du baron de Hahn à Naples et d'un autre employé pour me remplacer, mon chef me fit la proposition d'accompagner le baron de Hahn dans son voyage à Rome, comme devant précéder toute la légation. Il me conseilla en même temps de m'ouvrir à monsieur d'Italinsky sur ce que je désirais devenir dans le cas que le départ de la mission fut encore retardée par des circonstances imprévues. Le jour même de mon arrivée à Rome monsieur d'Italinsky me proposa de rester auprès de lui, en m'observant conformément à ce qui me fut objecté par le comte de Stackelberg, qu'une demande de démission pour un employé quelconque aux légations d'Italie ne pouvait être soufferte pendant la présente conjoncture, mais qu'il ne manquerait pas d'y avoir égard à la première occasion favorable.

Agrégé à la mission de Rome, je ne cessai pas de renouveller mon instante prière auprès de mon nouveau chef, jusqu'à ce qu'il eût enfin la bonté de solliciter pour moi un congé et la permission de me rendre aux eaux; en me faisant part de l'adhésion du ministère, monsieur d'Italinsky m'assura positivement que j'aurai dans peu ma démission; cependant, plusieurs lettres que j'ai eu l'honneur de lui adresser à l'effet de lui rappeler sa promesse sont restées sans réponse.

Me trouvant par conséquent dans une position précaire, et ne pouvant ni continuer mes voyages, ni rentrer en Russie, avant que d'avoir eu quelques données sur mon sort, je me fais un dévoir de recourir à la justice de votre excellence. Veuillez bien, monsieur le comte, prendre en considération ma patience à toute épreuve, et j'ose le dire même, le zèle avec lequel j'ai servi sous les ordres de mon très respectable chef, monsieur le comte de Stackelberg. Je ne désire que ma démission.

C'est l'unique grâce que je vous prie, Monsieur le Compte, de vouloir bien solliciter en ma faveur des bontés inépuisables de Sa Majesté l'Empereur, et c'est à cet effet que j'ai l'honneur de placer sous vos auspices ma très humble requête ci-annexée.

Veuillez bien croire, Monsieur le Comte, que je saurai conserver dans ma retraite, avec le souvenir de mes devoirs passés, celui d'une profonde reconnaissance pour l'intérêt que vous avez eu la bonté de me marquer à plusieurs reprises, ainsi que pour tout ce que, dans l'occasion présente, vous daignerez faire en ma faveur.

Je suis avec respect, Monsieur le Comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur Batuchkof [1].

Дрезден. 12/24 декабря 1821

[1] Господин граф! Прежде, чем вынести на суд Вашего превосходительства мою смиренную просьбу, я позволю себе обратить Ваше внимание на причины, продиктовавшие ее мне, а также на мои предшествующие действия... Ряд тяжелых недомоганий, перенесенных мной во время моего продолжительного пребывания в Неаполе, вынудил меня многократно просить у моего начальника господина графа Стакельберга разрешения отправиться на воды в Германию. Но господин граф Стакельберг не пожелал дать мне такое разрешение, прежде чем, как он сказал, не будет иметь в своем распоряжении сотрудника, который возьмет на себя мои функции кописта. В то же время, поскольку состояние моего здоровья ухудшалось день ото дня, я был вынужден повторно заметить своему начальнику, что необходимость быть его единственным сотрудником при столь болезненном состоянии заставляет меня желать увольнения от службы. Граф Стакельберг тогда дал мне понять, что в существующих обстоятельствах подобная просьба будет сочтена неуместной в министерстве Его Императорского Величества, и мне пришлось предаться моей судьбе. С прибытием в Неаполь барона Гана и другого служащего, который должен был заменить меня, мой начальник предложил мне сопровождать в Рим барона Гана, предшествуя тем самым отбытию из Неаполя всей миссии. Он посоветовал мне также открыть господину Италинскому свои пожелания на тот случай, если отбытие миссии будет отложено из-за каких-то непредвиденных обстоятельств. В день моего прибытия в Рим господин Италинский предложил мне остаться при нем и заметил, подтверждая возражения, сделанные мне графом Стакельбергом, что в нынешней обстановке просьба об отставке служащего одной из итальянских миссий не может быть удовлетворена, но что он не замедлит принять ее во внимание при первом же удобном случае.

Причисленный к миссии в Риме, я не переставал возобновлять свою просьбу перед новым начальником, пока он не оказал мне милость, выхлопотав для меня отпуск и разрешение отправиться на воды. Уведомив меня о согласии министерства, господин Италинский дал положительные заверения, что я вскоре получу отставку, в то же время многочисленные письма, в которых я имел честь напомнить ему о его обещании, оставались без ответа.

В результате я оказался в затруднительном положении и не имею возможности ни продолжать свои странствия, ни возвратиться в Россию, не получив сведений о своей судьбе. Я вменяю себе в обязанность прибегнуть к суду вашего превосходительства. Соизвольте принять во внимание, господин граф, непоколебимое терпение и я бы даже сказал рвение, с которым я служил под началом высокочтимого господина графа Стакельберга. Я не желаю иного, кроме отставки. Это единственная милость, которую я прошу Вас, господин граф, исхлопотать мне из неистощимых щедрот Его Императорского Величества и единственно с этой целью я имею честь просить Вашего покровительства моему ходатайству, которое я прилагаю.

Извольте поверить, господин граф, что я сумею сохранить в моем уединении, наряду с памятью о моей прошлой службе, чувство глубокой признательности за то внимание, которым Вы многократно меня удостаивали, равно как и за все, что Вы соблаговолите сделать для меня в нынешних обстоятельствах.

С глубоким почтением остаюсь Вашего превосходительства смиреннейшим и покорнейшим слугой

Батюшков.

409. АЛЕКСАНДРУ I

Дрезден. Декабря 12/24 1821

Ваше Императорское Величество!
Всемилостивейший Государь

В начале 1818 года моя всеподданнейшая просьба о принятии меня в службу по дипломатической части была удостоена Высокого внимания Вашего Императорского Величества; осмеливаюсь ныне повергнуть к стопам Вашим, Государь Всемилостивейший, усерднейшую молитву об увольнении меня в отставку по причине болезни, которой ниже самое время не принесло очевидной пользы.

Желаю восстановить мои силы, ибо дерзаю надеяться, по мере слабых достоинств, еще быть полезным на службе Вашей. Сие искреннее желание сохраню в благодарном сердце моем, в ожидании мне нового назначения по Воле Монаршей.

Вашего Императорского Величества
верноподданный
Константин Батюшков.

410. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

Дрезден 13/26 декабря 1821

Я замедлил отвечать на последнее письмо ваше, почтеннейшая тетушка, признаюсь в моей вине, которой нелегко найти законную отговорку. Здесь целый день, могу сказать, мой, ибо я даже и с соотечественниками вижусь очень редко. После искреннего признания надеюсь, что Вы не протолкуете мое молчание в дурную сторону. Молчу ли, пишу ли, я все тот же в отношении к Вам, и никто этого больше Вас знать не может. Приношу душевные поздравления с наступающим Новым годом, желаю, чтобы он для Вас исполнен был благополучия. Сожалею от всего сердца, что братцы не с вами, но, с другой стороны, признаюсь вам, что несказанно обрадовался о вступлении Никиты в службу. Я ему всегда советовал или путешествовать для поправления своего здоровья, или служить. Надеюсь, что он нынешний раз будет счастливее по крайней мере. Очень бы хотелось увидеть Сашу в колете. Доживу ли до этого благополучия, и скоро ли он будет офицером? Признаюсь вам, мне давно хочется воротиться в Россию. Поздравьте П<авла> Л<ьвовича> от меня с Новым годом и С<офью> А<стафьевну> также. Первого с новым званием, а Н<иколаю> М<ихайловичу> и всем прочим попеняйте, что меня забыли en faveur de mon Sosie [1]. Вексель на 3000 я получил. Вышлите другой в такую же сумму по присылке из деревень. Может быть, меня найдете еще в Дрездене. Впрочем, банкир Бассенж доставит мне его исправно. Отпишите от меня П. Ал. Шип<илову>, чтобы он сбавил то, что без моего позволения наложил на деревню. Мне это усердие неприятно, хотя в этом и вижу новый знак его дружбы. Поклонитесь от меня collectivement [2] моим сестрам. Благодарю Вас искренне за новости, которыми удостоили. Не могу платить тою же монетою, ибо я никого почти не вижу и ничего не знаю. Кроме того, что мое здоровье во всех отношениях не исправляется. Молю провидение, чтобы Ваше было в хорошем состоянии. Прошу Вас, сохраните меня в памяти Вашей и будьте уверены в чувстве моей неограниченной преданности навсегда и везде равной. Весь Ваш

К<онстантин>.

Получили ли вы чрез Уткина мои посылки? И что Юлия моя делает? Je commence à me reconsilier avec son

nom, et je desire bien sincerement, que sa figure et son esprit pour le moment n'aillent pas jurer avec le titre [3].

Пишите, бога ради, Дружинину о брате. Простите великодушно мои просьбы, если они беспокойны, по крайней мере, очень редки. В этом случае я желал бы, чтобы многие на меня были похожи.

Если можно, пришлите мне в генваре мой доход за текущую половину car je suis habitué à manger mon blév en herbe [4].

---

[1] ради моего двойника *(фр.)*.
[2] всем вместе *(фр.)*.
[3] Я начинаю примиряться с ее именем и искренне желаю, чтобы ее облик и дух с ним гармонировали *(фр.)*.
[4] так я привык проживать свои доходы заранее *(фр.)*.

411. Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ

Дрезден 12 ф<евраля> н. с. 1822

Я писал к Вам несколько раз, почтенная тетушка, и не имею ни строчки в ответ. Ничего не желаю другого, как одно слово, что Вы здоровы; Вы, братцы и маленький брат, о котором я начинаю беспокоиться. Повторив мою просьбу, приступаю ко другой. Спросите у Павла Львовича, в каком положении находится дело по имению брата и сестры. Пусть скажет он без лицеприятия к лицам, нам равно любезным, и, если что не так, мы поищем вместе способа исправить. Вот о чем я забыл спросить Вас в предыдущих моих письмах. Мое здоровье по-старому. Не могу ни жаловаться, ни хвастать им. Желаю усердно, чтоб Ваше было лучше. Берегите себя и любите меня. Вам преданный

K.

412. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

Drezden le 1/13 fébrier 1822

Monsieur le comte! C'est avec le sentiment de la plus vive et la plus profonde reconnaissance que j'ai appris l'intérêt que Sa Majesté a daigné me marquer, ainsi que sa volonté

suprême à mon égard. Je me sens bien malheureux de ne pouvoir être utile au service de notre Auguste Maître, au point qu'il m'est permis de le désirer, mais j'y apporterai comme par le passé un dévouement sans bornes et un honneur sans reproche.

La justice que votre excellence se plait à me rendre, en ne doutant seulement pas de mes sentiments, m'est flatteuse au delà de toute expréssion. Je la prie d'agréer ici un nouvel hommage de ma reconnaissance et du profound respect, avec lesquels j'ai l'honneur d'être, monsieur le comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur Batuchkof [1].

Дрезден. 1/13 февраля 1822

[1] Господин граф! С чувством самой живой и самой глубокой признательности узнал я о внимании, которым соизволил удостоить меня Его Величество, и о его священной воле на мой счет. Я чувствую себя глубоко несчастным, не имея возможности быть полезным в службе нашего Августейшего Монарха в той мере, в какой мне дозволено этого желать, но я неизменно сохраню неограниченную преданность и незапятнанную честь.

Справедливость, которую Ваше превосходительство соизволили отдать мне, не усомнившись в моих чувствах, превыше всяких слов лестна для меня. Прошу Вас принять новое свидетельство моего почтения и глубокого уважения, с которым имею честь остаться Вашего превосходительства смиреннейшим и покорнейшим слугой *Батюшковым*.

413. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

S.-Petersbourg le 18 avril 1822

Monsieur le Comte! Ayant profité de l'autorisation éventuelle que votre excellence a bien voulu m'annoncer par Sa lettre du 14 janvier, j'ai cherché à mettre quelque ordre à mes affaires, et je comptai retirer plus d'un avantage de mon arrivée, en poursuivant la carrière de mon service sous les auspices du Ministère. Mais l'état de ma santé réclamant de nouveau l'usage des eaux thérmales et celui des bains de mer, je prends la liberté de solliciter des bontés de votre excellence la permission de me rendre au Caucase et en Tauride. J'ose esperer, monsieur le comte, que vous dagnerez m'obtenir pour cela l'agrément de Sa Majesté l'Empereur, la conservation temporaire des bienfaits que je dois à son inépuisable munificence, et des lettres de recommandation pour les autorités préposées aux pays que je vais visiter. Heureux si la belle

saison et des climats salubres me donnent enfin les forces nécessaires pour reprendre une activité que j'ai cherie, et pour justifier les bontés dont vous daignez me combler.

Je suis avec respect, Monsieur le Comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur C. Batuchkov [1].

---

18 апреля 1822 Петербург

[1] Господин Граф! Получив разрешение, которое вы соблаговолили объявить мне в письме от 14 января, я попытался привести свои дела в некоторый порядок и рассчитывал воспользоваться своим возвращением для продолжения службы под покровительством министерства. Но, поскольку состояние моего здоровья вновь заставляет меня прибегнуть к термальным водам и морским купаниям, я позволяю себе искать от щедрот вашего превосходительства разрешения отправиться на Кавказ и в Тавриду. Дерзаю надеяться, господин граф, что вы соизволите снискать для меня согласие Его Императорского Величества на временное сохранение тех благодеяний, которыми я обязан его неистощимому великодушию, и рекомендательные письма к должностным лицам в краях, которые я намерен посетить. Буду счастлив, если хорошая погода и целебный климат придадут мне, наконец, силы, необходимые для того, чтобы возобновить деятельность, которой я столь дорожил, и оправдать благодеяние, которыми вы изволили меня удостоить.

Остаюсь, господин Граф, с уважением вашим покорнейшим и смиреннейшим слугой *К. Батюшковым (фр.)*.

414. Н. И. ПЕРОВСКОМУ

Марта 1823. Симферополь

Милостивый государь Николай Иванович. Прилагаю при сем письмо к моему родному брату, которое прошу покорнейше доставить ему чрез посредство А. Н. Оленина или Н. Муравьева. Умирая, не дерзаю просить Государя Императора дать ему воспитание до зрелого его возраста вне России, преимущественно в Англии. Но это мое последнее желание.

Уношу с собою признательность к Вашему превосходительству и к попечениям г. Мильгаузена. Будьте счастливы оба с теми людьми, которые мне желали добра. Желание бесполезное, ибо я давно и неминуемо обречен моему року.

Прикажите похоронить мое тело не под горою, но на горе. Заклинаю воинов, всех христиан и добрых людей не оскорблять моей могилы.

Желаю, чтобы родственники мои заплатили служанке, ходившей за мною во время болезни, три тысячи рублей; коляску продать в пользу бедных колонистов, если есть такие; заплатить за меня по счетам хозяину около трех тысяч рублей; вещи, после меня оставшиеся, отдать родственникам, белье и платье сжечь или нищим; человека Павла, принадлежавшего К. Ф. Муравьевой, отправить к ней; бывшему моему крепостному человеку Якову дать в награждение три тысячи рублей.

При сем прилагаю письмо к брату моему Н. Муравьеву, записку к гг. Андерсон и Моберлей, вышесказанное мое письмо к родному брату моему, и более ничего руки моей не оставляю. *Константин Батюшков.*

P. S. Имею получить с деревень моих около шести тысяч рублей и жалованья около пяти. Будет достаточно на издержки по сему письму.

415. К. А. ЛЕОНЕНКОВОЙ

17 мая 1823. Петербург

Я был не всегда слеп и не всегда глух. По крайней мере, позволено мне угадывать то, что Вы для меня делали. Примите за то мою признательность. С того дня, когда я полмертвый пришел проститься с вами на Кавказе, я остался вам верен, верен посреди страданий. Меня уже нет на свете. Желаю, чтобы память моя была вам не равнодушною. Я вас любил. Будьте счастливы, но не забывайте никогда *Константина Батюшкова.*

416. А. ПОТАПОВУ

28 ноября <1823?>

Милостивый государь! Вашим именем я был оскорблен в бытность мою в Симферополе; вы лично меня оскорбили в бытность мою на Аптекарском острову; именем Антона Потапова я был оскорблен во время моего жительства в Спасском переулке, где я был под присмотром, оскорблен за женщину, которую мы знаем, каждый со своей стороны. Мое здоровье исчезает. Я вам предлагаю поединок. Если бы она мне досталась, то

вы не оставили бы меня в покое обладать ею, ни я вас — клянуся богом — никогда не оставлю. Еще силы у меня есть, но может быть, буду слабее от страданий физических. Прошу вас именем чести, вашей собственной славы не отказываться от поединка. Я могу быть несчастлив, но есть друзья, которые поручиться готовы, что вы будете иметь дело с честным человеком. *Константин Батюшков.*

417. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

13 декабря <1823. Петербург>

Ваше сиятельство, милостивый Государь Граф, г. Доктор Килиан Вашим именем предпринял мое лечение, и я долгом поставил повиноваться его советам, доколе они были сообразны с рассудком. Видя, что я упорствую принять лекарство из его рук, он начал употреблять силу: велел кликнуть людей и хотел меня заставить проглотить лекарство, которое я не должен был принять в ту минуту, измученный уже лихорадкою, приключившеюся мне от ванны. Грубое, скажу более, неистовое поведение г. Килиана принуждает меня просить вас, Милостивый Государь Граф, избавить меня от его посещений. Опыт научил меня вверять святому Провидению попечение о моем здравии телесном и Господу Богу врачевание моей души.

Никогда не осмелился бы я обременить Вас моею просьбою, если бы г. Килиан, при всякой грубости, им мне наносимой, не ссылался прямо на имя Вашего Сиятельства. Тем это было мне прискорбнее, что Вам, милостивый Государь Граф, известны чувства глубокого почитания и совершенной преданности, с коими имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга *К. Батюшков.*

418. АЛЕКСАНДРУ I

11 апреля 1824. Петербург

Ваше Императорское величество, Всемилостивейший Государь. Поставляю долгом прибегнуть к Вашему Императорскому Величеству с всеподданнейшею просьбою,

которая заключается в том, чтобы Вы, Государь Император, позволили мне немедленно удалиться в монастырь на Бело-Озеро или в Соловецкий. В день моего вступления за пределы мира я желаю быть посвящен в сан монашеский, и на то прошу Всеподданнейше Ваше Императорское Величество дать благоизволение Ваше. У Православного алтаря Христа Бога нашего я надеюсь забыть и забуду два года страданий: там стану памятовать только монаршую милость, о которой Вас умоляю, Государь Всемилостивейший!

Вашего Императорского Величества
верноподданный
Константин Батюшков.

419. Е. Г. ПУШКИНОЙ

11 марта <1826>. Зонненштейн
Sonnestein, le 11 mars.

Votre lettre a été dictée par mes bourreaux et par des charlatans: je n'y attache nul intérêt. J'attends ici la réponse de Sa Majesté l'Empereur, qui sera digne de lui. Tant pis pour tous, tant pis pour monsieur de Canicof, si je ne sortais d'ici qu'avec une santé ruinée. Un seul mot de monsieur de Canicof, et c'est toujours à lui que je me fais un devoir de recourir, peut prévenir bien des maux ou bien m'égarer. Ici les bains sont des tortures, la médecine du poison, les médécins des scélérats. C'est ce que je vous ai dit plusieurs fois, madame. Toutefois, ce n'est plus à vous à me donner des conseils. Je ne relève que de l'Empereur, m'étant adressé à lui, que de monsieur Canicoff, qui est notre ministre à Dresde; tout ce conventicule infâme n'est d'aucune autorité pour moi. Votre fille sera ma femme, et je serai toujours votre ami fidèle, votre parent et votre serviteur très dévoué *Batuchkov* [1].

---

[1] Ваше письмо было продиктовано моими палачами и шарлатанами, и я не придаю ему никакого значения. Я жду здесь ответа Его Императорского Величества, который будет его достоин. Тем хуже для всех, тем хуже для господина Ханыкова, если я могу выйти отсюда только с расстроенным здоровьем. Одно слово господина Ханыкова, а именно к нему я считаю своим долгом прибегнуть, может предотвратить зло или подвергнуть меня ему. Здешние ванны — пытки, лекарст-

во — яд, врачи — преступники. Я говорил это вам, мадам, много раз. Во всяком случае не вам теперь давать мне советы. Я подчиняюсь только Императору, к которому обратился, и господину Ханыкову, нашему посланнику в Дрездене. Весь этот мелкий и отвратительный заговор не может обладать надо мной никакой властью. Ваша дочь будет моей женой, а я всегда буду вашим верным другом, родственником и преданным вам *Батюшковым (фр.).*

420. В. А. ЖУКОВСКОМУ

28 марта <1826.> Дрезден

Середа.

Я решился отвечать тебе на твои два письма, полученные мною после твоего посещения, одно от 20-го марта, другое от 27-го сими строками. Выбитый по щекам, замученный и проклятый вместе с Мартином Лютером на машине Зоннештейна безумным Нессельродом, имею одно утешение в Боге и дружбе таких людей, как ты, Жуковский. Надеюсь, что Нессельрод будет наказан, как убийца. Я ему никогда не прощу, ни я, ни Бог правосудный, ни добрые, ни честные люди. Утешь своим посещением: ожидаю тебя нетерпеливо на сей каторге, где погибает ежедневно *Батюшков.*

421. В. В. ХАНЫКОВУ

18 mai <1826>. Zonnenstein

Monsieur l'envoyé, trois ans passés, je me suis adressé à Votre Excellence pour obtenir par Votre entremise ma démission du service. Je m'adresse à Vous, Monsieur l'Envoyé, avec la même prière.— Afin de lever tout öbstacle prémédité, je réclame ma démission du service impérial, y ayant droit à titre de noblesse. Fatigué de la persécution de S. M. L'EMPEREUR ALEXANDRE, je souscris, je m'y engage par serment, que je ne me ferai jamais moine, que je renonce au mariage avec une Sujette de S<a> M<ajésté>, et que je ne rentrerai jamais en Russie. Pourquoi me faites vous retenir à Sonnestein? Laissez-moi au moins la triste

prérogative des proscrits, celle d'être errant en Europe. Je suis avec respect de votre excellence le très humble, très devoué serviteur *Batuchkoff.* [1]

18 мая <1826>. Зонненштейн

[1] Господин посол, прошло три года, как я обращался к Вашему превосходительству, чтобы через Ваше посредничество получить увольнение от службы. Обращаюсь к Вам, Господин посол, с тою же просьбой. Чтобы избежать каких-либо предумышленных препятствий, я требую увольнения от службы императору, на что имею право как дворянин. Устав от преследований Его Величества, Императора Александра, я даю подписку, я связываю себя клятвой в том, что никогда не уйду в монастырь, в том, что отказываюсь от брака с подданной Его Величества и что никогда не вернусь в Россию. Зачем вы удерживаете меня в Зонненштейне? Оставьте мне, по крайней мере, грустную привилегию изгнанников блуждать по Европе. Остаюсь с почтением смиренным и покорным слугой вашей светлости

Батюшков (фр.).

422. ЛОРДУ БЕЙРОНУ

В Англию

Прошу вас, Милорд, прислать мне учителя английского языка, когда я буду обитать снова в Москве, в сем доме. Желаю читать Ваши сочинения в подлиннике. Молитесь невесте моей. *Константин Батюшков.*

423. А. Г. ГРЕВЕНС

<1849. Вологда?>
8 июля Город Тула

Любезный мой друг Анна Григорьевна! Радуюсь сердечно, что получил от вас хотя одно письмо из Петербурга. По желанию вашему скажу, что время без вас провожу в великой скуке, страдаю беспрестанно от насморка. Здесь дожди беспрестанные. Однако, невзирая на сию атмосферу, требуйте от Модеста, чтоб он любил свою родину Тулу, яко истый грек, и вспоминал с благодарностью вечную трапезу под тению домовых смоковниц и олив. Просите вашу маменьку прислать мне духов, деньги на покупку может занять на мое имя у Ивана Андреича Крылова. Он знает, как я честно плачу то, что беру взаймы. Прошу Елисавету Петровну не

показывать моих новых стихов «Подражание Горацию» Александру Петровичу Брянчанинову, ибо он презирает мой бедный талант, обитая, яко Аполлон, посреди столь великих стихотворцев, в граде св. Петра. Обнимите за меня любезных сестриц Юлию Николаевну и Елисавету Григориевну. В деревне я буду вспоминать вас и ожидать вас повсюду. Верный ваш друг *Константин Батюшков.*

424. М. Г. ГРЕВЕНСУ

<1849. Вологда>
Августа 21-го, Град Тула.

Любезный друг мой Модест Григорьевич! Мы радуемся, что ты получил исцеление от болезни, любезный друг, и желаем тебе искренно совершенного здравия и бодрости. Прошу поклониться от меня любезной твоей маменьке Елизавете Петровне и сестрицам Анне Григорьевне и Елизавете Григорьевне. Няня Мария Ивановна тебе кланяется усердно и желает здравия, а я желаю, чтоб ты писал в Петербурге прозу и стихи, которые могут понравиться Александру Петровичу Брянчанинову, яко самому Аполлону. Прощай, любезный друг, будь здоров и помни *Константина Батюшкова.*

425. А. Г. ГРЕВЕНС

<май 1850? Вологда>

Любезный друг мой Анна Григориевна! Извините меня, что я не отвечал вам на три письма ваши с великого поста. Благодарю вас сердечно за поздравление ваше с днем воскресения Иисуса Христа и с днем моих именин.

Мы обретаемся в деревне под беспрестанным дождем. Мало имели веселых дней. Желаю вам лучшей погоды под петербургским небосклоном. В моих прогулках по рощам, вам знакомым, я нахожу древесную кору с прелестными изображениями великой мастерицы природы и с нее снимаю слабые сколки для моего утешения. Молвлю вам с удовольствием, что братец ваш Леонид здравствует и вас помнит и называет. Прошу

вас поклониться сестре вашей Елизавете Григориевне от меня и Леонида.

Будьте уверены в моей к вам постоянной дружбе и молитесь Провидению усердно. Верный ваш доброжелатель *К. Б.*

426. А. Г. ГРЕВЕНС

24-го ноября. <Вологда>

Любезный мой друг Анна Григорьевна. Я пишу к вам из моего угла в день именин великой Императрицы Катерины второй, поистине разумной и хитрой монархини, желая вам провесть оный день в удовольствии, но паче в совершенном здравии. Лето, по обыкновению моему, я провел в чаду городовом; рисовал в беседке птичек, сообразно с книжкой немецкой, рисовальной, вашего братца Модеста. Сии рисунки вручу вашей матушке Елисавете Петровне с усердною просьбою доставить Вам и любезной сестрице вашей Елизавете Григорьевне. Желаю получить в награду ваши рисуночки: они должны быть драгоценны. Если возвратитесь сюда поздно, то, верно, меня здесь не застанете. Поздравляю вас с новой зимою и белым снегом; кстати, прошу вас доставить мне новое издание «Шуб» к⟨нязя⟩ А. А. Шаховского, спасителя от зимней скуки, утешителя от мразов, вьюги и сиповатого Борея. Сами совершите — прошу вас — рисунки к сей бессмертной поэме, достойные вашего дарования и стихов великого стихотворца «Шуб». Поэма «Шубы расхищены» есть одна поэма, которую я позволяю себе читать во все времена года. Братец ваш Леонид здравствует. Прощайте, будьте уверены в моей к вам вечной дружбе. *Константин Батюшков.*

427. П. И. БЕЛЕЦКОМУ

28 сентября <1853>. Вологда

Льстивое письмо Ваше я получил, любезный Петр Иванович, при беспрестанном чтении моем на память у окна вологодской конторы народной басни Крылова «Лисица и Ворона». За письмо Ваше я благодарен, равномерно за подарочек портретом Nаполеона: ему мо-

люсь ежедневно; pago debiti miei [1]. Да царствует он снова во Франции, Испании и Португалии, нераздельной и вечной империи французской, его обожающей и его почтенное семейство! Да будет он победитель Пером, яко братия Его, великие Цари Бурбоны! Да будет меч Его победитель над варварством, ограда Христианских народов, утешение человечества. Читая мои прогулки в Академии художеств, я желаю с Вами увидеть там портрет благодетеля вселенной Наполеона, живописи наших русских мастеров, достойный их пресловутой кисти, которая да не боится брюзги Старожилова Великие океаны, покорные Франции, и земли ее с гражданами счастливыми благословят сей образ великого императора Наполеона. В ожидании сей новой моей прогулки в Академию художеств, которую приглашаю вас самих описать, и пожелав вам возможных благ, пребуду верный вам доброжелатель *Константин Батюшков*.

---

[1] плачу свои долги *(ит.)*.

Дополнения

428. Д. Н. БЛУДОВУ

⟨конец июня 1814 г. Стокгольм⟩

Вы удивитесь, любезнейший Дмитрий Николаевич, что Батюшков здесь, в Стокгольме. Я желаю нетерпеливо Вас видеть и пишу к Вам в страхе и надежде; мне сказывали, что Вы едете в Петер⟨бург⟩, и я боюсь, что письмо мое Вас не застанет.

Простите мне, что я сам не могу быть у Вас: я так устал от дороги, что насилу стою на ногах. Завтра, если сегодня не буду иметь удовольствие Вас видеть, завтра я буду к Вам. Теперь простите усталую голову Вашего преданнейшего

Const. Батюшкова

Hotel de Berstrade, Plandis Chevaliers.

429. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

⟨Июль — август 1816 Москва⟩

ОПРАВДАНИЕ

Вчера я был в бане поутру, затем у Дружинина, с которым провозился часа четыре, обедал наизусть, а ввечеру хотел снова в баню, но дождь помешал. Нога, одна нога болит, и чем кончится, не знаю. Благодарю тебя за дружбу: я ее чувствую. Кажется, Скюдери примется путем. Если ты не уедешь завтра, то в 12 часов я буду у тебя, имею кой-что сказать. Если уедешь, то пришли мне плодов — по предписанию Скюдери. Крайне одолжишь. Стихов не упущу с рук. Брани как хочешь, а я все стал поправлять как умею.

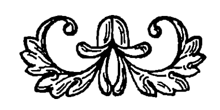
⟨Приписка В. Л. Пушкина⟩

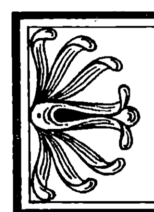
Не сердись,
Помирись
С господином
Константином!
Ему, друг
Недосуг.
в хлопотах
он, несчастный!
а в глазах
Боль ужасна *
Я здоров!
Все не споро,
Буду скоро
Без штанов **

⟨приписка Батюшкова⟩ одну ошибку поправил, а боле не могу поправить некоторые рифмы.

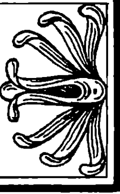
* Он было написал боль ужасной.

** Каково? ожидай его.





Комментарии



Настоящий том включает в себя два раздела: «Из записных книжек» и «Письма». Все публикуемые тексты печатаются по рукописям, а когда рукописи не были обнаружены или остались недоступными для составителя — по первым публикациям. (О единственном частичном исключении из этого правила см. в преамбуле к разделу «Письма».) Указания на архивный шифр рукописей, не использованных в работе, сопровождаются знаком *. Прочие условные обозначения, встречающиеся в комментариях к тому, см. т. I, с. 438—439. Орфография и пунктуация модернизированы в соответствии с современными нормами с сохранением некоторых индивидуальных особенностей орфографии поэта.

Комментарии к разделам «Листы из записной тетради 1809—1810 гг.» и «Наброски и планы незавершенных произведений» подготовлены В. А. Кошелевым. В примечаниях к записным книжкам и письмам учтены разыскания из предшествующих комментариев Л. Н. Майкова, В. А. Кошелева и О. А. Проскурина. За любезную помощь в работе комментатор приносит глубокую благодарность М. А. Бобрик, Л. Н. Ивановой, Г. А. Космолинской, В. А. Мильчиной, Г. Ч. Гусейнову, А. А. Ильину-Томичу, С. Л. Козлову, В. А. Кошелеву, К. Ю. Лаппо-Данилевскому, А. С. Немзеру, Н. Г. Охотину, С. И. Панову, О. А. Проскурину, а также сотрудникам рукописного отдела Научной библиотеки Вильнюсского Гос. ун-та.

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Листы из записной тетради 1809—1810 гг. (с 7).— Публикуется впервые по автографу: *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 6, л. 1—7, 11. Сохранившиеся листы из тетради большого формата; бумага с водяным знаком «А. О.»; прозаические записи оформлены в

два столбца на странице; черновые наброски стихотворений даны на листе целиком. Порядок записей в настоящей публикации сохранен. Опущены авторские зачеркивания и варианты стих. Авторские пропуски обозначены отточиями.

Из «Аминты» Тассовой — прозаический перевод 1-й части второго монолога пастуха Аминты из одноименной драматической пасторали Т. Тассо (акт 1, сцена 2). *Латона убегала мщения Юноны...*— прозаический перевод отрывка из «Метаморфоз» Овидия (VI, 345—382); *Латона* — нимфа Лето. *Молодой Алкивиад...*— Алкивиад (ок. 450—404 до н. э.), афинский полководец и государственный деятель; Батюшков пересказывает два эпизода популярного романа А. Г. Майснера «Алкивиад» (ч. 1—4, рус. пер.: СПб., 1794—1802). *Один из блистательных фрагментов...*— выписка из «Похвального слова Марку Аврелию» А. Тома, пользовавшегося большой популярностью и переводившегося на русский язык Д. И. Фонвизиным (Фонвизин Д. И. Собр. соч., т. 2. М.— Л., ГИХЛ, 1959, с. 229). *Мирабо добавляет...*— Батюшков имеет в виду одну из реплик видного деятеля Великой французской революции О.-Г.-Р. Мирабо (1749—1791), сказанную в заседании Конвента. *Тибур ныне называют Тиволи...*— Здесь и далее речь идет о древних городах Малой Азии. *Здесь был вход в Цивиллину пещеру.*— Имеется в виду эпизод о Куманской Сибилле в «Метаморфозах» Овидия (XIV, 103—153). *...говорит Плиний...*— имеются в виду «Письма» Плиния Младшего (ок. 62 — ок. 114). *Дни наши, как воды Пенея...*— Пеней — река в Фессалии (области Древней Греции). *Лантье* Эмиль Эдуард (1734—1826) — французский писатель; в России была распространена его книга «Путешествие Атенора в Грецию» (1797), из которой Батюшков далее выписывает факты о Дельфийском храме и вакханках. *Свет исчез — ты испугалась...*— черновые наброски стихотворения «Ложный страх». Зачеркнут вариант продолжения: «В сладком погрузясь раздолье,// Ты думаешь, мой друг». *Приближьтесь, музы, и цветами...*— черновик перевода одной из «Мадегасских песен» Э. Парни. *Сионски жители в невежестве глубоком...*— набросок перевода начала 2-й песни «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо. *Друг Эраты и любимец...*— набросок шутливого стихотворения; интересен зачеркнутый вариант начала 2-го четверостишия: «Я игривую Эрату // У Державина застал...». *И на Парнасе есть война междуусобна...*— вероятно, начало сатиры «Распря нового языка со старым», которую Батюшков писал весной 1810 г. по совету В. А. Жуковского. *Бог Парнасских песнопений...*— неоконченное шутливое послание к А. Н. Оленину по поводу сатиры «Видение на брегах Леты».

Разные замечания (с. 17). *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 1.— Впервые — в извлечениях Изв., 1955, т. XIV, вып. 4. В более полном виде — *Арх. 1979.* Записная книжка была подарена Батюшкову Жуковским

12.V.1810, ее первые листы заполнены Жуковским. Батюшков писал в ней в 1810—1811-х гг. В том вошли все содержащиеся в книжке оригинальные записи; многочисленные выписки из Горация, Тацита, Ювенала, Монтеня, Бартелеми, Парни, Метастазио, книги пророка Иеремии и др. источников, а также сделанный Батюшковым перевод статьи Карамзина «О счастливейшем времени жизни» на фр. язык опущены. Полная публикация «Разных замечаний» в настоящее время готовится к печати.

Вот описание...— Этот отрывок следует в зап. книжке за фр. переводом 379—390 ст. из VI сатиры Ювенала. *Август говаривал...*— Эту фразу приводит И. М. Муравьев-Апостол в «Кратком размышлении о Горации», напечатанном в II вып. «Чтения в Беседе любителей российского слова» (1811). *Гораций... был осторожен* — цит. ст. 40—45 II кн. «Сатир» Горация, где автор пишет, что доверенность к нему Мецената проявляется только в самых безделках. *Своим другом...*— Гораций называет Мецената в ст. 62 VI сатиры I кн. *Журнал С. Н. Глинки...*— «Русский вестник» (1808—1820). *Уродливая поэма князя Шихматова*— «Петр Великий» (1810). Слова *Мерзлякова*, вероятно, были сказаны им во время университетской лекции. *Какой великий писатель Тацит...*— цит. кн. III, гл. 1—4, кн. IV, гл. 8—9, кн. VIII, гл. 50, кн. XIV, гл. 8 «Анналов» Тацита. *Trop de vers...*— цит. из I песни поэмы Ж.-Б. Грессе «Вер-вер» (1734). *«Les deux réputations...»* — повесть С. Жанлис «Две репутации» (1802), где критикуются «Нравоучительные сказки» Ж.-Ф. Мармонтеля, повести Вольтера и в анекдотическом свете выведен Ж.-Ф. Лагарп, который был поклонником, а по преданию, и возлюбленным писательницы. *Гораций говорит...*— «Наука поэзии», ст. 388—390. *Сочинения в прозе* — «Корчма в Молдавии», «Венера» и «Стихотворец судья» не сохранились. *«Горизонт», а не «обзор»...*— Писатели-шишковисты настаивали на употреблении слов со славянскими корнями. *Ваксин* — собирательное прозвище цензора. *«Орлеанская девка»...*— поэма Вольтера «Орлеанская девственница» (1725). *«Метафизика»...*— одно из названий труда Д'Аламбера «Элементы философии» (1759). *Дидот сделал великое зло* — первое т. наз. «стереотипное» издание «Орлеанской девственницы» Вольтера вышло в 1745 г. К нач. XIX в. их появилось уже более девяти. *Замечание...*— сообщаемые ниже сведения заимствованы Батюшковым из примечаний Ж.-Ш. Монтброна к его поэме «Скандинавы» (1801). *Книга Эдда...*— Речь идет о т. наз. «Младшей Эдде» (1222—1225), поэме Снорри Стурлуссона, одна из частей которой содержит обзор древнегерманских мифов. *Покойный Ш-в...*— Вероятно, Николай Петрович Шереметев (1751—1809), тративший огромные суммы на благотворительные цели. *...чудак из Жилблаза...*— Бернар де Кастиль Блазо, герой романа А.-Р. Лесажа «Жильблаз» (1715, кн. III, гл. 1). *Атала...*— повесть Ф.-Р. Шатобриана (1801). «Paule et Virginie» («Поль и Виргиния», 1787) — повесть Бернардена де Сен-Пьера. Далее в записной книжке следует описание

смерти Аталы из главы «Драма». *Предисловие к Энциклопедии* — «Очерк происхождения и развития наук» Ж. Д'Аламбера (1751). *М.*— возможно, С. Н. Марин. *«Alcibiade»* («Алкивиад», 1759) — первая из «Нравоучительных сказок» Ж.-Ф. Мармонтеля. *Саллюстий уже обнародовал книгу...*— вероятно, имеется в виду «История» (36—35 до н. э.). *О милый мой... домик...*— цит. Гораций. Сатира VI, кн. II. *Счастие не принадлежит...*— Послание XVII, кн. I. *Вопреки моим предприятиям...*— Послание VIII, кн. I. *Расин умер...*— легенда о смерти Расина, вызванной неблагосклонностью Людовика XIV, была опровергнута позднейшими исследователями. *Quid rides...*— цит. из I Сатиры (I кн.) Горация. *Расписание моим сочинениям...*— стих. «К. Ч⟨оглоково⟩й», «Желания», «Из Метастазия», «Семь грехов», «Ода Лебрюна на старость» (перевод оды Э. Лебрена «О преимуществах старости»), «Блестящий червяк», «Орел и уж», «На смерть Хераскова», «А. П. С. Приписание» (А. П. С.— возможно, А. П. Самарина), «Лиса и пчелы», «Песнь песней» до нас не дошли. *Рыдайте амуры...*— вольный перевод стих. ит. поэта XVIII в. П. Ролли «Рыдайте грации, рыдайте амуры». *Тасс... подражал Петрарку...*— Эту тему Батюшков развил в 1815 г. в статье «Петрарка» (см. т. I, с. 129). Речь идет о 126 канцоне Петрарки и эпизоде из VII песни «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо. *Не умре, спит девица.*— Мтф., 9, 24. *...Et rose...*— цит. из стих. Ф. Малерба «Стансы, утешение господину де Перриеру» (1598).

Чужое: мое сокровище! (с. 31). *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 10.— Впервые полностью *М — II.* Текст уточнен — *Арх. 1979.* Батюшков писал в записной книжке летом 1817 г. В наст. изд. публикуются только оригинальные записи Батюшкова. Опущены сделанные им выписки и конспекты из трагедии Шиллера «Валленштейн», книги С. де Сисмонди «О литературе юга Европы», поэмы Лукреция «О природе вещей», трактата Ш. Монтескье «О величии и упадке Римской империи», Ф. Шатобриана «Гений христианства», примечаний Ж. Мишо к переводу «Энеиды» Виргилия Ж. Делилем, трактата псевдо-Лонгина «О высоком» в пер. И. И. Мартынова, сочинений Сенеки и Лукиана, стих. Вяземского и Я. Б. Княжнина, библейских «Книги Иисуса, сына Сирахова» и «Книги притч Соломоновых».

Что писать в прозе...— Далее перечислены работы, отражающие интерес Батюшкова к «северной» поэзии: трактат И. Т. Буле «Опыт о критической литературе по русской истории» (1810, на нем. яз.), содержащий обзор по древнейшей истории Севера и в т. ч. Исландии; «Скандинавы» (1801) — поэма Ж.-Ш. Монброна, выданная им за перевод со свево-готического языка; книга А. Писарева «Предметы для художников» (1807), посвященная различным эпизодам древнерусской истории; «История Дании» (1755—1756) П.-А. Малле. *Сочинение Радищева...*— вероятно, имеются в виду «Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам» (1801—1802) А. Н. Радищева. *Смотри Гесне-*

ра...— «Письма о пейзажном искусстве» С. Геснера (1770). *...нашел в «Россиаде» место...*— цит. ст. 24—37, 42—84, VIII песни поэмы М. М. Хераскова «Россиада», посвященной взятию Казани Иваном Грозным (1779). *...замечено Мерзляковым...*— в его статье «Россиада, поэма эпическая г-на Хераскова» («Амфион» 1815, № 1—9) цитированные Батюшковым места не отмечены. *«Добрая лисица»* (1814) — басня Крылова (текст басни, переписанный Батюшковым, нами опущен). *Кто краснеет...*— цит. из «Нравственных писем к Луцилию» Сенеки (письмо XXXVII). *Лагарп на него... нападает...*— В «Курсе древней и новейшей литературы» (ч. I, кн. 3, гл. 2, отд. 4) Лагарпа содержится резкая критика Сенеки и полемика с «Опытом о царствовании Клавдия и Нерона и жизни и сочинениях Сенеки» (1778) Д. Дидро, где дана апологетическая оценка рим. философа. *Et voila comme...*— изм. цит. из трагедии Вольтера «Шарло» (1767) *...в «Северной почте»...*— Описание эпизода, о котором рассказывает Батюшков, обнаружить не удалось. Но о нем многократно шла речь в русской печати, в т. ч. в журнале «Русский вестник», 1812, № 10. *...Жуковский воспел в стихах...*— В стих. Жуковского «Певец во стане русских воинов» говорится: «Раевский, слава наших дней,// Хвала! перед рядами // Он первый, грудь против мечей // С отважными сынами»... *Je n'ai plus rien...*— изм. цит. из трагедии Вольтера «Эврифил» (1732). *Она питательница стиха...*— цит. «Жизнь Викторио Альфьери, рассказанная им самим» (1803, ч. IV, гл. I). *Сен-Ламбер советует экзаменовать себя...*—4-я часть книги Сен-Ламбера «О нравственных принципах всех народов, или Нравственный катехизис» (1803) называется «Испытание самого себя». *Генералы оба...*— С. Н. Ушаков и С. Н. Ланской были убиты 7.II.1814 года под Краоном. *Тихий нрав в крови...*— изм. цит. из стих. Державина «Праздник воспитанниц Девичьего монастыря» (1797). *Александр убил Клита...*— В 328 г. до н. э. Александр Македонский под влиянием гнева и вина убил Клита, ранее спасшего ему жизнь. Александр неизменно раскаивался в этом поступке. *...с Библии, которую мы... зовем славянскою...*— Вслед за Каченовским (см. письмо № 266) Батюшков считал, что славянская Библия написана на сербском языке. *Кантемир...*— Батюшков соотносит литературную жизнь XVIII в. с ситуацией первых десятилетий XIX в. *Обозрение журналов...*— Речь, несомненно, идет о полемике в 1769—1773 гг. сатирического журнала Екатерины II «Всякая всячина» с новиковскими журналами «Трутень» и «Живописец». *«Собеседник любителей российского слова»* (1783—1786) — журнал, издававшийся по инициативе Екатерины II и при ее деятельном участии. *Желание императрицы воскресить старинный язык русский...*— Екатерина II интересовалась фольклором и народными пословицами, обращалась в своих пьесах к древнерусской истории. Однако говорить о ее желании воскресить старинный язык не приходится. *Петров, Майков...*— В одной паре Батюшков упоминает непримиримых литературных противников. *Он памятник себе...*— изм. цит. из стих. Державина

«Памятник» (1796). *Богданович. Влияние его...*— Речь идет о влиянии Богдановича на легкую поэзию. ...*Буало и Попе у себя...*— Буало и Поп считались борцами с литературным варварством и арбитрами вкуса. *Переводы Кострова и Гнедича...*— Речь идет о переводах «Илиады». *Издания Жуковского...*— *СРС*, ч. I—V, 1810—1811 и ... *Кавелина...*— *СРС*, ч. VI, 1816. *Письма И. М. Муравьева-Апостола...*— «Письма из Москвы в Нижний Новгород», печатавшиеся в *СО* 1813—1815 гг. *Макаров* — Петр Иванович, речь идет о его отриц. рецензии на «Рассуждение о старом и новом слоге», напечатанной в «Московском Меркурии», 1803, № 12. Д. В. Дашков отвечал на «Разговоры о словесности» А. С. Шишкова в брошюре «О легчайшем способе возражать на критики» (1811), П. А. Никольский — в *«С-ПВ»* (1812, № 1). *Карамзин оставил «Вестник»...*— В 1804 г. в связи с началом работы над «Историей государства Российского» Карамзин отошел от издания «Вестника Европы». Основным издателем журнала был после него М. Т. Каченовский. *Пнин, Беницкий, Колычев...*— Названы литераторы просветительской ориентации, в той или иной мере связанные с радищевской традицией. *Новикова труды...*— Речь идет о значительном числе переводных книг, выпущенных университетской типографией под руководством Н. И. Новикова. *Tout vouloir...*— цит. из «Послания к Гельвецию». (1740) Вольтера. *Шалеют, как говорит... Кантемир...*— см. Сатира I, ст. 108. О *скупом и моте* речь идет не здесь, но в III сатире. *«Всемирный путешественник»...*— книга Ж. Лапорта «Всемирный путешествователь» в 27 томах (рус. пер., 3-е изд. 1800—1816). *На светло-голубом эфире...*— изм. цит. из стих. Державина «Видение мурзы» (1788), у Державина: «На темно-голубом эфире». *Ломоносов...*— Батюшков цитирует «Слово о пользе Химии», произнесенное Ломоносовым в Академии наук 6.IX.1751, и «Слово о рождении металлов», прочитанное 6.IX.1757. *«Рене»* (1802) — повесть Ф.-Р. Шатобритана (цит. гл. I). *Сен-Ламбер или Ларошефуко* — цит. 130 максима Ф. де Ларошфуко «Максимы» (1678). *Ксантиппа...*— жена Сократа. *Как бедный часовой тот жалок...*— цит. из стих. Державина «Приглашение к обеду» (1795). *Он... назвал Эпикура...*— неточн. цит. из «Нравственных писем к Луциллию» Сенеки (письмо XXXIII). *Слова спасителя о нищих духом...*— Мтф. 5, 3. *Анахарсис...*— «Путешествие младого Анахарсиса по Греции» (т. I—IX, 1788) Ж.-Ж. Бартелеми. *Агатон Карамзина...*— А. А. Петров, на смерть которого Карамзин откликнулся очерком «Цветок на гроб моего Агатона» (1793). *Сокольничий устав...*— «Книга, глаголемая урядник. Новое уложение и устроение чина сокольничья пути» (1656). *Гораций бросил щит свой при Филиппах...*— В 42 г. до н. э. при Филиппах республиканцы во главе с Брутом и Кассием были разбиты Антонием и Октавианом Августом. Гораций, сражавшийся в рядах побежденной армии, рассказал о своем бегстве в VII оде II кн. *Сервантес потерял руку при Лепанте...*— в 1571 г. в крупнейшем сражении испано-турецкой войны. *Перевод Мартынова...*— трактата псевдо-

Лонгина «О высоком» (1803). *Еще одна странность Державина...*— этот эпизод рассказан в воспоминаниях И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь» (М., 1866). Участвовал в нем не Неплюев, а И. П. Елагин. *В Московское общество любителей российской словесности* Батюшков был принят не в 1817, а в 1816 г.

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ НЕЗАВЕРШЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

План северной поэмы-сказки (с. 56).— Печатается впервые по автографу: *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 21, л. 3—3 об. Автограф заглавия не имеет. Датируется 1809 г.: именно к этому времени относится тот комплекс увлечений Батюшкова, который отразился в плане: окончание перевода Тассо и разочарование в нем (в плане — переосмысление образа Армиды); увлечение «Неистовым Роландом» Ариосто (в плане — Альцина); интерес к Гомеру, связанный с переводами Гнедича, и к скандинавской мифологии, возникший после пребывания в Финляндии (в плане — Оден, Валкирии, Гела). К этому же времени относится и перевод Батюшкова из поэмы Э. Парни «Иснель и Аслега, подражание скандинавам».

Русалка (с. 57).— Впервые: *М.— III*, с. 453—454, в качестве приложения к письму к П. А. Вяземскому от 23 июня 1817 г., в котором упоминается о замысле «приняться за поэму Русалку». Однако приведенный план не является приложением к указанному письму, что видно из его автографа: *ЦГАЛИ*, ф. 63, оп. 1, ед. хр. 4.

ПИСЬМА

«Кончу Тасса, уморю его и писать ничего не стану, кроме писем к друзьям: это мой настоящий род. Насилу догадался»,— писал Батюшков Гнедичу в марте 1817 г. Литературный характер эпистолярии поэта был очевиден его друзьям, начавшим публикацию писем Батюшкова еще при его жизни — в 1827 г. в *СЦ*, *ПОМ* и «Моск. телеграфе». Письма входили в состав Сочинений Батюшкова в 1834 и 1850 гг.

Значительная часть эпистолярного наследия Батюшкова была введена в оборот П. И. Бартеневым в *РА* (1866, 1867, 1875 и др.). П. А. Ефремовым и М. И. Семевским в *РС* (1870, 1871, 1874, 1883) и другими публикаторами. Более трехсот писем, из которых около половины печатались впервые, составили *М — III*. Из публикаций, появившихся после *М — III*, выделим (по количеству вводимых в оборот текстов) *Отчет*, *Нечто*, *Ежег.*, и *Пр., 1986*. В последнем издании, кроме того, были сведены большинство писем, не вошедших в *М — III*. В данном томе публикуются все известные к настоящему времени письма Батюшкова за исключением письма к И. И. Энгельмейеру (*РС*, 1893, № 4). Подлинник этого документа, созданного во время душевной болезни

поэта и опубликованного с обширными купюрами, остался нам недоступен, в связи с чем было принято решение отказаться от перепечатки заведомо дефектного текста.

В наст. изд. отсутствуют также письма Н. А. Оленину от 11.III.1807 (*РА*, 1867, № 10, перепечатанное в *М — III*, *АС*, *Нечто* и *Пр.*, 1986) и Неизвестному от декабря 1825 (*РА*, 1891, № 1), поскольку первое из них принадлежит С. Н. Марину (см. Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974, с. 7), а второе — В. А. Жуковскому (Жуковский В. А. Письма А. И. Тургеневу. Пб., 1895, с. 106).

Особую текстологическую проблему представляли письма Батюшкова к Гнедичу, публиковавшиеся в *РС* и *М — III* по ныне утраченным рукописям с серьезными разночтениями. Как показала сверка этих публикаций с незначительной сохранившейся частью корпуса (*ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157), в основном текст *РС* предпочтительней. Однако в целом ряде случаев необходимо было принять во внимание также и варианты *М — III*.

В комментариях приведены данные о современном местонахождении рукописи (в тех случаях, когда оно выявлено), первой публикации, а также о последующих публикациях, содержащих существенные изменения текста и уточнения датировки. Оговариваются также аналогичные изменения и уточнения, сделанные в наст. изд. Даты писем, написанных из-за границы, приводятся по европейскому стилю в тех случаях, когда двойная датировка не проставлена самим Батюшковым.

1. Впервые — *М — III*. Написано после поступления Батюшкова в частный пансион О. И. Жакино. *Сестрицы...*— Анна и Александра, находившиеся в то время в Петербурге.

2. Впервые — *М — III*.

3. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 21. Впервые фрагменты — *Моск.*, полностью *М — III*. «Речь на коронацию его Императорского величества Александра I», произнесенная 15 сентября 1801 г. митрополитом Платоном, была переведена Батюшковым на фр. язык. Перевод вышел в конце года с посвящением Платону Аполлоновичу Соколову. *Иван Антонович...*— Триполи. *«Кандид»* (1759) — повесть Вольтера, *«Путешествие в Египет и Сирию»* (1787) — книга К. Ф. Вольнея. *Анна Николаевна* — Гревенс (Батюшкова), старшая сестра поэта.

4. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 16. Публикуется впервые.

5. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 19. Публикуется впервые.

6. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 19. Публикуется впервые.

7. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 17. Публикуется впервые.

8. Впервые фрагменты — *Моск.*, полностью *М — III*. Написано перед назначением Батюшкова (22.II.1807) на должность сотенного начальника милиционного батальона и его отправлением в поход в Пруссию. *Михаил Никитич...*— Муравьев.

9. Впервые — *РС*, 1870, № 1. При письме рисунок Батюшкова, изображающий поэта на лошади, опубликован *М — III*, с. 6. *Твой Ахиллес...* — намек на работу Гнедича над переводом «Илиады» Гомера. *Красный Кабак...* — трактир за Петербургской заставой. *Лаптевич* — лицо неустановленное. *Департамент...* — в Министерстве народного просвещения, где служили Гнедич и Батюшков до его ухода в армию.

10. Рукописный отдел НБ Вильнюсского Гос. университета, ф. 81, ед. хр. 4. Впервые — *РС*, 1870, № 1. Текст уточнен В. И. Кулешовым в «Ученых записках» Вильнюсского Гос. ун-та. Сер. Общественных наук, 1954, т. I. *Тасса с собою не взял...* — Батюшков уже начал работу над переводом «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо. *Едущего на рыжаке...* — цит. из популярного стих. И. И. Дмитриева «Карикатура» (1792). *Буцефал...* — легендарный конь Александра Македонского, зд. символ боевого коня. *Мальвина...* — собака Гнедича. *Что Гомер? — Что Костров?* — Первоначально Гнедич задумывал свой перевод «Илиады» как продолжение перевода Кострова, опубликовавшего первые 6 песен. Позднее было обнаружено продолжение костровского перевода, что побудило Гнедича начать пер. «Илиады» заново, уже не александрийским стихом, а гекзаметром. *Играют ли «Донского»...* — Премьера трагедии В. Озерова «Дмитрий Донской» прошла с триумфальным успехом 14 января 1807 г.

11. Впервые — *РС*, 1870, № 1. Письмо сопровождалось рисунком, изображающим Батюшкова на костылях. Опубликован *М — III*, с. 12. Батюшков был ранен 29.V.1807 в сражении под Гейльсбергом. *Я на розах...* — характерная для начала XIX в. калька французской идиомы. *Пришли... Капниста...* — «Лирические сочинения» (т. I—II. Пб., 1806).

12. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*. *Абрам Ильич...* — Гревенс.

13. Впервые — *РС*, 1870, № 1. *Добавление к «Энциклопедии»* Д'Аламбера и Дидро (1776—1777) занимало пять томов. *Катерина Федоровна...* — Муравьева. *Высокое...* — И. И. Мартынов, переведший трактат псевдо-Лонгина «О высоком» (1803). Оценку Батюшковым этого перевода см. наст. т. с. 54. *O Grammaire...* — переделка строк из стих. Вольтера «Переложение Экклезиаста» (1759). В подлиннике «O nature».

14. *ГПБ*, ф. 777, ед. хр. 1615. Впервые — *М — III*. Датировка ошибочно исправлена в *АС* на 1.VII. В наст. изд. восстановлена по рукописи. Стих. связано со смертью сестры Батюшкова Анны Гревенс и слухами, распространившимися в этой связи.

15. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет*. Датировка уточнена по содержанию. Кто имеется в виду под *русским Фрелоном*, неясно. *«Драматический вестник»* — журнал, близкий оленинскому кружку.

16. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 19. Публикуется впервые. Речь в письме идет о разделе имения Батюшкова после вторичной женитьбы Н. Л. Батюшкова в 1807 г. Раздел состоялся 12.VI.1808 в Вологде. *Новгород-*

ский указ...— Даниловское, имение Н. Л. Батюшкова, принадлежало тогда к Новгородской губернии. *А. Н.*— вероятно, Оленин.

17. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 20. Впервые — *Ежег.*

18. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет*. Датировка уточнена по рукописи. *Поговорим... о Тассе...*— В это время Батюшков работал над переводом «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо. *Мерзляков не перевел ли уже без меня...*— Мерзляков начал переводить «Освобожденный Иерусалим» в 1808 г., но полностью его перевод был опубликован лишь в 1828 г. Посвящение Оленину не сохранилось. Трагедия Озерова «Поликсена» в то время еще не вышла в свет, но сведения о работе Озерова над ней были распространены в оленинском кругу. *«Трумф»* (1799—1800) — шуто-трагедия И. А. Крылова, расходившаяся в списках. *Le monde est vieux...*— неточн. цит. из басни Ж. Лафонтена «Сила басен» (кн. VIII — 1678—1679). *Жучка в эпанечках...*— цит. из стих. Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807). «Блестят и жучки в епанечках» — по выражению Державина, означает, что «посредственные мысли, хорошо сказанные чистым слогом, делают красоту сочинения». *Nous chantons...*— цит. стих. Вольтера «К тени Женонвилля» (1729).

19. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *РС*, 1871, № 2. *Послание «К Тассу» и ... «эти стихи...»* — отрывок из I песни «Освобожденного Иерусалима» были помещены в VI ч. *ДВ* за 1808 г.

20. *ГПБ*, 197, ед. хр. 38. Впервые — *РС*, 1871, № 2. *Баллада Жуковского...*— «Людмила», напечатанная в *ВЕ*, 1808, № 9.

21. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157. Впервые — *РС*, 1871, № 2. Два сражения под Индосальми состоялись 15 и 30.X.1808. *Кенги* (кеньги) — теплая зимняя обувь. *Полковник...*— А. П. Турчанинов.

22. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*. *Алеша...*— сын П. А. и Е. Н. Шипиловых. *Алексей Никитич...*— отец П. А. Шипилова.

23. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157. Впервые — *РС*, 1871, № 2.

24. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*.

25. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157. Впервые — *РС*, 1871, № 2. «Песни *Оссиана*» в ит. переводе *М. Чезаротти* вышли в 1763 г. *За синим океаном...*— строки из «Послания к И. И. Дмитриеву» (1794) Н. М. Карамзина, означающие загробный мир.

26. *ГБЛ*, ф. 211, к. 3619, ед. хр. I—1,1. Впервые *РА*, 1867, № 11. *M-le George...*— Выступления мадмуазель Жорж в России начались 15.VII.1808. *Лесаж описывает...*— Речь идет об эпизоде из V гл. II кн. «Жильблаза» (1715—1735). *Елизавета Марковна...*— Оленина.

27. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые фрагмент — *Москв.*, 1855, № 23—24, полностью — *М — III*.

28. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157. Впервые — *РС*, 1871, № 2.

29. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — фрагмент *Москв.*, 1855, № 23, 24, полностью *М — III*. *Тетушка...*— Е. Ф. Муравьева.

30. Впервые — *РС*, 1874, № 6. В *М — III* датировано 1810 г.,

однако по содержанию (упоминание об отставке, о премьере «Танкреда» и др.) явно связано с № 31 и относится ко времени пребывания Батюшкова на военной службе. *Не найдетеся...*— цит. псалом 145, стих. 3. *La plainte est...*— изм. цит. из комедии Лану «Исправленная кокетка» (1757, д. I, явл. 3). *Кадили как Вольтеру...*— В 1750—1753 гг. Вольтер прожил при дворе прусского короля Фридриха II, сначала настойчиво приглашавшего к себе философа, а потом подвергшего его преследованиям. *Des protégés...*— цит. из комедии Ж.-Б. Грессе «Злой» (д. II, явл. 3). *«Британик»* (1669) — трагедия Ж. Расина, *«Альзира»* (1736) — трагедия Вольтера; *«Леар»*, *«Танкред»* см. примеч. к № 49, 31. *Посмотри на Озерова...*— Снятие со сцены «Поликсены» В. А. Озерова (1809) считалось в оленинском кругу следствием зависти и интриг А. А. Шаховского.

31. *ЦГАОР*, ф. 279, № 1157. Впервые — *РС*, 1871, № 2. *Qu'un ami...*— цит. из басни Ж. Лафонтена «Два друга» (VIII кн.— 1678—1679). *Чувствительна душа...*— цит. из басни И. И. Дмитриева «Старик и трое молодых» (1799). *«Танкред...»* — Премьера трагедии Вольтера, переведенной Гнедичем, состоялась 8.IV.1809. *Figures de savant...*— цит. из «Мизантропа» (1666) Мольера (д. II, явл. 1). *La gît la sombre...*— цит. из «Генриады» (1728) Вольтера (песня VII). *Et je serois faché...*— цит. из «Мизантропа» Мольера (д. I, сц. 1). *Анна Федоровна...*— Фурман. *Кто мог любить...*— цит. из песни Карамзина «Прости» (1793). *Я плакал, ты смеялся...*— переделанная цит. из песни Карамзина «К Лиле» (1796). *...с рублем к Каменному мосту...*— Справа от Каменного моста в СПб. находилась Мещанская улица, район публичных домов.

32. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*. Датировка уточнена по рукописи. *Сестра...*— А. Н. Гревенс.

33. *ИРЛИ*, ед. хр. 3006. Впервые — *М — III*. *Абшид...*— отставка. *Шексна...*— река в Новгородской губ. (сейчас в Вологодской обл.) близ имения Батюшковых. *Toux ceux...*— измененная цитата из стихотворения Г.-А. Шолье «На смерть маркиза Лафара» (1712). *Михаила Никитича и тени не осталось...*— После смерти М. Н. Муравьева его жена с детьми переехала в Москву.

34. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157. Впервые — *РС*, 1871, № 2. *...кротал...*— древнегреч. музыкальный инструмент. *Анна Петровна...*— Самарина. *...по следам Бороздина...*— К. М. Бороздин совершал в 1809—1811 гг. вместе с А. И. Ермолаевым путешествие по России, летом 1809 г. он посетил Тихвин, Устюжну, Череповец. *Александр Петрович...*— Беницкий.

35. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет*. Датировка уточнена по содержанию: в 1809 г. Батюшков приехал в Хантоново только в июле. *Много нового и чудеса...*— Возможно, намек на интриги А. А. Шаховского в связи с постановкой «Поликсены» В. А. Озерова.

36. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *РС*, 1871, т. III, № 2. *Ты*

обитаешь на даче...— Гнедич жил в это время на даче у А. П. Самариной. *Спутники итакского мужа...*— свиньи, в которых спутники Одиссея были превращены богиней Цирцеей. *Накинем занавес целомудрия...*— перифраза слов Н. М. Карамзина из повести «Наталья, боярская дочь» (1792): «Священный занавес опускается, священный и непроницаемый для глаз любопытных» (речь идет о первой брачной ночи возлюбленных). *Несколько эпиграмм...*— В «Цветнике» в 1809, № 9 и 1810, № 1 появились эпиграммы Батюшкова: «Как трудно Бибрису со славою ужиться», «Мадригал новой Сафе», «Книги и Журналист», «Эпиграмма на перевод Вергилия» (см. ниже); *поэт Сидор...*— С. С. Бобров. Батюшков пародирует строку из его поэмы «Судьба древнего мира, или Всемирный потоп» (1804): «Тогда тьмы рыб в древах висели». *Кузьма...*— А. А. Нартов, президент Российской Академии, находившейся на Васильевском острове. *Также Державина...*— «Сочинения Державина» (ч. I—IV, 1808). *Ты получил пенсион...*— Гнедич получил пенсион для занятий переводом «Илиады» по ходатайству князя И. А. Гагарина от великой княгини Екатерины Павловны. *Играйте, о невские музы...*— переделка строк из «Стихов похвальных Парижу» (1730) В. К. Тредьяковского: «Любо играет и Аполлон и музы // В лиры и в гусли, также и в флейдузы».

37. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157. Впервые — *РС*, 1871, № 2. *Письмо твое от 23...*— Это письмо и еще 6 писем Гнедича Батюшкову напечатаны в *Ежег.*— 1972 (Л., 1974). *«Коррадо»* — «Дон Коррадо де Геррера» (1803), роман Н. И. Гнедича. *«Танкред»* — см. примеч. к № 31. *...вот ей стихи...*— «Стихи к Семеновой» были напечатаны в *Цв.*, 1809, № 9. Гнедич занимался с Семеновой правилами театральной декламации. *Как Корреджиева дева...*— возможно, имеется в виду картина Корреджо «Мадонна, кормящая младенца грудью» (1521), находившаяся в Имп. Эрмитаже в СПб. *Беницкого не стало...*— Беницкий умер 12.XII.1809. В письме от 23.VIII Гнедич сообщал Батюшкову о смертельной болезни Беницкого. *Хераскова трагедия...*— «Разделенная Россия, или Зареида и Ростислав», изданная Российской академией в 1809 г. после смерти автора. *Triste amante...*— цит. из VII песни «Генриады» (1728) Вольтера. *Читать пряники Долгорукова...*— перифраз строк из стих. И. М. Долгорукова «Пир»: «Посовестившись брать с собой в дорогу книжку,// Он с голоду в запас взял вяземску коврижку». *Долго ли Мартынов исповедует...*— По изданному в авг. 1809 г. указу, для получения чина коллежского советника необходимо было сдать экзамен. И. И. Мартынов был назначен в число экзаменаторов. *Франковы пилюли* — лекарства по рецептам доктора Франка. *Как царь и раб умираем...*— перифраз из стих. Державина «Властителям и судиям» (1787): «И вы (цари — *А. З.*) подобно так умрете, как ваш последний раб умрет». *Гибель Карфагене...*— Фраза «Карфаген должен быть разрушен» принадлежала не Бруту, а римскому политич. деятелю Катону Старшему. *Княжнина сочинения...*— Княжнин Я. Б.

Собрание сочинений, тт. I—V (М., 1802—1803). *Mais sans un Mecenat*...— цит. из I сатиры Н. Буало. *Итальянский эпиграф*...— см. т. I, с. 368. *Cratior et*...— цит. ст. 344 V песни «Энеиды».

38. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157. Впервые — *РС*, 1871, № 2. ...*сице для колесницы* — намек на строки из V песни «Илиады» в переводе Кострова: «Престань и не глаголи сице,// Спеши, спеши воссесть со мной на колеснице». *«Марфа Посадница, или покорение Новагорода»* (1803) — повесть Карамзина. *«Умный и дурак»* — очерк Беницкого из издававшегося им альманаха «Талия» (1807, кн. I); ...*речь мою за Архия*...— Батюшков имеет в виду «Стихи Семеновой». «Речь за поэта Архия» (63 до н. э.) произведение Цицерона, прославившееся красноречивой апологией искусства. *Перевожу... Тибулла*...— первый перевод Батюшкова из Тибулла появился в *ВЕ*, 1810, № 23. *«Аглая»* — журнал, издававшийся в 1808—1812 гг. П. И. Шаликовым. ...*англичанка не сделала ли*...— ответ на неясное сегодня сообщение Гнедича в письме от 6.IX: «Англичанки уже нет у Самариной. Аглая — француженка заняла ее место». ...*издателя Лукницкого*...— Вопреки утверждению Батюшкова, эпиграмма «Книги и журналист» направлена именно против Лукницкого и его журнала (см. т. I, с. 368).

39. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157. Впервые — *РС*, 1871, № 1. *Михайло Никитич* — Муравьев. *Катерина Федоровна* — Муравьева. *Frappez juste*...— слова Вольтера Лагарпу, зафиксированные в «Литературной переписке» Лагарпа (т. IV, письмо 180). *Пря, моря*...— Вероятно, Батюшков подыскивал по просьбе Гнедича рифму для одного из его стихотворений. *Се третий*...— двустишие из утраченной части перевода Батюшкова I песни «Освобожденного Иерусалима» Тассо (строфа 63).

40. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157. Впервые — *РС*, 1871, № 2. *Севинье говорит*...— ироническое изложение соображений из письма Севинье к М-м де Гриньян от 7.X.1761. *Последнее письмо*...— это письмо неизвестно. *Послушай Власьевны*...— цит. из комич. оперы Я. Б. Княжнина «Сбитеньщик» (1783), II д., 2 явл. «*Описание* торжеств в доме князя Потемкина по случаю взятия Измаила» (1791) Г. Р. Державина входило в I ч. его «Сочинений» (1808) и состояло из прозаического повествования, перемежавшегося стихотворными вставками. *Molti cosigli*...— цит. из поэмы Л. Ариосто «Неистовый Орландо» (1516—1532, песня XXVII, с. 1). ...*утренние шмели*...— досаждавшие Гнедичу молодые литераторы. *Скотинин на перекличке*...— цит. из «Недоросля» (1782) Фонвизина. *Честь Кодру-Жихареву*...— перифраза формулы из «Послания от английского стихотворца Попа доктору Арбутноту» (1798) И. И. Дмитриева: «Честь Кодру — исполину». *Кодр* — имя бездарного писателя из «Сатир» Горация. ...*метромания*...— страсть к сочинительству. *Филоктет* — герой одноим. трагедии Софокла, страдавший от неизлечимой болезни и оставленный на пустынном острове. ...*пятьдесят мне било*...— цит. из стих. Державина «На счастие» (1789). *«Видение»*...— «Видение на брегах Леты». *Славено-*

фил...— описание А. С. Шишкова в «Видении». *Deux nobles...*— цит. из III «Сатиры» (I, 66) Н. Буало. *«Кир»* — десятитомный прециозный роман М. Скюдери «Артамен, или Великий Кир». *Писареву дела нет...*— речь идет о книге А. А. Писарева «Предметы для художников, избранные из российской истории» (ч. I—II, 1807). *...играл на скомонех и др.*— цит. из книги А. А. Писарева: ч. I, с. 87—93, ч. II, с. 210. *«Система природы»* (1770) — философский труд П. Гольбаха. *«Путешествие молодого Анахарсиса по Греции»* (1788) — роман Ж.-Ж. Бартелеми. *«Правила для актеров»* — «Общие правила театра» (1809) А. А. Писарева представляли собой компиляцию из Вольтера. Скептическая рецензия на этот труд была опубликована в *Цв.* 1809, кн. 6. *В эпиграфе ошибка...*— Вероятно, имеется в виду фраза: «все стремятся к совершенству, но не имея способность, тщетою силятся оного достигнуть». *Je me sauve...*— цит. из «Посвящения королю», предварявшего собрания сочинений Буало.

41. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157. Впервые — *PC*, 1871, № 2. *«Видение»...*— Письмо изобилует цитатами из «Видения на брегах Леты» см. т. I, с. 369—376. *Ода Лебрена...*— «На старость», см. коммент. с. 595. *Испаганская башня...*— Описание башни в Исфагане, построенной из костей животных, см. во «Всемирном путешествователе» Ж. де Ла Порта (3-е изд. т. I—XXVII, 1779—1816), т. II, письмо XXII. *«Заира»* (1732) — трагедия Вольтера, переведенная Гнедичем, Шаховским, М. Лобановым, С. Жихаревым и А. Полозовым. *Штаневич...*— прозвище Е. Станевича. *Писарев... играть на скомонех...*— см. примеч. к № 39, 40. *Первая песнь готова...*— Из этого перевода известен лишь небольшой фрагмент. См. т. I, с. 359. *Рифм на моря...*— см. примеч. к № 38.

42. *ГБЛ*, ф. 211, к. 3619, ед. хр. I—1,2. Впервые — *PA*, 1867, № 11. *...И я у всех стал виноват...*— цит. из стих. Державина «На счастие» (1789). *Les sots sont ici — bas...*— цит. из комедии Ж.-Б. Грессе «Злой» (1747, д. II, явл. 1). *Сочинительница «Густава»...*— Е. И. Титова, см. т. I, с. 373. *Сновидец Иосиф...*— Батюшков сравнивает написанное в форме сна «Видение на брегах Леты» со снами, истолкованными библ. Иосифом Прекрасным. *Бранит меня...*— измененная цитата из послания С. Н. Марина « К Крылову» (*ДВ*, 1808, № 8).

43. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157. Впервые — *PC*, 1871, № 2. *«Илиады» экземпляр...*— Перевод Гнедича IX песни «Илиады» вышел отдельно в 1809 г. *Послание...*— Вероятно, речь идет о раннем варианте «Послания к великой княгине Екатерине Павловне» (1816) Гнедича. *«Дунциада»* (1728) — литературно-сатирич. поэма А. Попа. Свою «Дунциаду» (1764) написал также Ш. Палиссо.

44. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет. Видение пророка Ирмозиасооа...*— Начало письма пародирует библейский стиль, пародийно и имя вымышленного пророка. *Весь Парнас, весь сумасшедших дом...*— цит. из стих. И. И. Дмитриева «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту». *Мне стыдно перед Глинкой...*—

намек на сатирич. изображение С. Глинки в «Видении на брегах Леты». *Карамзин был в Твери...*— В Твери находился двор великой княгини Екатерины Павловны. *Малиневич* — лицо неустановленное. *«Заира»* — см. примеч. к № 41. *Что Межаков задумывает...*— о женитьбе П. А. Межакова см. № 75. Е. Н. Львова была родственницей и воспитанницей Державина. *Измайлов свинтус...*— А. Е. Измайлов задерживал присылку экземпляров *Цв.* для Батюшкова.

45. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*. *Анна Семеновна...*— Муравьева-Апостол. *...одна из дочерей...*— Е. И. Ожаровская.

46. Впервые — *PC*, 1874, № 6. *Тверь от меня близко...*— см. примеч. к. № 44. *1 песнь Тасса* — см. примеч. к № 41. *Que la fortune...*— измененная цит. из басни Лафонтена «Филемон и Бавкида». *Твое послание ко мне с ответом...*— Послания Батюшкова и Гнедича были напечатаны в *BE*, 1810, № 3.

47. *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, ед. хр. 59. Впервые — *М — III*. Стих. из письма было опубликовано в *Цв.* 1810, № 2, с подписью Т. Н. Р. См. т. I, с. 377.

48. Впервые — *PC*, 1874, № 6. *Пушкина...*— вероятно, Елена Григорьевна. *Que la fortune...*— см. примеч. к № 46. *Львов* — Леонид Николаевич.

49. Впервые — *PC*, 1874, № 6. *Кинкеты* — род керосиновых ламп, часто устанавливавшихся в великосветских гостиных. *Уехал в леса Пошехонские...*— измененная цит. из «Послания к А. А. Плещееву» (1795) Н. Карамзина («Что ж делать нам? Ужель сокрыться // В пустыню Муромских лесов»). *Жить с китайскими тенями воображения...*— цит. из последней фразы «Писем русского путешественника» (1801) Карамзина. *Парижская красавица...*— Е. И. Ожаровская. *Твое и мое послание...*— см. № 46. *Маленькая тень...*— А. Ф. Мерзляков (цит. из «Видения на брегах Леты»). *Vos ego...*— цит. из XVI стих. Катулла. *Лютрен* («Налой», 1674—1683) — ироикомическая поэма Н. Буало. *Моя печать...*— По сообщению Ефремова, у Батюшкова были печати с изображением Амура, целующего Психею и с подписью «Счастье» на греч. языке. *Жуковский говорил о твоем «Леаре»...*— Рец. Жуковского появилась в *BE*, 1810, № 3. *«Леар»* (1808) — перевод Гнедичем переделки шекспировской трагедии М.-Ф. Дюси.

50. Впервые — *PA*, 1901, № 10. *Таз медяный...*— шутливое прозвище Тасса. Речь идет о батюшковском переводе «Освобожденного Иерусалима». *Кое-что... чего нельзя вывозить...*— возможно, «Видение на брегах Леты».

51. Впервые — *PC*, 1874, № 6. *Муравьев...*— И. М. Муравьев-Апостол. *...солонка дедовска...*— цит. из его перевода 16 Оды (кн. II) Горация в *BE*, 1809, № 20. *Маленькая пьеска...*— «Привидение» (см. т. I, с. 176). *Маленький Муравьев* — Н. М. Муравьев. *Не столько я благополучен...*— цит. из оды Державина «На смерть князя Мещерского» (1779).

52. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Приказ и опекунский совет...*— благотворительные учреждения, занимавшиеся также кредитной деятельностью: выдачей ссуд под залог недвижимости. Приказы находились в губерниях, опекунские советы — в Москве и Петербурге. Место директора училищ Вологодской губернии П. А. Шипилов получил только в 1824 г. *Отправляюсь в Тверь...*— см. примеч. к № 44.

53. Впервые — *РС*, 1874, № 6. *«Илиада»...*— первоначальный вариант перевода VIII песни, выполненный александрийским стихом. *Марфа* — см. примеч. к № 38.

54. Впервые — *РС*, 1874, № 6. *На меня гроза...*— в связи с «Видением на брегах Леты». *«Фелица»* (1783) — ода Державина; *«Василий Темный»* (прав. «Темный», 1808) — его же трагедия. *Sans la liberté...*— цит. из пьесы Ж. Бомарше «Женитьба Фигаро». *Le ridicule leur reste...*— изменен. цит. из пьесы Ж.-Б. Грессе «Злой» (1747, д. II, явл. 1).

55. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 18. Публикуется впервые. Датируется по содержанию в связи с № 57.

56. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *АС*. Представляет шутливый отклик на восторженный отзыв Вяземского о «Видении на брегах Леты». *Иордан...*— река, в которой крестил Иоанн Креститель. *Приезжий*, вероятно, П. А. Шипилов, см. № 55, 57. Это упоминание служит основанием для датировки письма. *«Людмила»* — баллада Жуковского.

57. *ИРЛИ*, ф. 13. ед. хр. 19. Публикуется впервые. *Тетушка* — Е. Ф. Муравьева. *Ректор университета* — И. А. Гейм. *Сашинька* — дочь Е. Н. и П. А. Шипиловых.

58. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Пр., 1986. Эхо по холмам...*— ранний вариант 18 строки из элегии «Мечта». Этот фрагмент вошел в «Отрывок из Писем русского офицера о Финляндии», *ВЕ*, 1810, № 8. *Отъезжающий родственник...*— П. А. Шипилов (см. примеч. к № 56).

59. Впервые — *РС*, 1874, № 6. *Анна Семеновна, Иван Матвеевич* — Муравьевы-Апостолы. *Где стол был яств...*— цит. из стих. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779). *Приидите ко мне* — цит. из Евангелия (Мтф., 11, 28). *De mortius...*— высказывание древнегреч. мудреца Хихона, перефразированное в книге Диогена Лаэртского «О жизни, сочинениях и мнениях прославленных философов». *15-тилетняя девушка...*— Е. И. Ожаровская. *Лицо Николевской трагедии...*— Трагедии Н. П. Николева отличались повышенной экзальтированностью. В 1810 г. в Московск. театре была возобновлена его трагедия «Сорена и Замир». *Напечатали «Петриаду»...*— Речь идет о поэме С. Ширинского-Шихматова «Петр Великий. Лирическое песнопение в 8-ми песнях» (1810). *Сестра Сладковского...*— имеется в виду поэма Р. Сладковского «Петр Великий» (1803). *Собрание любителей словесности...*— Официальное открытие Общества любителей российской

словесности при Моск. ун-те состоялось в 1811 году, но ядро его уже к этому времени сложилось. *История Бороздина* — К. М. Бороздин вел подробный дневник своего путешествия по России в 1809—1810 гг., оставшийся неопубликованным. Очерк Батюшкова «Картина Финляндии» и Тибуллова элегия X из I кн. появились в *ВЕ*, 1810, № 8. В письме от 6.XII.1809 Гнедич писал: «Я... еду в Малороссию и вряд ли оттуда возвращуся». *Для нас все хорошо вдали...*— Это стих. Батюшкова неизвестно. *Жить Лафонтеном...*— Легендарный облик Лафонтена связывался в XIX в. с бедностью, беспечностью и ленью. *О пряжках Патрокловой брони...*— Консультантами Гнедича по древнегреч. реалиям, встречающимся в «Илиаде», были А. Н. Оленин и С. С. Уваров. *Капнист... ест зубами...*— Вероятно, какое-то шутливое прозвище Капниста было связано с «собачьей» семантикой, см. также № 43. *Отрывок из Мильтона о слепоте...*— «Мильтон, сетующий на свою слепоту» — отрывок из поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» (1667), переведенный Гнедичем в 1805 г. с фр. перевода Ж. Делиля и опубликованный в 1814 г.

60. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *АС*, где датировано 1817. Датировка мотивирована — *Пр., 1986*, с. 479. *Тень Боброва* — С. С. Бобров умер 22.III.1810. *К Измайлову будет послано...*— для публикации в *Цв.*

61. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. С наступившим праздником...*— с Пасхой. *Николай Иванович...*— Гнедич.

62. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Покойная сестрица...*— А. Н. Гревенс.

63. Впервые — *РС*, 1874, № 6. *«На смерть Даниловой»...*— стих. Гнедича, напечатанное *ВЕ*, 1810, № 10. *«Элегия»* — см. примеч. к № 59. *Обращение к Пенатам...*— строки 19—38 «Тибулловой элегии X» (см. т. I, с. 182). *Вы сами рифмы плесть...*— цит. из перевода И. И. Дмитриева «Триссотин и Вадиус» (1810) — отрывка из «Ученых женщин» Мольера. *Мерзляков читал...*— см. примеч. к № 18. *Путешествие Ермолаева и Бороздина* — см. № 34.

64. Впервые — *РС*, 1874, № 6. *Попроси... Хвостова...*— Д. И. Хвостов был другом П. И. Кутузова и его соиздателем по журналу «Друг просвещения» (1804—1805).

65. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые фрагмент — *Нечто;* полностью — *Пр., 1986. Катерина Андреевна и Николай Михайлович...*— Карамзины. *Девица Жуковская...*— среди друзей В. А. Жуковского было принято подшучивать над его целомудрием. *Рукопись...*— вероятно, «Разговоры в царстве мертвых», опубликованные в том же году Н. М. Карамзиным в двухтомнике М. Н. Муравьева «Опыт истории словесности и нравоучения». *Homme de champs...*— Батюшков обыгрывает название поэмы Ж. Делиля (1800). *Joukovsky a fait imprimé...*— Некролог (*литания*) С. С. Боброву появился в *ВЕ*, 1810, № 11 вместе с двумя эпиграммами Вяземского, связанными со смертью поэта.

66. *ИРЛИ*, Р. 1, оп. III, ед. хр. 519. Впервые — *РА*, 1875, № 11. *Эней, Тезей, Улисс...* — мифологич. герои, оставлявшие любимых женщин. *«Опыт (Опыты) в прозе»* был напечатан в *ВЕ*, 1810, №2 (см. т. I, с. 266). Переработанный текст элегии «Мечта» появился в *СРС*, т. V; *«Источник»* — в *ВЕ*, 1810, № 17 и *СРС*, т. II. *Я к тебе прикасался...* — цит. из стих. «Источник» заимствована Батюшковым из VI элегии I кн. Тибулла. *Фонтенейский сад...* — в Фонтене, родине Г.-А. Шолье. *«Володимир»...* — эпич. поэма, так и не написанная Жуковским. *К «Мечте» прибавил...* — доработки, сделанные при редактировании «Мечты» (см. т. I, с. 201).

67. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Нечто. Эней...* — Герой поэмы Вергилия «Энеида» (набожный — его постоянный эпитет в поэме), которого Батюшков иронически объединяет с Элизой, возлюбленной и адресатом писем Йорика, героя романа англ. писателя Л. Стерна «Сентиментальное путешествие» (1768). *Il a ri...* — изм. цит. из 7 карт. III д. комедии А. Пирона «Метромания» (1735). *Астафьево* (Остафьево) — подмосковное имение Вяземских. *Я к нему писал...* — см. предыдущее письмо. *А я из скупости...* — цит. из стих. И. И. Дмитриева «Послание английского стихотворца Попа доктору Арбутноту». Перевод *«Песни Песней»*, сделанный Батюшковым, не сохранился; перевод *«Неистового Орланда»* Л. Ариосто с французского был издан П. С. Молчановым (т. I—III. М., 1791—1793). Под *Белевом* находилось имение Протасовых, где подолгу жил Жуковский. *«Малиновка»* — басня А. А. Волкова (*ВЕ*, 1809, № 22). *«Лаура»* — стих. Вяземского «Моленье Лауры» (*ВЕ*, 1809, № 9).

68. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 5082. Впервые — *М — III*, где датировано 1811. Датировка уточнена по содержанию. Просьба прислать что-нибудь о Молдавии связана с работой Батюшкова летом — осенью 1810 г. над повестью «Корчма в Молдавии» (см. с 21. См. также журн. «Русская литература», 1986, № 1, с. 15). *A faux titre...* — цит. из II сатиры М. Ренье. *Карикатура...* — возможно, стих. Вяземского «Сравнение Петербурга с Москвой» (1810). *«Les Scandinaves»* (1801) — поэма Ж.-Ш. Монброна, сопровожденная обширными комментариями. *Виталище* — от лат. vita (жизнь).

69. *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 4, ед. хр. 8. Впервые — *М — III*. *Теокритову эклогу...* — Перевод Н. Кошанского из Феокрита неизвестен. *Старец... рожденный на Хие...* — Гомер. *«Филоктет»* (409 до н. э.) — трагедия Софокла, перевод Лагарпа вышел в 1781 г. *Сахарная бумага* — синего цвета, использовавшаяся для обертки сахара. На ней написано это письмо.

70. Впервые начало — *РС*, 1874, № 6, окончание — *РС*, 1883, № 3. *Chi va lontan...* — цит. из «Неистового Орландо» Л. Ариосто (Песнь VII, строфа 1). *D'honnête, mon ami...* — цит. II гл. трактата Д. Дидро «О драматической поэзии» (1758). *Шиллеров разбойник...* — Карл Моор, благородный разбойник, герой драмы Ф. Шиллера «Разбойники»

(1781). *Коцебятина...*— мелодрама в стиле А. В. Коцебу. Дорожные происшествия, в истинности которых сомневался Батюшков, описаны Гнедичем в письме от 2.IX.1810. См. *Ежег. 1972*, с. 88. *Eheu fugaces...*— цит. из 14 оды II кн. «Од» Горация. *Робертсонова история* — «История Америк» (1771—1790) У. Робертсона. О деятельности Б. Лас-Казаса речь идет в 3 кн. 1 тома. *Гиневра* — героиня поэмы Л. Ариосто «Неистовый Орландо» (1511—1536), жена шотландского короля. Приговоренная к смерти по ложному обвинению в измене, была спасена рыцарем Ринальдом. Вероятно, предостережение Гнедича связано с тем, что в 1809—1810 гг. трагедию на этот сюжет написал Капнист (не сохранилась), с которым он общался на Украине. *Познай себя...*— Изречение это, принадлежащее по Платону семи древнегреч. мудрецам, было разъяснено Сократом, а не Пифагором, как пишет Батюшков.

71. Впервые — *РС*, 1883, № 3. *Посылаю «Мечту»* — см. № 66. *Анна Петровна...*— Самарина. *Перевел из Парни большой отрывок...*— «Сон воинов» (см. т. I, с. 228). *Метроман* — графоман. *Mediocribus esse...*— цит. из «Искусства поэзии» Горация, ст. 372—373. *Напечатать... в глухой типографии...*— Это издание не осуществилось.

72. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157. Впервые — *РС*, 1871, № 2. *Послушаем Лагарпа...*— «Похвальное слово Колардо» (1776) было произнесено Лагарпом, избранным во французскую академию на место Колардо, скончавшегося накануне своего вступления в нее. Тасс умер перед своим увенчанием лавровым венком на Капитолии. *Я не враль и не гений...*— Намек на Г. Р. Державина — см. № 77. *Мои стихи в «Вестнике»...*— О каких именно стихах Батюшкова, напечатанных в *ВЕ* в 1810 г., идет речь, установить невозможно. *Le ciel...*— цит. из письма Э. Парни к брату от сентября 1785 г. Эти строки, вероятно, служили эпиграфом к «Посланию к Гнедичу» (см. т. I, с. 348). *Михаил Никитич* — Муравьев. *Quod rides...*— цит. из I сатиры (1 кн.) Горация. *Львова вышла замуж за Львова.*— Женитьба вдовца с десятью детьми Ф. П. Львова на своей дальней родственнице Е. Н. Львовой вскоре после смерти в марте 1810 г. его первой жены была петербургской сенсацией. *Леонид* — Л. Н. Львов, брат Е. Н. Львовой. *Я с ним жил у Карамзина...*— в Остафьево в июне — июле 1810 г. Повесть А. Беницкого *«На другой день»* была напечатана в *Цв.*, 1809, ч. 1. Некролога Беницкому Гнедич не написал. М. Т. *Каченовского рецензия* на стих. С. А. Шихматова «Возвращение в отечество любезного моего брата» была напечатана в *ВЕ*, 1810, № 19.

73. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1157. Впервые — *РС*, 1871, № 2. *Стилус* (лат.) — остроконечная палочка для письма. *Путешествие сделалось...*— цит. из очерка Н. М. Карамзина «Цветок на гроб моего Агатона» (1794). *Мирты тень...*— цит. из ранней редакции стих. «Мечта» ст. 22. *Капуцин* — зд. ханжа, клерикал. *Le veritable esprit...*— цит. из «Послания к графу Морепа» (1740) Вольтера. *«Эсфирь»* (1669) — поздняя трагедия Расина. *Славная эдиция «Эсфири»...*— Сочинения Ра-

сина с комментариями Л. Буажермена и Б. де Сенмера выходили в 1767 и 1796 гг. *Ликей* — «Беседа любителей российского слова», учреждавшаяся в это время. *Венера Анадиомена* — выходящая из морских волн. *Венера Филопига* — видимо, Калипига, скидывающая с себя тунику.

74. Впервые — *РС*, 1883, № 3. *Искусный лекарь...*— Глазов. *Гельвеций сказал...*— В кн. «Об уме» (1758, рассуждение 4, гл. XII). *Запустение и позвиздание* — цит. из «Книги пророка Иеремии» (гл. 16, ст. XVIII). *Я писал тебе...*— см. № 71.

75. Впервые — *РС*, 1883, № 3. *Фонтанели* — гнойные раны. *Твои восклицания и вопросительные знаки...*— «Неужели ты в Москве!!?»,— писал в письме от 6.I.1811 (*Ежег.*, 1972, с. 88) Гнедич, не одобрявший этой поездки Батюшкова. *Пришли 9-ю песнь...*— перевода «Илиады». *Межаков женится...*— П. А. Межаков женился на О. И. Брянчаниновой, племяннице А. М. Брянчанинова. *Твоя Софья...*— Софья Александровна К., в которую был влюблен Гнедич в юности (см. Жихарев С. П. Записки современника.— М.— Л., 1955, с. 423).

76. Впервые — *РС*, 1883, № 4. *Я буду всегда тебя любить...*— Характеристика дружбы, которую дает Батюшков, перефразирует «Опыты» Монтеня (кн. I, гл. XXVII). *Мое посвящение...*— В списке стих. Батюшкова (см. с. 29) есть не дошедшее до нас стих. «А. П. С.— приписание». *Не вышлешь «Перуанца»...*— отредактированное стих. Гнедича «Перуанец к испанцу» было напечатано Жуковским в IV ч. *СРС. Жуковский написал балладу...*—«Громобой», напечатанную в *ВЕ*, 1811, № 4. На Спасском мосту торговали лубочными картинками и простонародными сказками. *Гагарин женится на Муравьевой...*— Е. И. Муравьева-Апостол вышла замуж за гр. И. Ожаровского *К. Х.*— лицо неустановленное. *Шишков написал «Разговор»...*— «Разговоры о словесности» (1811).

77. Впервые — *РС*, 1883, № 3. *Голицына я не видал...*— Речь ниже идет о произошедшем в доме князя Б. В. Голицына скандале между Державиным (наш *Лирик*) и Гнедичем в связи с отказом последнего вступить в «Беседу» (*ликей*) не членом, но сотрудником, как ему предлагалось. *«Ирод и Мариамна»* (1808) — трагедия Державина. *Ему 60 лет...*— Державину было в это время 67. *«Перувианец»* — см. примеч. к № 76. *Новая сатира...*— поэма «Расхищенные шубы» А. А. Шаховского (1811). *Приступаю к твоей критике...*— Ниже цитируются фрагменты из 3-й песни поэмы А. Парни «Иснель и Аслега» (1801—1808) и перевода Батюшкова «Сон воинов». *Внесены профессором Ноэлем... в образцы* — в книге Ф. Ноэля и Г.-Ф. Ла Пласа «Образцы французской литературы и морали», выдержавшей более двадцати изданий. *Dulces patria...*— Лат. пословица «сладок дым отечества» восходит не к Вергилию, но к «Посланиям с Понта» Овидия (кн. I, послание 3, ст. 33). *Изможная и др.*— пародийно утрированные цит. из стих. «Перуанец к испанцу».

Жуковского издание — *СРС. Муравьева сочинения...*— «Опыты истории, словесности и нравоучений» (т. I—II, 1810). *Карамзин опять в Твери...*— В марте 1811 Карамзин был представлен вел. кн. Екатериной Павловной Александру I.

78. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 19. Впервые — *Ежег.*, где датировано 1810 г. Однако в марте 1810 г. П. А. Шипилов находился в Москве, см. № 55, 57. К 1811 г. относится и пребывание в Твери Александра I. См. № 77. *Баранов женится* — эти слухи не подтвердились, см. № 178. *Кнастер* — сорт табака.

79. Впервые — *РС*, 1883, № 4. *Что за письмо...*— письмо Гнедича от 21.III.1811 см. *Ежег.*, 1972, с. 89—91. В нем действительно нет начала и конца. *Влага вод* — см. № 77. В окончательной редакции перевода Батюшков снял фрагмент, содержащий эту строку. *Певец Фелицы* — Г. Р. Державин. *Велхи* — зд. вслед за «Посланием к маркизу Д.-Вилье» (1777) Вольтера, литературные варвары. Первоначально — валахи. *В. Л. Пушкин сочинил сатиру* — «Опасный сосед» (1811). *Называть пару — двоицею.*— В стих. «На возвращение в отечество любезного моего брата...» (1810) С. А. Шихматов употребил выражение «на резвой двоице коней», спародированное В. Л. Пушкиным в «Опасном соседе». *Но к черту...*— цит. из «Опасного соседа».

80. Впервые — *РС*, 1883, № 4. *Сочинения Михаила Никитича...*— «Опыты истории, словесности и нравоучений» (т. I—II, 1810) М. Н. Муравьева. Стих. Гнедича «*Перуанец* к испанцу» было напечатано в IV ч. *СРС*, послание «К Б<атюшкову> и «Отрывок из III книги «Потерянного рая» в V ч. Стих. Батюшкова «К *Мальвине*» — впервые появилось не в *«Лицее» Мартынова*, а в его же *СВ*, 1805, № 11 и было напечатано не в I, а во II т. *СРС. Мальвина* — собака Гнедича. *Державин написал...*— В письме А. И. Тургеневу от 18.III.1811 (Д е р ж а в и н Г. Р. Сочинения, т. VI, 1871, с. 108—211) Державин выразил возмущение в связи с перепечаткой Жуковским в *СРС* большого числа его стихотворений. *Лучшая сатира на Шишкова...*— В т. III *СРС* были перепечатаны 4 стихотворения А. С. Шишкова: «Умирающее дитя», «Фиялка и терновник», «Сладость благотворительности», «Похвала зиме»; в т. V — «Надпись к монументу Суворова». *Стихи князя Вяземского...*— «Отъезд Вздыхалова» (1811). *Заседание Лицея...*— Первое заседание «Беседы» состоялось 14.III.1811 г. *Голицын написал книгу...*— «Размышления о русских переводах и особенно о переводе «Максим» Ларошфуко» (1811) Б. В. Голицына. Собственно критики ни Карамзина, ни Шишкова в этой брошюре нет. *Другой Голицын...*— А. П. Голицын, переводчик и составитель «Собрания отрывков, взятых из нравственных и политических писателей» (1811). Батюшков называет ее книгой для постников — за антипросветительский характер.

81. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Гнедича пожаловали в асессоры...*— Эти сведения не подтвердились, см. № 84, 92.

82. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Публикуется впервые. Датируется временем общения Батюшкова в Москве одновременно с Жуковским, Вяземским и Барановым.

83. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Публикуется впервые.

84. Впервые — *РС*, 1883, № 4. *О своей радости...*— см. № 81. *Еще было заседание...*— Второе заседание «Беседы» состоялось 22.IV.1811. *С богами говорить...*— цит. из «Письма о пользе критики» Д. И. Хвостова, прочитанного на заседании. *Жизнь Горация* — «Краткое рассуждение о Горации» И. М. Муравьева-Апостола напечатано во II вып. «Чтений в Беседе любителей российского слова» (1811). *В «Цветнике» рецензию...*— в IV ч. *Цв.* за 1810 г. помещена рецензия, подписанная А. А., на стих. С. Шихматова «Послание к любезному моему брату». Там же напечатана отрицательная рецензия Д. В. Дашкова на «Перевод двух статей Лагарпа с примечаниями переводчика» А. С. Шишкова. *Карусель* — Конные состязания. Вероятно, Батюшков имеет в виду репетиции, т. к. открытие карусели состоялось 20.VI.1811. *Анастасевичева журнала...*— «Улей» (1811—1812). *Tunc veniam...*— цит. 3 элегия I кн. Тибулла.

85. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III* с датировкой 1810 г. Датировка уточнена по содержанию в соответствии с № 78, 81. *Иван Семенович...*— Батюшков. *Павел Алексеевич...*— Шипилов.

86. Впервые — *РС*, 1883, № 4. *Гимн Орфеинов...*— стих. Державина «Сретение Орфеем солнца» (1811). *В университете заводится род лицея...*— Общество любителей российской словесности при Моск. ун-те открылось в июле 1811 г. *Переводчик Расина...*— Речь идет о переводе трагедии «Ифигения в Авлиде» М. Е. Лобанова, опубликованном полностью только в 1815 г. При подготовке издания Лобанов частично учел замечания Батюшкова. *Рецензия Хвостова...*— вероятно, отзыв о Хвостове в одном из писем Гнедича. *Крин* — лилия. *Рецензия Жуковского...*— В № 7 *ВЕ* за 1811 год была помещена отрицательная рецензия Жуковского на пьесу А. П. Грузинцова «Электра и Орест» (1809). В № 9 появилось письмо М. С. в защиту пьесы и ответ, подписанный Воейковым, но принадлежавший Жуковскому. *Шолио... в Фонтене* — см. примеч. к № 66. *Язык не прильпнет к гортани* — цит. псалом 136, ст. 6.

87. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 18. Впервые — *Ежег.*, где датировано 1816 г. Настоящая датировка мотивирована *Пр., 1986*, с. 489. На обороте письма — обратная записка Жуковского (*Ежег.*, с. 85). *Сочинения М. Н. Муравьева* были подготовлены Жуковским к печати только в 1819—1820 гг.

88. *ГИМ*, ф. 68, ед. хр. 8 *. Впервые — *М — III*. *Itinéraire...*— «Дневник путешествия из Парижа в Иерусалим» (тт. I—III, 1811) Ф. Шатобриана.

89. *ГИМ*, ф. 69, ед. хр. 8 *. Впервые — *М — III*. *Вручить... Шатобриана* — см. примеч. к № 88. *Василий Львович* — Пушкин.

90. *ГИМ*, ф. 69, ед. хр. 8 *. Впервые — *М — III. Votre cher cousin* — В. Л. Пушкин.

91. *ГИМ*, ф. 69, ед. хр. 8 *. Впервые — *М — III. M-r de Mouravief* — И. М. Муравьев-Апостол. *Corinne* — роман Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» (1807).

92. Впервые — *РС*, 1883, № 4. *Полозов набредил...*— о производстве Гнедича в коллежские асессоры см. № 81, 84. *Его слово, говоренное в Беседе...*— «Речь при открытии «Беседы», напечатанная в I вып. «Чтений в Беседе любителей российской словесности»; *с италиянского «Крепость»* — стих. А. С. Шишкова «Сон. Осада крепости (подражание итальянскому)», напеч. в том же выпуске. *«Остров любви»...*— «Езда на остров любви» (1730) — перевод В. К. Тредьяковского романа П. Тальмана. *Станевича казанью* — «Размышления при гробе благодетеля» Е. И. Станевича, отличавшегося, по словам Шишкова, «силой воображения и хорошим слогом». *Казанья* — чепуха. *Много перевел из Пирона...*— Эти переводы Ю. Нелединского-Мелецкого не сохранились. *Пушкина сатиру...*— «Опасный сосед» (1811). Далее следуют цит. из нее. *Мармонтель в своей поэтике...*— в кн. «Основы литературы» (1787). *Муравьев просит у меня...*— Стихи Батюшкова никогда не исполнялись в «Беседе», см. № 93.

93. Впервые — *РС*, 1883, № 4. Письмо получено Гнедичем 20.VII. *Ликеане* — члены «Беседы». *Московский пантеон* — Общество любителей российской словесности. *Твои стихи...*— «Гомеров гимн Венере» — напечатан в *С-ПВ.* в 1812, № 2. *Венера Филопига* — см. № 73. *Мера мне не нравится...*— Гимн написан цезурованным шестистопным ямбом с предцезурным наращением на третьей стопе. *Зефиры тиховейны...*— цит. из «Гимна...». Какие сатиры и послания читал в Москве С. Н. Марин, неизвестно. Его перевод трагедии Вольтера «Меропа» поставлен в окт. 1811 г., напечатан частично в «Русской Талии» (1826). *«Элегия»* — XI элегия 1 кн. Тибулла.

94. Впервые — *РС*, 1883, № 4. *...infinement petit...*— Понятие «бесконечно малого» было введено не Декартом, как пишет Батюшков, а И. Ньютоном. *Читаю... Сен-Ламберта* — «Нравственные принципы всех народов, или Универсальный катехизис» (1798). *Шатобриан... зачернил мне воображение Мильтоновыми... бесами.*— Речь идет о трактате Шатобриана «Гений христианства» (1802), 3 гл., I кн., I ч. которого посвящена поэме Мильтона «Потерянный рай» (1667). *Орфей Орфеич...*— Державин. *«О счастии»...*— дидактическое стихотворение А. П. Буниной в 4 песнях. *Esprit d'histoire...*— Трактат А. Феррана «Дух истории» (ч. I—IV, 1802) был написан под впечатлением якобинского террора. *Нет ли Крылова...*— «Новых басен» (1811).

95. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III. Мудрец в 17 лет...*— Вяземскому было в это время девятнадцать. *Александр, родившийся в Пелле...*— Александр Македонский. *Пряники...*— см. № 36. *Глафира* — имя героини любовной лирики И. М. Долгорукова.

Гости его сердца — перифраз названия книги Долгорукова «Бытие моего сердца» (1808). *«Аглая»* (1808—1812) — журнал, издававшийся П. И. Шаликовым. *...свободные чувствования...*— «Плод свободных чувствований», т. I—III (1798) — собрание произведений Шаликова.

96. Впервые — *РС*, 1883, № 4. *Кострова не страшись...*— В *ВЕ*, 1811, № 14—15 были опубликованы VII, VIII и часть IX главы из перевода «Илиады» Е. Кострова, что, по мнению Гнедича, обесценивало его собственную работу. *Сице, сели в колеснице...*— см. примеч. к № 38. *Славенофил...*— Шишков. *Выпроси его «Сказки»...*— вероятно, рукопись. «Басни и сказки» А. Е. Измайлова вышли только в 1814 г.

97. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. *Ты женишься?..*— Вяземский женился осенью 1811 г. на В. Ф. Гагариной. *Издатель «Русского вестника»* — С. Н. Глинка.

98. Впервые — *РС*, 1883, № 5. *Строганов умер* — А. С. Строганов. *Когда же...*— Цит. из стих. Батюшкова «Мои Пенаты». *На образец «Крепости»...*— см. № 92. *Купаться, купаться...*— В «Рассуждении о лирической поэзии или об оде» (1811) Державин привел строки из песенки Шишкова «На купанье» (1783): «Купаться, купаться теперь череда», как пример «забавного вдохновения». *Эней* — герой поэмы Виргилия «Энеида». *Отец* — его постоянное обозначение в «Энеиде» (в рус. пер. «родитель Эней»). *Штаневич... распятый Каченовским...*— рецензия Каченовского на «Собрание сочинений в стихах и прозе» (1805) Е. Станевича появилась в *ВЕ*, 1806, № 1. В *ВЕ*, 1808, № 18 Станевич был вторично подвергнут критике Воейковым. *Саула Песнопение...*— Оратория Державина «Успение Саула» (1809) была написана полиметрическим стихом с нерифмованными вставками, которые и пародирует Батюшков. *Наши астрономы комету...*— В *ВЕ*, 1811, № 18 была помещена заметка о регулярно появляющейся в небе комете, содержавшая упреки по адресу астрономов, неспособных объяснить этот феномен. *Цыфиркин* — герой «Недоросля» Фонвизина.

99. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III*. *В храм Гименея...*— см. № 97. *S'il dependoit...*— цит. из басни Лафонтена «Куропатка и петухи» (кн. 8, 1678). *Quantum mutatus...*— цит. из поэмы Виргилия «Энеида» (II песня, ст. 274).

100. Впервые — *РС*, 1883, № 5. *«Расставщиком кавык»...*— изм. цит. из стих. И. И. Дмитриева «Послание английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту». *Откупиться от благодарности красноречием* — в VIII «Исповеди» (1766—1769) Ж.-Ж. Руссо рассказано, как автор убедил себя, что он должен ради независимости отказаться от пенсии, которую собирался ему назначить король. *Твои стихи...*— элегию «Задумчивость» (другое название «Уныние») (1809). *Водяной Гомер* — иронически переосмысленное прозвище «российский Гомер», которое Херасков получил за эпич. поэму «Россиада» (1779). *Ты будешь чело...*— Строка эта была вычеркнута Гнедичем из окончательного текста. *La melancholie...*— «Меланхолия», стихотворение Ж.-Ф. Лагар-

па. *Чем Капнист занимается...*— Речь идет о в то время не опубликованных статьях Капниста, доказывавших происхождение славян от древнего племени гипербореев. *Бредни дураков шведов, упсальских профессоров...*— Батюшков сравнивает гипотезы Капниста с предположениями о том, что руническое письмо существовало в допотопные времена, подвергнутыми критике в V главе «Опыта о критической литературе по русской истории» (1810). И. Т. Буле и домыслами астронома *С. Бальи* о происхождении науки у неведомого азиатского народа. «История древней астрономии» (1775) С. Бальи была осмеяна в ряде писем Вольтера к автору с декабря 1775 по январь 1777. Об истории полемики Вольтера и Бальи идет речь в 4 отд. кн. 2, III ч. «Курса древней и новейшей литературы» Лагарпа.

101. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III. Almanach des Muses...*— Ежегодник, где на протяжении II пол. XVIII в. публиковались произведения фр. легкой поэзии. *Лагарпов Псалтырь...*— «Лицей, или Курс литературы древней и новой» Ж.-Ф. Лагарпа (т. I—XVI, 1799—1805). *Гектор, Астианакс* — герои «Илиады» Гомера. *Летел бы в Сурат...*— изм. цит. из сказки И. И. Дмитриева «Искатели фортуны» (1797). *Милонов сделался Державиным...*— Речь идет о стих. М. В. Милонова «Похвалы сельской жизни» — подражание 2 «Эпистоле» Горация (*BE*, 1811, № 19). *Слушал его послание...*— Речь идет о «Послании к Д. В. Дашкову» (1811) В. Л. Пушкина. *Иванова стихи* — «Послание к Лиде в день рождения» (*BE*, 1811, № 20). *«Ода к Приапу»* (ок. 1713) — знаменитое скабрезное стихотворение А. Пирона. *«Остров Борнгольм»* (1794) — повесть Н. М. Карамзина, о котором Батюшков осведомляется в этой фразе. *Музыку на мой романс...*— На какое стих. Батюшкова написал музыку М. Виельгорский, неизвестно.

102. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 25. Впервые — *М — III. Днем вашего ангела...*— Именины Е. Ф. Муравьевой были 23 ноября.

103. Впервые — *PC*, 1883, № 5. *Балдус, Скривериус, Матаназий, Метафрастик...*— нарицательные имена педантов-комментаторов. *Готовиться к экзамену...*— Имеется в виду принятый в 1809 г. указ, по которому чин коллежского асессора присваивался только по сдаче определенного экзамена. *Подобно Митрофану...*— отсылка к «Недорослю» Фонвизина (д. III, явл. 7). *Поэтические подробности из Зябловского...*— Речь идет о «Статистическом описании Российской империи» (1808) Е. Ф. Зябловского. *Везде встречаются...*— изм. цит. из басни А. П. Беницкого «Бык и овцы» (1807). У Беницкого: «везде несчастному встречаются...» *La faute en est...*— изм. цит. из комедии Ж.-Б. Грессе «Злой» (1747). *Cadedis...*— характерное гасконское ругательство во фр. комедиях. *Каченовский... изволит забавляться...*— В статье «Об учености Вольтера» (*BE*, 1811, № 17) М. Каченовский дал отрицательную характеристику фр. писателю. Ранее в театральной хронике (*BE*, 1810, № 20) он скептически отзывался о «Тартюфе» Мольера. *Он написал послание к Дашкову...*— см. № 101. *Измайлов — басни, сказки,*

видения...— Имеются в виду произведения А. Е. Измайлова, направленные против «Беседы», в том числе, возможно, видение «Минос, Львов и Гераков», одно время приписывавшееся Батюшкову. *О логика, несть без тебя спасения...*— изм. цит. из комедии Я. Б. Княжнина «Неудачный примиритель, или Без обеда домой поеду» (1789). *Синекдохос...*— герой этой комедии. *Горация Муравьева...*— см. № 84. *Львова стихи...*— «Ручей» Ф. П. Львова, напечатанный в «Чтениях в Беседе...» (вып. 2, 1811). *«Le ruisseau amant...»* — стих. Ф. Фонтенеля. Вольтер иронизировал над ним в своем «видении» «Храм вкуса» (1733). *«Уныние»...*— см. № 100. Редактируя стих., Гнедич принял замечания Батюшкова. *Альцеста и Поликсена Мерзлякова* — переводы фрагментов из трагедии Еврипида «Алкеста» и «Гекуба». *Se a perder...*— цит. из «III сатиры» (1518) Л. Ариосто. *Собрание стихов...— СРС.* Кого Батюшков имеет в виду под *мучеником Жоффруа*, неясно. Дальше перечислены произведения, включенные Жуковским в антологию.

104. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III. Томы* — место ссылки Овидия в Румынии. *Твою большую хартию...*— неопубликованное письмо Вяземского, содержавшее рассказ о стычке М. Каченовского и П. Шаликова и критич. замечания на стих. «Мои Пенаты». *Эпиграмм...*— Стих. Вяземского «Отъезд Вздыхалова» (1811), направленное против Шаликова. *Под рукой в полиции...*— Каченовский жаловался в полицию, что Шаликов угрожал расправиться с ним за критические выступления. *Mais nous autres...*— намек на диалог Триссотина и Вадиуса из комедии Мольера «Ученые женщины» (1672). *Родясь Мопсом...*— пересказ бессмысленной эпиграммы Шаликова на Вяземского, приведенной в письме Вяземского. *Ah, toujours de l'esprit...*— цит. из. II сц. III акта «Ученых женщин». *Nous avons les riers* — цит. из письма Вольтера Д'Аламберу от 13.VIII.1760. *Мерзляков был обижен мною...*— в «Видении на брегах Леты». *Бланк неистощимый...*— цит. из эпиграммы Вяземского на Шаликова «Выход Вздыхалова»: «И ты о Бланк неистощимый, Единственный читатель мой». *За Преснею живущие поэты...*— На Пресне находился дом Шаликова. А. Ф. Воейков жил на Девичьем поле. *Фреронов журнал...*— «Литературный год» (1754—1776). *«Сиротка Филомела»...*— басня Батюшкова «Филомела и Прогна». Другая басня, которую цитирует Батюшков, до нас не дошла. *Почему не назвать тебя внуком Аристиппа...*— В своем письме Вяземский выражал недоумение по поводу эпитета «Аристиппов внук», приложенного к нему в «Моих Пенатах». *Поклонись Давыдову...*— Д. В. Давыдову. *Давыдов-Анакреон* — Л. В. Давыдов. *Je vous regretterais* — цит. из послания Вольтера «Маркизу де Вилье» (1777).

105. Впервые — *РС*, 1883, № 5. *Eheu fugaces...*— цит. из 14 оды II кн. Горация. *Акадия...*— Аркадия, провинция в Древней Греции, условное место действия идиллий. *34 песнь Орланда...*— Других фрагментов этого перевода, кроме приведенного в письме, не сохранилось. Ниже следует пересказ песни. *Тирский багрец...*— Красная краска из

города Тира в Финикии (Ливан). *Ариоста только Шишков в состоянии переводить слово в слово...*— А. Шишков делал свой перевод «Неистового Орландо» прозой. *Око за око...*— первоначально в книге «Исход», 21, 24. *Вольтер в своей «Девке»* — поэме «Орлеанская девственница» (1735). *Загляни в цензурный комитет...*— Любая комическая трактовка библейских сюжетов подлежала цензурному запрещению. *«Уныние»* — перевод Милонова стих. Дж. Томсона «Одиночество» (*ВЕ*, 1811, № 19). *Перевод Горация...*— см. № 101. Там же напечатаны «Взгляд на успехи Российского витийства в первой половине истекшего столетия» М. Каченовского (*Рассуждение... о проповедниках*) и его же статья о книге А. Л. Шлецера «Нестор» (1802—1809), где дана критика высказываний С. Н. Глинки по этому вопросу. *Королевич Бова* — герой народного лубочного романа.

106. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Абрам Ильич* — Гревенс. *Алексей Николаевич* — Оленин, директор императорской библиотеки. *Дмитрий Осипович* — Баранов. *Павел Львович* — Батюшков.

107. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III. Чтение Шаховского...*— Чтение поэмы «Расхищенные шубы» состоялось в VII заседании «Беседы» 23.II.1812. Нападки на Карамзина и Блудова не вошли в печатный текст поэмы. *Тургенев* — Александр Иванович, находившийся в Москве в январе — марте 1812 г. *Давыдов женится.*— Слухи о женитьбе Д. В. Давыдова не подтвердились. *Милонов... написал к тебе послание* — «Сопоклонник Аполлона» (см. М а р и и С. Н., М и л о н о в М. В. Стихотворения... Воронеж, 1983, с. 28). *Твое письмо* — о письме Вяземского с оценкой творчества М. В. Милонова см. № 101. *Блудов... ничего, кроме Mercure de France, не читает...*— Этот выпад не попал в окончательный текст. *Гашпар* — герой «Расхищенных шуб» Шаховского.

108. *ГПБ*, ф. 78, ед. хр. 17. Впервые — *РС*, 1893, № 2. *«Melomanie»...*— Начертание буквы *l*, близкое к *t*, позволяет предположить описку. Вероятно, имеется в виду комедия А. Пирона «Метромания» (1735), которая подробно пересказана в «Курсе древней и новейшей литературы» Лагарпа (ч. III, кн. I, гл. 5, отд. 3).

109. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Павел Алексеевич* — Шипилов. *Абрам Ильич* — Гревенс. *Глуповское* — имение Батюшковых. *...готов... попросить... Дмитриева...*— И. И. Дмитриев был в это время министром юстиции. *Гриша...*— Г. А. Гревенс.

110. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. О деле интересном...*— см. № 109.

111. Впервые — *РА*, 1875, № 11. *Тому уже более года...*— см. № 87. Там же о работе Жуковского над «Сочинениями М. Н. Муравьева». *Мышь, удалившаяся от света* — название басни И. И. Дмитриева. *Московская богадельня стихотворцев...*— Общество любителей российской словесности.

112. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III* с обширной купюрой. Полностью — впервые. Именины А. Н. Батюшковой праздновались 23 апреля. *Определен в библиотеку...*— 22 апреля Батюшков получил место помощника хранителя манускриптов в Публичной библиотеке. О месте у князя И. А. Гагарина и о причинах, вынудивших Батюшкова отказаться от него, ничего не известно. *Одним из лучших здешних художников...*— Вероятно, речь идет о портрете Батюшкова работы О. А. Кипренского.

113. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *Пр., 1986*. Речь в письме идет о кончине Петра. См. № 112. *Петр Михайлович* — Дружинин.

114. *ЦГАЛИ*, ф. 193, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III. Читал московскую Беседу...*— «Труды общества любителей российской словесности» (ч. I, 1812). *Был в питерской...*— 8-е заседание «Беседы» прошло 4 мая 1812. Там читался «Опыт о российских писателях» А. С. Шишкова, посвященный Феофану Прокоповичу, которого в конце рассуждения Шишков сравнил с Цицероном, и «Ночь на гробах» С. А. Шихматова, подражание поэме Э. Юнга *(Йонга)* «Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1741). Напечатаны в VIII вып. «Чтений в «Беседе»... (1812). *Groyez cela* — фр. поговорка, означающая крайнюю степень недоверия.

115. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III. Блудов женился...*— 28.IV.1812 на А. А. Щербатовой. *Ржевский... успел... напечатать стихи...*— стих. «Новобрачным Д...Н... и А... А...Б.» вышли отдельной брошюрой. *Своим Катуллом...*— В лирике Катулла много эпиталам, т. е. стихов на свадьбы. *Твои замечания... не совсем справедливы...*— В неопубликованном письме Вяземский критиковал строку Батюшкова «В таблицах Мнемозин». Фрагмент с этой строкой был Батюшковым переработан. *Живучи на содержании Грузинской весталки...*— Имеется в виду П. И. Шаликов, грузин по происхождению и издатель журнала «Аглая» (1808—1812). *Chartreuse...*— см. примеч. к стих. «Мои Пенаты» (т. I, с. 458). Стих. Д. И. Хвостова «*Весна* 1812 г.» было прочитано в «Беседе» и напечатано в IX вып. «Чтений в «Беседе»... *Под именем Крылова вышли стихи* — послание «А. С. Шишкову» было выпущено за подписью *Иван Крылов* Д. И. Хвостовым (см. Сборник отделения рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, т. VI. Пб., 1869, с. 278—279). *Шаховской написал водевиль...*— «Казак-стихотворец» (1812). *Шихматов — поэму о гробах...*— см. № 114. *Другой Пушкин...*— А. М. Пушкин был известен вольтерьянскими взглядами. *Северин... выключен из нашего общества...*— будущие арзамасцы (Батюшков, Северин, Блудов) вышли из Вольного общества любителей словесности, наук и художеств в знак протеста против исключения из него Д. В. Дашкова за издевательскую приветственную речь Д. И. Хвостову. Батюшков был принят в общество только 8.II.1812 г. А. Е. *Измайлов* был председателем Вольного общества. *Новая сатира Милонова...*— «К моему рассудку» (1812). В. Л. Пушкин выведен

здесь под именем Вздоркина. *Soyez plutôt...*— изм. цит. из IV песни «Искусства поэзии» (1674) Н. Буало. В. Л. Пушкин был масоном. *Шаликов в своем новом послании...*— в стих. «Наши стихотворцы» («Аглая», 1812, № 4). *Amour, amour...*— цит. из басни Лафонтена «Влюбленный лев» (кн. IV, 1668).

116. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М* — *III*. *Место у князя Гагарина.*— См. № 112.

117. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *Пр., 1986*. См. № 113. *Лизавета Марковна. Алексей Николаевич...*— Оленины. *Сережа Муравьев...*— С. И. Муравьев-Апостол. *Ипполит...*— И. И. Муравьев-Апостол. *Петр Михайлович...*— Дружинин.

118. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Публикуется впервые. *Мой портрет...*— см. № 112. *Китайка* — бумажная ткань.

119. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М* — *III*.

120. Впервые — *РА*, 1875, № 11. *Tu jouis...*— цит. из «Послания к аббату Куртену» («Аббат, чья льстивая речь...») Г. А. Шолье. *Невские гуси...*— члены «Беседы». *Пришли нам...*— Далее перечислены произведения Жуковского 1812 г.: перевод кантаты Д. Драйдена «Пиршество Александра, или Сила Гармонии»; «Послание к Плещееву в день светлого Воскресенья», баллада «Светлана» и послание «Батюшкову». *Лаура...*— Героиня любовной лирики Петрарки. *Ивану Матвеевичу о твоем деле...*— И. М. Муравьев-Апостол должен был написать воспоминания о М. Н. Муравьеве для издания, которое готовил Жуковский. *Прости, отшельник* — оконч. редакции послания (см. т. I. с. 217 и прим. с. 458) сильно отличается от первоначальной. *Брат тебе кланяется...*— Н. И. Тургенев, много занимавшийся экономическими проблемами.

121. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 5082. Впервые — *М* — *III*. *Политические обстоятельства...*— 12.VI началась Отечественная война. *Чем грешная...*— цит. из басни И. И. Дмитриева «Мышь, удалившаяся от света» (1803). *Балладник, певец Асмодея.*— Жуковский, изобразивший Асмодея в балладе «Громобой», входящей в поэму «Двенадцать спящих дев». *Загородный дворец...*— имение Вяземского в Остафьеве. Именины Вяземского отмечались 25 июня.

122. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 5082, на обороте письмо Вяземскому М. В. Милонова. Впервые — *М* — *III*. *Анжелика и Медор* — идеальные возлюбленные из поэмы Л. Ариосто «Неистовый Орландо». Фразы, которую приводит Батюшков, в тексте поэмы нет. *Балладу Жуковского...*— «Светлану». *Девы...*— поэма «Двенадцать спящих дев». *Послание ко мне...*— Послание Жуковского «К Батюшкову» представляет собой ответ на «Мои Пенаты».

123. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М* — *III*. *Северин остается при коллегии...*— Д. Н. Северин служил в иностранной коллегии. *Ты, новый воин...*— Вяземский вступил в ополчение в Мамоновский полк. *О паче всяких мер...*— цит. из XI песни «Илиады» в пер. Е. Кострова.

124. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 26. Впервые — *М — III*. *Лизавета Марковна...*— Оленина. *Вера Осиповна...*— Баранова. *Павел Львович...*— Батюшков. *Алеша, Саша, Параша* — дети П. А. и Е. Н. Шипиловых. *«Коринна, или Италия»* (1807), *«Дельфина»* (1802) — романы Ж. де Сталь, уехавшей из России не в Америку, но в Швецию и Англию.

125. Впервые — РА, 1884, № 1. *Весь Парнас...*— см. примеч. к № 44. *Батый...*— Д. И. Хвостов, написавший «Оду на мир с Оттоманскою Портою» (1812). *Такого дня и года...*— цит. из сатиры И. И. Дмитриева «Чужой толк» (1794), высмеивавшей одические штампы. *Наше общество...*— Вольное общество любителей словесности, наук и художеств — см. № 115. *Подобны Горациеву мудрецу...*— речь идет о III оде (кн. I) Горация. *Дальний солнцев дом...*— цит. из стих. Державина «На освещение Эрмитажного театра» (1808). *И все добро...*— изм. цит. из стих. Державина «Утро» (1800). *Два нумера...*— журнала «Санкт-Петербургский вестник». *Лапушнику досталось по ушам...*— Речь идет о сатире М. В. Милонова «К моему рассудку», содержавшей выпады против В. Л. Пушкина. Louant Dieu...— цит. из басни Ж. Лафонтена «Желудь и Тыква» (кн. X, 1678). *За синим океаном* — см. примеч. к № 25. *Шпага победит тогу* — цит. из комедии П. Корнеля «Лжец» (1643, д. I, явл. 1). *Переводчик «Илиады...» и г-жи Дезульер...*— А. Ф. Мерзляков. *Жан-Жако Мерсьеровских...*— пылких, сентиментальных, в стиле Ж.-Ж. Руссо и С. Мерсье. С. Н. *Глинка* получил орден Владимира 4-й степени 18.VII.1812 за патриотическое направление своей журналистской деятельности.

126. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*. *Захаров...*— Василий — крепостной Батюшковых. *Иван Матвеевич...*— Муравьев-Апостол. *Вера Осиповна...*— Баранова.

127. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *РА*, 1866, № 2. *Муравьева не имела во мне нужды...*— см. № 124. *Где Жуковский?..*— Жуковский находился в это время в Московском ополчении.

128. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 20. Впервые — *Ежег. Сколько слез...*— в Бородинском сражении были убиты Н. А. Оленин и С. Н. Татищев. П. А. Оленин (младший) был контужен.

129. Впервые — *РС*, 1883, № 5. *Я писал к тебе...*— Это письмо неизвестно. См. также № 128.

130. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 21. Впервые фрагмент — *Моск., 1855*, № 23—24, полностью *М — III* с датировкой 27.X. Передатировано по содержанию, письмо отправлено по прибытии Батюшкова в Нижний Новгород.

131. Впервые — *РС*, 1883, № 5. *Я писал к тебе* — см. примеч. к № 129.

132. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *РА*, 1866, № 2. В Арзамасе находилось имение Карамзиных. *Басню о соловье* — басня В. Л. Пушкина «Соловей и Чиж» (1803), В. Л. Пушкин был известен

страстью к декламации собственных произведений. *У Блудова мои сочинения...* — *БТ*, первое составленное Батюшковым собрание собственных произведений. *Мой зять* — П. А. Шипилов. *Юрий Александрович* — Нелединский-Мелецкий. *В Казань* — переехали училища Воспитательного дома, которыми он заведовал.

133. Впервые — *PC*, 1883, № 5. *Книгу с моими стихами* — см. примеч. к № 132. *...в каменном Стокгольме...* — Осенью 1812 г. Д. Н. Блудов отбыл на дипломатическую службу в Швецию. *Caelum non...* — цит. из 2-го «Послания» (I кн.) Горация. *Их потеря невозвратима...* — Речь идет о гибели сына Олениных Николая, см. № 128. *Трубецкой* — Юрий. *Северин отправится в Лузитанию.* — Д. Н. Северин получил в 1812 г. дипломатическое назначение в Испанию и Португалию. Но эта поездка не состоялась.

134. *ГИМ*, ф. 69, ед. хр. 8*. Впервые — *М — III*. Е. Г. Пушкина находилась в Нижнем Новгороде вместе с Батюшковым. Сражение под Красным происходило 3—6.XI.1812 г. *Дубина маршала Даву* — маршальский жезл, захваченный в ставке Даву русскими войсками. За это сражение М. И. Кутузов получил титул князя Смоленского.

135. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Изв.*, 1955, т. XIV, вып. 4. *Мамонов полк...* — в 1812 г. Вяземский служил в ополчении в полку, созданном на средства М. А. Дмитриева-Мамонова. *Твои стихи...* — вероятно, послание Вяземского «К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину». *Мой зять...* — П. А. Шипилов, живший в Вологде, где в то время находился Вяземский. *О волжских...* — строки из послания В. Л. Пушкина «К жителям Нижнего Новгорода». Пародия на них А. М. Пушкина неизвестна. *Где Жуковский?* — Жуковский находился в это время в Вильно при квартире главной армии. 6.XI.1812 ему был назначен орден Анны 2-го класса, о чем, однако, стало известно позднее. См. № 150.

136. Впервые — «Библиографические записки», 1859, № 11. Получено адресатом 30.I. *Астольф* — герой поэмы А. Ариосто «Неистовый Орландо», который находит на луне рассудок, утраченный его отцом. См. № 105. *Два послания к г-же Арбеневой.* — Известно одно послание Жуковского «А. Н. Арбеневой» (1812), *ответ «Пенатам»* — «К Батюшкову» (1812).

137. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Изв.*, 1955, т. XIV, вып. 4. Датировка уточнена — *Нечто*. Написано по возвращении в Нижний Новгород из Вологды. *Стихи Жуковского...* — см. примеч. к № 136.

138. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*.

139. *ГИМ*, ф. 69, ед. хр. 8*. Впервые — *М — III*. *Решение на мою просьбу...* — об отправке в армию. *Да прильпнет язык...* — цит. Псалом 136, ст. 5—6. *У вашего сына* — И. А. Пушкина. *«Страшный суд»* — стих. А. М. Пушкина, напечатанное в *С-ПВ*, 1812, № 7.

140. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III*. *Тургенев*

хорошо сделал...— А. И. Тургенев напечатал «Певца во стане русских воинов» Жуковского.

141. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III* с датировкой 24.IV, но в этом письме речь идет о болезни дочери Шипиловых Прасковьи, а в начале письма от 1.IV (№ 142) говорится о ее смерти. *Павел Львович* — Батюшков. *Аркадий Аполлонович* — Соколов. *Комиссариат* — комиссариатские комиссии в губерниях, учрежденные в 1812 г., отвечали за интендантское снабжение войск.

142. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*.

143. Впервые — *М — III*.

144. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*, где датировано 1810 г. Уточнение датировки см. *Изв.*, 1988, № 4. *Время пришло... жениться* — первое упоминание о любви к А. Ф. Фурман.

145. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 21. Впервые — *Ежег. Прекрасное послание...*— «К Жуковскому» (1813). При переработке послания Вяземский учел почти все замечания Батюшкова. *До будущей субботы!* — Речь идет, несомненно, о субботних публичных лекциях Мерзлякова в университете, где давались оценки писателям прошлого и настоящего. *Благодарю за похвалу* — в послании сказано: «Там Батюшков, летя вослед звезды надежной... Манит меня к себе и вопреки всему // Безумный, я едва не следую ему». *Les sots sont...*— цит. из комедии Ж.-Б. Грессе «Злой» (д. II, сц. II). *Зачем ты кончишь Вольтером?* — Послание Вяземского завершается выпадом против Шаликова, взявшего эпиграфом к своему журналу «Аглая» слова Вольтера «Все роды хороши, кроме скучного». Этот финал, как и перевод цитаты «все роды хороши, но скучный нестерпим», не устроил Батюшкова. *Жуковский в Белеве...*— Переработав «Певца во стане русских воинов», Жуковский отправил его через И. И. Дмитриева не жене Александра I Елизавете Алексеевне, но его матери Марии Федоровне, которая наградила поэта перстнем.

146. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*. Начало письма утрачено.

147. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 124. Впервые стих.— *ПОМ*. Прозаич. приписка публикуется впервые. Датируется по указанному в ней адресу Батюшкова (см. № 146). Речь в стих. идет о даче Олениных в Приютино. *Добрая Элиза* — Е. М. Оленина. *Почтенный муж* — А. Н. Оленин. *Он пишет их портреты.*— Сохранились портреты Гнедича, Крылова и Батюшкова работы О. Кипренского. *Балдусы* — члены «Беседы». *Забыв и вкус и ум...*— изм. цит. из «Опасного соседа» В. Л. Пушкина (1811), см. № 92.

148. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III*. *«История семилетней войны»* (1763) — книга прусского короля Фридриха II о войне 1756—1763 гг. между Россией, Францией, Швецией и Австрией, с одной стороны, и Пруссией — с другой. *Прекрасный перевод Гомера* — «Илиада» в пер. М. Чезаротти (1768—1794). *Перевод Лук-*

реция — поэма «О природе вещей» в пер. А. Маркетти (т. I — II, 1754). *Оберон* (1780) — фантастическая поэма К. Виланда. *Послал даже замечания* — см. № 145. *Потерю единственного сына* — Андрей Карамзин умер в 1813 г. в Нижнем Новгороде. *Наш чудак* — возможно, А. М. Пушкин. *Жуковского «Певца» Государыня...*— По указанию императрицы Марии Федоровны было подготовлено роскошное издание «Певца во стане русских воинов» с рисунками А. Н. Оленина и примечаниями Д. В. Дашкова. *Перевод Дрейдена* — «Торжество Александра, или Сила Гармонии» был опубликован в *ВЕ*, 1813, № 7—8, как и романс «Певец». О каких балладе и басне Вяземского идет речь, неизвестно. *Две басни Крылова* — вероятно, «Демьянова уха» и «Лисица и сурок», вышедшие в «Чтениях в Беседе...», вып. 11 (1813).

149. *ГИМ*, ф. 69, ед. хр. 8*. Впервые — *М — III*. *Панглос* — герой повести Вольтера «Кандид» (1759), неисправимый оптимист. *C'est dans le coeur...*— цит. из книги Ж. де Сталь «О литературе» (ч. I, гл. I).

150. Впервые — *РА*, 1875, № 11. *На одном из виньетов...*— О тенях Святослава, Дмитрия Донского, Петра и Суворова говорится в трех строфах «Певца во стане русских воинов».

151. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Пр., 1986*, где датировано 1815 г. Датировка уточнена по содержанию предшествующего письма. *Твое послание* — стих. Вяземского «К подруге».

152. Впервые — *РА*, 1875, № 11. В *М — III* датирована 1815 г. Датировка уточнена по содержанию двух предшествующих писем. *Послание* — «К подруге». При доработке послания Вяземский воспользовался почти всеми замечаниями Батюшкова.

153. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*. *Мой генерал* — А. Н. Бахметев. *Павел Львович* — Батюшков.

154. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет*. *Строганов* — Павел Александрович.

155. Впервые — *РС*, 1883, № 6. *Король прусский* — Фридрих-Вильгельм III. *Великого князя* — Константина Павловича. *Николай и Сергей* — Тургеневы.

156. Впервые — *РС*, 1883, № 6. *Главная квартира...*— В Теплице находилась штаб-квартира русского, прусского и австрийского императоров. *Как Аннибал в Капуе* — войска Ганнибала отдыхали в г. Капуе после победы при Каннах. *Наследный принц* — Бернадот, с 1810 г. наследный принц, с 1818 король Швеции. *И русский...*— цит. из трагедии В. Озерова «Дмитрий Донской» (1807) (д. V, явл. 2) — Ce sont...— цит. из басни Лафонтена «Садовник и его господин» (кн. IV, 1668). *Жилище Тургеневых...*— В это время в Лейпциг направлялся Н. И. Тургенев. *«Дон-Карлос»* (1787) — трагедия Ф. Шиллера. *Вертер и Шарлотта* — герои романа Гете «Страдания молодого Вертера» (1774), написанного еще до приезда в Веймар. *Оберон* — см. примеч. к № 148. *«Луиза»* (1795) — идиллия И.-Г. Фосса. *Я представлен к Анне* — орден Анны II класса Батюшков получил

27.I.1814. *Шлемоносный Жихарев...*— Иронизируя над живущим в СПб. Жихаревым («шлемоносец» — эпитет Гектора в «Илиаде») Батюшков, вероятно, намекает на его поступление в канцелярию петербургского главнокомандующего С. К. Вязмитинова. *Маленький Львов* — П. Ю. Львов, отличавшийся крошечным ростом. *Большой* — Ф. П. Львов. *По примеру друзей...*— В *СО*, издававшемся Н. Гречем, в 1813, № 27, было помещено «Известие о службе и подвигах генерала Коновницына», написанное одним из его подчиненных, а в № 28 статьей «Подвиги русских гренадеров» началась публикация военных корреспонденций А. А. Писарева, позднее собранных в книгу «Военные письма и замечания» (т. I — II, 1817). *Дай Поллуксу...*— цит. из I сатиры (II кн.) Горация.

157. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — фрагмент — *Москва.*, 1855, № 23—24, полностью *М — III. Никита* — Муравьев. С. 21.IX.1813 он находился в Польской армии под командованием Л. Бенигсена.

158. Впервые — *РС*, 1883, № 6. *...перешли за Рейн.*— См. стих. «Переход через Рейн», т. I, с. 250. *Мой генерал* — Н. Н. Раевский. *Покою, мой Капнист...*— цит. из послания «Капнисту» (1797) Державина. *Тибур* (Тиволи) — имение Горация под Римом. *Мальвина* — собака Гнедича. *Петр* — Оленин. *Иван Матвеевич* — Муравьев-Апостол. *Иван Андреевич* — Крылов. *Rendez-moi...*— см. примеч. к стих. «Пленный» (т. I, с. 456).

159. Впервые — *РС*, 1883, № 6. *Оленину обрадовался.*— Раненый в Бородинском сражении П. А. Оленин догнал русскую армию уже во Франции. *Был в Сире...*— Эта поездка была описана Батюшковым в очерке «Путешествие в замок Сирей» (см. т. I, с. 99, см. также примеч. к нему). *Новое назначение Раевского.*— Раевский был назначен командующим армией 8.II.1814 г. после ранения Витгенштейна. *Премудрая Лютеция...*— Речь идет о Летиции Бонапарте (см. т. I, с. 101), матери Наполеона, которого Батюшков, вероятно, сравнивает с Робеспьером. *Всадники* — аристократич. сословие в Древнем Риме. *...я увидел Париж...*— Авангардная армия генерала Раевского, в которой находился Батюшков, сыграла решающую роль в боях за Париж. *Quillaume* — Фридрих Вильгельм III. *Louis* — Людовик XVIII. *Монумент большой армии* — Вандомская колонна, установленная на Вандомской площади в Париже в честь побед Великой армии Наполеона по образцу колонны императора Траяна в Риме. *...суета сует...*— цит. «Экклезиаст» гл. I, ст. III. *Задавите короля кишками попов...*— цит. из стих. Д. Дидро «Элевтероманы, или Одержимые свободой» (1772). Батюшков был знаком с этой фразой по «Курсу» Лагарпа (т. XV, гл. III). *Народ, достойный сожаления и смеха* — процит. Пушкиным, вероятно, читавшим письмо в рукописи, в стих. «Полководец» («О люди, жалкий род, достойный слез и смеха»). *Пале-Рояль* — дворец в Париже, со времени Французской революции место игорных домов и увеселительных заведений. *Свет в черепке...*— цит. из

поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед». *Неустрашимые* — прозвище гренадеров Наполеона. *Замок на берегу Сены* — дворец маркизы Ментенон, фаворитки и впоследствии жены Людовика XIV. *Остался пепл один...*— цит. из трагедии М. В. Крюковского «Пожарский» (1807, д. I, явл. I). *Как говорит Шатобриан* — неточн. изложение фрагмента из брошюры Ф. Шатобриана «О Бонапарте, Бурбонах...» (см. примеч. к № 160).

160. Впервые в сокращении — *ПОМ*. Полностью — *РА*, 1867, № 11. Письмо предназначалось не для одного адресата, но для широкой аудитории и распространялось в списках. Не исключено, что Батюшков думал и о его публикации, см. примеч. к № 165. *Любимцы счастья...*— цит. из стих. «Мои Пенаты» — придворные, богачи, фавориты знатных людей. *...у Глинки...*— в журнале «Русский вестник». *Хлыстов* — Д. И. Хлыстов. *Vive Henri quatre* — фр. народная песня XVI в. *Чудны дела Твои...*— цит. из псалма 138, ст. 14. *...у Beauvilliers...*— в известном парижском ресторане. *Аполлон Бельведерский* — самое знаменитое изображение бога Аполлона, приписываемое древнегреч. скульптору Леохару (4 в. до н. э.). *Тюльери* — дворец в Париже, служивший резиденцией Наполеона. *Ульм и Аустерлиц* — перечисление крупнейших сражений, выигранных фр. армией, возглавлявшейся Наполеоном. *Палицын, гроза чтецов...*— цит. из «Певца... в беседе славянороссов». *Издание Лафонтена и Расина...*— Басни Лафонтена были изданы книгоиздательской фирмой Дидо в 2-х томах в 1802 г., сочинения Расина в 3-х тт. в 1801—1803. *Второй класс Института* — Парижская академия. Заседание, описанное Батюшковым, состоялось 21.IV. *Живой воробей...*— изм. цит. из книги Экклезиаста, приписывавшейся древнееврейскому царю Соломону (гл. 5, ст. 4, в тексте «живому псу лучше, нежели мертвому льву»). *Наполеон не согласен был...*— в 1811 г. ознакомившись с черновиком вступит. речи избранного во французскую академию Шатобриана, Наполеон не допустил проведения церемонии. *В последнем сочинении* — брошюре Ф. Шатобриана «О Бонапарте, Бурбонах и необходимости объединиться вокруг законных владык» (1814). *Его «История революции»* — в «Историч. повествование о французской революции» (т. I — II, 1803), «История последнего века».— «История Франции XVIII в.» (т. I — IV, 1808—1810). *Смерть Баярда...*— П. Баярд умер от раны, прислонившись к дереву, с лицом, обращенным к врагу. *Описание Винкельманово...*— в разделе «Об искусстве греков» в его книге «История искусства древности» (1765). *Не мрамор — бог...*— формула использована Пушкиным в стих. «Поэт и толпа» (1828). *Лучшим возвращаюсь...*— изм. цит. из послания И. И. Дмитриева «Г. Р. Державину по случаю кончины первой супруги его» (1794). *Иван Иванович* — Дмитриев. *Час великий Комитета* — по-видимому, имеется в виду Комиссия по составлению законов, старшим членом которой был А. И. Тургенев, занимавший и другие государственные должности.

161. *ГИМ*, ф. 69, ед. хр. 8*. Впервые — *М — III. Анна Львовна* — Пушкина. *Бовилье, Пале-Рояль* — см. № 159, 160. *...Наполеоне, гордящемся...*— изм. цит. из послания В. Л. Пушкина «К жителям Нижнего Новгорода» (1813). *Вери* — парижский ресторатор.

162. Впервые — *PC*, 1883, № 6. *Получил Анну...*— см. № 156.

163. Впервые — *PC*, 1883, № 6. *Принц Ангулемский* — внук короля Людовика XVIII.

164. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *PA*, 1866, № 10. *Записки мои...*— Эти записки не сохранились, и, по словам Вяземского, он их «никогда не видал». *Приписаны* — посвящены. *Чашу ликовую* — цит. из послания Вяземского «К моим друзьям Жуковскому, Батюшкову и Северину» (1812): Иль жертвы вечного изгнания. // Не будем чашу ликованья // Друг другу мы передавать. *Скажи Алексею Михайловичу...*— А. М. Пушкин не верил в победу России над Наполеоном. *Nul n'est prophete* — цит. из Евангелия (Мтф., гл. 13, ст. 27 и др.).

165. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 26. Впервые в сокращении — *СЦ на 1827 г.*, полностью — *М — III.* В рукописи почерком Батюшкова вписан заголовок и проведена стилистическая правка текста, что свидетельствует о подготовке письма к печати (см. примеч. к № 160). По аналогии с очерком «Путешествие в замок Сирей» можно предположить, что проставленная дата относится к описываемым событиям, а само письмо могло быть написано и позже. (См. *Изв., 1988*, № 4.) *Готенбург* — Гетеборг, порт в Швеции. *Рафаэль* — лондонский знакомый Северина. *Готдемы* (от *англ.* God damn) — проклятия. *Карфаген* — древняя островная республика. *Новый Карфаген* — Англия. *Ковент-гарден* — торговый район Лондона. *Норвегия, которую...*— После датско-шведской войны 1814 г. Норвегия отошла от Швеции и ее кронпринцем был назначен наследник шведского престола принц Карл-Иоганн. *Бедный Йорик* — цит. из «Гамлета» (д. V, явл. 1). *Гайд-парк* — парк в Лондоне. *Fuggite son...*— Эта и следующая цит. из 24 строфы XV песни «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо. *Росток* — порт в Германии. *Любовник Элеоноры* — Т. Тассо, который, по преданию, был влюблен в сестру герцога Феррарского. *В Новой Англии, по словам Арндта!* — цит. из «Путешествий в Швецию» (ч. II, 1806). *Капуя* — город в Италии. *Je les regretterais...*— см. примеч. к № 104.

166. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые *М — III. Анна Львовна* — Батюшкова.

167. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III* с купюрой. *Даниловское* — имение Н. Л. Батюшкова. В чем состояло *предложение Анны Львовны* — неизвестно. *Аркадий Аполлонович* — Соколов, служивший в Вологодском комиссариате.

168. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые фрагмент — *Нечто*, полностью — *Пр., 1986. Нелединский заставил...*— О работе Батюшкова над либретто праздника в Павловском см. примеч. к стих. «Сце-

ны четырех возрастов» (т. I, с. 394). *Простодушный Лафонтен* — в сатире «Флорентинец» (1674) Лафонтен рассказал, как Ж.-Б. Люлли уговорил его написать либретто для оперы, а потом отказался и осыпал автора насмешками. *Паршивый человек, поэт, от которого все бегают...* — см. «Наука поэзии» (Послание к Пизонам) Горация, ст. 453—476. *Твой хор...* — «Многолетие» — хор в честь Александра I, исполненный во время праздника в честь взятия Парижа 19.V.1814 г. (*СО*, 1814, ч. XIV, с. 284). *Жуковского «Певец»...* — Неясно, идет ли речь о романсе «Певец» или о «Певце во стане русских воинов». *Разбор сочинениям... Муравьева.* — «Письмо к И. М. Муравьеву-Апостолу о сочинениях М. Н. Муравьева». *Когда, когда?* — Рефрен одноименного стих. Вяземского.

169. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Пр., 1986. Иван Иванович* — Дмитриев. *...сердечных неудовольствий...* — первое упоминание о сложностях в отношениях с А. Ф. Фурман.

170. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Меня еще не перевели в гвардию...* — Этот перевод состоялся только через полтора года. *Описание найдешь ты...* — Празднество в Павловском описано в «Северной почте», 1814, № 61 и «Русском инвалиде», 1814, № 63.

171. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Нечто.* Письмо написано в связи с известием о смерти первого сына Вяземского — Андрея. *Два экземпляра...* — «Письмо... о сочинениях Муравьева» вышло в *СО*, 1814, № 35. *Николай Михайлович* — Карамзин, издавший в 1810 г. двухтомные «Опыты» Муравьева.

172. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Нечто. Наборщик... пошутил...* — В одном из авторских примечаний к статье было высказано пожелание, чтобы Жуковский «не истощил бы своего бесценного таланта на блестящие безделки».

173. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III* с купюрой. *Мой генерал* — А. Н. Бахметев. *Иван Семенович* — Батюшков. *Я назначен в Измайловский полк...* — Сведения эти оказались преждевременными. *Тетушка* — Е. Ф. Муравьева.

174. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III.*

175. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Катерина Федоровна* — Муравьева. *Батюшкины письма...* — Речь идет о хозяйственных предприятиях Н. Л. Батюшкова, приведших его к разорению.

176. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Захаров Василий* — крепостной Батюшковых.

177. Впервые — *РА*, 1815, № 11. *Терзатель Делиля...* — А. Воейков перевел поэму Ж. Делиля «Сады». *Плутарх не стеснялся...* — Плутарх был в своем городе Херонее надзирателем за городским строительством. Класть кирпичи ему, конечно, не приходилось. *Списка сочинений Муравьева...* — см. примеч. к № 87. *Карамзин, занятый важнейшим делом...* — работой над «Историей государства Российского». *Николай Михайлович в своем издании...* — см. № 171. *Кучу пло-*

щадных шуток...— По-видимому, речь идет о ноэле Вяземского «Спасителя рожденьем» (1814). *«Эмилиевы письма»* М. Н. Муравьева были изданы Батюшковым в 1815 г. *Воейков назначил* — см. примеч. к № 210. *Ты пишешь балладу...*— В 1814 г. Жуковский написал восемь баллад. *Попа послание к Абелару* — «Послание Элоизы к Абеляру» (1717), стих. А. Попа. Жуковский перевел начало этого послания в 1806 г. (опубл. 1902). Вероятно, Батюшков советовал Жуковскому продолжить работу над посланием. *«Письма к молодому человеку* о предметах, касающихся истории и описания России» М. Н. Муравьева — были опубликованы в его «Полном собрании сочинений» (т. II, 1819).

178. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III* с датировкой 1817 г. Передатировано по содержанию: см. обращенные к П. А. Шипилову просьбы, ср. № 180, 181 и упоминание о женитьбе Д. О. Баранова ср. № 167.

179. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 124 копия. Впервые — *РА*, 1867, № 10. *Директора департамента.*— А. И. Тургенев возглавлял департамент главного управления духовных дел иностранных исповеданий.

180. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 20. Публикуется впервые. *Моего Олешу* — сына Е. Н. и П. А. Шипиловых. *Твоей... дочери* — Александры.

181. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 20. Публикуется впервые. *Ленивица* — В. Н. Батюшкова.

182. Впервые — *РА*, 1867, № 11 с копии. *РА*, 1875, № 11 — с подлинника. Датировалось октябрем — ноябрем 1814 г. О датировке см. примеч. к № 183. Письмо посвящено посланию Жуковского «Императору Александру» (1814). Большая часть замечаний Батюшкова была учтена Жуковским. *Cet oracle...*— цит. из трагедии Ж. Расина «Ифигения в Авлиде» (1674, д. II, явл. 7). *Просите А<лексея> Н<иколаевича>...*— Издание «Послания Императору Александру» вышло без иллюстраций.

183. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 4713а, л. 31 об. Впервые — Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство.— Л., 1974, с. 54. Написано на обороте письма А. И. Тургенева В. А. Жуковскому от 29.XII.1814. В письме от 22.XII Тургенев извещал Жуковского, что прочитал его послание Блудову, Батюшкову, Крылову и Гнедичу. См. *Изв.*, 1988, № 4.

184. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые с купюрами — *Нечто*. Полностью — *Пр., 1986. Стихи твои...*— «Песнь на день рождения... Александра I» и «Песнь на открытие в Москве дома российского благородного собрания» (*СО*, 1815, № 3). *Жуковского стиха* — «Императору Александру». *Гуси* — традиционная кличка членов «Беседы». *Лебеди* — возможно, московские арзамасцы. *Нелединский плакал.*— Об этом чтении у императрицы Марии Федоровны, где чтецом был не Нелединский, а А. И. Тургенев, см. в письме А. И. Тургенева

Жуковскому от 1.I.1815 (*РА*, 1864, № 4). *То же сделать, что Александр Древний.*— Батюшков путает Фидия, умершего задолго до рождения Александра Македонского, с Лисиппом (IV в. до н. э.), скульптором, которого Александр считал единственно достойным изображать себя. *Дом сумасшедших* (первая ред. 1814) — стихотворная сатира А. Ф. Воейкова, где в качестве обитателей желтого дома выведен С. Н. Глинка, А. Ф. Мерзляков, Батюшков и сам автор. В некоторых списках фигурировал и В. Л. Пушкин. *«Заблуждения и сердца и ума»* — название романа (1736) фр. писателя К.-Ж. Кребийона. *Мои стихи «Певец»* — «Певец... в беседе славянороссов». *Левушка* — Л. В. Давыдов.

185. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 19. Публикуется впервые.

186. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Пр.*, 1986. *Благодарю тебя...*— Вяземский заплатил долг Батюшкова Л. В. Давыдову. *Праведное негодование* — в связи с ноэлем «Спасителя рожденьем» см. № 177, 188. *Издатель* сборника «Пантеон русской поэзии» *(ПРП)* — П. А. Никольский.

187. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*. *Тетушка* — Е. Ф. Муравьева.

188. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые в сокр.— *Нечто*, полностью *Пр., 1986*. *Напал на Муравьева-Апостола* — в ноэле «Спасителя рожденьем» И. М. Муравьеву-Апостолу посвящены две очень резкие строфы. *Возьмите, боги, жизнь...*— цит. из стих. Батюшкова «Элегия» («Я чувствую, мой дар в поэзии погас...»). *Ум любит странствовать...*— Строка, сконтаминированная по мотивам басни И. И. Дмитриева «Два голубя» (1795). *И дарование...*— цит. из очерка М. Н. Муравьева «Блаженство». *Какие глупости...*— Строка из «Странствователя и Домоседа».

189. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 20. Публикуется впервые. *Шпензер* (спенсер) — женская верхняя одежда. *Губернатор* — Н. И. Барш.

190. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *РЛ*, 1970, № 1 с датировкой январь 1815. Мотивы датировки см. *Пр., 1986*, с. 193, см. также *Изв.*, 1988, № 4. *Тихвин* — город в Новгородской губернии, где находился монастырь XVI века с почитавшейся древнейшей в России чудотворной иконой. *Сердце... было оскорблено...*— Намек на разрыв с А. Ф. Фурман. *Не писать — не жить поэту...*—Строка из «Дома сумасшедших» А. Ф. Воейкова. *Успехов просит ум, а сердце счастья просит...*— строфа из послания Вяземского «Друзьям» (1815). *Шутка* — «Певец... в беседе славянороссов». *Слова... Ролленя...*— Речь идет о письме Ш. Ролленя Ж.-Б. Руссо от 17.III.1736, где Ш. Роллен уговаривает своего адресата не участвовать в литературных спорах. *Я умею подбирать в бурю парусы моего воображения.*— Перифраза из 10 оды (кн. II) Горация. *Книга... Муравьева...*— вышла в 1815 г. с предисловием Батюшкова. *Баллада Ахилл* была написана Жуковским в ноябре 1814 г. *Фингал* — герой «Песен

Оссиана» Дж. Манферсона, кельтский вождь. *Денис* — Давыдов. *Толстой* — Федор Иванович. *Дмитрий Давыдов* в 1815 г. женился на Е. А. Шаховской. *Спасибо за Озерова.*— Возможно, речь идет о послании В. А. Озерова к Капнисту (1810), где драматург жаловался на свою литературную судьбу. *Я отпущен на Кавказ.*— Об отпуске, полученном Батюшковым, ничего не известно.

191. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые в сокращении — *Нечто*. Полностью с уточненной датировкой — *Пр., 1986. Вертер* — герой романа Гете «Страдания молодого Вертера» (1774), кончающий жизнь самоубийством. *Мои стихи* — сказка «Странствователь и Домосед». *«Модная жена»* (1792) — сказка И. И. Дмитриева. *Ты плакал в Астафьеве.*— Вероятно, отклик на стих. Вяземского «Из области тайной» (1815), посвященное смерти сына. *Ты знал Агату Полторацкую...*— А. Д. Полторацкая умерла 24.III.1815. *Et rose...*— цит. из стих. Ф. Малерба «Стансы. Утешение господину Де Перьеру» (1598). *А Наполеон живет...*— 8.III.1815 (по рус. календарю) Наполеон, бежавший с острова Эльба, вступил в Париж.

192. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1867, № 11. Датировка уточнена по рукописи. *Уеду в Каменец...*— В Каменец-Подольском находилась штаб-квартира Бессарабского наместничества, где служил А. Н. Бахметев. *Милый брат* — Н. М. Муравьев, выехавший в апреле 1815 г. в Вену к начальнику Генерального штаба кн. П. М. Волконскому. *Саша* — А. М. Муравьев. *Николай Иванович* — Уткин.

193. Впервые — *РС*, 1893, № 7. *К Гагарину пришлю... долг* — см. № 155.

194. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 19. Публикуется впервые. *Аркадий Аполлонович* — Соколов. *Александр Семенович* — лицо неустановленное.

195. *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 4, ед. хр. 44. Впервые — *М — III*. Датировка уточнена по содержанию. *Твоего Агамемнона...*— Речь идет о переводе Лобановым трагедии Ж. Расина «Ифигения в Авлиде», премьера которой состоялась 21.V.1815.

196. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые с сокр.— *РА*, 1867, № 11. Полностью публикуется впервые. *Что сделал Гнедич...?* — См. № 193. *Пошлите за Жуковским...*— Речь идет о работе над изданием «Сочинений» М. Н. Муравьева. *Петр Михайлович* — Дружинин. *Ипполит, Матюша* — И. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы.

197. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *Пр., 1986. Расставаться с маленькими Апостолами.*— Младшие дети И. М. Муравьева-Апостола подолгу воспитывались в семье Е. Ф. Муравьевой. *Катерина Сергеевна* — Уварова (Лунина).

198. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 20. Впервые — *Ежег. Василий* — Захаров, крепостной Батюшковых. *Алексей Никитич* — отец П. А. Шипилова.

199. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 19. Публикуется впервые. *Саша и Алеша* — дети Шипиловых.

200. Впервые — *РС*, 1883, № 7. *Жуковский у вас...*— В мае 1815 г. Жуковский приезжал в Петербург из Дерпта. *Успех Лобанова...*— Речь идет о премьере трагедии «Ифигения в Авлиде», см. примеч. к № 195.

201. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Князь* — П. М. Волконский. См. примеч. к № 192. *Алексей Николаевич* — Оленин, у которого Батюшков просит осведомиться о переводе в гвардию.

202. Впервые — *РС*, 1883, № 7. *...с усталой от забот...*— цит. из сказки Батюшкова «Странствователь и Домосед». *Мой генерал* — А. Н. Бахметев. *Давыдов* — Лев. *...последний твой глаз...*— Гнедич потерял один глаз, переболев в детстве оспой. *Телемак* — сын Одиссея (Улисса), а также герой романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака», где он странствует подобно своему отцу у Гомера. *Демодок* — сказитель в «Одиссее», поющий о троянской войне.

203. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые с сокр.— *РА*, 1867, № 11. Полностью публикуется впервые. *Петр Михайлович* — Дружинин. *Эта война...*— Военные действия, вновь возобновившиеся после бегства Наполеона с Эльбы, завершились взятием союзниками Парижа 21.VI.1815 г. (по рус. стилю). *Софья Астафьевна и Павел Львович* — Батюшковы.

204. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *В Париже...*— См. примеч. к № 203. *Николай Иванович* — здесь, вероятно, не Гнедич (см. выше), а Уткин.

205. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Пр., 1986. Левушка* — Л. В. Давыдов. *Стишок* — возможно, «Мой гений» или «Разлука». 11.VIII Батюшков отправил их К. Ф. Муравьевой.

206. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III.* Датировка уточнена по содержанию. Батюшков сообщает, что получил письмо от сестры. См. письмо № 207. *Проекты Даниловского...*— разорительные хозяйственные проекты Н. Л. Батюшкова.

207. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Вы меня критикуете...*— Недовольство Е. Ф. Муравьевой было вызвано поведением Батюшкова в его отношениях с А. Ф. Фурман. *Михайло Никитич* — Муравьев. *«Эмилиевы письма»* (1815) — книга М. Н. Муравьева, изданная с предисловием Батюшкова. *К Николаю Ивановичу* — Уткину.

208. Впервые — *РС*, 1883, № 7. *Благодарю Греча.*— Сказка «Странствователь и Домосед» появилась, однако, не в *СО*, а в журнале «Амфион» (см. № 210). *Его «Письма»* — «Письма русского офицера» (1815—1816) Ф. Н. Глинки. *Фамильный грех...*— намек на С. Н. Глинку, журнал которого «Русский вестник» носил резко

антифранцузский характер. *«Путешествие»*.— Речь идет о II—III частях «Писем русского офицера».

209. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Пр., 1986. Пушкин* — Василий Львович.

210. Впервые — *РА, 1875, № 11. Вздумал издавать свои сочинения* — «Стихотворения» Жуковского (ч. I — II) вышли в Москве в 1815 — 1816 гг. *Издание прозы Воейкова* — «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе» (ч. I — VI, 1815—1817). В VI ч. «Собрания» была напечатана «Картина Финляндии» Батюшкова. *Дерптского профессора...*— В 1815—1820 гг. А. Ф. Воейков был профессором русской словесности Дерптского (ныне г. Тарту) ун-та. *Сердце наше...*— цит. из стих. А. Воейкова «Дом сумасшедших» (1814); цитируемые строки из строфы о Батюшкове пародируют его стих. «Счастливец». *Список... у Блудова...— БТ. Брутово сердце...*— Неточное изложение легендарных слов Брута перед сражением при Филиппах (42 г.): «Смерть или свобода». *Мерзляков подцепил...*— для публикации в журнале «Амфион». *Оратор от слова орать...*— В IV томе «Словаря Академии российской» (1793) было обозначено просторечное слово «орать» — «кричать» (основное значение — пахать). Слово это шло в словаре непосредственно за словом «оратор».

211. Впервые — *М — III. Филоктет* — герой одноименной трагедии Софокла, сосланный на пустынный остров. *Наполеон* — после «ста дней» был сослан на остров Святой Елены. *Писал о переводе в гвардию...*— см. примеч. к № 170.

212. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет.*

213. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III.*

214. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые с сокр.— *РА*, 1867, № 11. Полностью публикуется впервые.

215. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III.*

216. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 20. Впервые — *Ежег. Est modus...*— цит. из «I Сатиры» Горация (кн. I). *Que sais je...*— цит. из «Опытов» (1580) Монтеня, кн. II, гл. XII, символизирующая несовершенство человеческих знаний.

217. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1867, № 11.

218. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — «Прометей», вып. 2, 1967. Письмо представляет собой отклик на известие о постановке комедии А. А. Шаховского «Липецкие воды», где под именем поэта Фиалкина выведен Жуковский. Вяземский откликнулся на постановку серией эпиграмм «Венок Шутовскому». *Блестящих безделок...* — цит. из «Письма... о сочинениях Муравьева» (см. примеч. к № 172). *Плач Юнгов* — поэма Э. Юнга «Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1741). *Из журнала...*— В *СО*, 1815, № 40 появилась статья Д. В. Дашкова «Письмо новейшему Аристофану». *Озерова загрызли.*— В карамзинистских кругах было принято связывать душевное заболевание В. А. Озерова с происками врагов, и прежде

всего Шаховского. *Я маленький Исоп...*— Мелкий кустарник (от кедра... до исопа — 3 кн. Царств, гл. 4, ст. 33). *Он печатает свои стихи.*— См. примеч. к № 210. *Старик* — А. С. Шишков, чьим «Рассуждением о любви к отечеству» открылась в 1811 г. «Беседа». *«Падение Фаэтонта»* (1811) — поэма А. П. Буниной. *«Храм славы российских героев»* (1803) — книга П. Ю. Львова. *«Расхищенные шубы»* (1811) и *«Дебора»* (1811) — комич. поэма и трагедия А. Шаховского. *Вопию в пустыне...*— цит. из кн. Исайи, гл. 40, кн. 3.

219. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. На других я считать не должен...*— намек на сложности в отношениях с Гнедичем и Олениными.

220. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *Пр., 1986*.

221. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые в сокр.— *РА*, 1867, № 11. *Сережа* — С. И. Муравьев-Апостол.

222. Впервые — *РА*, 1875, № 11. *Карамзин избрал себе одно занятие...*— работу над «Историей государства Российского». *Огонь весталок* — весталки в древнем Риме были хранительницами священного и неугасимого огня. *...планов в Тавриду...*— поездка Жуковского в Крым не состоялась. *Асмодей* — арзамасское прозвище Вяземского. *Аристофан* — А. А. Шаховской (о дальнейшем см. примеч. к № 218). *У вас есть общество* — Арзамас. *Реестр* — из нижеперечисленных произведений до нас не дошел очерк «Искательный — характер». *Книгам образцовым...*— см. примеч. к № 210. *«Похвальное слово сну»* — не вошло в «Собрание образцовых сочинений», но в новой редакции было напечатано в *ВЕ*, 1816, № 6. *Его брат* — Э. Сен-При был смертельно ранен под Реймсом. *Надпись* — см. примеч. т. I, с. 464. *Кассандра* — арзамасское прозвище Д. Н. Блудова. *«Абуфар»* (1816) — трагедия А. А. Шаховского; *«Казак — стихотворец»* — его же комедия. Поэма Шаховского *«Гаральд Храбрый»* неизвестна. *Сказка моя* — «Странствователь и Домосед».

223. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые в сокр.— *РА*, 1867, № 11. Полностью публикуется впервые. *Брат* — Н. М. Муравьев. *Главная вам известна...*— обстоятельства разрыва с А. Ф. Фурман. *Vous voulez...*— изм. цит. из IX Сатиры (1666) Буало. *Родриго и влюбленная в него Химена* — герои трагикомедии П. Корнеля «Сид». *Дядюшка* — П. Л. Батюшков. *Матюша, Сережа* — М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы.

224. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые *М — III. У вас губернатор...*— В 1815 г. губернатором в Вологду был назначен Н. И. Барш.

225. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III.*

226. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — «Записки Моск. Литер.-худ. кружка», 1916, вып. 14—15. На письме надпись Вяземского: «Торжествую».

227. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Иван Матвеевич* — Муравьев-Апостол.

228. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 194. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Алексей Николаевич* — Оленин. *Для дружбы — все...* — цит. из стих. Жуковского «Певец во стане русских воинов». *Карамзин скоро будет у вас.* — Карамзин уехал в Петербург в последних числах января 1816 г.

229. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Петр Иванович* — Полетика. *Лестная перспектива* — П. И. Полетика хлопотал о месте для Батюшкова при великом князе Николае Павловиче. *Старая Пушкина* — Н. А. Пушкина. *Экс-министр...* — В 1814 г. И. И. Дмитриев ушел в оставку с должности министра юстиции.

230. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Пр., 1986*. Написано перед отъездом Вяземского в Петербург с Карамзиным (см. примеч. к № 228). *«Вечер на Волге»* (1815) — стих. Вяземского. *Смесь Клюквина с Невтоном...* — цит. из эпиграммы И. Дмитриева на А. И. Клушина (1793).

231. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 25. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Через... Вяземского...* — см. примеч. к № 230. *Петр Михайлович* — Дружинин.

232. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III.*

233. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1967, № 11, где напечатано как два разных письма. *Сергей Иванович* — Муравьев-Апостол. *Билеты г. Уткина* — на получение выгравированного Н. И. Уткиным портрета Е. Семеновой.

234. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Аркадий Аполлонович* — Соколов.

235. *ГПБ*, ф. 865, ед. хр. 135 копия. Впервые — Вестн. всемирной истории, 1900, № 6. Датировано по указанию на письмо от Н. М. Сипягина с предварительным сообщением об отставке (см. № 233). *Куплеты еще не готовы* — эти куплеты Батюшкова неизвестны.

236. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые *М — III. Юленька* — Ю. Н. Батюшкова.

237. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые с сокр. — *РА*, 1867, № 11, где напечатано как два разных письма. Полностью публикуется впервые.

238. *ИРЛИ*, ф. 123, оп. 3, ед. хр. 15. Публикуется впервые. Датируется по пребыванию П. И. Полетики в Москве. *Omnia mea...* — Изречение древнегреческого философа Стилпона (IV в. до н. э.) приводится в «Нравственных письмах к Луциллию» Сенеки (письмо IX). *Сегодня суббота...* — см. примеч. к № 145. В 1816 г. чтения Мерзлякова проходили в доме А. Ф. Кокошкиной.

239. Впервые — *РС*, 1883, № 7. *Книга Жуковского* — «Стихотворения» (1815, ч. I). *Безделка* — статья «Нечто о морали, философии и религии». *И. И. Хемницер* — получил в 1782 г. назначение в консульство в Смирне. Прибыв к месту службы, он вскоре заболел и через

полтора года скончался. *Хозяин мой* — И. М. Муравьев-Апостол. *Гагарин получил ли... письмо...* — см. № 200.

240. Впервые — *РА*, 1875, № 11. *За твою книгу...* — см. № 239. *Тецы убо... и натецы* — иди и приди (*церк.-слав.*). *Лихачева... послание к тебе...* — Это послание неизвестно. В «Арзамас» Лихачев принят не был. *...Рафаэль — Карамзин в Суздали?..* — Карамзин в это время находился в Петербурге. *Его картина* — «История государства Российского», первые восемь томов которой Карамзин повез в Петербург. *...абдерито-суздальские маляры?..* — Абдера, место действия романа К. М. Виланда «История абдеритов», царство глупости и невежества. *Мерзляков читает...* — см. № 145, 238. *Пушкин перевел «Игрока»...* — Перевод «Игрока» (1696) Ж.-Р. Реньяра А. М. Пушкина был поставлен в 1816 г. на домашнем театре, но остался неопубликованным. *...пишут, и похвалы...* — цит. из сатиры И. И. Дмитриева «Чужой толк» (1794). Книга С. С. Уварова «Опыт об *Элевзинских таинствах*» (на фр. языке) вышла в 1816 г. вторым изд. в Париже.

241. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 20. Впервые — *Ежег. Алексей Никитич* — отец П. А. Шипилова.

242. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. ...насчет известного дела...* — Вероятно, речь идет о планах женитьбы на А. Ф. Фурман.

243. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III.*

244. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые с сокр. — *РА*, 1867, № 11 как два различных письма. Полностью публикуется впервые. *Матвей Иванович...* — Муравьев-Апостол. *Добродетельный спартанец...* — Педарет (см. «Письмо... о сочинениях г. Муравьева», т. I, с. 62). *Успехам Карамзина...* — В результате поездки в Петербург Карамзин получил субсидию из казны на издание «Истории государства Российского».

245. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 20. Впервые — *Ежег. Отставку невыгодную* — Батюшков был отставлен не надворным советником, как он рассчитывал, а коллежским асессором.

246. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III.*

247. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*, где датировано 1817 г. Датировка уточнена в связи с тем, что хлопоты Батюшкова о ломбарде относятся именно к 1816 г. (см. № 239, 243, 245 и др.). В 1817 г. он в Москве не был.

248. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*, где датирована 1817 г. (см. примеч. к № 247).

249. *ГПБ*, ф. 124, ед. хр. 329. Впервые «Остафьевский архив», т. V, вып. I, 1909, с. 109, где датировано 1811 г. Датировка уточнена по характерным особенностям почерка Батюшкова и по содержанию. *Один человек...* — ср. № 247. *Еду завтра...* — Этот отъезд Батюшкова в деревню не состоялся, см. № 251.

250. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет. О долге князю...* — И. А. Гагарину. *Вот безделка...* — Какое из посланий Батюшкова

(см. ниже) имеется в виду, установить не удается. *Два диплома...*— на звание действительных членов Общества любителей российской словесности, куда И. А. Крылов и А. Е. Измайлов были избраны 16 февраля 1816 г. А. А. Прокопович-Антонский был в то время председателем общества. *Отдал бы... Николаю Ивановичу...*— вероятно, Гречу для публикации в *СО*. *Катенин тотчас перебьет...*— Возможно, речь идет о публикации П. Катениным «Ольги», перевода баллады Г.-А. Бюргера «Ленора» (см. примеч. к № 257), которую Батюшков воспринял как стремление «перебить» это произведение у Жуковского, автора классического перевода той же баллады.

251. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые *М — III*. *Сашенька...*— дочь Е. Н. Шипиловой.

252. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 5082. Впервые *М — III*, где датировано февралем. Между тем в письме описан дачный сезон, и оно связано с № 253—255. *Ты уехал...*— в подмосковное имение Остафьево. *Гиппократа моего...*— П. А. Скюдери. *На именины к Апраксину...*— вероятно, 13 июля, день Стефана Савватия. *La Gaule poétique* (ч. I — VIII, 1813—1817) — труд Л. А. Маршанжи о средневековом искусстве. О Гаральде Смелом речь идет в ч. II рассказе 17. *Вздумал идти в атаку на Гаральда...*— см. примеч. к стих. «Песнь Гаральда Смелого» (т. I, с. 459). *Княгиня...*— В. Ф. Вяземская.

253. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Пр., 1986*. *Жуковского сказки...*— «Переводы в прозе Василья Жуковского» (1816), изданные М. Т. Каченовским. *Мил... как Соковнин* — С. М. Соковнин был безнадежно влюблен в В. Ф. Вяземскую.

254. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *Пр., 1986*.

255. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *АС*. *Мудрец астафьический...*— П. А. Вяземский. Письмо было отправлено в Остафьево с А. М. Пушкиным.

256. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Благодарю за отдачу денег...*— на перезакладывание имения Батюшковых в петербургском ломбарде (см. примеч. к № 247). *Некоторая особа...*— А. Ф. Фурман. *Николай Иванович...*— Уткин; *...билеты...*— см. примеч. к № 233.

257. Впервые — *РС*, 1883, № 7. Первое упоминание об *О. Лету...*— «Видение на брегах Леты», где осмеиваются нижеперечисленные литераторы. *Критика на «Ольгу»...*— В *СО*, 1816, № 27 была анонимно напечатана статья Гнедича «О вольном переводе Бюргеровой баллады Леноры», где подвергалась критике баллада Катенина «Ольга» (*ВЕ*, 1816, № 9; *СО*, 1816, № 24). Гнедич отдавал предпочтение восходившей к тому же источнику «Людмиле» Жуковского, но в то же время подвергал критике балладный жанр вообще. Гнедичу отвечал Грибоедов (*СО*, 1816, № 30), поддержавший Катенина. *Все роды хороши...*— цит. из предисловия к комедии «Блудный сын» (1738) Вольтера («все жанры хороши, кроме скучного»). *Пришли отрывок из*

«Илиады»...— для чтения на заседании Общества любителей российской словесности. *Как Олин воет...*— Речь идет о стихах В. Н. Олина «На смерть Державина», напечатанных в *СО*, 1816, № 29 (Державин умер 8.VIII.1816). *«Над мнимым мертвецом не вой»...*— цит. из стих. Державина «Лебедь» (1808). *Каченовский делает это...*— В 1816 г. в *ВЕ* Батюшков опубликовал «Послание к И. М. Муравьеву-Апостолу», «Пробуждение», «Песнь Гаральда Смелого».

258. Впервые — *РС*, 1883, № 7. Кто имеется в виду под *рассеянным превосходительством* — неизвестно. *Федор Федорович...*— Кокошкин. Стих. «Ромео и Юлия», вероятно, не было написано. *Том прозы...*— Из нижеприведенного списка не были написаны статьи о Данте и о маркизе дю Шатле. *Письмо об Академии* — «Прогулка в Академию Художеств» (см. т. I, с. 75 и примеч. с. 444). *Переведи несколько отрывков из «Одиссеи».*— Отрывок из IX песни «Одиссеи» Гнедич перевел в 1827 г. *Иванов умер.*— Ф. Ф. Иванов умер XI.VIII. 1816. *Уткин не откажется...*— Виньетки к *О* гравировал И. И. Ческий.

259. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*.

260. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*.

261. Впервые — *РС*, 1883, № 7. *Про одни дрожди...*— О маркизе Дю Шатле речь идет в очерке «Путешествие в замок Сирей». *Перевод Гуаско...*— «Сатиры» Кантемира в переводе на фр. яз. О. Гуаско вышли в 1749 г. в Лондоне. *Прозы твоей читать не будем.*— Письмо Гнедича Ф. Ф. Кокошкину было напечатано в VIII части ТОЛРС (1817 г.). *Кашка* (типогр.) — виньетка в конце книги, мелкий узор. *Эльзевиры* — голландские типографы и издатели XVI — XVIII вв., книги которых (эльзевиры) были известны особым изяществом. *Бодони* — итал. печатник, создатель шрифтов, носящих его имя. *Кокошкин... будет воспевать...*— читать на заседании Общества любителей рос. словесности. *300 страниц печатных* — в I ч. *О 335* стр. несколько меньшего формата, чем *ВЕ* (*в величину «Вестника»*). *Мы не Глинки и не хвали меня...*— «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки были посвящены его брату С. Н. Глинке, который в своем журнале «Русский вестник» восторженно откликался на их публикацию. *Сосед твой...*— И. А. Крылов. *Никите...*— Муравьеву. *Моей речи...*— «Речь о влиянии легкой поэзии на язык» (см. примеч. т. I, с. 440). *Я истину ослам...*— изм. цит. из «Памятника» (1796) Державина («И истину царям...»).

262. Впервые — *РА*, 1875, № 11. *История Мещевского...*— В это время Жуковский активно пытался помочь поэту А. И. Мещевскому, навечно разжалованному в солдаты и посланному на Урал. *Без дружбы, без любви...*— цит. из стих. «Элегия», посланного Батюшковым Жуковскому (см. ниже).

263. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Аристофанова комедия...*— «Облака» (493 до н. э.). *Тургенева обе-*

щания...— место при дипломатической миссии в Италии. *Сергей Иванович...*— Муравьев-Апостол.

264. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 20. Впервые — *Ежег. Чеботарь...*— сапожник. *«Риторика»...*— вероятно, «Опыт риторики» (1809) И. С. Рижского.

265. Впервые — прозаич. часть, *PC*, 1876, № 5. См. примеч. к «Посланию к Тургеневу» (т. I, с. 458).

266. Впервые — *PC*, 1883, № 7. *О друг мой...*— цит. из трагедии Вольтера «Танкред» в пер. Гнедича (д. III, явл. 1). Vade sed incultus...— цит. из I стих. Катулла. *Славный Мерзляков...*— В окончательном тексте примечания к «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» сказано: «Мерзляков, известный профессор Московского университета». *Получил Танкреда...*— «Танкред» Вольтера в переводе Н. И. Гнедича вышел в 1816 г. с выгравированным Н. И. Уткиным портретом Е. С. Семеновой. *«Рассуждение о славянских диалектах»* — статья М. Т. Каченовского была напечатана в VII ч. «Трудов Общества любителей российской словесности» (1817). Впоследствии идеи Каченовского о несовпадении древнерус. и церковнославянских языков были развиты и во многом уточнены А. Х. Востоковым. *Дульцинея...*— имя, данное Дон-Кихотом в романе М. Сервантеса своей возлюбленной Альдоисе, зд. возлюбленная, созданная воображением влюбленного. *Исказителя «Энеиды»*.— Пер. «Энеиды», сделанный В. П. Петровым (1770—1786), вызывал резкую критику в литературных кругах. Перевод «Илиады» Я. В. Петрова неизвестен. *Des protégés...*— цит. из комедии Ж.-Б. Грессе «Злой» (1747). Статья Батюшкова *«Характер, искательный»* не сохранилась.

267. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет. Монтескье разговор...*— Многие суждения Монтескье в статье «Вечер у Кантемира» восходят к его «Духу законов» (1745) и «Персидским письмам» (1721). *Формат... «Пантеона...»* — Пожелание Батюшкова еще раз свидетельствует о его намерении издать «дамскую книжку» (см. № 266). Однако *О* вышли в большем формате. *У Долгорукова* — в домашнем театре И. М. Долгорукова. *...геройствует...*— зд.: исполняет главную роль.

268. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Qui n'a pas l'esprit...*— цит. из стих. Вольтера из его письма к Ле Корнье де Сидвилю от 11.VII.1741.

269. *ГПБ*, ф. 198, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет. Ты поешь рождение сына Мелесова...*— Имеется в виду поэма Гнедича «Рождение Омира» (1816. См. также примеч. к стих. «Гезиод и Омир — соперники», т. I, с. 455).

270. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 124. *Для бедной Поповой...*— см. № 265. *На прозах...*— каламбурное обыгрывание галлицизма «на розах», т. е. окруженный благополучием. *Иван Матвеевич... по известному вам делу...*— см. № 261, 263.

271. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Публикуется впервые. Датируется по следующему письму. *Иван Семенович, Анна Львовна...*— Батюшкова.

272. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Публикуется впервые.

273. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет. N'allez pas faire...*— неточн. цит. из сатиры Вольтера «Храм вкуса» (1733), где речь идет о Ж.-Б. Руссо.

274. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. *Басни Крылова...*— «Новые басни» И. А. Крылова (1816). *«Путешествие Головина»...*— «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг.» (Пб., 1816). *«Письма русского офицера»* (1815—1816) — соч. Ф. И. Глинки. *«О высоком»* — трактат псевдо-Лонгина в пер. И. И. Мартынова (1803).

275. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 5082. Впервые — *М — III. Гезиод...*— «Гезиод и Омир — соперники». *Иван Иванович...*— Дмитриев.

276. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III. Жуковский имеет независимость...*— В декабре 1816 г. после того, как А. Н. Голицын поднес царю «Стихотворения Василия Жуковского», Александр I пожаловал поэту пенсию в 4000 рублей в год. *Рассеянные члены...*— цит. из IV сатиры Горация (II кн.). *«Певец на Красном крыльце»...*— стих. В. Жуковского «Певец в Кремле» (1816). *Метеллий...*— Квинт Непот — непримиримый враг Цицерона, зд. П. И. Голенищев-Кутузов, оставивший в нач. 1817 г. должность попечителя Московского ун-та и замененный А. П. Оболенским. *Вологодские гимназии...*— входили в Моск. учебный округ. *Tröstlich ist...*— цит. из драмы Гете «Торквато Тассо» (1790, д. II, явл. I).

277. Впервые — *PC*, 1883, № 7. *Жуковского счастие...*— см. № 276. *Твое замечание...*— см. № 257. *Иду своим путем...*— изм. цит. из послания А. С. Пушкина «Батюшкову» (1815). *Потемкин ел репу...*— Избалованный роскошными пиршествами, Потемкин в конце жизни предпочитал самую грубую пищу. *Баяльдера* — от португал. «балладера» — индийская храмовая танцовщица. Сказка «Баяльдера» не была написана Батюшковым.

278. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет. Получил и «Рождение Омира»...*— Речь идет об отдельном изд. поэмы (1817). *О русском флоте... у берегов Троады...*— В 1770 г. русский флот разгромил турецкий в Чесменской бухте близ Малой Азии, где находилась древняя Троя. *Правило Буало...*— «Шлифуйте, чистите, пока терпенье есть. Впишите две строки и вычеркните шесть» («Поэтическое искусство», 1674, Буало, песнь 1). *Пантеон итальянской словесности...*— Этот замысел остался неосуществленным. Отдельные переводы были опубликованы Батюшковым в *О* и различных журналах (см. т. I). *Съехались на Парнасе...*— Формула «всевидящий слепец» использована Гнедичем в «Рождении Омира» и Батюшковым в элегии «Гезиод и Омир — соперники».

279. Впервые — *РС*, 1883, № 7.

280. Впервые — *РС*, 1883, № 7. О переводах итальянских — см. № 278.

281. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III*. *...Благодарим за старание...* — см. № 276. *Благодарю Жук⟨овского⟩...* — В это время Жуковский планировал периодическое издание, а Батюшков готовил свои «Опыты в стихах и прозе». *«А жить надобно»...* — Вероятно, имеется в виду монолог священника в финале повести Ф.-Р. Шатобриана «Атала» (1801). *Переводы немецкие* — ими Жуковский собирался занять том своего издания. *Бросил... Иоанна Миллера* — «Книги по всемирной истории» (1811) — лекции И. Миллера, изданные посмертно. Батюшков говорит о 10 гл. XXIII кн. *Его бы в члены...* — С. Жихарев был принят в члены «Арзамаса» еще в 1815 г. *Напитался Иерусалимом...* — поэмой «Освобожденный Иерусалим». *Шаховской на развалинах Рима...* — А. А. Шаховской путешествовал по Италии в конце 1818 г. В своих письмах (*СО*, 1816, № 46; 1817, № 6, 7) рассказал, как на развалинах Кум он въезжал в высокую арку, называемую воротами счастья. *Две классические Карикатуры...* — и Шаховской, и Козловский отличались неимоверной толщиной. В «Письмах из Италии» Шаховской сообщал, что в карантине (*в чуме*) в Одессе пишет новую комедию. *Его Желание славы...* — В конце того же письма Шаховской пишет о своем славолюбии стихотворца. *Маша* — дочь Вяземских. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в это время печаталась. *Пришли... Сисмонди* — книгу «О литературе юга Европы» (т. I — IV, 1813), которую Батюшков использовал для работы над «Умирающим Тассом». *«Певец» Жуковского* — стих. «Певец в Кремле». *Левушка* — Л. В. Давыдов. *«Ад»* — первая часть «Божественной комедии» Данте. *Запрос Арзамасу* — переделка стих. Вольтера «Три Бернарда». Личности трех Пушкиных не поддаются однозначной расшифровке. Первый Пушкин — вероятно, Алексей Михайлович, другой — Василий Львович, разведшийся со своей женой, третий — Н. С. Бобрищев-Пушкин, опубликовавший в 1817 г. несколько стихов в *ВЕ*. Его возраст и семейное положение могли быть Батюшкову неизвестны. По мнению В. А. Кошелева, имеются в виду, соответственно, С. Л. (отец А. С.), А. М. и В. Л. Пушкины. А. С. Пушкин едва ли подразумевается в стих., так как он в это время жил не в Москве, а в Царском Селе и был гораздо моложе своих родственников.

282. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 19. Впервые — *Ежег*. Датируется по упоминанию о болезни Батюшкова и *шпанской мушке* (см. № 284) — порошке жужелицы, натягивавшем пузыри на коже и использовавшемся как целебное средство. *«Толкование на библию»* — «Записки, руководствующие к основательному разумению книги «Бытия» (т. I—II, 1816) Филарета Дроздова.

283. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*.

284. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III*. *С новорожденной...* — У Вяземского родилась дочь Прасковья. *Стихи* — басня Вяземского «Доведь», первоначально содержавшая омонимическую рифму на слово «ней», впоследствии исправленную. *Бальзам Фьербараса* — чудесное целительное средство в средневековых рыцарских романах, упоминается в «Дон-Кихоте». *Попова* — см. № 265.

285. Впервые — Моск. телеграф, 1827, № 3. Вероятно, письмо известно нам не полностью. *...кибитка — не Парнас!..* — Цит. из послания В. Л. Пушкина «К арзамасцам» (1816). *Ты злого Гашпара...* — Двустишие контаминирует два произв. В. Л. Пушкина: первая строка цит. из послания «К арзамасцам» (1816), вторая из стих. «К Делии» (1812). *Гашпар* — герой поэмы А. Шаховского «Расхищенные шубы», здесь: сам Шаховской. *Я... отставной асессор!* — Намек на «невыгодную отставку» коллежским асессором, полученную Батюшковым. См. № 245. *Фортуна упала...* — неточн. цит. из стих. Г. Державина «К счастью» (1798). *Счастию Жуковского...* — назначенной ему пенсии. *Что делает***...* — Вероятно, имеется в виду А. М. Пушкин, преследовавший В. Л. Пушкина насмешками.

286. Впервые — *РС*, 1883, № 7. *Посылаю тебе...* — к рекомендациям Батюшкова по составлению О. Гнедич прислушался лишь отчасти (см. примеч. к соответствующим произведениям в т. I). *Вопреки Олину...* — В статье «Ответ на сделанные возражения на перевод двух первых глав из 2-й книги Юстина» (*СО*, 1817, № 7) В. И. Олин настаивал на том, что в переводах классич. писателей «слов без совершенной нужды переставлять не должно». *Как странен...* — «На поэмы Петру Великому» (см. т. I, с. 394). *Олин Квинтильянович...* — Свои соображения (см. выше) Олин подкреплял цитатами из Квинтиллиана, а заканчивал фразой «Читателю, рассуждайте» (*Читатель, суди сам*). С этим связаны и выдвигаемые в его адрес Батюшковым обвинения в саморекламе (*Пироги горячи!..*). *Дал слово Сергею Глинке...* — «Переход через Рейн» был опубликован в «Русском вестнике» С. Глинки. *Читал Горация* — Эпистола 2, кн. II. *Поверения дружества* — в окончательном тексте статьи «О характере Ломоносова» сказано «дружеские поверения». *Справляться с «Вестником»...* — с *ВЕ*, где была напечатана статья. *Головнина записки* — см. примеч. к № 274. *Как я рад не могу изъяснить...* — Речь идет об успешном окончании судебного дела И. М. Муравьева-Апостола (см. № 261, 263). *Проспектус переводов...* — О переводах, которые должны были составить первый том предполагаемого издания см. т. I, с. 468 (ряд переводов не отыскан), источниками второго тома должны были стать труды П.-Л. Женгене «Истории итальянской литературы» (т. I—VII, 1801—1814), С. де Сисмонди «О литературе юга Европы» и Ф. Бутервека «Истории поэзии и красноречия современных народов» (1801—1819). *Жуковскому отдам все...* — в журнал, который собирался издавать Жуковский (см. № 281). *Стара стала и глупа*

стала.— Слова, сказанные старым калмыком о казанском губернаторе времени Екатерины II П. С. Мещерском. Зафиксированы в «Записных книжках» П. А. Вяземского. *Маркиз Г.*— герой романа А. Прево «Приключения маркиза Г..., или Жизнь благородного человека, оставившего свет» (рус. пер. 1756—1765). *Шаховской... и... Козловский* — см. № 271. *В смотрители магазинов соляных* — должности при Главной соляной конторе часто были формой синекуры. В 1800—1802 гг. такую должность занимал Жуковский. *Высылай своего Омира...*— стих. «Рождение Омира». *Коль слушать все...*— изм. цит. из басни И. А. Крылова «Лисица и сурок» (1813). *«Обозрение словесности»* — «Обозрение русской литературы 1815 и 1816 гг.» Н. И. Греча (*СО*, 1817, № 1—2).

287. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет. Поэму пришлю* — «Рождение Омира». *Перевода из Тасса, ни из Ариоста не хочу.*— Гнедич предлагал включить в *О* ранние переводы Батюшкова из «Освобожденного Иерусалима» и «Неистового Орландо». *...почти александрийских...*— Элегия «Умирающий Тасс» написана вольным ямбом. *Речь мою...*— «Речь о влиянии легкой поэзии на язык». *Примарание* — приписка. *Спой, светик...*— цит. из басни Крылова «Лисица и ворона» (1808).

288. Впервые — *РС*, 1883, № 8. *Твое письмо...*— «Письмо к Б⟨атюшкову⟩ о статуе Мира, изваянной для графа Н. П. Румянцева скульптором Кановою в Риме» Н. И. Гнедича (*СО*, 1817, № 14). *По словам Горация...*— Ода I, кн. III. *Уварова за предложение...*— С. С. Уваров был попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. *Возьми, чем их топить...*— цит. из басни Крылова «Крестьянин в беде» (1811). *Поэма «Рюрик»* — так и не была написана Батюшковым. *Дмитрий Иванович* — вероятно, Языков, осмеянный Батюшковым в «Видении на брегах Леты». Можно предположить, что *труд* — это II часть его перевода «Нестора» А. А. Шлецера, изданная в 1816 г. *Если Греч не уехал к немцам...*— Н. И. Греч выехал в путешествие в Германию 14.V.1817 г. *Виландов комментарий* — «Сатиры» и «Послания» Горация с примечаниями Виланда вышли в 1781 и 1786 гг. Комментариев Виланда к Катуллу и Проперцию не существует. *«Славянские сказки»* — «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» В. А. Левшина (1787—1788), печатавшиеся в типографии Н. И. Новикова. *«Древние русские стихотворения»* — первое издание сб. Кирши Данилова (1804), подготовленное при участии Ф. Ключарева. *Бову королевича и др.*— Эти сказки входили в сборники «Дедушкины прогулки» (1791) и «Лекарство от задумчивости» (1793). Вероятно, Батюшков планировал использовать их для поэмы «Рюрик».

289. Впервые — *РС*, 1883, № 8. *Делать подписку...*— на *О*. *Еще безделку...*— стих. «Беседка муз». *Овидия «Tristes»* — «Скорбные элегии». *Таким образом, созерцание...*— изм. цит. не из П. Я. Озерецков-

ского, но из книги В. Севергина «Начальные основания естественной истории. Царство произрастений» (Пб., 1794, т. I, с. 2).

290. Впервые — *РА*, 1870, № 1. *Твоему счастию...* — см. примеч. к № 276. *Надпись... к лицу твоему...* — стих. «К портрету Жуковского» (см. т. I, с. 239). *Фитолюбца нашего...* — Возможно, здесь заключен намек на пристрастие Каченовского к Греции. *«Павловское»* — элегия Жуковского «Славянка» (1815). *«Греево кладбище»* — «Сельское кладбище» (1802) — пер. элегии англ. поэта Т. Грея. *Wo die Citronen blühn...* — цит. из песни Миньоны в романе Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795—1796). *Я начал «Первый снег»* — стих. «Первый снег» (1817) есть у Вяземского. Батюшков его, по-видимому, не написал.

291. *ГБЛ*, ф. 211, к. 3619, ед. хр. I—1,3. Впервые — *М — III*. *Путешествие...* — «Путешествие в Малороссию» П. И. Шаликова (т. I — II, 1803—1804). *Наконец у нас президент...* — А. Н. Оленин был назначен президентом Академии художеств 17.IV.1817 г. *Шексна* — река в Череповецком уезде, где близ Уломского озера находилось имение Батюшковых.

292. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III*, где сопровождалось планом поэмы «Русалка» (см. с. 57). Начало письма связано со скандалом, когда С. М. Соковнин на бульваре публично объяснился в любви В. Ф. Вяземской. *План* — журнала, который должны были издавать члены Арзамаса. *Уранги* — обезьяны из оды Державина «На счастье» (1789, «витийствуют уранги в школах»). *Посылаю Каченовскому кучу переводов...* — см. т. I. *За словесность русскую...* — Этот замысел отразился в «Чужом — моем сокровище», см. с. 31.

293. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет*.

294. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 24. Впервые — *РА*, 1867, № 11.

295. Впервые — *РС*, 1883, № 8. В начале письма речь идет о поправках в элегии «Умирающий Тасс». *Фортуна не есть счастье...* — Батюшков ссылается здесь на «Чистилище» из «Божественной комедии» Данте (песня XVI, ст. 64—82) на 35 оду (I кн. «Од») Горация, на 18 письмо из «Нравственных писем к Луцилию» Сенеки и на статью «Фортуна» из «Сокращения всеобщей мифологии» (1815) Ф. Ноэля. *Изрытые пучины* — неточн. перевод из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо (песнь 4, строфа 3). *«Истязание* Спасителя» картина А. Е. Егорова (см. «Прогулка в Академию Художеств, см. т. I, с. 84). *Олин... Оссиана переводит!* — Первые переводы Олина «Песен Оссиана» начали появляться в *СО*, в 1817 г. *Послание к Никите* — см. т. I. *Кто писал статьи из Череповца...* — Автором «Письма к издателю Сына Отечества из Череповца» 1817, № 22, критиковавшего сделанный Воейковым перевод «Энеиды» Вергилия, действительно был И. М. Муравьев-Апостол. Живя близ Череповца, Батюшков опасался, что будет принят за автора письма. *Новорожденный Оссиан* —

В. Н. Олин (см. выше). *В знакомые подвалы* — цит. из «Певца... в беседе славяноросов». *Бабушкин* — фамилия вымышленного книгопродавца, образованного по аналогии с реальным Матушкиным. *Cet oracle...*— цит. из «Ифигении в Авлиде» Ж. Расина (д. II, явл. 7). *Письма к графине****— книга Ф. П. Львова, напечатанная в VI вып. «Чтений в Беседе любителей российского слова» (1812). *Не плачу я...*— изм. цит. из баллады П. А. Катенина «Ольга» (1816).

296. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *Пр.*, 1986. *Батюшка ваш...*— Ф. М. Колокольцев, отец Е. Ф. Муравьевой, был в это время тяжело болен. *Сенека говорил...*— «Нравственные письма к Луцилию» (письмо 58).

297. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет. Получил книгу* — *О*. т. I. *Nil amirare... не так...*— правильно: nil admirare (статья «Прогулка в Академию художеств», т. I, с. 75). *Ситация из Катулла...*— в статье «Нечто о морали...» (см. т. I, с. 152). *Мадам Жофрень* — упомянута в статье «Вечер у Кантемира» (т. I, с. 49). *Не сказывай этого В. Л.*— В. Л. Пушкин был знатоком и почитателем фр. литературного быта. *Смерть профессора Крашенинникова* — С. П. Крашенинников умер, оставив свою семью в глубокой нищете. *On tient pour drolerie...*— цит. из «Опытов» (кн. III, гл. 2) М. Монтеня. *Tu l'a voulu...*— цит. из комедии Ж.-Б. Мольера «Жорж Данден» (1668). На странице 323 — опечатка — в ст. «Нечто о морали...» («Они ведут человека к блаженству земным путем», т. I, с. 158). Опечатки были оговорены во II томе *О*. *Поэтический гнев...*— цит. из Горация (Эпистола 2, кн. II). *Пошли «Моровую язву» к Каченовскому...*— Для публикации в *ВЕ*.

298. Впервые — *РС*, 1883, № 8. *Объявление в «Инвалиде»* — восторженная рецензия В. И. Козлова на 1-й том *О* с объявлением о скором выходе второго появилась в «Русском Инвалиде» (1817, № 156). *...Виргилий Стасу в «Чистилище» Дантовом...*— Речь идет об эпизоде в XXI песни «Чистилище» ст. 130—132. *Стас* — рим. поэт Стаций, персонаж поэмы Данте. *Измайлова я не получаю...*— В связи с отъездом в 1817 г. Греча Измайлов редактировал *СО*. *Courage Molière* — слова, сказанные, по преданию, на премьере пьесы «Смешные жеманницы» в 1659 г. *Бумаги на жалованье* — см. № 287.

299. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 10 — черновик. Впервые — *М — III*. *Я поручил издателю моему...*— см. № 295.

300. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 20. Публикуется впервые. Датируется по связи со следующим письмом.

301. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 20. Впервые — *Ежег. Посылаю книгу* — *О*.

302. Впервые — *РА*, 1866, № 11—12. *Расставщики кавык...*— изм. цит. из «Послания английского стихотворца Попа доктору Арбутноту» (1798) И. И. Дмитриева.

303. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Великий князь* — Николай Павлович.

304. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Павел Львович* — Батюшков. *Абрам Ильич* — Гревенс.

305. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III. Твое путешествие в Варшаву.*— В августе 1817 г. Вяземский получил место в канцелярии Н. И. Новосильцева. *Жуковский вступает в новую... должность...*— учителя русской словесности великой княгини Александры Федоровны. *Ахилл* — арзамасская кличка Батюшкова, *Громобой* — Жихарева, кличка А. А. Плещеева — *Черный вран. Кавелинский пансион...*— благородный пансион при Петербургском главном педагогич. институте.

306. ЦГАЛИ, ф. 63, ед. хр. 10 копия. Впервые — *Нечто*. Письмо, изобилующее «арзамасскими» намеками, содержит указания на невосстановимые сейчас события. *В царстве мертвых...*— В 1817 г. Дашков получил назначение в посольстве в Константинополь. *В подобье тени...*— изм. цит. из стих. «Привидение». *И там столпы* — цит. из оды И. И. Дмитриева «Глас патриота на взятие Варшавы» (1794). *Хлыстов* — Хвостов — намек на издевательскую речь Дашкова по случаю вступления Д. И. Хвостова в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств в 1812 г. (см. примеч. к № 115). *Орион* — Шишков — намек на полемич. статью Дашкова «О легчайшем способе возражать на критики» (1811), направленную против Шишкова. *Ученик... Курганова* — популярный «Письмовник» (первое изд. 1769) Н. Курганова воспринимался в нач. XIX в. образованными читателями как чтение для невежественного простонародья. *Четьи-Минеи, Пролог* — собрания житий святых и церковно-учительных текстов. *Усмарь* — кожевник. *Киевский требник* — требник, составленный в 1646 г. киевским митрополитом Петром Могилой, малоупотребляемый в русской церкви. *Идох мимо и се не бе...*— («И вот он прошел и нет «его») — цит. из псалма 36, ст. 36. *Пророчество Аввакума* — Аввакум воспринимался арзамасцами как прообраз литературного раскола «Беседы». *При свете... Фебы* — при лунном свете.

307. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 124. Впервые — *РА*, 1867, № 11. Письмо сопровождалось рисунком птицы. *Приютино* — место, где находилась дача Олениных.

308. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 19. Впервые — *Ежег. Желание ее справедливо...*— В. Н. Батюшкова вышла замуж за А. А. Соколова в начале 1818 г., см. № 331.

309. Впервые — *РС*, 1893, № 4 с указ., что автограф находится в Берлинской королевской библиотеке. *Абрам Ильич, Гриша* — Гревенсы. *Книги мои...*— *О*, изданные Гнедичем.

310. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III.*

311. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III. Благода-*

рю... за Озерова — за статью «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» в кн.: Озеров В. А. Сочинения (ч. I — II, 1817). *Асмодей...* — арзамасская кличка Вяземского. *Спроси у Северина...* — Через Д. Северина Батюшков пытался выхлопотать место при дипломатической миссии в Италии. Эолова *Арфа...* — арзамасская кличка А. И. Тургенева, *Вот я вас...* — В. Л. Пушкина, *Резвый Кот...* — Д. П. Северина.

312. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 124. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Два экземпляра...* — *О*, том II. *Николай Иванович* — Тургенев.

313. *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, ед. хр. 61. Впервые — *М — III*. *Переводчик Лонгина...* — см. примеч. к «Чужому — моему сокровищу» (с. 595).

314. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые фрагмент — *Москв.*, 1855, № 23—24. Полностью — *М — III*. *Может быть... я женюсь.* — Батюшков обдумывал в это время женитьбу на О. П. Шишкиной, дальней родственнице Д. Н. Блудова. *Вера Осиповна* — Баранова. *Павел Львович, Иван Семенович* — Батюшковы.

315. *ЦГАЛИ*, ф. 63, ед. хр. 12. Публикуется впервые. В письме от 17.X.1817 Н. М. Сипягин сообщил Батюшкову, что он избран в члены Общества военных людей при Гвардейском штабе.

316. *ЦГАЛИ*, ф. 141, ед. хр. 177. Впервые — *Пр., 1986*. Датируется в связи с предыдущим письмом, поскольку 20 октября было субботой.

317. Впервые — *РА*, 1856, № 11—12. Посланный с этим письмом экземпляр *О* находится в составе библиотеки И. И. Дмитриева в Отделе редкой книги Библиотеки МГУ (шифр. Дмитр. 8945). На оборотной стороне форзаца дарственная надпись: «Его превосходительству Милост. Государю Ивану Ивановичу Дмитриеву в знак глубочайшего почитания и признательности от автора, С.-Петербург 1817». *Беотизм* — букв.: грубое, простонародное выражение, зд. — ошибка; от Беотии, провинции в Древней Греции, населенной землепашцами. *В библиотеке вашей...* — И. И. Дмитриев был знаменитым библиофилом.

318. *ЦГАЛИ*, ф. 141, ед. хр. 177. Публикуется впервые.

319. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*. *Губернатор...* — Н. Н. Муравьев.

320. *ИРЛИ*, Р. III, оп. I, ед. хр. 50. Публикуется впервые. Датируется по времени, когда Гнедич и Батюшков находились в одном городе. *Уткин прислал...* — О какой картине Н. И. Уткина идет речь, неясно. *Семенову* — портрет Е. С. Семеновой (1816), гравюра Уткина с картины О. Кипренского. *Он там, где там...* — цит. из оды Державина «На смерть князя Мещерского» (1779).

321. *ЦГАЛИ*, ф. 141, ед. хр. 177. Впервые — *Пр., 1986*.

322. *ИРЛИ*, ед. хр. 25777. Публикуется впервые. *Максим Иванович...* — Дамас. Как установил П. Р. Заборов, Батюшков переписывал-

ся с М. И. Дамасом в 1814—1817 гг. (см. Русская литература, 1987, № 4, с. 228—229).

323. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Дела новгородские...* — продажа за долги имения Н. Л. Батюшкова.

324. *ЦГАЛИ*, ф. 63, ед. хр. 8. Публикуется впервые. Письмо, вероятно, связано с вестями о тяжелой болезни Н. Л. Батюшкова. *Felicite Barbe...* — Именины В. Н. Батюшковой приходились на 4.XII.

325. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Юленька* — дочь Н. Л. Батюшкова от второго брака. *Маленький* — Помпей Батюшков.

326. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Дядюшка.* — И. С. Батюшков. *Софья Астафьевна* — Батюшкова.

327. *ИРЛИ*, ф. 19, ед. хр. 20. Публикуется впервые.

328. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1867, № 11.

329. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III. Иван Никитич* — Теглев.

330. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 28. Впервые — *М — III*. Судя по тому, что подлинник остался в архиве Батюшковых, письмо не было отправлено. Возможно, письмо адресовано И. И. Сирякову (ср. № 198).

331. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III*. Дело Вареньки... — см. № 308.

332. Впервые — *РА*, 1870, № 11. *О моем деле...* — месте при дипломатической миссии в Италии. *Кассандра* — арзамасское прозвище Д. Н. Блудова. *Новый президент* — А. Н. Оленин, президент Академии художеств. *Пушкин-староста* — В. Л. Пушкин, староста «Арзамаса». *Племянник* — А. С. Пушкин, который был в начале 1818 г. тяжело болен.

333. Впервые — *РА*, 1870, № 11. *Обними Северина...* — В январе 1818 г. Д. П. Северин женился на Е. С. Стурдзе. *Гребневский ключ...* — Стих. Державина «Ключ» посвящено источнику в имении Хераскова Гребеневе, «поившему» поэта «водой стихотворства».

334. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III*. Второй сын Вяземских, также Андрей (см. примеч. к № 171), умер в ноябре 1817 г.

335. *ИРЛИ*, ед. хр. 71/1 с. Впервые — *РА*, 1866, № 4. «История государства Российского» Карамзина вышла в свет в феврале 1818 г. (см. примеч. к стих. «К творцу Истории государства Российского» см. т. I, с. 480). *Плещей* — А. А. Плещеев.

336. Впервые — сб. Утро. М., 1866, с. 186—187.

337. *ЦГАЛИ*, ф. 72, ед. хр. 1. Публикуется впервые. *Пророчица* — Кассандра (см. примеч. к № 332) обладала даром предвидения. *Светлана* — арзамасская кличка Жуковского. *Статья о Стурдзе* — рец. Д. Блудова в «Журнале императорского человеколюбивого общества» (1817, № 2—5) на книгу А. С. Стурдзы «Размышления о доктрине

и духе православной церкви» (1817, на фр. яз.). Статья Блудова о *Радищеве* неизвестна. *Карамзина не возвращаю...*— «Историю государства Российского» (см. примеч. к № 335).

338. Впервые — *РА*, 1866, № 11—12. *Новая монаршая милость...*— производство в чин действительного тайного советника.

339. *ГБЛ*, ф. 211, к. 3619, ед. хр. I—1,4. Впервые — *РА*, 1867, № 11. Получено Олениным 25.III.1818.

340. *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 4, ед. хр. 8. Впервые — *М — III*. Письмо связано с приготовлениями Батюшкова к поездке в Крым. *Габлицева Таврида...*— «Физическое описание Таврической области» (1785) К. И. Габлица. *Нарушевич...*— «Таврикия, или Известия древние и новейшие о состоянии Крыма и его жителей до наших времен» (1788) А. С. Нарушевича. *«Путешествие» Шаликова...*— «Путешествие в Малороссию» (ч. I — II, 1804). *О какая гармония...*— пародийная переделка стих. А. Х. Востокова «Услаждение зимнего вечера» (1803). *«Ифигения в Тавриде»* — трагедия Еврипида.

341. *ИРЛИ*, ф. 527, ед. хр. 124, л. 40. Публикуется впервые.

342. Впервые — сб. «Раут». М., 1854, с. 314, где датировано ноябрем 1817. Датировка уточнена в связи с тем, что именно в мае 1818 г. Батюшков планировал оставить Петербург на полгода (см. № 344).

343. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 124. Впервые фрагменты — *ПОМ*, *РА*, 1867, № 11. В М — III, как два отдельных письма, датированных октябрем — ноябрем 1817 г. Датировка уточнена в связи с указанием Батюшкова на сбор материалов для поездки в Крым (см. № 340), а также с его отрицательной реакцией на «Для немногих» Жуковского (см. № 344). *«Для немногих»* («Fur Wenige») — 6 небольших сборников, выпущенных Жуковским в 1818 г. в Москве. В III вып. «Для немногих» (март) были напечатаны стих. «Тленность», «Утренняя звезда», «Юлия. Голос с того света», «Верность до гроба» и др. *Сегюра возвращаю* — книгу Л.-Ф. Сегюра «Нравственная и политическая галерея» (1818). *Келер написал* — «Письмо о различных медалях европейской Германии и Херсонеса Таврического» (1805, на фр. яз.).

344. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III*. *Храм Ифигении...*— Героиня трагедии Эврипида «Ифигения в Тавриде» была жрицей в храме. *Море лечит...*— неточн. цит. из трагедии (эписодий 2, от. 1039). *Стихи на рождение великого князя...*— «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение великого князя Александра Николаевича». *Блудов уехал...*— в конце апреля 1818 г. советником посольства в Лондоне, с ним в путешествие отправился Вигель. *Тургенев пляшет до упаду...*— Александр Иванович. *Брат его* — Николай Иванович. *Уваров говорил речь...*— 22.III.1818 на открытии кафедры восточных языков в Педагогическом институте (*СО*, 1818, № 13). *Пушкин... пишет поэму...*— «Руслан и Людмила». *Под именем дурака...*— см. № 284.

345. *ЦГАЛИ*, ф. 141, ед. хр. 177. Впервые — *Пр., 1986. В памяти... вашего сердца.*— См. статью «О лучших свойствах сердца» (т. I, с. 148).

346. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Брата* — Помпея Батюшкова. *По приезде Государевом...*— Александр I прибыл в Москву 1.VI.1818. *С сестрою* — Юлией.

347. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые с сокр.— *РА*, 1867, № 11. Полностью публикуется впервые. *Никита, Саша* — Муравьевы. *Сергей, Анна Ивановна, Ипполит* — Муравьевы-Апостолы. *Корсаков* — возможно, Алексей Иванович.

348. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III.*

349. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *О моих именинах...*— Именины Батюшкова праздновались 21.V. *Не воротился из Коломны...*— В № 347 говорится, что П. П. Дружинин уехал в Калугу. Le plan qu'on me propose — устройство на дипломатическую службу в Италии. *Лизавета Марковна, Алексей Николаевич* — Оленины.

350. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 124. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Письмо к Государю...*— см. № 355. *Граф* — И. А. Каподистриа. *Чин мне по совести следует.*— Батюшков ушел в отставку не надворным советником, как рассчитывал, а коллежским асессором. См. № 245.

351. *ЦГАЛИ*, ф. 63, ед. хр. 13. Публикуется впервые. Письмо, вероятно, связано с попыткой Батюшкова нанять Ф. Эвенса в качестве педагога для А. М. Муравьева (см. № 353).

352. *ГБП*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III.*

353. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Ипполит и др.*— см. № 347.

354. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 124. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Граф* — см. примеч. к № 350.

355. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 309а, черновик. Впервые — *М — I*, с. 262. Фотографич. воспроизведение подлинника — см.: Вестник МИД СССР, 1988, № 12, с. 276—277. Указ о назначении Батюшкова в миссию состоялся 16.VII (см. там же, с. 278). *1816... находился...*— вероятно, описка, и имеется в виду 1815 г.

356. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 324. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Море лечит* — см. примеч. к № 344. *Салгир* — река в Крыму. *Баллада из Шиллера...*— Имеется в виду или «Рыцарь Готенбург», напечатанный в I, или «Граф Габсбургский» в V вып. «Для немногих». Отрывок из трагедии Ф. Шиллера «Орлеанская дева» (перевод из «Иоганны») вышел в VI выпуске «Для немногих». *Он выполнен размером подлинника...*— белым пятистопным ямбом. *«Горная песня»* — пер. стих. Шиллера составил IV вып. «Для немногих» вместе с пер. из Гете «Лесной царь» и И.-П. Гебеля «Летний вечер» и «Деревенский сторож в полночь». *Николай Иванович* — Тургенев. *27 сего месяца совершат панихиду* — ежегодная церемония 27.VI — в день Полтавского сражения.

Тощий памятник — работы Т. де Томона к столетию Полтавского сражения.

357. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые с сокр.— *РА*, 1867, № 11. Полностью публикуется впервые. *Сережа, Матвей* — Муравьевы-Апостолы. *Елена Ивановна* — Муравьева-Апостол. *Хомутец* — имение И. М. Муравьева-Апостола.

358. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые с сокр.— *РА*, 1867, № 11. Полностью публикуется впервые. *Козловские грязи* — в Евпатории (Козлов — искаж. татарск. Гезлев). *Корсаков* — Андрей Петрович. *Лицей одесский* — см. № 366. *Ольвия* — древнегреч. поселение, колония города Милета. *Черное море прекраснейшее из морей...*— цит. «История» Геродота, ч. IV, пар. 85. *Княгиня Зинаида* — Волконская. *Зорка* — собака Батюшкова. *Барон и Зойка* — собаки Муравьевых.

359. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 124. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Правитель оной* — П. Г. Саражинович. *Завести его...*— Н. И. Тургенев был знатоком экономических и финансовых проблем. *«Cantatrice Villane»* («Сельские певицы», 1806) — опера В. Фиораванти.

360. *ГБЛ*, ф. 211, к. 3619, ед. хр. 1—1,5. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Мои записки...*— Записки Батюшкова об Ольвии не сохранились. *Алексей Алексеевич* — Оленин. *Сергей Семенович* — Уваров.

361. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые фрагмент — *РА*, 1867, № 11, полностью — *Пр., 1986. Корсаков ваш знакомец, ваш Корсаков...*— А. П. и А. И. Корсаковы.

362. Впервые — *РС*, 1883, № 8. *Благодарю за известие.*— О получении Батюшковым места в итальянской миссии. *«Tendre Halcyon»* — второй стасим из трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде». *Дмитрий Прокофьевич* — Попов.

363. Впервые — *ПОМ. О потере нашего Северина* — 20.VI.1818 умерла жена Северина, урожд. Е. С. Стурдза, на которой он женился только в январе (см. примеч. к № 333). Она была сестрой А. С. Стурдзы. *Козлов* — см. примеч. к № 358.

364. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III.*

365. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые фрагмент — *РА*, 1867, № 11. Полностью публикуется впервые. *Reichard* — «Письма о путешествии через Рим и итальянские земли» (1784) Г. Рейшара, путеводитель по Италии. *Женгене и Сисмонди* — см. примеч. к стих. «Умирающий Тасс» (т. I, с. 464). *Tout chemin...*— поговорка из басни Лафонтена «Третейский судья, брат милосердия и пустынник» (1678).

366. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 124. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Повести Геродотовы* — IV ч. «Истории», где речь идет о скифах в Причерноморье. *Лицей* — Ришельевский лицей в Одессе под руководством Д. К. Николя. *Известий о Северине...*— см. № 363.

367. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 124. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Николай Иванович* — Тургенев. *Северин отправился с ним.*— Каподистриа

поехал с Александром I в Ахен на конгресс. *Не читавшего Каченовского...*— В *ВЕ*, 1818, № 4 была помещена крайне резкая заметка Каченовского о «Записке о достопамятностях московских» Карамзина.

368. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 124. Впервые — *РА*, 1867, № 11. *Перевод Мерзлякова* — перевод «Освобожденного Иерусалима». Тассо, который Мерзляков читал на заседаниях Общества любителей российской словесности. *Перевод, напечатанный в «Сыне Отечества»...*— Прозаич. перевод А. С. Шишкова (1818), фрагменты которого были напечатаны в *СО*, 1818, № 34 с критич. отзывом Греча, где несколько строк, вероятно, выброшенных цензурой, были обозначены точками. Батюшков цитирует перевод Шишкова по этой рецензии. *Воейков пишет гекзаметры без меры.*— Вероятно, имеется в виду «Послание С. С. Уварову» Воейкова (1818), посвященное русскому гекзаметру, но содержавшее метрические неправильности. Опубликованное в 1819 г., оно могло быть известно Батюшкову в рукописи. *Жуковский... пятистопные стихи без рифм* — в переводе «Орлеанской девы» Шиллера см. № 356. *Набег Каченовского* — см. примеч. к 367. *Келер* — см. примеч. к № 343. *Сверчок* — арзамасская кличка А. С. Пушкина.

369. *ГПБ*, ф. 197, ед. хр. 38. Впервые — *Отчет. Парфенопа* — древнегреч. колония близ Неаполя, собирательное название для Италии.

370. *ГПБ*, ф. 655 *. Впервые — *РС*, 1893, № 3. Каталог собрания И. Бларамберга вышел в Париже в 1822 г. *Статуя мира* — см. примеч. к № 288. *«Рюрик»* — судно, совершавшее кругосветное путешествие на средства Н. П. Румянцева.

371. Впервые — *ПОМ*. *Cet animal...* — неточн. цит. из басни Ж. Лафонтена «Заяц и лягушка» (кн. II, 1668). *Ахилл* — арзамасская кличка Батюшкова.

372. Впервые — *РА*, 1866, № 11. *Портрет Суворова* — гравированный Н. И. Уткиным (1818). Приложить его к письму Батюшков забыл (*РА*, 1867, ст. 1099—1100).

373. Впервые — сб. Пушкин и его современники, вып. II. Пб., 1909. *Послезавтра еду...*— Батюшков уехал из Петербурга 19.XI. *Рейн* — арзамасская кличка М. Ф. Орлова.

374. *ЦГАЛИ*, ф. 195, ед. хр. 1416. Впервые — *М — III*. *Заеду к тебе...*— Батюшков на своем пути в Неаполь миновал Варшаву. *Стихи к Петрограду* — первый вариант стих. Вяземского «Петербург» (1818). *Шаликов приписал тебе книгу...*— П. А. Шаликов посвятил Вяземскому перевод «Новых повестей» С.-Ф. Жанлис (ч. I—II, 1818).

375. *ИРЛИ*, Р — III, ок. 1, ед. хр. 518. Впервые с сокр.— *Нечто*. Полностью публикуется впервые. *Карамзин* вступил в Академию Российскую 10.VII.1818, а произнес свою вступительную речь 10.XII.

Жуковский и *Филарет* Дроздов были избраны в Академию 5.X. *Лимб* — первый круг ада, где грешники страдают без мук. *«Северная почта» возвестила...*— в номере от 16.X. 1818 г. *«Дунциада»* (1728) — сатирич. поэма А. Попа, направленная против дурных писателей. *Тургенев... старший* — Александр Иванович был секретарем президента библейского общества князя А. Н. Голицына. Общество ставило своей задачей перевод и распространение Библии на русском языке. *Сверчок начинает третью песню...*— поэмы «Руслан и Людмила». *Жуковский пишет глаголы...*— в связи с обязанностями преподавателя рус. языка великой княгини Александры Федоровны. *От Северина...* см. примеч. к № 367. *Дашков занят... должностию...*— советника посольства в Константинополе. *Громада прекрасных стихов* — стих. П. А. Вяземского «Петербург». *Анна Андреевна* — Блудова.

376. *ЦГАЛИ*, ф. 141, ед. хр. 177. Впервые — *Пр., 1986.*

377. *ЦГАЛИ*, ф. 501, ед. хр. 64. Публикуется впервые. *С. П. Свечина* — выезжала вместе с Батюшковым в Париж. *К Гагариным..* — Григорию Ивановичу и его жене. *Ослиного ищите праху...*— цит. из басни Д. И. Хвостова «Осел и рябина» (1802).

378. *ИРЛИ*, ф. 528, ед. хр. 124, л. 41. Публикуется впервые. *Рекомендательное письмо* — см. № 341.

379. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 22. Впервые — *М — III.*

380. *ЦГАЛИ*, ф. 63, ед. хр. 11. Впервые — Русская литература, 1970, № 1. *Лемберг* — ныне Львов, тогда главный город австрийской провинции Галиции. *Из похода прусского...*— в 1807 г. *Товарищ мой...*— И. И. Бутягин, помещик Волынской губ. *Встретил государя...*— Через Тешин (Тешен), город в Силезии, Александр I возвращался с Ахенского конгресса. *Библиотека заперта...*— В Венской библиотеке хранилась рукопись «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо. *«Танкред»* (1819) — опера Дж. Россини. *Замечания об Ольвии* — книга, которую Батюшков начал писать в Одессе. Ныне утрачена. *Александр Иванович* — Тургенев. *Две огромные руки* — арзамасская кличка А. Ф. Воейкова, иногда применявшаяся и к Тургеневу за страсть к собиранию бумаг. *Мозырь* — город в Минской губернии на берегу реки Припять (Перепять). *Книга... Греча* — учебная книга Российской словесности (ч. I. Пб., 1819). *Лексикон русской Академии...*— «Словарь Академии российской» (ч. I—VI). Пб. (1806—1822), издававшийся под руководством Н. И. Соколова. *Когда растают льды...*— цит. из стих. Г. Р. Державина «Весна» (1804). *Алеша* — сын П. А. и Е. Н. Шипиловых. *Михаил Сергеевич* — Лунин. *Анна Ивановна* — Муравьева-Апостол. *Зора* — собака Батюшкова. *Софья Ефстафьевна и Павел Львович* — Батюшковы.

381. Впервые — Старина и Новизна, 1905, № 9.

382. *ГБЛ*, ф. 211, к. 3619, ед. хр. I—1,6. Впервые — «Исторический вестник», 1884, № 5. *Восхищаться С<вятым> Петром...*— Собор Свя-

того Петра (XV — XVII вв.), крупнейший в Риме, в работе над которым принимал участие Микеланджело. *Статуя Мира в его мастерской.*— «Статуя мира» А. Кановы, созданная по заказу Н. П. Румянцева, находилась в Петербурге. Батюшков мог видеть один из вариантов скульптуры. *Воспитанник его...*— В. Сазонов. *Другие воспитанники* — С. Щедрин, С. Гальберг, М. Крылов, К. Тон, отправленные для занятий на средства Академии художеств в Рим. *Вид с паперти Жана Латранского.*— Имеется в виду собор Сан-Джованни на Латеране, второй по значению собор в Риме. Такая картина С. Щедрина неизвестна. *Устав Франц<узской> акад<емии>...*— А. Н. Оленин обдумывал план учреждения в Риме особого отделения русской Академии художеств по образцу французской. *Вашу книгу...*— «Заметки на примечания в сочинении Изображения на древних вазах» (1818). *Въ Флоренции есть слепки...*— А. Н. Оленин дал Батюшкову целый ряд поручений по сбору в Италии материалов для Академии художеств. *Статуя Аристида* — антич. скульптура, найденная в нач. XIX в. при раскопках в Помпее и Геркулануме. *Еще не писал Аполлона* — работа О. Кипренского над аллегорической картиной «Аполлон, поражающий Пифона» вызывала неодобрение А. Н. Оленина. Картина не была завершена Кипренским. *Его Меркурий* — «Меркурий, готовящийся убить Аргуса» — одна из самых знаменитых статуй Б. Торвальдсена. *Маймист* — название финнов-протестантов, живших в Петербургской губернии. *Корсо* — главная улица Рима. *В отечестве никто...*— неточн. цит. из басни И. И. Дмитриева «Искатели фортуны» (1794). *Алексей Алексеевич* — Оленин. *Сергей Семенович* — Уваров. *Отечество Тассово.*— Тассо родился в Сорренто близ Неаполя. *Великий князь* — Михаил Павлович, путешествовавший по Италии. *Министр* — И. Каподистриа. *Кипренский подносит... голову ангела...*— Вероятно, речь идет об эскизе к картине «Ангел, прижимающий к груди гвозди от распятого Христа» (1818).

383. Впервые — *ПОМ*. *Так как Тиверий, остров которого...*— Тиберий жил на острове Капри. *Не знал с чего начать послание свое к сенату...*— см. Тацит «Анналы» (кн. III, параграф 52). *Плиний погибает под пеплом...*— Плиний-старший погиб при извержении Везувия, о чем рассказывается в «Письмах» Плиния-младшего (кн. VI, эпист. 16). *...познакомился с Лагарпом...*— Ф.-Ц. Лагарп сопровождал великого князя Михаила Павловича в поездке по Италии. *«Опыты о таинствах...»* — см. примеч. к № 240. *Байи* — см. т. I, с. 482. *О Неаполе говорит Тасс* — в письме к Кардиналу Антонио Карраре от июня 1588 г. *Просите Пушкина... выслать... поэму...*— «Руслан и Людмила», вышедшую только в 1820 г. *Карамзин говорил речь...*— см. примеч. к № 375. *Светлана* — Жуковский. *...от Дашкова письмо...*— Д. В. Дашков служил при рус. миссии в Константинополе.

384. *ГПБ*, ф. 54, ед. хр. 244 копия. Впервые фрагменты — «Вологод. губернские ведомости», 1855, № 42, полностью *М — III*. *Петр*

Иванович — по предположению Л. Н. Майкова, ошибка переписчика и имеется в виду П. М. Дружинин.

385. Впервые — *РС*, 1883, № 8. *Ниже Шаховской* — см. примеч. к № 281. Великая княгиня Екатерина Павловна скончалась 23.XII.1818 (см. примеч. к № 386). Пенсия, назначенная ей Гнедичу, была сохранена. *Продаются ли книги...— О. Книги Броневского* — «Записки морского офицера» (ч. I—IV, 1818—1819) и *Свиньина* — «Воспоминания на флоте» (ч. I — IV, 1818—1819). Обе книги содержат описания Неаполя. *Глинка писывал на походе...*— Речь идет о «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки (1815—1816). *Кушелев* — А. Г. Кушелев-Безбородко. *Греко-российский Крылов...*— И. А. Крылов уже в старости принялся за изучение древнегреческого языка, по этой же причине он назван *фитолюбивым*. *Петр* — Оленин. *Приезд императора...*— В 1819 г. в Неаполе находился австрийский император Франц I. *Алеша* — Шипилов, учившийся в пансионе при Петерб. институте. *Жаль мне... Пушкина.*— До Батюшкова дошли ложные слухи о поступлении А. С. Пушкина на военную службу.

386. *ГПБ*, ф. 608, оп. 1, ед. хр. 4645. Впервые фрагменты — «Сочинения Батюшкова в прозе и стихах», ч. 2. Пб., 1834, полностью *М — III*. *С добрым началом* — 14.II.1819 состоялось торжественное открытие Петербургского университета, в который был преобразован педагогический институт. На открытии выступил С. С. Уваров. *Наперекор Горацию* — в Оде 6 (III кн.) Горация сказано: «Ведь хуже дедов наши родители. // Мы хуже их, а наши будут // Дети и внуки еще порочней». *Храм Аонид...*— Вероятно, имеется в виду храм Аполлона в Помпее, украшенный изображениями Муз. *Сан-Карло* — оперный театр в Неаполе, крупнейший в Европе. *M-me Stael сказала справедливо...*— «Коринна, или Италия» (1807, кн. X, гл. I). *...стихи Жуковского...*— элегия «На кончину ея величества королевы Виртембергской» (вел. княгини Екатерины Павловны, 1819). *Катерина Алексеевна* — Уварова. *Книга о Елейзии* — «Опыт о таинствах элевзинских (см. № 240).

387. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *Пр., 1986. Новый министр* — Г.-Э. Стакельберг, переведенный в марте 1819 г. полномочным посланником из Венеции в Неаполь. *Иския* — остров в Неаполитанском заливе, на берегу которого находился курортный город Кастелламаре (Кастель-Амаро). *Император* — Франц I. *Заволока* — гнойник под кожей. *Манускрипт об Ольвии...*— см. примеч. к № 380. *Просите его, чтоб он мне выслал...*— см. примеч. к № 380, 385. *Зорка, Зойка, Барон* — собаки.

388. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 1158, копия. Впервые — сб. «Утро». М., 1866, без P. S., который публикуется впервые. *Иван Иванович* — Дмитриев. *Князь Андрей* — Гагарин. *Софья Николаевна* — Карамзина.

389. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые с сокр.— *Пр., 1986.*

Полностью публикуется впервые. *По следам Энея...*— По описанию, данному Вергилием в «Энеиде» (6-я песнь), Эней спускался в царство мертвых в окрестностях Неаполя близ Фугарнского озера (Фугаро). Об «устрицах, которыми обильно кормят путешественников на берегах озера», писал в «Письмах из Италии» А. А. Шаховской (см. примеч. к № 281). *Лира, меч и тулуп* — символы поэтической и военной деятельности Батюшкова и его занятий сельского помещика. *Филоктет* — герой одноименной трагедии Софокла, оставленный в одиночестве на острове Лемнос. *Двум огромным рукам, о которых пишет Жуковский...*— в балладе «Адельстан» (1813). *Аббат Гальяни боялся здесь поглупеть.*— В «Неизданной переписке» аббата Галиани» (т. I—II, 1818) чрезвычайно часты жалобы на скуку и умственное убожество неаполитанской жизни. *Сестра* — Александра, *сестры* — Елизавета, Варвара и Юлия. *Николай Михайлович* — Карамзин.

390. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые с сокр.— *Пр., 1986.* Полностью публикуется впервые. *Мизима* (Мизина) — мыс в Неаполитанском заливе. *S. Lucia* — набережная в Неаполе. *Крестовский перевоз* — место жительства петербургской бедноты. *Толедо* — главная улица Неаполя. *Корси* — певческая династия в Неаполе. *Александр Иванович* — Тургенев.

391. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Публикуется впервые. *Две огромные руки* — см. примеч. к № 389. *Потонул флот Неронов...*— в 4 г. н. э. (см. Тацит «Анналы», кн. XV, параграф 461).

392. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 24. Впервые с сокр.— *ПОМ* на 1827 г., полностью — *РА*, 1884, № 1. *...сильнее Липецких...*— Намек на комедию А. Шаховского «Липецкие воды» (1815), содержавшую выпады против Жуковского. *Колыбель того человека...*— В Сорренто родился Т. Тассо. *Не сказывай этого Капнисту...*— В статье «Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, а в Черном и Азовском морях» Капнист, в частности, доказывал, что Цирцея обитала на побережье Колхиды. *Князь Борис...*— Б. В. Голицын. *По русски возможно сочинять исправно...*— изм. цит. из стих. Д. И. Хвостова «Письмо о красоте российского языка» (1804). *Записки о древностях окрестностей Неаполя...*— Эти записки не обнаружены. *Варвар...*— Слово, обозначавшее в устах Н. И. Тургенева человека, не придерживавшегося либеральных убеждений. *Писать ко всем фрейлинам...*— В 1819 г. Жуковский написал целый ряд стих. к фрейлинам Павловска: С. А. Самойловой, Е. И. Шуваловой и др. *Базельский Пиндар* — И.-П. Гебель, родившийся в Базеле. Белым пятистопным ямбом Жуковский перевел его стих. «Деревенский сторож в полночь» и «Тленность».

393. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые с сокр.— *Пр., 1986.* Полностью публикуется впервые. Герой комедии Мольера *«Мещанин во дворянстве»* (1610) Журден расходует свои средства на учителей. С. Ф. *Щедрин* жил в Неаполе на квартире К. Н. Батюшкова. *...начинает*

писать для великого князя...— С. Щедриным был выполнен ряд неаполитанских пейзажей. Здесь речь идет, вероятно, о картинах «Вид на набережную Санта Лючии», «Вид на Неаполь от Капо дель Монте» и «Вид в окрестностях Неаполя». *Сочинения* М. Н. Муравьева ч. I — III), изданные Жуковским, вышли в 1819—1820 гг.

394. *ИРЛИ*, ф. 309, ед. хр. 124. В пересказе известно по письму А. И. Тургенева к И. И. Дмитриеву от 6.I.1820 (*РА*, 1867, № 6). Публикуется впервые. *Кодекс Короля.*— Принявший в 1816 г. титул короля обеих Сицилий Фердинанд I выпустил в 1819 г. Новый свод законов, где окончательно ликвидировались реформы наполеоновского периода. *Академия де ла Круска* — существовала во Флоренции и ставила своей целью борьбу за очищение итальянского языка. *Байрон говорит им об их славе...*— Байрон, живший в те годы в Италии, писал о ее прошлом в поэмах «Жалоба Тассо» (1818), «Пророчество Данте» (1819), стих. «Ода к Венеции» (1818). *Ваши Круски...*— Академия российская. *Уткину государь пожаловал пенсион...*— 1819 г. Н. И. Уткин получил титул гравера Его величества с жалованьем 3000 руб. в год. *Поздравляю его с новым местом...*— В нач. мая 1819 г. Н. И. Тургенев получил место в 3 отделении Министерства финансов.

395. *ГПБ*, ф. 54, ед. хр. 944. Впервые фрагменты — Вологод. губерн. ведомости, 1855, № 42. Полностью *М — III. Переведу к Кавелину* — в пансион при педагогич. институте в Петербурге. Помпей Батюшков находился в Благородном пансионе при Моск. университете. *К Пушкиным...*— Алексею Михайловичу и Елене Григорьевне. *Алеша...*— Шипилов.

396. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *Пр., 1986.*

397. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Публикуется впервые.

398. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Публикуется впервые. *Сестра...*— Александра Николаевна.

399. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 6, копия. Впервые — *М — III.*

400. *ГПБ*, ф. 853, к. 34. Впервые — *РС*, 1810, № 11. *Новым начальником...*— А. Я. Италинским. *Милый малютка.*— П. Н. Батюшков. *Глупая революция...*— Неаполитанская революция вспыхнула в июле 1820 г. По решению конгресса в Лайбахе против восставших неаполитанцев были посланы австрийские войска.

401. *ЦГАОР*, ф. 1019, ед. хр. 13. Публикуется впервые.

402. Впервые — *РС*, 1883, № 8. Письмо написано в связи с публикацией в *СО*, 1821, № 8 стих. П. А. Плетнева «Б...ов из Рима». Напечатанное анонимно, оно воспринималось как принадлежавшее самому Батюшкову. Кроме того, в *СО* Батюшков был назван в числе постоянных сотрудников журнала. В *ГПБ* (ф. 50, ед. хр. 27) сохранился черновик письма в *СО*, датированный 1.VIII. Существенные разночтения этого варианта с окончательным, составленным после встречи с Д. Блудовым, см. ниже. *За копье, которое он преломил...*— В *СО*, 1820, № 36

Блудов выступил с протестом против публикации без согласия автора в № 35 испорченного текста стих. «Надпись для гробницы дочери Малышевой» (см. т. I, с. 415) *Sait de l'homme...* — цит. из IX сатиры Н. Буало. *Греч и Воейков* — были редакторами *СО*. *Музы отвратили от нее лице...* — изм. цит. из перевода Жуковского «Сельское кладбище» (1802). *Мой прадед был не Анакреон...* — Батюшков ссылается на стих. Плетнева «К портрету Батюшкова» (*СО*, 1821, № 24). *Плетаев* — П. А. Плетнев. *Абдерит* — житель Абдеры — города глупцов из романа К.-М. Виланда «История абдеритов». *Пасквин и Морфорий...* — антич. статуя в Риме, к которой прикреплялись сатирич. стихи и эпиграммы. *Кроме эпитафии, без моего позволения помещенной...* — Вместо этих слов в черновике было: «Предоставляю собственной совести наказать гнусного автора, осмелившего приписать мне свое произведение. Не ограничась сим первым опытом злобы, он может приписать мне пасквиль или все, чем только пожелает обременить заочно мое имя, мое единственное добро и до сих пор чистое». *Совершенно и, вероятно, навсегда...* — в черновике нет слова «вероятно». Письмо издателем *СО* напечатано не было.

403. Впервые — *РС*, 1883, № 8. *Книга моя...* — *О* вышли в 1817 г. и с этого времени прошло не шесть лет, а четыре года. *Напечатали... эпитафию...* — см. примеч. к № 402. *От трех русских...* — В круг общения Батюшкова в Теплице входили В. Д. и А. Д. Олсуфьевы, Н. А. и А. Н. Мельгуновы, Н. Г. Геннади и др. Установить точную адресацию этого его упоминания не представляется возможным. *«Надпись к моему портрету»* — стих. П. А. Плетнева «К портрету Батюшкова», *СО*, 1821, № 24, написанное от лица древнегреч. поэтов.

404. *ГПБ*, ф. 125, ед. хр. 328. Впервые — *М — III*, с. 772 без датировки. Мотивировку даты см. примеч. к № 403. *Русская проза...* — Вероятно, речь идет о «Собрании образцовых русских сочинений в прозе» (ч. I — VI, 1815—1817).

405. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Публикуется впервые.

406. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 6, копия. Впервые — *М — III*. *Отправиться во Францию...* — Эта поездка не состоялась.

407. *ЦГАОР*, ф. 1019, ед. хр. 607. Впервые — Трофимов И. Т. Поиски и находки в Московских архивах. М., 1982, с. 67. *Высокий путешественник...* — великий князь Михаил Павлович. *...сестрице...* — Е. Д. Мухановой. *...брату...* — А. Д. Олсуфьеву. *Отдадите... Гнедичу письмо...* — см. № 402.

408. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 6, копия. Впервые — *М — III*. *В существующих обстоятельствах...* — Речь идет о революции в Неаполе.

409. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 6, копия. Публикуется впервые.

410. *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324. Впервые — *Пр., 1986*. *О вступлении Никиты в службу...* — Осенью 1821 г. Н. М. Муравьев после полуторагодовой отставки был вновь принят на службу в генеральный штаб. *Колет...* — куртка, офицерская одежда некоторых конных полков.

П<авла> Л<ьвовича>... с новым званием.— В 1821 г. П. Л. Батюшков был назначен сенатором. *Mon Sosie...*— Вероятно, речь идет о П. А. Плетневе, сочинившем, по мнению Батюшкова, стихи от его имени. *...reconcilier avec son nom...*— Вероятно, Батюшков сопоставляет имя сестры с именем героини «Новой Элоизы» Руссо.

411. *ГИМ*, ф. 381, ед. хр. 34 *. Публикуется впервые по копии *ЦГАОР*, ф. 279, ед. хр. 324.

412. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 6, копия. Впервые — *М — III. Его священная воля...*— повеление Батюшкову числиться на службе, оставаясь в бессрочном отпуске.

413. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 6, копия. Впервые — *М — III. Разрешение...*— вернуться в Россию.

414. *ГБЛ*, ф. 211, к. 3619, ед. хр. I — 2. Впервые — *М — III. Родной брат...*— П. Н. Батюшков. *Андерсон и Моберлей...*— банковская компания.

415. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 29. Впервые — *М — III.* На Кавказе Батюшков был в июне — июле 1823 г.

416. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 29. Впервые — *М — III.*

417. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 29. Впервые — *М — III.*

418. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 29. Публикуется впервые.

419. *ГИМ*, ф. 69, ед. хр. 8 *. Впервые — *М — III.*

420. *ЦГАЛИ*, ф. 135, ед. хр. 1416, копия. Впервые *РА* — 1870, № 11.

421. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 29. Впервые — *М — III.*

422. *ГПБ*, ф. 50, ед. хр. 29. Впервые — *М — III.* Написано, судя по содержанию, во время пребывания Батюшкова в Москве в 1828—1833 гг.

423. Впервые — *М — III.* Черновик письма с незначительными разночтениями — *ЦГАЛИ*, ф. 63, ед. хр. 9. Датировано условно по аналогии со следующим письмом. В Туле Батюшков во время своей болезни не был. *Модест, Елисавета Петровна, Елисавета Григорьевна* — Гревенсы. И. А. *Крылов* — умер в 1844 г. *Подражание Горацию* — см. т. I, с. 424. *Юлия Николаевна* — Батюшкова (Зиновьева).

424. *ГПБ*, ф. 52, ед. хр. 244. Впервые — *М — III.*

425. Впервые — *М — III.* Датировано условно в связи с тем, что в 1850 г. пасха (23.IV) была ближе всего к именинам Батюшкова (21.V).

426. *ИРЛИ*, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 145, копия. Впервые — *РС*, 1883, № 9.

427. *ИРЛИ*, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 244. Впервые — *РС*, 1883, № 9. *У окна вологодской конторы...*— С 1840 г. в доме, где жил Батюшков, размещалась вологодская удельная контора, председателем которой был Г. А. Гревенс. *Старожилов...*— герой очерка Батюшкова «Прогулка в Академию художеств» (см. т. I, с. 75).

Дополнения

Когда основной корпус текстов находился уже в печати, были обнаружены еще два письма, за указание на которые составитель приносит благодарность Н. Н. Зубкову и А. А. Ильину-Томичу. Кроме того, О. А. Проскуриным была выявлена и подготовлена к печати записка Батюшкова А. Е. Измайлову от начала мая 1812 г. (Отдел редкой книги рукописей Научн. библиотеки ЛГУ, док № 204, л. 181 об.) с отказом от членства в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств (ср. № 115).

428. *ЦГАДА*, ф. 274, оп. 1, е. хр. 1801. Публикуется впервые. О пребывании Батюшкова в Швеции см. № 165.

429. *ЦГАЛИ*, ф. 195, е. хр. 2611, л. 183—183 об. Публикуется впервые. О ходе лечения Батюшкова П. А. Скюдери см. № 252—254. *Стихов не упущу с рук...*— Речь идет о стихах Вяземского (ср. № 253).

Именной указатель

Указатель содержит отсылки только к корпусу текстов Батюшкова, включая косвенные упоминания. В указатель не включены имена домовладельцев, рестораторов, крепостных крестьян и др. Имена, не поддающиеся идентификации или идентифицируемые предположительно, отмечены знаком *.

Краткая библиография сочинений К. Н. Батюшкова и литературы о его жизни и творчестве

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ К. Н. БАТЮШКОВА

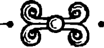
1. Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова, ч. I — II. СПб., 1817.
2. Батюшков К. Сочинения в прозе и стихах, ч. 1—2. СПб., 1834.
3. Сочинения К. Н. Батюшкова. Изд. П. Н. Батюшковым. Со статьею о жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В. И. Саитовым. Т. I—III. СПб., 1885—1887.
4. Батюшков К. Н. Сочинения. Ред., вступ. ст. и коммент. Д. Д. Благого. М.— Л., Academia, 1934.
5. Батюшков К. Н. Стихотворения. Вступ. ст. и общ. ред. Б. Томашевского, подг. текста и коммент. И. Медведевой. Л., Сов. пис., 1936 (Б-ка поэта. М. серия); 2-е изд. Вступ. ст., ред. и коммент. Б. Томашевского. Л., Сов. пис., 1948.
6. Батюшков К. Н. Стихотворения. Вступ. ст., ред. и коммент. Б. С. Мейлаха. Л., Сов. пис., 1941 (Б-ка поэта. Б. серия, 1-е изд.).
7. Батюшков К. Н. Сочинения. Вступ. ст. Л. А. Озерова, подг. текста и коммент. Н. В. Фридмана. М., 1955.
8. Батюшков К. Н. Стихотворения. Вступ. ст., ред. и коммент. Г. П. Макогоненко. Л., 1959 (Б-ка поэта. М. серия, 2-е изд.).
9. Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. Вступит. статья, подг. текста и коммент. Н. В. Фридмана. М.—Л., Сов. пис. (Б-ка поэта. Б. серия, 2-е изд.).
10. Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Вступ. ст., ред. и коммент И. М. Семенко. М., Наука, 1977 (серия «Лит. памятники»).
11. Батюшков К. Н. Сочинения. Вступ. ст. и сост. В. В. Гуры; подг. текста и коммент. В. В. Гуры и В. А. Кошелева. Архангельск, 1979.
12. Батюшков К. Н. Нечто о поэте и поэзии. Сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Кошелева. М., Современник, 1985 (Б-ка любителей российской словесности).

13. Батюшков К. Н. Избранные сочинения. Сост. А. Л. Зорина и А. М. Пескова. Вступ. ст. А. Л. Зорина, коммент. А. Л. Зорина и О. А. Проскурина. М., Правда, 1986.
14. Батюшков К. Н. Избранная проза. Состав, вступ. ст. и коммент. П. Г. Паламарчука. М., Сов. Россия, 1987.
15. Батюшков К. Н. Стихотворения. Состав, вступ. ст. и коммент. И. О. Шайтанова. М., Художественная литература, 1987.
16. Батюшков К. Н. Опыты в стихах. Вступ. ст. и послесловие Е. А. Тоддеса, сост. и коммент. Н. Г. Охотина. М., Книга, 1987.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ К. Н. БАТЮШКОВА

1. Плетнев П. А. Заметка о сочинениях Жуковского и Батюшкова.— Плетнев П. А. Статьи, стихотворения, письма. М., Современник, 1988.
2. Пушкин А. С. Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова.— Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 12. М.—Л., АН СССР, 1949.
3. Белинский В. Г. Сочинения в прозе и стихах Константина Батюшкова 1834 г.; Сочинения Александра Пушкина.— Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13-ти томах. М., 1953—1959, т. 1, 7.
4. Вяземский П. А. К. Н. Батюшков (Письмо к М. П. Погодину о найденных статьях Батюшкова: «Воспоминания мест, сражений и путешествий» и «Воспоминания о Петине»).— Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., Искусство, 1984.
5. Бунаков Н. Ф. К. Н. Батюшков. Критико-биографический очерк.— Москвитянин, 1855, № 23—24.
6. Лонгинов М. Н. Материалы для полного издания сочинений К. Н. Батюшкова. Русский архив, 1863, № 12.
7. Бунаков Н. Ф. Батюшков в Вологде. (Заметки к биографии.) — Русский вестник, 1874, № 8.
8. Грот Я. К. Очерк личности и поэзии Батюшкова.— Сборник Отд. рус. яз. и словесности, 1887, т. XLIII, № 1.
9. Майков Л. Н. Характеристика Батюшкова как поэта.— Сборник Отд. рус. яз. и словесности, 1887, т. XLIII, № 1.
10. Венгеров С. А. Батюшков Константин Николаевич.— Венгеров С. А. Критико-биографический словарь, т. 2. СПб., 1891.
11. Майков Л. Н. Пушкин о Батюшкове.— Майков Л. Н. Историко-литературные очерки. Пб., 1895.
12. Майков Л. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. Пб., 1887; 2-е изд. Пб., 1896.

13. Лернер Н. Затерянная тетрадь стихов Батюшкова.— Русский библиофил, 1916, № 5.
14. Гершензон М. О. Пушкин и Батюшков.— Атеней, кн. 1—2. Пг., 1924.
15. Благой Д. Д. Судьба Батюшкова.— Благой Д. Д. Три века. Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX веков. М., 1933.
16. Комарович В. Пометки Пушкина в «Опытах» Батюшкова.— Литературное наследство, т. 16—18. М.—Л., 1934.
17. Серман И. З. Поэзия К. Н. Батюшкова.— Уч. зап. Ленинградского ун-та, 1939, вып. 3.
18. Верховский Н. П. Батюшков.— История русской литературы, т. V. М.— Л., АН СССР, 1941.
19. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946.
20. Фридман Н. В. Творчество Батюшкова в оценке русской критики 1817—1820-х годов.— Уч. зап. Московского ун-та, 1948, вып. 127, № 3.
21. Алексеев М. П. Несколько новых данных о Пушкине и Батюшкове.— Известия АН СССР, отд. лит. и яз., 1949, т. XIII, вып. 4.
22. Фридман Н. В. Записная книжка Батюшкова «Разные замечания».— Известия АН СССР, отд. лит. и яз., 1955, т. 14, вып. 4.
23. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1964.
24. Фридман Н. В. Проза Батюшкова. М., 1965.
25. Фридман Н. В. К. Батюшков в оценке В. Г. Белинского.— Сб.: К. Н. Батюшков, Ф. Д. Батюшков, А. И. Куприн. Вологда, 1968.
26. Сандомирская В. Б. К. Н. Батюшков.— История русской поэзии, т. I. Л., 1968.
27. Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова. М., 1971.
28. Кошелев В. А. Жуковский и Батюшков.— Русская литература, 1983, № 3.
29. Кошелев В. А. Из литературного наследия К. Н. Батюшкова.— Русская литература, 1986, № 1.
30. Кошелев В. А. Творческий путь К. Н. Батюшкова. Л., 1986.
31. Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., Современник, 1987.
32. Тезисы докладов к научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения К. Н. Батюшкова. Вологда, 1987.
33. Проскурин О. А. Победитель всех Гекторов халдейских.— Вопросы литературы, 1987, № 6.
34. Зубков Н. Н. Опыты на пути к славе.— Зорин А., Немзер А., Зубков Н. Свой подвиг свершив... М., Книга, 1987.
35. Зорин А. Л. Батюшков в 1814—1815 годах.— Известия АН СССР, серия лит. и яз., 1988, № 4.
36. Rossi Varesi Marina. Batjuskov. Un poeta tra Russia e Italia. Padova. 1970.



Содержание

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

ПИСЬМА

Дополнения

Батюшков К. Н.

Б28 Сочинения. В 2-х т. Т. 2: Из записных книжек; Письма./ Сост., подгот. текста, коммент. А. Зорина.— М.: Худож. лит., 1989.— 719 с.

ISBN 5-280-00492-8 (Т. 2)

ISBN 5-280-00490-1

Второй том Сочинений К. Н. Батюшкова включает записные книжки и письма поэта.

Б $\frac{4702010106\text{-}180}{028(01)\text{-}89}$ 2-89 **ББК 84Р1**

Константин Николаевич **БАТЮШКОВ**

СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

Редактор *Н. Гришкина*
Художественный редактор *Г. Масляненко*
Технический редактор *А. Кашафутдинова*
Корректор *М. Чупрова*

ИБ № 5287

Сдано в набор 03.08.88. Подписано к печати 03.04.89. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага кн.-журн. имп. Гарнитура академическая. Печать высокая. Усл. печ. л. 37,8. Усл. кр.-отт. 38,22. Уч.-изд. л. 41,96. Тираж 102 000 экз. Изд. № II-3009. Заказ 1698. Цена 2 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.